

THE STATE HERMITAGE MUSEUM
THE STATE HISTORICAL-ARCHITECTURAL
AND ART MUSEUM-RESERVE «KAZAN KREMLIN»

IBN FADLAN'S JOURNEY:

VOLGA ROUTE FROM BAGHDAD TO BULGHAR

EXHIBITION CATALOGUE

Mardjani Foundation

Moscow
Mardjani Publishing House
2016

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ»

ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА:

ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ ОТ БАГДАДА ДО БУЛГАРА

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ

Фонд Марджани

Москва
Издательский дом Марджани
2016

УДК 913(5)«13»
ББК (Т)63.3(5)
П44

Выставка подготовлена Государственным Эрмитажем совместно с Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Казанский Кремль», центром «Эрмитаж · Казань», Государственным историческим музеем, Государственным музеем Востока, Фондом поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани, Волгоградским областным краеведческим музеем, Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П. В. Алабина, Астраханским объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Государственного Эрмитажа

Каталог выставки в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Казанский Кремль», центр «Эрмитаж · Казань»
Казань, 19 февраля – 18 сентября 2016 г.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

М. Б. Пиотровский, генеральный директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент Российской академии наук, действительный член Российской академии художеств, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук

З. Р. Валеева, директор Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», кандидат философских наук

А. К. Левыкин, директор Государственного исторического музея, кандидат исторических наук

А. В. Седов, директор Государственного Музея Востока, доктор исторических наук

Р. Р. Сулейманов, президент Фонда поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани (Фонд Марджани, Москва)

ISBN 978-5-90371-593-0

И. А. Карева, директор Волгоградского областного краеведческого музея

В. Н. Лисейчев, директор Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина

А. А. Булычев, директор Астраханского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника

Г. В. Вилинбахов, заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа по научной работе, профессор Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, доктор исторических наук

С. Б. Адаксина, заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа, главный хранитель

О. И. Пиульская, руководитель центра «Эрмитаж · Казань» в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Казанский Кремль»

Н. В. Козлова, заведующая Отделом Востока Государственного Эрмитажа

А. Ю. Алексеев, Заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук

В. А. Калинин, заведующий Отделом нумизматики Государственного Эрмитажа

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2016
© Государственный исторический музей, Москва, 2016
© Государственный музей Востока, Москва, 2016
© Фонд Марджани, Москва, 2016
© Волгоградский областной краеведческий музей, Волгоград, 2016
© Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, Самара, 2016
© Астраханский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, Астрахань, 2016
© Издательский дом Марджани, Москва, 2016
© Д. Г. Гаскевич, дизайн, 2016

ИДЕЯ ВЫСТАВКИ

А. Д. Притула

АВТОРЫ КОНЦЕПЦИИ И КУРАТОРЫ:

А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов

АВТОРЫ СТАТЕЙ

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург:
И. Р. Ахмедов, Л. С. Воротинская, Вяч. С. Кулешов,
А. Д. Притула, А. И. Торгоев, А. А. Чижова,
Е. А. Шаблавина

Государственный исторический музей, Москва:
А. А. Кадиева, В. В. Мурашева

Государственный Музей Востока, Москва:
Н. Ю. Вишневская

Волгоградское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВРО ВООПИиК):
Е. В. Круглов

Астраханский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник:
Д. В. Васильев

Казанский государственный институт культуры:
К. А. Руденко

Независимый исследователь:
Е. Г. Некрасова (Ташкент)

АВТОРЫ КАТАЛОЖНЫХ ОПИСАНИЙ

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург:
И. Р. Ахмедов, Л. С. Воротинская, А. А. Иванов,
Вяч. С. Кулешов, А. В. Кулиш, Р. С. Минасян,
А. В. Омельченко, А. Д. Притула, Е. В. Степанова,
А. И. Торгоев, Я. В. Френкель, Е. А. Шаблавина

Государственный исторический музей, Москва:
С. А. Авдусина, С. С. Зозуля, А. А. Кадиева,
С. Ю. Каинов, Г. А. Камелина, Е. Ю. Новикова,
В. В. Мурашева, С. А. Стефутин

Государственный музей Востока, Москва:
Н. Ю. Вишневская

Волгоградский областной краеведческий музей:
А. В. Жадаева, А. В. Кривошеева, Н. В. Хабарова

Волгоградское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВРО ВООПИиК):
Е. В. Круглов

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина:
Д. А. Сташенков

Самарский Государственный Университет:
Н. А. Лифанов

Астраханский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник:
Д. В. Васильев

Институт Искусствознания Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент:
Дж. Я. Ильясов

Ташкентский филиал Института Археологии Академии Наук Республики Узбекистан им. Я. Г. Гулямова:
С. Р. Ильясова

Казанский государственный институт культуры:
К. А. Руденко

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва:
Е. Ю. Гончаров

Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря, Москва:
О. В. Орфинская

Университет Индианы:
М. Грейвз

Независимые исследователи: .
М. К. Басханов, М. Уолтон, Р. Уорд

РАБОЧАЯ ГРУППА

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург:
И. Р. Ахмедов, О .Е. Ильменкова, Н. В. Козлова,
Вяч. С. Кулешов, А. В. Кулиш, А. Ш. Лисицына,
А. В. Соколов, А. И. Торгоев, Е. А. Шаблавина,
М. Е. Шейнова

Государственный исторический музей, Москва:
С. А. Авдусина, С. С. Зозуля, А. А. Кадиева, С. Ю. Каинов,
Г. А. Камелина, Е. Ю. Новикова, В. В. Мурашева,
С. А. Стефутин

Государственный музей Востока, Москва:
Н. Ю. Вишневская

Фонд Марджани, Москва:
Л. Н. Кузягина

Волгоградский областной краеведческий музей:
А. В. Жадаева, Г. А. Ковалева, А. В. Кривошеева,
Н. В. Хабарова
Е. В. Круглов – научный консультант

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина:
А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков

Астраханский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник:
Д. В. Васильев

РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ЭКСПОНАТОВ

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург:
Реставрационная подготовка экспонатов осуществлена под руководством заведующей Отделом научной реставрации и консервации Т. А. Барановой

реставраторами Лаборатории научной реставрации предметов прикладного искусства, зав. Лабораторией А. И. Бантиков, Н. А. Большаковой, Н. В. Борисовой, М. Г. Боровиковой, О. К. Дмитриевой, Е. С. Ктиторовой, Б. А. Кутергиной, К. В. Лавинской, С. В. Мыц, Н. А. Панченко, Н. Л. Павлухиной, А. И. Поздняк, О. Л. Семеновой, О. Ю. Сенаторовой, М. А. Федоровым, Т. В. Шлыковой, О. М. Шуваловой, Н. Б. Янковской

реставраторами Лаборатории научной реставрации памятников из органических материалов, зав. Лабораторией Е. Г. Манькова, Н. А. Васильевой, М. В. Мичри

заведующим Лабораторией научной реставрации драгоценных металлов И. К. Малкиелем

Государственный исторический музей, Москва:
Реставрационная подготовка экспонатов осуществлена под руководством заведующего мастерской реставрации металла ОРФ С. А. Клепикова
реставраторами мастерской реставрации металла ОРФ Е. В. Белькевич, А. М. Гоняной, Е. Ю. Пядуховой

Государственный музей Востока, Москва:
Реставрационная подготовка экспонатов осуществлена реставраторами О. А. Мягковой, Е. Д. Коняевой, Д. А. Ивановым

Фонд Марджани, Москва:
Реставрация текстиля выполнена ЗАО «Феномен» под руководством Н. П. Сеницыной, реставраторами Ю. А. Ворониной, О. В. Орфинской, Е. С. Сеницыной

Реставрация металла осуществлена А. М. Гореликом, **А. Ф. Дубровиным**[ⓘ], Р. А. Мухаметшиным, О. Р. Гасимовым

Реставрация керамики и стекла осуществлена Т. А. Шапошниковой, А. В. Романовой

Волгоградский областной краеведческий музей:
Реставрационная подготовка экспонатов осуществлена реставратором А. Г. Черемушниковым

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина:
Реставрационная подготовка экспонатов осуществлена реставратором К. В. Перцовым

Астраханский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник:
Реставрационная подготовка экспонатов осуществлена реставратором М. В. Головачёвым

ДИЗАЙН ВЫСТАВКИ

А. Ш. Миннекаев, при участии А. В. Кулиша

МОНТАЖ ЭКСПОЗИЦИИ

Р. А. Ибрагимов

КАРТА

А. А. Астайкин

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ

И. Р. Ахмедов, А. А. Беговаткин, Д. Ю. Ефремова, Э. Д. Зиливинская, А. А. Кадиева, С. Ю. Каинов, А. А. Красноперов, А. П. Мошинский, Е. Г. Некрасова, А. В. Омельченко, И. Н. Парусимов, К. А. Руденко Р. М. Солопов, А. И. Торгоев

В оформлении выставки использованы фотографии из фотоархива ИИМК РАН, и из личных архивов Н. Ю. Вишневской и Е. Г. Некрасовой

ФОТОСЪЕМКА

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург:
Д. А. Боброва, Ю. А. Молодковец, С. В. Покровский, И. Э. Регентова, Д. В. Сироткин, С. В. Суетова, А. В. Теребенин, В. С. Теребенин.

Фонд Марджани, Москва:
Г. Г. Сапожников, Н. В. Царев

Государственный исторический музей, Москва:
И. А. Седеньков, С. А. Авдусина

Государственный музей Востока, Москва:
Э. Т. Базилия, Е. И. Желтов, О. А. Сухарева

ДИЗАЙН КАТАЛОГА

Д. Г. Гаскевич

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Н. Минниханов

Приветственное слово 9

М. Б. Пиотровский
Мир Ахмада ибн Фадлана 11

А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов
Предисловие составителей 14

[Ахмад ибн Фадлан] Книга Ахмада ибн Фадлана
Перевод с арабского и примечания
Вяч. С. Кулешова 18

Вяч. С. Кулешов
«Книга» Ахмада ибн Фадлана как литературный памятник и исторический источник 48

А. Д. Притула
Исламский Ближний Восток в эпоху Ибн Фадлана: общая картина 56

Каталог 60

А. Д. Притула, А. И. Торгоев
Хорасан и Мавераннахр при Саманидах и последующих тюркских династиях 70

Каталог 78

Е. Г. Некрасова, А. И. Торгоев
Бухара и бухарский оазис в эпоху Ибн Фадлана . . 138

Каталог 148

Н. Ю. Вишневская
Хорезм во времена Ибн Фадлана 156

Каталог 164

Е. В. Круглов
Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана 186

Каталог 194

Е. В. Круглов
Хазарский каганат в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана 226

Каталог 236

А. А. Чижова, А. А. Кадиева
Аланские племена Северного Кавказа 274

Каталог 282

А. И. Торгоев
Венгры на Северном Кавказе? 310

Каталог 314

К. А. Руденко
Великая Венгрия и Леведия: Венгры в Хазарии . . 334

Каталог 338

Е. А. Шаблавина
В загадочной стране Вису: население Пермского Предуралья и меховая торговля в раннем средневековье 348

Каталог 352

К. А. Руденко
Культура Волжской Булгарии в отражении памятников ювелирного искусства 388

Каталог 394

Д. В. Васильев
Городская культура дельты Волги в предмонгольское время 416

Каталог 420

И. Р. Ахмедов
Мордва: между Хазарским кагантом, Волжской Булагрией и Русью 430

Каталог 440

И. Р. Ахмедов, Л. С. Воротинская
Славянское население междуречья Днепра и Дона в последние столетия I тыс. н. э. 462

Каталог 466

В. В. Мурашева
«Я видел Русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл» 474

Каталог 480

Вяч. С. Кулешов
Эпоха Ибн Фадлана в памятниках нумизматики . . 512

Каталог 518

Список сокращений 542

Литература 542

Дорогие друзья!

Рад приветствовать вас на открытии грандиозного выставочного проекта Государственного Эрмитажа «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара».

Государственный Эрмитаж постоянно предоставляет жителям и гостям нашей республики возможность прикоснуться к сокровищам мировой культуры, неразрывно связанным с историей, традициями и повседневной жизнью народов разных эпох. Каждая его экспозиция становится масштабным проектом не только для Татарстана, но и для России.

Выставка «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» демонстрирует сложнейшие этапы развития цивилизаций и культуры народов средневековых государств – Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Древней Руси с сохранением характерных национальных и территориальных особенностей.

Уверен, что выставка вызовет интерес к изучению отечественной истории, уникальному духовному и культурному наследию, будет способствовать познанию мудрых уроков прошлого и утверждению исторической правды.

Р. Н. Минниханов
Президент Республики Татарстан

A handwritten signature in black ink, consisting of a stylized, cursive letter 'R' followed by a short horizontal line and a small flourish at the end.

МИР АХМАДА ИБН ФАДЛАНА

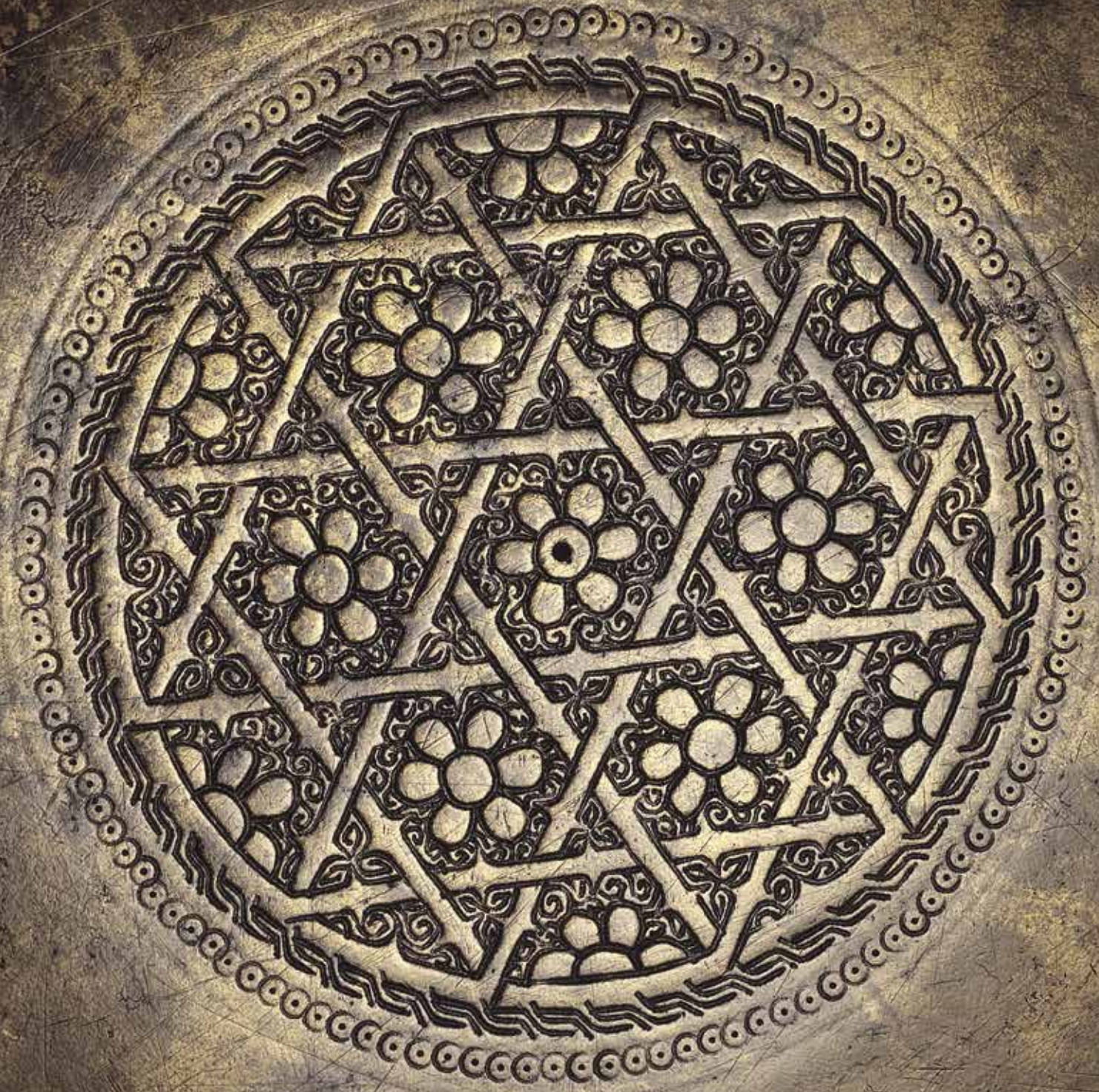
Ахмад ибн Фадлан был вторым лицом посольства, которое аббасидский халиф ал-Муктадир направил в 921–922 годах на Волгу к царю Булгара. Посольство вело переговоры о торговых связях и о помощи Багдада в строительстве крепости. Ибн Фадлан консультировал царя страны, где недавно приняли ислам, по вопросам правильного отправления религиозного культа. Именно он составил «Записку» (или «Книгу») – отчет об этой «командировке». Один из его вариантов был довольно широко известен и использовался арабскими географами Средневековья как редкий источник сведений о народах, живших, условно говоря, к северу от стандартных территорий мусульманского мира.

Ибн Фадлана обильно цитировал, одновременно и критикуя, знаменитый автор огромной географической энциклопедии Йакут ал-Хамави. С детального изучения цитат из Ибн Фадлана началась, по существу, российская арабистика, увлеченная сбором того, что рассказывали представители высокой мусульманской культуры о нашей земле. Классическим образцами анализа источников и сегодня являются труды Х. Френа и В. Розена. К толкованиям текстов Ибн Фадлана оказались причастны и переводчик Корана Г. Саблуков, и востоковед-литератор О. Сенковский, и знаменитый археолог А. Спицын.

Рассказ и сам факт посольства были удивительно интересны и своим содержанием, и своими загадками. Споры о том, кем были русы Ибн Фадлана и какие такие «коробочки» носили на груди их женщины, идут и по сей день. Картина Г. Семирадского «Похороны знатного руса» украшает Государственный Исторический музей. Голливуд снял о путешествии Ибн Фадлана фильм. Идут споры о том, кого именно под тем

или иным термином имел в виду автор, от какой даты считать принятие ислама в России. Ибн Фадлан оказывается важным аргументом в популярных дискуссиях о том, кто древнее и кто важнее. Это все придает академическим научным исследованиям определенную драматичность. Ей соответствует и драматическая история рукописи. Долго мы знали только фрагменты сочинения, и их богатство рождало мечты о полном тексте. А он (не совсем, конечно, полный) веками лежал в Библиотеке при святыне Имама Резы в Мешхеде в составе специального сборника географических сочинений. Его последовательно держали в руках легендарные ученые, прославившиеся волшебным умением находить рукописные сокровища. Его, кажется, видел в 1919 году В. Иванов, создатель знаменитой «Бухарской коллекции» Института восточных рукописей в Петербурге. Иванов стал потом крупнейшим специалистом по истории исмаилизма и видным деятелем этого экзотического направления в исламе. По-настоящему рукопись опознал и описал в 1923 году А. Валидов (А. Валиди Тоган) – другой востоковед с волшебным чутьем на редкие рукописи. Блестящий ученый, он прославился серьезным изданием текста Ибн Фадлана. Вне науки он прославился еще больше как яркая и спорная политическая фигура – активный участник революции и контрреволюции в Поволжье, один из лидеров пантюркистского движения, видный просветитель и политический агитатор, одна из самых знаковых фигур в истории башкир.

В 1935 году правительство Ирана подарило Академии наук СССР фотокопию уже ставшей знаменитой Мешхедской рукописи. По инициативе великого арабиста И. Крачковского перевод подготовил ученый уже следующего

поколения А. Ковалевский. Этот перевод с множеством комментариев и фотокопией текста вышел в свет в 1939 году. На титуле нет имени автора, а есть только указание, что перевод и комментарии выполнены под редакцией академика И. Ю. Крачковского. Ковалевский был к этому времени репрессирован и работал на строительстве железной дороги в Коми. Судьба автора, которого И. Крачковский не сумел выручить, была всем понятна, но его труд, вопреки обычаю, все-таки был издан. Этот драматический поворот лишний раз подчеркивает огромное значение сочинения для отечественной истории. Когда А. Ковалевский вернулся, он опубликовал в 1956 году еще одно более пространное издание перевода с множеством новых замечаний и комментариев. На протяжении многих десятилетий текст Ибн Фадлана был предметом многочисленных комментариев и дискуссий ученых в России и за рубежом. Состоялось немало острых публицистических дискуссий и споров, стимулированных ростом национальных культур народов Поволжья и Урала и многочисленными археологическими находками, которые всегда так хочется однозначно приписать к письменным источникам.

Изучение продолжается. Его новым этапом и особой формой является представляемый нами огромный коллективный и мультидисциплинарный труд, являющийся, на мой взгляд, инновационной формой современного исторического исследования. В основе лежат подлинные вещи, представляющие культуру и искусство всего ареала обитания народов, о которых так или иначе рассказал Ибн Фадлан. Письменные данные привязываются к археологическим культурам и памятникам, пусть иногда и спорно. Вызов на открытый спор – важная функция выставки и каталога. Новейшие исследования археологов и искусствоведов, текстологов и нумизматов представлены подробно и наглядно. Впервые зритель-читатель может увидеть и почти ощутить то, о чем собственно идет речь, что видели Ибн Фадлан и его современники. Для выставки выполнен новый перевод «Записки». Его несколько облегченный стиль и некоторые нестандартные, но как бы подчеркнута современные формулировки делают его хорошим подспорьем для понимания мате-

риала. Он легко читается и хорошо сливается с другими текстами каталога. Такая современная дискурсивная и осязаемая форма рассказа об Ибн Фадлане и его мире является сознательным и удачным продолжением выставки «Путешествия Ибн Баттуты», прошедшей в 2015 году в Государственном Эрмитаже.

Выставку и книгу отличает прекрасное взаимодействие различных научных институтов: Государственный Эрмитаж и Центр Эрмитаж-Казань, Государственный исторический музей, Государственный музей Востока, Волгоградский областной краеведческий музей, Самарский областной историко-краеведческий музей, Астраханский областной историко-архитектурный музей-заповедник, и особенно – Фонд Марджани, относительно молодая институция, уже хорошо зарекомендовавшая себя и как блестящий собирательский и исследовательский центр и как организатор выставок. Такой комплекс сотрудничества тоже является инновационным. Но самым главным новшеством оказывается огромное количество изумительных вещей, публикуемых впервые. Среди них немало шедевров. Потому статьи-комментарии часто очень подробны, что стало еще одной важной стилистической особенностью этого проекта. Посетитель не сможет спокойно пройти мимо блюда с «венгерским всадником», мимо болгарских перстней, пермских подвесок, аланских поясов.

На многие вопросы, существующие вокруг путешествия Ибн Фадлана, выставка не даст ответа. Однако она представляет новый уровень научных фактов и новый уровень дискуссии. Перед нами широкая картина мира, который был для халифата северным торговым соседом. Одновременно он и сам был особым миром со своими крупными политическими объединениями, торговыми связями, религиозными верованиями и магическими практиками. Многие из них теперь хорошо известны нам благодаря археологическим раскопкам. Ареал представленных на выставке культур несколько шире, чем в тексте Ибн Фадлана, но он показывает весь этот особый мир в его разнообразии и единстве. Булгары, хазары, башкиры, гуззы, аланы, русы, венгры и многие, многие другие. Разные этнонимы и разные способы их употребления, множество имен

и титулов, которые постепенно становятся понятными. Обилие деталей торговли, столь важной для приезжих. Тонкости придворного протокола, особенности освоения исламского ритуала и так далее...

На мой взгляд, символом всего этого мира Ибн Фадлана являются серебряные дирхамы. Они были основой торговли всех этих стран с халифатом и между собой. Серебро было главным символом богатства и средством обмена. Монеты были знаком надежности и суверенитета. И потому по всему этому миру мы находим аббасидские и саманидские дирхамы и подражания им – болгарские, хазарские, русские. Ибн Фадлан с увлечением описывает разные виды монет, сплавы, употреблявшиеся для их изготовления, рубленные и полноценные монеты. Они интересны и ему, и современным исследователям в равной степени. Серебряные дирхамы были, однако, и символами распространения ислама. С ними во всех углах этого северного мира оказывались священные и магические формулы ислама, важнейшие цитаты из Корана. Узнаваемый шрифт напоминал о вере, кому – своей, кому – чужой. Все смыслы халифского посольства символически объединяются в представленных на выставке монетах. И потому для меня центральным на экспозиции оказывается болгарский дирхам с упоминанием той самой формулы величия болгарского правителя – *ал-амир йалтавар*, – который приводит Ибн Фадлан. Не так много есть на свете таких материальных подтверждений древних текстов.

«Записка» Ибн Фадлана – яркий памятник арабской географической литературы, которая, в свою очередь, была очень характерным элементом арабо-мусульманской культуры. Торговые интересы и культурное любопытство сочетались в этой литературе, делая ее полезной и занимательной одновременно. Писавший всегда имел в виду читателя, открытого для самых удивительных рассказов о самых удивительных народах и обычаях. Ибн Фадлан следовал этой традиции и тщательно собирал собственные наблюдения и рассказы путешественников обо всем причудливом и необыкновенном, попадавшемся ему на пути. Одновременно он фиксировал множество деталей, важных для практики и для тех, кто послал его

в северные страны. Задачей Ибн Фадлана было выправить обычаи и ритуал новообращенных мусульман, что он и делал с переменным успехом. Внимание, порой преувеличенное, привлекали вещи, важные для ритуала. Проблема выбора времени для пяти ежедневных молитв лежит в основе его рассказов о долготе дня и ночи в северных областях. Повышенный интерес к мытью и чистоте чужих народов объясняется, в частности, и важным для ислама принципом омовения перед молитвой.

Следует он и другой традиции арабской литературы о путешествиях. Было принято сочетать объективный обзор достоинств любого места с разными рассказами о его недостатках, со всякими «гадостями» в обычаях его жителей. Это может раздражать сейчас, но было интересно средневековому читателю. Часто описанные ужасы находят себе вполне спокойное реальное объяснение. Предвзятость автора не стоит осуждать, интереснее понять ее причины. На самом деле рассказ Ибн Фадлана – это история диалога мусульманской культуры с культурами мира, где ислам начал находить себе сторонников и где рядом вербовали себе новых приверженцев иудаизма и христианство.

Мы восстанавливаем по крупицам интереснейший мир в его политической торговой и культурной динамике.

Ибн Фадлан сумел эту динамику передать не только фактами, но и самим стилем своего рассказа. Он очень информативен, но одновременно – увлекателен и драматичен. И потому он и сегодня интересен и ученым, и широкой публике.

Я очень рассчитываю на то, что и наша выставка отличается сочетанием учености, фактической осязаемости и увлекательного драматизма. Замечательная история «Записки» Ибн Фадлана продолжается.

М. Б. Пиотровский
Директор Государственного Эрмитажа
25.01.2016

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

«Это Книга Ахмада ибн Фадлана ибн ал-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, клиента Мухаммада ибн Сулаймана, посла ал-Муктадира к царю славян, в которой он сообщает о том, что он сам видел в стране турок, хазар, русов, славян, башкир и других (народов), по части различий их вероучений, истории их царей, положения многих из их дел».

[Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 121].

Приведенное выше вступление к книге Ибн Фадлана и стало тем импульсом, благодаря которому возник замысел выставки «Путешествие Ибн Фадлана». Драгоценные свидетельства очевидца уже давно стали хрестоматийными для изучения раннесредневековой истории Средней Азии и Восточной Европы, а накопление археологических данных постоянно вызывает необходимость обращаться к этому источнику. Посольство, в котором принимал участие Ахмад ибн Фадлан, сыграло посредническую роль между миром арабской цивилизации и народами Восточной Европы в эпоху становления средневековых государств. Сочинение Ибн Фадлана ценно в частности тем, что выполнено в жанре путевых заметок и дает нам подробное описание не только географических реалий, но и этнографических особенностей народов, с которыми столкнулись участники посольства, а иногда показывает и эмоциональные оттенки восприятия образованным арабом тех или иных обычаев, поступков, даже нюансов психологии.

Подробность и точность этнографического описания народов на участке пути от Бухары до Булгара были одной из важнейших черт этого источника для современников Ибн Фадлана, такими они остаются и для нас. В сочинении зафиксирована политическая ситуация 1-й четверти X в., которая характеризовалась

угасанием влияния Хазарии и формированием Волжской Булгарии и Древнерусского государства. Именно тогда были заложены основы политического устройства Восточной Европы в домонгольское время, того взаимодействия и противостояния Киевской Руси и Волжской Булгарии, в которое были вовлечены и другие народы.

Задача выставки – показать мир эпохи Ибн Фадлана, точнее, разные миры, через которые пролегал его путь, в их взаимодействии друг с другом; показать культуры народов этого времени, не только непосредственно описанных Ибн Фадланом, но и других – связанных с Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и Древней Русью; наконец, показать развитие во времени государств, торговли, культурных взаимодействий домонгольской эпохи, представить культуры степных народов и населения лесной зоны в развитии, на которое оказывали сильное влияние культурные и политические импульсы раннесредневековых государств.

Именно поэтому географические рамки выставки не ограничены теми странами, которые посетил Ибн Фадлан. По той же причине существенно расширены и хронологические рамки.

Такой подход в определенной степени облегчил задачу авторского коллектива: в силу характера археологических источников, сте-

пени исследованности различных регионов Восточной Европы и особенностей формирования музейных коллекций, не все народы могут быть представлены синхронными путешествию находками.

Для более полной характеристики облика культуры народов привлечены не только предметы декоративно-прикладного искусства, украшения, оружие, принадлежности конского убора, но и характерные для того или иного народа детали костюмных комплексов и бытовая утварь. Это позволяет наглядно сравнить степень развития технологий и хозяйственного уклада на разных территориях.

Так, в Средней Азии X в. при Саманидах наблюдается расцвет декоративно-прикладного искусства, о чем свидетельствуют многочисленные находки, тогда как для Волжской Булгарии развитие этого производства только начиналось, еще закладывались основы для болгарских стилей и школ. В XII в. ситуация стала диаметрально противоположной: в Средней Азии начался кризис социального устройства, отразившийся в искусстве, а культура Волжской Булгарии переживала несомненный расцвет, мощная инерция которого продолжилась уже в искусстве Золотой Орды.

Особое место в экспозиции занимают древности Хазарии и народов, входивших в сферу ее влияния. Хазария, будучи противником Халифата в войнах, чрезвычайно интересовала Ибн Фадлана, видимо, он специально собирал сведения о ней. Интересовали его и конфессиональные вопросы, ведь, в отличие от принявшей ислам знати Булгарии, верхушка Хазарии исповедовала иудаизм. Ибн Фадлан с нескрываемым неудовольствием сообщает о гонениях на мусульман в городе царя хазар [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 86].

В 965 г. под ударами древнерусских войск Святослава Хазарский каганат гибнет, однако его культурные традиции получили развитие в прикладном искусстве народов, некогда подвластных хазарам.

Очень ярко, например, симбиоз местной и хазарской культур выразился у алан Северного Кавказа. Они составляли значительную часть населения государства и на Северном Кавказе и, как считает часть отечественных исследователей, на северных рубежах – в ле-

степных районах Подонья. Именно аланы транслировали хазарское влияние на славян и поволжских финнов в сопредельных регионах.

На алано-хазарском симбиозе сформировалось своеобразное искусство Кавказской Алании X–XII вв. Оно воплотилось в особом стиле декора, образцы которого можно видеть на оружии и снаряжении всадника и коня, представленных на выставке.

«Эпоха Ибн Фадлана» – это еще и начало длительного периода борьбы между Волжской Булгарией и Киевской Русью за обладание западной частью Среднего Поволжья, продолжавшегося вплоть до монгольского вторжения. В этих событиях принимали активное участие поволжские финны, в первую очередь мордва, культура которых также отражена на выставке.

Мы попытались показать и значение торговых путей этого времени. Проложенный Ибн Фадланом путь, в сущности, является одним из маршрутов сети трансконтинентальных дорог, сформировавшихся еще в эпоху расцвета «Великого шелкового пути». Маршрут из Ирана в Туран и далее через плато Устюрт к Уралу, а оттуда на Волгу сложился еще до путешествия Ибн Фадлана и действует, по сути своей, до сих пор. Фактически от Джурджании – Куны Ургенча начинался участок, ведущий на Волгу и Южный Урал, поэтому его можно с известной долей условности называть «Волжским сухопутным путем». Связь Хазарии с Волжской Булгарией, с Хорезмом, а через него с Мавераннахром и Хорасаном в целом подтверждается и другими источниками: в письме хазарского царя Иосифа говорится о том, что границы Хазарии простираются до Хорезма. Туда же бежит часть разбитых Святославом хазар. Хорезмийцы активно торговали с Волжской Булгарией, Ибн Фадлан упоминает об их присутствии в стане царя Алмышы.

Ибн Фадлан сообщает также о стране Вису, находящейся в тридцати днях пути к северу от ставки Алмышы, откуда привозят соболей и черных лисиц. Эта загадочная страна, которой так интересовались арабские географы, находилась в Верхнем Прикамье. Торговля Севера с Югом в X в. проходила в основном под девизом «серебро за меха». Меха, столь

популярные у аристократии восточных стран, приносили большие прибыли в серебре, которое высоко ценилось у северных народов [Маршак 2006. С. 72].

По маршруту Ибн Фадлана и до и после него двигались не только товары, материальные ценности, но и идеи, литературно-эпические сюжеты и сказки. Декоративное искусство восточных народов обогатило культуры финно-угорских народов, которые стали копировать восточные сюжеты и изображения в местных изделиях, но смысл им придавали уже иной.

Другими ответвлениями трансконтинентальной сети дорог в X в. становятся локальные и межрегиональные пути. Так, путь в Верхнее Прикамье и Зауралье в этом контексте может считаться локальным, в этом направлении осуществлялось взаимодействие Волжской Булгарии и пермского мира. Водные пути – вверх по Волге, далее на Верхнюю Волгу и по Оке, а также реконструируемый сухопутный торговый путь из Булгар в Киев, проходивший по северной кромке лесостепной зоны днепровско-волжского междуречья, играли роль межрегиональных артерий. Именно они соединяли в одну торговую систему два пути: «волжский путь» и балтийско-черноморский «днепровский путь» – т. н. путь из варяг в греки.

Мы полагаем, что такой подход к реализации выставочного проекта «Путешествие Ибн Фадлана» позволит представить посетителю все многообразие и сложность процессов начала истории нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, которые нашли отражение и в тексте сочинения. Мы надеемся, что выставка «Путешествие Ибн Фадлана» станет не только «исторической иллюстрацией» но и вызовет интерес к изучению отечественной истории, истоков религий народов России, культурных традиций, что представляется особенно важным в непростой современной ситуации.

Каталог выставки организован по географо-хронологическому принципу: внутри разделов, посвященных культурам отдельных историко-географических областей, экспонаты организованы в хронологическом порядке. В разделах, посвященных культурам земледельческих народов Ближне-

го и Среднего Востока, соблюдается принцип организации экспонатов по материалу: сперва художественный металл, далее расписная глазурованная керамика, предметы из стекла, и только потом детали костюмных комплексов и украшения. В разделах же, посвященных культурам кочевников и народов лесной и лесостепной зон, материал организован по комплексам погребений или кладов, расставленных в хронологическом порядке, при этом сначала идут костюмные комплексы, потом вооружение и в конце бытовые предметы.

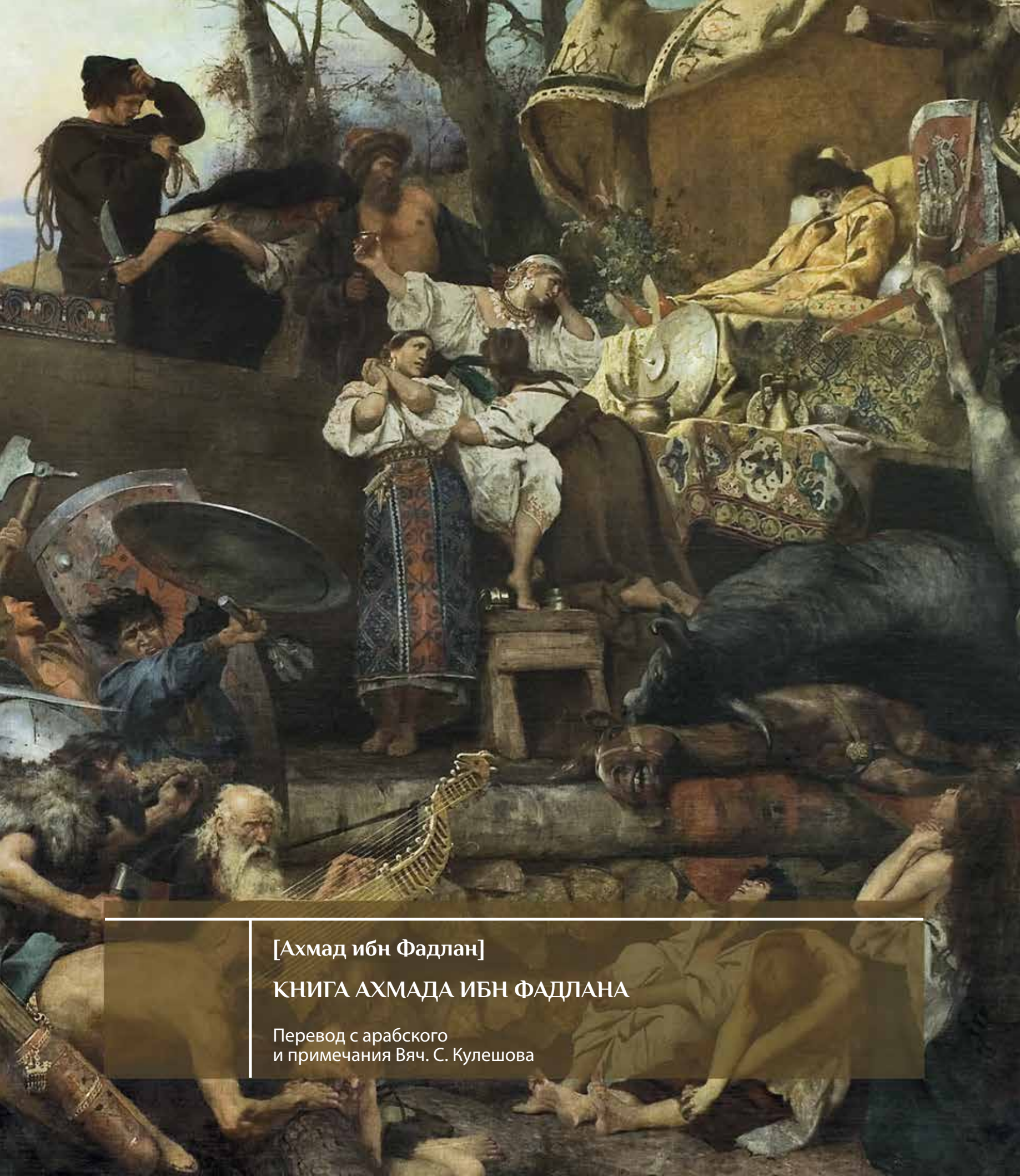
В заключение надо отметить, что во вступительных статьях каталога мы стремились отразить современную ситуацию изучения «эпохи Ибн Фадлана» в тех регионах Старого Света, культуры народов которого представлены на выставке. В ряде каталожных описаний, особенно экспонатов, публикуемых впервые, содержится информация, ориентированная на специалистов-археологов, однако она кажется небесполезной и для всех интересующихся историей материальной культуры.

А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов

КАРТА ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН ФАДЛАНА

[Ахмад ибн Фадлан]

КНИГА АХМАДА ИБН ФАДЛАНА

Перевод с арабского
и примечания Вяч. С. Кулешова

Содержание

Предисловие составителя сборника
«Ахбар ал-булдан»

1. Письмо Алмыша. Состав и организация посольства
2. Путь от Мадинат ас-Салама до Бухары
3. В Бухаре
4. Хитрость ал-Фадла ибн Мусы ан-Насрани
5. Путь от Бухары до Хорезма (начало)
  - A. Денежное обращение Бухары
5. Путь от Бухары до Хорезма (окончание)
6. В Хорезме
7. В ал-Джурджании (начало)
  - A. Денежное обращение и чудеса Хорезма
7. В ал-Джурджании (продолжение)
- С. Обычаи хорезмийцев
7. В ал-Джурджании (окончание)
- D. Чудеса зимней ал-Джурджании
8. Отъезд из ал-Джурджании. Организация каравана
9. Путь от ал-Джурджании до гуззов
  - A. Обычаи гуззов
  - B. Обычаи торговли с гуззами
  - C. Рассказ об увлечении хорезмийского купца
10. У гуззов. Йынал ас-Сагир
11. У гуззов. Противник Кюзергина
- Н. Обычаи гуззов касательно болезни, смерти и ухода за бородой
- J. Сведения о правителях гуззов
12. У гуззов. Этрек ибн Эль-Катган
13. Путь от гуззов до печенегов
- К. Сведения о печенегах, их бедность по сравнению с богатством гуззов
14. Путь от печенегов к уграм

- L. Фтейрофагия и верования угров
15. Путь от угров до страны булгар
16. Прибытие в ставку Алмыша. Чтение писем и вручение даров
17. Торжественный обед в царской юрте
18. Новая хутба и новое имя Алмыша
19. Разногласия по поводу четырех тысяч дирхамов
20. Спор по поводу икамы
  - A. Чудеса страны булгар: небесные сполохи
  - N. Чудеса страны булгар: короткие ночи
  - O. Чудеса страны булгар: вой собак и змеи
  - P. Чудеса страны булгар: ягоды, яблоки, орехи, древесный сок
  - Q. Обычаи булгар
  - R. Два эпизода принятия ислама в стране булгар
21. Ставка Алмыша и волжское торжище
  - A. Рассказ о волжском великане
  - Sa. Начальное обрамление
  - Sb. Алмыш рассказывает историю великана
  - Sc. Алмыш цитирует письмо из страны Вису
  - Sd. Конечное обрамление
22. Переезд ставки на реку Джаушыр
- T. Рассказ о носороге
- U. Обычаи булгар касательно болезни и смерти
- V. Сведения о царе булгар
23. Что важнее: крепость или благословенные монеты?
- W. Обычаи русов
24. Погребение знатного руса
- X. Царь русов
- Y. Царь хазар

Г. И. Семирадский
Похороны знатного руса
в Булгаре. 1883 г.
Деталь
Государственный истори-
ческий музей

Предисловие составителя сборника «Ахбар ал-булдан»

Это книга Ахмада ибн Фадлана ибн ал-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, клиента¹ повелителя верующих и клиента Мухаммада ибн Сулаймана ал-Хашими², посланника³ ал-Муктадир би-ллаха⁴ к царю болгар⁵, в которой он рассказывает о том, чему был свидетелем в стране тюрок, хазар, русов, болгар⁶, угров⁷ и других [народов] и [приводит] различия в их верованиях, рассказы об их царях и расклады во всех их делах.

1. Письмо Алмыша. Состав и организация посольства

Сказал Ахмад ибн Фадлан:

1.1. Когда прибыло письмо Алмыша ибн Шельги Йельтаваара⁸, царя болгар, к повелителю верующих ал-Муктадиру, в котором он просит прислать к нему кого-нибудь, кто наставлял бы его в Вере, научил бы его законам Ислама, построил бы для него мечеть и воз-

двиг бы для него минбар, дабы провозглашать на нем пятничную молитву от имени [повелителя верующих] в [собственной] стране [Алмыша] и во всем его государстве, а также просит построить крепость, в которой он мог бы укрепиться против [соседних] соперничающих с ним царей, было дано согласие на все то, о чем он просил.

1.2. Послом⁹ к [Алмышу был назначен] Назир ал-Харами¹⁰, а я был уполномочен зачитать [адресованное] ему письмо, передать отправленные ему [дары] и осуществить надзор над правоведами и преподавателями. [Назир] была выделена денежная сумма, которую следовало доставить [Алмышу] для постройки того, о чем мы рассказали, и для выплаты жалованья правоведам и преподавателям. [Выдача этой суммы была возложена на] поместье, называющееся Арсахушмайсан¹¹, в земле Хорезма, [являющееся] одним из земельных владений Ибн ал-Фурата¹².

1.3. Посланником¹³ к ал-Муктадиру от правителя болгар¹⁴ был человек, которого звали Абдаллах ибн Йаштава¹⁵ ал-Хазари¹⁶. Посланниками¹⁷ со стороны государя¹⁸ были Саусан

си и словоупотребления Йакута. *Алмыш* < тюрк. *almiṣ 'взявший' (возможно, сокращение от *äl-almiṣ 'взявший [управление своим] народом'), отчество Ибн Шельги (араб. Ш. л. к. ü < тюрк. **sälgi?*) реконструируется предположительно, араб. ü. л. т. вар (у Йакута чтение с одной точкой под первым зубцом, т. е. ба вместо üa: бл. т. вар) < тюрк. **(j)ältäbär* (на основании формы Ибн Фадлана можно говорить о волжско-булг. *jäl-taḅar) 'эльтебер' – титул правителя, рангом ниже кагана.

⁹ В оригинале употреблено слово *сафир*.

¹⁰ Аббасидский политический деятель, министр внутренних покоев халифского дворца, евнух.

¹¹ В Мешхедской рукописи: *Арс.х.шм.с.ün*, но ввиду этимологии последней части этого топонима (хорезм. и согд. *tēḅan 'поселение' < праиран. **taivana-*), следует усматривать здесь ошибку постановки точек и реконструировать чтение *Арс.х.шм.с.н*.

¹² Абу-л-Хасан Али ибн ал-Фурат, виднейший представитель торгово-финансовой элиты Аббасидского халифата, вазир халифа ал-Муктадира в 908–912, 917–918 и 923–924 гг.

¹³ В оригинале употреблено слово *расул*.

¹⁴ В оригинале *сахиб ас-сакалиба*.

¹⁵ В Мешхедской рукописи и у Йакута *Баш.т.ва*, но реконструирую это чтение *Йаш.т.ва* (с двумя точками под первым зубцом вместо одной) в соответствии с предполагаемой тюркской этимологией этого имени: *jās-tāwä 'молодой верблюд'.

¹⁶ Т. е. 'хазарин'.

¹⁷ Читаю во множественном числе (*русул*) ввиду перечисления далее трех лиц.

¹⁸ Здесь и далее в тексте: *ас-султан*.

ар-Расси¹⁹, клиент Назира ал-Харами, Тегин²⁰ ат-Турки²¹, Барс²² ас-Сиклаби²³ и я вместе с ними. Как я уже сообщил, я доставил дары [Алмышу], его жене, его сыновьям, его братьям, его военачальникам и лекарства, которые тот просил в [своем] письме к Назиру.

2. Путь от Мадинат ас-Салама до Бухары

2.1. Мы выехали из Города Мира²⁴ в пятницу, по прошествии одиннадцати ночей сафара триста девятого года²⁵. Мы остановились в ан-Нахраване²⁶ на один день. Мы ехали быстро, пока не прибыли в ад-Даскару²⁷. Мы остановились в ней на три дня.

2.2. Затем мы ехали стремительно, никуда не поворачивая, пока не приехали в Хулван²⁸. Мы остановились в нем на два дня и выехали из него в Кирмисин²⁹. Мы остановились в нем на два дня.

2.3. Затем мы выехали и ехали, пока не достигли Хамадана³⁰. Мы остановились в нем на три дня.

2.4. Затем мы ехали, пока не прибыли в Саву³¹. Мы остановились в ней на два дня.

Из нее [мы поехали] в ар-Райй³². Мы остановились в нем на одиннадцать дней, ожидая [прибытия] Ахмада ибн Али, брата Сулука³³, потому что он был в Хувар ар-Раййе³⁴.

2.5. Затем мы выехали в Хувар ар-Райй и остановились в нем на три дня.

2.6. Затем мы отправились в Симнан³⁵, потом из него в ад-Дамиган³⁶, в котором мы случайно наткнулись на Ибн Карина³⁷, одного из сторонников ад-Даи³⁸. Мы спрятались в караване и двигались стремительно, пока не прибыли в Найсабур³⁹. Лайла ибн Нуман⁴⁰ был уже убит, но мы застали в [Найсабуре] Хамавайха Кусу⁴¹, военачальника Хорасана.

2.7. Затем мы выехали в Сарахс⁴², затем из [Сарахса] в Мерв⁴³, затем из [Мерва] в Кушмахан⁴⁴, а это – граница пустыни Амула⁴⁵. Мы остановились в нем на три дня, чтобы дать верблюдам отдохнуть перед вхождением в пустыню.

2.8. Затем мы пересекли пустыню до Амула⁴⁶.

2.9. Затем мы переправились через Джайхун⁴⁷ и прибыли в Афарбар, рабат⁴⁸ Тахира ибн Али⁴⁹.

2.10. Затем мы выехали в Байканд⁵⁰.

2.11. Затем мы вошли в Бухару.

¹⁹ Судя по его имени (букв. 'Белая лилия'), раб или клиент халифа ал-Муктадира, должностное лицо в канцелярии министра Назира ал-Харами. Его нисбу (*ар-Расси*) связывают с арабским обозначением реки Аракс (*ар-Расс*) в Закавказье (*Арран*), что может указывать на его происхождение.

²⁰ В оригинале *Т.кин*, что должно читаться в соответствии с тюрк. *tāgin 'принц': это широко представленный в тюркской ономастике второй компонент мужских личных имен.

²¹ Т. е. 'тюрок'.

²² Читаю в соответствии с тюрк. *bārs 'барс' – широко представленный в тюркской ономастике второй компонент мужских личных имен.

²³ В рукописи *ас-С.клаби*, букв. 'из народа *С.клуб*'. С учетом чисто тюркского имени этого человека, правдоподобно считать его волжским булгаринном и видеть в этой нисбе подтверждение употребления Ибн Фадланом термина *ас-сакалиба* по отношению к населению Волжской Булгарии.

²⁴ *Мадинат ас-Салам*, Багдад, столица и крупнейший город Халифата.

²⁵ 21 июня 921 г.

²⁶ Город в северо-восточной части Ирака.

²⁷ Город в северо-восточной части Ирака.

²⁸ Город на границе провинций Ирак и ал-Джибал.

²⁹ Город в провинции ал-Джибал, совр. Керманшах.

³⁰ Крупнейший город в провинции ал-Джибал, древние Экбатаны в Персии.

³¹ Город в провинции ал-Джибал.

³² Центр провинции ал-Джибал, также называемый ал-Мухаммадийа, в окрестностях совр. Тегерана.

³³ Мухаммад ибн Али Сулук и Ахмад ибн Али Аху-Сулук – политические и военные деятели Хорасана 910–920-х гг., представители рода Сулукидов, правители.

³⁴ Город в Хорасане к востоку от ар-Раййа.

³⁵ Город в Хорасане, на Нишапурской дороге.

³⁶ Город в Хорасане, на Нишапурской дороге.

³⁷ Шарвин ибн Рустам ибн Сухраб ибн Карин, представитель княжеской династии Бавандидов Табаристана (Карининов), противник Аббасидов.

³⁸ Шиитский имам и правитель ал-Хасан ибн ал-Касим ад-Даи ила-л-Хакк, представитель династии Алидов Табаристана, противник Аббасидов.

³⁹ Крупнейший город Хорасана, совр. Нишапур.

⁴⁰ Военачальник и правитель Найсабура, повстанец.

⁴¹ Военачальник и правитель Хорасана, сторонник Саманидов и Аббасидов.

⁴² Город в Хорасане, совр. Серахс в Туркменистане.

⁴³ Город в Хорасане, совр. Мары в Туркменистане.

⁴⁴ Пограничная станция в Хорасане, по-видимому, на территории совр. поселка Захмет.

⁴⁵ *Пустыня Амула* – Каракумы.

⁴⁶ Совр. Чарджоу.

⁴⁷ Совр. р. Амударья.

⁴⁸ Термин для обозначения дорожной станции.

⁴⁹ Судя по имени, этот Тахир ибн Али мог принадлежать к династии Тахиридов и быть сыном Али ибн Тахира ибн Абдаллаха, соправителя Абдаллаха ибн Тахира ибн Абдаллаха, наместника Хорасана в 820–830-х гг., но как правитель неизвестен.

⁵⁰ Совр. Пайкенд.

3. В Бухаре

3.1. Мы прибыли к ал-Джайхани⁵¹, а он – секретарь правителя Хорасана. Его называют в Хорасане «Шайх-опора»⁵². Он в первую очередь распорядился предоставить нам дом и прислал к нам человека, который удовлетворял бы наши нужды и обеспечил бы нас всем тем, что мы могли пожелать. Мы остановились [там] на несколько дней.

3.2. Затем [ал-Джайхани] запросил для нас аудиенцию у Насра ибн Ахмада⁵³. Мы вошли к нему, а он [оказался] безбородым юношей. Мы приветствовали его как правителя, и он приказал нам сесть.

3.3. Первое, с чего мы начали, [было то, что] он спросил:

– Каким вы оставили моего господина повелителя верующих, да продлит Аллах его жизнь и его благополучие – его самого, его дружины и его первых лиц?

Мы ответили:

– В добром здравии.

Он сказал:

– Да прибавит ему Аллах здоровья!

3.4. Затем было зачитано ему письмо с [распоряжением] передать Арсахушмайсан от ал-Фадла ибн Мусы ан-Насрани⁵⁴, управляющего Ибн ал-Фурата, Ахмаду ибн Мусе ал-Хуваризми⁵⁵ и отправить нас [дальше, снабдив] письмом к наместнику [Насра ибн Ахмада] в Хорезме о предоставлении нам всего необходимого и письмом к [начальнику заставы] Баб ат-турк⁵⁶ о предоставлении нам сопровождения и всего необходимого.

3.5. [Наср ибн Ахмад] спросил:

– А где [сейчас] Ахмад ибн Муса?

Мы ответили:

– Мы оставили его в Городе Мира. Он должен был выехать через пять дней после нас.

Он сказал:

– Слушаю и повинуюсь тому, что приказал мой господин, повелитель верующих, да продлит Аллах его жизнь!

⁵¹ Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ал-Джайхани, вазир саманидского правителя Насра ибн Ахмада, известный ученый-географ.

⁵² Араб. *аш-Шайх ал-Амид*.

⁵³ Наср ибн Ахмад ибн Исмаил ибн Ахмад ас-Самани, правитель Хорасана и Мавераннахра в 914–943 гг.

4. Хитрость ал-Фадла ибн Мусы ан-Насрани

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

4.1. Эти сведения дошли до ал-Фадла ибн Мусы ан-Насрани, управляющего Ибн ал-Фурата, и он организовал следующую хитрость по отношению к Ахмаду ибн Мусе: он написал начальникам охраны на Хорасанском тракте от гарнизона Сарахса до Байканда [следующее]:

4.2. «Выследите Ахмада ибн Мусу ал-Хуваризми на постоянных дворах и таможенных постах. Он человек с [таким-то] лицом и с [такими-то] приметам. А кто схватит его – пусть арестует до тех пор, пока не получит нашего письма с [дальнейшими указаниями по] этому вопросу».

4.3. [Ахмад ибн Муса] был взят в Мерве и арестован.

5. Путь от Бухары до Хорезма (начало)

5.1. Мы оставались в Бухаре двадцать восемь дней.

5.2. К этому моменту ал-Фадл ибн Муса сговорился с Абдаллахом ибн Йаштеве и другими нашими спутниками, и они стали говорить:

– Если мы останемся дольше, придет зима, и мы пропустим проход [с весенним караваном]. Что касается Ахмада ибн Мусы, то, когда он приедет к нам, он к нам присоединится.

А. Денежное обращение Бухары

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

А.1. Я видел различные виды монет в Бухаре. Один из видов – монеты, которые называются гитрифскими⁵⁷. Они [сделаны] из красной меди, светло-желтой меди и темно-желтой меди. Их принимают по количеству, а не по весу: сотню таких [монет] за одну серебряную монету.

А.2. Вот их условия при выкупе невесты: «Такой-то, сын такого-то, берет в жены таку-

⁵⁴ Букв. 'христианин'. Лицо, не известное из других источников.

⁵⁵ Букв. 'Хорезмиец'.

⁵⁶ Букв. 'ворота [страны] тюрок', на северо-западной границе Хорезма.

⁵⁷ Араб. *ал-гитрифийа* – по имени Гитрифа ибн Ата, наместника Мавераннахра при ранних Аббасидах.

ю-то, дочь такого-то, за столько-то и столько-то тысяч гитрифских монет».

А.3. Таким же образом покупается их имущество и их рабы. Они не упоминают других видов монет.

А.4. У них есть другой вид монет, только из темно-желтой меди. Сорок таких [равняются] одному данику⁵⁸.

А.5. У них также есть монеты из темно-желтой меди, которые называются самаркандскими. Шесть таких [равняются] одному данику.

5. Путь от Бухары до Хорезма (окончание)

5.3. Когда я услышал слова Абдаллаха ибн Йаштеве и слова других, предостерегавших меня от прихода зимы, мы выехали из Бухары.

5.4. Мы вернулись к [упомянутой ранее] реке и наняли корабль до Хорезма. Расстояние до [Хорезма] от того места, где мы наняли корабль, превышает двести фарсахов.

5.5. Мы ехали только часть каждого дня, потому что не могли ехать целый день из-за сильного холода, пока не прибыли в Хорезм.

6. В Хорезме

6.1. Мы пришли к правителю Хорезма Мухаммаду ибн Ираку Хуваризмшаху⁵⁹. Он почтил нас, приблизил нас к себе и обеспечил нас домом.

6.2. Когда прошло три дня, он пригласил нас, обсудил с нами проход в страну тюрок и сказал:

– Не будет [моего] разрешения вам [сделать] это, не подобает мне позволить вам, чтобы вы напрасно рисковали своей кровью. Я знаю, что всё это хитрость, которую задумал этот гулам, то есть Тегин, потому что [раньше] он был у нас кузнецом и занимался продажей железа в стране неверных. Именно он ввел в заблужде-

⁵⁸ Даник – весовая единица (ок. 0,49 г), равняющаяся $\frac{1}{6}$ части серебряного дирхама.

⁵⁹ Правитель Хорезма из династии хорезмшахов Афригидов, правил ок. 920–940-х гг.

⁶⁰ Т. е. царя булгар.

⁶¹ Араб. *ал-амир ал-аджалл* – официальный лакаб Насра ибн Ахмада.

⁶² Т. е. Насру ибн Ахмаду.

⁶³ Возможно, отражение хорезмийского *t'zcyk, ср. перс. *tājiki* 'арабский, связанный с арабами'.

ние Назира и попросил его обратиться к повелителю верующих и передать ему письмо этого царя⁶⁰. Благородный правитель⁶¹, то есть правитель Хорасана, имел бы больше прав установить пятничную молитву от имени повелителя верующих в этой стране, если бы счел это целесообразным. Более того, между вами и этой страной, о которой вы говорите, тысяча племен неверных. Это же обман Государя! Даю вам совет: вы должны написать письмо благородному правителю⁶², чтобы он обратился к Государю, да поможет ему Аллах, письменно, а вы останетесь здесь до тех пор, пока не придет ответ.

С этим мы и ушли от него в тот день.

6.3. Затем мы вернулись к нему и продолжили пытаться смилостивить его, льстя ему и говоря: «Это приказ повелителя верующих и его письмо. Зачем еще раз писать ему по тому же поводу?», пока он не дал нам разрешение [продолжить путь].

7. В ал-Джурджании (начало)

7.1. Мы спустились из Хорезма в ал-Джурджанийу. Между ней и Хорезмом по воде пятьдесят фарсахов.

В. Денежное обращение и чудеса Хорезма

В.1. Я видел поддельные хорезмийские монеты, [монеты из] свинца, фальшивки и [монеты из] темно-желтой меди.

В.2. Они называют дирхам *тазиджа*⁶³. Он весит четыре с половиной даника⁶⁴.

В.3. У хорезмийских менял обращаются бабки⁶⁵, пряслица⁶⁶ и монеты⁶⁷.

В.4. Хорезмийцы – самые дикие из людей [по их] речи и [по их] привычкам. Их речь больше всего похожа на крик скворцов.

⁶⁴ Т. е. полмискалы (полудрахму).

⁶⁵ В тексте: *ал-киаб* – обозначение пяточных костей (астроголов) мелкого скота, игра в которые была широко распространена среди народов Северной Евразии в древности и средние века.

⁶⁶ В тексте: *ад-давамат*; интерпретация этого слова (букв. 'мелкие круглые предметы; предметы, способные вертеться') предположительна. Другие варианты: 'пуговицы', 'волчки'.

⁶⁷ В тексте: *ад-дарахим*, здесь не только серебряные монеты (дирхамы), но монеты вообще.

В.5. В [Хорезме] есть селение в одном дне [пути от ал-Джурджании], которое называется Ардакива⁶⁸. Его народ называется кардалиями⁶⁹. Их речь больше всего похожа на кваканье лягушек.

В.6. Хорезмийцы отрекаются от повелителя верующих Али ибн Аби Талиба⁷⁰, да будет им доволен Аллах, в конце каждой молитвы.

7. В ал-Джурджании (продолжение)

7.2. Мы остановились в ал-Джурджании на много дней.

7.3. Река Джайхун замерзла от истока до устья. Толщина льда была семнадцать пядей. Кони, мулы, ослы и повозки проходят по нему, как будто по дорогам: он настолько твердый, что не ломается. [Эта река] оставалась в таком [состоянии] три месяца.

7.4. Мы увидели такую страну, что подумали, что из нее нам открылись врата аз-Замхарира⁷¹. Снегопад в ней всегда сопровождался сильным и жестоким ветром.

С. Обычаи хорезмийцев

С.1. Если какой-либо человек из этого народа одаривает чем-нибудь своего друга и желает ему добра, он говорит ему: «Войди ко мне, чтобы мы поговорили, ведь у меня хороший очаг» – так он показывает свою доброжелательность и свою благосклонность. Хотя всемогущий Аллах был милостив к ним в том, что касается дров, и сделал их дня них дешевыми. Груз [размером с] повозку дров вида *ат-таг*, по-арабски *ал-гада*⁷², [стоит] два дирхама в их деньгах и достигает трех тысяч ратлов⁷³.

С. 2. Обычай их бедняков таков, что бедняк не ждет под дверью, а входит в дом кого-нибудь из жителей и какое-то время сидит у его очага, греясь. Потом [этот бедняк] говорит: «Баканд»⁷⁴,

то есть «хлеб», и ему дают что-нибудь [съесть], а если не дают, то он уходит.

7. В ал-Джурджании (окончание)

7.5. Наше пребывание в ал-Джурджании затянулось.

7.6. Поистине, мы остановились в ней на несколько дней раджаба и [на протяжении] шабана, месяца рамадана и шаввала. Продолжительность нашего пребывания была обусловлена холодом и его силой.

D. Чудеса зимней ал-Джурджании

D.1. Поистине, мне рассказывали, что двое человек [снарядили однажды] двенадцать верблюдов, чтобы привезти на них дров из леса, но забыли [взять] с собой кремь и трут. Им [пришлось] заночевать без [возможности развести] огонь. Когда они утром встали, верблюды [оказались] мертвы от сильного холода.

D.2. Поистине, я видел, как сильный холод воздуха заставляет [любого] чувствовать себя в этой стране: дороги и торговые площади становятся настолько пустыми, что человек [может] идти по многим из них и не увидеть ни души и не встретить ни одного живого существа.

D.3. [Однажды] выйдя из бани и войдя в дом, я посмотрел на свою бороду. Она [превратилась в] кусок льда, который [мне пришлось] растапливать около очага.

D.4. Поистине, я спал в [одном] доме, внутри которого [был другой] дом, внутри которого [была] тюркская юрта [из] войлока. Я был укутан в одежды и меха, но [все-таки] иногда моя щека примерзала к подушке.

D.5. Поистине, я видел в этой стране, как цистернам, покрытым овчинами, чтобы они не растрескивались и не раскалывались, это не помогало.

⁶⁸ В Мешхедской рукописи: *Ард.к.ва*. Наиболее вероятное отождествление – город на месте современного городища Ток-кала, центр средневековой области Кердер.

⁶⁹ В тексте: *ал-кардалиия*, по названию области Кердер в дельте Амударьи.

⁷⁰ Четвертый «праведный» халиф (656–661). Ссылка на него показывает, что Ибн Фадлан мог быть шиитом или симпатизирующим шиизму.

⁷¹ Мифологическое название самого холодного Ада.

⁷² Глосса в тексте Якута, в Мешхедской рукописи отсутствует; *ал-гада* – саксаул.

⁷³ *Ратл* – весовая единица Халифата, в Хорезме ок. 450 г (96 мискалей).

⁷⁴ Хорезмийское слово для обозначения хлеба.

D.6. Поистине, я видел, как растрескалась земля, и в ней от сильного холода [появились] большие овраги.

D.7. Я видел, как огромное старое дерево, поистине, расколосось надвое от [сильного холода].

8. Отъезд из ал-Джурджании. Организация каравана

8.1. В середине [месяца] шаввала триста девятого года погода стала меняться, и река Джайхун растаяла.

8.2. Затем мы начали [собирать то, что было] необходимо для путешествия. Мы купили тюркских верблюдов и заказали изготовление мешков из верблюжьих шкур для переправы через реки, которые нам нужно было пересечь в стране тюрок. Мы приготовили запас хлеба, проса и вяленого мяса, [достаточный для] трех месяцев [пути].

8.3. Местные жители, дружбой которых [мы располагали], предостерегли нас [в отношении] одежды и [попросили] взять [ее в] большом количестве. Их [рассказ] об этом [переходе] звучал ужасно, и [они представляли его] нам трудным. Но когда мы увидели [все] своими [глазами], мы поняли, [что это] вдвое хуже [того, о чем] нам рассказывали.

8.4. Каждый из нас [надел на себя] куртку, поверх [нее] хафтан, поверх [него] овечью шубу, поверх [нее] войлочную шапку и бурнус, покрывавший [полностью] лицо и голову, кроме двух глаз. [Каждый из нас также надел] простые штаны, стеганные штаны, носки, шагреновые сапоги и поверх [них] вторые сапоги, так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, почти не мог двигаться от [количества] одежды, [которое было надето] на нем.

8.5. От нас отделились факих, муаллим и гуламы, [которые] выехали с нами из Города Мира, [потому что] они испугались вхождения в эту страну. Поехал [только] я, посол, его сводный брат и два гулама, Тегин и Барс.

8.6. Когда пришел день отъезда, я сказал им:

– О люди! С вами гулам царя [булгар], который знает всё [относительно] вашего дела. У вас [имеются] письма Государя. Я не сомневаюсь, что в них сказано [об] отправке ему четырех тысяч динаров *мусаййабийа*⁷⁵. Вы приедете к местному царю⁷⁶, а он потребует [от] вас [эти деньги].

Они ответили:

– Не бойся этого, [ничего] он от нас не потребует.

Я сказал им с предостережением:

– Я знаю, что он [точно этого] потребует, – но они не согласились.

8.7. Дело [подготовки] каравана было завершено. Мы наняли проводника⁷⁷, которого звали Калавус⁷⁸, [он был] из жителей ал-Джурджании. Затем мы положились на Аллаха великого и всемогущего и вверили Ему наше дело.

9. Путь от ал-Джурджании до гуззов

9.1. Мы выехали из ал-Джурджании в понедельник, по прошествии двух ночей зу-л-када триста девятого года⁷⁹. Мы остановились в рабате, который назывался Замджан, а это у [заставы] Баб ат-турк.

9.2. Затем на следующий день мы выехали [из Замджана] и остановились на остановке, которая называлась Джит. Нас настигла метель, так что верблюды [с трудом] шли по колесу [в снегу]. Мы остановились на этой остановке на два дня.

9.3. Затем мы выдвинулись в страну тюрок, никуда не сворачивая, и никто не встретился нам в пустынной и плоской степи. Мы ехали по ней десять дней, страдая от бедствий, трудностей, сильного холода и постоянного снегопада – такого, что холод Хорезма [мы вспоминали] как летние дни. Мы забыли всё, что происходило с нами [до этого], и были близки к собственной гибели.

9.4. Поистине, через несколько дней мы испытали самый сильный холод. Тегин ехал около

⁷⁵ Араб. *далил*.

⁷⁶ В Мешхедской рукописи: *Фалус*; учитываю эмендацию А. Зеки Валиди Тогана, предложившего читать *К. л. в. с* в соответствии с тюрк. *qalawus – проводник.

⁷⁷ Т. е. 4 марта 922 г.

⁷⁸ Так в тексте Мешхедской рукописи, но такие динары в письменных источниках неизвестны: налицо следы позднего редакторского вмешательства в исходный текст, в котором упоминались *дирхамы мусаййаби* – разновидность монет Мавараннахра, известная в ряде письменных источников X–XI вв.; их идентификация дискуссионна.

⁷⁹ В тексте: *малик аджами*.

меня, а с [другой стороны от] него ехал один человек из тюрков, который разговаривал с [Тегином] по-тюркски. Тегин засмеялся и сказал [мне]:

– Поистине, этот тюрк говорит тебе: «Что хочет от нас наш Господь? Ведь это Он собирается убить нас холодом! Если бы мы знали, чего он хочет, мы бы дали ему это».

Я ответил ему:

– Скажи ему: «Он хочет от вас, чтобы вы сказали: нет бога, кроме Аллаха».

Он засмеялся и сказал:

– Если бы мы знали, [что он хочет именно этого,] то [так] бы и сделали.

9.5. Затем после этого мы прибыли в такое место, в котором [было большое количество] дерева [вида] *am-tag*. Мы остановились там, и [участники] каравана развели огонь. Они согрелись, сняли свои одежды и просушили их.

9.6. Затем мы выехали [дальше] и ехали все ночи, от полуночи до полудня или [даже] до вечера, двигаясь [настолько] быстро и [настолько] долгими [переходами], насколько [это было] возможно. Затем мы остановились.

9.7. Когда мы проехали [таким образом] пятнадцать ночей, мы прибыли к большой и каменистой горе, из которой били источники, образовавшие [в камнях] углубления, наполненные водой.

9.8. Когда мы пересекли [эту гору], мы прибыли к одному тюркскому племени, известному как гуззы.

Е. Обычаи гуззов

Е.1. [Гуззы] являются кочевниками. Юрты⁸⁰ у них из войлока. [Гуззы то] приходят [и останавливаются, то снимаются] и уходят, ты видишь их юрты [то] в одном месте, [то] в другом, как делают кочевники при [своих] передвижениях. Они настолько убоги, что похожи на бродячих ослов.

Е.2. Они не верят в Аллаха и не обращены к разуму. Они не поклоняются ничему, однако называют своих самых уважаемых людей «господами». Когда кто-нибудь из них просит о чем-нибудь совета у своего главного, то говорит ему: «О, господин, что же мне делать [в] таком-то и таком-то [случае]?»

⁸⁰ Араб. *буйт*, букв. 'дома'.

Е.3. Управляет ими совет между ними. Однако, как только они договорятся о чем-нибудь или решатся на что-нибудь, приходит самый низкородный и самый ничтожный и отвергает то, о чем все только что договорились.

Е.4. Я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха! Мухаммад – посланник Аллаха!» Произносятся такие слова, они стараются быть похожи на проезжающих у них мусульман, но [сами] не верят в [произносимое].

Е.5. Если кого-нибудь из них настигает беда или с ним случается что-то плохое, то он поднимает свою голову к небу и говорит: «Бир тенгри»⁸¹, а это по-тюркски [означает] «Аллах единый», так как «бир» по-тюркски [означает] «один», а «тенгри» [означает] «Аллах» на языке тюрков.

Е.6. Они не очищают себя ни от фекалий, ни от мочи. Они не моются после полового соития и всего такого. Они [вообще] не имеют никаких дел с водой, особенно зимой.

Е.7. [Гуззские] женщины не прячутся ни от мужчин, ни от кого другого. Таким же образом жены не закрывают никакие части своего тела от кого-либо из людей.

Е.8. Однажды мы остановились у одного человека из гуззов. Мы сели, и вместе с нами села жена этого человека. В то время, пока мы разговаривали, она обнажила промежность и почесалась там, а мы это заметили. Мы закрыли свои лица ладонями и каждый [из нас] сказал: «Да простит меня Аллах!» Ее муж засмеялся и сказал переводчику: «Скажи им: она обнажила промежность в вашем присутствии, и вы это увидели, но она защищает ее и никому не позволит приблизиться. Это лучше, чем если она закроет ее и [после этого] отдастся!»

Е.9. Супружеская измена среди них неизвестна. Если про кого-либо становится известно подобное, то разрывают его надвое следующим способом. Они сгибают ветви двух деревьев [таким образом, чтобы они] соединились, привязывают его к этим ветвям и отпускают их. Таким образом человека, привязанного [одновременно] к двум деревьям, разрывает [надвое].

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Е.10. Когда они услышали, как я читаю Ко-

⁸¹ Тюрк. **bir tǝŋri* 'один бог'.

ран, и одному из них понравилось [мое] чтение, он подошел к переводчику и сказал:

– Скажи ему: пусть не останавливается.

Однажды этот же человек сказал мне через переводчика:

– Спроси у этого араба: является ли Господь наш великий и всемогущий – женщиной?

Я пришел в ужас [от] этого и [произнес слова] прославления Аллаха и покаяния [перед] ним. И [этот человек произнес] те же [слова] прославления и покаяния, которые произнес я. И вот он также произнес прославление и прошение о помиловании, так же, как это сделал я. Подобное этому – обычай тюрка: всегда, когда он слышит, как мусульманин [произносит слова] прославления и символа веры, говорит то же самое.

Е.11. Правила вступления в брак у них таковы. Если кто-то сватает у другого какую-либо женщину из его семьи – дочь, сестру или кого-либо из подвластных ему, то [передает] ему столько-то и столько-то [штук] хорезмийской одежды. Когда он заплатит [требуемую сумму], то увозит [эту девушку] к себе. Иногда выкуп [выплачивается] верблюдами, конями или другим [подобным]. Ни один не может вступить в брак, пока не будет уплачен выкуп, на который согласился старший родственник [девушки]. Когда он выплачивает [выкуп], он без стеснения входит в ее дом и вступает с ней в связь в присутствии ее отца, матери и братьев, и они ему в этом не мешают.

Е.12. Если умирает женатый человек с детьми, то старший из его детей женится на его вдове, несмотря на то, что она является ему матерью.

Е.13. Никто из купцов и вообще никто из мусульман не может совершать омовения после отправления [естественных нужд] в их присутствии. [Это можно делать] только ночью, когда [они] этого не видят. Иначе они злятся и говорят: «Он хочет околдовать нас! Смотрите, как он смотрит на воду!» и заставляют платить [за это] денежный [штраф].

Ф. Обычаи торговли с гуззами

Ф.1. Никто из мусульман не может проехать их страну, не [выбрав] кого-либо из них себе другом, у которого он останавливается

[на ночлег] и [которому он] привозит из стран ислама одежду, накидку для его жены, партии перца, проса, изюма и орехов.

Ф.2. Когда [купец] приезжает в дом своего друга, тот ставит для него юрту и дает ему столько овец, сколько может, чтобы [этот] мусульманин зарезал их, так как тюрки не режут животным горло, а только бьют барана по голове, пока он не сдохнет.

Ф.3. Если [купец-мусульманин] захочет уехать, но [при этом какие-то] из его верблюдов или коней нездоровы, или же он нуждается в деньгах, то он оставляет больных верблюдов у своего друга-тюрка, берет займы его верблюдов, коней и денег и уезжает. Когда он возвращается из своего пути, он возмещает свой денежный долг и возвращает ему верблюдов и коней.

Ф.4. Подобно этому, если неизвестный человек приезжает к тюрку и говорит ему: «Я твой гость, я хочу [получить от] тебя верблюдов, лошадей и денег», то [этот тюрк] дает ему то, о чем тот просит.

Ф.5. Если купец умрет во время перехода каравана на обратном пути и спрашивает: «Где мой гость?» Если ему отвечают: «Он умер», то груз умершего выгружают из этого каравана. Потом [этот тюрк] идет к самому главному купцу, которого он среди них видит, отвязывает на его глазах запакерованные товары и берет из них ровно столько денег, сколько этот [умерший] купец был должен ему, и ни одной хаббой⁸² больше. Подобно этому, он может забрать [какое-то число] коней и верблюдов и говорит [при этом]: «Это [был] твой двоюродный брат, поэтому именно тебе придется оплатить [его долг]».

Ф.6. Если [купец] убежит, то он совершает то же самое же и говорит [другому] купцу: «Он тоже мусульманин, как и ты, ты несешь за него ответственность».

Ф.7. Если тюрк не находит своего гостя на пути следования каравана, то он спросит его товарищей: «Где [мой гость]?» Если ему укажут, где искать [его гостя], он отправляется на его поиски, и может ехать много дней пока не найдет его. [Тогда] он вернет свой долг и все дары, которые [ранее] подарил.

⁸² Араб. *хабба* (букв. 'зернышко') – название самой мелкой денежной единицы Халифата. «Ни хаббой больше» – фразеологизм, соответствующий рус. 'ни копейкой больше'.

Е.8. Вот каков тюркский обычай, когда [тюрок] въезжает в ал-Джурджанийу. Он спрашивает о своем госте и останавливается у него, до тех пор пока не уедет. Если тюрок умирает в доме своего друга-мусульманина, то, когда ему придется в составе каравана приехать в страну тюрок, его убивают со словами: «Ты убил его тем, что держал его как в тюрьме. Если бы ты не заточил его, он бы не умер».

Е.9. Подобно этому, если мусульманин даст тюрку выпить вина⁸³ и тот упадет со стены, то тюрки убивают [этого мусульманина].

Е.10. Если человека, разыскиваемого [тюрьмами за такого рода преступления], не находят в караване, они берут самого важного [человека] из них и убивают его.

Г. Рассказ об увлечении хорезмийского купца

Г.1. Они считают [поступок] педерастии тяжким преступлением.

Г.2. Поистине, однажды один человек из жителей Хорезма приехал в племя Кюзергина, наместника царя тюрок. Он остановился на некоторое время у своего друга из этого племени для покупки овец.

Г.3. У этого тюрка был сын, безбородый юноша. Хорезмиец долго ухаживал за ним и склонял его к близости, пока юноша не согласился [подчиниться] его желанию. Тюрок пришел и застал их за этим делом.

Г.4. Он сообщил об этом [происшествии] Кюзергину и сказал ему:

– Собери тюрок.

Когда тюрки собрались, [Кюзергин] сказал:

– Ты хочешь справедливого или несправедливого суда?

Тюрок ответил:

– Справедливого.

[Кюзергин] сказал:

– Приведи своего сына.

[Тюрок] привел его. [Кюзергин] сказал:

– Его и купца следует обоим убить.

Тюрок рассердился и сказал:

– Я не отдам своего сына!

[Кюзергин] сказал:

– Тогда пусть купец выкупит себя.

Г.5. [Купец] так и сделал. Он выплатил тюрку [какое-то количество] овец за свой поступок с его сыном и выплатил Кюзергину четыреста овец за то, что [тот] изменил свой приговор. [После этого] он уехал из страны тюрок.

10. У гуззов. Йынал ас-Сагир

10.1. Первым из их царей и главных, кого мы встретили, [был] Йынал ас-Сагир⁸⁴. К этому моменту он уже принял ислам, но ему сказали: «Раз ты принял ислам, то больше не будешь нашим вождем», поэтому он отказался от ислама.

10.2. Когда же мы прибыли в место, где он находится, он сказал:

– Я не дам вам пройти, потому что мы никогда о таком [посольстве] не слышали и не думаем, что такое может быть.

10.3. Мы разговаривали с ним вежливо и уговорили его принять от нас джурджанский хафтан стоимостью в десять дирхамов и штуку ткани *пай-баф*⁸⁵, [несколько] лепешек хлеба, пригоршню изюма и сотню орехов.

10.4. Когда мы всё это ему вручили, он поклонился нам, так как таков их обычай. Если кто-то желает выразить уважение, он кланяется ему и говорит: «Если бы мои юрты не были [разбиты] так далеко от дороги, я обязательно доставил бы вам овец и зерно».

10.5. [Затем] он удалился от нас, и мы уехали.

11. У гуззов. Противник Кюзергина

11.1. На следующий день мы встретили одного тюрка. Он был уродлив, в растрепанной одежде, щуплый и имел жалкий вид. В это время нас настиг сильнейший дождь.

11.2. Он сказал:

– Остановитесь!

Весь караван остановился, хотя состоял из трех тысяч коней [и верблюдов] и пяти тысяч человек.

11.2. Потом он сказал:

– Никто из вас не пройдет!

И мы остановились, повинувшись его приказанию.

11.3. Мы сказали ему:

– Мы друзья Кюзергина.

Он стал смеяться и сказал:

– Кто такой этот Кюзергин? Срал я на борду Кюзергина.

11.4. Потом он сказал: «Паканд», что означает «хлеб» на языке Хорезма. Я вручил ему [несколько] лепешек хлеба. Он взял их и сказал:

– Проезжайте. Я смилоствился над вами.

Н. Обычаи гуззов касательно болезни, смерти и ухода за бородой

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Н.1. Если кто-нибудь из них заболевает, то, если у него есть рабы и рабыни, они служат ему, и никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него ставят маленькую юрту на некотором расстоянии от [больших] юрт, и он остается в ней, пока не умрет или не выздоровеет. Если он был бедняком или рабом, они оставляют его в пустыне и уезжают.

Н.2. Если кто-нибудь из них умирает, они роют ему большую могилу в форме дома, одевают его в его [собственную] куртку, [опоясывают его] его [собственным] поясом, [дают ему] его лук, вкладывают ему в руку деревянную чашку с вином, кладут рядом с ним деревянный сосуд [с едой]. Они приносят всё его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом [покойника] усаживают в [этом доме]. Они покрывают [могилу] настилом, над которым устраивают нечто наподобие юрты из глины.

Затем они берут его коней, неважно, сколько их – сто или двести голов, убивают их всех до единого и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. Поистине, они нацепляют всё [что осталось от коней] на деревянные жерди и говорят: «Это его лошади, на которых он въедет в Рай».

Н.3. Если [умерший когда-либо] убил человека и был известным воином, то они вырезают деревянные фигурки по числу убитых им [врагов], устанавливают их на его могиле и говорят: «Вот его слуги, которые будут служить ему в раю».

Н.4. Иногда же они откладывают убийство коней на день или на два. Тогда приходит к ним какой-нибудь старик из их старейшин и говорит:

– Я видел такого-то (то есть умершего) во сне, и он сказал мне: «Видишь, мои товарищи уже обогнали меня, подошвы моих ног потрескались в попытке догнать их, а я не могу их догнать и остался один».

Затем они идут к коням, убивают их и раскладывают их вокруг его могилы. Когда проходит один или два дня, этот старик приходит к ним и говорит:

– Я видел такого-то во сне, и он сказал мне: «Сообщи моим домочадцам и моим товарищам, что я догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я избавился от усталости».

Сказал Ахмад ибн Фадлан:

Н.4. Все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Однажды я видел древнего старика из их числа, который выщипал себе бороду, оставил немножко [волос] под подбородком. Он был [одет в] козью шубу, поэтому издали казался бородатым козлом.

Ж. Сведения о правителях гуззов

Ж.1. Царя тюрок-гуззов называют Йабгу, это титул их правителя. Каждый, кто управляет своим племенем, называется [эти титулом].

Ж.2. Заместителя [Йабгу] называют Кюзергин. Точно так же, каждый, кто замещает какого-либо их вождя, называется Кюзергин.

12. У гуззов. Этрек ибн Эль-Катган

12.1. Затем мы, уже покидая страну тюрок, остановились у их военачальника. Его зовут Этрек ибн Эль-Катган. Он разбил для нас тюркские юрты и поселил нас в них.

12.2. У него [много] слуг и приближенных, он владеет большими юртами. По его [распоряжению нам] пригнали овец и привели коней, чтобы мы закололи овец и сели верхом на коней. Он создал всех своих домочадцев и племянников и убил для них большое количество овец. К этому времени мы уже преподнесли ему дар из одежды, изюма, орехов, перца и проса.

12.2. Я видел его жену, которая до этого была женой его отца. Она взяла мясо, молоко и некоторые наши дары, вышла из юрты в пустыню, вырыла яму и положила в нее всё, что принесла с собой, говоря [какие-то слова].

⁸³ Здесь и далее араб. *набиз* – алкогольный напиток на основе финикового или фруктового сока.

⁸⁴ Букв. 'малый' или 'младший'.

⁸⁵ По-видимому, разновидность шёлковой ткани согдийского производства.

Я спросил переводчика:

– Что она говорит?

Он ответил:

– Она говорит: «Это приношения для Эль-Катгана, отца Этрека, которые ему преподнесли в дар арабы».

12.3. Когда настала ночь, я и переводчик пришли к нему. Он сидел в своей юрте. У нас с собой было письмо Назира ал-Харамии, в котором тот предлагает [Этреку] принять ислам, отдавшись воле Аллаха, и отправляет ему пятьдесят динаров, среди которых [было] много динаров *мусаййаби*, три мискала⁸⁶ мускуса, [несколько штук] отлично выделанной кожи и две штуки мервской ткани, из которых мы скроили ему две куртки и пару сапог, одежду из парчи и пять шелковых сорочек. Мы вручили ему [предназначенные ему] дары, а его жене – накидку и перстень.

12.4. Я прочитал ему письмо, и он сказал переводчику:

– Я не отвечу вам ничего, пока вы не будете возвращаться обратно. Я напишу Государю о том, что я решаю.

12.5. Затем он снял парчовую одежду, в которую он был одет, с тем чтобы надеть [новую] почетную одежду, о которой мы ранее сообщили. И я увидел куртку, которую он носил под парчой. Она была вся в лохмотьях и в грязи, так как это их обычай. Никто из них не снимает нижнюю одежду до тех пор, пока она [сама собой] не распадется на куски. Он выщипал себе всю бороду и усы и выглядел, как евнух.

12.6. Я видел, что тюрки говорили о нем как о самом ловком наезднике среди них. Поистине, однажды, когда он ехал на своем коне рядом с нами, быстро пролетел гусь. Он натянул свой лук и припустил лошадь галопом вслед за гусем, выстрелил в гуся и попал в него.

12.7. В один из дней [Этрек] послал за вождями, подчинявшимися ему. Это были Тархан, Йынал, [...] и Баглыз. Тархан самый благородный из них и самый уважаемый, но хромым, слепой и одноруким.

12.8. [Этрек] сказал им:

– Поистине, эти люди – послы царя ара-

бов к моему зятю Алмышу ибн Шельги. Но мне кажется неправильным позволить им уехать, не посоветовавшись с вами.

12.9. Тархан сказал:

– Это нечто такое, чего мы раньше не видели и о чем мы раньше не слышали. За всю нашу жизнь и за жизнь наших отцов к нам не приходили какие-либо послы Государя. Я думаю, что здесь какая-то хитрость этого Государя и что он послал этих людей к хазарам, чтобы уговорить их собраться против нас армию. Нужно разрезать каждого из этих посланцев пополам и взять всё их имущество.

12.10. Еще кто-то сказал:

– Нет, давайте заберем всё их имущество и отправим их голыми туда, откуда они пришли.

12.11. Другой сказал:

– Нет, у царя хазар есть пленники из нашего племени. Мы пошлем этих, чтобы они выкупили [у хазар наших пленных].

12.12. Они продолжали спорить между собой в течение семи дней, мы же в это время находились на пороге смерти. Наконец, они пришли к общему мнению отпустить нас и позволить нам уехать.

12.13. Мы преподнесли Тархану почетную одежду – мервский хафтан и две штуки ткани *пай-баф*, а его товарищам по куртке. То же самое мы преподнесли Йыналу. Также мы дали им перец, просо и хлебные лепешки. Затем они уехали от нас.

13. Путь от гуззов до печенегов

13.1. Мы выехали и поехали к реке Йаганды⁸⁸.

13.2. Люди вытащили свои дорожные мешки, сделанные из верблюжьих кож. Их натянули, взяли тюркских верблюдиц, так как они имеют округлую форму, и поместили их внутрь, чтобы они [еще больше] растянулись.

13.3. Потом в мешки погрузили одежду и вещи, и когда они были наполнены, в каждый дорожный мешок села группа из пяти, шести [или] четырех – меньше или больше.

13.4. Берут в руки березовые⁸⁹ жерди и работают [ими], как веслами, непрерывно гребя. Вода несет

⁸⁶ Весовая единица Халифата, ок. 4,5 г.

⁸⁷ Вместо имени четвертого гузза в Мешхедской рукописи оставлено пустое место, т. е. писец не смог разобрать здесь правильного начертания, или же этот пробел восходит к бухарскому протографу.

⁸⁸ Отождествляется с р. Чаган у подножия Северного Чинка.

⁸⁹ Араб. *хаданг* или *хазанг* (из тюрк. *qabīl 'берёза, береста').

дорожные мешки, они вертятся, но переправляются. Что же касается коней и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь [сами].

13.5. Прежде чем переправится [какая-то] часть каравана, нужно переправить отряд вооруженных бойцов, которые [бы организовали] защиту для людей [следующих за] ними, чтобы *угры*⁹⁰ не напали на переправляющихся.

13.6. Мы переправились через Йаганды только описанным способом. Затем мы переправились через реку, называемую Джам⁹¹, также в дорожных мешках.

13.7. Затем мы переправились через Джыхыш⁹², затем Узлы⁹³, затем Ардан⁹⁴, затем Варыш⁹⁵, затем Ахты⁹⁶, затем Вабна⁹⁷. Все эти реки большие.

13.8. Затем мы прибыли к печенегам, которые остановились на берегу водоема, напоминающего море, [потому что он] не имел течения⁹⁸.

К. Сведения о печенегах, их бедность по сравнению с богатством гуззов

К.1. [Печенеги] смуглые, с полностью сбритыми бородами.

К.2. По сравнению с гуззами они бедны.

К.3. Поистине, я видел среди гуззов людей, владеющих десятками тысяч коней и сотней тысяч голов овец. Овцы большей частью пасутся на снегу, рожот его копытами и ищут траву. Если они ее не находят, то грызут снег и сильно жиреют. Когда приходит лето, они [снова] едят траву и тощат.

14. Путь от печенегов к уграм

14.1. Мы остановились у печенегов на один день.

14.2. Затем мы отправились и остановились у реки Джайх⁹⁹. Это самая большая река, которую мы только видели, самая широкая и быстроводная.

⁹⁰ В рукописи: *ал-башг*. рд.

⁹¹ Отождествляется с р. Эмба.

⁹² Отождествляется с р. Сагыз.

⁹³ Отождествляется с р. Уил.

⁹⁴ Надежно не отождествляется.

⁹⁵ Надежно не отождествляется.

⁹⁶ Отождествляется с р. Южная (Большая) Анкаты.

⁹⁷ Отождествляется с р. Малая Анкаты.

⁹⁸ Отождествляется с оз. Челкар.

⁹⁹ Отождествляется с р. Урал (Яик).

¹⁰⁰ Отождествляется с р. Чеган, правым притоком р. Урал.

14.3. Поистине, я видел, как в ней переправился дорожный мешок, и все, кто [сидел] в нем, утонули. Многих наших людей унесло течением, потонуло [большое число] верблюдов и коней.

14.4. Мы переправились через [Джайх] с большим трудом.

14.5. Затем мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха¹⁰⁰, затем после нее через реку Архыз¹⁰¹, потом через Баджаг¹⁰², затем через Самур¹⁰³, затем через Кинал¹⁰⁴, затем через реку Сух¹⁰⁵, затем через реку Кюнджюливу¹⁰⁶.

14.6. Мы прибыли в страну тюркского народа, называемого *уграми*¹⁰⁷. Мы опасались их больше всех [прочих], потому что это худшие из тюрков, самые грязные и больше других склонные убивать. Когда один из них встречает другого, то отрубает ему голову, берет ее себе, а тело выбрасывает.

Л. Фтейрофагия¹⁰⁸ и верования угров

Л.1. Они бреют свои бороды и поедают вшей. Их ловят в швах курток и пережевывают зубами. Поистине, с нами был один человек из них, [ранее] принявший ислам и служивший нам. Однажды я увидел, как он поймал вошь в своей одежде и, раздавив ее своим ногтем, съел ее. Заметив меня, он сказал: «Вкусно!»

Л.2. Каждый [человек] из них вырезает деревяшку размером с мужской член и вешает его на себя. Когда он хочет отправиться в путешествие или сталкивается с врагом, он целует его и кланяется ему, говоря: «Господи, сделай мне то-то и то-то».

Л.3. Я сказал переводчику:

– Попроси кого-либо из них объяснить это [поведение] и то, почему они считают эту [деревяшку] своим богом?

¹⁰¹ Эмэндация А. П. Ковалевского; отождествляется с р. Иргиз.

¹⁰² Отождествляется с р. Мочей.

¹⁰³ Отождествляется с р. Самарой.

¹⁰⁴ Отождествляется с р. Кинель.

¹⁰⁵ Отождествляется с р. Сок.

¹⁰⁶ Отождествляется с р. Кондурчей.

¹⁰⁷ Араб. *ал-башг*. рд.

¹⁰⁸ Обычай использовать в пищу вшей, по-видимому, широко распространенный в древности и средние века в архаических обществах Северной Евразии. Впервые засвидетельствован Геродотом (V в. до н. э.) в отношении одного из племен Скифии.

[Этот угр] ответил:

– Потому, что я вышел из этой вещи и могу представить себе только такого Создателя.

L.4. Кто-то из них говорит, что [существуют] двенадцать богов¹⁰⁹: бог зимы, бог лета, бог дождя, бог ветра, бог деревьев, бог людей, бог коней, бог воды, бог ночи, бог дня, бог смерти господин и бог земли. Бог же, который в небе, [является] главным среди них, но он [пребывает] в согласии с остальными, чтобы каждый одобрил то, что делает его сотоварищ. Аллах великий превыше того, что думают эти несчастные!

Сказал Ибн Фадлан:

L.5. Мы видели, что [один] их род поклоняется змеям, [другой] род поклоняется рыбам, [третий] род поклоняется журавлям. Мне рассказывали, что [когда-то последние] вели войну с одним вражеским народом и что эти враги [обратили] угров в бегство. Но позади их врагов [вдруг] закричали журавли, так что они [сами] испугались и [обратились] в бегство после этого. Поэтому угры поклоняются журавлям и говорят: «Журавли [явились к нам в качестве] нашего Господа, обратившего в бегство наших врагов». Они поклоняются им [до сих пор].

15. Путь от угров до страны болгар

Сказал Ахмад ибн Фадлан:

L.5.1. Мы отправились из страны [угров] и переправились через реку Джарамсан¹¹⁰, затем через реку Уран¹¹¹, затем через реку Урам¹¹², затем через реку Байнах¹¹³, затем через реку Ватыг¹¹⁴, затем через реку Нийасна¹¹⁵, затем через реку Джаушыр¹¹⁶. Расстояние от одной реки до другой реки, о которых мы упомянули, – два, три или четыре дня, меньше или больше этого.

L.5.2. Когда мы были в сутках пути от *царя болгар*, так как именно к нему мы направлялись, он послал встретить нас четырех царей, подвластных ему, своих братьев и своих сыно-

вей. Они встретили нас хлебом, мясом и просом и сопровождали нас [дальше].

L.5.3. Когда мы были в двух фарсах¹¹⁷ от [царя болгар], он встретил нас лично. Когда он нас увидел, он сошел [с коня] и пал на землю, поклоняясь [нам и] благодаря Аллаха превеликого и всемогущего. В его рукаве были серебряные монеты, которыми он посыпал нас. Он разбил для нас юрты, и мы поселились в них.

16. Прибытие в ставку Алмыша. Чтение писем и вручение даров

L.6.1. Мы прибыли в [ставку Алмыша] в воскресенье, по прошествии двенадцати ночей мухаррама триста десятого года¹¹⁸. Путь от ал-Джурджании до страны [Алмыша занял] семьдесят дней.

L.6.2. Мы оставались в юртах, разбитых для нас, [в течение] воскресенья, понедельника, вторника и среды, пока Алмыш не собрал царьков, вождей и жителей своей страны, чтобы [те] услышали чтение письма [халифа].

L.6.3. Когда наступил четверг, [все] они собрались. Мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали коня почетным седлом, посланным царю в качестве дара, надели на него черную одежду¹¹⁹ и тюрбан.

L.6.4. Затем я вынул письмо халифа и сказал:
– Не разрешается сидеть во время чтения этого письма.

Царь поднялся [сам], и представители знати его государства сделали то же самое, хотя он человек очень толстый и пузатый.

L.6.5. Я начал читать начало письма и когда дошел до места: «Да будет мир тебе, ибо, обращаясь к тебе, я восхваляю Аллаха, кроме которого нет другого бога», то сказал:

– Пожелай в ответ мира повелителю верующих.

Он ответил пожеланием мира, и все прочие [сделали] то же самое.

название этой реки (араб. *Н.йас.на*) имеет очевидное балто-славянское происхождение (балто-слав. *Ne-jāsina).

¹¹⁶ Отождествляется с р. Гаушерма.

¹¹⁷ Арабо-персидская мера расстояния, ок. 6 км.

¹¹⁸ Т. е. 12 мая 922 г.

¹¹⁹ Араб. *ас-савад*.

¹⁰⁹ Араб. *арбаб*, ед. ч. *рабб*.

¹¹⁰ Отождествляется с р. Большой Черемшан.

¹¹¹ Отождествляется с р. Урень.

¹¹² Отождествляется с р. Урым.

¹¹³ Отождествляется с р. Майна.

¹¹⁴ Отождествляется с р. Утка.

¹¹⁵ Отождествляется с р. Неясловка. Зафиксированное в X в.

L.6.6. Затем переводчик продолжил переводить читаемое [нами] письмо слово за словом. Когда же мы закончили [чтение], они провозгласили: «Аллах превелик!» так громко, что вся земля затряслась.

L.6.7. Затем я зачитал письмо вазира Хамида ибн ал-Аббаса¹²⁰, и царь выслушал его стоя. Затем я распорядился ему сесть, и во время чтения письма Назира ал-Харамии он сидел.

L.6.8. Когда я закончил [чтение], приближенные царя рассыпали на него множество серебряных монет.

L.6.9. Затем я вынул подарки: благовония, одежды и жемчуг для него и для его жены. Я даровал их им, вещь за вещью, пока не закончил со всем этим.

L.6.10. Затем я облачил его жену в почетный халат на виду у всех людей. Она сидела рядом с ним, ибо таков из обычай. Когда я облачил ее в халат, женщины рассыпали на нее серебряные монеты, и мы ушли.

17. Торжественный обед в царской юрте

L.7.1. Через некоторое время он прислал за нами. Мы вошли к нему, когда он был в своей юрте. Царьки [сидели от него] справа, а нам он приказал сесть [от него] слева. Его сыновья сидели перед ним. Он [сидел] на престоле, покрытом румийской парчой¹²¹.

L.7.2. Он велел подать стол. [Стол] подали, на нем [было] только жареное мясо.

L.7.3. [Первым] начал [есть сам царь]. Он взял нож, отрезал кусочек [мяса] и съел его, затем второй и третий. Затем он отрезал кусок и передал его послу Саусану. Когда [Саусан] его получил, ему принесли маленький стол и поставил перед ним. Таков обычай: никто не притрагивается к еде, пока царь не передаст ему кусок. Как только [кто-либо] получает кусок, ему [сразу же] приносят стол.

L.7.4. Затем царь передал [кусок мяса] мне, и мне принесли стол. Затем он передал [кусок мяса] четвертому царю, и ему принесли стол, затем он передал [кусок мяса] своим сыновьям, и им принесли столы. Мы ели каждый со своего

стола, никто не брал ничего на других столах. Когда кто-либо заканчивал с едой, он уносил всё, что осталось на его столе, к себе в юрту.

L.7.5. Когда мы закончили [с едой], царь приказал [принести] медовый напиток, который они называют *суджу* [и который приготавливается брожением] в течение суток. Царь выпил кубок, затем поднялся и сказал:

– Да будет засвидетельствована моя радость по отношению к моему господину, повелителю верующих, да продлит Аллах его жизнь!

L.7.6. После этого поднялись четыре царька и его сыновья. Мы тоже встали. Когда он [выпил так] трижды, мы ушли.

18. Новая хутба и новое имя Алмыша

L.8.1. До моего прибытия на минбаре [Алмыша] уже провозглашали за него [следующую] хутбу: «Аллах, храни правителя Йалтава-ра, царя Булгара!»

L.8.2. Я сказал ему:

– Поистине, царь – это Аллах. На минбаре нельзя называть этим именем никого, кроме Него, великого и всемогущего. Твой господин, повелитель верующих, в отношении самого себя доказывается тем, что на его минбарах на Востоке и на Западе провозглашают: «Аллах, храни раба твоего и наместника твоего Джафара, имама, ал-Муктадир би-ллаха, повелителя верующих!» Так же [поступали] и его предшественники-халифы. Сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует: «Не восхваляйте меня без меры, как христиане восхваляют Ису ибн Марьям¹²², ведь, поистине, я раб Аллаха и посланник Его».

L.8.3. Царь сказал мне:

– Как подобает провозглашать хутбу за меня?

Я ответил:

– [Упомянув] твое имя и имя твоего отца.

Он сказал:

– Но отец мой был неверным, я не хочу упоминать его имени на минбаре. Я и сам [был неверным], и я не хочу, чтобы произносилось имя, которое я носил, будучи неверным. А какое имя моего господина, повелителя верующих?

¹²⁰ Вази́р аббасидского правительства в 918–923 гг.

¹²¹ Араб. *ад-дибадж ар-руми* 'византийская парча'.

¹²² Т. е. Иисуса, сына Марии.

Я ответил:

– Джафар.

Он спросил:

– Можно ли мне взять его имя?

Я ответил:

– Да.

18.5. Он сказал:

– [Тогда] я беру себе имя Джафар, а именем моего отца [будет] Абдаллах. Дай [знать] об этом хатибу.

Я выполнил [приказание], и хатиб стал провозглашать за него [следующую] хутбу: «Аллах, храни раба твоего Джафара ибн Абдаллаха, правителя Булгара, клиента повелителя верующих!»

19. Спор по поводу четырех тысяч дирхамов

19.1. По прошествии трех дней после прочтения письма халифа и вручения подарков царь послал за мной. До него дошли сведения о четырех тысячах дирхамов и о том, какую хитрость [выдумал Муса] ан-Насрани, чтобы задержать [их от правку]. Об [этих деньгах] сообщалось в письме.

19.2. Когда я вошел к нему, он приказал мне сесть. Я сел. Он бросил мне письмо повелителя верующих и спросил:

– Кто принес это письмо?

Я ответил:

– Я.

Потом он бросил мне письмо вазира и спросил:

– А это?

Я ответил:

– Я.

Он спросил:

– Что касается денег, упомянутых в них обоих: что с ними произошло?

Я ответил:

– Их было нелегко собрать, у нас было мало времени, и мы боялись пропустить [караван, с которым мы] приехали [к тебе]. Поэтому мы [ждем], что они прибудут позднее.

19.3. Он сказал:

– Поистине, вы приехали [сюда] все вместе, и мой господин оплатил вам всё. Единственное, почему вы здесь, так это для доставки денег, на которые я построил бы крепость для защиты от иудеев, пытающихся поработить

меня. Что касается даров, то мой гулам сам бы прекрасно смог их доставить.

Я ответил:

– Это всё верно, но мы сделали всё, что смогли.

19.4. Затем он сказал переводчику:

– Скажи ему, что я не знаю этих людей, а знаю только его¹²³, все они не арабы. Если бы Учитель, да поможет ему Аллах, заранее бы знал, что они смогут сделать то, что сделал ты, он не послал бы тебя блюсти мои интересы, прочесть мое письмо и услышать мой ответ. Я не спрошу ни единой монеты ни с кого, кроме как с тебя! Отдавай деньги, [иначе] тебе же будет [хуже]!

19.5. Я ушел от него испуганным и расстроенным. Он выглядел впечатляюще, был высоким, широким и большим человеком, вызывавшим уважение. Он был похож на большую горящую бочку.

19.6. Я ушел от него, собрал своих товарищей и рассказал им о том, что произошло между царем и мною. Я сказал им:

– Я вас об этом предупреждал.

20. Спор по поводу икамы

20.1. Муаззин [Алмышы], призывая к молитве, провозглашал икаму дважды. Я сказал царю:

– Поистине, твой господин, повелитель верующих, провозглашает в своем государстве икаму всего один раз.

Он сказал муаззину:

– Учти то, что он сказал тебе, и не перечь ему.

20.2. Согласно этому указанию муаззин совершал молитву в течение нескольких дней, пока царь расспрашивал меня о деньгах и спорил о них со мной, а я расстраивал его [своими ответами] и аргументировал их доказательствами.

20.3. Когда он пришел в отчаяние со всем этим, то дал распоряжение муаззину, чтобы тот [снова] провозглашал икаму дважды, что муаззин и сделал. Таким образом царь хотел вынудить его вступить со мной в спор.

20.4. Когда я услышал, что он удвоил икаму, я запретил ему [так делать] и крикнул на него. Царь узнал об этом и велел мне и моим товарищам прийти.

¹²³ Т. е. Ибн Фадлана.

20.5. Когда мы собрались, царь сказал переводчику:

– Спроси у него: что ты скажешь о двух муаззинах, один из которых провозгласил [икаму] один раз, а другой дважды, и затем каждый из них молился с народом, – законна ли такая молитва или нет?

Я ответил:

– Молитва законна.

Он спросил:

– Разойдутся ли мнения по этому вопросу или сойдутся?

Я ответил:

– Сойдутся.

20.5. Он сказал:

– Спроси у него: что ты скажешь о человеке, который передал людям деньги, предназначенные для людей бедных, страдающих в осаде и порабощенных, а те обманули его?

Я ответил:

– Это недопустимо и это люди злодеи.

Он спросил:

– Разойдутся ли мнения по этому вопросу или сойдутся?

Я ответил:

– Сойдутся.

20.6. Тогда он сказал переводчику:

– Скажи ему: думаешь ли ты, что если бы халиф (да продлит Аллах его жизнь!) – послал войско против меня, то победил бы меня?

Я ответил:

– Нет.

Он спросил:

– А [если бы так поступил] правитель Хорасана?

Я ответил:

– Нет.

Он спросил:

– Не потому ли, что между нами большое расстояние и множество племен неверных?

Я ответил:

– Да.

20.7. Он сказал:

– Скажи ему: клянусь Аллахом, хотя я и живу в отдаленном месте, как ты меня видишь, но я, поистине, боюсь своего господина, повелителя верующих. Я боюсь того, что он узнает что-то, что отвратит его от меня, что он проклянет меня

именем Аллаха и разрушит мою страну, не покидая пределов своей собственной, столько отдаленной от меня. А вы, которые едите его хлеб, носите его одежды и видите его в любое время дня, вы провалили задание, с которым он послал вас ко мне, к [моему] бедному народу! Вы обманули мусульман! Я не приму от вас никаких наставлений в деле вероучения, пока ко мне не придет такой [человек], кто будет искренен и правдив со мной! Если такой человек придет ко мне, то я его приму.

20.8. Мы не могли сказать ни слова, нам было нечего сказать, и мы ушли от него.

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

20.9. Но даже после этого разговора царь продолжил оказывать мне почести и уважение, а моих товарищей от себя отдалил. Он назвал меня Абу Бакр ас-Сиддик¹²⁴.

М. Чудеса страны булгар: небесные сполохи

М.1. Я видел в его стране множество чудес, которые трудно перечислить.

М.2. В первую ночь, которую мы провели в его стране, я перед заходом солнца увидел в предзакатный час, как небесный свод засиял красным, и небо наполнилось сильным шумом и криками. Я поднял свою голову и увидел поблизости от себя туман, подобный огню. Я видел, что этот шум и крики [доносились] из тумана, облака которого были похожи на людей и коней. У облачных фигур, похожих на людей, были копья и мечи, которые я видел совершенно ясно. Затем я увидел другой край тумана, похожий на первый, там также были люди, кони и оружие. Один край стал нападать на другой край, как будто одна конница сталкивалась с другой. Мы испугались этого и начали молиться и умолять Господа сжалиться над нами, а местные жители смеялись над нами и удивлялись нашим действиям.

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

М.3. Мы смотрели на сражающиеся полки, которые на некоторое время перемешались, потом оба разделились. Всё это продолжалось какое-то время. Затем они исчезли.

¹²⁴ Имя и почетное прозвище «праведного» халифа VII в.

М.4. Мы спросили об этом царя. Он рассказал, что его предки говорили: «Это верующие и неверующие джиинны. Они сражаются [друг с другом] каждый вечер и не прекращают [сражения] с тех пор, как мы поселились здесь».

Н. Чудеса страны булгар: короткие ночи

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Н.1. Однажды ко мне в юрту пришел портной, служивший у царя булгар, а он [был] из жителей Багдада и случайно попал эту страну. Он [хотел] поговорить со мной. Мы разговаривали столько времени, сколько не хватит для чтения и половины от одной седьмой части [Корана]. [Разговаривая,] мы ожидали [начала] вечерней молитвы. Когда [мы услышали] молитву, мы вышли из юрты.

Н.2. [К этому моменту] наступил рассвет, и я спросил муаззина:

– Какую молитву ты прочел?

Он ответил:

– Рассветную.

Я спросил:

– А последнюю ночную?

Он ответил:

– Мы читаем эту молитву вместе с закатной [молитвой].

Я спросил:

– А [основную] ночную [молитву]?

Он ответил:

– Видишь, насколько [коротка ночь]? Были [ночи] еще короче, чем эта, но сейчас [продолжительность ночей] стала увеличиваться.

Н.3. [Этот муаззин] рассказал мне, что он уже месяц не спит, опасаясь пропустить утреннюю молитву. Потому что [ночи стали так коротки], что если кто-то ставит котелок [греться] на огне в [начале] закатной [молитвы], то ко времени [чтения] утренней молитвы он еще не начинает кипеть.

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Н.4. Я видел, что в их стране [световой] день очень длинный. Он остается таковым в течение определенной части года, [в то время как] ночи короткие. Затем ночи удлиняются, а дни укорачиваются.

Н.5. На вторую ночь [нашего пребывания]¹²⁵

я сидел вне юрты и смотрел на небо. Я увидел на нем совсем мало звезд. Я думаю, что [на небе было] около пятнадцати звезд вне созвездий. Красная заря, которая [появляется] перед вечерней молитвой, никогда не исчезает. Ночь была настолько светлой, что один человек [мог бы] опознать другого человека с большего [расстояния], чем полет стрелы.

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Н.6. Я видел, что луна не достигает и середины небосвода, но появляется на его краях на [короткое] время и скрывается, когда [приходит] рассвет.

Н.7. Царь рассказывал мне, что за [пределами] его страны на расстоянии трех месяцев пути [живет] народ, называемый вису. Ночь у них [длится] меньше часа.

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Н.8. Я видел, что во время восхода солнца в этой стране всё вокруг окрашивается красным: земля, горы и всё, на что ни взглянешь. Солнце восходит подобно большому облаку, и красная заря продолжается [до тех пор,] пока [солнце] не достигнет зенита.

Н.9. Жители этой страны сообщили мне [следующее]:

– Поистине, когда [приходит] зима, ночь становится такой же длины, как [летний] день, а [зимний] день становится таким же коротким, как [летняя] ночь. Поистине, если кто-то из нас отправляется [зимой] на рассвете к месту, называемому Атил и которое [находится от нас] на расстоянии меньше одного фарсаха, то [к моменту] его прибытия уже наступает ночь и появляются все звезды, покрывающие [всё] небо.

Н.10. Мы уехали из страны [булгар только тогда], когда ночи [стали] долгими, а [световой] день коротким.

О. Чудеса страны булгар: вой собак и змей

О.1. Я видел, что люди этой страны считают для себя хорошим знаком вой собак. Они радуются, [когда слышат] его, и говорят: « [Будет] год изобилия, благополучия и мира!»

О.2. Я видел, что в этой стране очень много

змей. [Бывает], что одну ветку дерева могут обвить более десятка змей. Люди не убивают их, так как [эти змеи] им не вредят.

О.3. Поистине, однажды я видел в одном месте дерево высотой больше ста локтей. Оно было упавшим, и я видел, насколько огромен его ствол. Я остановился посмотреть на него, но внезапно оно стало двигаться. Я испугался и посмотрел на [это дерево] внимательно. Я увидел, что на нем [была] змея, такой же длины и толщины, как и оно [само]. Когда [эта змея] увидела меня, она сползла с [этого дерева] и исчезла между деревьями. Я возвратился в ужасе и рассказал [об этом] царю и его дружине. Они не обратили [на мои слова] внимания. Царь сказал мне:

– Не пугайся, она не принесет тебе вреда.

Р. Чудеса страны булгар: ягоды, яблоки, орехи, древесный сок

Р.1. Однажды, когда мы [путешествовали] с царем, мы остановились на привал. Я, мои товарищи Тегин, Саусан, Барс и [сопровождавший нас] дружинник царя пошли в древесную рощу. [Этот дружинник] показал нам растение, маленькое и зеленое, толщиной с веретено, но более длинное. У его основания [был] широкий лист, [склонившийся] к земле и давший новые побеги, на которых [росли] ягоды. Кто пробует их на вкус, тот думает, что это гранаты без косточек. Мы попробовали их и убедились, что они в высшей степени вкусны. Мы провели много времени, разыскивая и поедая их.

Р.2. Я видел у них яблоки ярко-зеленого цвета. Их вкус кислее винного уксуса. Девушки-рабыни едят их и от этого толстеют.

Р.3. Я нигде не видел большего количества деревьев орешника, чем в их стране. Поистине, я видел ореховые леса [протяженностью] сорок фарсахов [или] около того.

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Р.4. Я видел у них деревья, о которых [раньше] не знал. Они чрезвычайно высокие, их стволы лишены листьев, а кроны похожи на [кроны] пальм. У них такие же листья, как у пальм, но [соединенные] вместе. Жители этой страны приходят туда, где растут эти де-

ревья, делают [на стволе] надрез, ставят под ним сосуд, в который [из надреза] стекает сок слаще меда. Если кто-нибудь выпьет слишком много этого сока, то он опьянеет так, как будто выпил вина, или еще сильнее.

Q. Обычаи булгар

Q.1. Их пищей [являются] просо и конина, хотя у них достаточно также пшеницы и ячменя. Все те, кто сеют [зерно], забирают весь урожай [себе].

Q.2. Царь не имеет права [собственности] на посевы, единственная [подать], которую ему платят ежегодно, – это по [штуке] собольего меха от каждого дома.

Q.2. Если царь прикажет своей дружине отправиться в военный проход против какой-либо страны и дружина вернется с добычей, он, как и остальные, [имеет] свою долю.

Q.4. Каждый, кто устраивает свадьбу или созывает пир, должен [выделить] долю царю, [размер] которой [зависит] от размаха праздника. Устроитель должен выделить меру¹²⁶ медового набиза и какое-то количество плохой пшеницы: [плохой] из-за того, что земля у них черная и дурно пахнущая, а по отсутствию у них мест для хранения пищи они роют в земле ямы и складывают продукты в них. В результате через несколько дней пища портится, начинает дурно пахнуть и становится несъедобна.

Q.5. И у них совершенно нет ни оливкового, ни кунжутного масла. Поистине, вместо этого они используют рыбий жир, поэтому всё, что они на нем готовят, дурно пахнет.

Q.6. Они готовят из ячменя похлебку, которую едят девушки-рабыни и гуламы-рабы. Иногда они варят ячмень с мясом. Хозяева съедают мясо, девушкам-рабыням отдают ячмень. Но если в качестве мяса употребляется козлиная голова, то девушки получают часть [такого] мяса.

Q.7. Все они носят шапки. Когда царь выезжает верхом, едет один, без гулама и без сопровождающих, и приезжает на базар, все встают, снимают со своих голов свои шапки и кладут их себе подмышку. Когда царь уезжает прочь, они

¹²⁵ Т. е. с 13 на 14 мая 922 г.

¹²⁶ Араб. *сахрадж*.

надевают эти шапки обратно себе на головы. Точно так же, если кто-то подойдет к царю, молод он и ли стар, включая его [собственных] детей и братьев, и окажется рядом с ним, немедленно снимает свою шапку и кладет ее себе подмышку. Потом он делает в его направлении знак головой и садится, затем встает, пока царь не позволит ему сесть. Поистине, каждый, кто сидит перед царем, [сидит] на коленях и не вынимает своей шапки из подмышки и не показывает ее, пока не уйдет от царя. [Выйдя], он надевает шапку [обратно].

Q.8. Все они [живут] в юртах. Юрта царя очень большая, в нее [могут] поместиться тысяча человек или более душ. Она застлана армянскими коврами. В центре [юрты поставлен] престол, покрытый румийской парчой.

Q.9. Один из их обычаев таков, что когда у сына [какого-либо] человека рождается ребенок, то именно дед, а не отец забирает его к себе [для воспитания]. Он говорит: «Поистине, я имею больше прав [определять] судьбу [ребенка], чем его отец, до тех пор, пока [ребенок] не вырастет [взрослым]».

Q.10. Когда кто-нибудь из них умирает, то его брат наследует ему прежде его сына. Я сказал царю, что это незаконно, и объяснил [законные] правила наследования, пока он их не понял.

Q.11. Я нигде не видел столько гроз, сколько в их стране. Если гроза ударит в юрту, они никогда [больше] не приближаются к ней, оставляя ее такой, какая она есть, вместе со всем, что [находится] в ней, – людьми, имуществом и прочим таким, пока время не уничтожит ее [полностью]. Они говорят: «На эту юрту [пал] гнев господень».

Q.12. Если кто-то из них преднамеренно убьет другого, они казнят его за [убийство], а если убийство [было] непреднамеренным, то делают для [убийцы] ящик древесины березы, помещают его в [этот ящик], заколачивают [ящик гвоздями] и кладут вместе с ним три лепешки [хлеба] и чашку с водой. Затем они устанавливают [вертикально] три бревна, подбные опорам, и подвешивают [ящик] между ними. Они говорят: «Мы помещаем его между небом и землей, дождем и солнцем. Может быть, Аллах [явит свое] милосердие ему».

[Ящик с убийцей] остается [в таком положении], пока время [не превратит его] в прах и ветры не развеют [его].

Q.13. Если они видят умного и знающего человека, они говорят: «Этот [человек] заслуживает [того, чтобы] служить нашему Господу». Они берут его, завязывают ему на шею веревку и вешают его [в этой петле] на дереве, чтобы он скончался.

Q.14. Поистине, переводчик царя рассказывал мне, что один синдиец¹²⁷ случайно оказался в этой стране и остался на [какое-то] время на службе у царя. Он был талантлив и умен. [Однажды] одна группа [людей] захотела выехать по [торговым делам], а этот синдиец обратился к царю за разрешением уехать вместе с ними. Царь запретил ему [уезжать]. [Синдиец] настаивал [на отъезде так долго], что царь разрешил ему отправиться вместе с ними в корабле. Они увидели, как он умен, и решили между собою [следующее]:

– Этот человек хорошо подходит [для того, чтобы] служить нашему Господу, давайте оправим его к Нему.

Их путь проходил поблизости от леса. Они привели [этого синдийца] в [этот лес], завязали ему на шею веревку и подвесили его к вершине высокого дерева. Они оставили его [в таком положении] и ушли.

Q.15. Когда они [находятся] в дороге и один из них хочет справиться малую нужду, имея при себе оружие, то грабят его, отнимая его [оружие,] одежду¹²⁸ и всё, что [имеется] при нем. Таков их обычай. Если же [этот человек] снимает с себя оружие и кладет его в стороне [от того места, где] справляет малую нужду, то они не нападают на него.

Q.16. Мужчины и женщины спускаются к реке вместе и моются обнаженными. Никто не закрывает свое тело от другого [человека]. Они никогда и ни при каких обстоятельствах не предаются разврату.

Q.17. Если кто-то будет уличен в измене, неважно, [мужчина это или женщина], то устанавливают четыре железных кола, привязывают его к ним за обе руки и обе ноги и разрубают [его] топором надвое от затылка до его обоих бедер. Точно так же они поступают с женщиной. Затем они развешивают куски обоих тел на дереве.

¹²⁷ Житель провинции ас-Синд, совр. Пенджаб в Пакистане.

¹²⁸ В Мешхедской рукописи: только «одежду», у Йакута: «оружие и одежду».

Q.18. Я долго старался заставить женщин закрывать лица [в присутствии] мужчин, но мне не удалось [добиться] этого.

Q.19. Воров они казнят [тем же способом], как и прелюбодеев.

Q.20. У них в лесах много меда, [образующегося] в [древесных] пчелиных ульях. Люди знают, где [их нужно искать]. Они отправляются собирать [мед], но иногда на них нападают вражеские отряды и убивают их.

Q.21. Среди них много купцов, которые ездят в страну тюрок, привозя [оттуда] овец, и в страну, называемую Вису, привозя оттуда меха соболей и меха черно-бурых лисиц.

R. Два эпизода принятия ислама в стране булгар

R.1. Мы видели у них представителей одного рода, пять тысяч людей женского и мужского [пола]. [К этому моменту] все они приняли ислам. [Они] известны под названием *ал-баранджар*. Для них [была] построена деревянная мечеть, [в которой] они молятся. Они не умеют читать [молитвы], поэтому я научил [этих людей] [правильно молиться].

R.2. Поистине, один человек, которого звали Талут, принял под моим руководством ислам, и я назвал его Абдаллах. Он сказал:

– Я хочу, чтобы ты назвал меня твоим [собственным] именем Мухаммад.

Я сделал [так, как он просил]. Приняли ислам его жена, его мать и его дети, и все они получили имя Мухаммад.

Я научил его [словам]: «Хвала Аллаху!» и «Скажи: он – Аллах единый». Его радость [от знания] этих двух сур была больше, чем его радость, если бы он стал царем булгар.

21. Ставка Алмыша и волжское торжище

21.1. Когда мы прибыли к царю, мы обнаружили его ставку в [месте] Халладжа¹²⁹. Это три озера, из которых два больших и одно маленькое. Но среди этих озер нет такого, у которого можно достигнуть дна.

¹²⁹ Отождествляется с Тремя озерами к югу от совр. г. Болгара в Татарстане.

21.2. Между этим местом и огромной рекой [страны булгар], текущей в страну хазар и называемой рекой Атил, около фарсаха. На этой реке [находится] торжище, на котором [расположен] постоянный рынок и где продаются многие важные товары.

S. Рассказ о волжском великане Sa. Начальное обрамление

Sa.1. До этого Тегин рассказывал мне, что в стране этого царя [есть] один человек огромного телосложения.

Sa.2. Когда я приехал в эту страну, я спросил царя об этом. Он ответил:

– Да, раньше был в нашей стране [такой человек], он умер. Он не [принадлежал] к народу этой страны, он также [вообще не был] из людей.

Sb. Алмыш рассказывает историю великана

Sb.1. Случилось так, что отряд купцов выехали к реке Атил, по их обыкновению. На этой реке было половодье, и она вышла из берегов. Не прошло и дня, как этот отряд купцов приехал ко мне, и они сказали:

– О царь, по воде плыл один человек, [такой, что] если он [происходит] из народа, соседствующего с нами, то не будет нам места в этих землях, нам останется лишь переселиться.

Sb.2. Я поехал с ними верхом, пока не приехал к реке. Я оказался около этого человека. Роста он, [меряя] длиной моего собственного локтя, двенадцать локтей. Размер его головы был как самый большой котел, который только бывает, нос больше пяди, глаза огромные, пальцы больше пяди в длину.

Sb.3. Его вид испугал меня, я испытал такой же страх, как и эти купцы. Мы стали говорить с ним, но он не отвечал нам и только смотрел на нас.

Sb.4. Я взял его в мою ставку и написал [письмо] народу вису, они [живут] в трех месяцах пути от нас, и запросил их [сведения] о нем. Они ответили мне, сообщив мне [следующее]:

Sc. Алмыш цитирует письмо из страны Вису

Sc.1. «Этот человек принадлежит к народу Йаджудж и Маджудж¹³⁰. Они живут в трех месяцах пути от нас. Границей между нами и ими является море, они живут на другом берегу. Они не носят одежды и обуви. Они сношаются друг с другом, как животные.

Sc.2. Аллах великий и могучий каждый день являет им из моря рыбу. Каждый их них приходит с ножом и отрезает себе от нее столько, сколько необходимо ему и его семье. Если возьмет больше, чем нужно, то у него заболит живот, и у [членов] его семьи заболит животы, а иногда [и вообще] он умирает, и [все члены его семьи] умирают.

Когда они возьмут от [этой рыбы] столько, сколько нужно, она поворачивается и уплывает обратно в море. Они делают так каждый день.

Sc.3. Между нами и ними [лежит] море. У них с одной стороны море, а с другой они окружены горами. Стена [Искандара] отделяет их от Ворот¹³¹, из которых они выходят. Если Аллах великий и могучий захочет привести их в обитаемые земли, то он откроет Стену, высушит море и заставит исчезнуть рыбу».

Sd. Конечное обрамление

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

Sd.1. Я продолжал расспрашивать царя об этом человеке. Он ответил:

– Он оставался у меня [в течение какого-то] времени. Посмотрит на него мальчик – и умрет, [посмотрит] беременная – и выкинет. Если он овладевал человеком, то сжимал его обеими руками, пока не убьет. Когда я увидел это, то повесил его на высокое дерево, пока он не умер. Если ты хочешь поглядеть на его кости и череп, я пойду с тобой и покажу тебе их.

Я ответил:

– Клянусь Аллахом, я очень хочу [увидеть их].

Sd.2. Он поехал верхом вместе со мною в большой лес с огромными деревьями и привел меня к дереву, под которым [лежали] его

кости и череп. Я увидел, что его голова похожа на большой улей, его ребра похожи на огромные сухие пальмовые стебли, его бедренные и локтевые кости такие же огромные. Я был поражен увиденным. Затем я ушел.

22. Переезд ставки на реку Джаушыр

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

22.1. Царь переехал от водоема, называемого Халладжа, к реке, называемой Джаушыр, на которой он остановился на два месяца. Потом он [вновь] захотел переехать и послал [посланника] к народу, называемому *сувар*, приказав им выступить вместе с ним. Они отказались [подчиниться] и разделились на две группы.

22.2. Одну из [этих групп] возглавил его зять, которого звали Вайрыг, он был их правителем. Царь [булгара] послал им [сообщение], говоря:

– Поистине, Аллах великий и могучий ниспослал мне благодать Ислама и верховенство повелителя верующих. Я его раб. Эти люди признали мою власть, и если кто-то будет перечить мне, я встречу его мечом!

22.3. Другую группу возглавлял царек племени, которого называли царь [народа] *эскель*. Он признавал верховенство [царя булгар], но [к этому моменту еще] не принял ислам.

22.4. Когда царь послал им это [последнее послание], они испугались [того, что он] вознамерился [сделать], и все поехали с ним к реке Джаушыр.

22.5. Это узкая река, ширина ее пять локтей. [Глубина] ее воды – до пупа, кое-где – до ключицы, но во многих [местах] – больше человеческого роста. Вокруг [растут] деревья, большинство из них – березы и другие [деревья]. Около реки [имеется] широкая поляна, о которой рассказывают [следующее].

T. Рассказ о носороге

T.1. На ней [водится] животное величиной меньше верблюда, но больше быка. Голова его подобна голове верблюда, хвост его подобен

делен он Гога и Магога (Йаджудж и Маджудж), которым предначертано явится в конце времен.

хвосту быка, тело его подобно телу мула, копыта его подобны копытам быка. Посередине головы у него один толстый изогнутый рог. Этот рог утончается к концу, пока не становится похож на острие копья. Некоторые [экземпляры имеют] рог длиной от трех до пяти локтей, больше или меньше [этого].

T.2. Это [животное] питается листьями определенного дерева, которые очень [сочные и] зеленые.

T.3. Когда это [животное] видит всадника, то оно приближается к нему. Даже если у всадника лучший конь, ему будет трудно спастись бегством. Если [это животное] догонит всадника, оно сбрасывает его своим рогом со спины коня, затем подбрасывает его в воздух и ловит этим же рогом. [Это животное] не перестает [делать] так до тех пор, пока не убьет [всадника]. Но ни при каких обстоятельствах оно не причиняет вреда коню.

T.4. [Люди] охотятся на него в степях и в лесах. Они делают это [следующим образом]: влезают на высокие деревья, среди которых [носороги пасутся], и собираются [группой из] нескольких стрелков с отравленными стрелами. Когда [носорог] оказывается между ними, они [начинают] стрелять в него, пока не изранят и не убьют его.

T.5. Поистине, я видел у царя три большие миски¹³² [из материала], похожего на йаманский оникс. Царь сообщил мне, они [сделаны] из основания рога этого животного¹³³.

T.6. Некоторые жители этой страны рассказывали мне, что это [животное] – носорог¹³⁴.

U. Обычаи булгар касательно болезни и смерти

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

U.1. Я никогда не видел среди них желтушных, ведь большинство из них, заболевая этой болезнью, умирают от коллик. Поистине, даже грудные дети страдают от этого недуга.

U.2. Когда у них умирает какой-нибудь мусульманин или мужчина, [имеющий] жену-хорезмийку, они обмывают тело по мусульманскому обряду, кладут его на повозку и провозят ее со знаменем, пока не придут к месту

погребения. Когда они приезжают туда, они вынимают [покойника] из повозки и кладут его на землю. Затем они очерчивают линию по его контуру, перекладывают его, затем по этой линии выкапывают яму, делая в ней боковую нишу для [для тела]. Затем они хоронят его. Так они поступают со своими умершими.

U.3. Женщины не оплакивают мертвых, но их оплакивают мужчины в день смерти [покойника]. Они становятся у входа в его юрту и вопят отвратительным и диким воплем, каким только могут. Так делают свободные люди. Когда плач заканчивается, приходят рабы с кожаными плетями и [тоже] начинают вопить, непрерывно лупя свои бока и задницы этими плетями, пока их тела не покрываются рубцами от [такого] бичевания. Они должны установить знамя перед входом этой юрты. Они приносят оружие покойника и кладут его вокруг его могилы.

U.4. Они не прекращают этот плач в течение двух лет. Когда проходят два года, они снимают знамя и состригают свои волосы. Близкие родственники умершего устраивают пир, чтобы известить [всех] об окончании траура.

U.5. Если покойник имел жену, она [снова] может выйти замуж.

U.6. Это обычай, [принятый] среди знати их страны. Простые люди соблюдают только часть [описанного обряда, хороня] своих покойников.

V. Сведения о царе булгар

V.1. На царя булгар [возложена] дань, которую он платит царю хазар, – [по] шкуре соболя от каждого дома в его государстве.

V.2. Когда прибывает корабль из страны хазар в страну булгар, царь [булгар] собирает¹³⁵ и пересчитывает всё [привезенное] на нем и берет [себе] десятую часть от этого. Когда прибывают русы или другое [племя] из всех тех племен, [которые торгуют] рабами, царь лично выбирает [себе] из каждого десятка голов [одну] голову.

V.3. Сын царя булгар [живет в качестве] заложника у царя хазар.

¹³⁰ Мифологические народы Гог и Магога, упоминаемые в Коране.

¹³¹ Мифологическая стена Искандара (Александра Македонского) и Железные ворота, которыми обитаемый мир от-

¹³² В тексте: *тайфурийа*, значение которого реконструируется как 'пиала особого типа' (если справедливо сопоставление корня этого слова с именем знаменитого персидского суфия IX в. Абу Йазиды Тайфура ибн Исы ал-Бистами).

¹³³ Речь идет о материале, называвшемся *хуту*, или рог носорога. Известны сосуды, вырезавшиеся из него в VII–XVII вв.,

¹³⁴ В тексте: *ал-каркаданн*.

¹³⁵ Читаю: *раккаба*.

V.4. Как-то давно до царя хазар дошли известия о красоте дочери царя булгар. Царь хазар стал свататься к ней, а царь булгар воспротивился этому и отказал ему. Тогда царь хазар завоевал ее силой, хотя он еврей, а она мусульманка. Попав к нему, она умерла. Тогда он стал [свататься] во второй раз. Как только это стало известно царю булгар, то он поспешил выдать ее замуж за царя [народа] *эскель*, это люди из тех, что были подчинены царю булгар. Он боялся, что царь хазар отнимет ее силой, подобно тому, как он сделал с ее сестрой. Поистине, царь булгар повелел катибу написать письмо государю и попросил его о постройке для него крепости, поскольку он боялся царя хазар.

23. Что важнее: крепость или благословенные монеты?

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

23.1. Однажды я спросил царя:

– Твое государство обширно, у тебя много денег, твои доходы многочисленны. Почему ты просил государя, чтобы он построил крепость на свои средства?

23.2. Он ответил мне:

– Я думаю, что исламское государство процветает и что его доходы берутся из законных источников. Именно потому я обратился с [этой] просьбой. Поистине, если бы я хотел построить крепость на свои деньги, на серебро или золото, то мне бы это было не трудно. Поистине, я лишь хотел получить благословение от монет повелителя верующих, поэтому и просил его [прислать] их.

W. Обычаи русов

Сказал [Ахмад ибн Фадлан]:

W.1. Я видел русов, прибывших по своим торговым делам и расположившихся [на берегу] реки

Атил. Я не видел среди них толстых, они подобны пальмам. Они светловолосы и светлокожи. Они не носят ни курток, ни хафтанов, вместо этого их мужчины носят одеяние, которым они закрывают половину туловища, так что одна из рук остается обнаженной. У каждого из них – топор, меч и нож, – они не расстаются со всем упомянутым. Мечи их широкие, с долем¹³⁶, франкской [работы]. У некоторых из них от кончика ногтя до шеи – собрание деревьев, фигур и прочего такого же¹³⁷.

W.2. Что касается их женщин, то на груди у каждой прикреплены коробочки¹³⁸ из железа или из серебра или из меди или из золота – соответственно богатству ее мужа и его могуществу. На каждой коробочке – кольцо, к нему прикреплен нож¹³⁹ – опять же на груди. На их шеях – гривны¹⁴⁰ из золота и серебра, ибо когда состояние мужчины достигает тысячи¹⁴¹ дирхамов, он отликает¹⁴² своей жене одну гривну, а если оно достигает двух тысяч дирхамов – он отликает ей две гривны. Таким образом, каждая дополнительная тысяча дирхамов прибавляет его жене гривну, поэтому на шеях некоторых из них бывает много гривен.

W.3. Самым красивым украшением у них считаются зеленые бусы из тех бус, что [привозятся] на кораблях. Они прикладывают все усилия для обладания ими, покупают одну бусину за один дирхам и нанизывают их в ожерелья своим женщинам.

W.4. Они самые грязные из созданий Аллаха. Они не очищаются ни от кала, ни от мочи, не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды. Они подобны бродящим ослам¹⁴³.

W.5. Они прибывают из своей страны и ставят свои корабли на якорь на Атиле, а это большая река. Они строят на ее берегу большие дома из бревен. Собирается в одном таком доме десять или двадцать или меньше или больше [человек]. У каждого из них – скамья, на которой он сидит, и с ним девушки-рабыни для купцов. Каждый совокупляется со сво-

¹³⁶ Другой вариант трактовки эпитета *мушаттаба* ('прочерченный') – «узорчатый», т. е. дамаскированный.

¹³⁷ Налицо описание татуировки.

¹³⁸ По археологическим данным *коробочки русов* Ибн Фадлана интерпретируются как скандинавские скорлуповидные или коробчатые фибулы.

¹³⁹ По археологическим данным интерпретируются как кольцевые застежки с длинной уплощенной и заостренной иглой.

¹⁴⁰ Здесь и далее араб. *таук*, мн. ч. *атвак*.

¹⁴¹ Здесь и далее в рукописи *десять тысяч дирхамов*, что следует исправить на тысячу дирхамов, так как первая сумма (порядка 30 кг серебра) неправдоподобно велика для X в. (и в то же время, она мала для XI–XII вв., когда дирхамы стали медными, а текст бухарского сборника претерпел редакторскую правку).

¹⁴² Здесь и далее араб. *сага*.

¹⁴³ Дословно повторена фраза, ранее появившаяся в описании гуззов.

ей девушкой, а его товарищ смотрит на него. Иногда собирается толпа из них в положении друг напротив друга. Иногда к ним приходит купец, чтобы купить у кого-нибудь из них девушку, и застаёт его сношающим ее, а этот рус не оставляет [своего занятия], пока не удовлетворит свое желание.

W.6. У них есть обычай каждый день умывать свои лица и свои головы самой грязной и самой нечистой водой, которая только бывает. Это происходит так: девушка приходит каждый день утром, неся большую лохань с водой, и подносит ее своему господину. Он моет в ней обе руки, лицо и все волосы, вычесывая их гребнем в лохань. Затем он сморкается и плюет в воду, всю свою грязь он оставляет в этой воде. Когда он заканчивает свои нужды, девушка переносит лохань к сидящему рядом, и тот делает то же самое, что делал его товарищ. Она переносит лохань от одного к другому до тех пор, пока не обойдет с нею всех находящихся в этом доме. Каждый сморкается, плюет и моет свое лицо и свои волосы в [этой лохани].

W.7. Как только корабли русов прибывают к месту стоянки, каждый [рус] выходит с хлебом, мясом, луком, молоком и брагой, подходит к вертикально поставленному длинному бревну с лицом, похожим на лицо человека; вокруг этого бревна меньшие идола, а за этими идолами – длинные бревна, вертикально вкопанные в землю. Он подходит к большому идолу и кланяется ему, затем говорит ему: «Господи! Я приехал из далекой страны, у меня рабынь столько-то и столько-то голов, соболей столько-то и столько-то шкур», – так он описывает все товары, прибывшие с ним, затем говорит: «И я пришел к тебе с этим даром!» Он оставляет принесенный дар перед этим бревном и говорит: «Я хочу, чтобы Ты ниспослал мне купца с многочисленными динарами и дирхамами и чтобы он купил у меня всё, что я захочу, и не прекословил бы мне в том, что я скажу!» Затем он уходит.

W.8. Если у этого [руса] трудности с продажей и время его [пробывания] затягивается, он приходит с даром во второй и в третий раз. Если [у него по-прежнему] затруднения в том, что он хочет, он приносит дары каждому из меньших идолов, просит их о заступничестве и говорит: «Это жены, дочери и сыновья нашего господа!»

Он не перестает обращаться к этим идолам одному за другим, прося и моля их о заступничестве и пресмыкаясь перед ними. Бывает, что продажа идет легко и он распродает [всё, что привез]. Тогда он говорит: «Мой господь исполнил мою нужду и мне следует вознаградить его!» Он берет несколько овец или коров, убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся приносит и бросает перед большим и окружающими его меньшими идолами, а головы убитых коров или овец вешает на вертикально вкопанные в землю бревна. Когда наступает ночь, прибегают собаки и съедают всё это. И говорит принесший жертву: «Мой господь доволен мной: он съел мой дар!»

W.9. Если кто-либо из них заболит, то они разбирают для него палатку в стороне от себя и оставляют его в ней, кладут вместе с ним некоторое количество хлеба и воды и не приближаются к нему и не говорят с ним, особенно если он бедняк или невольник, но если это лицо, которое имеет много родственников и слуг, то [они] посещают его во все эти дни. Если он выздоровеет и встанет, он возвращается к ним, а если он умрет, то они сжигают его. Если же он был невольник, они оставляют его в его положении, так что его съедают собаки и хищные птицы.

W.10. Если они поймут вора или грабителя, то они ведут его к длинному толстому дереву, привязывают ему на шею крепкую веревку и подвешивают его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей.

24. Погребение знатного руса

24.1. Мне рассказывали, что когда их вожди умирают, самое меньшее, что они делают, это сожжение [умерших]. Мне было очень интересно проверить это, когда я узнал о смерти одного из их главных. Они поместили его в его могилу и возвели над ней навес на десять дней, пока они заканчивали изготовление и пошив его [погребальных одежд].

24.2. В случае, [если умирает] бедный человек, они строят небольшую лодку, кладут его внутрь и сжигают [ее].

24.3. В случае, [если умирает] богатый человек, они собирают вместе всё его имущество

и делят его на три [части]: одна треть [полагается] его семье, [вторая] треть для [изготовления погребальной] одежды и [последняя] треть, на которую они покупают [алкогольный] напиток, который они пьют в день, когда его наложница будет убита и сожжена вместе со своим хозяином.

24.4. Они страстно любят крепкий напиток, они пьют его ночь и день. Иногда иной из них умирает с чашей в руке.

24.5. Когда их вождь умирает, его семья спрашивает его девушек-рабынь и юношей-рабов: «Кто из вас умрет вместе с ним?» Некоторые из них отвечают: «Я». Как только [эти слова] сказаны, они становятся обязательными для сказавшего, и он не может взять [свои слова] назад. Даже если он [потом] попытается [передумать], ему это не позволят. Обычно такое предложение делают наложницам.

24.6. Когда умер тот человек, о котором я упомянул ранее, спросили его рабынь: «Кто умрет вместе с ним?» Одна из них сказала: «Я».

Они назначили двух рабынь, поручили им заботиться о ней, сопровождать ее везде, куда бы она ни пошла, и даже обмывать своими руками ее ноги.

24.7. Они установили [порядок] посещения покойника, подготовки его [погребальной] одежды и всего того, что нужно для [его погребения]. Каждый день рабыня пила алкогольный напиток и весело и радостно пела.

24.8. В тот день, когда [покойник] и его рабыня должны были быть сожжены, я прибыл к реке, где [находился] его корабль. Я удивился, увидев, что он был [вытащен] на берег и [установлен] на четырех досках из березы и других [видов древесины]. Вокруг [всего] этого были возведены [деревянные конструкции] наподобие мостков. Затем корабль протаскивали по [этим] доскам и [поместили] на вершине [деревянных конструкций].

24.9. [Русы] ходили туда и сюда [вокруг корабля] и произносили слова, которые я не понимал, пока [покойник] был в своей могиле и не был извлечен [оттуда].

24.10. Затем они устроили ложе и поместили его внутрь корабля, и [принесли] стеганые покрывала и подушки из румийской шелковой парчи.

24.11. Затем пришла старуха, которую они называют «Ангел смерти». Она накрыла ложе

предметами, о которых мы упомянули. Она ответственна за правильный пошив [погребальной] одежды [умершего] и за жертвоприношение рабынь. Я видел ее: она мрачная, толстая женщина, ни молодая и ни старая.

24.12. Когда [руссы] подошли к могиле [покойника], они убрали землю с досок, затем убрали [сами эти] доски. Покойник по-прежнему был одет в одежды, в которых он умер. Я увидел, что он почернел от холода и [воздействия] почвы. Рядом с ним [по-прежнему] находились алкогольный напиток, фрукты и пища, которую ему [ранее положили в эту могилу]. Удивительно, что они не испортились, [судя] по запаху, [только] цвет изменился.

24.13. Они надели на [покойника] нижние штаны, верхние штаны, сапоги, куртку, шелковый хафтан с золотыми пуговицами, на голову [надели] шелковую высокую шапку с собольей опушкой.

24.14. Они внесли его внутрь помещения на корабле, оставили его в покое на одеялах и подперли подушками. Затем они принесли алкогольный напиток, фрукты и зелень и поместили [всё это] рядом с ним. Затем они принесли хлеб, мясо и лук и бросили [всё это] перед ним.

24.15. Затем они привели собаку, разрубили ее на две части и бросили внутрь корабля, и положили рядом с ним всё его оружие.

24.16. Затем они привели двух жеребцов, заставили их бегать, пока те не начали потеть, затем разрубили их на куски и бросили туда же.

24.17. Затем они привели двух коров, которых так же разрубили на куски и бросили на борт, затем петуха с курицей, которых они убили и бросили туда же.

24.18. В это время рабыня, которая хотела [последовать за покойником], входила и выходила [посещая] одну палатку за другой. Каждый [хозяин] палатки имел с ней близость и говорил ей: «Передай своему господину, что я сделал это из любви к нему».

24.19. Во время вечерней молитвы в пятницу они привели [эту] рабыню к сооружению, которое они возвели, наподобие ворот. Она поставила свои ноги на руки мужчин, и они подняли ее над [этими] воротами. Она произнесла какие-то слова, и они опустили

ее [обратно] на землю. Затем они подняли ее во второй раз, и она сделала то же самое, что и в первый раз. Затем они [снова] опустили ее вниз и подняли в третий раз. Она сделала то же, что и первые два раза.

24.20. Затем они дали ей курицу. Она отрезала голову [этой] курице и выкинула ее. Мужчины взяли курицу и бросили ее внутрь корабля.

24.21. Я спросил переводчика о том, что она делала, и он ответил:

– Когда они подняли ее в первый раз, она сказала: «Да, я вижу [там] моего отца и мою мать». Во второй раз она сказала: «Да, я вижу [там], что все мои родственники умерли, они сидят». В третий раз она сказала: «Да, я вижу [там] моего господина, сидящего в Раю. Рай прекрасен и зелен. Вместе с ним его люди и его юноши-рабы. Он зовет меня, передайте меня ему!»

24.22. Они привели ее к кораблю, [где] она сняла два браслета, которые носила, отдала их женщине, называемой «Ангелом смерти», которая должна была умертвить ее. Она сняла два браслета со щиколоток, которые носила, и отдала их двум девушкам-рабыням, которые прислуживали ей. Они были дочери старухи, называемой «Ангелом смерти».

24.23. Затем ее возвели на корабль, но не в помещение [внутри него]. Мужчины подошли со своими щитами и палками и передали ей кубок с алкогольным напитком, и [она начала] пить и есть [из него].

24.24. Переводчик сказал мне:

– Таким образом она прощается с подружками.

Ей дали [выпить] во второй раз, она взяла его и долго пела, в то время как старуха торопила ее с питьем и со входом в помещение, в котором лежал ее [умерший] хозяин. Я видел, что она пьяна и хотела войти в помещение, но [смогла только] просунуть голову [в него]. Старуха схватила ее за голову и втащила ее в помещение [силой], войдя туда сама.

24.25. Мужчины начали стучать по щитам так [громко], что не были слышны ее крики, которые [могли бы] испугать других невольниц, которые потом не захотели бы искать смерти со своими господами.

24.26. Шесть мужчин вошли в помещение

ее рядом с ее господином, двое из них держали ее за ноги, двое за руки. Старуха, называемая «Ангел смерти», наложила ей на шею веревку таким образом, что ее концы пересеклись, и передала их двум [оставшимся] мужчинам, которые начали тянуть [их в разные стороны]. Вооруженная широким кинжалом, она начала колоть ее между ребер здесь и там, пока двое мужчин душили ее веревкой, и она умерла.

24.27. Затем подошел ближайший родственник покойного, держа деревянное полено, и поджег его. Он шел задом наперед, затылком к кораблю и лицом к толпе, с зажженным поленом в руке, а другой рукой прикрывая свой задний проход. Он был полностью обнажен. Он засунул [горящее] полено под конструкцию с кораблем, после того как девушка-рабыня была [окончательно] убита рядом со своим господином. Тогда люди стали подходить с палками и факелами. Каждый нес одну [такую] палку, конец которой был зажжен, и бросил ее на вершину [конструкций с кораблем].

24.28. Дерево загорелось, затем [загорелись] корабль, помещение, покойник, рабыня и всё, что было там.

24.29. Поднялся страшный ветер, и пламя поднялось очень высоко и сильно разгорелось. Один из русов стоял рядом со мной, и я слышал, как он говорит [что-то] переводчику. Я спросил [переводчика] о том, что он сказал. Переводчик ответил:

– Он сказал: «Вы, арабы, полные дураки!»

Я спросил:

– Почему [это]?

Он ответил:

– Потому что вы нарочно берете того, кто вам дороже всех и кого вы цените выше всех и бросаете его под землю, где его съедает [сама] земля, гады и черви, тогда как мы сжигаем его в огне, чтобы он немедленно попал в Рай.

Затем [этот рус] громко и надолго засмеялся.

24.30. Я расспросил его [о вхождении в Рай] и он сказал:

– Это из-за любви, которую мой Господь испытывает к нему. [Это он] послал ветер, чтобы взять его в течение часа.

Поистине, прошло меньше часа, пока корабль, дрова, рабыня и ее господин не сгорели в тончайший пепел.

24.31. Они построили нечто наподобие круглого холма над кораблем, который ранее был вытасен из воды, и установили в его середине большое березовое бревно, на котором они написали имя умершего и имя царя русов. Затем они ушли.

Х. Царь русов

Сказал [Ибн Фадлан]:

Х.1. Одним из обычаев царя русов [является следующий]: в своем дворце он держит при себе дружину, [состоящую] из четырехсот самых храбрых и верных спутников. Они умирают, когда он умирает, и они вверяют ему свои жизни, чтобы защитить его. Каждый из [дружинников] имеет одну девушку-рабыню, которая прислуживает ему, моет ему голову, готовит ему пищу и напитки, и другую, с которой он имеет близость.

Х.2. Эти четыреста [мужей] сидят у его престола, который велик и украшен драгоценными камнями. На этом престоле также сидят сорок девушек-наложниц. Иногда он вступает с ними в близость [прямо] в присутствии своих дружинников, о которых мы упомянули. Он даже не сходит со своего престола.

Х.3. Если он хочет справиться со своей нуждой, он справляет ее на поднос.

Х.4. Если он хочет выехать верхом, его скотину подводят прямо к престолу, так что он садится верхом [прямо с престола], а если он хочет спешиться, то скотину подводят к престолу и он спешивается там.

Х.5. У него есть наместник, который руководит войском, сражается с врагами и замещает его среди подданных.

У. Царь хазар

У.1. Что касается царя хазар, имя которому Хакан, то, поистине, он выходит только один раз в четыре месяца. Его называют Великий Хакан, в том время как его заместитель называется Хакан-бех. Именно он руководит войском, управляет делами государства, появляется в народе и принимает приношения соседних царей. Каждый день он приходит в Великому

Хакану, проявляя покорность и смирение. Он входит всегда без обуви и держа в руках факел. Приветствуя Великого Хакана, он зажигает факел. Когда факел сгорает, он садится с царем¹⁴⁴ на его престол справа [от него].

У.2. Хакан-беха замещает *кундур-хакан*, а этого [последнего] замещает человек, которого называют *джавышгир*.

У.3. Обычай Великого царя таков, что он никогда не принимает посетителей и не говорит с народом. Никто, исключая тех, о ком мы упомянули, не имеет доступа к нему. Его заместитель Хакан-бех уполномочен вести дела, наказывать преступников и нести ответственность за управление [государством].

У.4. [Еще один] обычай Великого царя [таков, что] когда он умирает, ему строят большой дом, [насчитывающий] двадцать помещений, в каждом из которых вырывается могила. Они ломают камни, пока те не превратятся в порошок, [похожий на] сурьму, и расстилают его слоем в этом доме, а поверх покойника насыпают известь. Ниже этого дома имеется река, большая и с быстрым течением. Они подводят [воду] этой реки в могиле и говорят:

– Да не доберется [до могилы] ни шайтан, ни человек, ни черви, ни гады!

Когда царя хоронят, они отрубаят головы тем, кто участвовал в погребении, поэтому никто не знает о местоположении могилы.

У.5. Могила его называется «Рай», и они говорят: «Он вошел в Рай». Все комнаты [в этом доме] устланы шелковой парчой, сотканной [с применением] золотых [нитей].

У.6. Еще одним обычаем царя хазар является то, что у него двадцать пять жен, каждая из которых является дочерью одного из царей, соседствующих с ним. Он берет их волей или насильно. У него также имеется шестьдесят рабынь и наложниц, все они исключительной красоты. Все эти женщины, свободные и несвободные, содержатся в отдельном дворце, где у каждой из них свой покой с чертогом, покрытым тиковой черепицей, и каждый покой окружен павильоном. У каждой из них есть свой евнух, который ее охраняет. Если

¹⁴⁴ Здесь кончается последний сохранившийся лист Мешхедской рукописи (нижние две строчки его скрыты наклейкой). Следующий далее текст приводится по выписке Йакута.

царь захочет использовать кого-то из девушек как наложницу, он посылает за евнухом, который ее охраняет, и тот приходит быстрее, чем в мгновение ока, и приводит ее к его постели. Евнух остается у входа в покой царя. Когда царь заканчивает с нею, евнух берет ее за руку и уводит, не оставляя ее ни на миг.

У.9. Когда этот Великий царь выезжает верхом, вместе с ним выезжает всё его войско. Между ним и сопровождающим его [войском соблюдают дистанцию в] одну милю. Никто из его подданных не [может] взглянуть на него иначе, чем упав лицом вниз и поклонившись ему, пока царь не проедет мимо.

У.10. Продолжительность царствования Великого царя – сорок лет. Если он перешагнет [этот срок] хотя бы на один день, его подданные и дружинники убьют его со словами: «Его разум уменьшился, его суждения спутались».

У.11. Если в походе он высылает впереди себя [военный] отряд, то этот отряд никогда и ни при каких обстоятельствах не может вернуться обратно. Если этот отряд бежит, то всякий, кто вернется к царю, будет убит. Что же касается военачальников и заместителя царя, то если их [уличат в] дезертирстве, то их приводят к царю вместе с их женами и детьми и отдают их на их же глазах другим. То же самое делают с их конями, имуществом, оружием и домами. Иногда [высокопоставленных дезертиров] разрезают надвое, иногда распинают, иногда вешают их за шею на деревьях. Иногда, если царь будет милостив к ним, их разжалуют в конюхи.

У.12. У царя хазар есть огромный город на реке Атил. Он [расположен на] обоих сторонах [этой реки]. На одной из сторон [живут] мусульмане, на другой стороне – царь и его дружина. Над мусульманами [поставлен] один человек из гуламов царя, которого называют хазз, он [сам] мусульманин. Судебная власть над мусульманским населением страны хазар и прочими людьми, [приезжающими] к ним

по торговым делам, передана этому гуламу-мусульманину, только он рассматривает их дела, вершит суд между ними и [занимается всем] прочим.

У.13. У мусульман этого города есть соборная мечеть, в которой они совершают пятничную молитву. При ней есть высокий минарет и несколько муаззинов.

У.14. Когда в 310 году¹⁴⁵ до царя хазар дошла новость, что мусульмане разрушили синагогу в Дар ал-Бабунадж¹⁴⁶, он приказал разрушить минарет [соборной мечети на Атиле] и казнить муаззинов. Он сказал:

– Поистине, если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я бы разрушил и мечеть.

У.15. Хазары и их царь все [придерживаются] иудейской веры¹⁴⁷. Булгары и соседние с ними народы подвластны царю хазар. Он повелевает ими как обращенными в рабство, и они покорно повинуются ему.

У.16. Некоторые даже утверждают, что хазары – это Йаджудж и Маджудж¹⁴⁸.

¹⁴⁵ 5 мая 922 г. – 23 апреля 923 г.

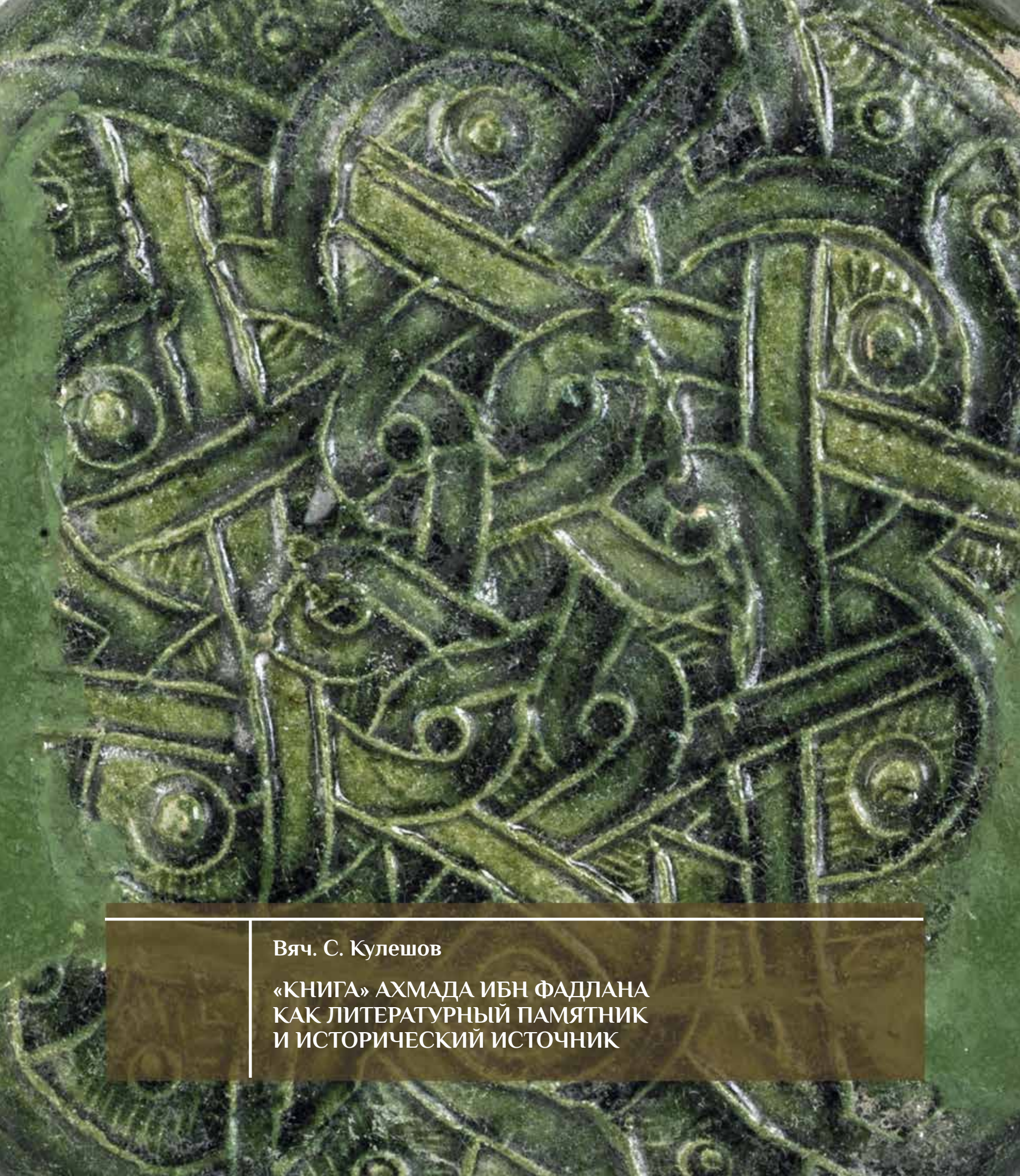
¹⁴⁶ Букв. «Ромашковый дом». Местонахождение этого населенного пункта в точности не известно: высказаны точки зрения, что Дар ал-Бабунадж мог располагаться в Дербенте, Багдаде или где-то в Испании.

¹⁴⁷ Араб. *йахууд*. По данным арабской исторической и географической литературы IX–X вв. известно, что правящая

элита Хазарии приняла иудаизм. Исследователи аргументируют разные датировки этого события, наиболее правдоподобные – в пределах второй половины VIII – первых десятилетий IX в.

¹⁴⁸ Правдоподобна точка зрения, согласно которой это предложение, завершающее в тексте Йакута пространную цитату из «Книги» Ибн Фадлана, последнему не принадлежит.

Вяч. С. Кулешов

«КНИГА» АХМАДА ИБН ФАДЛАНА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Книга» Ахмада ибн Фадлана – удивительный памятник арабской письменной традиции аббасидской эпохи (вторая половина VIII – первая половина X в.) и кладезь уникальной историко-культурной информации о народах и государствах Центральной Азии и Восточной Европы. Не известное современникам и ограниченно востребованное потомками, это сочинение получило должную оценку лишь в XIX–XX вв., обретя славу одного из важнейших источников для изучения раннесредневековой истории степных кочевников Евразии, населения Волжской Булгарии, правящих элит Хазарского каганата и древнейшего Русского государства.

Биографические сведения об авторе «Книги»

Все, что нам с разной степенью (не)полноты и (не)достоверности известно об Ахмаде ибн Фадлане, основано исключительно на тексте его «Книги». Никаких упоминаний об этом авторе в известных к настоящему моменту памятниках арабской классической литературы ранее XIII в. не обнаружено.

Дата рождения Абу Бакра Ахмада (или Мухаммада) ибн Фадлана ибн ал-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада неизвестна: с равной степенью вероятности ее можно отнести и к концу 860-х, и к 880-м гг. Кроме того факта, что «Книга» написана уже достаточно зрелым человеком, единственный ориентир здесь – предположительное родство автора с неким Фадланом ат-Табибом (упомянут один раз в «Книге листов» ас-Сули, памятнике середины X в.), врачом при дворе аббасидского хали-

фа ал-Мутазз би-ллаха (866–869). Во-первых, имя этого врача, совпадающее с отчеством нашего автора, было не слишком распространено в IX в., во-вторых – в начальных строках «Книги» имеется слабый намек на принадлежность Ибн Фадлана если не к медицине, то по крайней мере к фармакологии.

О месте рождения Ибн Фадлана можно только гадать: скорее всего, это был один из двух столичных центров Халифата – Багдад (*Мадина ат-Салам* «Город Мира») или халифская резиденция Самарра (*Сурра ман раа*). Учитывая то, что Ибн Фадлан называет себя клиентом (*маула*) халифа ал-Муктадира (к каковому сословию относилось все свободное неарабское мусульманское население Ирака), нигде не указывает своей нисбы (которой мог вовсе не иметь) и то, что он имел прямое или косвенное отношение к медицине, позволяет согласиться с точкой зрения (П. Риттер, К. Цегледи), основанной на анализе особенностей его авторского стиля, согласно которой он по своему происхождению был не арабом (скорее всего – сирийцем).

Кем же был этот человек? Из текста «Книги» следует, что в самом начале 920-х гг., когда в Багдад ко двору аббасидского халифа ал-Муктадир би-ллаха (908–932) прибыл посол-хазарин с письмом от правителя Волжской Булгарии Алмыша, содержавшим ряд существенных просьб, и было принято решение отправить на берега Волги ответное посольство, Ибн Фадлан состоял на службе (должность его нигде не названа) в канцелярии министра внутренних покоев (*сахиб ал-харам*)* халифского

* В современных понятиях *сахиб ал-харам* приблизительно соответствует канцлеру или государственному секретарю.

дворца Назира ал-Харами. Если считать, что роль Ибн Фадлана в этом посольстве отражала круг его служебных обязанностей при дворе, придется признать, что они были формальны и в то же время типичны для мелких секретарей (*катибов*) и церемониймейстеров аббасидского двора. В соответствии со своим «служебным заданием», Ибн Фадлан был уполномочен, во-первых, зачитать от имени повелителя верующих и министра Назира ал-Харами официальные письма, адресованные правителю Хорасана Насру ибн Ахмаду ас-Самани, гузским князьям-бегам, через земли которых пролегал маршрут посольства, и болгарскому царю-эльтеберу Алмышу. Во-вторых, ему предстояло распределить и вручить дипломатические дары и лекарства Алмышу и всем, кому это предписывалось дипломатическим этикетом. Наконец, в обязанности Ибн Фадлана входило руководство и надзор за прикрепленными к посольству *факихом* (специалистом по вопросам права) и *муаллимом* (специалистом по вопросам вероучения). Добавим, что по прибытии посольства в Волжскую Булгарию функции обоих он взял на себя. Из этого можно заключить, что Ибн Фадлан имел традиционное для своего времени образование в областях *фикха* и *илма*, знал Коран, владел правилами его рецитации (*таджвид*) и толкования, а при халифском дворе специализировался еще и в областях дипломатии и управления.

Текст «Книги» не дает представления о ярких чертах личности Ибн Фадлана: мы не знаем, отличался ли он особыми талантами, выдающимся умом или твердостью характера. Несомненно, впрочем, что наш автор был достаточно опытным, добросовестным, честным, исполнительным, наблюдательным и доброжелательным человеком.

Terminus post quem смерти Ибн Фадлана устанавливается на следующих основаниях. Наиболее позднее событие, о котором идет речь в его сочинении, – отъезд из Волжской Булгарии осенью 922 г. О другом позднем событии, датированном с меньшей точностью, – сносе минарета соборной мечети в хазарской столице на Волге в 310 г. х., т. е. в период с 5 мая 922 г. по 24 апреля 923 г., Ибн Фадлан узнает, скорее всего, либо тогда же, когда записыва-

ет сведения о царе хазар (во время пребывания в Волжской Булгарии летом 922 г.), либо, что вероятнее, вскоре после своего отъезда, т. е. поздней осенью того же года. Специфика структуры и жанровые особенности «Книги», соединяющей в себе признаки дипломатического или полицейского отчета, путевого дневника и литературного произведения, позволяют говорить о том, что подавляющая часть ее *материалов* была собрана не позднее осени 922 г., но обстоятельства, цели, задачи и способы окончательного оформления дошедшего до нас *текста* сочинения и его авторское название достоверно и в точности не известны. В окончательном виде текст сформировался не ранее конца апреля 923 г. (скорее всего, еще позднее), так как о 310 г. х. в «Книге» говорится в прошедшем времени. Поскольку единственная рукопись, содержащая полный текст сочинения, лишена последних листов, можно лишь гадать, чем оно заканчивалось. Предположение, что в них описывалось возвращение посольства в Багдад (как указывал первый читатель «Книги» Йакут), по многим причинам представляется если не ошибочным, то, по крайней мере, неубедительным.

Дальнейшая судьба автографа «Книги», само сохранение которого, похоже, не более чем счастливая случайность, связана со среднеазиатской Бухарой. Тот непреложный факт, что корпус сведений «Книги» остался неизвестен в Багдаде и был открыт широкому кругу арабоязычных читателей только в первой четверти XIII в. Йакутом ал-Хамави ар-Руми, наткнувшись на это сочинение в одной из библиотек Мерва, позволяет высказать осторожное предположение, что Ибн Фадлан если и пережил середину 920-х гг., то ненадолго. Его записи – в том виде, в каком он их завершил, – остались в Бухаре, а в Ирак из своего путешествия он, видимо, так и не вернулся (по крайней мере, в прежнем своем качестве).

Судьба «Книги»

Спустя примерно четверть века после отъезда Ибн Фадлана с берегов Волги, в первой половине 950-х гг., его каким-то образом выжившие записи вошли в состав сборника сочи-

Блюдо (кат. 40). Деталь

нений на географическую тему под названием «Страноведение» (*Ахбар ал-булдан* «Рассказы о странах»). Основу этого сборника (*маджму*) составляет значительный фрагмент пространной (не сокращенной) версии одноименного географического сочинения начала X в. (*Ахбар ал-булдан* «Страноведение»), принадлежащего *калам* Ибн ал-Факиха ал-Хамадани. Далее помещены два небольших сочинения Абу Дулафа Мисара ибн ал-Мухалхила ал-Хазраджи ал-Йанбуи – «Первое письмо» (*ар-Рисала ал-ула*) и «Второе письмо» (*ар-Рисала ас-санийя*), и в завершение – «Книга» (*Китаб*) Ибн Фадлана. Последнему сочинению составитель сборника предпослал аннотацию, в которой указал полное имя автора (в собственном тексте Ибн Фадлана нигде не упомянутое) и кратко изложил общее содержание его записей.

Редактором-составителем сборника «Страноведение» выступил анонимный автор, близкий кругу саманидского правителя Нуха ибн Насра (943–954). (Последний приходился сыном тому самому Насру ибн Ахмаду, которого Ибн Фадлан тремя десятилетиями ранее застал в Бухаре еще юношей.) Попытки выявить личность этого составителя пока не принесли убедительных результатов. Наиболее многообещающая гипотеза высказана (в устной беседе) оксфордским востоковедом Л. Тредвеллом: согласно ей, это был сам Абу Дулаф,

автор двух из четырех входящих в сборник сочинений.

Все четыре сочинения сыграли большую роль в истории последнего этапа развития арабской географической литературы (XIII–XV в.). Выписки из них разного объема и качества были использованы при составлении двух главных и крупнейших произведений этого этапа – «Географического словаря» (*Муджам ал-булдан* «Алфавит стран») Йакута ал-Хамави ар-Руми (1178–1229) и свода «Страноведение и антропология» (*Асар ал-билад ва ахбар ал-убад* «Предания о странах и рассказы о людях») космографа Закарии ал-Казвини (1203–1283). Кроме того, ряд сообщений «Книги» независимо от арабской географической традиции XIII в. попал в персоязычные сочинения: «Космографию» (*Аджаиб ал-махлукат* «Чудеса творений») автора XII в. Наджиба Хамадани и биографическую энциклопедию *Хафт иклим* (перс. «Семь климатов») индийского автора XVI в. Амина Рази. Наконец, несколько фраз, опосредованно восходящих к «Книге» Ибн Фадлана, имеются в сочинении египтянина Ибн ал-Варди (XV в.), содержащем пространные выписки из словаря Йакута, и сочинении азербайджанца ал-Бакуви (XVI в.), зависимом от свода ал-Казвини (и в значительной степени построенном как сокращение этого последнего).

Долгое время (в течение XIX и первых десятилетий XX в.) тексты Абу Дулафа и Ибн Фадлана были известны только по ссылкам и выпискам из них в составе географических трудов указанных выше авторов XIII в., пользовавшихся текстом «Страноведения» по рукописным копиям сельджукского периода, ни одна из которых, как считалось, не дошла до наших дней. Эти выписки изучались и были монографически изданы на высоком научном уровне акад. Х. Д. Френем и А. Я. Гаркави [Ибн Фадлан 1823 Frähn; Ибн Фадлан 1832 Frähn; Мусульманские писатели 1870 Гаркави]. По счастью, одна из таких рукописных копий все-таки сохранилась до настоящего времени. Этот единственный список хранится в мешхедской Библиотеке при гробнице имама Али ибн Ризы (перс. *Китабхана-йи мубарака-йи астанкудс-и ризави* «Благословенная библиотека при Священной ризавийской гробнице») и был открыт для европейской науки в 1921 г. (т. е. спустя ровно тысячу лет после миссии Ибн Фадлана) выдающимся башкирским ученым и просветителем Ахметзаки Валиди Тоганом. Этот список – так называемая Мешхедская рукопись, или Мешхедский сборник, – переписан в XIII в. (скорее всего, в домонгольское время, т. е. в первые десятилетия этого века) в Средней Азии. Он по меньшей мере на два с половиной столетия отстоит от протографа «Страноведения», созданного в Бухаре в середине X в.

Исключительная близость текста Мешхедской рукописи мервскому варианту «Страноведения», зафиксированному Йакутом в его выписках (при наличии мелких текстологических расхождений), позволяют говорить о принадлежности его к той же редакции, что и находка Йакута. Ряд исследователей (Р. Н. Фрай, П. Лунд и автор этих строк) видят признаки существования в этой редакции интерполяций сельджукской эпохи (это касается употребления титула *султан* «Государь», нумизматической терминологии и исчисления денежных сумм, повсеместной замены этнонима волжских угров конца IX – первой половины X в., начинавшегося на букву *мим*, более поздним вариантом *ал-башгард*), но полностью объем и характер этого вмешательства за отсутствием сравнительного материала определить со всей точностью почти невозможно.

История издания материалов Мешхедской рукописи сложилась в целом весьма благоприятно. В 1921–1922 гг. текст Ибн Фадлана был собственноручно переписан Ахметзаки Валиди Тоганом и издан в Лейпциге вместе с немецким переводом и содержательным комментарием [Ибн Фадлан 1939 Zeki Validi Togan]. В 1922 году в печати появился и немецкий перевод «Первой записки» Абу Дулафа [Абу Дулаф 1939 Rohr-Sauer]. В 1935 г. в дни Конгресса по иранскому искусству фотокопия рукописи была преподнесена правительством Ирана Советскому государству, так что материалы «Страноведения» уже в конце 1930-х гг. начали вводиться в оборот советской русистики и востоковедения [Ибн Фадлан 1936 Гаркави, Кочин; МИТТ 1939 Волин, Ромаскевич, Якубовский]. В первом издании перевода А. П. Ковалевского рукопись также воспроизведена фототипически [Ибн Фадлан 1939 Ковалевский]. В послевоенное время появилось второе, обновленное монографическое издание «Книги» Ибн Фадлана [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский; Ибн Фадлан 1960 Ковалевский, Рогов], критическое издание «Второй записки» Абу Дулафа [Абу Дулаф 1960 Булгаков, Халидов] и издание материалов «Ахбар ал-булдан» Ибн ал-Факиха [Ибн ал-Факих 1977 Цкитишвили; Ибн ал-Факих 1979 Жамкочян]. Сводный текст сочинения Ибн ал-Факиха с учетом Мешхедской рукописи издан в Бейруте [Ибн ал-Факих 1996 Йусуф ал-Хади], а офсет ее самой – во Франкфурте и Каире [Маджму фи-л-джуграфия 1987].

В 1950–2010-х гг. вышли переводы (полные или фрагментарные) текста «Книги» Ибн Фадлана на полтора десятка языков: помимо уже указанных немецкого и русского, это французский, английский, норвежский, шведский, датский, финский, польский, чешский, болгарский, персидский, турецкий и японский; в последние десятилетия в России также было опубликовано несколько переводов на татарский язык. Счет общих и частных исследований (монографий и статей), использующих или трактующих данные Ибн Фадлана, идет на многие сотни и продолжает расти.

Если издательская и переводческая судьба бухарского «Страноведения» в варианте Йакута и Мешхедской рукописи оказалась благоприятной и принесла «Книге» Ибн Фадлана заслужен-

ную высокую оценку, то ряд ключевых вопросов ее истории во второй половине X – XII в. и в более позднее время на территории персоязычных стран (Сельджукидский и Хулагуидский Иран и Северная Индия) до сих пор совершенно не изучены с точки зрения текстологии. Краткие выписки и «глухие» цитаты из нее в персидских памятниках XII–XV вв., весьма заметно отличающиеся от арабских версий, предположительно, могут приблизить нас к пониманию первоначальной редакции «Книги» середины X в. и ее судьбы, но они до сих пор не получили сколько-нибудь полного освещения в специальной литературе. Давние и ценные наблюдения А. П. Ковалевского [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский] не проверены и не расширены на современном уровне знаний. Пока все это – пока дело будущего.

Структура «Книги» Ибн Фадлана

Текст «Книги» в том виде, в каком мы его знаем по хорасанской редакции XII–XIII вв. (единственной дошедшей до нас), представляет собою сложное целое, скомпонованное из элементов разной жанровой и функциональной природы, которые можно разбить на три основные группы.

Первая и самая большая группа – хронологически организованный нарратив, восходящий к автографу Ибн Фадлана и условно определяемый как дневник или отчет. В нем автор стремится быть точным и последовательным в изложении обстоятельств, деталей и хода дипломатической миссии – от получения в Багдаде письма Алмышы до отъезда с берегов Волги. Читателю предложена хронология путешествия посольства со всеми остановками: из Багдада по Хорасанскому тракту в Бухару, из хорезмийского города Ката через плато Устюрт и кочевья гуззов, печенегов и восточноевропейских угров в ставку правителя Волжской Булгарии у Трех озер и ближе к осени 922 г., на булгарское торжище на Волге. Автор особенно тщательно описывает продолжительность остановок и цепь событий. Внутреннее членение материала определяется сменой локусов и течением времени и особым образом маркируется («затем...», «Мы

оставались в локусе X в течение временного периода Y»). Описание маршрута через кочевья так же последовательно переходит от одного племени и правителя к другому.

Структура «волжско-булгарской части» посольства, хронологически относящейся к лету и осени 922 г. (после приема Алмышем в мае), оказывается более «рыхлой» из-за насыщенности композиционными элементами второй группы (см. ниже). Путь Ибн Фадлана удастся проследить лишь в общих чертах: ставка Алмышы (май–июнь), летнее полюдь по его государству (июль–август) и пребывание на волжском торжище (сентябрь–октябрь 922 г.). Куда направился автор, покинув берега Волги, неизвестно (скорее всего, не в Хазарию).

Нет никаких оснований не доверять фактографии и хронологии этого слоя текста. Во всех случаях, когда есть возможность проверить свидетельства Ибн Фадлана данными других источников, его правота и точность неизменно подтверждаются.

Вторую группу композиционных элементов в современных терминах следует квалифицировать как «этнографические» и «политические» наблюдения. Задача этих вставок – познакомить адресата отчета (читателя «Книги») с особенностями государственного строя, экономики, культуры и быта посещенных автором народов (как точно формулирует это, пользуясь ритмизованной прозой, редактор «Страноведения»: «[Приводит] различия в их верованиях, рассказы об их царях и расклады во всех их делах»). Наблюдения Ибн Фадлана касаются обычаев и ритуалов, бытовых привычек (вплоть до здравоохранения и гигиены), экономического уклада (денежное обращение, тип хозяйствования, рацион питания), правового устройства, погребальных обрядов, религии, структуры царской власти и функций правящих элит. Автор настолько последователен в своем внимании ко всем этим аспектам, что впрямую говорит о целой программе наблюдений (близкой по своей форме, целям и задачам к разведывательному протоколу) и специальной подготовке к их сбору. Очевидно, что кроме собственных наблюдений и свидетельских записей Ибн Фадлан широко использовал данные информантов, некоторых из них он называет по имени. Большинство современных

Пенал (каламдан)
(кат. 55). Деталь

исследователей, занимающихся изучением этого текстового слоя «Книги», сходятся во мнении, что, с рядом мелких оговорок, свидетельства Ибн Фадлана вполне надежны и проверяемы (данными археологии, этнографии и культурной типологии).

Наконец, элементы третьей группы типичны для развлекательной литературы (*адаб*) и отмечены печатью диковинного, «чудесного» и даже фантастического (*ал-аджаиб*). Таковы рассказы о «небесной битве» (фольклорный сюжет, соотносимый с мифологизированным восприятием полярных сияний), о «белых ночах», о волжском носороге (единороге), о волжском «великане», о северных странах Вису, о гигантских змеях и некоторые другие. Несомненно, что какая-то часть из них восходит к воспоминаниям самого Ибн Фадлана, так как находит аналогии в фольклоре народов Поволжья и, шире, Восточной Европы и Северной Евразии. С другой стороны, невозможно отрицать тот факт, что именно в этом жанровом слое повествования редактор и, возможно, поздние интерполяторы имели все основания и предпосылки для вмешательства и пополнения текста. Сведения о «чудесах и диковинках», широко распространенные в развлекательной литературе арабо-мусульманского мира IX–XV вв. и связанные большим количеством «перекрест-

ных» и разновременных аналогий (начиная с древности), были обязательным компонентом средневекового географического дискурса, поэтому отделить наследие Ибн Фадлана от более поздних вставок здесь очень сложно. Ясно, что сообщения этого слоя могут использоваться (и успешно используются) только как источник для изучения средневекового фольклора, мифологизированного мышления и жанровых норм «литературы чудес» (*mirabilia*, *ал-аджаиб*).

Элементы всех трех планов повествования находятся в сложном соотноении друг с другом: местами они «состыковываются» более или менее логично, местами же одни элементы искусственно «вклеиваются» внутрь других (подобно вставке о денежном обращении Хорезма, разрывающей фрагмент диалога Ибн Фадлана со спутниками). Объяснения этого факта (который чрезвычайно важен для понимания предыстории сложения нашего источника) могут быть различны, но все они должны строиться на признании того, что с самого начала Ибн Фадлан ставил перед собой несколько задач и должен был фиксировать их в нескольких блоках записей, объединение которых в связный текст не везде давалось легко – отсюда и «ошибки монтажа».

Итак, перед нами – произведение неповторимой судьбы, поразительного содержания

и неисчерпаемого богатства, открывающее нам новые грани истории Старого Света через описание политики и культуры стран Исламского халифата и Средней Азии, мира кочевников Евразии и оседлых народов Восточной Европы.

Несколько слов о новом переводе «Книги»

Предложенный здесь русский перевод «Книги» Ибн Фадлана является новой попыткой вернуться к задаче «медленного чтения» источника – попыткой, предпринимаемой впервые с момента выхода харьковского издания А. П. Ковалевского [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский]. Дело в том, что при всей уникальности, масштабности и исключительном значении работа Ковалевского оказала «гипнотизирующее» воздействие на исследователей и парадоксальным образом парализовала дальнейшую работу над текстом и корпусом сообщений памятника в отечественной историографии. Вместе с тем, нельзя не отметить, что «русский Ибн Фадлан» А. П. Ковалевского ориентирован в первую очередь на подготовленного читателя, который в состоянии преодолеть «эффект подстрочника», свойственный переводческой и комментаторской стратегии Ковалевского, и связанные с этим стилистические особенности его перевода. Очевидно, что для лучшей передачи «авторского голоса» Ибн Фадлана следовало бы попытаться, во-первых, сохранить в русском переводе лексическую и синтаксическую экономность и прозрачность плана выражения оригинала и, во-вторых, обеспечить «выпуклость» и выразительность передачи прямой речи в диалогах и монологах-цитатах.

Новый перевод основан на печатных изданиях арабского текста «Книги» Ибн Фадлана в редакциях Сами ад-Даххана и Шакира Луайби [Ибн Фадлан 1959 ад-Даххан; Ибн Фадлан 2003 Луайби] и «Географического словаря» Йакута [Йакут 1866–1873 Wüstenfeld], факсимильных изданиях Мешхедской рукописи [Ибн Фадлан 1939 Ковалевский; Ибн Фадлан 1956 Ковалевский; Маджму фи-л-джуграфия 1987], переводах и комментариях А. Валиди Тогана [Ibn Fadlan 1939 Zeki Validi Togan], А. П. Ковалевского, Т. Левицкого [Ibn Fadlan

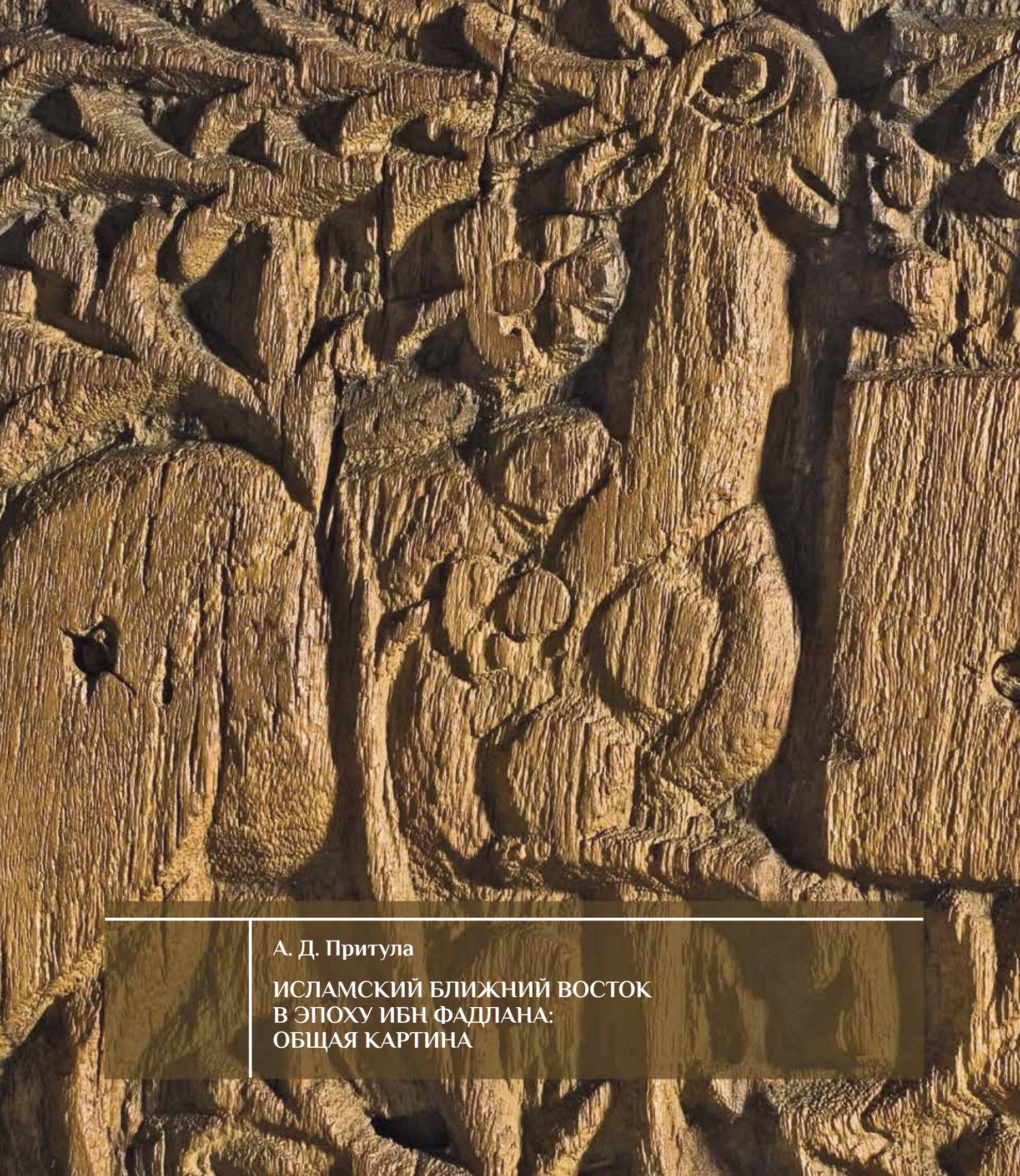
1985 Lewicki], Дж. Монтомери [Ibn Fadlan 2000 Montgomery], П. Лунда и К. Стоун [Ibn Fadlan 2012 Lunde, Stone] и разветвленной исследовательской традиции. В своей совокупности эти материалы составили надежную основу для подготовленного мною арабского критического текста памятника с корпусом текстологических и филологических сопоставлений, решений и обоснований, который должен быть опубликован отдельно.

Перевод снабжен небольшим количеством кратких примечаний, минимально необходимых читателю для лучшего понимания текста и не претендующих на полноту раскрытия немалого количества частных вопросов лексико-семантической реконструкции и интерпретации. Для выполнения этой задачи необходим объем, намного превышающий заданный (она должна решаться в рамках отдельного комментированного издания). Чтения и отождествления большинства гидронимов следуют решениям А. П. Ковалевского [Ковалевский 1854; Ибн Фадлан 1956 Ковалевский]. Учтены эмэндации О. Г. Большакова [Большаков 2000].

Для удобства чтения и лучшего понимания внутренней структуры памятника текст разбит на главы (по принятым вслед за А. Валиди Тоганом и А. П. Ковалевским жанрово-тематическим критериям) и абзацы (на основании наблюдений коммуникативно-синтаксического и «микротематического» характера). Введена следующая система нумерации глав: цифрами обозначены отдельные блоки базового нарратива (см. выше о первом структурном слое памятника), латинскими буквами – «этнографические» блоки и вставки (вторая группа композиционных элементов), описания «чудес» и включения устных рассказов (третья группа композиционных элементов). Нумерация абзацев внутри глав включает в себя индекс главы (цифровой или буквенный) и порядковый номер абзаца. Все главы получили условные названия в соответствии с их содержанием.

Как и в любой работе такого рода, в нашем переводе «Книги» помимо новых трактовок и удачных «находок», несомненно, найдутся ошибки, недостатки и спорные места: но ведь в этом и заключается unended quest все более совершенного понимания этого выдающегося письменного памятника.

А. Д. Пригула

ИСЛАМСКИЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК
В ЭПОХУ ИБН ФАДЛАНА:
ОБЩАЯ КАРТИНА

В книге Ахмада ибн Фадлана очень мало сообщается об иракских и иранских городах. Поскольку она представляла собой отчет халифу о миссии в Волжскую Булгарию 921–922 гг.¹, то автор не ставил перед собой задачу описывать и так хорошо известные регионы. В этом состоит принципиальное отличие труда арабского путешественника от многих других книг о путешествиях, например от «Сафар-наме» ('Книги странствий') выдающегося персидского литератора Насира Хусрова (1004–1088), в которой даны подробные описания всех посещенных им населенных пунктов.

Существенно, что книга Ибн Фадлана фиксирует политическую и религиозную ситуацию, которая радикально изменилась уже спустя два-три десятилетия. На тот момент власть аббасидских халифов хотя бы номинально признавали на всем исламизированном пространстве. Почти все местные правящие группировки исповедовали ислам суннитского толка и, соответственно, признавали халифа главой всех мусульман. Это положение вещей определило взгляд нашего путешественника на те народы, с которыми ему приходилось сталкиваться. Итак, столица халифов Багдад для него – место, где придерживаются единственно верного направления ислама, а его собственная задача как представителя халифа – проповедовать другим народам. Собственно, сама поездка Ибн Фадлана неразрывно связана с миссионерством. Этот посыл прослеживается на протяжении всей книги. В заметках путешественника встречаются многочисленные упоминания о том, как он наставлял местных жителей в вопросах, связанных с исламом, искоренял их заблуждения и исправлял ритуальную практику.

Однако уже в 948 г. аббасидские халифы лишились политической власти, уступив Ирак Буидам, шиитской династии иранского происхождения. Исмаилитская династия Фатимидов, подчинившая в 969 г. Египет, а затем Сирию, никоим образом не признавала власть Багдада. Следовательно, можно считать, что книга Ибн Фадлана фиксирует последние десятилетия относительного могущества и влияния аббасидских халифов. В «Сафар-наме» Насира Хусрова уже отражена многоконфессиональность исламского Ближнего Востока, где автономно сосуществуют государства и народы со своими местными особенностями.

Важнейшим политическим шагом основателя династии Аббасидов халифа ал-Мансура (754–775) стал перенос столицы в 762 г. на восток, в специально для этого строящийся город, позднее получивший название Багдад, из древнеиранского 'Данный Богом'. Первоначально, однако, город назывался *Мадина ал-Мудаввара* 'Круглый город', что связано с его планировкой, или *Мадина ал-Салам* 'Город мира'. Перенос столицы повлек за собой усиление восточного, иранского, элемента как в государственном аппарате, так и в искусстве. Другой причиной иранизации послужил тот факт, что верхушка восстановления Абу Муслима, свергнувшего Омейядов и приведшего к власти Аббасидов, была иранского происхождения. Династия Аббасидов (749–1258), которая вела свое происхождение от ал-Аббаса, дяди Мухаммада, имела более веские основания, нежели Омейяды, претендовать на главенство в мусульманской общине.

¹ Об истории текста труда Ибн Фадлана см.: [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 38–117]; наиболее четко она изложена в очерке Вяч. С. Кулешова.

Если при Омейядах, правивших из Дамаска, преобладала переработка византийского, а в широком смысле эллинистического наследия, то при Аббасидах доминантой стало усвоение культурного наследия Ирана.

При династии Омейядов империя быстро расширялась, при Аббасидах же она оставалась в основном в прежних границах и постепенно перешла к оборонительным действиям. Постепенно она начала утрачивать власть над оккупированными территориями, для контроля над которыми не было ни сил, ни оперативных средств коммуникации. В Испании правила независимая династия – ветвь Омейядов. Многие династии наместников фактически обрели независимость, сохранив лишь номинальное подчинение халифам, прежде всего как духовным лидерам общины. В Египте усилилась династия Тулунидов, в Иране власть перешла к династиям местного происхождения, таким как Саманиды и Саффарины, подчинение которых халифам выражалось лишь в уплате подати. Наконец, самую серьезную угрозу для халифата представляло усиление шиитов.

Культурные и технологические достижения эпохи Аббасидского халифата огромны. В Багдаде были собраны выдающиеся ученые и поэты того времени, художники и мастера. К сожалению, нашествие монголов в 1258 г. почти полностью разрушило город, поэтому о его архитектуре и искусстве можно судить главным образом по письменным свидетельствам и по другим памятникам домонгольского времени: комплексу в Самарре и загородным дворцам халифов. Самарра, город в 125 км от Багдада, был столицей Халифата с 836 по 861 г. Здесь впервые отмечено применение резного штурга, столь характерного для мусульманской архитектуры. Резные растительные орнаменты, в отличие от орнаментов эпохи Омейядов, характеризуются высокой степенью стилизации и абстракции, что впоследствии стало особенностью исламской орнаментики [Вагнер 1998. Р. 10–12. Fig. 13, 15–16]. Великолепные дворцы, созданные для халифов, были украшены стенными росписями с изображениями людей и животных².

² Например, росписи в Джаузак ал-Хакани, находящиеся в собрании Британского музея. См. также: [James 1977. P. 8. Fig. 7].

Поскольку арабским письмом написан Коран, роль этого письма на территории всего Халифата была огромна. Изречения на арабском языке (отрывки из Корана, различные благопожелания) становятся важной частью декоративной программы предметов прикладного искусства (кат. 1, 6, 7). Кроме того, рукописи стали иллюминировать, что превратилось в исламском мире в высочайшее искусство, изумлявшее средневековых европейцев своим изяществом и тонкостью.

При Аббасидах около IX в. появилась поливная керамика двух видов, которые позднее сделались наиболее характерными для мусульманских керамистов: с люстровой (кат. 2–6) и кобальтовой росписью [Ibid. P. 2, 3]³. Изготовление люстровой керамики представляет собой сложный многоступенчатый процесс, когда соли металла, преимущественно меди, восстанавливаются до чистого металла, приобретая при этом металлический оттенок [Ibid. P. 7–11]. Люстровая керамика впоследствии получила широкое распространение практически во всех средневековых мусульманских странах от Испании до Индии. Кобальтовая роспись проникла в Китай, где была применена на фарфоре, и возвратилась на мусульманский Восток из Китая уже после монгольского завоевания. Достижением прикладного искусства этого периода стало использование сложных технологий по стеклу. Получили распространение стеклянные изделия с рельефными орнаментами.

Пришедшая к власти в Иране и Ираке шиитская династия Буидов в 945 г. захватила Багдад и лишила аббасидских халифов политической власти. В XI в. султаны из династии Сельджуков, придерживавшиеся ислама суннитского толка, объявили себя защитниками халифов – духовных лидеров правоверных. При этом халифы по-прежнему не имели политического влияния. Окончательно аббасидский халифат был уничтожен в 1258 г. при захвате Багдада монголами. Однако уже в 1261 г. институт халифата был восстановлен мамлюкским султаном Байбарсом I, поселившимся в Каире дядю последнего аббасидского халифа.

³ Обе эти техники эпизодически встречаются и в доисламское время, например в античной керамике.

В числе династий, соперничавших с суннитским халифатом, особое место занимали Фатимиды (909–1171) – шииты, также провозгласившие себя халифами, оспаривая таким образом главенствующую роль багдадских халифов в исламе. Эти правители считали себя потомками Али, что, однако, отрицалось их противниками. Фатимиды были приверженцами исмаилизма – ответвления шиизма, признающего имамами потомков Мухаммада – сына Исаиила, отстраненного отцом от наследования звания имама. Основатель династии Убайдаллах приехал в Северную Африку из Сирии, где была сильна шиитская и, в частности, исмаилитская пропаганда⁴. При поддержке берберских племен Фатимиды завладели западной частью Северной Африки, затем Сицилией и наконец в 969 г. Египтом, где рядом со старой столицей Фустатом начали строить новую – Каир. После этого фатимидские отряды отправились в Сирию и Палестину, где встретились с византийскими гарнизонами. В результате с Византией были установлены мирные отношения. В Палестине Фатимиды вели боевые действия против крестоносцев Первого крестового похода (1095–1099) и потеряли Аскалон.

Наивысшего могущества Фатимидское государство достигло при халифе Мустансире, взявшем под свое покровительство святые места – область Хиджаз с Меккой и Мединой. В это время Египет достиг большого экономического подъема, его градостроительство и искусство создали ему славу наиболее процветающего государства того времени. Насир Хосров в своей книге «Сафар-наме» восхищался Каиром, благополучием его граждан, великолепными особняками и мечетями, среди которых наиболее знамениты были мечеть ал-Хакима, мечеть ал-Акмар и мечеть ал-Азхар. В мечети ал-Акмар широко применялась техника резьбы по камню, достигшая в Египте высокого уровня развития. Это объясняется прежде всего свойствами строительного материала: в отличие от иранского и среднеазиатского регионов, где мечети строили по преимуществу из кирпича (обожженного или сырца), здесь в больших ко-

⁴ Подробнее о средневековой пропаганде исмаилизма см.: Иванов 2011. С. 109–128.

⁵ Оливер Уотсон называет этот тип керамической массы, состоящей из кварцевого песка, белой глины и извести, «stonepaste»;

личества использовался камень. По этой же причине в Египте не получили такого большого развития поливные изразцы.

Кроме того, сохранилось множество предметов люстровой керамики, которая также получила здесь дальнейшее развитие, в частности, ее декор утратил полихромность, характерную для аббасидского периода. Считается, что именно из Египта этот тип керамики проник в Иран, вместе с уже готовым рецептом фаянса [Watson 1999. P. 300]⁵. Как в керамической продукции, так и в других материалах по-прежнему заметно эллинистическое влияние.

Основатели новой династии – Айубиды (1171–1250), курдского происхождения, служившие первоначально в гарнизоне города Алеппо, совершили переворот в 1169 г. Первый фактический правитель династии, знаменитый Салах ад-Дин (Саладин), стал бороться с остатками фатимидского владычества и проводить последовательную суннитскую политику. В 1187 г. Саладин отбил у крестоносцев Иерусалим, которым последние владели почти девяносто лет. Это эпохальное событие вызвало религиозный подъем, отразившийся в литературе и искусстве.

другое английское название – «fritware». Среди российских исследователей единства в выборе термина для изделий из этого материала нет. Археологи используют термин «кашин», родившийся в Хорезмской экспедиции в середине XX в.

Палестина, окрестности Иерусалима. Караван, перевозящий товары через пустыню заиорданскую. Фотография Н. К. Клуге. 1897 г. Государственный Эрмитаж. Фототека Отдела Востока, инв. № 10.021

1

Ведерко

Египет
X–XI вв.
Бронза (латунь); литье, гравировка
Высота 12,5 см
Лядинский могильник, погребение 90, раскопки
В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № ИР-1427
Публикации: Ястребов 1893. С. 14. Рис. 17; С. 45–46.
Рис. 25; Приложение С. 10; Шедевры исламского
искусства... 1990, № 14

Данное ведерко представляет собой одну из наиболее характерных форм художественного металла Египта в указанный период. Она восходит к коптским и римским моделям, но декор выполнен уже в стиле фатимидской продукции:

пояс куфической надписи (фон заполнен пунсоном) и побег. Сохранилось несколько ведерок, близких по форме и декору, наиболее известные из них – в коллекции Кейр [Fehervari 1976. No. 24, 26] и в Каирском музее [Wien 1998. No. 192].

Надпись на стенке:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Благословение от Аллаха, счастье, радость, слава, веселье и долголетие хозяину сего».

Надпись на ручке:

«Благословение, счастье, радость, слава и долголетие владельцу сего».

А. Д. Притула

2

Чаша

Ирак
IX в.
Глина; полихромная люстровая роспись по глазури
Диаметр 18,5 см, высота 5,5 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-75
Публикации: Bonhams 2008. Lot 155

Чаша полусферической формы с горизонтально отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне. Украшена растительно-геометрической композицией с использованием красителей коричневого и зеленого цветов. Последний местами перешел в желтый (в результате выгорания пигмента при обжиге?). Снаружи посередине корпуса идут крупные наклонные полосы, нанесенные зеленой краской.

Керамика с люстровой росписью – замечательное достижение гончаров раннеисламского периода. Для нанесения люстрового декора на керамические изделия использовались красители на основе металлов (в основном серебра и меди) и техника восстановительного обжига, что создавало на поверхности сосудов тончайшую металлическую блестящую пленку и иногда позволяло получить насыщенный, яркий фон, например рубиновый, малиново-красный или сине-голубой [Caiger-Smith 1985. P. 198; Philon 1980. P. 137. Fig. 297, Pl. VIII; Grube 1994. P. 27. No. 19; Watson 2004. P. 185–186]. Впервые подобную технику использовали еще в Древней Греции [Keblow Bernsted 2003. P. 7], однако относительно широкое ее применение началось в IX в. в Ираке. Толчком к появлению исламской люстровой росписи предположительно стали изделия египетских стеклоделов. Изготовление предметов с люстром требовало тройного обжи-

2

га: сначала обжигалась керамическая заготовка, второй обжиг производился для закрепления слоя щелочной глазури с добавками окислов свинца и, главным образом, олова, что создавало глухую белую основу, дававшую прекрасный фон для люстровой росписи. После того как по остывшей и затвердевшей глазури наносились узоры люстровым пигментом, происходил третий обжиг в восстановительной среде. Он производился при более низкой температуре, около 600°C–, это позволяло избежать сильного плавления глазури основы и излишнего выгорания люстра [Caiger-Smith 1985. P. 21–26; Keblow Bernsted, 2003. P. 7–8].

Публикуемый сосуд принадлежит к сравнительно недавно ставшей известной группе люстровой керамики, наиболее характерной чертой которой является использование двух цветов: коричневого и зеленого (точнее, желтовато-зеленого). Другое ее отличие – богатый и выразительный дизайн, в котором преобладают растительно-геометрические мотивы. Очень близкая композиция украшает чашу из коллекции Нассера Халили [Grube 1994. P. 40–41. No. 28], эти два сосуда можно считать продукцией одной

мастерской. На керамике этого типа встречаются также изображения людей [Ильясов, Ильясова 2013. С. 44–45]. Высказывались различные мнения о месте производства данных сосудов: Северная Африка, Месопотамия и Средняя Азия. Последняя, по-видимому, должна быть исключена, так как здесь пока не известны находки, которые соответствовали бы технике изготовления, а также стилю и колориту этого типа керамики. О соответствиях декору и цветовой гамме люстровых плиток, украшающих михрабную стену мечети Сиди Окба в Кайруане (Тунис), писал Эрнст Грубе, что дало ему основания связывать происхождение этой группы керамики с Северной Африкой. Однако, судя по данным письменных источников, эти плитки были частично привезены из Ирака, а частично изготовлены в Кайруане мастером из Багдада. Таким образом, иракская локализация этой керамической группы пока наиболее убедительна.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

3, 4

3

ЧашаИрак
IX в.

Глина; полихромная люстровая роспись по глазури
Диаметр 20,5 см, высота 7,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-73
Публикации: Bonhams 2008. Lot 154

Чаша полусферической формы с горизонтально отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне. Украшена геометрической композицией с использованием красителей коричневого и зеленого цветов. Снаружи посередине корпуса идут крупные наклонные полосы, нанесенные зеленой краской.

Относится к тому же типу керамики, что и предыдущий сосуд (кат. 2). До того как будут сделаны документированные находки, точная локализация этой керамической группы остается проблематичной. Что касается ее аутентичности, то тестирование чаши с изображением юноши, хранящейся в коллекции Фонда Марджани (ИМ/К-40), показало, что она подверглась обжигу более 1000 лет назад [Ильясов, Ильясова 2013. С. 45].

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

4

ЧашаИрак
IX в.

Глина; полихромная люстровая роспись по глазури
Диаметр 12,5 см, высота 4,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-76
Публикуется впервые

Чаша полусферической формы с горизонтально отогнутым венчиком, на дисковидном поддоне. Украшена растительно-геометрической центрической композицией, построенной по принципу зеркальной симметрии, с использованием красителей темно-коричневого и желто-коричневого цветов. Двухцветный бордюр из полукружий связывает эту чашу с двумя предыдущими сосудами, хотя цветовая гамма несколько отличается.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

5, 6

5

ЧашаИрак
IX в.

Глина; полихромная люстровая роспись по глазури
Диаметр 20,5 см, высота 6,5 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-43
Публикуется впервые

Чаша полусферической формы с горизонтально отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне. Украшена растительно-геометрической композицией с использованием красителей темно-коричневого и светло-коричневого цветов. Снаружи по корпусу идут крупные наклонные полосы, нанесенные коричневой краской.

Двух-трехцветная роспись была популярна на иракской люстровой керамике IX в., изделия с подобным декором хранятся во многих музеях и частных коллекциях [Grube 1994. P. 62. No. 44; Fehervari 2000. P. 42–44. Nos. 28–30; Watson 2004. P. 187–190]. Растительная композиция на публикуемой чаше, а также орнаментальные мотивы – шевроны и «павлиний глаз» – явно подражают декору таких сосудов, но выполнены грубее и в несколько иной гамме.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

6

ЧашаИрак
X в.

Глина; обжиг, люстровая роспись по глазури
Диаметр 22,8 см, высота 5,3 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-276
Публикации: Moulieras 1999. P. 127
(фото лицевой части сосуда дано в зеркальном отражении); Paпсарođlu 2007. P. 56–57

Неглубокая чаша на кольцевом поддоне. Расписана люстром золотистого цвета, который в X в. стал преобладать, по-видимому, из-за сложности и нестабильности процесса производства изделий с полихромными росписями.

Изнутри и снаружи сосуд украшает эпиграфический декор. Внутри надпись в три строки, состоящая из повторения двух коротких афоризмов: *Таваккал тукфа* и *Сал тута*, означающих в переводе «Вера достаточна» и «Проси – будет дано». Эти фразы, написанные на чаше с люстровой росписью, хранящейся ныне в коллекции Тарека Раджаба (Кувейт, см.: [Fehervari 2000. P. 73–74. No. 75]), были прочитаны А. Кучани [Ghouchani 1986, p. 32–33. Pl. 6] (отметим, что у Г. Фехервари местом изготовления чаши

Нужно подчеркнуть, что смысл поговорок подразумевает присутствие божественного начала. Первую из них нужно понимать так: «Вера в Бога достаточна для благополучной жизни» («Уповай /на Аллаха/ – будешь вознагражден /удовлетворен/» – так звучит перевод О. Г. Большакова [Большаков 1963 а. С. 82–85]). Вторая поговорка, соответственно, означает: «Проси у Бога – и тебе будет дано». Надписи на публикуемой чаше были переведены М. Байани, которая в конце второй строки прочитала слова *Ман амала* «Из работ ...» [Rançaroglu 2007. P. 57, 154]. После них должно быть написано имя мастера, но на чаше в третьей строке снова повторена фраза «Вера достаточна». На одном иракском сосуде с монохромным люстром М. Байани прочитала: *Ман 'амала манна* «Кто работает – благожелателен» [Grube 1994, p. 31, 332. No. 23], но в нашем случае и это не подходит: после вводных слов нет ни имени, ни слова «манна». По-видимому, мастер из скромности поместил свое имя на дне сосуда, но оно не очень хорошо сохранилось, поскольку краска выгорела при обжиге. Одно из предлагаемых чтений этого имени – (Бин) Халдан [Mouliercas 1999. P. 127], другое – Джафар [Rançaroglu 2007. P. 57], но оба чтения сомнительны. На внешней стороне чаши трижды повторено благопожелание *Барака лисахиби-хи* «Благословение владельцу сего».

Примечательной особенностью публикуемой чаши является бордюр из полукружий, идущий по краю сосуда с внешней стороны. Во всех других случаях этот орнаментальный мотив размещается внутри чаш.

В публикации 1999 г. рассматриваемый объект отнесен к продукции Египта [Mouliercas 1999. P. 127]. В то же время на изделиях с монохромным люстром, приписываемых Ираку, мы видим и такую же форму сосуда, и те же афоризмы, и абсолютно тот же почерк, вплоть до «трилистника», украшающего букву *сад* в слове *сахибихи* [Grube 1994. P. 26, 30, 38. Nos. 17, 21, 26]. О. Уотсон пишет об одной чаше из коллекции ал-Сабах, которую прежде относили к Египту, что лишь материал, из которого она сделана, – несомненно, басрийский – позволил подтвердить ее иракское происхождение. Он предполагает, что такие похожие изделия были произведены в период, когда мастера-гончары начали перемещать свои мастерские из Ирака в Египет [Watson 2004. P. 197, Cat. E.19].

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

7, 8

7 Курильница

Египет
X–XII вв. (?)
Глина, алебастр; гончарный круг, штамповка
Диаметр чаши 13,0 см, длина подставки 16,5 см, высота 9,0 см
Привезена В. Г. Боком из Египта в 1899 г.
ГЭ, инв. № ЕГ-930
Публикуется впервые

Подобные курильницы из алебастра были широко распространены на мусульманском Востоке, от Египта до Средней Азии, в домонгольское время. Чаша из обожженной глины может являться в данном случае позднейшим добавлением, так как под ней находится слой, отличающийся по цвету от алебастрового основания, образующего основную массу предмета.

Курильница украшена штампованным декором – повторяющимся эпиграфическим орнаментом, типологически восходящим к арабскому слову *ал-мулк* «царство», которое является сокращенным вариантом выражения *ал-мулк ли-ллах* «царство у Аллаха». Бордюр с изгибающимся побегом такой формы известен на предметах с X в., равно как и украшение в виде трилистника над буквой *мим*, однако, судя по сильной стилизации пояса эпиграфического орнамента, нельзя исключить и более позднюю датировку – XI–XII вв.

М. Грейвз, А. Д. Притула

8 Флакочик

Ближний Восток
IX–X вв.
Стекло; выдувание в форму, шлифовка
Высота 6,3 см, ширина 2,0 см
Найден в Средней Азии, бывшая коллекция Б. Н. Кастальского
ГЭ, инв. № СА-2359
Публикуется впервые

Толстостенный флакочик был отлит в форме и дополнительно подвергнут холодной обработке. Отличительной чертой этого типа флаконов являются четыре ножки, между которыми сделаны треугольные вырезы. Они распространены на огромной территории, по всему Ближнему и Среднему Востоку вплоть до Закавказья [Джанполадян 1968. С. 271. Рис. 2, 5; Джанполадян, Калантарян 1988. С. 11. Табл. XV]. Основой датировки этих флаконов служат их находки в слоях Самарры и Фустата [Lamm 1928. Taf. VII, 218, 218 c], очевидно, что сосудики такого типа и производили на Ближнем Востоке. Такие флаконы были удобны для хранения душистых масел и благовоний, известны очень похожие сосуды, изготовленные из металла и камня [Melikian-Shirvani 1982. P. 46. Cat. № 6; см. также кат. 73,74].

А. И. Торгоев

назван Египет, а ее фотография дана в зеркальном отражении; что касается А. Кучани, то он отнес чашу к продукции Нишапура, что тоже не соответствует общим представлениям о керамике Хорасана).

9

9 Косметический сосудик

Египет или Сирия
X–XI вв.
Стекло; свободное выдувание
Диаметр 3,8 см, высота 11,6 см
Привезен В. Г. Боком из Египта в 1897 г.
ГЭ, инв. № ЕГ-471
Публикуется впервые

Косметический сосудик с конусовидным, приостренным к дну туловом, использовался для хранения сурьмы, которой подкрашивали веки. Такое назначение этого типа сосудов доказывается находкой флакона подобной формы, со вставленным в горло медным стержнем для нанесения пасты на веки, на поселении Аль-Тур на Синайском полуострове [Carboni, Whitehouse 2002. Cat. № 55]. Впервые сосудики такой формы фиксируются в слоях Самарры IX в., но тулово их более удлиненное, оканчивается небольшим уширением, а горло короткое [Lamm 1928. № 87, 85, 83]. Эта форма существовала и в более позднее время, при Фатимидах и Айюбидах, но в тогда флаконы изготавливались уже из двухслойного стекла, обычно темного, с белыми полосками.

А. И. Торгоев

10

10 Флакон

Египет
IX–XI вв.
Стекло; выдувание в форму
Диаметр 5,7 см, высота 8,5 см
Привезен В. Г. Боком из Египта в 1897 г.
ГЭ, инв. № ЕГ-432
Публикуется впервые

Толстостенные флаконы такой формы производили в X–XI вв. Они известны на большой территории от Египта и до Средней Азии. В таких флаконах перевозились ароматические масла. Схема декора тулова в виде наклонных полос, разделанных овалами или ромбами, встречается в стекле как Ближнего Востока, так и Ирана.

А. И. Торгоев

11

11 Пластина

Египет
XI–XII вв.
Дерево; резьба
Высота 23,2 см, длина 20,5 см
Привезена В. Г. Боком из Египта в 1899 г.
ГЭ, инв. № ЕГ-557
Публикации: Во дворцах и в шатрах... 2008. № 11

Изображения различных диких животных, в том числе копытных – газелей, серн, – на дереве и кости были очень популярны в фатимидский период. Чаще всего животных изображали на фоне растительного побега. Такую композицию можно считать классической для фатимидского искусства, она часто встречается и на керамике.

Кроме резных изображений были популярны фигурки различных диких животных, чаще всего из бронзы. Известна большая и эффектно выпол-

ненная бронзовая фигура антилопы в Мюнхенском музее [Wien 1998. No. 67], сходная с изображением на эрмитажной дощечке.

Судя по форме, эрмитажная дощечка служила частью рахлы (подставки для книги) либо застывшей в оконном проеме или нише. Любопытно, что в данный период в Египте изображения животных использовались не только в светской архитектуре, но и в культовой. Например, в алтарной преграде XI в. церкви Св. Варвары в Каире использовано множество деревянных пластин с изображениями животных [Семенов 2006. С. 143–156]. Нужно отметить, что никаких четких признаков различия в изделиях коптских и мусульманских мастеров по дереву не обнаруживается.

А. Д. Притула

12

12

Доска резная

Египет
IX–X вв.
Дерево; резьба
Длина 77,0 см, ширина 29,0 см
Привезена В. Г. Боком из Египта в 1898 г.
ГЭ, инв. № ЕГ-561
Публикуется впервые

Эта деревянная панель была частью архитектурного декора, вероятно, фриза или дверного обрамления. Данный стиль декора в научной литературе получил название «скошенный»: подразумеваются выровненные края резного декора, придающие ему мягкость линий, подчас сравнимую со складками тканей. «Скошенный стиль» возник под влиянием штампованных штукатурных панелей архитектурного декора, где такие края необходимы для успешного извлечения затвердевшего штука из формы; однако в декоре резного дерева стиль продиктован не практической необходимостью, а эстетическими требованиями.

«Скошенный стиль» обычно ассоциируется с комплексом халифского дворца в Самарре (Ирак), где он применялся в штукe, мраморе и деревянном стенном покрытии, создавая впечатление роскошно украшенного и цельного архитектурного комплекса. Тем не менее очень близкая манера декора резного дерева наблю-

дается на балках мечети ал-Хакима в Каире (конец X – начало XI в.) и фрагментах, убедительно атрибутированных Каиру IX–X вв. Последнее указывает на то, что распространение этого типа декора не ограничивалось резиденцией Аббасидских халифов [Creswell 1978. Pl. 20]. Поскольку данная панель была приобретена в Египте и по декору близка группе деревянных панелей, связанных с памятниками каирского круга, такая локализация наиболее вероятна [Anglade 1988. Nos. 13–16].

На поверхности панели заметны следы красно-коричневой, белой и черной краски. Полихромная роспись наиболее хорошо сохранилась на поясе красно-коричневых кружков, обрамленных белым. Этот мотив декора восходит к резному иранскому штукe эпохи Сасанидов и продолжается в выпуклой форме на многих резных мраморных и формованных штукатурных архитектурных деталях халифского дворца в Самарре, а также на резных деревянных панелях, относимых к этому комплексу.

Некоторые панели тикового дерева, найденные при раскопках в Самарре Эрнстом Херцфельдом в 1912–1913 гг., были расписаны и покрыты позолотой. Данный предмет демонстрирует, что резные египетские панели «скошенного стиля» также были задуманы как поверхности для полихромной росписи [Saba 2015. P. 173, 177].

М. Грейвз

13

13

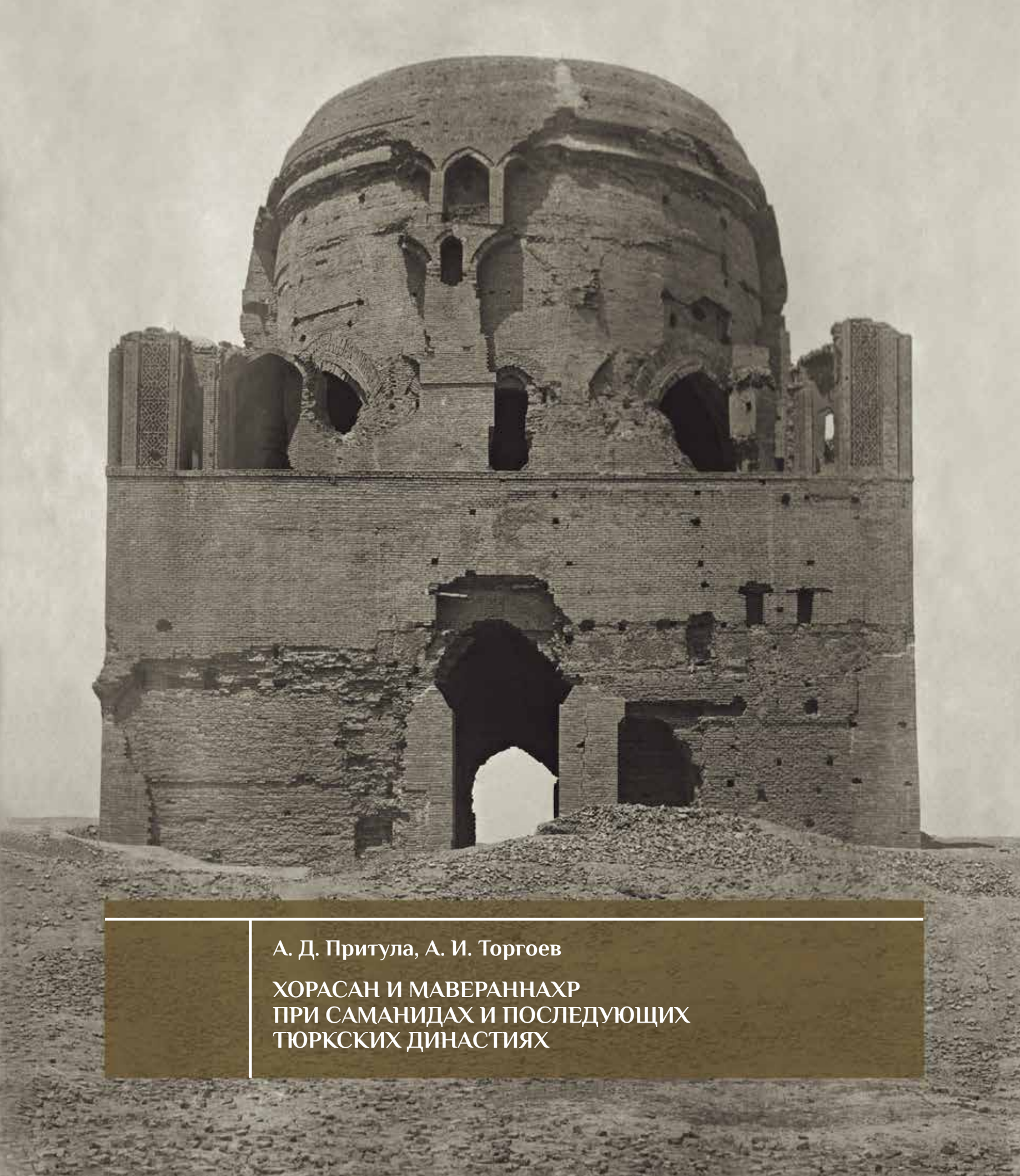
Фонтан

Египет
XI–XII вв.
Камень; резьба, шлифовка
Длина 18,0 см, высота 14,0 см
Привезен В. Г. Боком из Египта в 1898 г.
ГЭ, инв. № ЕГ-841
Публикации: Во дворцах и в шатрах... 2008. № 8

Этот фонтан в виде льва украшал особняк или культовое сооружение, где мог служить для омовений. Сквозь ноги льва просверлено отверстие, выходящее на спине. От него отходят два рукава: один выходит из пасти, а другой – из задней части. Несмотря на распространение аналогичных львов-фонтанов в исламском мире, местом изготовления этого льва следует считать фатимидский Египет или Сирию. Близкое изображение такого же большеголового льва с непропорционально маленьким телом находим на стеклянной бутылке из Сабра-Мансурийя, а также на стеклянном кубке из собора Сан-Марко в Венеции, вероятно, сделанном в Египте [Kröger 1999. Fig. 14, 15a].

А. Д. Припула

А. Д. Пригула, А. И. Торгоев

ХОРАСАН И МАВЕРАННАХР ПРИ САМАНИДАХ И ПОСЛЕДУЮЩИХ ТЮРКСКИХ ДИНАСТИЯХ

В восточной части халифата – Иранском регионе – экономика и культура достигли расцвета при династии Саманидов (819–1005), правившей в Хорасане и Мавераннахре (Средней Азии). Основателем этой династии был землевладелец (*дихкан*) по имени Саман-Худа, принявший ислам. Сыновья его, Нух, Ахмад и Илийас, находившиеся на службе аббасидского халифа, получили в управление различные города Средней Азии. В 875 г. сын Ахмада Наср был назначен наместником всей провинции. Наиболее ярким представителем династии стал правнук Саман-худата – Исмаил ибн Ахмад, который укрепил государство и стал единоличным правителем Мавераннахра. В 900 г. аббасидский халиф пожаловал Исмаилу Самани титул правителя Хорасана, в результате чего Саманидская держава стала крупнейшей на иранском Востоке. Этот государственный муж едва ли не первым из правителей оседлых государств среднеазиатского междуречья вел удачные походы против кочевников-тюроков, в частности, в 893 г. под властью Саманидов оказался Тараз – крупный город на р. Талас в земле тюроков-карлуков. Именно при Саманидах начали активно разрабатываться серебряные рудники Чач-Илака и Верхнего Таласа. Саманиды установили контроль над караванными путями, идущими через Среднюю Азию, и тем самым добились экономической стабильности. При Саманидах активно заработала международная торговля по трансконтинентальному пути. Большие клады серебряных саманидских монет находят обычно в Европе, вплоть до Скандинавии, и не будет преувеличением сказать, что к X в. дирхам становится международной валютой. Через подвластные Саманидам территории

шел поток рабов-тюроков, поступавших в армии мусульманских государств. В политической деятельности им существенно помогало то, что они были сторонниками суннизма и тем самым имели поддержку в лице аббасидских халифов. Ибн Фадлан сообщает в своей книге, что лично встречался с саманидским правителем Насром ибн Ахмадом (914–943) в Бухаре, столице этого государства.

Бухара превратилась в центр образованности, знаменитый на весь мусульманский мир. В IX в. появились теологи из местной среды, таковым был, к примеру, Имам ал-Бухари – один из крупнейших знатоков хадисов, труды которого признаны классическими, а авторитет до сих пор очень высок.

Наиболее существенно, что при этой династии появилась поэзия на персидском языке, вошедшая впоследствии в сокровищницу мировой литературы. При дворе Саманидов творил выдающийся поэт Рудаки (род. ок. 860 г.), при Саманидах начинал свой творческий путь великий Фирдоуси (935–1020). Саманидское время называют периодом персидского, или иранского, Ренессанса, когда иранская культура, впервые после арабского завоевания, стала основной в государстве.

Архитектурные памятники саманидской эпохи дошли до нас в очень ограниченном количестве. На протяжении веков они ремонтировались и подновлялись, в более позднее время чаще всего разбирались на кирпич. Именно в саманидский период в Средней Азии началось массовое строительство монументальных зданий из жженого кирпича, который производили в огромных количествах. Среди сохранившихся архитектурных памятников наиболее знаменит мавзолей

Мавзолей Султана Санжара в Мерве. XII в. Фотография А. Ю. Якубовского, 1928 г. Государственный Эрмитаж. Фототека Отдела Востока, инв. № 4096

Афрасиаб – городище былого Самарканда
Фотография А. В. Омельченко, 2015 г.

Внутренний интерьер мавзолея Хакимаат-Тирмизи. XII – начало XIII в.
Фото В. М. Филимонова, середина XX в.
Из личного архива Е. Г. Некрасовой

Саманидов в Бухаре, благодаря применению сложнейших способов кирпичной кладки до сих пор считающийся шедевром мусульманской архитектуры [Hill, Grabar 1964. P. 49. Fig. 1, 2].

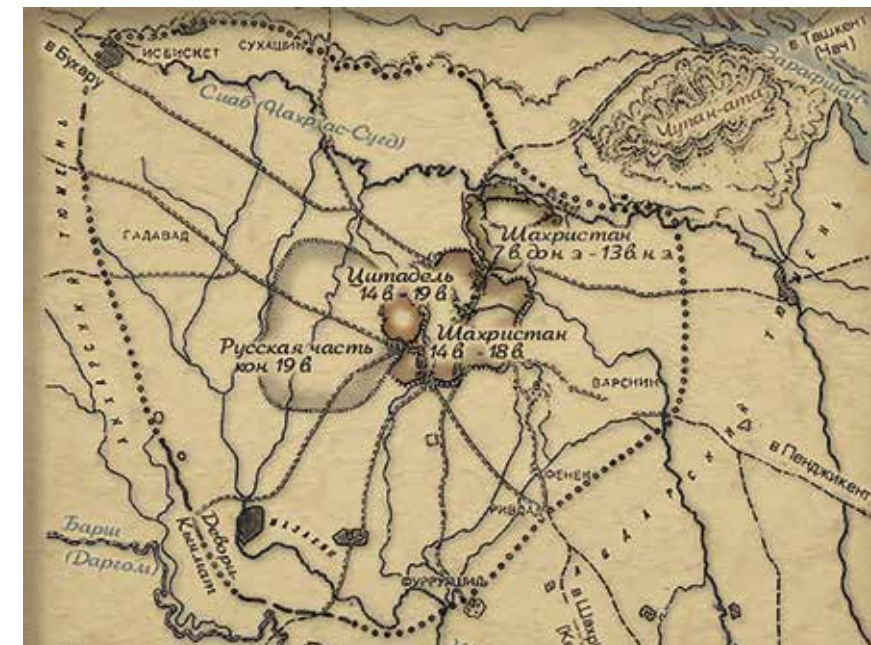
Из-за того что архитектурные памятники практически не сохранились, слабо известны и памятники искусства резьбы по ганчу и глине. Дошедшие до нас образцы резьбы, которой украшались михрабы мечетей и парадные помещения, в основе своей относятся к послесаманидскому времени – XI–XII вв., но нет сомнения, что при Саманидах это искусство также было развито. В качестве примера можно назвать замечательный павильон, украшенный резьбой, из Афрасиаба – городища домонгольского Самарканда [Ахраров, Ремпель 1971].

К X в. ислам уже крепко укоренился в среде оседлого населения среднеазиатского междуречья. Религиозное мировоззрение, как отмечал О. Г. Большаков, было единственной формой мировоззрения [Большаков 1969 б. С. 152], что отражалось как в быту, так и в искусстве. В целом негативное отношение официального ислама к изображениям живых существ в значительной мере препятствовало развитию настенной живописи, столь широко распространенной в предшествующее время в Согде. Это искусство

не было вовсе забыто, но памятников его сохранилось крайне мало и все они происходят из археологических раскопок. Так, замечательная настенная живопись с тонко и очень реалистично выписанным изображением всадника была открыта экспедицией Ч. Вилкинсона в одном из частных домов Нишапура [Wilkinson 1986].

Династия Саманидов, возводившая свою родословную к доисламской иранской династии Сасанидов, старалась продолжать традиции сасанидского Ирана и в искусстве. Прежде всего это относится к серебряной пиршественной посуде, обильно украшенной орнаментами и сценами пира, а также различными мифическими существами.

Представление об искусстве государства Саманидов мы можем составить главным образом по дошедшим до нас во множестве предметам декоративно-прикладного характера, изготовленным из твердых материалов: керамики, стекла и металла (текстиль и резное дерево, к несчастью, практически не сохраняются в слоях среднеазиатских памятников). Богатые коллекции были сформированы из вещей, полученных при раскопках городов Хорасана и Мавераннахра. Вкус оседлого населения, во многом диктовавший социальный заказ на изготовление утвари с художественными элементами, определили два компонен-

та: старая доисламская традиция, по большей части согдийская, и декоративное искусство Хорасана.

Важнейшей отраслью ремесла саманидского времени стало производство глазурованной расписной керамики, которое широко распространилось в IX–X вв. Принято считать, что крупнейшими его центрами были Самарканд и Нишапур. Работавшие в этих городах мастера делали посуду, которая воспринималась как эталон и являлась узнаваемым элементом культуры государства Саманидов (см., например: кат. 40, 41, 43, 46, 49–52 и др.).

В декоре как серебряных, так и керамических сосудов эпохи Саманидов широко использовались надписи на арабском языке почерком *куфи*, которые подчас были центральным элементом декора. Прежде всего это замечание относится к белофонной керамике, покрытой свинцовой глазурью (кат. 44, 45). Такие сосуды находят на огромной территории государства Саманидов, но определить место их производства очень сложно: они практически не отличаются по оформлению. Тиражирование благожеланий, надписей дидактического характера, а иногда цитат из хадисов и даже стихов, привело к тому, что выработался особый каллиграфический почерк, который так и называют: «керамический *куфи*». Чернофонные чаши с надписью, сделанной белым, чаще встреча-

ются в Мавераннахре, главным образом в Самарканде (кат. 46–48), который и был, по всей видимости, центром их производства.

Однако нельзя думать, что глазурованная керамика производилась только в Самарканде и Нишапуре. Безусловно, она изготавливалась и в других городах. В Мерве – мегаполисе средневековья огромные кварталы гончаров пока исследованы в основном по горизонтам XII в. Крупным центром производства глазурованной керамики в саманидское время стал Бинкет (нынешний Ташкент), его продукция характеризуется высококачественной керамикой, в росписи которой использовались зеленые и желтые тона (кат. 53).

Помимо керамики с каллиграфическими надписями, своего рода визитной карточкой Саманидов является чрезвычайно широко распространенная, изготовлявшаяся в разных городах керамика, покрытая зеленой и мраморовидной глазурью с желтыми пятнами и потеками. Производили целые сервизы такой посуды (кат. 37–39). Считается, что она подражает китайским образцам, в которых использовалась такая же зелено-желтая гамма [Семенов 2008. С. 52].

В орнаментике часто встречаются античные в основе мотивы, связанные с виноградной лозой. В саманидское время каноническую форму обрел мотив в виде вьющегося побега,

Глазурованное блюдо (кат. 49). Деталь

Самарканд: территориальный рост города в VII в. до н.э. – XIX в. н.э.
Карта выполнена Ю. М. Кокзиди

Кружка (кат. 53). Деталь

от которого отходят короткие ветки с трехчастными полупальметтами на конце. Этот орнамент воспроизводили как в росписи керамики (кат. 53), так и в украшении металлических изделий (кат. 20).

Широко стали использоваться геометрические мотивы, разного рода плетенки, вариации символа «бесконечного узла», звездчатые формы. На керамике встречаются и изображения живых существ, часто стилизованные, что позволялось официальным исламом [Большаков 1969б. С. 150]. Как правило, это птицы (кат. 26, 32, 43) и фантастические существа (кат. 31). Изображения людей довольно редки, но как в Хорасане, так и в Мавераннахре встречается керамика с изображением женских фигур и лиц, стиль которых восходит к живописи Самарры. Изображения мужчин более редки (кат. 30).

Металлическое производство также было распространено, но сейчас мы можем выделить лишь небольшое количество типов сосудов. Центром производства посуды и утвари из цветных металлов был Хорасан (кат. 14–19); в Мавераннахре, судя по всему, подражали произведениям хоарсанских мастеров (кат. 20, 23). Интересно, что от саманидского времени практически не осталось посуды из драгоценных металлов. Официальный ислам к ее использованию относится негативно, однако такая пиршественная посуда явно была.

К середине X в. в державе Саманидов стало заметно ослабление центральной власти, вызванное многочисленными восстаниями и переворотами. В результате власть в Хорасане перешла к Газневидам, а в Мавераннахре – к Караханидам. Газневиды (977–1186), первоначально правившие в Газни (Восточный Афганистан) от имени Саманидов, постепенно полностью обособились. Навысшего могущества их государство достигло при султани Махмуде (998–1030). Он совершил набег на Индию, прошел вдоль Ганга и разрушил языческий храм в Сомнате, что стало впоследствии популярным сюжетом персидской литературы и искусства. На севере Махмуд захватил Хорезм и установил границу с Караханидами, на востоке – Хорасан, а также Хамадан в Западном Иране.

Считается, что в период Газневидов появилась классическая арабеска – основа растительных орнаментов в мусульманском искусстве [Вагг 1998. P. 15–17. Fig. 19–21]. Она представляет собой сложное сплетение спиральных побегов с листьями, ритмично повторяемое для заполнения нужного пространства. Арабески широко применялись в архитектурном убранстве столицы государства – Газни (Восточный Афганистан) [Ibid. Fig. 19–21].

Загородная резиденция Махмуда Газневи, замечательный дворец Лашкари-Базар, находящийся недалеко от Газни и исследованный французской археологической экспедицией, был настоящим архитектурным шедевром того времени. Газневиды, при которых распространился суфизм, не чурались и фигуративного искусства: стены одного из больших помещений дворца украшала многоцветная живопись с изображениями воинов. В Хульбуке, во дворце правителей Хутталя, подвластных Газневидам, а позднее Караханидам, возможно, находился придворный театр, а стены одного из помещений парадной части были украшены живописью, от которой сохранились изображения музыкантов. По стилю изображения они имеют много общего с книжной миниатюрой, которая начала развиваться в это время.

От эпохи Газневидов сохранилось большое количество изделий из бронзы. Чаще всего это кованные чаши с гравированным декором,

иногда со сложными многофигурными сценами, как, например, чаша из Британского музея [Rice 1958. Pl. XIII] или великолепный предмет из Фонда Марджани [Классическое искусство исламского мира... 2013. Кат. 17].

Государство Караханидов, в отличие от газневидского, строилось на родовых отношениях представителей династии, принадлежавших к тюркской народности карлуков. Род Караханидов, весьма разветвленный, имел несколько столиц. Первоначальная столица находилась в Баласагуне (ныне городище Бурана в Чуйской долине). Ферганская ветвь сделала своей столицей Узгенд в Ферганской долине. После завоевания Мавераннахра столицами стали и Самарканд, и Бухара. Восточный Туркестан, также частично вошедший в Караханидское государство, управлялся из Кашгара. К эпохе Караханидов относится самое раннее литературное произведение на тюркском языке – *Кутадгу билиг* Йусуфа Баласагунского.

Смена власти незначительно повлияла на художественные вкусы населения Мавераннахра, какого-либо кардинального изменения стиля в декоративном искусстве не произошло. Напротив, караханидская верхушка, происходящая из тюрков, быстро восприняла нравы и вкус городского населения. Правители выстроили себе резиденции и загородные дворцы с банями, залами для приемов, портиками-*айванами*, просторными жилыми помещениями [Немцева 2000]; богатство внутреннего убранства не было редкостью.

В первой половине XI в. еще сохранялись традиционные мотивы декора посуды, но появлялись и новые: особенно узнаваемы мотив процветших бутонов и вихревые розетки в оформлении глазурованных чаш. Богатый эпиграфический орнамент предыдущего периода уступил место псевдоэпиграфике – начался процесс упрощения и стандартизации. В орнаментике по-прежнему встречаются изображения животных, но еще более стилизованные.

К середине XI в. общая перенаселенность каганата Караханидов, частые войны между представителями разных ветвей династии, экологические проблемы, связанные с изменением водного баланса, истощение се-

Кувшин (кат. 23). Деталь

ребристых рудников и, как следствие, менее активное участие в международной торговле привели к кризису в государстве Караханидов. Социальный спрос на дорогую продукцию профессиональных городских мастеров, украшенную богатым и сложным орнаментом, упал; заметно упростились мотивы орнамента и техника изготовления керамики. Однако нельзя сказать, что производство остановилось. В XII в. появился и стал основным тип керамики с глухой бирюзовой поливой, но по-прежнему широко использовалась и керамика с зеленой поливой. Встречаются также чаши и блюда этого периода с подглазурным процарапанным рисунком – как правило, несложным геометрическим орнаментом. Безусловным центром производства художественных изделий из цветных металлов в XII в. оставался Хорасан. Мастера Мавераннахра копировали дорогие хорасанские изделия. Так, к XII в. относится значительная группа литых бронзовых сосудов, замечательная серия зеркал со сценой гона животных (кат. 85). Недавно стал известен ряд серебряных сосудов, которые, несмотря на серебряный кризис, были произведены в каганате Караханидов (кат. 24). Вообще же на исконных землях Караханидов украшения из серебра были довольно распространены, они встречаются как в кладах, так и отдельно. Очевидно,

Чарка (кат. 24). Деталь

здесь отражено традиционное предпочтение серебряных украшений золотым, характерное для тюрков, в отличие от иранцев. К предметам ювелирного искусства Караханидского каганата относятся замечательные витые серебряные браслеты со стилизованными изображениями головок змей (кат. 81).

Первой мусульманской державой, по размаху и политическому могуществу сравнимой с Арабским халифатом, стало Сельджукское государство. Сельджуки были предводителями одного из родов в составе тюркской народности огузов, обитавших к северу от Каспийского моря. В X в. они приняли ислам и начали проникать в Хорезм и Мавераннахр. Первоначально они служили наемными воинами у местных правителей, затем, в 1038 г., захватили провинцию Хорасан. Сельджуки придерживались «правоверного» (суннитского) толка ислама и с самого начала сделали это своей идеологической платформой. Заняв Багдад и освободив халифов от давления шиитской династии Буидов, они заручились поддержкой суннитского большинства.

При султанах Алп-Арслане (1063–1072) и его сыне Малик-Шахе (1072–1092) ведущую роль в политике играл *везир* (министр) Низам ал-Мулк, выдающийся государственный деятель и один из образованнейших людей своего времени. Он привлекал ко двору лучших

ученых, поэтов, теологов. Основой чиновничьего аппарата стали образованные персы, а армию возглавляли тюрки из иерархии военных невольников. На западе владения Сельджуков простирались до Анатолии (Малой Азии), где они потеснили византийцев и вынудили византийского императора платить дань. На востоке они подчинили себе Хорезм и Западный Афганистан, в Сирии и Палестине покончили с шиитским влиянием и изгнали Фатимидов.

Столицей новой державы стал город Исфахан, известный еще с доисламских времен. Для пропаганды правоверного ислама Сельджуками была создана сеть медресе (духовных учебных заведений), реализацией этой программы руководил сам Низам ал-Мулк. Именно к этому периоду относится возникновение классической архитектурной формы с четырьмя портиками-*айванами*, первоначально использовавшимися для проведения занятий. Затем эта планировка была перенесена на мечети всей державы, самая знаменитая из которых – пятничная мечеть Исфахана, жемчужина иранского зодчества.

Расширение державы привело ко второму после арабского завоевания смешению художественных традиций различных регионов. На этот раз произошел интенсивный синтез на основе уже сложившихся местных школ исламского искусства, а соприкосновение с византийским искусством привело к созданию новых форм и схем декора, в частности в тюретике [Притула 2013. Кат. № 21]. Можно считать эпоху правления династии Сельджуков окончанием становления основных форм исламского искусства.

Слабой стороной государственного строя Сельджукской державы было чрезмерное влияние родовой знати: принц из каждой ветви правящей династии получал в правление один из городов. Однако в Месопотамии и Иране фактическая власть перешла к воспитателям принцев – *атабекам*. Хорасан приобрел независимость в результате восстания огузов 1153 г., которое закончилось поражением и смертью султана Санджара. Однако в Анатолии власть Сельджуков продержалась до 1307 г.

Одна из династий, господствовавших в Иране после Сельджуков до монгольского

завоевания, – Гуриды (1000–1215), первоначально правившие в горах Центрального Афганистана. Самой большой территорией они владели при правителе Гийас ад-Дине (1163–1203), когдабыли подчинены Хорезм и Хорасан. В начале XII в. в Хорасане получили широкое распространение изделия из бронзы, точнее из латуни, украшенные медной и серебряной инкрустацией. Эта техника, в Европе остававшаяся неизвестной вплоть до XV в., стала «фирменным знаком» мусульманских тюретов. На литое или кованое изделие из латуни наносили контур и по нему острым инструментом вырезали канавки. Затем из серебряного листа вырезали пластины соответствующей формы и размера, накладывали на изображения, а края забивали в канавки тупым инструментом. Такая механическая закрепка была относительно прочной и позволяла комбинировать серебряную инкрустацию с медной. Далее на пластинках гравировали мелкие детали – черты лица, складки одежды. Фон и пустоты нередко заполняли битумом – органическим составом черного цвета. Эта технология позволяла добиваться очень нарядного и изысканного декора с эффектом полихромности (латунь, серебро, медь, черный битум). Самый первый датированный предмет хорасанских мастерских в такой технике – пенал 1138 г. из собрания

Эрмитажа [Giuzalian 1968; Во дворцах и в шатрах... 2008. № 27].

Одновременно пришло в упадок изготовление пиршественной посуды из серебра. По-видимому, между этими двумя явлениями есть связь. Британский специалист по исламским бронзам Джеймс Аллен высказал предположение, что мастера по экономическим причинам перешли на латунь с обильной инкрустацией серебром и медью [Allan 1977. P. 15–21]. В качестве аргумента он приводит изделия из серебра и из латуни, аналогичные по форме и орнаменту. Конец технологии инкрустации по латуни в Хорасане положило монгольское завоевание.

Хазира Чашма Аййуб в Вахкентском районе Бухарской области. 605/1208–1209 гг. Фото Виктории Боц, 2014 г. Из личного архива Е. Г. Некрасовой

14

14 Кувшин

Иран
VIII–IX вв.
Бронза (латунь); литье, ковка, резьба
Высота 40,0 см
ГЭ, инв. № ИР- 2325
Публикуется впервые

Кувшин с яйцевидным туловом, горлом с закрытым сливом и изогнутой ручкой со стилизованными головками зверей на концах и кубовидной шишечкой наверху имеет много черт, связывающих его с серебряными кувшинами сасанидской эпохи VI–VII вв. в Иране.

Весьма вероятно, что он был создан в первые века после распространения ислама в Иране, и потому связь его с изделиями предшествующих эпох еще хорошо просматривается.

На тулове кувшина мы видим гравированный орнамент в виде ряда арочек около шейки и отходящих вниз линий. Скромный орнамент также характерен для эпохи формирования искусства Арабского халифата в VII–VIII вв.

Некоторые литые элементы, прежде всего ручки с головками зверей, позволяют полагать, что кувшин был сделан где-то в Иране, а не в центре Халифата.

А. А. Иванов

15

15 Курильница

Иран
IX–X вв.
Бронза (латунь); литье, ковка, резьба
Высота 6,5 см, длина 27,8 см
ГЭ, инв. № ИР-1717
Публикуется впервые

Курильница в виде плоского неглубокого тулова на трех ножках (ажурная крышка отсутствует) с отходящей в сторону ручкой представляет собой один из распространенных в VII–IX вв. в странах Ближнего Востока типов курильниц. Орнамент ее состоит только из миндалевидных выступов на тулове и ручке, встречающихся на иранских серебряных сосудах сасанидского и постсасанидского времени. Ни гравированных орнаментов, ни надписей на курильнице нет. Все эти обстоятельства позволяют предполагать, что данный предмет изготовили иранские мастера в IX–X вв.

А. А. Иванов

16 Таз

Иран (?)
X в.
Бронза (латунь); ковка, гравировка
Высота 11,2 см, диаметр 52,5 см
ГЭ, инв. № VC-693
Публикуется впервые

Круглый таз с высокими, слегка вогнутыми краями и плоским дном украшен только круглой розеткой с геометрическим орнаментом и шестилепестковыми цветами. Аналогичных по форме тазов дошло до нас всего несколько штук, но орнаменты связывают их с изделиями Мавераннахра X–XI вв. На тазе из эрмитажной коллекции вокруг центральной розетки идет узенькая полоска, заполненная кружками с точкой в центре. Бронзовые изделия с таким орнаментом на сегодняшний день связывают с провинцией Хорасан, поэтому таз, хотя и с некоторой долей сомнения, можно отнести к иранским изделиям X в.

А. А. Иванов

16

17

17 Подставка светильника или курильницы

Иран
X в.
Бронза (латунь); литье, резьба
Высота 89,5 см
ГЭ, инв. № ИР-1449

Публикации: A Survey of Persian Art 1939. Pl. 1283, A.

Подставки под светильники или курильницы получили широкое распространение в странах Арабского халифата. Традиция создания таких предметов была хорошо известна на Ближнем Востоке и в доисламские времена.

Как и в данном случае, такие подставки обычно состояли из трех частей, соединяющихся между собой на шарнирах: а) основания, обычно круглого, на трех ножках; б) стойки в виде круглой или граненой трубки; в) плоской тарелочки наверху, куда ставился светильник или курильница.

Отдельные части таких подставок украшались орнаментами растительного или геометрического характера (как на данном предмете). С конца X в. на иранских изделиях часто вырезали благопожелательные арабские надписи. На данной подставке еще нет надписей, это позволяет полагать, что она была создана в X в.

А. А. Иванов

18 Светильник

Иран
X в.
Бронза (латунь); литье, ковка
Высота 14,0 см, длина 23,5 см
ГЭ, инв. № ИР-1568
Публикуется впервые

Масляные светильники разных форм и размеров были широко известны в странах Ближнего Востока в разные исторические периоды. Таких предметов сохранилось очень много, и их типологией и датировкой никто не занимался.

Светильники в виде округлого приплюснутого резервуара с длинным широким носиком для фитиля, кольцевидной ручкой и крышкой характерны для периода IX–X вв. В отличие от более поздних светильников (второй половины XI – начала XIII в.) они не украшены ни орнаментами, ни арабскими благопожелательными надписями. Исходя из этого данный светильник можно считать изготовленным в X в.

А. А. Иванов

18

19 Светильник

Хорасан
X в.
Бронза (латунь?); литье
Длина 14,0 см, ширина 7,2 см, высота макс. 4,5 см
Найден в нижнем течении р. Мургаб (Туркменистан)
ГЭ, инв. № СА-14571
Публикуется впервые

Светильник *чирог* в виде низенькой чашечки с вытянутым носиком и кольцевой ручкой с выступом в верхней части. Донце плоское; резервуар с загнутыми внутрь краями, оформленными трилистником у места прикрепления ручки и двумя птичьими головками у начала носика. Плоскость загнутого края покрыта гравированным геометрическим орнаментом. В целом светильники с резервуаром листовидной формы довольно редки и характерны, по-видимому, для юга Средней Азии, о чем свидетельствуют находки похожих изделий на Дашлыджи-депе в Южном Туркменистане [Бяшимова, Атаева 2012. С. 196. Ил. XXV] и в Кулябе в Южном Таджикистане [Якубов 2012. Ил. XV].

А. В. Омельченко

19

20

20 Разбрызгиватель для розовой воды

Хорасан или Мавераннахр
X в.
Бронза; литье, гравировка
Высота 12,3, диаметр основания 4,0 см
ГЭ, инв. № СА-14240
Публикации: Кондратьева 1961. Табл. III, 3

Разбрызгиватель для розовой воды с широким основанием, туловом в виде сплюснутого шара, узким горлом и расходящимся верхом, оформленным по периметру полушаровидными выступами. Верх тулова украшен гравированным орнаментом: вьющимся побегом *ислими* с отходящими от центрального ствола пятичастными пальметтами.

Известны аналогичного назначения и близкой формы стеклянные изделия. Отсутствие дна у представленного предмета, однако, может свидетельствовать о его другом назначении (вторичном?) – в качестве подсвечника, см.: [Якубов 2012. Ил. XIX].

А. В. Омельченко

21

21 Кувшин

Хорасан или Мавераннахр
XII в.
Бронза; литье, резьба, гравировка
Высота 38,8 см, диаметр поддона 10,5 см
Куплен в Самарканде Н. И. Веселовским у Мирзы Бухарина в 1888 г.
ГЭ, инв. № СА-12745
Публикации: Маршак 19716

Бронзовый литой кувшин с грушевидным туловом на коническом поддоне и с фигурной ручкой был впервые атрибутирован Б. И. Маршаком и датирован им XII в. [Маршак 19716]. Входит в немногочисленную группу кувшинов, которая за годы после выхода статьи Б. И. Маршака пополнилась новыми экземплярами. В последнее время география находок кувшинов с грушевидным туловом расширилась до Тянь-Шаня. Аналогичный самаркандскому по форме кувшин недавно был найден на дне оз. Иссык-Куль [Плоских 2013. С. 65].

В датировке этой группы кувшинов нет полной ясности, вопрос места их производства также остается открытым.

Рассматривая кувшин из Музея Виктории и Альберта, близкий самаркандскому, А. С. Меликян-Ширвани усомнился в его датировке XII в. По его мнению, эти кувшины должны датироваться периодом X–XI вв. Кувшин из музея Виктории и Альберта, как и самаркандский, имеет изображение крестов на верхней плоскости венчика, ручка также оформлена головками птиц, но, в отличие от самаркандского, этот сосуд имеет два эпитафических пояса: внизу и вверху горла. Именно на основании дукта изречения, написанного на кувшине, А. С. Меликян-Ширвани предлагает более раннюю датировку кувшина [Melikian-Shirvani 1982. Cat. № 6. P. 46].

Кувшину из Музея Виктории и Альберта весьма близок кувшин из Национального исторического музея Узбекистана [Ильясов, Хахимов 2012. Ил. XXVI]. На последнем эпитафический пояс нанесен только в нижней части горла, тогда как верхний орнаментальный пояс занят изображениями гона зверей в спиральном фоне. Орнамент в виде гона зверей появляется не ранее середины XI в., а спиральный фон точно известен на хорасанских вещах вплоть до начала XIII в. Таким образом, можно огласиться с Б. И. Маршаком в том, что этот сосуд, как и родственные ему кувшины из Национального исторического музея Узбекистана и Музея Виктории и Альберта, надо датировать в рамках середины XI – XII в.

Сосуды такой формы, не имеющие орнамента, например кувшин, происходящий из Афганистана [Afganistán... 2001. Cat. № 127], могли производить в разное время по известным лекалам. Однако все дошедшие до нас орнаментированные образцы имеют явные детали орнамента, который не может датироваться раньше середины XI в.

Расширение географии находок, особенно открытия в Мавераннахре, лишь косвенно указывает на вероятное место производства кувшинов такого типа. Говорить об этом уверенно не представляется возможным, я склоняюсь к мысли, что их могли отливать в разных городах по образцам, завезенным из Ирана. Если бы эта продукция была результатом деятельности одного мастера или одной мастерской, орнамент сосудов имел бы больше сходства внутри изделий группы.

А. И. Торгоев

21

22

22

Кувшин

Хорасан (?)

XII в.

Бронза; литье, резьба, гравировка

Высота 37,5 см

Найден в кладе у Той-тепа (Ташкентская область)

ГЭ, инв. № СА-12753

Публикуется впервые

Это один из двух кувшинов, найденных в кладе на городище Той-тепа недалеко от Ташкента. На горле надпись: «Долговечной славы, благоприятности и удачи» (чтение О. М. Ястребовой).

Кувшин входит в группу аналогичных по форме предметов, выделенную Б. И. Маршаком [1972. С. 73–76]. Сейчас она насчитывает не менее полусотни образцов [Во дворцах и шатрах... Кат. № 25] и заметно пополняется находками из Средней Азии, поступающими на антикварный рынок из ограбленных археологических памятников или стараниями любителей детекторного поиска. Из относительно новых находок следует отметить два кувшина, найденных в Фергане: один из них обнаружили в Риштане [Абдулахатов 2004. Рис. 1], а второй, покрытый медной инкрустацией, происходит из Узгена [Arts from the land of Timur 2012. № 279].

Кувшин из Той-тепа, в отличие от самаркандского (кат. 21), украшен богатым орнаментом, что дает основание для более точной атрибуции в плане времени и места изготовления.

На верхнем горизонтальном отгибе венчика нанесен орнамент в виде лент, заполненных побегами *ислими*, которые перемежаются розетками с изображениями крестов, что несомненно сближает этот сосуд с самаркандским. Это сочетание довольно редко встречается на бронзовых кувшинах и позволяет предполагать временную близость сравниваемых изделий.

Пояса с надписями находятся на горле под венчиком и над плечиками, отделены от центральной части горла неорнаментированными полосами.

На тулове сосуда нанесен орнамент в виде фестончатой арки, в которой изображены симметрично развернутые сфинксы – распространенный мотив торевтики Хорасана.

Для правильной атрибуции особое значение имеет орнамент, выгравированный под корнем ручки, в виде подковообразной ленты с фестончатыми краями. Внутри «подковы» помещена композиция: треугольная рамка, сквозь нее процветает древовидный побег с длинными боковы-

22

ми ветвями, которые оканчиваются пальметтами. Интересно, что побег начинается из пальметты, ориентированной вниз. Средний лист этой пальметты сильно вытянут. Аналогичная пальметта венчает вершину треугольника. Очень близкий орнамент можно видеть на котелке из Ясы-депе (Серахс) [Бяшимова, Атаева 2012. Ил. Ve] и чаше из Кабульского музея [Afghanistan und sein kunst 1968. № 115]. На двух последних вещах, без сомнения, являющихся продуктами хорасанской школы металлообработки, орнамент более полный и представляет собой стилизованную вазу с процветшими в стороны побегами. Треугольник, изображенный над венчиком вазы, аналогичный треугольнику на кувшине из Той-тепа, видимо, обобщенно передает бутоны цветов.

Верхний эпиграфический пояс котелка также заполнен орнаментом: спиралевидными элементами, оканчивающимися пальметтами. Этот важный признак, характерный именно для хорасанских вещей, наряду с уже перечисленными мотивами орнамента дает полное основание считать кувшин произведенным в Хорасане в XII в.

А. И. Торгоев

23

23

Кувшин

Хорасан или Мавераннахр
X – начало XIII в.
Бронза; литье, гравировка
Высота 31,5 см, диаметр поддона 7,8 см
Покупка Н. И. Веселовского в Самарканде
ГЭ, инв. № СА-12728

Публикации: Маршак 1972. С. 73–76. Рис. 8, справа

Как и кувшин из Той-тепа (кат. 22), этот экземпляр входит в группу кувшинов с реповидным туловом, но отличается меньшими размерами и практически полным отсутствием орнамента. Такие кувшины и их обломки встречаются чаще крупных орнаментированных экземпляров. Вполне возможно, что эти кувшины производили уже в Мавераннахре по завезенным из Хорасана образцам.

А. И. Торгоев

24

Чарка

Семиречье, менее вероятно Восточный Мавераннахр
XI–XII вв.
Серебро; литье, гравировка
Диаметр 7,5 см, диаметр дна 5,0 см, высота 4,5 см
Фонд Марджани, инв № ИМ/М-44
Публикуется впервые

Чарка на относительно низком коническом поддоне имеет полусферическое тулово при восьмигранном верхе, что вообще не характерно для исламского художественного металла Среднего Востока.

Орнаментальный пояс исполнен гравировкой, проходит только по краю поддона и краю венчика чарки. В обоих случаях представляет собой вьющийся побег с одинаковым шагом изгибов, с отходящими от центрального ствола двухчастными полупальметтами без центрального лепестка. У обоих лепестков, над или под серединой каждого, в зависимости от расположения полупальметты, начеканено по два мелких кружка. Эта особенность пока не находит прямых аналогий в чрезвычайно распространенном на Востоке мотиве побега *ислими*, что затрудняет привязку предмета к какой-нибудь определенной географической области производства серебряных сосудов. Однако здесь важность приобретает не орнамент, а форма предмета.

Чарки с восьмиугольным в плане корпусом, но цилиндрических очертаний были характерны для согдийской горевтики VII–VIII вв. [Маршак 1971а. С. 33–34. Т14, Т26], также их производили в Танском

Китае [Ци Дунфан 1999. С. 47. Табл. 6–9], видимо, по согдийским образцам. Данная чарка отличается от ранних образцов продукции согдийских и танских ремесленников полусферическим в профиле корпусом. Единственная полностью аналогичная по форме и размерам чарка из оловянистой бронзы или низкопробного серебра была найдена на распашке около городища Бурана, на ее плоскости выгравирована и глакирована серебром сцена пира царя с музыкантами и танцовщицами, выполненная в «примитивистской» манере, а по венчику проходит арабиграфическая надпись (см. рис. на с. 87). В изображениях людей явно просматриваются черты местного тюркского искусства (трехрогие головные уборы, прически с длинными косами, один из музыкантов играет на кыяке или кобызе). Вероятнее всего, бронзовая чарка была сделана ремесленниками Караханидского каганата. Можно предположить, что и рассматриваемая серебряная чарка была сделана где-то в центральных областях каганата.

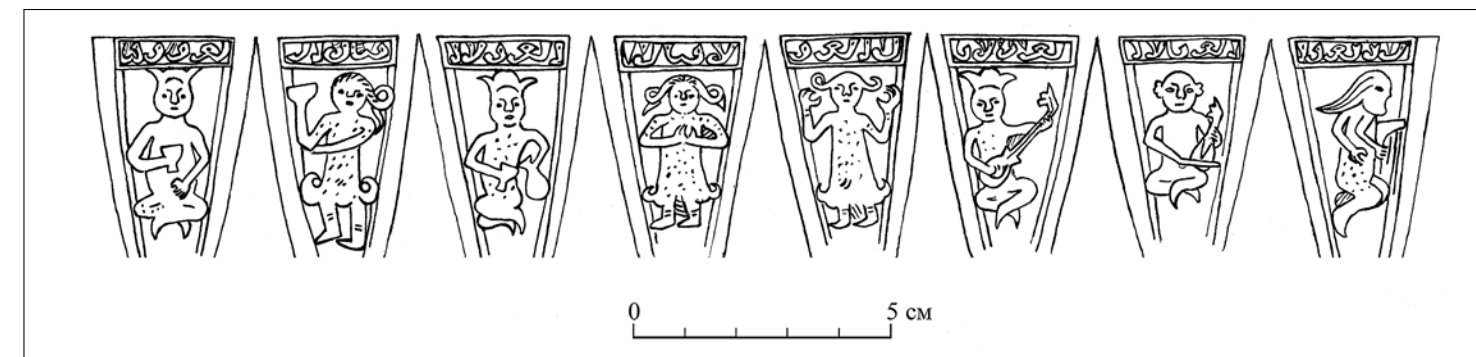
Известны латунные сосуды – кувшины, чаши, блюда, – которые производились в Средней Азии при Караханидах [Иванов 1970; Иванов 2014; Ivanov 1998]. Однако на Тянь-Шане иногда находят серебряные сосуды и их детали, очевидно, изготовленные ремесленниками каганата. Так, известен корпус серебряного полусферического кубка с куфической надписью, содержащей имя Имад ад-Даула Тогрул Карахакана. По мнению М. Н. Федорова, кубок изготовлен между 1059 и 1074 гг. [Федоров, Мокеев 1995. С. 173. Рис. 1]. Когда-то он имел коническую ножку и по профилю весьма близок описанной чарке.

В настоящий момент серебряная чарка Фонда Марджани и кубок с надписью являются единственно достоверными образцами серебряной посуды, изготовленными в государстве Караханидов.

А. И. Торгоев

24

Развертка изображений на чаше с городища Бурана
Прорисовка с оригинала А. И. Торгоева

25

25

Подставка под светильник или курильница

Хорасан
Вторая половина XII – XIII в.
Бронза; литье, гравировка
Диаметр 17,5 см, высота 7,3 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-2
Публикуется впервые

Низкая плоская подставка под светильник или курильница опирается на три стилизованные зооморфные ножки. Сам резервуар имеет форму плоского цилиндра с горизонтально отогнутым венчиком. Верхняя площадка венчика занята изображениями животных, движущихся против часовой стрелки.

На дне в центре находится медальон, в котором изображен царь, сидящий на тахте, и стоящие по бокам слуги. Под тахтом выгравирована фигура кошачьего хищника (тигра ли льва), показанная в движении. Центральный медальон обрамлен плетенкой. Внешнее обрамление медальона составляет другая плетенка, из двенадцати круглых звеньев, в каждом из которых изображено по знаку Зодиака. Плетенка полностью покрыта зигзагами с одинаковым шагом.

Изображения знаков Зодиака начинаются от положения 11 часов от головы правителя и идут против часовой стрелки. Знаком Овна, находящимся под покровительством Марса, в исламской традиции является баран, идущий справа налево, часто со всадником на спине (здесь отсутствует). Телец, обитающий на Венере, изображен здесь как бык, движущийся влево. Близнецы изображены как дицефалы, с одним туловищем и двумя головами, двумя руками и двумя ногами, тогда как обычно они изображаются как две самостоятельные фигуры; сидят скрестив ноги. Рак показан в классической иконографической схеме, как краб, держащий в клешнях Луну. В данном конкретном случае за нее может быть принят маленький кружок между клешнями. Наиболее узнаваем знак Льва, практически не имеющий вариаций в иконографии, всегда представленный фигурой этого животного. В традиционной исламской иконографии знак Девы, находящейся во власти Меркурия, изображается как человек, который срезает колосья серпом. В данном случае это сидящая фигура с серпами в обеих руках. Знак Весов угадывается в фигуре человека, расставившего руки в стороны и как будто взвешивающего в них что-то. Чаше Весы в художественном металле опознаются по фигуре человека с ручными весами. Скорпиона выграви-

25

ровали с угрожающе поднятым, хвостом и большими клешнями. Стрелец, в отличие от большинства случаев, изображен стреляющим из сидячего положения, без лошади. Фигура Козерога чрезвычайно сходна с фигурой Овна благодаря поднятым вверх закрученным рогам. Символом Водолея выступает сидящий человек, держащий в правой руке бурдюк с водой. Знак Рыб легко опознается по двум рыбам, обращенным головами в одну сторону. Любопытно, что на большинстве известных предметов этот знак представлен не одними рыбами, а еще и держащим их человеком.

По внешней поверхности бортика проходит надпись: «Славы, благоприятности, удачи, счастья, здоровья, благополучия (?), победы (?), благотворительности (?)» (чтение О. М. Ястребовой). Надпись разбита на равные звенья, между которыми вставлены круглые медальоны с изображением птицы.

В искусстве исламского мира изображение знаков Зодиака появляется только в XII в. на территории от Джазире до Восточного Хорасана [Carboni 1997. P. 6]. По некоторым признакам эта подставка схожа с рядом хорасанских изделий, но гравированный рисунок не имеет инкрустации серебром, которая характерна для хорасанских изделий. Наиболее близкой вещью по стилю изображений является чернильница с изображениями знаков Зодиака из музея Метрополитен [Ibid. Cat. № 12]. Нижний и верхний орнаментальные пояса тулова этой чернильницы, так же, как и борт настоящей подставки, покрыты изображениями процессии хищников.

А. И. Торгоев

26 Чаша

Тохаристан (Афганская часть)
X–XI вв.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 21,0 см, высота 6,5 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-35
Публикуется впервые

Коническая чаша на кольцевом поддоне расписана оранжево-розовой, темно-коричневой, оливковой, белой и зеленой красками по белому ангобу и покрыта прозрачной глазурью. Изображен, скорее всего, фазан с пышным хвостом и стеблем растения в клюве. Оранжевые туловище, хвост и ноги покрыты темно-коричневыми крапинами, образующими ровные ряды. Посередине туловища проходит широкая горизонтальная полоса с волнистым побегом, такая же полоса пересекает хвост фазана по вертикали. Горизонтальной орнаментальной полоской украшена шея. Коричневый стебель, который птица держит в клюве, закручен на концах в спираль и покрыт белыми точками. Над птицей коричневая округлая фигура с фестончатым оформлением внутренней части, также покрытая белыми точками. Структура верхней части композиции не совсем понятна из-за плохой сохранности и, возможно, не очень удачной реставрации. Вдоль устья чаши шла коричневая линия, от которой к ногам птицы отходят спиралевидный завиток и кружок, покрытые белыми точками. Фон заполнен оконтуренными оливковым цветом фигурами, в которые заключены наклонные штрихи и мотив «павлиний глаз» с зелеными округлыми пятнами. Снаружи ниже венчика идут наклонные полоски оливкового цвета.

Использование оранжево-красной краски для изображения птиц, рыб и четвероногих, украшение их туловищ крупными крапинами, встречается в глазурованной керамике X–XI вв. из Саганийяна, владения на юге нынешнего Узбекистана [Ильясов, Ильясова 2011. С. 4–5. Рис. 5, 6], а также среди изделий, которые относятся к так называемой тохаристанской керамике X–XI вв. [Ильясов 2008. Рис. 3, 7, 8, 11; Ильясов 2013. С. 79; Ilyasov 2014. Figs. 1, 5, 6, 20, 21, 26, 32, 33, 36–38, 47]. В Саганийяне в декоре внешней стороны сосудов использовали, кроме того, наклонные полоски оливкового цвета, расположенные в один ряд [Ильясов, Ильясова 2011. Рис. 4, 11].

Птица (фазан, павлин, гусь и др.) с растением или ожерельем в клюве – один из популярных доисламских символов удачи, фарна. Этот образ можно увидеть на шелковых тканях, как на реально сохранившихся, так и на их изображениях в доарабских

26

настенных росписях Средней Азии [Альбаум 1975. Табл. VI, XV, XXVIII, XXX, LV]. Он встречается в сасанидской и согдийской торевтике, откуда перешел и в исламский художественный металл [Marschak 1986. Abb. 82, 84, 127, 128, 133; Тревер, Луконин 1987. Ил. 60, 79], керамику с люстровым и подглазурным декором [Watson 2004. P. 193, 233, 239, 255]. О влиянии торевтики свидетельствует и манера заполнения фона.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

27

Донце и стенки чаш

Хорасан, Нишапур
X в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 18,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-45
Публикуется впервые

Настоящие донце и стенки чаши принадлежат разным сосудам одного типа. На донце изображен козерог, над ним псевдонадпись, имитирующая почерк «цветущий куфи», а на корпусе четыре птицы (фазаны или павлины?) характерной черно-желтой расцветки с добавлением зеленых пятен. Этот тип чаш относится к группе керамики, называемой в западной литературе «Buffwares» [Wilkinson 1973. P. 3–53; Grube 1994. P. 70–75; Watson 2004. P. 246–251] или «Nishapur polychrome wares» [Fehervari 2000. P. 50–53; Pancaroglu 2013. P. 25–35]. О. Панчароглу справедливо отметила, что термин «Buffwares» является дезориентирующим, так как относится не к цветовой характеристике декора, а к цвету глины, который виден только на поддоне изделий [Pancaroglu 2007. P. 81].

Эта замечательная группа глазурованной керамики была открыта в 1935 г., во время раскопок экспедиции музея Метрополитен (Нью-Йорк) на руинах одного из важнейших городов Хорасана – Нишапура. Неординарный декор – вооруженные конные и пешие воины, всадники с охотничьими гепардами, сидящими на крупах коней, сцены праздничных пиров, борцы, танцоры в масках, четвероногие и птицы, и все это в гротескной манере и в яркой цветовой гамме – настолько отличался от известной на тот момент керамики X в., что, по меткому замечанию Эрнста Грубе, «не будь они найдены в ходе контролируемых археологических раскопок, эти изделия были бы, по всей вероятности, объявлены изобретением группы фальсификаторов с очень богатым воображением» [Grube 1994. P. 50].

27

Считается, что «Buffwares» расписывали прямо по глиняной основе, без ангоба [Blair 2014. P. 18]. Однако Ч. Вилкинсон отмечает, что иногда ангоб все-таки использовался в качестве фона [Wilkinson 1973. P. 4].

Композиции, на которых козерог находится в центре сосуда, а птицы шествуют вокруг против часовой стрелки, украшают целый ряд сосудов, найденных в Нишапуре. Известны варианты, где, наоборот, птица помещена в центр, а вокруг расположены козероги [Wilkinson 1973. P. 46, 51–53. Figs. 63a, 74a, 77, 81, 88a]. В коллекции Нассера Д. Халили имеется чаша, на которой козероги и птицы окружают бордато персонажа, сидящего в центре с ветвью и бутылку в руках [Grube 1994. P. 70–71. No. 57]. Имели ли какое-то специальное значение изображенные на публикуемой чаше животные, встречающиеся на данной разновидности глазурованной керамики в таком довольно устойчивом сочетании, сказать сложно. По-видимому, они восходят к древним представлениям о горных козлах и фазанах как воплощениях и носителях благих сил.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

28

КружкаХорасан, Нишапур
X в.Глина; гончарный круг, лепка, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 15,5 см, высота 7,5 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-105
Публикации: Bonhams 2008. Lot 161

Кружка конической формы, на низком диско-видном поддоне, покрыта бесцветной глазурью поверх росписи, сделанной черным, желтым и зеленым красителями. Ручка в виде двух соединенных петель завершается грибовидным навершием.

На дне изображен персонаж в красной рубахе и широкой колоколовидной юбке с ромбовидным узором. Левая рука опирается в бедро, в правой – полусферический кубок на высокой ножке. От локтей вниз свисают косы либо концы шали. Стенки кружки украшены двумя поясами кругов с розетками внутри, соединенных в цепочки. Снаружи – четыре стилизованные рыбы.

Облик, поза и одежда представленного на дне кружки женского (?) персонажа имеют прямые аналогии среди других изделий данной группы. Очень похожий образ в юбке и с кубком Ч. Вилкинсон склонен считать фигурой юноши [Wilkinson 1973. P. 17–19, 44. No. 59]. В такой же позе представлен персонаж в юбке на чаше из коллекции Нормы Джин Калдервуд, отличается лишь атрибут в правой руке – плод граната вместо кубка [Pancaroglu 2013. P. 30. Fig. 4].

Условная манера росписи порождает некоторые сложности в интерпретации сюжетов. Так, дискуссионным остается вопрос о том, что именно изображают встречающиеся почти во всех сценах с участием людей, как женщин, так и мужчин, раздвоенные и заостренные на концах черные «ленты». Если часть исследователей видит в них концы шали [Wilkinson 1973. P. 18] или даже крылья [Fehervari 2000. P. 50], то для других это косы, в которые заплетали свои длинные волосы и женщины, и мужчины [Grube 1994. P. 71. No. 57; Pancaroglu 2013. P. 32, 34, note 10]. Последних легко отличить по окладистой бороде. Отсюда можно заключить, что в Нишапуре X в. мужчины, по крайней мере часть из них, носили косы (по тюркской моде?). У тюрков эта манера фиксируется в многочисленных доисламских изображениях, например в росписях Афрасиаба VII в. [Альбаум 1975. С. 29–30. Рис. 7]. Живучесть этой традиции иллюстрируют не менее многочисленные изображения на керамике XII–XIII вв., украшенной в стиле

28

монохромного люстра и многоцветного минаи [Ettinghausen, Grabar, Jenkins-Madina 2001. Figs. 273–275, 278, 279], а также редчайшие настенные росписи второй половины XII – начала XIII в., найденные на нижней террасе цитадели домонгольского Самарканда [Karev 2005. Fig. 9, 10; Карев 2009. С. 35. Ил. II].

В целом, рассматриваемая группа керамики своим необычным дизайном вызывает со времени своего открытия, т. е. уже в течение 80 лет, устойчивый интерес. Неоднократно делались попытки дать этому феномену культурно-историческое объяснение: керамику называли крестьянской [Lane 1947. P. 18–19. Pl. 20], хотя найдена она при раскопках одного из крупных городов своего времени; пытались объяснить ее появление существованием различных культурно-политических фракций среди городского населения, нужды которых обеспечивала керамика различного типа [Bulliet 1972, 1992]; справедливо отмечали, что часть изделий данной группы имеет несомненную связь с несторианским христианством [Wilkinson 1969. P. 79–87; Watson 2004. P. 247; Pancaroglu 2007. P. 82]. В своей новейшей небольшой работе, посвященной «нишапурским полихромным изделиям», О. Панчароглу подчеркивает, что при интерпретации этой керамики важно учитывать сохранение и возрождение иранских традиций, в частности древнейших обычаев, связанных с Наврузом (Новым годом) и Михраганом (Днем осеннего равноденствия), которые по-прежнему праздновались населением, уже ставшим в основной своей массе мусульманским [Pancaroglu 2013]. В этом она следует высказанным уже давно идеям Терезы Фитцгерберт, поддержанным Эрнстом Грубе [Grube 1994. P. 51].

Преобладающей формой сосудов, относящихся к «полихромным изделиям Нишапура», являются чаши, в основном полусферические, а также конические. Известен кувшин с зооморфным оформлением верхней части горла, Ч. Вилкинсон упоминает также фрагменты от подобного кувшина; кроме того, опубликован фрагмент зооморфного сосуда с изображением двух танцоров [Wilkinson 1973. P. 24–25, 49. No. 72ab; Ettinghausen 1969. P. 88–101. Figs. 1–5; Pancaroglu 2013. P. 28. Fig. 2]. Известна также кружка с цилиндрическим корпусом и петлевидной ручкой, но без антропоморфных или зооморфных рисунков [Wilkinson 1973. P. 16]. Таким образом, публикуемая кружка является уникальным образцом этой своеобразной разновидности средневековой глазурованной керамики Востока.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

29

29

КружкаХорасан
VIII–IX вв.Глина; лепка, штамп, зеленая глазурь
Диаметр 8,5 см, высота 5,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-95
Публикуется впервые

Дно сосуда неровное, устье фестончатое. Рельефный декор в виде треугольников, заполненных рядами «чешуек». Петлевидная ручка имеет прямоугольное сечение.

Изделия с рельефным – резным или оттиснутым в форме – орнаментом изготовлялись в раннеисламский период в Сирии, Ираке, Иране. Их декор и фактура были подражанием более дорогим изделиям из металлов, в частности из бронзы.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

30

30

Тарелка

Хорасан или Мавераннахр
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Длина фрагмента 19,0 см, ширина 18,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-39
Публикации: Bonhams 2008. Lot 168

Фрагмент тарелки на дисковидном поддоне с вырезом у дна украшен подглазурной росписью коричнево-черной, охристо-красной и оливковой красками по белому ангобу. В центре помещено изображение человека, выполненное весьма схематично. У персонажа круглое лицо, очень густые, сросшиеся на переносице брови, нос в виде узкой вертикальной полоски, соединенной с бровями, большие глаза полукруглой формы, маленький рот и крестики на щеках (татуировка?). На лбу – вертикальные пряди волос. Изображен, скорее всего, воин, поскольку его довольно странный головной убор – это, по всей вероятности, заостренный сверху шлем с крупными нащечниками, а мощный торс защищен

доспехом из квадратных пластин, нашитых под углом. Шея прикрыта высоким воротником. Правая рука упирается в тонкую талию, левая рука, от которой на фрагменте сохранился только локоть, поднята вверх. Вероятно, в ней был какой-то атрибут.

Фон занят крупными и мелкими розетками, слева от воина выписан крупный листовидный элемент с огрубленным вариантом мотива «усиков» внутри и опущенная вправо и вниз оливкового цвета полупальметта на длинном стебле. Рядом, видимо, располагалась симметричная ей красная полупальметта. Справа от воина эти мотивы, вероятно, повторялись, во всяком случае, правее головы можно видеть край листовидной фигуры оливкового цвета.

В декоре керамики Хорасана и Мавераннахра IX–XI вв. с подглазурной росписью по ангобу антропоморфные изображения встречаются довольно редко. Гораздо чаще людей рисовали на керамике X в. с подглазурной полихромной росписью, наиболее выразительные образцы которой находили в Нишапуре (так называемые *Buffwares*, см. кат. № 28). Тем более уникален данный образ воина в доспехах.

Среди настенных росписей X в. из Нишапура, найденных при раскопках археологической экспедицией музея Метрополитен (Нью-Йорк) в 1930-х годах, есть изображение женщины с крупными точками на щеках. По мнению Ч. Вилкинсона, это могла быть татуировка или искусственные шрамы. В связи с этим он упоминает различные примеры лицевых знаков: от среднеазиатских терракотовых статуэток первых веков н. э. до миниатюры XV в. и керамических плиток XVII в. [Wilkinson 1986. P. 246–247. Pl. 10]. К этому списку мы можем добавить фрагмент чаши с люстровой росписью (Иран, конец XII – начало XIII в.) из бывшей коллекции Харви Плотника, на котором представлены два персонажа с самыми разнообразными лицевыми знаками, в том числе в форме скорпиона [Pancaroglu 2007. P. 130–131. No. 83]. Среди фрагментов нишапурских росписей имеются также изображения «джиннов», у одного из них заостренный верху головной убор, скорее всего шлем [Wilkinson 1986. P. 249–250. Fig. 3.57]. Таким образом, некоторые детали, представленные на публикуемом фрагменте тарелки, находят определенные соответствия в монументальном искусстве того территориального и хронологического круга, к которому можно отнести это оригинальное произведение гончарного искусства.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

31, 32

31

Чаша

Хорасан или Мавераннахр
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 15,0 см, высота 4,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-30
Публикации: Bonhams 2008. Lot 166

Чаша на дисковидном поддоне покрыта бесцветной глазурью. Подглазурный рисунок нанесен черно-коричневой и красной красками по белому ангобу. В центре изображена птица с небольшим хохолком, которая, изогнув шею, касается клювом лапки. Гравировкой по черному фону показано оперение, напоминающее больше чешую; хвост птицы также больше похож по форме на рыбий. Крыло (крылья?) выписано в виде узких красных полос. По кругу – рамка, состоящая из двух переплетающихся черных линий.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

32

Чаша

Хорасан
X–XI вв.

Глина; обжиг, роспись, глазурь
Диаметр 25,2 см, высота 7,3 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-345
Публикации: Moulhierac 1999. P. 111; Pancaroglu 2007. P. 74. No. 32

Полусферическая чаша на кольцевом поддоне. Относится к поздним вариантам керамики с подглазурным декором, имитировавшей дорожки иракские монохромные люстры, которых мастера Хорасана и Мавераннахра, судя по всему, делать не умели. Что не удивительно, поскольку секреты производства строго охранялись. Кроме того, надо полагать, имело значение различие сырьевой базы.

На сосудах с люстровой росписью часто можно увидеть птиц с растением в клюве. Здесь сюжет несколько переосмыслен: птица держит в клюве крупную рыбу. Снаружи вдоль устья тянется полоса завитков.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

33, 34

33

КувшинчикХорасан
X–XI вв.Глина; гончарный круг, роспись, глазурь
Диаметр 10,0 см, высота 10,5 см
Мерв, раскопки ЮТАКЭ, 1956 г.
ГЭ, инв. № СА-15894
Публикуется впервые

На небольшой кувшин, найденный на раскопках Мерва, нанесена роспись зеленым и темно-коричневым цветом по прозрачной поташной глазури. На тулове изображены пять кругов с маленькими четырехлепестковыми розетками в центре. Вокруг горла кувшина мастер симитировал надпись на арабском языке, служившую исключительно в декоративных целях. Прочтению эта надпись не поддается.

Подобные кувшинчики использовались в быту с X по XI в. как в Хорасане, так и в Мавераннахре, в больших количествах они встречаются в археологических слоях городов этих областей. Этот стиль росписи и сочетание цветов, а также имитация популярного куфического письма, сообщают о том, что керамический сосуд с большой долей вероятности относится к X в.

А. В. Кулиш

34

Форма для штамповки сосудовХорасан
XII в.Глина; гончарный круг, штамповка
Диаметр 16,5 см, высота 7,0 см
Мерв, раскопки ЮТАКЭ, 1956 г.
ГЭ, инв. № СА-15876
Публикуется впервые

Нижняя форма для оттиска орнамента на керамических сосудах (*калыб*) изготовлена в виде полусферы. Внутренняя сторона полусферы покрыта зеркально отображенными вдавленными фигурами.

Сделанный с помощью этой формы сосуд имел невысокое донце с изображенной по центру розеткой. Основу розетки составляет пятиконечная звезда, между лучами которой вписаны лепестки. Вокруг донца идет надпись на арабском языке: «... и счастья, и благополучия хозяину его» (чтение А. В. Кулиша).

Надпись выполнена куфическим письмом и представляет обычное для того времени благопожелание будущему владельцу. Ряд розеток, украшавших широкое тулово выше надписи, продолжался на несохранившейся верхней форме.

Сосуды с характерным штампованным орнаментом были широко распространены в Хора-

сане, Хорезме, Мавераннахре начиная с XII в. Одним из центров производства был Мерв, где на раскопках С. Б. Луниной было найдено это приспособление для их производства.

А. В. Кулиш

35

БлюдоМавераннахр
X в.Глина; гончарный круг, роспись, глазурь
Диаметр 36,0, высота 5,5 см
ГЭ, инв. № АФР-2463
Найден на Афрасиабе
Публикуется впервые

Неглубокое блюдо с широким, почти горизонтальным бортиком, уступом переходящим к донной части, на низком кольцевом поддоне. Покрыто молочной желтоватой глазурью с растительно-геометрической росписью, выполненной резервом. Фон и ограничивающие линии выполнены зеленой (на основе меди) и темно-фиолетовой (на основе марганца) красками. По краю зеркала идут фестоны с наклонными штрихами внутри. Полоса между двумя двойными коричневыми полосами заполнена плетеным орнаментом с трилистниками. В центре – розетка сердцевидной формы с медальоном в виде бутона лотоса, оформленная «пальмовыми листьями». Подобный орнамент известен на посуде Самарканда X в. [Ташходжаев, 1967. Рис. 15].

А. В. Омельченко

35

36

Чашечка

Мавераннахр
Вторая половина X – первая треть XI в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 13,0 см, высота 4,5 см
Найден на Афрасиабе
ГЭ, инв. № СА-7074
Публикации: Masterpieces of Islamic Art 1990. Cat. № 6

Чаша принадлежит к группе керамики со своеобразным оформлением поверхности: рисунок темно-коричневой краской выполнен по красному фону, который, в свою очередь, нанесен по белому ангобу. Выемка фона до белой поверхности между линий узора и в виде многочисленных крапинок дополняет богатый декор.

Основной орнамент представляет собой извивающиеся стебли с отдельными листочками и трилистниками, которые переплетаются, образуя «узел счастья». По венчику проходит полоса темного волнистого орнамента, отделенного от центральной композиции коричневой полоской. Глазурь всех известных сосудов, входящих в эту группу, высокого качества, стекловидная, блестящая. Оформление, очевидно, выполнено в подражание чеканке по металлу.

Помимо этой чаши в группу входят и кувшины с вертикальной ручкой: были найдены на Афрасиабе [Шишкина 1979. Табл. LXIII, 4] и в Пайкенде [МБАЭ. Вып. II. Рис. 132, 5]. Из раскопок последнего происходят также аналогично украшенные фрагменты сосудов типа альбарелло [МБАЭ. Вып. II. Рис. 142, 13; 144, 4; МБАЭ. Вып. VII. Рис. 57, 3] и небольшой конической чашечки [МБАЭ. Вып. IX. Рис. 84, 2].

Находки керамики с такой орнаментацией в Хорасане как будто не известны. Можно полагать, что глазурованные расписные сосуды этой группы делали в Мавераннахре. Наиболее вероятно, что мастерская по их производству находилась в Самарканде – крупнейшем ремесленном центре эпохи Саманидов.

А. В. Омельченко, А. И. Торгоев

36

37

Чаша

Мавераннахр
X в.
Глина; гончарный круг, ангоб, гравировка, роспись, глазурь
Диаметр 34,0 см, высота 10,5 см
Найдена в Самарканде, бывшая коллекция Б. Н. Кастальского
ГМВ, инв. № 501 III
Публикуется впервые

Чаша полусферическая, на дисковидном поддоне. Внутри и по наружному краю покрыта белым ангобом и полностью, включая поддон, с затеками на дно – прозрачной бесцветной глазурью. Подглазурная гравировка по ангобу доходит до черепка. Подглазурная роспись – зеленые, желтые и темно-коричневые потеки и пятна.

Во все поле изображена фигура птицы с длинной шеей (голова не сохранилась) и пригнутым к спине хвостом. Переход от туловища к шее и хвосту выделен гравированными поясками, дополненными живописными коричневыми пятнами по белому фону. Фон заполнен растительными завитками, по краю полоса «бегущей волны».

Прием росписи потеками был заимствован керамистами Ирана и Средней Азии в конце VIII в. из Китая эпохи Тан. В X в. при орнаментации изделий открытых форм роспись дополнялась гравировкой по белому ангобу. Именно гравировка задавала основу композиции, как правило, геометрической или растительной. На среднеазиатских глазурованных изделиях этого типа зооморфные сюжеты довольно редки, известна фигура птицы с распахнутыми крыльями на ранней, конца IX – начала X в. чаше из Афрасиаба [Terres secrètes... 1992. P. 39. No. 113]. В нашем случае, по-видимому, представлена водоплавающая птица. Иконографически близкое, но выполненное в другой технике изображение находим на чаше из Самарканды начала XI в. [Ташходжаев, 1967. С. 116–117. Рис. 28]. Характерен хвост каплевидной формы, пригнутый к спине. Подобная манера восходит к композициям с птицами, чаще всего с павлинами, на тканях, изделиях торевтики, печатях VII–VIII вв.

Н. Ю. Вишневская

37

38, 39

38

Миска

Мавераннахр
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 31,0 см, высота 11,5 см
Найдена в Самарканде, бывшая коллекция
Б. Н. Кастальского
ГМВ, инв. № 863 III
Публикуется впервые

Миска с коническим туловом, на дисковидном поддоне, с горизонтально отогнутым венчиком. Белый ангоб снаружи до поддона и затеками по краю внутри. Прозрачная бесцветная глазурь внутри и снаружи, включая поддон. Подглазурная роспись желтыми, зелеными и коричневыми потеками.

Сосуд этого типа, очень близкий по форме, но с трубчатым сливом найден на Афрасиабе (Шишкина, 1979. С. 52. Табл. XXXIII, 14). Техника росписи потеками подражает китайской керамике эпохи Тан.

Н. Ю. Вишневская

39

Горшок

Мавераннахр
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, глазурь
Диаметр 22,0 см, высота 19,5 см
Найдена в Самарканде, бывшая коллекция
Б. Н. Кастальского
ГМВ, инв. № 2086 III
Публикуется впервые

Горшок с низким цилиндрическим горлом и горизонтально отогнутым венчиком. Покрит белым ангобом снаружи до самого дна и внутри по краю, прозрачной бесцветной глазурью – внутри и снаружи до дна. Подглазурная роспись желтыми, зелеными и коричневыми потеками.

Сосуды с подглазурной росписью потеками так называемого «танского» типа широко распространены в Средней Азии в X в. Горшки этого типа, близкие по форме, найдены на Афрасиабе и в Ташкенте [Terres secrètes... 1992. P. 88. No. 120; Watson 2005. P. 200. F.1].

Н. Ю. Вишневская

40

40

Блюдо

Мавераннахр
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Высота 6,5 см, диаметр 39,0 см
Найдено в Самарканде
ГМВ, инв. № 3967 III
Публикации: Вишневская 2007. С. 39. Ил. 22; 2009. С. 333–342

Блюдо на дисковидном поддоне. Покрито белым ангобом с обеих сторон, включая дно, и так же – прозрачной бесцветной глазурью. Подглазурная роспись по ангобу нанесена черной и терракотовой краской.

По борту тянутся две полосы, заполненные огрубленным мотивом «перевернутой ленты», между ними полоса небрежно прорисованных растительных завитков. В центральном поле изображены две рыбы головами в разные стороны, объединенные общим контуром, от них отходят крестообразно расположенные растительные побеги, завершающиеся стилизованными арабскими буквами.

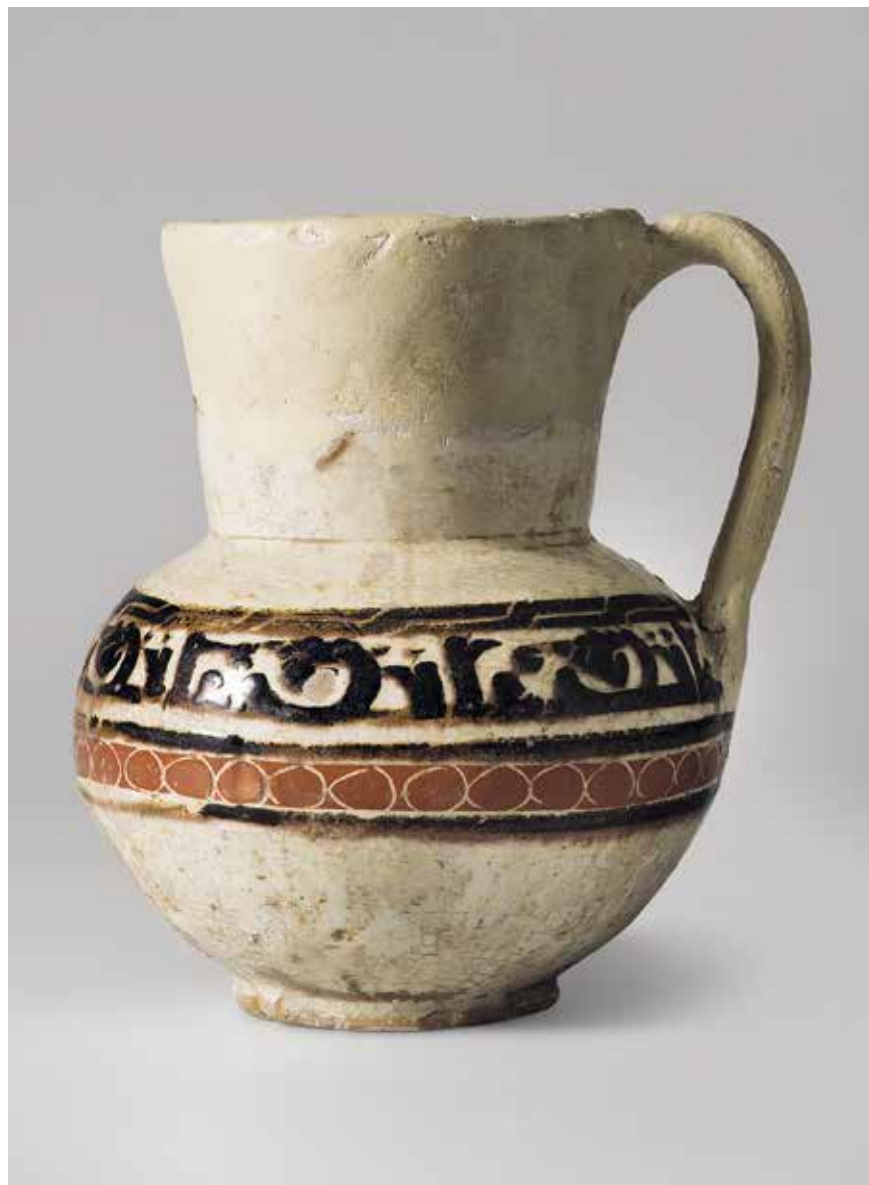
В X в. фигурки рыб в керамике Средней Азии имели общий благожелательный смысл. Однако для декоративно-прикладного искусства

исламского и доисламского периодов подобная композиция не характерна. В то же время образы рыб повсеместно встречаются в христианском изобразительном и декоративно-прикладном искусстве с III по XV в., причем мотив двух рыб на блюде связан с евангельскими сюжетами евхаристических трапез. Композиция «рыбы, вписанные в круг» может иметь более широкое символическое толкование. Вполне вероятно, что эта иконографическая схема и связанные с ней идеи могли быть привнесены в такие крупные среднеазиатские центры ремесла и торговли, как Самарканд, Бинкет (Ташкент), Мерв и другие извне.

Это не означает, что гончар, расписавший блюдо с двумя рыбами, обязательно был христианином. Мастер-керамист оставался в первую очередь ремесленником, а не богословом. Возможно, он был знаком с неким кругом христианских сюжетов (таинство евхаристии, чудо преумножения рыб и хлебов) и их графическим воплощением. Традиционный благожелательный образ рыбы был им воспроизведен в новой, христианской иконографии.

Н. Ю. Вишневская

41

41 Кувшин

Мавераннахр
X в.
Глина; гончарный круг, роспись, гравировка, глазурь
Диаметр (отреставрированного) устья 8,6 см,
высота (восстановленная) 14,6 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-204
Публикуется впервые

Одноручный широкогорлый кувшин. Тулово шаровидное, поддон дисковидный, ручка в сечении уплощенная. Декор: имитация надписи почерком *куфи* и полоса с цепочкой перлов, процарапанных по красной полосе до глазурирования. Кувшины такого типа были довольно широко распространены в Средней Азии, их могли производить как в Самарканде, так и других центрах.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

42, 43

42 Чаша

Мавераннахр
X в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 24,8 см, высота 9,5 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-65
Публикации: Sotheby's 2008. Lot 109

Коническая чаша на кольцевом поддоне. Прекрасный образец геометрической композиции с растительными элементами. Поле поделено на четыре щитовидных сектора черной крестообразной фигурой, заполненной белыми побегами с отходящими от них в обе стороны листиками. Тот же элемент, слегка видоизмененный, украшает пространство между секторами и устьем чаши. Щитовидные секторы оконтурены узкой красной или оливковой полоской с рядами из белых точек. Внутри секторов мотив «павлиний глаз» с тремя точками и двумя черточками, отходящими от темных круглых пятен; пространство между «глазками» заполняет красная и оливковая штриховка. Похожие глазки с точками и черточками, расположенные на заштрихованном фоне, украшают чашу X в.,

найденную в Самарканде [Terres secrètes... 1992. P. 98. No. 178].

Ряды из мелких точек внутри узких полосок появляются в конце X в. и становятся особенно популярными в XI в.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

43 Чаша

Мавераннахр
X в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 12,0 см, высота 3,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-31
Публикуется впервые

Полусферическая чаша на дисковидном поддоне, небольшой размер позволяет назвать ее пиалой. Украшена изображением стилизованной птицы с длинной шеей и поднятыми вверх крыльями. По устью сосуда – черная полоса. Узор, помещенный внутрь крыла, является вариантом популярного в X в. мотива «усиков».

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

44

44

ЧашаХорасан
X в.Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 23,5 см, высота 8,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-20
Публикуется впервые

Коническая чаша на кольцевом поддоне, с росписью коричневой краской по белому ангобу, покрытая бесцветной глазурью. Надпись по кругу выполнена почерком «керамический курсив». В ней представлены два афоризма, без выделения начала фраз, которое чаще всего на керамике Мавераннахра отмечается петлевидным знаком.

Первый афоризм: *Ал-хай'а'у мин ал-имани ва ал-имани мин ал-джанна* – «Стыдливость – из веры, а вера – из Рая». Это хадис, т. е. высказывание, приписываемое пророку Мухаммаду. Первым на десятке самаркандских глазурованных сосудов, а также на миске из коллекции Альфонса Канна, этот хадис прочитал и опубликовал О. Г. Большаков. Первоначальный перевод

«Скромность – ветвь веры» позже был им исправлен на «Стыдливость – ветвь веры». В своем комментарии он указал, что в *Сахихе* (каноническом сборнике хадисов) Мухаммада ал-Бухари эта фраза приведена в двух вариантах: «Стыдливость – ветвь веры» (со слов Абу Хурайры) и «Стыдливость – из веры» (со слов Абдаллаха б. Умара). А в *Сахихе* другого авторитетного *мухаддиса* (ученого-хадисоведа) из Мавераннахра Мухаммада ат-Термизи приводится более пространственный вариант: «Стыдливость – из веры, а вера – из рая, а брань – из грубости, а грубость – из (адского) пламени» [Большаков 1969. С. 42–47. Рис. 1. Табл. I, II]. На публикуемой чаше из коллекции Фонда Марджани помещен сокращенный вариант той версии хадиса, что сохранена в труде ат-Термизи. Полностью аналогичная надпись имеется на глазурованной вазе из коллекции ал-Сабах (Кувейт), которую О. Уотсон датировал X в. и отнес к продукции Афрасиаба (т. е. Самарканда) или Нишапура [Watson 2004. P. 209. Cat. Ga.4].

Второй афоризм состоит из трех слов: *Ал-анату кабла ал-ра'* [й] – «Терпение прежде мнения», т. е. это призыв проявлять терпение и осторожность, прежде чем высказывать свое мнение. Этот афоризм первым прочел и перевел А. Кучани, опубликовавший три сосуда из коллекции музея Иран Бастан в Тегеране [Ghouchani 1986. P. 212–213, 294–295, 300–301. Pls. 96, 137, 140]. Чаши и фрагменты с аналогичной надписью из Бинкета (Ташкент) и Ахсикета (Фергана) опубликованы без чтения в различных изданиях [ДТ 1973. Рис. 20; Брусенко 1986. Табл. 36: 2; Пугаченкова, Ремпель 1982. С. 199; Ахраров, Мирзаахмедов 1983. С. 163, 166]. В Ташкенте найдено еще несколько сосудов с данным афоризмом [Ильясова, Ильясов 2007. С. 247].

Почерк надписи нестабильный, местами краска расплылась при обжиге. С ошибками написаны слова *иман* и *джанна* в хадисе; во втором афоризме отсутствуют два последних знака (*алиф* и *йа*), так как для них не хватило места, неправильно написана буква *каф*, что, впрочем, характерно для целого ряда сосудов с данной фразой. Следует обратить внимание на особенность написания лигатуры *лям-алиф*: в двух местах ствол ляма дугой изогнут вправо. Такое написание можно видеть на двух чашах из музея Иран Бастан в Тегеране, происходящих, скорее всего, из Нишапура, что позволяет отнести публикуемую здесь чашу к продукции одного из керамических центров Хорасана.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

45

ЧашаМавераннахр
IX – начало X в.Глина; ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 17,7 см, высота 8,2 см
Найдена на Афрасиабе
ГЭ, инв. № АФР- 3917

Публикации: Большаков 1969. С. 47. Рис. 2

Чаша с конически расширяющимися кверху стенками, на кольцевой ножке; с обеих сторон глазурована по белому ангобу. Надпись на внутренней стороне выполнена темно-коричневой краской почерком «простой *куфи*», который появился на керамике Самарканда еще в IX в., но продолжал использоваться и позднее. Все буквы снабжены диакритическими точками. О. Г. Большаков прочитал надпись так: «Говорят: кто уверен, что расположен к нему, тот довольствуется своим положением».

А. В. Омельченко

45

46, 47

46

Чаша

Хорасан или Мавераннахр
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 24,5 см, высота 8,4 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-123
Публикуется впервые

Коническая чаша на кольцевом поддоне. Снаружи ангоб доходит до середины сосуда, глазурь покрывает неравную полосу его верхнюю треть. По кругу идет надпись, пока не поддающаяся чтению. На дне чаши округлая белая точка. Ангоб и глазурь, не достигающие до поддона, не характерны для продукции Самарканда и Ташкента X в. В это время здесь было принято покрывать сосуд ангобом полностью, включая поддон, а глазурь доходила до поддона. Неполное покрытие глазурью считается хронологическим признаком, оно начинает преобладать с XI в. Это объясняется, в частности, удешевлением процесса производства, т. е. экономией материалов. С другой стороны, типичная для X в. чаша с афоризмом, найденная на юге Мавераннахра при раскопках на городище Будрач, имеет снаружи лишь узкую полоску глазури вдоль устья [Ильясов, Ильясова 2011. С. 4. Рис. 1, 2]. Таким образом, можно полагать,

что степень покрытия ангобом и глазурью была не только хронологическим признаком, но зависела также и от того, в каком регионе был сделан тот или иной сосуд. Нельзя исключить также причины субъективного характера, например, при изготовлении чаши закончились ангоб или глазурь, и пришлось обходиться тем, что осталось.

Чаши и другие типы сосудов с декором в виде белых надписей на черном фоне находили в Самарканде [Terres secrètes... 1992. P. 96. Nos. 162–164] и Нишапуре [Wilkinson 1973. P. 161–162, 168–169, 171, 177], они хранятся также в целом ряде широко известных коллекций исламской керамики [Grube 1994. P. 95. No. 90; Fehervari 2000. P. 59–60. Nos. 59, 62; Watson 2004. P. 210–212. Cat. Ga.5–7].

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

47

Чашечка

Мавераннахр
X в.

Глина; ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 9,4 см, высота 3,0 см
ГЭ, инв. № СА-7001

Найдена на Афрасиабе
Публикации: Большаков 1958. С. 29. Табл. IIa.

Чашечка с уплощенно-сферическим туловом на невысоком дисковидном поддоне. Снаружи и внутри покрыта плотным черным ангобом и прозрачной глазурью. На внутренней поверхности белым ангобом нанесена подглазурная роспись. Край оформлен фестонами, в центре почерком «керамический курсив» нанесена благопожелательная надпись *барака* – «благословение».

Считается, что посуда с подобным сочетанием цветов более характерна для Самарканда, хотя встречается и в слоях Нишапура Саманидского времени. Из сборов на Афрасиабе происходит такая же небольшая чашечка с цилиндрическим туловом, аналогичными оформлением фона и надписью [Шишкина 1986. Рис. 39, 3, 4].

А. В. Омельченко

48

Чаша

Мавераннахр
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 27,5 см, высота 6,0 см
Найдена в Самарканде
ГМВ, инв. № 165 III
Публикации: Большаков 1963. С. 43. Рис. 2в.;
Вишневская 2007. С. 32. Ил.16

Чаша коническая на кольцевом поддоне, покрытая белым ангобом снаружи, включая дно, и черным ангобом внутри; прозрачной бесцветной глазурью внутри и снаружи, включая дно. Подглазурная роспись выполнена белой краской. Внутри на дне три точки – след от треножника (сипая), использовавшегося при обжиге, при котором чаши ставились одна в другую. По стенкам надпись «керамическим курсивом»: «Щедрость – свойство праведников» (чтение О. Г. Большакова). Текст надписи – излюбленный нравоучительный афоризм, чаще всего встречающийся на столовой посуде конца IX – X в. Более распространены варианты, выполненные по белому ангобу, но известны и образцы надписей на черном фоне. Прием использования цветных ангобов для фона характерен для изделий из Самарканда X в. Почерк и правильность написания свидетельствуют о том, что роспись, видимо, выполнена грамотным каллиграфом.

Н. Ю. Вишневская

48

49

49

Блюдо

Мавераннахр, Самарканд
X в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 30,0 см, высота 5,0 см
Найдена в Самарканде, бывшая коллекция
Б. Н. Кастальского
ГМВ, инв. № 626 III
Публикуется впервые

Блюдо с горизонтальным бортом на кольцевом поддоне с утолщением в центре. Внутри и снаружи, включая дно, покрыто белым ангобом и прозрачной бесцветной глазурью. Подглазурная роспись по ангобу выполнена черной и терракотовой красками.

В центральном круге в свободном поле резерва на точечном фоне надпись «керамическим курсивом»: «Грешник (?) не держит слова» (чтение Дж. Ильясова). Разделительный знак круговой надписи в виде трилистника. Контур поля резерва замкнут тонкой красной линией, в центральном круге от поля резерва отходят две полупальметты. Снаружи четыре группы перистых двцветных штрихов. Роспись изящная, тщательно выполненная. Ряд деталей (растительные элементы, отходящие от поля резерва, начертание разделительного знака) близки декору сосудов X в. из Афрасиаба [Большаков, 1963. С. 46–48, табл. V в, г]. Сам прием нанесения орнамента резервом на точечном фоне был заимствован в начале IX в. из декора торевтики. В X в. он в основном использовался именно для эпиграфических композиций.

Н. Ю. Вишневская

50

Чаша

Мавераннахр, Самарканд
X в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 27,0 см, высота 9,0 см
Найдена в Самарканде, бывшая коллекция
Б. Н. Кастальского
ГМВ, инв. № 846 III
Публикации: Веймарн 2002. Ил. 247

Чаша коническая, на дисковидном, слегка вогнутом поддоне. Покрыта белым ангобом внутри и снаружи, включая дно, и прозрачной бесцветной глазурью внутри и снаружи, включая поддон, с затеками на дно. Подглазурная роспись по ангобу выполнена темно-коричневой и терракотовой красками. В центральном круге в свободном поле резерва на точечном фоне надпись «керамическим курсивом»: «Свободный (благородный) человек не нарушает слова» (чтение Дж. Я. Ильясова).

Разделительный знак круговой надписи прорисован в виде каплевидной фигуры. Точечный фон замкнут тонкой красной линией. Снаружи на стенках четыре группы перистых мазков, по краю четыре группы двойных наклонных штрихов. Роспись изящная, тщательно выполненная. По стилю росписи и по содержанию надписи чаша очень близка глазурованному блюду (кат. 49): благородный человек, держащий слово, противопоставляется грешнику, который слова не держит. Эти два предмета образуют своего рода сервизную пару.

Н. Ю. Вишневская

50

51

51 Чаша

Мавераннахр, Самарканд
X в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, глазурь
Диаметр 35,8 см, высота 9,4 см
Найдена в Самарканде
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-9
Публикации: Ильясов, Ильясова 2013б. С. 58–59

Коническая чаша на дисковидном поддоне. Ангоб покрывает сосуд полностью, включая поддон, глазурь – до поддона. Декор – надписи «керамическим курсивом» в центральной части чаши и по борту, фон заполнен выполненными в технике резерва картушами с точками и пальметтами, оконтуренными тонкой красной линией.

Надпись в центре – именное благопожелание: *Ли Аби ал-‘Аббас ал-баракату* – «Абу-л-Аббасу благословение». Вокруг размещена более пространная надпись, представляющая собой афоризм: *Ла хасаната ‘ала мин ал-сабри ва ла су’а мин ал-сабри ва а’мал биджаза’и су’* – «Нет блага выше терпения, и нет от терпения зла, так действуй (помня о том), что за злые деяния последует воздаяние» (чтение и перевод надписей проф. Л. Корна, Бамбергский университет). На-

чало и конец афоризма отделены друг от друга крупной листовидной фигурой с тремя горизонтальными полосками внутри.

Стиль декора наиболее характерен для согдийской керамики X в. Благодаря благопожеланию в центре сосуда, мы можем утверждать, что он изготовлен на заказ для жителя Самарканда, к которому, согласно мусульманской традиции, обращались по *кунье*, т. е. прозвищу, данному по имени его старшего сына – Абу-л-Аббас («Отец Аббаса»). В настоящее время известны несколько глазурованных чаш X в. с именными благопожеланиями [Ильясов, Ильясова 2001. С. 27, 29; Ильясов, Имамбердыев 2002. С. 126–128. Рис. 1: 6, 3; Ilyasova, Imamberdyev 2005. S. 93–94. Abb. 5; Ghouchani 1371. P. 32–33], но в целом это большая редкость. Надо полагать, что содержание украшавших посуду афоризмов зависело от вкусов и пристрастий заказчика, и он мог выбирать, какими именно мудрыми изречениями будут расписаны его чаши и блюда. Дальнейшее зависело от квалификации и опыта мастера. Мы знаем на примере некоторых сосудов, что ошибки и неточности были возможны даже при написании священного хадиса (см. кат. 44), что, вероятно, объясняется недостаточными навыками, скажем, при работе учеников, которые должны были привлекаться к производству в условиях работы на рынок. Однако в случае с Абу-л-Аббасом, т. е. при работе на конкретный заказ, все, несомненно, делалось гораздо тщательнее. Впрочем, на данной чаше мы также видим нарушение порядка слов в благопожелании: обычно первым пишется слово *ал-баракату* («благословение»), а за ним следует имя, как в нашем случае, или, что гораздо более распространено, нейтральное обозначение *лисахибихи* («владельцу сего»). Заметим, что подобные недочеты не будут выглядеть вопиющими, если помнить о том, что для коренных жителей Мавераннахра, из среды которых и происходили, надо полагать, местные ремесленники, арабский язык не был родным. Для тюркоязычного жителя Самарканда такой порядок слов, как в благопожелании на чаше, был бы более приемлемым. И хотя благопожелание написано по-арабски, со всеми полагающимися артиклями и частицами, тонкости арабской грамматики могли оставаться чуждыми для мастеров, которые зачастую воспроизводили надписи, пользуясь образцами и шаблонами. Нам известны примеры, когда, копируя надпись, расположенную по кругу, мастер начинал не с первого, а с предпоследнего слова фразы [Ильясов 1993. С. 137; Ильясов, Хакимов 2012. С. 241. Рис. 8 а, b, с].

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

52 Кувшин

Мавераннахр, Бинкет
X в.
Глина; гончарный круг, лепка, ангоб, роспись
гравировка, глазурь
Диаметр горла 10,0 см, высота 13,5 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-112
Публикации: Ильясова 2013. С. 66

Одноручный широкогорлый кувшин. Тулово сферическое на дисковидном поддоне, ручка в сечении круглая. Форма типична для Хорасана и Мавераннахра, воплощалась в изделиях из металла, стекла, глазурованной и неглазурованной керамики.

Роспись выполнена коричнево-черной краской по белому ангобу и покрыта прозрачной глазурью. Посередине тулова надпись почерком «простой куфи»: *Ал-баракату ва ал-ни’мату ва ал-карамату* – «Благословение и благополучие и достоинство». Образец традиционной благопожелательной надписи, в которой проставлены диакритические знаки, что не всегда встречается в керамической эпиграфике, например, они полностью отсутствуют на чаше кат. 51, и лишь частично проставлены в надписи на чаше кат. 44.

На тулове следы производственного брака: при обжиге произошло спекание кувшина с другим сосудом.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

52

53, 54

53

Кружка

Мавераннахр, Бинкет
X в.

Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, гравировка, глазурь

Диаметр устья 19,8 см, высота 12,7 см

Найдена в Ташкенте

Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-716

Публикуется впервые

Кружка на дисковидном поддоне, ручка отбита. Декор состоит из полосы с узором *ислими* – растительным побегом в обрамлении из двух горизонтальных линий, с отходящими от него вверх и вниз полупальметтами, и надписи, расположенной ниже. Для украшения сосуда использована комбинированная техника. Верхняя полоса орнамента – это роспись по ангобу и гравировка. Надпись выполнена в другой технике: сначала по ангобу тонкими красными линиями обвели контуры букв, а затем закрасили фон коричнево-черной краской. В результате получилась черная горизонтальная полоса с белой надписью. Зеленые пятна и потеки, разбросанные по орнаментированной поверхности, – один из излюбленных приемов гончаров Шаша (Ташкентского оазиса) в IX–X вв.

Надпись состоит из двух афоризмов, написанных подряд, без разделительного знака. Первый афоризм: *Ал-анату қабла ал-ра'й* – «Терпение прежде мнения» (см. кат. 44). Второй афоризм, начинающийся, вероятно, со слова *ал-халафу* («воздаяние»), к сожалению, не сохранился полностью и пока не прочитан.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

54

Кружка

Мавераннахр, Самарканд
X в.

Глина; гончарный круг, лепка, ангоб, роспись, глазурь

Диаметр дна 7,0 см, высота 4,0 см

Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-125

Публикации: Christie's 2007. Lot 171

Кружка с цилиндрическим корпусом и петле-видной, круглой в сечении ручкой, поддон дисковидный. Снаружи по борту надпись почерком *куфи*, которая чтению пока не поддается. Возможно, имитация благопожелательной надписи. Роспись выполнена желтовато-белой краской по коричневатому-красному ангобу и покрыта прозрачной глазурью.

На городище Афрасиаб – руинах домонгольского Самарканда – найдены целые наборы посуды, украшенной в подобной цветовой гамме [Terres secrètes... 1992. P. 62, 96–97. Nos. 165–168]. Вероятно, публикуемая кружка также относится к продукции Самарканда, хотя почерк не совсем характерен для согдийской керамики.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

55

Пенал (каламдан)

Мавераннахр
X в.

Глина; ангоб, роспись, глазурь

Длина 13,7 см, ширина 5,0 см, высота 4,0 см

Найден на Афрасиабе

ГЭ, инв. № АФР-5568

Публикации: Шишкина 1979. Табл. XX, 1; Blair, 2013.

P. 42

Пенал состоит из чернильницы с цилиндрическим резервуаром и продолговатой коробочки с двумя отделениями для перьев-каламов. Снаружи на стенках предмета черной краской по белому ангобу почерком *куфи* нанесена арабская надпись. Она содержит хадис («Сказано, что равновесие... благополучие») и, вероятно, имя владельца – Мухаммад Фадль. Предполагают, что он мог быть каллиграфом или писцом канцелярии.

А. В. Омельченко

55

56, 57

56

Светильник

Мавераннахр

X в.

Глина; гончарный круг, лепка, роспись, гравировка, глазурь

Длина 12,0 см, ширина 6,0 см, высота 5,0 см

Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-302

Публикуется впервые

Светильник с цилиндро-коническим корпусом, петлевидная округлая в сечении ручка и носик изготовлены отдельно и прилеплены. На корпусе с двух сторон, в трапециевидных картушах, имитация надписи. Полоски краски по сторонам и верху носика, а также на ручке.

Форма и декор типичны для светильников X в., изготовлявшихся массово и по этой причине украшавшихся зачастую весьма небрежно, как на данном образце.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

57

Светильник

Мавераннахр

X–XI вв.

Глина; гончарный круг, лепка, роспись, глазурь

Длина 12,5 см, ширина 6,8 см, высота 5,5 см

Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-296

Публикуется впервые

Светильник с цилиндро-коническим корпусом, петлевидная уплощенная в сечении ручка и носик изготовлены отдельно и прилеплены. Корпус с двух сторон украшен круглыми пятнами, расположенными в четыре ряда. Полоски краски по верху носика и ручки.

Форма и пятнистая роспись типичны для керамических светильников X в. [Terres secrètes... 1992. P. 45, 113. No. 286]. Одновременно использовался также декор в виде светлых пятен на темном фоне, что показали материалы, найденные в керамической печи в Старогородской части Ташкента.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

58

Светильник

Мавераннахр

X–XII вв.

Глина; гончарный круг, лепка, обжиг, глазурь

Диаметр корпуса 7,4 см, высота 3,5 см

Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-378

Публикуется впервые

Светильник с цилиндро-коническим корпусом, петлевидная округлая в сечении ручка и носик изготовлены отдельно и прилеплены. Сверху на ручке выступ для упора пальца, оформленный в виде пятилепестковой пальметты с шишечкой в нижней части.

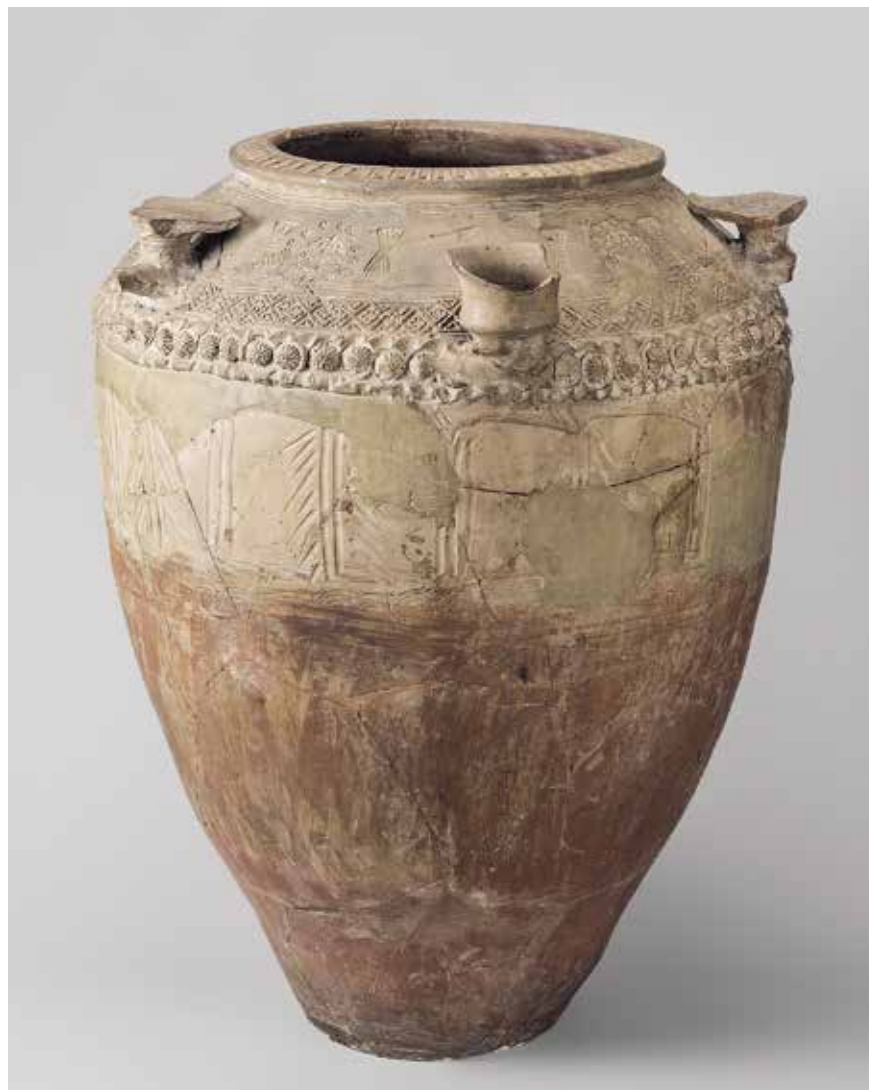
В рассматриваемый период светильники изготовлялись также из бронзы, и керамические изделия главным образом имитировали их. Публикуемый объект является хорошим примером подражания, воспроизводя как форму, так и фактуру бронзового светильника.

Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова

58

59

Сосуд (хум)

Северный Хорасан или южные районы Мавераннахра X–XII вв.

Глина; гончарный круг, лепка, штамп, ангоб
Высота 68,0 см, диаметр венчика 31,0 см
Найден в Средней Азии, бывшая коллекция Б. Н. Кастальского
ГЭ, инв. № СА-3179
Публикуется впервые

Неорнаментированные хумы сугубо утилитарного назначения обычно использовались как хранилища, и чаще всего их закапывали в помещениях по венчик или плечики. Этот же небольшой хум предназначался для переноски продуктов и, видимо, ставился на пол помещения. Помимо размеров об этом говорят богатый штампанный орнамент геометрического характера по плечикам и покрытие нижней части тулова хума красной ангобной краской. Редкой деталью оформления являются налеты на плечиках, поддерживающие в одном случае диски, во втором – чашечки, из которых сохранилась только одна. Первые вряд ли имели какое-либо функциональное назначение, а через вторые можно было черпачком наливать содержимое хума на пробу, держа сам хум закрытым. Наиболее вероятно, что хум ставили в лавке и покупатели из чашечек пробовали хранившийся в нем продукт.

Богато орнаментированная штампами и напелами керамика была характерна для продукции хорасанских мастеров. В Мавераннахре штампанная керамика массово начала распространяться только с IX в., именно под большим влиянием Ирана. Распространению моды на хорасанские вещи и фактический импорт стиля способствовал процесс полного утверждения ислама в Согде в это время.

А. И. Торгоев

59

60

Чаша

Иран

Конец IX – начало XI в.

Стекло; выдувание, резьба

Диаметр 10,0 см, высота 5,0 см

Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-180

Публикации: Уолтон 2013. Кат. 5.

Сосуд украшен пальметтами, четырежды повторенными по кругу. В основаниях двух растительных ответвлений помещены квадратные ромбы с точечным углублением в центре. Этот мотив рифмуется с четырьмя треугольниками, размещенными на равном удалении друг от друга по периметру слегка выпуклого кольца на донце; каждый из них тоже имеет углубление в центре. Вдоль венчика проходит надпись почерком *куфи*: *Баракка йумн 'изз ли-сахибихи* («Благословение, счастье, слава хозяину сего»). Части букв и пальметт завершаются штрихами, передающими листву. Кольцо на донце также украшено линиями с насечками. Чаша не имеет точных аналогий, но присущие ей стилистические особенности – как в форме, так и в декоре – указывают на иранское происхождение. Своей полусферической формой настоящая чаша восходит к сасанидским прототипам, датирующимся по меньшей мере с III в. [Fukai, 1977. No. 6]. В ранний исламский период эта форма также встречается [Kroger, 1995. P. 131. Fig. 8], причем не только в стекле, но и в керамике и металле.

Элементы декора типичны для Ирана IX–X вв. В иранских изделиях этого периода находят параллели такие детали украшения чаши, как мотив прямоугольных ромбов с углублениями в центре [Carboni, 2001. P. 115: Cat. 2.12a], полупальметты, толстые лепестки, буквы и орнаментальные завитки с листьями на концах (Корнингский музей стекла, 76.1.221, 68.1.59–46, 68.1.59–52, 51.1.130).

Несмотря на то что излюбленной основой для резного декора было бесцветное стекло, примеры темно-синего резного стекла тоже известны. В частности, это фрагмент из раскопок Тепе Медресе в Нишапуре [Kroger, 1995]. Два фрагмента рельефного резного стекла бирюзового цвета, как считается, от бутылки [Lamm, 1929–1930. P. 78. No. 246], а также разнообразные целые сосуды, в числе которых несколько бутылей из Корнингского музея стекла (55.1.134) и Музея исламского искусства в Дохе (GL.238) и две чаши, хранящиеся в соборе Сан-Марко в Венеции, свидетельствуют о том, что украшение стекла насыщенными глубокими тонами рельефной резьбой было распространено.

М. Уолтон

60

61

61

Чаша

Иран
Стекло; выдувание, резьба, шлифовка
IX–X вв.
Диаметр 10,8 см, высота 8,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-554
Публикации: Образ мечети 2015. С. 124 – 125

Чаша имеет полушаровидный корпус, который расширяется кверху. Дно уплощенное, а стенки слегка изогнуты. Стекло украшено орнаментом, прошлифованным абразивами. Мотивы орнамента – овалы, фасетки и линии. Причем украшение в виде линий делалось более узким колесовидным абразивом, который дает U-образное поперечное сечение и сужение к краям линий. Под венчиком чаши проходит полоса зигзагов, образованная спаренными короткими диагональными линиями. Ниже по корпусу чаши нанесены три ряда овальных фасеток, чередующихся с вертикальными линиями. На дне вырезана звездчатая фигура.

Стекло, украшенное прошлифованными овалами, кругами и шестиугольниками было популярно в Сасанидской империи и продолжало производиться в Западной Азии в раннеисламское время. При раскопках Нишапура были найдены как целые резные сосуды, так и обломки. Общее число предметов резного стекла, изначальная форма

которых в разной степени восстановима, составляет шестьдесят три экземпляра [Kröger 1995. P. 120. Cat. № 166–228. P. 124–74]. В эту группу входят небольшие миски, по профилю схожие с описываемым сосудом, а также сосуды бирюзового стекла и сосуды с сочетанием фасетированного и линейного орнаментов. Две неглубоких чаши схожей формы хранятся в Корнингском музее стекла, на них тоже сочетаются резные фасетки и линейный орнамент [Whitehouse 2010. P. 94. No. 143.; P. 95. No. 145.]. Дно одного из сосудов также украшено звездчатой розеткой. Оба сосуда относятся к IX–X вв., один из них был приобретен в Тегеране, что еще раз свидетельствует в пользу того, что резное стекло производилось в Иране.

Резное стекло, без сомнения, подражает сосудам, вырезанным из горного хрусталя. Но достичь в стекле идеальной бесцветной прозрачности хрусталя было трудно до XX в., так как загрязняющие примеси давали оттенок цвета (обычно зеленоватый или коричневатый), также невозможно было помешать появлению пузырьков в структуре стекла. Для того чтобы как-то скрыть эти недостатки, стекло окрашивали, часто в синий, зеленый или, как в данном случае, бирюзовый цвет. Ассоциации, рожденные видом чаши из голубого стекла, наполненной красным вином, нашли отражение в прекрасных стихах уроженца Мерва Кисаи (умер ок. 990) [Nicholson 1922. No. 61].

Р. Уорд

62

62

Бутылочка

Иран
X в.
Стекло; выдувание в форму, шлифовка
Высота 13,5 см, диаметр дна 8,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-160
Публикации: Образ мечети 2015. С. 122-123

Бутылочка выдута в форму, уже имевшую рельефный орнамент. Тулово украшено двумя орнаментальными поясами. В верхней части тулова проходит пояс рельефных кругов с кружком в центре, ниже – пояс каплевидных фигур, также с кружком в центре. По отдельности оба элемента встречаются в раннеисламском стекле как на Ближнем Востоке, так и в Иране. Больше всего аналогий форма этой бутылочки находит среди стеклянных и металлических изделий Нишапура. Наиболее вероятно, что эта бутылочка была изготовлена именно в Иране, скорее всего, где-то в Хорасане.

А. И. Торгоев

63

63

Бутылочка

Иран (?)
X–XII вв.
Стекло; выдувание в форму, шлифовка
Высота 8,5 см, максимальный диаметр 6,0 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-81
Публикуется впервые

Место производства данного сосуда установить затруднительно. Одна из близких аналогий по форме и орнаменту с 1204 г. хранится в соборе Сан-Марко и привезена была из Константинополя вместе с «венецианской долей в византийском наследстве» [Щапова 2008. С. 166. Рис. 25]. В этой партии были и привозные восточные стеклянные сосуды, и изготовленные в самой Византии. Бутылка такой же формы с аналогичным, но более богатым орнаментом хранится в Корнингском музее стекла и изготовлена, по мнению Д. Уайтхауса, в Иране [Carboni, Whitehouse 2002. Cat. № 74]. Известно еще несколько аналогичных сосудов иранского производства.

Форма бутылочки с шаровидным туловом и относительно высоким горлом распространена как на Ближнем, так и на Среднем Востоке. Нельзя исключить возможности того, что этот сосуд был сделан на Ближнем Востоке.

А. И. Торгоев

64

64

Графин

Иран
X – первая половина XI в.
Стекло; резьба
Высота 23,5 см, максимальная ширина тулова 12,5 см
Найден в Средней Азии. Бывшая коллекция
Б. Н. Кастальского
ГЭ, инв. № СА-2402
Публикуется впервые

Графин имеет усеченно-коническое тулово, расширяющееся кверху, почти прямые плечики и высокое горло, тоже усеченно-конической формы, но сужающееся кверху. Венчик сосуда широкий, отогнут наружу. Тулово украшено двумя полосами орнамента, горло покрыто шлифованными фасетками. Фасетки четырехугольной формы, расположены на горле несколькими поясами. Наибольшую важность для определения места производства сосуда и датировки имеет как раз орнаментация горла.

Графины такой формы с шлифованным орнаментом редки в Средней Азии. Производство стекла с шлифованным орнаментом было известно в Византии и в Иране. Причем в последнем стекло с шлифованными фасетками стали изготавливать уже в сасанидский период. В Средней Азии наибольшее число обломков графинов такого типа и два почти целых сосуда были обнаружены при раскопках Хульбука – столицы области Хутталь в Тохаристане [Якубов 2012. Ил.], в начале XI в. бывшего под властью Газневидов. Р. М. Джанполадян даже предполагала, что место производства этого типа сосудов могло находиться недалеко от Хульбука [Джанполадян, Калантарян 1988. С. 11. Табл. XXI, 1, 2]. Графины из той же группы известны в Нишапуре [Kröger 1995. Cat. № 171, 172]. Особую важность для определения даты этого сосуда имеют аналогичные кувшины, найденные в Китае: один – в храме Дуле в Сиане, твердо датируется временем до 1058 г. [Kröger 1995. Cat. № 171, 172], другой – в погребении киданьской принцессы Чень во Внутренней Монголии, точно датируется по эпитафии 1018 г. [Schätzeder Liao 2007. Cat. №. 103]. Очевидно, что производство графинов с шлифованным орнаментом было налажено во второй половине X – первой половине XI в. в Иране, вероятнее всего, в Хорасане. В Мавераннахре известны, по всей видимости, подражания: по форме они практически идентичны, но не имеют шлифованного орнамента.

А. И. Торгоев

65

65

Бокал

Хорасан или Мавераннахр
X–XI вв.
Стекло; свободное выдувание, шлифовка
Диаметр 8,0 см, высота 7,5 см
Афрасиаб, раскопки САЭ ГМИНВ, 1988 г.
ГМВ, инв. № 640 IVкр
Публикуется впервые

Бокал цилиндрической формы, плоскодонный. На стенках крупный шлифованный орнамент в виде прямых линий, завитков, дуг и остролистных. Невысокие стаканы-бокалы со шлифованным декором появляются в Согде в IX в. и продолжают существовать в X в., при этом характер орнамента постепенно усложняется [Шишкина, 1986. С. 22, 24. Рис. 4, 25; 6, 13, 20].

Н. Ю. Вишневская

66

66

Кувшин-кружка

Мавераннахр, Самарканд
IX–X вв.
Стекло; выдувание
Диаметр венчика 11,6 см, высота 9,3 см
Найден на Афрасиабе
ГЭ, инв. № СА-2421
Публикуется впервые

Кувшин-кружка относится к гибридным формам столовой посуды, по форме он безусловно копирует кружки с округлым плечиком и раструбовидным горлом, но размерами более напоминает широкогорлые кувшинчики. Представляет одну из самых узнаваемых форм посуды среднеазиатского междуречья саманидского времени. В быт городского населения Мавераннахра такие сосуды начали входить в конце IX – X в. [Мирзаахмедов 2011. С. 73]. Кувшиновидные кружки были распространены по всей территории владений Саманидов. В X в. стеклоделие распространилось практически по всем крупным городам Мавераннахра, и изделия из стекла стали более доступными для населения.

Стекло кувшинов-кружек, как правило, окрашено в оттенки от светло-зеленого до синего. Известны керамические реплики этой формы, очевидно, подражающие более дорогим стеклянным изделиям.

А. И. Торгоев

67

67 Бутылочка

Мавераннахр
IX–X вв.
Стекло; выдувание
Высота 11,5 см, максимальный диаметр 6,8 см
ГЭ, инв. №. СА-2413
Публикации: Кондратьева 1961. Табл. III, 2

Отличительной особенностью данной бутылочки является относительно длинное горло, снабженное манжетом, украшенным вдавленными так, что в плане он имеет звездчатую форму. Сама бутылочка по форме напоминает аптекарские сосуды, но наличие явно нефункционального украшения не дает возможности видеть в ней специальный медицинский или химический сосуд. Вполне возможно, что в бутылочке могли перевозить какие-то ароматические вещества или масла, высоко ценившиеся на Среднем Востоке. Украшение в виде манжетов с защитами очень популярно в раннем стеклоделии Мавераннахра, иногда этот специфический элемент довольно грубо воспроизводился в керамике.

А. И. Торгоев

68

68 Стекланный сосудик

Мавераннахр
X в.
Стекло; выдувание
Высота 9,5 см, диаметр основания 4,5 см
Найден на Афрасиабе
ГЭ, инв. № СА-12140
Публикуется впервые

Очертания миниатюрного кувшинчика – вытянутое шаровидное тулово на плоском поддоне, горло раструбом – обычны для стеклянных сосудов саманидского времени, известных по раскопкам Афрасиаба и Нишапура. Оригинальны для подобной формы кольцеобразная ручка с плоским щитком в верхней части для упора большого пальца и отстоящий под прямым углом к ней небольшой носик. Находки подобных изделий единичны и известны в слоях X в. Афрасиаба и городища Куйрук-тобе в Южном Казахстане [Байпаков, Дощанова 2011. С. 44, 137].

По аналогиям с одновременными керамическими изделиями можно предположить назначение кувшинчика как поильника или сосуда для дегустаций.

А. В. Омельченко

69, 70

69 Флакон в виде грифона

Иран (?)
X в.
Стекло
Высота 7,8 см, длина 8,3 см
Найден в Самарканде
ГЭ, инв. № СА-12141
Публикуется впервые

Флакон в виде фантастического существа на трех лапах и с четырьмя крыльями, передними крупными и задними поменьше. От кончика хвоста до затылка, по-видимому, шла дуговидная ручка. По тулову проходит напаянная фестончатая лента. В задней части крупы располагалось отверстие, конусовидное сечение которого говорит в пользу того, что оно закрывалось притертой пробкой. Второе маленькое отверстие сделано в разинутой пасти существа. Судя по этим деталям, в резервуаре хранилась какая-то ароматическая жидкость, которая расходовалась очень экономно.

Небольшие стеклянные изделия подобного типа в виде различных живых существ, например верблюдов, известны, в частности, в Сирии с VII в. Но наибольшее сходство данный флакон находит с сосудиком в виде птички из Kotler collection. Близки размеры, абрис тулова, наличие трех ног, размещение отверстия на тулове, припаянная

по бокам последнего фестончатая полоса. Этот предмет предположительно происходит с территории Ирана и датируется X–XI вв. [Carboni, Whitehouse 2001. Cat. № 3.20a. P. 112, 113, 187].

А. В. Омельченко

70 Флакон

Мавераннахр
X–XI вв.
Стекло; свободное выдувание, припайка
Высота 7,0 см, диаметр 5,5 см
Городище Дурмен, раскопки САЭ ГМИНВ, 1987 г.
ГМВ, инв. № 636 IVкр
Публикации: Вишневская, 2005. С. 116. Рис. 17, 2

Флакон в виде фляжки с округлым уплощенным туловом, вогнутым дном, узким цилиндрическим горлом, слегка отогнутым краем и двумя накладными ручками в верхней части тулова. Сосуд был найден в одном из бадрабов (мусорных ям) сельского поселения X–XI вв., расположенного на территории городища Дурмен (Самаркандская область). Подобная форма характерна для стеклянных изделий Согда X в. [Шишкина, 1986. Рис. 6, 18]. Флаконы служили для хранения парфюмерной или лекарственной продукции.

Н. Ю. Вишневская

71

71 Чернильница со вставными резервуарами

Мавераннахр
X в.
Ганч (гипс), стекло; выдувание, штамповка
Длина 18,0 см, ширина 9,5 см
ГЭ, инв. № СА-13287
Найдена на Афрасиабе
Публикации: Ставиский 1960. Рис. 2

Чернильница со стеклянными стаканчиками, вставленными в ганчевую (алебастровую) основу. Последняя оформлена полукруглыми выступами и надписью (подражанием?), выполненной рельефно почерком «цветущий *куфи*». Находки подобных изделий, как и глиняных чернильниц, покрытых глазурью, подтверждают свидетельства источников о высоком уровне грамотности горожан Мавераннахра. Похожие чернильницы, судя по находкам и изображениям, были распространены также в Иране, Византии и на Руси.

А. В. Омельченко

71

72

72 Подставка под калам (?)

Мавераннахр
X–XII вв.
Кость; резьба
Длина 3,6 см, ширина 1,9 см, высота 1,8 см
ГЭ, инв. № СА-13717
Публикуется впервые

Изделие не находит себе аналогий. Наиболее вероятно, что оно могло использоваться как подставка под каламы, которые клали на бороздки, выточенные в верхней части предмета. Сквозное отверстие, возможно, было необходимо для того, чтобы носить подставку, привязав к пеналу или поясу.

А. И. Торгоев

73

73 Флакончик

Хорасан или Мавераннахр
IX–X вв.
Бронза; литье, гравировка
Высота 5,3 см, диаметр основания 2,8 см
ГЭ, инв. № СА-12746
Публикуется впервые

Форма этих флакончиков как будто копирует стеклянные образцы (см. кат. 8), которые были наиболее распространенной тарой для благовоний и лекарств [Распопова 2010. С. 28–29. Табл. VII, 12]. Наибольшее распространение такие бронзовые флаконы получили, по всей видимости, в IX–X вв., так же как и стеклянные.

А. И. Торгоев

74

74 Флакончик

Хорасан (?)
IX–XII вв.
Камень; токарный станок, шлифовка, резьба
Высота 6,9 см, ширина 2,1 см, диаметр горла 1,2 см
ГЭ, инв. № СА-7071
Публикуется впервые

Как и флакончик из металла (кат. 73), этот флакон напоминает формой стеклянные сосудики. Он был изготовлен на токарном станке, о чем свидетельствуют следы резца на горле и плечиках, тем же способом была высверлена внутренняя полость. Видимо, заготовке изначально придали круглую форму, но позже она была сточена до прямоугольной. Очевидно, флакончик изготовили там, где был материал и существовала длительная традиция производства изделий из камня. Скорее всего, это Южный Хорасан, где посуду и изделия из мягких пород камня выделяли даже в XX в.

А. И. Торгоев

75

75

Фигурка птицы Рух

Мавераннахр (?)
VIII–XII вв. (?)

Слоновая кость; резьба, шлифовка
Высота 5,0 см, ширина 2,5 см,
толщина: 2,8 см (без подставки)

Куплена в Фергане

ГЭ, инв. № СА-14769

Публикации: Орбели, Тревер 1936; Буряков 1980.
С. 168

Впервые издавшие эту фигурку И. А. Орбели и К. В. Тревер считали ее изображением птицы Рух, а следовательно, шахматной ладьей только на основании того, что она подходила под описание шахматной игры в «Шахнаме» [Орбели, Тревер 1936]. Однако эта фигурка не находит никаких аналогий среди известных древних и средневековых шахматных фигур, как, впрочем, и среди других вещей. По той же причине обоснованно датировать эту фигурку сейчас очень сложно. Безусловно, она может являться ладьей, но пока не найдены надежно датированные аналогии, нельзя исключить и другие варианты ее назначения. Ю. Ф. Буряков склонялся к тому, чтобы определять эту фигурку как навершие какого-то предмета.

А. И. Торгоев

76

Шахматный набор

Мавераннахр (?)
IX–X вв.

Слоновая кость; резьба, шлифовка
Всадник: длина 4,3 см, высота 4,7 см;
боевой слон: длина 3,6 см, высота 3,6 см;

лучник (высокая фигурка): длина 2,5 см, высота 4,2 см;
лучник (со щитом): длина 2,8 см, высота 3,6 см;
пехотинец: длина 2,4 см, высота 2,8 см

Найден в Ташкенте в пределах Бинкета
Фонд Марджани, инв. № ИМ/КД-1/1-5

Публикации: Kings and pawns 2014. P. 46, 47

Шахматный набор состоит из пяти стилизованных фигурок, которые изображают всадника, боевого слона, двух воинов-лучников, приготовившихся стрелять (один держит щит с крестообразным узором), и пехотинца. Фигурки были обнаружены вместе с керамикой и монетами, которые дают основание датировать набор IX–X вв.

Этот набор имеет исключительно важное значение для истории шахмат и раннего исламско-

76

го искусства. Зоо- и антропоморфные раннеисламские шахматные фигурки чрезвычайно редки и исчисляются единицами. Рассматриваемый набор является вторым из известных ранних шахматных наборов, который происходит из Средней Азии, что косвенно подтверждает развиваемый в настоящее время в исторической и археологической науке тезис о среднеазиатском происхождении шахмат.

Первый и пока единственный среднеазиатский шахматный набор был найден в 1977 г. при раскопках на Афрасиабе, в северной части городища, перед входом в соборную мечеть в слоях VIII в. [Буряков 1980].

Помимо наборов известны и находки отдельных зоо- и антропоморфных шахматных фигур, которые вследствие их большой редкости следует перечислить полностью. Две фигурки хранятся в Британском музее [Contadini 1995. P. 113. Fig. 3], одна фигурка известна в собрании Музея исламского искусства в Берлине [Kühnel 1971. Pl. VI. Nos. 12, 14, 15], две фигурки хранятся в музее Метрополитен (инв. № 65.53, инв. № 1974.207), одна фигурка всадника из Самарканда (кат. № 77) и фигурка слона из раскопок в Саркеле [Артамонов 1958. С. 75. Рис. 51, 1] входят в собрание Государственного Эрмитажа. Вероятно, в этот список надо включить хранящийся в Душанбе обломок фи-

гурки из Хульбука [Древности Таджикистана 1985. Кат. № 725]. Помимо фигурок из музеев известны две фигурки, выставленные на аукционах Christie's (London, 26 April 1994. Lot 337) и Sotheby's (London, 18 April 2007. Lot 48), и несохранившаяся фигурка из раскопок А. Фон Лекока в Гаочане [Le Coq 1913. P. 217–218]; еще две фигурки были найдены в Самарканде после распада СССР (известны по фото в Интернете). Таким образом, в настоящее время известно о существовании 27 шахматных фигурок «среднеазиатского» круга, из которых пять принадлежат к шашковому набору.

Самаркандский, а теперь и шашкиевский наборы дают ценные сведения о раннем этапе истории шахматных наборов: в то время они представляли собой реалистично и артистически исполненные армии с пехотой, кавалерией (знатным рыцарством), правителем и его двором. В последующих столетиях, уже начиная с XI–XII вв., начинается быстрая стилизация шахматных фигур, они становятся все более схематичными. С одной стороны, это отражало процесс роста популярности игры, ее демократизацию, с другой – следование канону ислама о запрете реалистичного изображения живых существ. Со временем в фигурах уже трудно было рассмотреть их прототипы.

М. К. Басханов

77

77 Фигурка всадника

Мавераннахр (?)
VIII–X вв.
Слоновая кость; резьба, шлифовка
Высота 7,0 см, ширина 1,8 см, длина 5,5 см
Куплена в Самарканде
ГЭ, инв. № СА-14770
Публикации: Буряков 1980. С. 165–166. Рис. 2

Фигурка весьма реалистично изображает скачущего всадника с булавой в правой руке. У коня хорошо проработаны грива, уздечка, видны луки седла. Всадник изображен в полусферическом шлеме. Аналогичные фигурки входили в состав наборов из Самарканда [Буряков 1980. С. 163–165. Рис. 1, 4, 5] и Ташкента (кат. 76).

А. И. Торгоев

78

78 Игральный кубик

Мавераннахр
VIII–XII вв.
Кость; резьба, гравировка
1,3 × 1,3 × 1,3 см
ГЭ, инв. № СА-13727
Публикуется впервые

Костяные кубики с числом точек от одной до шести применялись для игры в кости, которая была чрезвычайно распространена в Старом Свете. Эта игра была сущим бедствием, в нее проигрывались целые состояния, земли, жены.

Кубики использовались и для игры в нарды. Как показывают материалы раскопок согдийских городов, эта игра была широко известна уже в VIII в. [Семенов 1995. С. 44–48]. Шашки для нардов изготавливались из разных материалов: кости, стекла, глины, кубики же чаще всего делали из кости. Официальная религия очень жестко относилась к азартным играм и считала их недопустимыми для правоверных. Отрицательное отношение ислама к ним отразилось и в фольклоре: игра в кости в среднеазиатских сказках часто является развлечением отрицательных персонажей – негодяев и воров.

А. И. Торгоев

79

79 Медаль

Иран
Последняя четверть X в.
Бронза; литье
Диаметр 4,3–4,4 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М- 49
Публикуется впервые

Медаль представляет собой кружок с двусторонним изображением. С одной стороны изображен царь с нимбом, сидящий на тахте, поддерживаемом двумя львами. В правой руке у него сосуд конической формы. По обе стороны от царя стоят слуги в длиннополых кафтанах и конических головных уборах, верхушки которых заканчиваются шишаками. Отчетливо видно, что наушники головных уборов слуг оканчиваются крупными кружками. У слуги справа в руках зажата бутыл, из которой он подливает царю. Предмет, изображенный у второго персонажа, менее ясен, по форме тоже напоминает сосуд.

С обратной стороны изображен конный всадник в короне, с двумя птицами разного размера. Лицо персонажа совершенно неразлично из-за дефекта литья и дополнительной порчи в процессе использования. Судя по коронам и одина-

ковым костюмам, с обеих сторон медали изображен один и тот же царь.

Видимо, первоначально для ношения медали сверху было напаяно ушко, но позже у головы царя очень неаккуратно пробили отверстие.

Изделие принадлежит к чрезвычайно редко встречающимся предметам медальерного искусства Ирана. Известна абсолютно аналогичная, но золотая медаль, хранящаяся в галерее Фрир в Вашингтоне [Bahrami 1953], изготовленная для правителя Буидов. Медаль Фонда Марджани является прямой репликой, отлитой с золотого оригинала. Смытость и нечеткость некоторых деталей изображения дает основание полагать, что оригинал оттискивали в глиняную форму.

А. И. Торгоев

80

80

Наконечник пояса

Хорасан

Не ранее середины IX – X в.

Белая бронза; литье

Длина 7,2 см, ширина 2,7 см, высота 0,8 см

Найден на р. Канда (притоке Сосьвы), Свердловская обл.

Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-331

Публикуется впервые

Этот удлинённый литой поясной наконечник интересен прежде всего композицией: всадник, борющийся со странным хвостатым существом. Форма этого наконечника имеет прямые аналоги в культурах Центральной Азии, показательное наличие двух фестонов в нижней части при переходе к треугольному окончанию и крыло-видный вырез сверху. Наконечники такой формы известны не раньше, чем с середины IX в., наиболее широко использовались они в X в.

Композиция начинается в верхней части наконечника и развивается слева направо. В центре композиции изображен скачущий всадник. Слева на всадника наступает большая антропоморфная фигура с хвостом и рогами, протягивая к нему руки. Справа на коня набрасывается тигр, фигура которого показана свернутой в полукольцо.

Ключом к прочтению композиции является антропоморфная фигура с большой головой, хвостом и рогами, в которой легко узнать дэва. Следовательно, борющийся с ним всадник – ге-

рой иранского эпоса «Шахнаме», Рустам, самый любимый из героев, или другой борец с дэвами.

В изображении всадника, помимо колчана и булавы, бросается в глаза вертикальный ремень, отходящий от середины ремня подхвостника. Ремни, отходящие от подхвостника, известны на золотой буидской медали из галереи Фрир [Bahrami 1953. Fig. 1] и на настенной живописи Нишапура [Wilkinson 1986. P. 206–207. Figs. 2.39, 2.40], они характерны именно для снаряжения коня Ирана саманидской эпохи.

Сюжет и детали изображения свидетельствуют о том, что этот поясной наконечник, как и весь утраченный набор, в который он входил, был изготовлен в Иране, вероятнее всего, в Хорасане.

А. И. Торгоев

81

Пара браслетов

Восточный Мавераннахр

XI – начало XIII в.

Серебро; скань

Ширина 7,5 см, высота 6,0 см

Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-92

Публикуется впервые

Оба браслета с разомкнутыми концами свиты в жгут из четырех относительно толстых, круглых в сечении проволок. К концам браслеты сужаются, средняя часть их толще. В промежутках между проволоками основы проложены тонкие перевитые проволочки. Еще более тонкие проволочки, также в технике скани, образуют плотную навивку у концов браслетов, сами концы оформлены в виде сильно стилизованных головок змей. Сходство с ними достигнуто за счет относительно крупных, спирально навитых сканых проволочек, которыми показаны глаза.

Витые серебряные сканые браслеты являются одним из наиболее узнаваемых и достаточно часто встречаемых женских парадных украшений эпохи Караханидов. Больше всего находок таких браслетов известно в Ташкентской области и по Средней Сырдарье. Согласно последней сводке [Сверчков 2000. С. 7] – это несколько десятков находок. Помимо Ташкентской области их находки известны в Семиречье [Кожемяко 1959. Табл. XV, 12; Байпаков, Савельева, Чанг 2005. Рис. 169; Камышев 2012. Ил. XXXVIII] и Фергане [Малтаев 2004].

Исходя из частоты находок на Средней Сырдарье можно относить производство витых серебряных браслетов к продукции ювелиров из городов, расположенных в бассейне этой реки. Высококачественное серебро, которое шло на чеканку монеты и изготовление украшений, добывалось в горах Чача – рудничной области Илак.

Наиболее ранние твердо датированные браслеты такого типа происходят из монетно-вещевого клада, найденного в 1900 г. в местности Сайрам-Су недалеко от Чимкента. По найденным в кладе монетам его твердо датируют в рамках второй четверти XI в. В состав этого клада, помимо других, весьма многочисленных, серебряных украшений, входило восемь целых витых сканых браслетов и множество обломков [Спицын 1906. С. 252]. Примерно тем же периодом датируются и витые браслеты, найденные в процессе археологических раскопок. Сейчас известны два подобных браслета из датированных слоев.

81

Первый найден при раскопках одной из усадеб рабада Краснореченского городища в Чуйской долине, датированной XI–XII вв. [Кожемяко 1967. Рис. 12, 16]. Второй происходит из слоя большого пожара в замке Мык в горной Уструшане (Джизакская обл., Узбекистан). Пожар, уничтоживший замок, по монетным данным относится к третьему десятилетию XI в. [Сверчков 2000. С. 6]. Таким образом, сейчас с достаточной долей уверенности можно относить появление таких браслетов ко времени не ранее начала XI вв.

Самые поздние датированные браслеты такого типа были найдены в округе Отрара, в кладе ювелира конца 60-х гг. XIII в. [Байпаков, Настич 1981. С. 24–25. Рис. 3, 1, 5; 4].

А. И. Торгоев

82

82 Браслет

Мавераннахр, переделка в кочевой среде
X–XI вв.
Бронза; гравировка
Диаметр 5,1–3,6 см, ширина полосы 3,7 см
Найден в Прииртышье
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-340
Публикуется впервые

Браслет согнут ковкой из куска бортика латунной чаши. Сама чаша, вероятнее всего, была изготовлена в Мавераннахре в X – первой половине XI в. Судя по форме букв и точечному фону между ними, первоначально она походила на серебряную чашу из Барсова городка [Смирнов 1909. № 145; Даркевич 2010. Табл. 36, 8]. Очевидно, она попала к каким-то кочевникам (гузам или кимакам), которые имели постоянные контакты со среднеазиатскими государствами, и из нее был изготовлен женский браслет. Человек, вырезавший заготовку браслета из разбитой чаши, понимал смысл надписи. Почти целиком сохранились два слова: *Баракат* и *Саламат* (?).

Привозные металлические сосуды высоко ценились в среде кочевников. Случаи, когда из разбитых сосудов изготавливали украшения, были известны и ранее, [см. Камышев 2012. Ил. XLVIII]. В XI в., в годы усиления созданных кочевниками государств – Караханидского и Сельджукского, – степняков в значительной степени затронул процесс исламизации. В качестве агитационных

83

носителей новой религии выступали ременные украшения с арабскими надписями, утверждающими единобожие и выражающими благожелания носителям. Браслет, видимо, предназначался для человека, исповедующего ислам.

А. И. Торгоев

83 Перстень-печать

Мавераннахр
X–XIII вв.
Серебро, железняк; литье, позолота
Диаметр шинки 1,8 см, длина щитка 1,7 см, ширина 1,1 см
ГЭ, инв. № СА-8224
Публикуется впервые

Подовальный щиток включает вставку и несет гравированную арабскую надпись в одну строку: «Избавь от забот, даже если они сыплются горстями (?)» (чтение О. М. Ястребовой).

Оформление шинки перстня выступами, украшенными растительным орнаментом, обычно для постмонгольского периода. Однако почерк надписи на вставке характерен для более раннего времени.

А. В. Омельченко

84

84 Подвеска-лунница

Мавераннахр
XII – начало XIII в.
Бронза; литье, пайка, гравировка
Длина 7,1 см, ширина 6,4 см
ГЭ, инв. № СА-12971
Публикуется впервые

Очевидно, что мода на подвески-лунницы, или, как их еще называют, подвески в форме полумесяца, пришла в саманидский Мавераннахр из Ирана, где они широко известны уже в раннеисламский период [Allan 1982. P. 32. Cat. № 62–64]. Литые подвески-лунницы были одним из наиболее характерных украшений X–XII вв. В Пайкенде в слое начала XI в. была найдена лунница на одной низке с бусами, что говорит о том, что лунницы могли составлять с ними единый гарнитур.

Данная лунница отличается от большинства подвесок этого типа крупными размерами и орнаментом. Орнамент лицевой стороны литой, только доработан гравировкой. В центре орнаментальной композиции, симметрично развернутой в две стороны, изображен процветший трехлепестковый побег, от низа и верха которого в обе стороны отходят двойные ветви, которые ближе к концам сходятся, образуя трилистник, боковые ветви которого сделаны в виде трехчастных полупальметт с ямками на лепестках. Между ветвями трилистника, с обеих сто-

рон от центрального ствола, заключены по две миндалевидные фигуры. Этот мотив орнамента и сейчас чрезвычайно популярен на всем Среднем Востоке. Его фиксируют на украшениях, деталях ременных гарнитур начиная с XII в.

С тыльной стороны литая подвеска закрыта припаянной пластиной, вырезанной по ее контуру, которая также украшена, но гравировкой. В центре этой пластины находится круглый медальон, образованный овальными звеньями «цепочечного» орнамента, внутрь которого вписана крестовидная розетка с четырьмя полукруглыми лепестками. От центрального медальона отходят в обе стороны два ствола с трилистником, боковые ветви которого закручены почти в кольцо и оканчиваются мелкими пальметтами. Мотив медальона с розеткой довольно часто встречается на глазурованной керамике XI–XII вв. Растительный же орнамент, сделанный довольно грубо, сближается с орнаментом на некоторых типах сосудов второй половины XII – начала XIII в. Видимо, и настоящая подвеска может быть датирована в этих пределах. Она является собой характерный экземпляр небольшого личного женского украшения, в котором соединилось несколько орнаментальных мотивов, бытовавших в среде ремесленников предмонгольского времени.

А. И. Торгоев

85

85 Зеркало

Мавераннахр
Вторая половина XI – начало XIII в.
Белая бронза; литье
Диаметр 7,9 см
ГЭ, инв. № СА-13752
Публикуется впервые

Центральное поле обратной стороны зеркала занято круговой сценой гона зайцев охотничьими собаками типа среднеазиатской борзой (тазы). Обрамление составляет псевдоэпиграфический орнамент, характерный для времени после середины XI в.

Сюжет гона зверей довольно часто встречается в художественном металле XII в., он является одним из показателей смены стиля в прикладном искусстве, которая началась во второй половине XI в. Таких же борзых, абсолютно аналогичных по стилю, можно видеть и в настенной живописи Афрасиаба второй половины XII – начала XIII в. [Karev 2004. P. 69. Fig. 16]. Животные изображены изящнее и с большим динамизмом, чем в предшествующий период.

Подобные зеркала отливали во многих городах Средней Азии по образцам, завезенным, по всей видимости, с Ближнего Востока. Импортные зеркала с хорошим, четким высоким рельефом [см., напр.: Байпаков, Савельева, Чанг 2005. Рис. 180] отливали в формах, вырезанных из мягких пород камня, способных выдерживать большое количество отливок. Такие формы готовили специальные мастера-резчики.

Настоящее зеркало следует считать репликой привозного. Несмотря на относительную четкость рисунка, хорошо заметен пролив металла в форму в изображении одной собаки, а также смазанность некоторых букв подражания надписи в обрамлении. Эти факты, наряду с низким рельефом, говорят о том, что зеркало отливали в глиняной форме, для изготовления которой была сделана восковая модель. На всех импортных ближневосточных зеркалах надпись читаема, здесь же она псевдоэпиграфическая – еще одно свидетельство того, что восковую модель изготовлял мастер-подражатель. Этот способ изготовления более дорогой, обычно для производства реплик достаточно было оттиснуть в заготовке створки глиняной формы хороший экземпляр импортного изделия. Близкое описываемому зеркало с сюжетом гона зверей, форма для которого сделана таким образом, найдено на Краснореченском городище [Байпаков, Терновская, Горячева 2010. Рис. 210]. Исламское население Средней Азии восприняло стиль и орнаментальные композиции, пришедшие с Ближнего Востока, и на местах стали изготавливать большое количество подражаний импортным дорогим вещам. Этот процесс очень широко распространился в среде городских ремесленников, работавших на массовый спрос.

А. И. Торгоев

86 Бусы

Мавераннахр и Иран
VII – начало XIII в.
Сердолик, халцедон, гагат, лазурит, змеевик, гранит
Длина низки 49,5 см
Собраны на Афрасиабе
ГЭ, инв. № СА-12183
Публикуется впервые

Это искусственно собранная низка бус, в которой преобладают бусины X–XII вв. В X–XI вв. в среде городских жителей были очень популярны бусы из гагата, наряду с ними традиционно использовался набор сердоликовых бусин, обычно многогранной формы. Крупные бусины, выточенные из лазурита, чаще всего встречаются в слоях XI – начала XIII в. Стекланные бусины использовали мало, так как в Средней Азии, в отличие от Восточной Европы, их практически не производили, и моды на них не было.

А. И. Торгоев

86

87

87

Пуговицы

Мавераннахр
IX–XI вв.

Кость; токарный станок, полировка, гравировка

A – высота 0,5 см, диаметр 2,2 см;

B – высота 0,7 см, диаметр 2,0 см;

C – высота 0,9 см, диаметр 2,1 см;

D – высота 0,8 см, диаметр 1,8 см;

E – высота 0,9 см, диаметр 0,6 см

Найдены в Средней Азии

ГЭ, инв. №: A – CA-13718; B – CA-13719; C – CA-13720;

D – CA-13722; E – CA-13723

Публикуются впервые

Круглые, обычно полусферические или трапециевидные в профиле, костяные пуговицы с отверстием в центре, украшенные чаще всего циркульным орнаментом, встречаются практически во всех населенных пунктах Мавераннахра саманидского и более позднего времени. Очевидно, что они использовались как застежки верхней плечевой одежды. Изготавливали их преимущественно из трубчатых костей крупного рогатого скота, на токарном станке.

Известны экземпляры разъемных пуговиц, их иногда красили и покрывали лаком. Украшали их и гравированным орнаментом, основным элементом являлся вырезанный мелким циркулем кружок. Из циркульных кружков, часто в сочетании с гравированными линиями, формировались орнаментальные композиции, как правило, разного рода розетки, но известны и составленные кружками благожелательные надписи на арабском языке [МБАЭ 2006. Вып. VII. Рис. 62, 5].

А. И. Торгоев

88

Гребень

Мавераннахр

X–XI вв.

Кость; резьба

Высота 4,5 см, ширина 3,7 см

Найден на Афрасиабе

ГЭ, инв. № CA-12236

Публикуется впервые

Гребни с овальной спинкой довольно широко распространены в культуре IX–XII вв. Чаще всего их делали из крепкой древесины урюка, но костяные гребни также нельзя назвать редкостью, их изготавливали из трубчатых костей крупного скота или рогов. Как и в случае с пуговицами, гребни украшались гравированным орнаментом, основным элементом которого также были циркульные кружочки. Косторезное ремесло было развито в городской среде Мавераннахра; так, мастерская по обработке рога и кости конца IX – первой половины X в. была раскопана в Пайкенде.

А. И. Торгоев

88

Е. Г. Некрасова, А. И. Торгоев

БУХАРА И БУХАРСКИЙ ОАЗИС В ЭПОХУ ИБН ФАДЛАНА

Культура Саманидов по своей природе была культурой преимущественно городской, а столичный город Бухара начиная с саманидской эпохи величался не иначе, как *Бухоро-и Шариф* – «Благословенная Бухара».

Осенью 921 г. в Бухару прибыло посольство Ахмада ибн Фадлана. Путешественников встретил Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ал-Джайхани, или, как его называли, шайх-опора, – известный географ и везир малолетнего саманидского амира в первые годы его правления. В Бухаре посольство пробыло 28 дней, получило аудиенцию у юного амира Насра II ибн Ахмада (914–943), известного как амир Саид («Счастливый амир»). Он был сыном убиенного амира Шахида Ахмада ибн Исмаила ас-Самани (907–914) и внуком амира Исмаила ибн Ахмада ас-Самани (892–907) – первого верховного правителя династии Саманидов.

Ибн Фадлан приводит сведения лишь о роли в бухарской торговле неполноценных дирхамов *ал-гитрифи*, состоявших в основном из меди, которыми выплачивали калым за невесту, вели расчет при покупке недвижимого имущества и рабов. И ни слова о самом городе.

Между тем к началу правления династии Саманидов Бухара уже имела тысячелетнюю славную историю и была одним из оплотов ислама. Ее называли *Куббат ал-Ислам* – «Купол ислама». Выбор столицы, по словам географа и путешественника ал-Истахри (ок. 849/50–934), предопределило географическое положение Бухарского оазиса между Хорасаном и Мавераннахром. Саманидская Бухара превосходила по величине города Средней Азии и многие города Ближнего Востока. Правители мало что изменили в структуре города,

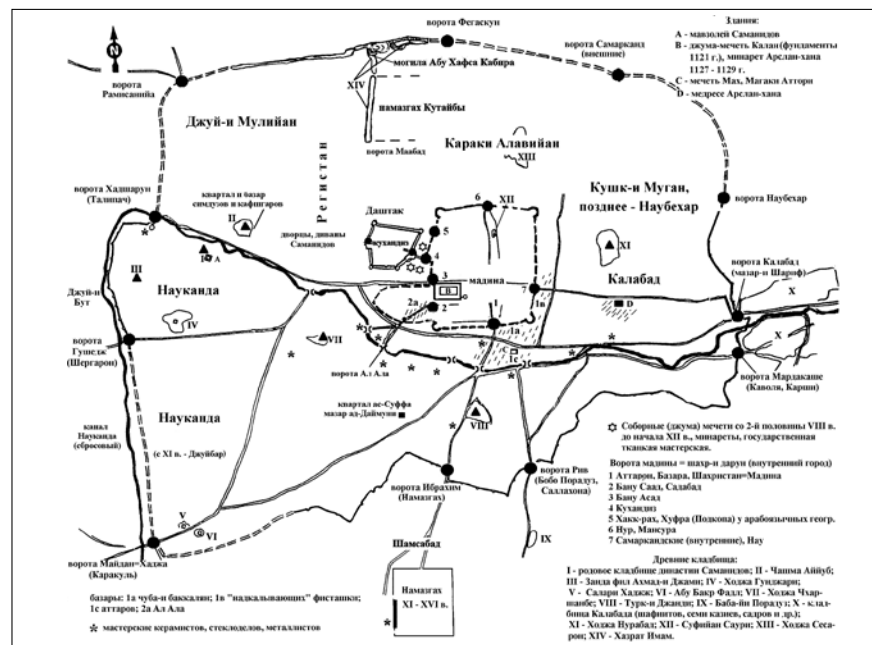
но потратили немало усилий на строительство и благоустройство.

Город состоял из трех хорошо укрепленных и обведенных рвами частей. Главная резиденция династии располагалась в крепости – цитадели (*диз*, *кухандиз*, *хисар*, *арк*), собственно город – *шахристан* (*шахри дарун*, т. е. внутренний город, арабск. *мадина*) находился к востоку от нее. Русло главного канала Шахруд (в древности Руд-и Зар) располагалось к югу от этих двух частей, рассекая с востока на запад территорию пригорода – *шахри бируна* (внешнего города, арабск. *рабад*). Крепостная стена внешнего города была отстроена предшественниками Саманидов Тахиридами и охватывала ок. 700 га. Городская застройка как бы пульсировала на этой территории: наибольших размеров она достигла при Саманидах и резко сократилась в начале XIII в.

В стенах внешнего города находилось 11 ворот. В западной стене располагались ворота Площади – Майдан или Хадджа, от них начинался тракт на Пайкенд, а затем на Хорасан и далее к святыням ислама – городам Мекки и Мадины. Через эти ворота въехало, а затем покинуло Бухару посольство Ибн Фадлана. Ворота Гушедж выходили на тракт к Варахше, ворота Хадширун – на дорогу к саманидскому намазгаху, перенесенному с территории города во 2-й половине X в., и селению Сумитан. В северной стене располагалось трое ворот: Рамисанийя (от них начинался тракт на Хорезм), Фегасгун и Самаркандские внешние (от них начиналась *шахи-рох* – царская дорога на Самарканд и Мавераннахр). В восточной стене также было трое ворот Наубехар, Калябад и Мердкуша, двое последних выходили на тракт в Насаф, Термез и Балх. В южной

Мечеть Магоки Аттари
в Бухаре. X, XII, XVI вв.
Фотография Е. Г. Некрасовой, 2014 г.

Бухара в конце IX – начале XIII в. Схема Е. Г. Некрасовой

стене было двое ворот: Ибрахим (с 1-й половиной XI в. Намазгах) и Рив.

При Саманидах на территории цитадели размещались: дворец, здания мечети и диваны (канцелярии), сераль, сокровищница, библиотека, тюрьмы, жилища охраны, ювелирные и ремесленные мастерские. На полах производственных и хозяйственных помещений были устроены сложной конструкции *ташнау* для сброса использованной воды и глубокие вертикальные колодцы для мусора – *бадрабы*. По их содержанию – великолепной бытовой керамике, стеклу, фишкам для игр, флаконам с красками, монетам – вьювь, а не по описаниям современников, можно судить об уровне культуры при дворе Саманидов. В одном из таких бадрабов была найдена бирюзовая именная печать Ахмада ибн Исмаила, отца Счастливого амира. На ней с большим мастерством зеркально вырезано имя владельца. Существенным недостатком жизни в крепости было отсутствие воды; ее, как и в поздние времена, доставляли сюда водоносы в керамических кувшинах либо кожаных мешках.

Цитадель имела двое еще досаманидских ворот, соединенных дорогой: западные – Регистан выходили на одноименную площадь; восточные – ворота Соборной мечети (ранее Гурийан – «Ворота могилы»), в них находилась

святыня, *мазар* мифического основателя крепости Сийавуша) были обращены к шахристану.

Шахристан располагался в 60–80 м от цитадели и занимал 28–30 га. Исторически он делился на четыре части, границы которых мы и сейчас можем восстановить благодаря рельефу местности. По периметру город был окружен очень прочной крепостной стеной. Ал-Истахри сообщает: «В Мавераннахре и Хорасане нет более плотно застроенного и такого плотно заселенного города, как Бухара».

В письменных источниках можно найти лишь скудные сведения о древних мечетях на территории шахристана. Вероятно, они функционировали и в X в. В юго-западной части города мечеть Бану-Ханзала заняла место христианской церкви, здесь же неподалеку находилась мечеть Бану-Са'д, а в северо-западной четверти шахристана – мечеть Корейшитов. В северо-восточной части располагалась мечеть Бану Хамдам, в которой молился знаменитый арабский богослов Суфийан ас-Саури (ум. 776–777), приезжавший в Бухару по делам. Его мазар и в наши дни находится как раз в этой части шахристана, на небольшом кладбище, носящем его имя и примыкавшем к квартальному центру Суфийан, в XIX – начале XX в. – гузар Туп-хона. В этом же районе находилась старая мечеть на Сиккат ад-Дихкан, или улице Дихкан.

Улицы от ворот вели в центр шахристана, к пониженной в рельефе торговой площади. До наших дней сохранился купол Таки Заргаран, отмечавший с XVI в. перекресток основных магистралей *хисар-и кадима* (старого города – название бывшего шахристана), но они не соответствуют улицам X в. Городская топография значительно изменилась после монгольских погромов XIII – начала XIV в., исключая район пятничной мечети Арслан-хана (позднее Калон), где до сих пор существует дорожная магистраль вдоль северного фасада, появившаяся после строительства мечети в 1121 г.

В стене шахристана было семь ворот, названия некоторых в разное время менялись. Если жизнь в крепости и внутреннем городе, находившихся на возвышенности, была недостаточно комфортной из-за отсутствия проточной воды, то по территории внешнего города

Бухара, общий вид с цитадели – арка на шахристан. Фотография Е. Г. Некрасовой, 1970-е гг.

(рабада) были проложены многочисленные каналы, выведенные из Руд-и Зара, из них по подземным каналам вода поступала в бассейны – *хаузы*. Обширная территория рабада состояла из нескольких районов, различных по времени освоения, качеству и плотности застройки. Они описаны в «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи.

Древнейшей частью рабада была площадь Регистан, возникшая, надо полагать, одновременно с крепостью. Здесь задолго до Саманидов находились дворцы падишахов. Счастливый амир Наср II ибн Ахмад приказал возвести на Регистане дворец, а у его ворот – здания диванов, переведенных из цитадели. Был отстроен диван везира, второго лица после амира в администрации Саманидов. Ему подчинялись все остальные диваны: *мустауфи* (начальника финансов); «столпа власти», ведавшего важной правительственной документацией и внешними связями; военного начальника, в чьем ведении была личная гвардия амира, вопросы военной стратегии и безопасности; диван начальника почты занимался доставкой государственной почты и одновременно следил за местными правителями и чиновниками; диван *мушриф* (наблюдателя) контролировал доходы и расходы казны и др.; диван государственных имуществ ведал государственными землями; в обязанности дивана

на *мухтасиба* (начальника полиции) входил надзор за рынками, весами и ценами и проч.; диван *вакфов* ведал дарственными землями и другим имуществом религиозных учреждений; в отдельную канцелярию был выделен диван судей.

В северной части внешнего города, на пути господствующих северо-северо-западных ветров, находились лучшие в климатическом отношении земли. Сюда не попадали дым и гарь жилых кварталов и ремесленных мастерских, расположенных южнее. В северо-западной части располагался район Джуй-и Мулийан, благоустроенный амиром Исмаилом Самани. По словам Наршахи, это была лучшая местность в Бухаре, похожая на рай, вся застроенная дворцами, парками, цветниками и садами. Здесь устроили сложную систему пересекающихся каналов, проведенных в разных направлениях к лужайкам и цветникам. С районом Джуй-и Мулийан связан полуанекдотический эпизод из жизни амира Насра II ибн Ахмада. Однажды амир отправился в Герат и был так пленен его красотою, что остался там на целых четыре года. Придворные были чрезвычайно огорчены этим и попросили «Адама поэтов» Рудаки сложить такую касыду о Бухаре, которая пробудила бы в Насре ибн Ахмаде желание вернуться домой.

Однажды утром Рудаки взял чанг и запел:

Запах Джуй-и Мулийана идет ко мне,
Помню друга наяву я и во сне,
Как по шелковой пройду я пелене,
Ширь Джейхуна не страшна, могучий конь
Пронесет меня по всякой глубине.
Будь веселой и счастливой, Бухара,
И на небе подобает быть луне,
Сад цветущий – Бухара, и тополь – шах,
Расцветает в том саду он по весне,
Пользу слава и хвала тебе несут,
Если даже и ущерб идет казне.

(Перевод Г. В. Птицына)

Низами Арузи сообщает, что амир разволновался и, не дослушав касыды до конца, вскочил в чем был на серого коня и поскакал к Бухаре, так что шаровары и сапоги «догнали» его только на следующей стоянке. И потом до самой Бухары он не делал остановок.

В северной части площади Регистан в пригороде, на восточной границе с местностью Джуй-и Мулийан граничил намазгах, основанный еще арабским наместником Хорасана и полководцем Кутайбой ибн Муслимом ал-Бахили (704–715). Вероятно, после смерти факиха Абу Хафса ал-Кабир ал-Бухари (ум. 832) с северной стороны намазгаха было организовано привилегированное кладбище, где нашли упокоение сам Абу Хафс, его сын и ученики. Там же находились мнимые могилы (*кадам-джой*) сподвижников пророка: Абу Саида Абана ибн Усман ибн Аффана (сына халифа Усмана, ум. 705), и Абдаллаха ибн Аббаса (ум. 687) и др. Сведения средневековых источников подтвердились найденными здесь остатками поминальной мечети, фрагмента эпиграфики из резного ганча, окаймлявшего, вероятно, портал усыпальницы, и древних керамических надгробий, на одном из них сохранилось имя сына Абу Хафса Кабира – Абу Хафс Сагир (ум. 875).

Вплоть до 970–971 гг. здесь было место праздничной молитвы, затем его перенесли за пределы внешнего города, туда, где проходила дорога в селение Сумитан. Однако западная стена (*кибла*) намазгаха считалась священной и не была снесена. В конце X – XI в. на ней появились захоронения, а со временем сложилось многоярусное кладбище Хазрат Имам. Много позднее здесь вырос архитектурный ансамбль,

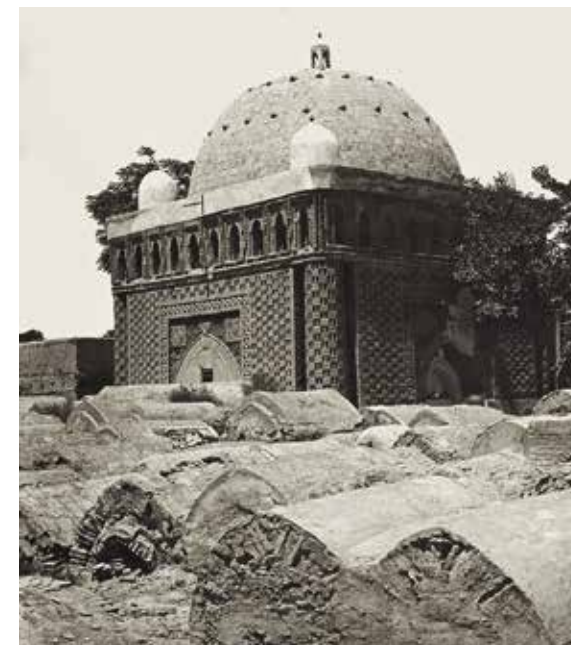
основанный Амиром Тимуром. До наших дней Хазрат Имам остается привилегированным действующим кладбищем и одним из наиболее почитаемых мазаров в Бухаре.

Со второй половины VIII в. большое значение приобрела местность между цитаделью и внутренним городом. Сюда из крепости была перенесена соборная мечеть. В 290/902 г. амир Исмаил выкупил здесь жилые дома и увеличил размер соборной мечети в три раза. В начале правления Счастливого амира – Насра б. Ахмад б. Исмаила – соборная мечеть два раза обрушалась (в первый раз во время богослужения в месяц рамадан погибло много народа), и восстанавливалась. Возле нее везир Абу Абдаллах Джайхани в 306/918–19 г. построил на свои средства минарет с деревянным верхом, сгоревшим, как и мечеть во 2-й половине XI в. при взятии Бухары Караханидом Насром Шамс ал-Мулком (ум. 472/1079–80).

Рядом с соборной мечетью находилась государственная ткацкая мастерская. В ней ткали для халифа узорчатые занавеси, ковры, покрывала, молитвенные коврики и т. д.

Каждый год из Багдада приезжал специальный чиновник и увозил продукцию на сумму, которая якобы составляла *харадж* (налог) Бухары. В Сирии, Египте и Византии пользовались большим спросом особые бухарские ткани красного, белого и зеленого цветов, но позднее они были вытеснены бумажной тканью *занданачи*. В мастерских саманидских амиров изготавливали *тиразы* – специальные подарочные ткани с вышитой либо вытканной декоративной надписью, содержащей имя правителя, дату и место изготовления. Благодаря надписям, они были знаком отличия, и их выпуск по степени политической значимости приравнивался к *хутбе* (произносимой имам-хатибом в соборной мечети перед проповедью, с упоминанием имени халифа и правителя города) и чеканке монет.

К юго-западу от Регистана, на левом берегу канала Руд-и Зар, начиналась местность Науканда, занятая в основном частными садами, бахчами и виноградниками. В ее северной части в конце IX в. основали династическое кладбище Саманидов, называвшееся позднее Чхар гумбезан («Четыре купола»), вероятно, по количеству возведенных здесь мавзолеев.

Местность Науканда упомянута в «Истории...» Наршахи в связи с захоронением здесь отца Счастливого амира, убитого гуламами в Фаробе в январе 914 г. До наших дней здесь сохранился мавзолей Исмаила Самани, возведенный в конце IX в. В нем обнаружено несколько захоронений, вероятно, перенесенных сюда из разрушившихся зданий. На восточном фасаде мавзолея, над аркой входа, к перемычке дверного проема прибита коваными штырями доска из арчи. Еще лет 50–60 назад на ней можно было разобрать фрагмент арабской вязи, выполненной почерком *куфи*: ...*Наср ибн Ахмад ибн Исмаил*. Поблизости, к юго-западу от саманидского кладбища, находился еще один некрополь – Зинда фил Ахмади Джамии, основанный также в X в. На юге местность Науканда доходила до кладбища Салар-и Хадж и дороги, ведущей к воротам Майдан.

При Саманидах торгово-ремесленная часть рабада перешла на левый берег Руд-и Зара и располагалась вдоль его среднего течения. Здесь находились мастерские керамистов, стекольщиков и металлостов. Жилая застройка расширялась в юго-западном, южном и юго-восточном направлениях вдоль и между магистральных улиц, ведущих к воротам в стене внешнего города.

У южных ворот внутреннего города, в районе мечети Мах, или Аттаран, возведен-

ной на месте языческого храма, уже сотни лет располагался главный экономический центр города – базар – продолжавшийся вдоль восточного фасада стены мадины до Самаркандских внутренних ворот. Здесь находились ряды бакалейных и фисташковых лавок-дуканов, пассажи, базары менял, торговцев тканями и обувью, медресе Парчак, или Фарджак, с прекрасной библиотекой. Здесь еще сохранялся древний языческий обычай, удивлявший Наршахи. В два годовых праздника на базаре торговали идолами. Вероятно, в это время продолжал существовать и обычай посещения бухарскими мугами «мазара Сийавуша вали» в восточных воротах крепости. В день нового года перед восходом солнца каждый мужчина закалывал у могилы петуха. В городе слагались траурные песни об убиении Сийавуша, певцы называли их «плачем мугов». Во время правления Счастливого амира в начале лета 325/937 г. в Бухаре произошел большой пожар, в котором сгорели все эти базары, медресе Фарджак и мечеть Мах. По словам Наршахи, жители Бухары потерпели убыток более чем на сто тысяч дирхамов, но так и не смогли восстановить здания в прежнем виде.

В 1-й половине X в. в государстве Саманидов усилилась пропаганда карматов. Существовавшая в государстве свобода в вопросах религии способствовала распространению

Мавзолей Исмаила Самани в Бухаре. Конец IX в. Фотография Э. Кон-Винера, 1924 г. Архив ИИМК РАН, инв. № II 7296

Мавзолей Исмаила Самани в Бухаре. Современное состояние Фотография Е. Г. Некрасовой, 2014 г.

карматских идей среди приближенных амира. Приверженцами этого течения исмаилизма стали *раис* («глава») Бухары, секретарь-письмоводитель, начальник финансового ведомства, поэт Рудаки и многие другие во главе с самим Насром ибн Ахмадом. Однако противниками карматов выступили мусульманское духовенство и тюркская гвардия – опора официальной религии Саманидов, ислама суннитского толка. Они организовали заговор с целью свержения не только амира, но и династии Саманидов. Спасая династию, Наср ибн Ахмад был вынужден отказаться от престола в пользу сына Нуха ибн Насра (943–954) и вскоре умер при загадочных обстоятельствах, не достигнув и 40 лет. После смерти Счастливого амира начался закат династии Саманидов.

Если о структуре самой Бухары мы можем судить по данным письменных источников, лишь в малой степени проверенным археологическими исследованиями, то результаты раскопок в Пайкенде дают нам представление о том, как выглядел город саманидского времени. Надо отметить, что раскопки в Бухаре сопряжены с гигантскими трудностями, так как это живой город, не менее полутора тысяч лет не менявший места своего расположения. Слои саманидского времени значительно пострадали от многочисленных позднейших перекопов, перестроек, и более того, вследствие изменения водного баланса, они сейчас находятся ниже уровня стояния грунтовых вод.

Пайкенд – город на самой западной окраине Согда, в 60 км к западу от Бухары, пограничный пункт на хорасанской границе. Недалеко от Пайкенда в древности сливались две великие согдийские реки – Зеравшан и Кашкадарья, через него проходила дорога из Мерва в Самарканд, известная как «Дорога Царей». Путь к Пайкенду шел через город Амуль, в котором издревле был известен удобный переход через Джейхун – Амударью. Дальше от селения Фараб, уже на правом берегу Амударьи, до Пайкенда оставалось два дневных перехода. Именно этой дорогой в 921 г. и прошел Ибн Фадлан. Пайкенд невозможно было миновать по пути из Хорасана в Согд. И на север, и на юг от русла Зеравшана ранее простирались безводные пески. «Дорога Царей», проходящая вдоль русла Зеравшана, сформировалась как

основная магистраль уже в кушанское время, и ныне она является главной трассой, связывающей Узбекистан с Туркменистаном.

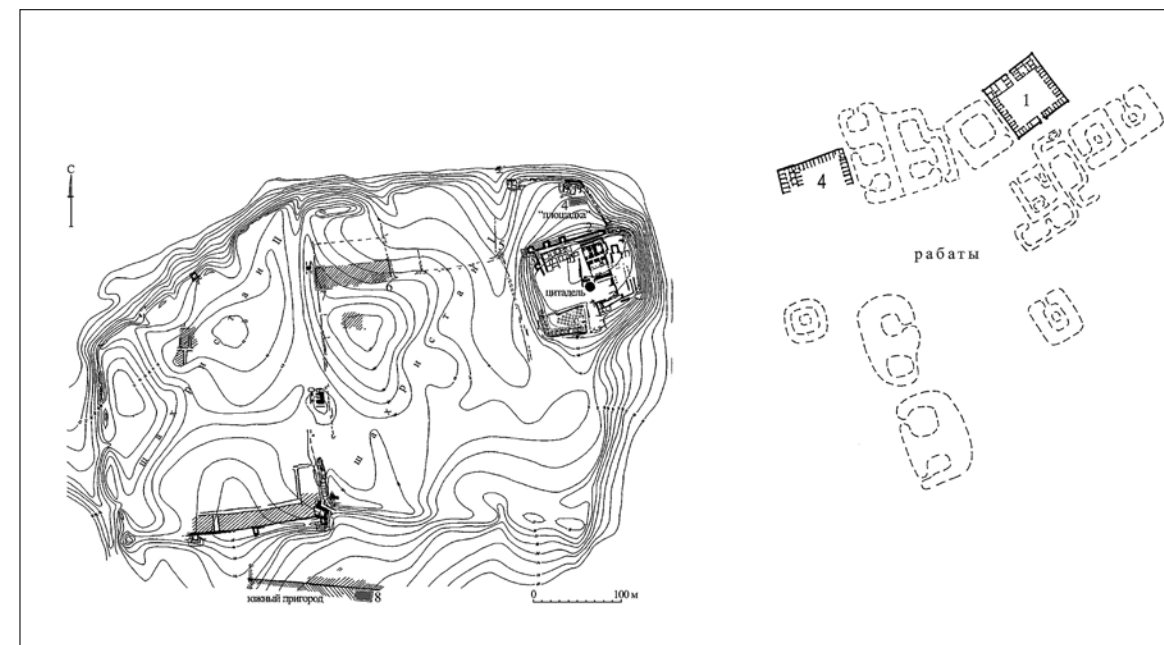
Городище Пайкенд интересно прежде всего тем, что это наиболее исследованный средневековый город в Бухарском оазисе. Город был оставлен около середины XI в., когда до него перестала доходить вода Зеравшана, и как городской организм на прежнем месте уже не возродился.

В эпоху Ибн Фадлана Пайкенд был крупным городом. Он состоял из цитадели, которая к тому времени в значительной мере потеряла оборонительные функции, двух шахристанов и обширного пригорода, по большей части состоявшего из караван-сараев.

В цитадели находилась большая мечеть саманидского времени, расчищены остатки минарета, построенного из того же сырцового кирпича, что и мечеть. Также были исследованы помещения складского и хозяйственного назначения. Возможно, что в начале правления Саманидов еще функционировал старый дворец Бухархудатов с большим залом приемов и обширным двором.

В саманидское время не строили крепостных стен; известно высказывание Исмаила Самани: «Я стена Бухары», подразумевавшего под этим мощь саманидского государства. В эпоху Исмаила Самани велись преимущественно наступательные войны. Однако в Пайкенде, большом торговом городе на границе песков, существовала постоянная опасность грабительских набегов степняков, поэтому последние ремонты оборонительных стен цитадели также следует относить к саманидскому времени.

Городское пространство Пайкенда состояло из сложившихся в VI в. двух шахристанов, пристроенных друг к другу, общей площадью 19 га. Но стена между шахристанами в саманидское время уже перестала существовать, и пространство между ними начало активно застраиваться. Основным элементом хорошо продуманной планировки города, восходящей к раннему средневековью, являлись вытянутые прямоугольные кварталы. Все обнаруженные перекрестки улиц Т-образные, ни одного крестового; единой направленности кварталов не выявлено, хотя большинство

из них вытянуто по оси восток–запад. Вдоль крепостных стен проходили магистральные улицы, на них располагались торговые ряды и лавки ремесленников.

Каждый квартал состоял из жилых домов и общественных сооружений. В большом квартале у южной стены шахристана II было раскопано два больших общественных здания и 12 частных. Нехватка места в городе, ощущавшаяся еще в доисламскую эпоху, диктовала и тип построек. Так, дома X–XI вв. обычно узкие, не более 4–5 м шириной, вытянутые по короткой стороне квартала, состоят из 3–4 комнат. В них может не быть кухни, но обязательно есть комната с водопоглотительным устройством – ташнау, для обязательных омовений.

Общественные сооружения определяются большей площадью, наличием крупных помещений. В таких постройках находились общественные кухни и квартальные мечети. Судя по всему, в Пайкенде существовала квартальная соседская община, и часть вещей, особенно дорогих, таких как большие металлические котлы, находилась в общественном пользовании. В саманидское время в городе начал ощущаться дефицит топлива и воды, и из соображений экономии были созданы общественные кухни, где устанавливалось несколько тандыров для выпечки хлеба и приготовления пищи.

В старогородской части исследованы остатки банно-прачечного комплекса.

У южных ворот города, находящихся в восточной стене шахристана II, раскопан большой участок базара. Лавки лепешечников соседствовали с лавками ремонтников посуды, косторезов, кузнецов. Это были постоянно действующие городские торговые ряды. Здесь же располагались приемные лекарей – *табибов*, которые принимали по записи. В одной приемной табиба, в яме ташнау, было обнаружено около 100 битых, использованных стеклянных аламбиков, применявшихся как кровососные банки. Способ лечения кровопусканием был подробно описан современником и земляком пайкендских лекарей, уроженцем бухарского селения Афшана Абу Али ибн Сина в знаменитом «Каноне врачебной науки».

Местом еженедельного базара служила большая, длиной более 50 м, открытая площадь у городских ворот. На юге вдоль нее тянулся караван-сарай, в котором останавливались люди из округа Пайкенда, привозившие товар на продажу. Очевидно, что на этом базаре торговали сельскохозяйственными продуктами, дровами, стройматериалами. В караван-сараях исследована гончарная печь X в., в которой обжигали игрушки – фигурки быков-зебу, использовавшиеся в праздник Нооруза.

План городища Пайкенд с окрестностями
Съемка Л. Ю. Кулаковой
с добавлениями
С. Д. Мирзаахмедова

Зимняя мечеть квартала, пристроенного к внешним стенам караван-сарая, расположенного перед южными городскими воротами. Раскопки БАЭ ГЭ. Фотография А. И. Торгоева, 2011 г.

В отличие от многих городов Мавераннахра, в Пайкенде не было выраженной торгово-ремесленной застройки – рабада, точнее, он не имел обводной стены и был застроен не усадьбами с садами и полями, а караван-сараями – рабатами. Большой куст караван-сараяев находился к востоку от цитадели, еще один – к югу от южных городских ворот, и остатки двух караван-сараяев отчетливо просматриваются на вершине холма у юго-западного угла городища. В настоящий момент практически полностью изучены два караван-сарая в восточном секторе и один у южных городских ворот.

Караван-сарай строились по определенному плану. В одном из таких караван-сараяев, вероятно, и ночевал Ибн Фадлан по дороге в Бухару. Существовало два основных типа внутренней планировки: 1) только однокомнатные секции и 2) преимущественно трехкомнатные секции. Трехкомнатная секция состояла из большого центрального помещения, в которое вел проход с улицы, и двух одинаковых помещений по бокам от центрального. Проходы в боковые помещения шли вдоль фасадной стены, ориентированной во внутренний двор. Как минимум половину центрального помещения занимала широкая *суфа* – эстрада, в которой чаще всего находились тандыры, служившие для приготовления пищи и обогрева

помещения. Собственно, на этой суфе и спали постояльцы. В боковых помещениях тоже могли находиться суфы, но эти комнаты не были жилыми, а использовались, видимо, чаще всего как складские. В одной из полностью раскопанных трехкомнатных секций караван-сарая у южных городских ворот в боковых помещениях находились ясли. Таким образом, можно полагать, что иногда в боковых помещениях содержали и тягловых животных – верблюдов, лошадей или ишаков.

Обычно в архитектуре караван-сараяев трехкомнатные секции чередовались с однокомнатными, не обязательно через одну. Последние чаще всего были жилыми, в них также находят тандыры. Источники сообщают, что в Пайкенде была своя милиция, которая охраняла караваны от нападений кочевников; видимо, она круглогодично базировалась в караван-сараях.

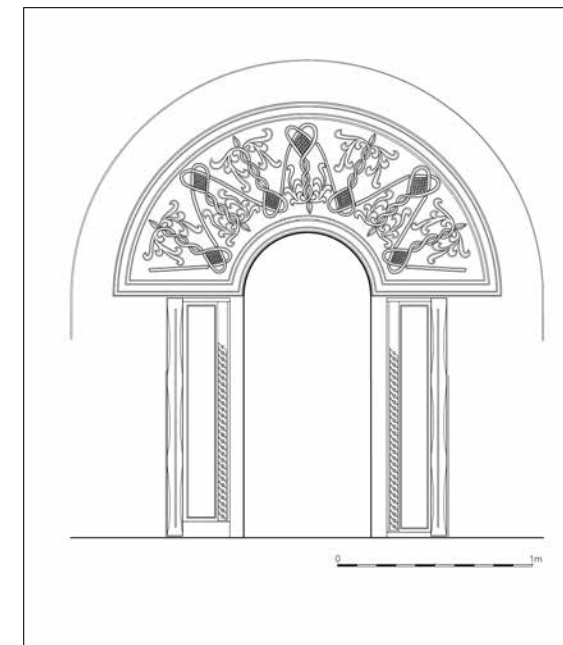
Трехкомнатные секции, характерные для караван-сараяев, встречаются и в других общественных постройках внутри крепостных стен.

Ремесленное производство в Пайкенде начала X в. поднялось на чрезвычайно высокий уровень. Основной квартал керамистов находился по берегам заболоченной протоки между цитаделью и восточными рабатами. В этом квартале производили только неглазурованную керамику. Мастерских было очень

много. Готовые изделия обжигали в круглых двухкамерных печах. Топочная камера такой печей была заглублена ниже пола, ее покрывал кирпичный купол, прямой верх которого служил подом загрузочной камеры. В поду находились продухи, через которые жар проникал из топочной камеры в загрузочную. Камеры были как большого диаметра (до 3 м), так и стандартного – 1–1,2 м. Рядом с печами и находились мастерские по производству посуды и предметов быта.

В начале X в. гончарство в Пайкенде уже имело строго обозначенную цеховую структуру. Цеха, как и на всем Среднем Востоке, состояли из одной фратрии, мастерство передавалось от поколения к поколению. Уровень конкуренции между гончарами был очень высок. В X в. гончары Пайкенда начали изготавливать и глазурованную посуду. Первоначальный импульс пришел из Ирана, где ее производство было известно уже в VIII в. Сначала, во второй четверти X в., стали изготавливать монохромную посуду, покрытую плотной свинцовой зеленой поливой (кат. 90–93). Еще раньше, вероятно, были опыты и по производству ишкорной поливы. Но последняя не нашла большого применения в быту. В настоящее время в Пайкенде известно два пункта, где велось производство керамики с зеленой поливой. В одном случае были исследованы остатки печи для обжига, находящейся в небольшом помещении в довольно крупном домовладении, возможно, сочетавшем функции мастерской и гостиницы. В этой печи происходил второй обжиг после покрытия уже обожженных изделий поливой. Первичный обжиг производился в обычных гончарных печах, далее уже готовые изделия покрывались жидкой поливой, которая после обжига становилась стекловидной.

Около караван-сараяев на востоке находилось одно из городских мусульманских кладбищ, недавно выявленное узбекско-французской экспедицией. В «Худуд ал-алам» о Пайкенде говорится, что в городе стоял мавзолей какого-то святого из Бухары. Вполне возможно, что он мог находиться на кладбище рядом с восточным блоком рабатов, так как и ныне там находится мазар Св. Саис-Бобо, почитаемого местным населением. Нынешний мазар представляет собой прямоугольную

сагану с тугом, сделанные совсем недавно, но, безусловно, на месте разрушившейся средневековой постройки.

В середине XI в. в связи с тем, что вода Зеравшана перестала доходить до Пайкенда, а колодцы, выкопанные в городе, не могли удовлетворить потребность города в воде, жители покинули его навсегда. В XII в. Караханид Арслан-хан попытался возродить Пайкенд, проведя к нему канал, но, истратив много вьюков сала и уксуса для размягчения каменной земли, на которой стоит Пайкенд, он отказался от этой идеи. Ас-Самани в XII в. застал на развалинах некогда цветущего города лишь несколько туркменских семей. Часть жителей Пайкенда переселилась в Бухару, где еще в начале XX в. существовал квартал Пайкенд. Жители квартала почти тысячу лет хранили имя занесенного песком города, откуда пришли их предки.

Алебастровый раскрашенный михраб зимней мечети квартала, пристроенного к внешним стенам караван-сарая перед городскими воротами. Реконструкция А. В. Кулиша

89

Гиря

Мавераннахр
Конец IX – начало X в.
Бронза, свинец; литье, гравировка
Высота 5,5, диаметр 7,5 см, вес 690 г
Средняя Азия, район г. Бухары (?)
ГЭ, инв. № СА-12733
Публикации: Дьяконов 1940. С. 165–176

Гиря изготовлена в виде полого усеченного конуса со слегка вогнутыми стенками; снаружи по краю – рельефный бортик, выделенный процарапанной чертой. В боку находится отверстие, закрытое свинцовой заклепкой. В три строки выгравирована арабская надпись той разновидности почерка *куфи*, что была характерна для деловых документов. М. М. Дьяконов прочитал ее так: «Клеймо эмира Исмаила ибн Ахмеда. Гиря... не полноценная (?), верная – Мухаммед ибн Али. Верная». Первым упомянут Исмаил Самани (893–907), основатель независимого от Арабского халифата государства с центром в г. Бухара. Второе имя принадлежит чиновнику, вероятно, мухтасибу, наблюдавшему за правильностью мер и весов, а также за торговлей в целом.

Судя по весу (с учетом потерь из-за коррозии), гиря содержала 240 дирхамов.

А. В. Омельченко

89

90

Приспособления для обжига глазурованной керамики и бракованные светильники

Мавераннахр, Пайкенд
2-я половина X – 1-я треть XI в.
Глина; лепка, глазурирование
Штырь: длина 22,0 см, макс. диаметр 3,5 см;
коромысло: длина 10,2 см, макс. диаметр 1,0 см;
светильники: длина 6,5 см, макс. высота 3,8 см
Пайкенд, раскопки Зеравшанской экспедиции
А. Ю. Якубовского, 1939 г.
ГЭ, инв. № штырь: СА-4555,
светильники: СА-4569, СА-4958, коромысло: СА-4960
Публикации: Кондратьева 1961. С. 217. Табл. I, VIII

В Пайкенде для обжига керамики с зеленой глазурью использовались двухкамерные печи, но они, в отличие от печей для обжига неполивной посуды, не имели пода, а топочная камера, меньшая по диаметру, чем загрузочная, была отделена от нее по всему периметру широким уступом. На этот уступ, по сути своей полку, ставили крупные сосуды, предназначенные для обжига. В стенах верхней, загрузочной камеры, были круглые отверстия, куда вставлялись керамические штыри, которые выполняли роль вешал для обжига мелких сосудов и предметов утвари. На штыри ставили керамические коромысла, на загнутые концы которых одевали мелкие предметы, прошедшие уже первый обжиг и покрытые жидкой глазурью.

А. И. Торгоев

90

91

91

Половина фляги

Мавераннахр, Пайкенд
2-я половина X – 1-я треть XI в.
Глина; штамповка, глазурирование
Диаметр 15,5 см, высота 2,2 см
Пайкенд, раскопки Зеравшанской экспедиции
А. Ю. Якубовского, 1939 г.
ГЭ, инв. № СА-4384
Публикации: Кондратьева 1961. Табл. VI, 3

Небольшие фляжки такого типа встречаются на раскопках Пайкенда. Настоящая фляжка, как и абсолютное большинство схожих предметов, изготовлена оттискиванием в керамической матрице-кальпе. Ее украшает сложный геометрический орнамент, состоящий из взаимно пересекающихся плетенок, образующих шестилучевую звезду, в которую вписана шестилучевая розетка с округлыми лепестками. Орнамент построен по принципу «бесконечного узла»: он не имеет концов, все его элементы взаимосвязаны.

Розетки, образованные как лепестками, так и отдельными фестонами, являются вообще главнейшими из мотивов в росписи средневековой глазурированной керамики. Шестиконечная звезда в исламском искусстве ассоциируется с «печатью царя Сулеймана» – символом мудрости и оберегом от джиннов. Она является одним из популярных мотивов средневекового прикладного искусства, встречается на глазурированной керамике и металлических изделиях среднеазиатского междуречья. Орнамент, нанесенный на сосуд, часто выполнял роль оберега для самого сосуда и для его содержимого. В данном случае орнамент связан с формой вещи очень тесно. Сама форма этого сосуда – небольшой фляжки с двумя ручками и узким горлышком – заимствованная и повторяет форму распространенных в христианском мире ампул-эвлогий. В них обычно хранилась освященная вода или масло, делались они при монастырях и у гробниц популярных святых. В исламской среде, в частности у гончаров Пайкенда, сюжеты христианского содержания заменил сложный орнамент, а форма и назначение, видимо, остались близкими к прежним. В таких фляжках, объем которых не превышает ¼ литра, могли хранить препараты, имевшие лекарственные свойства.

А. И. Торгоев

92

Игрушка

Мавераннахр, Пайкенд
2-я половина X – 1-я треть XI в.
Глина; штамповка
Пайкенд, раскопки Зеравшанской экспедиции
А. Ю. Якубовского, 1939 г.
ГЭ, инв. № СА-4953
Высота 9,1 см, длина 12,5 см
Публикации: Кипарисова 1948. С. 312. Рис. 3.

Эта фигурка непонятного рогатого существа, похожего на корову, сделана из двух половин, оттиснутых в матрице-кальпе и соединенных между собой. Использовалась она как детская игрушка, изготовленная в подражание металлическим водолеям. Игрушки этого типа иногда покрывали зеленой глазурью.

А. И. Торгоев

92

93

Чашечка

Мавераннахр, Пайкенд
2-я половина X – 1-я треть XI в.
Глина; гончарный круг, лепка, резьба
Высота 4,1 см, диаметр по венчику 8,5 см
Пайкенд, раскопки Зеравшанской экспедиции
А. Ю. Якубовского, 1939 г.
ГЭ, инв. № СА-4953
Публикации: Кипарисова 1948. С. 314. Рис. 5.

Небольшие чашечки на трех ножках входили в сервизы посуды, покрытой зеленой глазурью. Этнографические параллели в культуре оседлого населения долины Зеравшана дают основание полагать, что в таких чашечках подавали к столу орехи или сухофрукты.

А. И. Торгоев

93

94

94

Кувшин

Мавераннахр, Пайкенд

X в.

Глина; гончарный круг, резьба, штамповка

Высота 43,5 см, диаметр дна 12,0 см

Пайкенд, раскопки В. Н. Кесаева, 1940 г.

ГЭ, инв. № СА-10992

Публикуется впервые

Это типичный для Мавераннахра X в. водоносный кувшин с высоким яйцевидным туловом и относительно коротким горлом, имевший вертикальную ручку из двух округлых в сечении жгутов, соединенных вместе. Кувшины такого типа в силу чрезвычайной частоты находок являются своего рода «визитной карточкой» саманидского времени в Бухаре и оазисе. В Пайкенде производство подобных водоносных кувшинов было налажено уже после середины IX в., и они стали едва ли не самым распространенным типом тарной посуды. Столь важное место водоносных кувшинов в быту горожан объясняется тем, что воду приносили в город, видимо, в бурдюках. Обходя дома, водоносы оставляли необходимое каждой семье количество воды именно в водоносных кувшинах. Кувшины эти часто ломались вследствие обычной хрупкости керамического теста и сразу же заменялись новыми.

На плечиках кувшина прорезан орнамент. Под ним, по нижнему уровню плечиков, тянется ряд наклонных вмятин. Верхним пределом орнаментальной композиции является начало горла, а с боков она ограничена полосами. В центре орнаментальной композиции вырезано изображение узколистной четырехлепестковой розетки, вписанное в ромбическую рамку. Рамка отделана «перлами», оттиснутыми круглым пунсоном. В нижней части в углах композиции нанесен орнамент в виде косой сетки с кружками в ячейках. По обе стороны от центрального ромба, сверху, изображены два треугольника вершиной вниз, которые оканчиваются тремя кружками. Такие же кружки вписаны и внутрь треугольников. Эта орнаментальная композиция, вроде бы простая, тем не менее является плодом синтеза нескольких широко распространенных в художественной культуре Среднего Востока орнаментальных элементов. Четырехлепестковая розетка с узкими лепестками и косая сетка с круглыми крапинами в ячейках – мотивы, характерные для более дорогой, глазурованной керамики [Шишкина 1979. С. 10–11. Табл. II, 5, 48], и происхождением своим связаны с хорасански-

ми влияниями. Три кружка, расположенные под каждым треугольником, – элемент безусловно, восходящий к старому согдийскому орнаменту, в котором он имеет самостоятельное значение [Маршак 2012. С. 227. Рис. 153]. Здесь отчетливо видно, что в хозяйственной керамике, используемой чисто утилитарно, появляются черты художественного оформления, заимствованные из изделий большей ценности, – следствие высокой конкуренции среди гончаров, которым необходимо было реализовывать свои изделия. В одном из нескольких цехов по производству неглазурованной керамики в Пайкенде в середине X в. работал резчик, который украшал посуду нехитрым, грубо исполненным орнаментом. Разумеется, на базаре его изделия выделялись по сравнению с неорнаментированными и, очевидно, продавались по несколько более высокой цене, зато их нельзя было ни с чем спутать.

А. И. Торгоев

95

95

Кувшин

Мавераннахр, Бухарский Согд
X в.
Глина; гончарный круг, лепка, резьба
Высота 35,0 см, диаметр 32,0 см
Варахша, раскопки САЭ ГМИНВ, 1989 г.
ГМВ, инв. № 952 IVкр
Публикуется впервые

Кувшин светлоглиняный с шаровидным туловом на дисковидном поддоне. Узкое цилиндрическое горло выделено у основания валиком, венчик горизонтальный, отогнутый, с двумя подтреугольными выступами, желобчатый слив не сохранился. Двойная ручка крепится к венчику, и на плечиках, в верхней части, сохранилось основание петли для подвижного крепления крышки. Ручка украшена рядом круглых налепов с оттиском штампа. Верхняя часть тулова украшена орнаментальным поясом, разделенным на три яруса. Верхний ярус – прочерченная косая сетка. Средний разделен вертикальными линиями на картуши. Под ручкой дуга с насечками, по ее сторонам деревья и восьмилепестковые розетки, по центру цветок с листьями. Нижний ярус – оттиски круглого штампа с девятилучевой розеткой. Перед нами, несомненно, парадный столовый кувшин, на это указывают и форма, и богатый декор. Некоторые детали – желобчатый слив, петля для подвижного крепления откидной крышки, указывают на влияние изделий тореветики. При этом речь не идет о подражании какой-либо определенной металлической форме, заимствуются лишь отдельные детали (слив) и конструктивные идеи (откидная крышка). Двойные витые ручки с налепами особенно характерны для кувшинов Бухарского Согда X в. Богатый резной декор восходит к согдийскому керамическому стилю, появившемуся в VIII–IX вв. и полностью сложившемуся к X в.

Н. Ю. Вишневская

96

Крышка

Мавераннахр, Пайкенд
X в.
Глина; штамповка
Диаметр 9,0 см
Пайкенд, раскопки Г. Л. Семенова, 1985 г.
ГЭ, инв. № СА-16076
Публикуется впервые

Крышки такой формы предназначались для водоносных и столовых кувшинов, использовались они повсеместно в центральных районах Мавераннахра. Данный экземпляр, украшенный геометрическим орнаментом, является одним из наиболее часто встречаемых при раскопках Пайкенда типов и характерен именно для X в. К XI в. они постепенно вытесняются крышками выпукло-вогнутой формы с ручкой в центре.

А. И. Торгоев

96

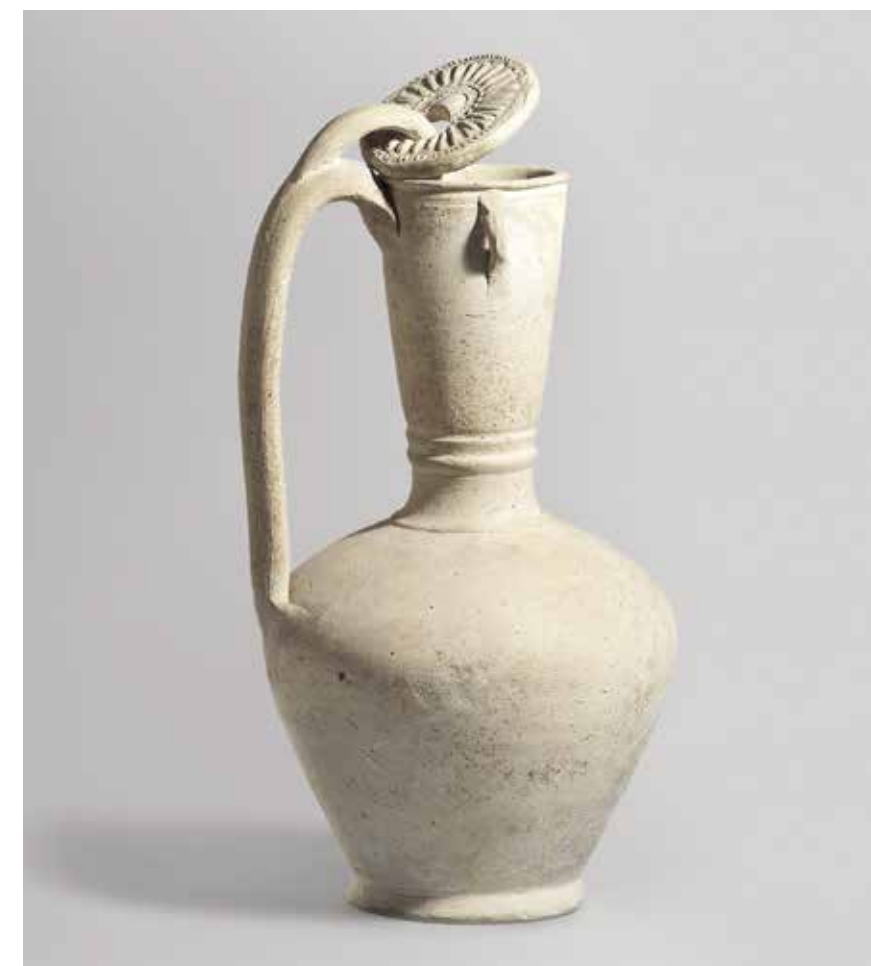
97

Кувшин

Мавераннахр, Бухарский Согд
X в.
Глина; гончарный круг, лепка, резьба
Высота 31,0 см, диаметр 15,0 см
Варахша, раскопки САЭ ГМИНВ, 1989 г.
ГМВ, инв. № 898 IVкр
Публикуется впервые

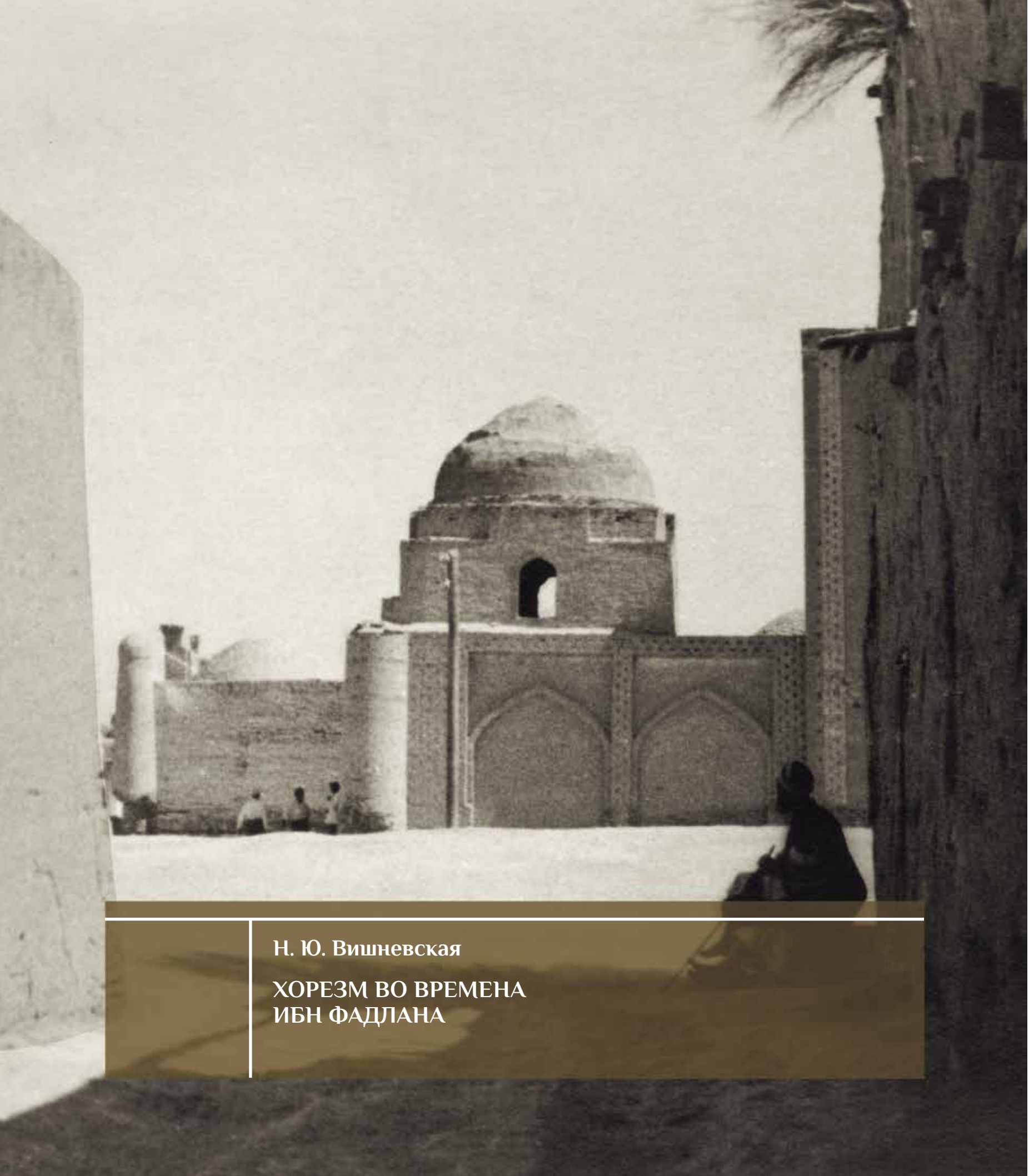
Кувшин светлоглиняный с грушевидным туловом на дисковидном поддоне. Высокое узкое горло расширяется кверху, венчик слегка отогнут. Ручка прямая, с петлей для подвижного крепления крышки, под венчиком два ушка для продевания подвесных колечек. Конструкция крепления крышки реконструирована по аналогии с прекрасно сохранившимся кувшином, найденным на Афрасиабе в слое конца IX – X в. [Terres secrètes... 1993. P. 61. No. 78]. Здесь мы снова сталкиваемся с заимствованием ряда деталей, типичных для изделий тореветики (подвижная откидная крышка, ушки для продевания колечек), притом что сама форма сосуда вполне обычна для керамического комплекса этого времени. Крышки от таких кувшинов являются массовым материалом на памятниках Ирана и Ирака вплоть до XIII в. На территории Средней Азии они особенно характерны для согдийских памятников X в. Форма и декор крышек варьируются, неизменным остается конструктивная деталь – отверстие у края.

Н. Ю. Вишневская

97

Н. Ю. Вишневская

ХОРЕЗМ ВО ВРЕМЕНА ИБН ФАДЛАНА

Хорезм занимал обширную территорию в среднем и нижнем течении Амударьи по обоим ее берегам. Со всех сторон эти земли окружены пустынями, жизнь сосредоточена вокруг великой реки, которая была для Хорезма тем же, чем Нил для Египта. Сами хорезмийцы называли ее Вахш, греки Александра Македонского – Окс, арабы, сравнивая с легендарным библейским Гихоном, дали ей имя Джейхун. В арабской географической традиции левобережный Хорезм формально относился к Хорасану, правобережный – к Мавераннахру, т. е. к территориям, расположенным «за рекой». Вместе с тем страна воспринималась как единое целое. Арабский автор X в. ал-Истахри считает, что «следовало бы нарисовать половину Хорезма на карте Хорасана, а половину на карте Мавераннахра, я же предпочел объединить Хорезм на одной карте и поместил его на карте Мавераннахра» [МИТТ 1939. С. 178]. Он же, полностью понимая значение Амударьи для жизни края, пишет: «Хорезм – страна, которая извлекла всю пользу из Джейхуна» [цит. по: Бартольд 1965 а. С. 162]. Амударья не только давала воду для орошения и земледелия, но и была основной артерией, во все времена связывавшей земледельческие государства юга Центральной Азии и кочевнические культуры зоны евразийских степей. Хорезм, окруженный со всех сторон кочевыми племенами, играл роль своего рода буферной зоны между этими двумя мирами, являясь северным форпостом древневосточной цивилизации.

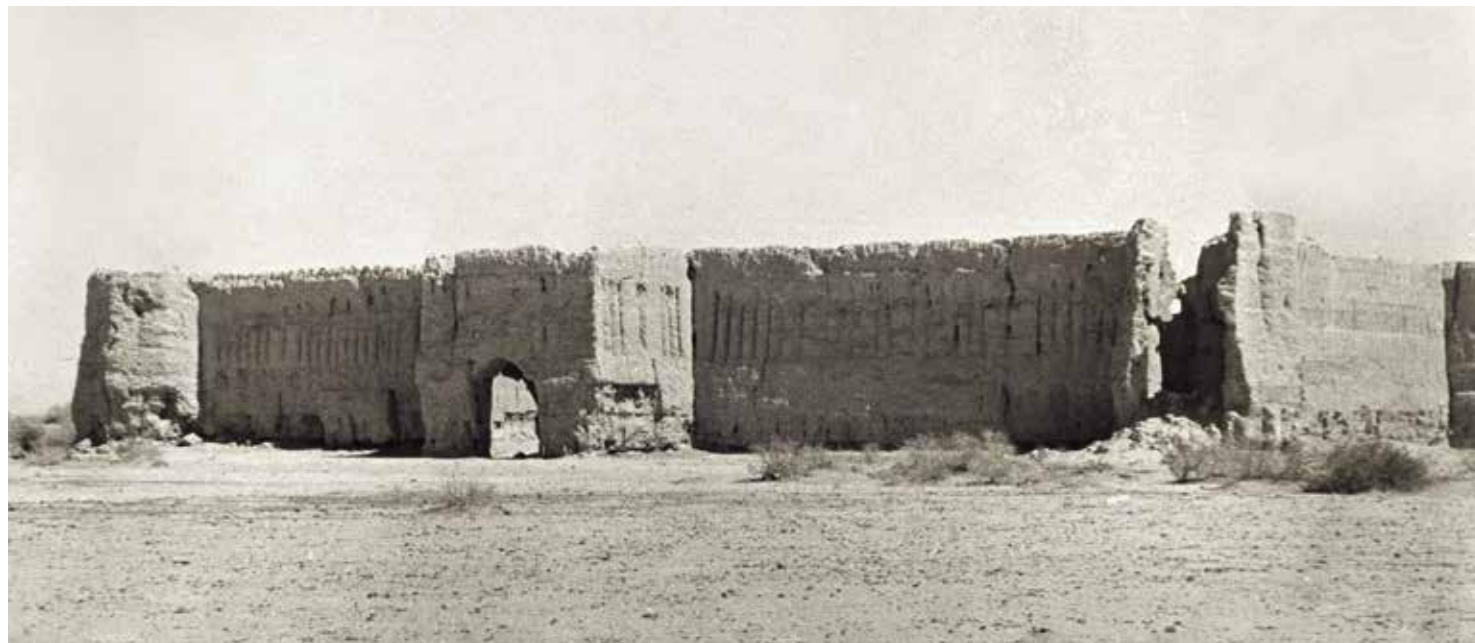
На этой территории обитали ираноязычные племена, изначально кочевые; первые города появились в VI в. н. э. [Рапопорт, Неразик, Левина 2000. С. 25]. Насколько можно судить

по археологическим свидетельствам, население практиковало культы, близкие к зороастрийскому кругу верований. Политическая история Хорезма слабо отражена в письменных источниках. В основном это труды Бируни, многие приводимые им сведения носят полуполюгандарный характер, и лишь частично реконструируются по данным археологии. Некоторое время Хорезм входил в состав державы Ахеменидов, затем обрел самостоятельный статус, позднее в той или иной степени подчинялся Кушанской империи, по-прежнему сохраняя определенную автономию. Можно предположить, что на короткое время он был завоеван Сасанидами [Там же. С. 76–77]. При всех политических катаклизмах в регионе Хорезм фактически оставался независимым и управлялся представителями местных династий, носивших титул хорезмшахов. Оставаясь несколько в стороне как географически, так и политически, Хорезм вместе с тем чутко реагировал на культурные импульсы как со стороны южных соседей, так и со стороны кочевой периферии.

Накануне арабского завоевания в Хорезме шла борьба за власть между хорезмшахом Чеганом и его братом Хурразадом. В 712 г. хорезмшах Чеган из местной династии Афригидов с одобрения совета наиболее почитаемых людей страны решил призвать на помощь арабов под предводительством Кутейбы ибн Муслима, обещав им за это три золотых ключа от сокровищницы Хорезма и ключ от своего города. Арабы Кутейбы свои обязательства выполнили, убили Хурразада, но наложили на страну большую дань. После ухода арабов население восстало, Чеган был убит. Кутейба, вернувшись, посадил на трон сына

В старой Хиве
Фотография Ю. А. Рапопорта, середина XX в.
Из личного архива
Н. Ю. Вишневской

Древняя крепость в Хорезме
Фотография ХАЭЭ ИЭ АН СССР, середина XX в.
Из личного архива Н. Ю. Вишневской

убитого хорезмшаха, но сделал его соправителем своего собственного брата Ибн Рахмана [Там же. С. 77]. С этого времени начинается постепенное вхождение Хорезма в сферу религиозного, политического и экономического влияния Халифата. Согласно Бируни, принятие ислама в Хорезме сопровождалось драматическими событиями – убийствами ученых и жрецов, сожжением священных книг, однако В. В. Бартольд считал эти сведения недостоверными [Бартольд 1965 б. С. 545]. Во всяком случае, следы доисламских верований сохранялись в Хорезме еще очень долго. Так, при раскопках цитадели городища Джигербент в слое X в. было найдено небольшое святилище с очевидными признаками поклонения огню [Вишневская, Рапопорт 1979. С. 106–110].

С конца IX по начало XI в. Хорезм входил в состав державы Саманидов со столицей в Бухаре. Хотя это подчинение более ста лет оставалось скорее номинальным, процесс культурной и экономической интеграции заметно ускорился. Период правления Саманидов стал самым благоприятным для развития торговли, ремесел, науки и искусства в огромном регионе. Начался активный рост числа и территорий городов. Столицей Хорезма в то время был древний город Кят (Кас), иногда называемый путешественниками городом Хорезм. Структура Кята включала в себя *арк*, *шахри-*

стан и *рабад*; возле соборной мечети находился дворец хорезмшахов, сама же она стояла близ цитадели [Рапопорт, Неразик, Левина 2000. С. 107]. Вот как описывает его ал-Макдиси: «Кас – главный город Хорезма, ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрок, Туркестана, Мавераннахра и области хазар, место стечения купцов. Царь его из окраинных князей, его называют хорезмшахом. Люди его – борцы за веру и воинственны. Город имеет большое богатство» [МИТТ 1939. С. 216]. Второй по значению город Хорезма – Гургандж располагался ниже по течению реки, быстро развивался и скоро приобрел статус второй столицы. Этому способствовал тот факт, что старая династия Афригидов сидела в Кяте, а арабский *вали* (наместник) – в Гургандже. Реальное двоевластие привело к отделению севера от юга. В 996 г. эмиру Гурганджа удалось свергнуть древнюю династию и перенести титул хорезмшаха на свой род, а столицу – в Гургандж [Бартольд 1965б. С. 402]. Но в интересующий нас период путешествия Ибн Фадлана столицей еще оставался Кят, а Гургандж – крупнейшим торговым центром на пути на север.

Торговля во все времена являлась основой экономических и культурных связей между регионами, способствовала обмену не только товарами, но и ремесленными навыками.

В X в. старые караванные пути обустроивались, становились более безопасными. Через Хорезм проходили два основных пути: из Хорасана по левому берегу Амударьи и из Бухары по правому берегу или с переправой в районе Амуля (совр. Чарджоу). Дорожники, составленные арабскими путешественниками, подробно описывают населенные пункты на караванных путях. В их числе Джигербент, город левобережного Хорезма, раскопанный отрядом Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР в 1974–1976 гг. Впервые он упомянут у ал-Истахри (середина X в.) при описании караванного пути из Бухары в Хорезм через Амуль [МИТТ, 1939. С. 180]. Более подробные сведения о городе принадлежат ал-Макдиси (конец X в.), который, перечисляя города левобережного Хорезма, отмечает: «Джигербент подобен Хиве, он на берегу, в нем много деревьев и садов, рынок его велик и благоустроен, соборная мечеть на краю его; его пересекает главная дорога» [Там же. С. 188]. Ибн Фадлан, выбрав путь из Бухары через Амуль, не мог миновать Джигербент, поскольку через него проходила главная дорога. Но так как путь от Амуля до Хорезма (Кята) миссия проделала на судах, то Джигербент, стоящий прямо на берегу, они наблюдали с воды.

Арабские путешественники подробно описывали не только караванные пути, но и ассорти-

мент товаров, которыми славна та или иная область. Вот что пишет о предметах торговли Хорезма ал-Макдиси: «Из Хорезма – соболя, серые белки, горностаи, степные лисицы, куницы, бобры, крашенные зайцы, козы, воск, стрелы, белая кора тополя, колпаки, рыбий клей и рыбьи зубы, бобровая струя, амбра, мед, лесные орехи, сокола, мечи, кольчуги, береза, рабы из славян, бараны и коровы, – всё это от болгар. И в нем (Хорезме) производится виноград, много изюма, печенье, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасная парча (для подарков), замки, цветные одежды, луки, которые могут натянуть только самые сильные люди, особый сыр и рыба. Суда там строятся и отделываются» [Там же. С. 202]. Из этого перечня явствует, что Хорезм имел первостепенное значение как область транзитной торговли между Хорасаном и Мавераннахром с одной стороны и территориями тюрок-гузов, болгар и, далее на север, славян – с другой. Среди товаров собственно хорезмийских преобладали текстильные изделия, видимо, высокого качества. Столь же важную роль земли и люди Хорезма играли как буфер между территорией Хорасана и Мавераннахра и тюркским миром. По ал-Истахри, «все границы Мавераннахра – место военных действий... Хорезма с тюрками-гузами... Они (жители Хорезма) храбро воюют с гузами и недоступны для них» [Там же. С. 178, 180].

Парусник – каюк на Амударье
Фотография ХАЭЭ ИЭ АН СССР, середина XX в.
Из личного архива Н. Ю. Вишневской

Именно на таком парусном судне по Амударье в Джурджанийю плыл Ибн Фадлан

Караван-сарай Ишан-Рабат (Южный Хорезм). Хумы в раскопанном помещении
Фотография ХАЭЭ ИЭ АН СССР, 1970-е гг.
Из личного архива Н. Ю. Вишневской

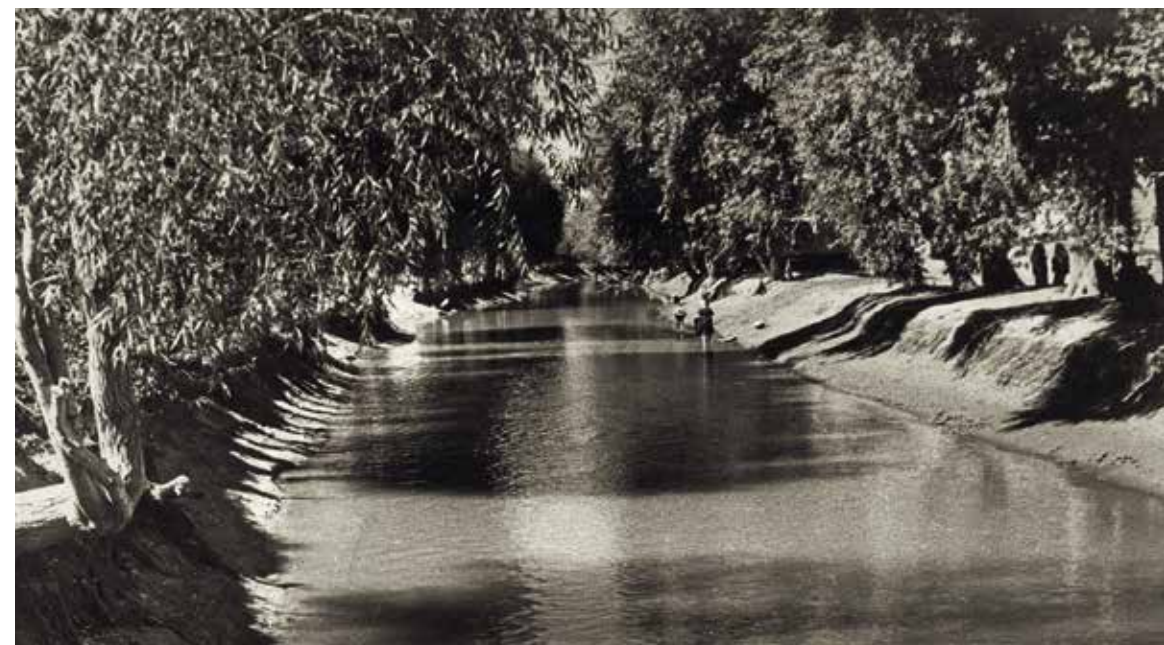
Усадьба хаули в Хорезме
Фотография ХАЭЭ ИЭ АН СССР, середина XX в.
Из личного архива Н. Ю. Вишневской

Посольство избрало путь через Среднюю Азию, видимо, стремясь двигаться в обход земель, контролируемых хазарами [Бартольд, т. II, 1963. С. 833, примеч. 36]. К концу лета миссионеры добрались до Бухары. «... Опасаясь неожиданного наступления зимы, – пишет Ибн Фадлан, – мы выехали из Бухары, возвращаясь к реке, и наняли корабль до Хорезма» [МИТТ 1939. С. 155]. Прибыв через несколько дней в Хорезм (автор имеет в виду столицу Южного Хорезма город Кят), послы явились к эмиру Мухаммеду ибн Ирак хорезмшаху. Далее последовали длительные бюрократические проволочки с обширной перепиской по поводу разрешения выезда в страну тюрок. В конце концов, пишет Ибн Фадлан, «мы снова пришли к эмиру и не переставали подлаживаться к нему и льстить ему... так что он дал нам разрешения. Итак, мы спустились в ал-Джурджанию» [Там же. С. 156]. В Джурджании, или Гургандже, посольство оставалось с сентября 921-го по февраль 922 г. Зима была необычайно сурова и произвела на всех участников миссии ужасное впечатление. Описанию этой зимовки у Ибн Фадлана посвящена едва ли не половина текста, касающегося Хорезма: «Действительно, до меня дошел рассказ, что двенадцать верблюдов отпавились, чтобы двое человек привезли на них дров, и эти оба забыли взять с собой огниво

и трут. И вот они оба заночевали без огня. Когда же они утром встали, то верблюды были мертвы от сильного холода... Как-то выхожу я из бани, и когда я вошел в дом и посмотрел на свою бороду, она – сплошной кусок из снега, пока я не приблизил ее к огню... И иногда приклеивалась моя щека к подушке... И действительно, я видел землю, которая растрескалась, и в ней образовались большие овраги от силы холода, и что огромное дерево действительно расколосось на две половины от этого» [Там же. С. 157]. Устрашенные тяготами путешествия, от миссии отстали *факих* (законовед) и *муаллим* (вероучитель). «И поехали: я и посол и брат его сестры и двое гулямов», – пишет Ибн Фадлан [Там же. С. 158].

Из-за унижительных административных и бюрократических проволочек в Кяте и страшной зимовки в Гургандже Хорезм произвел на путешественника удручающее впечатление. Не понравились ему и местные жители: «Они (хорезмийцы) самые грубые из людей по разговору и по природе. Их разговор похож вроде как кричат скворцы. Около же ал-Джурджании есть селение, называемое Ардаку. Население его называется кардалийцы. Их разговор похож на кваканье лягушек. Они отрекаются от повелителя правоверных Али ибн Абу-Талиба в конце каждой молитвы» [Там же. С. 156].

К счастью, исторические сведения и впечатления о Хорезме и хорезмийцах не ограничиваются свидетельствами Ибн Фадлана. Более подробную картину дает ал-Истахри: «Хорезм (Кят) город плодородный, обильный пищей и фруктами, в нем производятся многие предметы одежды из хлопка и шерсти, которые вывозятся в отдаленные места. Среди свойств его жителей богатство и стремление проявить свое мужество. Они из всех жителей Хорасана рассеяны по чужим местам и более всех путешествуют; в Хорасане нет большого города, в котором не было бы большого количества жителей Хорезма. Язык их – самостоятельный язык, в Хорасане нет округа, говорящего на их языке. Одежда их – куртки и колпаки, характер их не скрывается перед людьми Хорасана. В стране их нет золота и серебряных рудников и никаких драгоценных камней, большая часть богатства их – от торговли с тюрками и разведения скота» [Там же. С. 180].

Описание Хорезма, составленное ал-Макдиси, имеет в целом комплиментарный характер: «Хорезм – округ на обоих берегах Джейхуна. Хорезмийцы отличаются от жителей обеих сторон в обычаях, языке, характере и врожденных качествах. Это округ известный, обширный, со многими городами. Там не прерываются жилища и сады, множество прессов для давки винограда, пашен, деревьев, фрук-

тов и жизненных благ, он прибылен для людей торговли. Жители его – люди разума, науки, фикха (права), способностей и образования; я редко встречал имама в фикхе, литературе или Коране, у которого не было бы ученика-хорезмийца, который уже продвинулся вперед в науке. Но в них есть замкнутость и нет изящества, элегантности, блеска и тонкости. Аллах всевышний наделил их дешевизной и плодородием и отличил их хорошим чтением Корана и умом. Они – люди гостеприимные, любители поесть, храбрые и крепкие в бою, у них есть особенности и удивительные свойства» [Там же. С. 185].

Известно, что один из величайших математиков средневековья Мухаммед ибн Муса (конец VIII – середина IX в.), был выходцем из Хорезма, отсюда его прозвание – ал-Хорезми. В конце X – начале XI в. при дворе хорезмшаха Мамуна процветала так называемая «академия», в числе прочих в ее работе участвовали великие ученые Абу ал-Сина (Авиценна) и Абу Рейхан Бируни. Эти факты вполне подтверждают оценку хорезмийцев как «людей разума, науки и образования». Очень жаль, что Ибн Фадлану в его путешествии не довелось столкнуться с этой стороной культуры и нравов Хорезма.

Период конца IX – начала XI в. стал для Хорезма своего рода «золотым веком». В это

Главное богатство хорезмийцев – вода. Канал выведенный из Амударьи
Фотография Ю. А. Аргиропуло (ХАЭЭ ИЭ АН СССР), середина XX в.
Из личного архива Н. Ю. Вишневской

достаточно мирное время строились и расширялись города, поддерживалась сложная система ирригации, благодаря которой развивалось земледелие. Интеграция отдаленной страны в сферу широкого исламского мира дала возможность преодолеть определенную замкнутость и провинциальность хорезмийской культуры предшествующего периода. Это особенно явно проявилось в развитии ремесел: высококачественные изделия из металла, стекла и кости, керамика прекрасно вписываются в контекст общеисламской бытовой культуры. В находках с памятников Южного Хорезма особенно ярко проявляются связи с Бухарским Согдом, что вполне естественно, учитывая политические и торговые отношения двух областей. При этом сохраняются и расширяются традиционные торговые контакты с кочевой периферией. Все обстоятельства в совокупности привели к созданию яркой и своеобразной культуры Хорезма – северного форпоста исламского мира.

Период мирного процветания, когда Хорезм «находился в стороне от развертывавшихся в Средней Азии и вне ее пределов борьбы за власть, военных действий, кровопролитных сражений», закончился со вступлением на политическую арену династии Газневидов [Рапопорт, Неразик, Левина, 2000. С. 105]. В результате сложных и запутанных интриг, закончившихся убийством хорезмшаха Мамуна, Махмуд Газнийский в 1017 г. захватил Хорезм, который на долгое время лишился политической самостоятельности. Для нас интересен тот факт, что, выступив в поход на Хорезм из Амуля, Махмуд захватил пограничный Джафарбенд (Джигербент) и уже оттуда отправил авангард вглубь страны [Бартольд 1963. С. 340]. Этим событием завершается период истории Хорезма, который может быть, хотя и несколько расширительно, отнесен к «временам Ибн Фадлана».

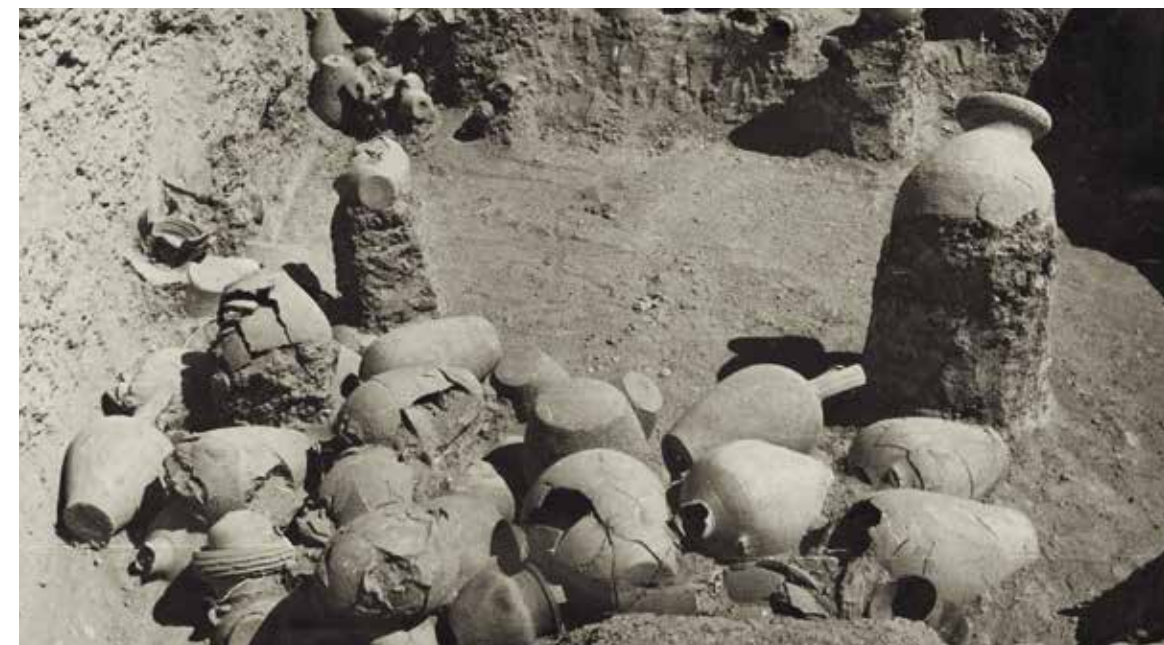
На выставке представлены экспонаты, найденные при раскопках цитадели городища Джигербент в 1974–1976 гг. отрядом Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, которым руководила О. А. Вишневская. Эти материалы затем были переданы в Государственный музей Востока. В контексте темы выставки особый интерес представляют два уникальных

комплекса, ярко характеризующих начало и конец «золотого века» Хорезма, который застал Ибн Фадлан.

Первый из них – керамический комплекс субструкционной клетки середины – второй половины IX в (кат. 98–111). В это время холм с развалинами древней крепости становится цитаделью средневекового города. Естественная поверхность холма расширяется за счет пристройки к нему сырцовых клетей, заполненных уплотненным грунтом, – своеобразного фундамента. В одной из них был найден закрытый единовременный керамический комплекс, насчитывающий около 300 сосудов различных форм и датирующийся в пределах IX в. Комплекс из клетки сильно отличается от керамики предшествующего афригидского периода VII–VIII вв. Интересно, что эволюция различных групп, составляющих посудный комплекс, – столовой и хозяйственной (тарной, кухонной) керамики – происходила разными путями. Наиболее консервативна группа тарной керамики (хумы, хумчи, чаны): она, несомненно, тяготеет к архаическому для IX в. афригидскому стилю и продолжает местную керамическую традицию предшествующего периода (массивные отогнутые венчики, декор в виде налепных жгутов с пальцевыми вдавлениями и прочерченный гребенчатый волнистый орнамент (кат. 110).

Кухонная посуда представлена одноручными котлами горшковидной формы. Во всех случаях исследователи связывают этот тип посуды с кочевым тюркским кругом культур, возможно, с огузами. Его гончарный вариант (наиболее массовый) имеет те же морфологические признаки, что и лепной прототип, но лишен характерного декора (кат. 107). Очевидно, что на формирование этого типа котлов, ставшего наиболее популярным, повлиял привнесенный с низовьев Амударьи кочевниками тюркского круга комплекс кухонной керамики.

Группа столовых сосудов, напротив, демонстрирует сходство с новым керамическим стилем более южных районов, развившимся уже в исламское время. Особенно явно прослеживается сходство с керамикой Бухарского Согда. Это проявляется и в прямом заимствовании форм (небольшие светлоглиняные кувшины

со слегка расширяющимся горлом (кат. 109), кружки с петлевидной ручкой (кат. 102), и в творческом восприятии характерных для IX в. общих тенденций (подражание изделиям из металла (кат. 99), резной орнамент (кат. 111). Немногочисленные глазурированные сосуды, найденные в клетке, относятся к типам, распространенным во всем ирано-среднеазиатском регионе в IX в (кат. 98). Особенности керамического комплекса Джигербента этого периода, безусловно, объясняются порубежным положением Хорезма на границе оазиса и степи.

Вторая группа предметов, так называемый комплекс сгоревшей кладовой, датируется началом XI в., точнее, 1017 г. – в тот год Джигербент был захвачен войсками Махмуда Газнийского. В 1975 г. было раскопано помещение-кладовая, сгоревшее при пожаре, следы которого фиксируются на всей территории памятника. Многие вещи, находившиеся в кладовой, кроме изделий из дерева и текстиля, хоть и несут на себе следы огня, но сохранились [Вишневская 2001. С. 8, 116. Рис. 44–45]. Из этого уникального собрания на выставке представлены бронзовый кувшин (кат. 112), богато орнаментированный хум (кат. 117), четыре глазурированные чаши (кат. 113–116) и резная ажурная курильница (кат. 118). Сам набор вещей дает нам возможность наглядно

представить быт горожанина того времени, почувствовать его вкус к красивым вещам. Это зримый срез материальной культуры Хорезма периода его наивысшего расцвета. Драматизм картине придает тот факт, что владелец дома, скорее всего, погиб или был уведен в плен в числе прочих жителей города, а его скромное достояние осталось лежать под руинами.

Предметы археологии в некоторых случаях не только удивительно удачно иллюстрируют и подтверждают сведения письменных источников, но и дополняют их, выводя исторические события из области абстракции в нечто материальное и эмоционально окрашенное.

Целые керамические сосуды в субструкционной клетке городища Джигербент
Фотография ХАЭЭ ИЭ АН СССР, 1976 г.
Из личного архива Н. Ю. Вишневской

**Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР в 1975–1976 гг.
Комплекс субструкционной клетки**

98

98

Чаши

Хорасан или Мавераннахр
IX в.

Глина; гончарный круг, роспись, глазурь
А: высота 6,5 см, диаметр 18,0 см, диаметр дна 8,5 см;
В: высота 7,5 см, диаметр 20,5 см, диаметр дна 11,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ. А: инв. № 1163 IVкр; В: инв. № 1164 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 47–48. Рис. 17, 3, 4;
С. 116. Рис. 44, 6

Полусферические чаши на дисковидном поддоне. Обращает на себя внимание светлый, рыхлый черепок, характерный для изделий этого типа, датирующихся IX в.

Полупрозрачная бесцветная глазурь внутри и снаружи, включая поддон, и подглазурная роспись, нанесенная прямо по черепку, без ангоба, также характерны для керамики этого периода.

Внутренняя поверхность крестообразно разделена желтыми линиями, угол каждого сектора выделен зелеными линиями, цветные

полосы окаймлены черным. Внутри каждого сектора черная ромбическая сетка, ячейки которой в шахматном порядке заполнены желтыми, зелеными пятнами и черными точками (по 3–4 в каждой клетке). Снаружи по краю идут наклонные штрихи. Первоначально наносились черные линии контура, а цветные полосы и пятна дополняли основной рисунок. Техника росписи и орнаментальная схема второй чаши практически идентичны. Отличие состоит в том, что разделяющие линии расположены под углом и образуют в центре прямоугольник или квадрат.

Техника производства и характер декора широко распространены в IX в. на Ближнем Востоке, особенно в Нишапуре, а также в Средней Азии [Wilkinson 1973. P. 31. Fig. 5, 6; Watson 2004. P. 169. Cat. С. 3; P. 250, 251. Cat. H.5, 6]. Полную аналогию нашим чашам мы находим в комплексе согдийской глазурованной керамики. Исследователи твердо датируют подобные сосуды первой половиной IX в. [Шишкина 1979. С. 72. Табл. ХLI, 1, 4, 6; 1986. С. 137. Рис. 3, 9; Terres secrètes... 1992. P. 51. No. 100].

Н. Ю. Вишневская

99

Кувшины

Хорезм
IX в.

Глина; гончарный круг, лепка, резьба, ангоб, лощение
А: высота 31,0 см, диаметр 18,5 см;
В: высота 47,0 см, диаметр 30,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ. А: инв. № 902 IVкр; В: инв. № 903 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 43. Рис. 15, 7, 8

Два узкогорлых красноангобированных столовых кувшина с массивным грушевидным туловом, узким горлом, с резко приподнятым желобчатым сливом.

Эти сосуды являют собой яркий пример подражания изделиям торевтики в керамике, в данном случае позднеасанидским и согдийским серебряным кувшинам рубежа VII–VIII вв. [Маршак 1961. С. 189–191]. Воспроизводятся не только собственно морфологические признаки, но иногда и некоторые технологические приемы. У металлических кувшинов тулово и горло изготавливались отдельно, а затем соединялись. В ряде случаев подобная техника механически переносится на керамический сосуд: тулово и горло формируются отдельно, хотя для пластичной глины в подобном приеме нет никакой необходимости. Имитация фактуры металлической поверхности достигалась разными способами. В Бухарском Согде, например, поверхность покрывалась красным ангобом и залащивалась до блеска.

Меньший из двух кувшинов имеет характерный для этого типа признак – отдельно сформованные тулово и горло, место их соединения выделено рельефным орнаментальным пояском. Сравнение с основным керамическим комплексом Джигербента приводит к выводу об их импортном происхождении. В Хорезме кувшины этого типа неизвестны. Они уникальны и в комплексе субструкционной клетки, и на всем памятнике. Ряд признаков – красный ангоб, лощение и, особенно, витые ручки указывают на то, что они, скорее всего, произведены в Бухарском Согде. Двойные витые ручки с налпами особенно характерны для столовых кувшинов Пайкенда [Семенов, Мирзаахмедов 2000. Рис. 46, 17–20]. и Варахши IX–X вв. (кат. 95). Присутствие этих импортных сосудов на Джигербенте легко объясняется оживленными торговыми связями на караванном пути из Бухары в Хорезм.

Н. Ю. Вишневская

99

100

100**Кувшин**Хорезм
IX в.Глина; гончарный круг, лепка
Высота 32,0 см, диаметр 18,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 1568 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 41. Рис. 14, 5

Крупный светлоглиняный столовый кувшин с цилиндрическим туловом на трех ножках и широким горлом. Необычно оформление горла вертикальными каннелюрами, создающими эффект полукруглых фестонов. Четыре вертикальные ручки украшены грибовидными навершиями, на тулове остались следы от наклепных ушек с отверстиями для продевания колечек – деталь, характерная для металлических сосудов. Керамические сосуды, аналогичные по форме, на других памятниках Средней Азии мне не известны. Форма наших кувшинов и детали оформ-

ления – цилиндрическое тулово с резким перегибом к плечикам, наличие ножек, оформленное фестонами горло, ушки для продевания колец – указывают на подражание изделиям торевтики. В то же время металлический аналог, в котором бы сочетались все эти признаки, мне также не известен. Наиболее близким прототипом наших сосудов можно, по-видимому, считать один из типов позднеасанидских бронзовых кувшинов, имеющих цилиндрическое тулово на трех ножках и резкий перегиб к плечикам [Орбели, Тревер 1935. Табл. 77].

Все исследователи определяют этот тип кувшинов как позднеасанидский и датируют его в интервале VII–IX вв. В ближневосточной и среднеазиатской керамике встречаются формы, близко воспроизводящие тот же металлический прототип. В Средней Азии керамические формы, подражающие бронзовым сосудам этого типа, найдены на городище старого Мерва [Лунина 1974. С. 185. Рис. 2]. Сосуды из Джигербента отличаются от всех прочих весьма специфическим широким горлом с вертикальными каннелюрами, образующими фестоны. Подобный прием оформления горла не характерен для собственно керамической техники и встречается преимущественно в формах, подражающих металлическим. Б. И. Маршак исследовал керамические кружки с волнистым бортом. Время их наибольшего распространения в Согде и Фергане – VIII в. По мнению исследователя, этот тип кружек восходит к металлическим изделиям Китая эпохи Тан, на которые, в свою очередь, повлияли сасанидские ложчатые чаши VII в. [Маршак 1961. С. 189. Табл. 7]. Особенно характерны кружки с фестончатым бортом для керамики Бухарского Согда.

Возвращаясь к кувшину из комплекса субструкционной клетки IX в. цитадели Джигербента, можно заключить, что перед нами синкретический (комбинированный) вариант подражания металлу в керамике. Форма тулова заимствована у позднеасанидских бронзовых кувшинов на ножках, а оформление горла фестонами – у китайских чаш эпохи Тан. При этом заимствование формы горла, скорее всего, произошло не под непосредственным влиянием изделий из металла, а через керамические подражательные формы соседнего с Хорезмом Бухарского Согда. Подобное явление не получило дальнейшего развития, оставаясь локальным, в некотором роде экспериментальным вариантом влияния торевтики на керамику.

Н. Ю. Вишневская

101**Водоносные кувшины**Хорезм
IX в.Глина; гончарный круг, лепка
А: высота 37,5 см, диаметр 20,0 см;
В: высота 57,0 см, диаметр 29,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ. А: инв. № 649 IVкр; В: инв. № 651 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 38–39. Рис. 13, 4

Сосуды с удлинненным яйцевидным туловом, узким цилиндрическим горлом. Венчик выделен характерным горизонтальным уступом, слив выполнен защипом. Внешняя сторона пластинчатой ручки оформлена продольными желобками, на плечиках нанесен линейный гребенчатый орнамент. Это самый распространенный тип кувшинов: в клетке найдено более 80 сосудов. Их размеры варьируются, однако можно выделить два основных стандарта: высота около 35 см и высота около 60 см при сохранении основных пропорций. Кувшины такой формы, но без слива встречаются на памятниках Хорезма в слоях IX в. [Вактурская 1959. Рис. 8, 8]. Сосуды, аналогичные нашим, найдены на соседнем с Джигербентом городище Садвар [Армарчук 1992. С. 113. Рис. 54, 2, 5, 9]. Хозяйственные кувшины сходных форм вполне обычны для среднеазиатских памятников этого времени, но изделия Южного Хорезма отличаются характерной формой венчика с горизонтальным уступом и слив.

Н. Ю. Вишневская

101

102**Кружка**Хорезм
IX в.Глина; гончарный круг, лепка
Высота 9,8 см, диаметр 10,5 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 1150 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 43–44. Рис. 12, 4

Кружка с округлым туловом, цилиндрическим горлом и петлевидной ручкой. В комплексе клетки найдены пять подобных сосудов, практически идентичных по форме. Этот тип известен с VII по IX в. в очень широком ареале: Согд, Мерв, Чач, Хорезм. Прослеживается эволюция формы от сосудов с резко сужающимся горлом и низко посаженной петлевидной ручкой (VII в.) к сосудам

102

103

с цилиндрическим горлом и ручкой, возвышающейся над плечиками (VIII–IX вв.). Такие керамические изделия имеют своим прототипом сасанидские серебряные кружки и металлические сосуды из тюркских погребений в Сибири [Маршак 1961. С. 180]. В Хорезме подобные сосуды встречаются в комплексах второго этапа афригидского периода (VII–VIII вв.). Они имеют все признаки, характерные для VII в. [Неразик 1959. С. 245. Рис. 6, 16]. Набор морфологических признаков изделий из Джигербента типичен для VIII – начала IX в. Отсутствие в Хорезме других находок керамики этого типа не позволяет построить эволюционный ряд и выяснить, являются ли кружки из комплекса клетки результатом развития местной традиции, или же они создавались под влиянием согдийской керамики.

Н. Ю. Вишневская

103

Кружка

Хорезм
IX в.
Глина; гончарный круг, лепка
Высота 10,5 см, диаметр 12,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 650 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 44. Рис. 12, 3

Кружка с биконическим, скругленного абриса туловом на сплошном коническом поддоне, с высокой, поднимающейся над краем ручкой. Найден всего один такой сосуд. Он необычен

104

для IX в. и не находит себе аналогий ни в Хорезме, ни в других областях Средней Азии. Близкие по форме кружки появляются в Согде и Мерве гораздо позже, в XII – начале XIII в., но они сильно отличаются по характеру теста, обжига и декора [Шишкина 1979. С. 148. Табл. LXXVII, 8].

Н. Ю. Вишневская

104

Котел

Хорезм
IX в.
Камень; резьба, шлифовка
Высота 12,5 см, диаметр дна 18,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 477 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 36

Котел конической формы с тремя вертикальными выступами с зубчатым краем. В стенках просверлены ремонтные отверстия. Сосуд изготовлен из так называемого горшечного камня, представляющего собой достаточно мягкую тальковую породу. Вопрос о разработке тальковых пород в Узбекистане подробнейшим образом рассмотрен Е. Б. Пругером [Пругер 1975. С. 233–231]. Ареал изделий из этого минерала очень широк, они встречаются в Туркменистане, Таджикистане, Фергане, Хорезме, и т. д. Первое письменное упоминание о добыче талькового камня в Средней Азии содержится в строительной надписи из дворца Дария I в Сузах. Средневековые арабские авторы (ал-Макдиси, ал-Ис-

тахри, Ибн Хаукаль) упоминают о разработках в горах Хорасана и Хорезма. В горном массиве Султануиздага археологически обследованы древние рудники, в некоторых из них найдены заготовки конических котлов. Мягкость и простота обработки породы давала возможность массового производства жаропрочной кухонной посуды, отсюда и название – горшечный камень. Время эксплуатации хорезмийских рудников определяется в пределах IX–XIV вв. Находка каменного котла в закрытом комплексе середины IX в. подтверждает нижнюю границу этого интервала.

Н. Ю. Вишневская

105

Котел

Хорезм
IX в.
Глина; гончарный круг, лепка
Высота 18,5 см, диаметр дна 22,5 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 655 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 36. Рис. 11, 1

Сосуд с коническим туловом и резким перегибом к придонной части. Горловина не выделена, венчик слегка отогнут. Котел имеет две горизонтальные ручки-упора, украшен прочерченным гребенчатым орнаментом. Декор дополнен удлиненными вертикальными и коническими налепками. Всего в комплексе найдены три таких сосуда. Помимо Джигербента конические керамические котлы были обнаружены на городище Садвар [Армарчук 1992. С. 118. Рис. 59, 8–12]. Этот тип кухонной посуды, несомненно, подражает коническим каменным котлам, изготовленным из тальковых пород.

Н. Ю. Вишневская

106

Крышка

Хорезм
IX в.
Глина; лепка
Высота 14,0 см, диаметр 18,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 652 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 36–37. Рис. 12, 8

105, 106

Коническая крышка с грибовидной ручкой. Керамическое тесто с примесями, обеспечивающими большую жаропрочность, полностью соответствует тесту котлов.

Поверхность украшена налепными дугами, на горизонтальной поверхности ручки крестовидная фигура, вписанная в концентрические окружности (универсально распространенный охранительный знак). Конические крышки подобного облика известны на городище Садвар [Армарчук 1992. С. 117. Рис. 57, 6, 9, 10], в материалах из Замахшара X в. [Вактурская 1959. Рис. 44, 30], на городище Кескен-Куяк-кала VIII–IX вв. [Левина 1971. С. 85. Рис. 81, 41–57]. Этот тип крышек фиксируется в материалах Джетыясарской культуры одновременно с появлением налепных жгутов с насечками и защипами. Ближайшие аналогии находим в материалах из раскопок памятников Семиречья [Левина 1996. С. 189]. Видимо, лепной вариант конических крышек пришел в Хорезм из низовьев Сырдарьи и связан с влиянием тюркского населения.

Н. Ю. Вишневская

107, 108

107

КотелХорезм
IX в.

Глина; гончарный круг, лепка
Высота 31,0 см, диаметр 33,0 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 1566 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 35. Рис. 11, 11

Плоскодонные горшки-котлы с цилиндрическим горлом, слабо выраженным отогнутым венчиком и одной вертикальной ручкой – один из массовых керамических типов на памятнике. Только в комплексе клетки их найдено более пятидесяти. По степени популярности котлы сопоставимы с водоносными кувшинами и также, как они, имеют несколько стандартов размера при сохранении пропорций и основных морфологических признаков. На выставке представлен наиболее крупный вариант котлов. В том же ком-

плексе найдены лепные горшки-котлы сходной формы, но украшенные характерным наклепным орнаментом в виде жгутов с насечками. Этих сосудов немного, их присутствие в комплексе IX в., видимо, свидетельствует о связях с кочевой периферией низовий Амударьи, с культурами Нижней и Средней Сырдарьи, а возможно, о проникновении групп населения из этих районов в южный левобережный Хорезм. Выполненные на гончарном круге сосуды в массовом варианте воспроизводят форму, но при этом теряют орнаментику лепного прототипа. Очевидно, к середине IX в. был достигнут высокий уровень ремесленной стандартизации, приведший к утрате таких характерных этнических признаков, как декор. Видимо, в районе Джигербента влияние кочевой периферии к тому времени уже носило остаточный характер и сформировалась ремесленная традиция городского, рыночного типа.

Н. Ю. Вишневская

108

МаслобойкаХорезм
IX в.

Глина; гончарный круг, лепка
Высота 35,0 см, диаметр 22,5 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 1154 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 38. Рис. 10, 2

Маслобойка с бочонковидным туловом, слегка раздутым в верхней части. Характерными признаками, указывающими на ее назначение, являются горизонтальная дуговидная ручка, прилегающая к тулову, и небольшое сквозное отверстие рядом с ней. Те же детали присутствуют еще на двух сосудах из комплекса субструкционной клетки. Маслобойки – довольно часто встречающаяся хозяйственная керамическая форма. Сосуды аналогичного устройства найдены в слоях VII–VIII вв. на Акдепе [Губаев, Логинов, 1998. С. 58], в комплексах раннесредневекового Тохаристана [Соловьев 1996. С. 59], в Карабулаке XII в [Брыкина 1974. Рис. 42]. Известны этнографические аналоги в материалах Средней Азии [Пещерева 1969. С. 253. Рис. 71, 2]. Старинные маслобойки делятся на две группы. Первая – неподвижные толкачные, в которых разделение сливок на масло и пахту достигается движением некоего приспособления (толкача). Вторая группа – вращающиеся или качающиеся: материал сбивается путем вращения или качания самого сосуда. Наша маслобойка, несомненно, относится к качающимся. Горло сосуда плотно закрывалось, дуговидная ручка помогала раскачивать маслобойку, а отверстие служило для слива уже обезжиренной пахты.

Н. Ю. Вишневская

109

Кувшин столовыйХорезм
IX в.

Глина; гончарный круг, лепка
Высота 17,0 см, диаметр 11,7 см
Джигербент, субструкционная клетка, раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
ГМВ, инв. № 646 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 42. Рис. 15, 5

Кувшин светлоглиняный со сферическим туловом, цилиндрическим горлом и вертикальной ручкой, крепящейся в верхней части горла

109

и на плечиках. На плечиках две прочерченные концентрические линии. С внешней стороны поверхность покрыта светлым кремовым ангобом. Этот тип небольших столовых кувшинов, несколько варьируясь в пропорциях и абрисе, широко распространен практически во всех областях Средней Азии в IX–X вв., в том числе и в самом Хорезме [Вактурская 1959. Рис. 8, 15; Шишкина 1979. Табл. VII, 11]. Такие сосуды не отличаются какими-либо яркими, выразительными особенностями, при этом они очень функциональны и просты в изготовлении. Эти качества сделали их практически универсальной формой столовой посуды.

Н. Ю. Вишневская

110

110

ХумчаХорезм
IX в.

Глина; гончарный круг, лепка
 Высота 47,5 см, диаметр 37,0 см
 Джигербент, субструкционная клеть, раскопки
 Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
 ГМВ, инв. № 1569 IVкр
 Публикации: Вишневская 2001. С. 32–33. Рис. 9, 1, 2

Светлоглиняная хумча с шаровидным туловом, невысоким горлом, сложнопрофилированным отогнутым венчиком. В основании горла три маленькие ручки с пальцевыми вдавлениями в нижней части. По венчику и горлу тянутся три налепные полосы с пальцевыми вдавлениями, на плечиках – прочерченный гребенкой линейный и волнистый орнамент. Тарные сосуды такой формы являются новшеством для Хорезма, при этом характер орнаментации венчика восходит к декору керамических изделий афригидского периода [Неразик 1966. Рис. 18, 11–13]. Особая нарядность хумчи, отдельные детали (небольшие, чисто декоративные ручки) – это уже дань новому стилю, пришедшему от южных соседей, в том числе из Согда.

Н. Ю. Вишневская

111

Декоративный сосуд (курильница?)Хорезм
IX в.

Глина; гончарный круг, лепка, резьба
 Высота 18,5 см, диаметр 11,5 см
 Джигербент, субструкционная клеть, раскопки
 Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975–1976 гг.
 ГМВ, инв. № 904 IVкр
 Публикации: Вишневская 2001. С. 46–47. Рис. 16, 3

Сосуд цилиндрической формы на трех ножках. На тулове крепятся четыре вертикальные зооморфные ручки с выступающей верхней частью и круглым налепом. По всему тулову нанесен резной орнамент: под венчиком пояс сквозных треугольников, ниже пояс миндалевидных фигур, в придонной части крупные треугольники, дополненные оттисками треугольного заостренного штампа.

Форма сосуда необычна, полной аналогии найти пока не удается. Тем не менее ряд признаков указывает на определенный культурно-ремесленный круг. Затрудняясь точно определить назначение декоративного сосуда из Джигербента, отметим лишь, что керамические изделия на ножках часто оказываются подражанием изделиям торевтики и, как правило, не являются ординарными и повседневными, в частности, используются как курильницы. Похожие зооморфные ручки находим на трехручной вазе из Суз, отличие заключается в отсутствии налепов [Rosen-Ayalon 1974. P. 156]. Традицию зооморфных ручек в иранской керамике раннеисламского периода исследователи относят к подражанию сасанидской торевтике, восходящей, в свою очередь, к ахеменидской культуре. В керамике Суз встречаются и вполне реалистические зооморфные фигурки, как и в нашем случае, сильно редуцированные. Резной декор на курильнице из клетки находит широкий круг аналогий и в самом Хорезме [Вактурская 1959. С. 280. Рис. 3, 3, 5], и в близлежащих областях – Кердере [Гудкова 1964 С. 134. Рис. 36, 3], Согде [Шишкина 1979. Табл. XVI, 15, XVIII, 3]. Орнамент в виде резных треугольников и миндалевидных фигур украшал иранскую столовую керамику VIII–IX вв. [Rosen-Ayalon 1974. P. 156–157. Fig. 359–363]. Трудно сказать, был ли уникальный сосуд из Джигербента привозным или изготовлен в самом Хорезме, но несомненно, что по форме, технике и декору он тяготеет к ирано-согдийскому керамическому стилю VIII–IX вв.

Н. Ю. Вишневская

111

**Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР в 1975 г.
Комплекс «сгоревшей кладовой»**

112

112

Кувшин

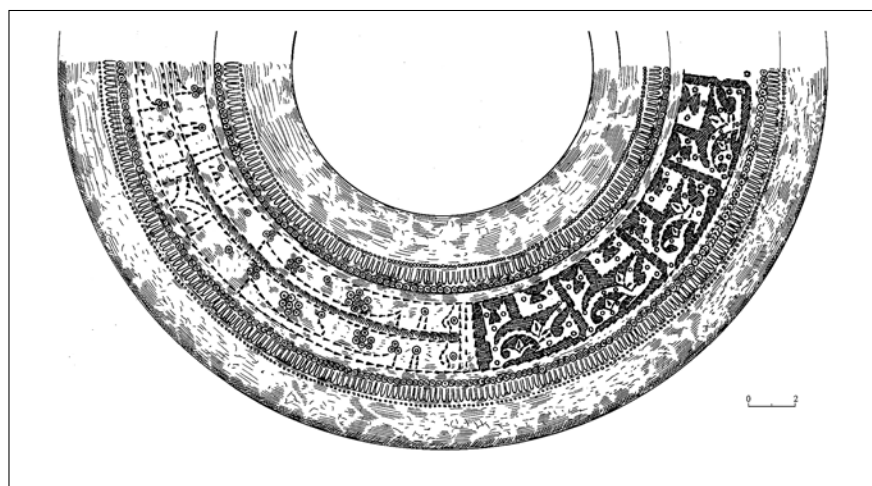
Хорасан (?)
X – начало XI в.
Бронза; ковка, литье, пайка, чеканка, гравировка
Высота 67,0 см, диаметр 33,0 см,
диаметр горла 16,0 см
Джигербент, «сгоревшая кладовая», раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 1433 IVм
Публикации: Вишневская 2001. С. 82–85. Рис. 34

Цилиндрическое тулово кувшина склепано из трех частей: придонной части, стенок и плечиков. Отдельно крепилось цилиндрическое горло и круглая в сечении ручка. В нижней части ручки есть петля, в которую продето фигурное кольцо в виде многолепестковой розетки. Накладная трехчастная пластина на горле сосуда соединяется с ручкой двумя узкими переплетенными полосами. Сама накладная пластина оформлена ромбическим орнаментом, нанесенным точечным пунсоном.

Плечики украшены орнаментальным поясом, выполненным гравировкой и дополненным кружками пунсона. Две трети окружности занимает имитация арабской надписи, оставшаяся треть разделена на два яруса. В каждом из них сочетаются гравированные пунктиром дуги и сгруппированные по три и по семь кружки пунсона. Гравировка неглубокая, сильно затертая, орнамент едва различим (см. рис. на с. 174). На венчике накладная пластина, орнаментированная «плетенкой».

Это лишь вторая находка целого металлического кувшина в Хорезме. Подобная редкость не удивительна, так как ценился сам металл, и сломанные вещи могли переплавляться. Бронзовые изделия чаще обнаруживают в кладах. Закрытый комплекс сгоревшей кладовой, собственно, и является таким кладом. Кувшинов подобного типа сохранилось немного, причем все они гораздо меньшего размера (около 30 см в высоту). Некоторые из них содержали клады куфических монет, что позволило исследователям датировать сосуды в пределах IX–X вв. [Даркевич 1976. С. 49]. Гораздо хуже обстоит дело с определением места их изготовления. Характер орнамента кувшина из Джигербента указывает на два возможных центра производства: Восточный Иран или Согд и Тохаристан [Melikian-Chirvani 1974. P. 142–147]. К сожалению, более точно выявить происхождение представленного сосуда пока не удастся.

Н. Ю. Вишневская

Орнамент на плечиках кувшина
Прорисовка Н. С. Сурвилло

113, 114

113

Глазурованная чаша

Хорезм
Конец X – начало XI в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, гравировка, глазурь
Высота 8,0 см, диаметр 21,0 см, диаметр дна 7,5 см
Джигербент, «сгоревшая кладовая», раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 643 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 69. Рис. 26, 5; С. 116. Рис. 44, 5

Чаша полусферическая, на дисковидном поддоне. Внутри и снаружи до поддона покрыта белым ангобом, затем прозрачной желтоватой глазурью.

Подглазурная роспись по ангобу выполнена коричневым и светло-коричневым; по красочному слою до ангоба нанесена гравировка.

По линии диаметра расположены два крупных «бутона», между ними – два фрагмента псевдоэпиграфического орнамента. Композиция дополнена четырьмя кругами с точками внутри.

Орнаментальный мотив «бутона» часто встречается на глазурированных изделиях Средней Азии и Ближнего Востока на протяжении X–XI вв. [Шишкина 1986. С. 55; Ильсова 2000. С. 62–66. Табл. 1–4; Watson 2004. P. 225. Cat. Gb.8, 9]. Прослеживается тенденция к постепенному усложнению композиции. Первоначальная миндалевидная фигура,

видимо, изображающая лист, со временем разрастается и становится элементом пышных букетов, заполняющих всё поле сосуда. Декор чаши из Джигербента практически идентичен росписи сосуда из Замахшара [Вактурская 1959. Рис. 8, 1]. Обе хорезмийские чаши отличаются лаконизмом композиции и монохромностью рисунка.

Н. Ю. Вишневская

114

Чаша

Хорезм
Конец X – начало XI в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, гравировка, глазурь
Высота 7,5 см, диаметр 18,5 см, диаметр дна 7,5 см
Джигербент, «сгоревшая кладовая», раскопки
Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 1144 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 69. Рис. 29, 6; С. 116. Рис. 44, 7

Полусферическая чаша на дисковидном, слегка вогнутом поддоне. Внутри и снаружи до поддона покрыта белым ангобом, внутри и снаружи до придонной части – прозрачной бесцветной глазурью. Подглазурная гравировка по ангобу доходит до черепка. Подглазурная роспись по ангобу выполнена зелеными, желтыми и темно-коричневыми потеками.

115, 116

Орнаментальная схема нанесена гравировкой и дополнена живописными потеками и пятнами. В основе композиции пятиконечная звезда, в нее вписан крестообразно разделенный круг. Полукруга у края заполнены косой штриховкой, центральный круг – сеткой.

Сосуды с росписью потеками и гравировкой широко распространены во всех областях Средней Азии в X–XI вв., хорошо известны и в самом Хорезме [Вактурская 1959. С. 297–298]. В Согде они датируются X в. [Шишкина 1986. С. 47; *Terres secrètes...* 1992. P. 39. № 119; P. 89, № 115, 118], в Мерве появляются с начала X в. [Бяшимова 1985. С. 14]. В Чаче керамика с росписью потеками известна, но встречается реже [Брусенко 1986. С. 49]. Подобный тип глазурованных изделий характерен также для Нишапура X в. [Watson 2005. P. 202. Cat. F.3, 4]. Стилистически чаша из Хорезма отличается от изделий других регионов более выраженным геометризмом композиции, менее расплывчатой росписью и явным преобладанием зеленого цвета.

Н. Ю. Вишневская

115

Чаша

Хорезм
Конец X – начало XI в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, гравировка, глазурь
Высота 7,0 см, диаметр 21,0 см, диаметр дна 9,0 см

Джигербент, «сгоревшая кладовая», раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г. ГМВ, инв. № 1145 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 69. Рис. 26, 6; С. 116. Рис. 44, 6

Чаша с вертикальным бортом, на дисковидном поддоне. Внутри и снаружи до поддона покрыта белым ангобом, внутри и снаружи до придонной части – прозрачной чуть зеленоватой глазурью. Подглазурная роспись по ангобу выполнена оливково-зеленым, красным и темно-коричневым.

По борту тянется пояс кругов с четырьмя точками внутри, ниже – полоса «скрученной ленты». Центральное поле разделено на четыре сектора, заполненные различными вариантами сетчатого орнамента в сочетании с растительными элементами. Снаружи по краю идет пояс z-образных фигур.

Секторная композиция и сетчатый орнамент в разных сочетаниях встречаются на глазурованной керамике повсеместно и в разное время [Вактурская 1959. Рис. 10; Лунина 1962. С. 236, 244. Рис. 15; Брыкина 1974. Рис. 49, 2; Gardin 1963. Pl. XVIII]. Роспись оливково-зеленым появляется с середины X в. [Шишкина 1979. С. 59; Брусенко, 1986. С. 51], для этого же времени характерны мотив «скрученной ленты» и z-образные фигуры снаружи по краю. Несмотря на некоторое сходство в композиции и деталях, близкой аналогии этой чаше найти не удается. Скорее всего, это специфически хорезмийский вариант декора.

Н. Ю. Вишневская

116

Чаша

Хорезм
Конец X – начало XI в.
Глина; гончарный круг, ангоб, роспись, гравировка, глазурь
Высота 9,0 см, диаметр 24,5 см, диаметр дна 9,0 см
Джигербент, «сгоревшая кладовая», раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г. ГМВ, инв. № 1146 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 69. Рис. 26, 6; С. 116. Рис. 44, 6

Коническая чаша на кольцевом поддоне. Внутри и снаружи до поддона покрыта белым ангобом, внутри и снаружи до придонной части – прозрачной бесцветной глазурью. Подглазурная роспись по ангобу фиштакково-зеленым дополнена красными и темно-коричневыми деталями.

Концентрическая композиция состоит из поясов с плетеным и растительным орнаментом в разных сочетаниях. На дне по линии диаметра идет полоса эпиграфического орнамента в обрамлении растительных элементов (чаша сильно пострадала в пожаре, и надпись не поддается прочтению; возможно, это благопожелание *алмадд* с искажением). Снаружи по краю тянется пояс z-образных фигур.

Форма и декор сосуда практически полностью идентичны чаше X–XI вв. из Замахшара [Вактурская 1959. Рис. 8, 12], различаются они лишь цветовой гаммой. Видимо, это местный тип изделий. Близкие по начертанию надписи опубликованы О. Г. Большаковым [Большаков, 1958. Табл. V].

Н. Ю. Вишневская

117

Хум

Хорезм
X – начало XI в.
Глина; гончарный круг, ангоб, гравировка
Высота 84,0 см, диаметр 47,0 см
Джигербент, «сгоревшая кладовая», раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г. ГМВ, инв. № 900 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 61. Рис. 23, 5

Сосуд с яйцевидным туловом, узким горлом и венчиком с внутренним уступом для крышки. Эта форма продолжает линию развития кувшинообразных хумов афригидского периода. На тулове глубоко прочерчено гребенчатым инструментом изображение птицы с пышным, распущенным веером хвостом и лентами, развеваю-

117

щимися за головой. Обращают на себя внимание характерные короткие завитки в основании хвоста. Фигурами птиц в сочетании с деревьями и солярными знаками украшены практически все хумы X в., найденные на городищах Джигербент и Садвар. Изображения павлинов и фазанов с лентами – один из популярных мотивов декоративно-прикладного искусства сасанидского и постсасанидского периодов. Они встречаются в торевтике, в настенных росписях, на тканях. Завитые перья в основании хвоста часто бывают отличительным признаком фазанов. Иконографически наиболее близки птицам Джигербента фигуры павлинов на деревянном резном панно из слоя VI–VIII вв. Калаи Кафирнигана [Литвинский 1979. С. 182]. Не углубляясь в семантику образа, отметим, что они часто воплощали собой солярную природу, а в композиции с мировым древом – один из символов мироздания. В любом случае, подобная фигура, представленная на бытовом сосуде, имела охранительный и благопожелательный характер. Рисунок на хуме из сгоревшей кладовой отличает высокий профессионализм и артистичность исполнения.

Н. Ю. Вишневская

118

118

Курильница

Хорезм
Начало XI в.
Глина; гончарный круг, лепка, резьба, гравировка, обжиг
Высота 14,5 см, диаметр 14,3 см
Джигербент, «сгоревшая кладовая», раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 644 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 65–66. Рис. 25, 9

Сосуд с цилиндрическим туловом и выделенным перегибом к плечикам и придонной части, горло цилиндрическое, венчик не выделен. Три вертикальные ручки украшены характерными вытянутыми грибовидными навершиями. В стенках тулова три группы сквозных отверстий, замаскированных наклепными «карманами». На плечиках нанесен резной ажурный орнамент, на горле и тулове – гравированный. Черепок очень тонкий, прекрасного обжига. Ремесленное и художественное качество изделия самого высокого уровня. Назначение сосуда не оставляет сомнений: при закрытой крышке дым от сжигаемых благовоний должен был подниматься через отверстия в «карманах» и ажурный пояс на плечиках. Внутри сохранились следы горения, вызванные, скорее всего, не пожаром, а функциональным использованием курильницы. Близкой аналогии сосуду из Джигербента найти пока не удается, возможно некоторое

119

сходство с тюркскими серебряными широкогорлыми сосудами [Брыкина 1974. С. 48, 49].

Н. Ю. Вишневская

119

Фигурка птицы

Хорасан или Мавераннахр
X–XII вв.
Бронза; литье
Высота 3,5 см, длина 2,5 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 1312 IVм
Публикации: Вишневская 2001. С. 86. Рис. 35, 11

Фигурка птички с хохолком на голове и раздвоенным хвостом является навершием ручки сосуда. Нижняя поверхность основания гладкая, без следов сломы. Возможно, это свидетельствует о том, что перед нами заготовка, которую только предстояло закрепить на сосуде. Навершие в виде птички – излюбленный сюжет для украшения различных бронзовых изделий X–XIII вв., чаще всего небольших кувшинов и светильников. Помимо декоративной функции, изображения птиц имели и благопожелательный характер. Судя по размеру, фигурка из Джигербента, скорее всего, увенчивала ручку светильника.

Н. Ю. Вишневская

120, 121

120

Бубенцы

Хорезм
X–XII вв.
Бронза; литье
Диаметр 1,8–2,0 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 1313 IVм, 1314 IVм, 1314 IVм
Публикации: Вишневская 2001. С. 86–87. Рис. 35, 7

Три сферических бубенчика с прорезью внизу, шариком внутри и петелькой для подвешивания. Эта категория предметов широко представлена на памятниках Средней Азии различных эпох. В Хорезме они особенно часто встречаются в слоях XI – начала XIII в. Предполагается, что бубенчики могли служить шумящими подвесками в ритуальных предметах. В нашем случае они являлись принадлежностью обычного костюма, но, вполне вероятно, выполняли функцию оберега, своим звоном отгоняя злых духов.

Н. Ю. Вишневская

121

Бубенец

Хорезм
X в.
Бронза; литье
Диаметр 2,6 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 1317 IVм
Публикации: Вишневская 2001. С. 87. Рис. 35, 8

Назначение сферического ажурного бубенца с отломанной петлей не вполне понятно. Сходный предмет, но несколько большего размера (диаметр 3,8 см), происходит из Ирана, датируется XI–XII вв. и атрибутируется А. С. Меликяном-Ширвани как бубенец для скота [Melikian-Chirvani 1982. P. 135–136. No. 63].

Н. Ю. Вишневская

122

122 Крышка светильника

Хорезм
XI–XII вв.
Бронза; литье
Диаметр 3,7 см, высота 2,3 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 1316 IVм
Публикации: Вишневская 2001. С. 85. Рис. 35, 9

Крышка полусферическая, в центре конический выступ с шишечкой, сбоку петля для крепления. По всей поверхности нерегулярно расположены круглые сквозные отверстия. Литье не совсем качественное, часть отверстий не получились сквозными. Бронзовые светильники с подобными крышками были широко распространены в XI–XIII вв. [Melikian-Chirvani 1982. P. 101. Nos. 30, 31].

Н. Ю. Вишневская

123

123 Туалетный сосудик

Хорезм (?)
XI–XII вв.
Бронза; литье
Диаметр 3,8 см, высота 2,8 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1976 г.
ГМВ, инв. № 1318 IVм
Публикации: Вишневская 2001. С. 85. Рис. 35, 10

Миниатюрный туалетный сосудик-*усмадон* для косметики имеет своеобразный вид: полусферический резервуар на трех ножках, с горизонтальными выступами по бокам. Эта форма в точности копирует бронзовые котлы, хорошо известные в Хорасане и Мавераннахре с X–XI вв. [Melikian-Chirvani 1982. P. 48, 180. Nos. 10, 80]. Вертикальные выступы на усмадоне имитируют ручки. Бытование подобных косметических сосудов ограничено предмонгольским периодом, но его прототип оказался чрезвычайно долговечным. Известна группа котлов из Дагестана совершенно такой же формы, датированных XVIII в.

Н. Ю. Вишневская

124

124 Флакон

Хорезм (?)
X – начало XI в.
Стекло; выдувание, техника накладных нитей
Высота 5,5 см, диаметр 2,2 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 642 IVкр
Публикации: Вишневская 2001. С. 94. Рис. 39, 6

Флакон удлиненной яйцевидной формы на кольцевом поддоне, выполненном накладной нитью, с цилиндрическим горлом (венчик не сохранился). Материал – бесцветное полупрозрачное стекло. По линии максимального диаметра проходит орнамент в виде зигзага, выполненный коричневой накладной нитью. Миниатюрные парфюмерные флаконы – достаточно массовый вид изделий, фрагменты сосудов той же формы найдены на городище Садвар [Армарчук 1992. Рис. 65, 6, 8; 66, 5]. Сходная орнаментация марганцево-коричневыми накладными нитями используется для украшения небольших сосудов начала XI в. из Афрасиаба [Шижкина 1986. Рис. 8, 2].

Н. Ю. Вишневская

125

125 Перстень

Хорезм
X – начало XI в.
Сердолик, перламутр, горный хрусталь;
резьба, шлифовка, склейка
Диаметр 3,1 см, вставка 1,7 × 0,8 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 466 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 104. Рис. 41, 10

Перстень, вырезанный из цельного сердолика, со сточенной овальной площадочкой. На площадку наклеена подложка, представляющая собой овальную перламутровую пластинку, куда помещена овальная в плане, плоско-выпуклая в сечении пластинка горного хрусталя. Очевидно, по замыслу ювелира перламутр служил своего рода отражающим фоном, яркость которого усиливала выпуклая хрустальная линза. Перстни, вырезанные из цельного камня, известны; в первую очередь вспомним сасанидские кольца с печатями. В материалах средневекового Отрара в слоях XI–XIV вв. найдены перстни, вырезанные из горного хрусталя и нефрита, также, по-видимому, служившие печатями [Байпаков, Алдабергенов 2005. С. 72]. Но кольца, выполненные из разных материалов в такой сложной комбинированной технике, мне не известны. Возможно, это, как часто случается с находками из Джигербента, результат некоего местного ремесленного эксперимента.

Н. Ю. Вишневская

126

126**Бусы**

Хорезм
X – XI вв.
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР в 1974–1975 гг.

А: Бусина дисковидная

X–XII вв.
Сердолик; резьба, шлифовка, сверление
Диаметр 1,4 см, толщина 0,6 см
ГМВ, инв. № 497 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 97. Рис. 40, 2

В: Бусины призматические, восьмигранные

X в.
Сердолик; резьба, шлифовка, сверление
А: диаметр 0,9 см, длина 2,4 см; В: диаметр 1,0 см, длина 2,0 см; С: диаметр 1,0 см, длина 2,0 см
ГМВ. А: инв. № 499 IVдр; В: инв. № 502 IVдр; С: инв. № 503 IVдр
Публикации: А: Вишневская 2001. С. 97. рис. 40, 7; В: Вишневская 2001. С. 97. рис. 40, 6; С: Вишневская 2001. С. 97. Рис. 40, 5

С: Бусина четырнадцатигранная

X в.
Сердолик; резьба, шлифовка, сверление
Длина 1,0 см, ширина 1,0 см, высота 0,8 см
ГМВ, инв. № 501 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 97. Рис. 40, 9

Д: Бусина бипирамидальная

Сердолик; резьба, шлифовка, сверление

Диаметр 1,1 см, длина 1,8 см
ГМВ, инв. № 506 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 97. Рис. 40, 8

Е: Бусина веретенообразная

Начало XI в.
Непрозрачный слоистый камень; резьба, шлифовка, сверление

Диаметр 1,1 см, длина 3,7 см
ГМВ, инв. № 465 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 98. Рис. 40, 15

Ф: Бусина бипирамидальная, шестнадцатигранная

Начало XI в.
Зеленая яшма; резьба, шлифовка, сверление
Диаметр 1,1 см, длина 1,4 см
ГМВ, инв. № 500 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 98. рис. 40, 14

Сердоликовые бусины являются массовым материалом и находят многочисленные аналогии на памятниках Хорезма и всей Средней Азии. Бусины, представленные на выставке, были найдены в слоях X в. цитадели Джигербента. Известно, что в Хорезме нет собственных месторождений сердолика и других поделочных камней; ближайшие разработки самоцветов, например сердолика, находятся в западных предгорьях Тянь-Шаня. Не представляется возможным определить, вошел ли в Хорезм необработанный камень или уже готовые изделия. В слоях начала XI в. найдены бусы из непрозрачных пород камня.

Н. Ю. Вишневская

127–129

127**Пуговица**

Хорезм
X – начало XI в.
Кость; токарный станок, гравировка
Диаметр 1,6 см, высота 0,9 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 462 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 105. Рис. 42, 4

Округлая уплощенная пуговица с уступом в основании. Одиночное гравированное изображение: фигурка четвероногого животного с изогнутым длинным хвостом и большими ушами. Крайняя схематичность изображения не позволяет определить породу животного, но, возможно, это кошачий хищник. Впрочем, если предположить, что на голове у него не уши, а рога, то это может быть и бычок.

Н. Ю. Вишневская

128**Пуговица**

Хорезм
X – начало XI в.
Кость; токарный станок, гравировка, пунсонирование, окрашивание
Диаметр 2,2 см, высота 1,4 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1976 г.
ГМВ, инв. № 463 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 107. Рис. 42, 13

Полусферическая пуговица с уступом сверху и желобком посередине. В линиях гравированно-

го орнамента следы красного красителя. В нижнем ярусе тянется полоса циркульного орнамента, в верхнем нанесены пять изображений птичьего крыла. Видимо, мы встречаемся с приемом изображения части птицы как знака всей птицы. Подобный прием использования отдельного элемента как знака целого этнографы отмечают в амулетах народов Средней Азии. Особенно часто замена происходит в оберегах, связанных с птицами – фазанами, павлинами, петухами, голубями.

Н. Ю. Вишневская

129**Пуговица**

Хорезм,
X – начало XI в.
Кость; токарный станок, резьба, пунсонирование
Диаметр 1,7 см, высота 1,0 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 64 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 107. Рис. 42, 8

Округлая уплощенная пуговица с уступом в основании. Резной орнамент в виде трех волнообразных завитков из «сасанидских перлов». Этот мотив можно было бы считать чисто орнаментальным, если бы не фигурка павлина на другой пуговице из Джигербента, хвост которого изображен в виде точно такого же завитка [Вишневская 2001. С. 106. рис. 42, 7]. Видимо, здесь мы снова встречаемся с приемом изображения части как знака целого, причем отдельный элемент сохраняет всю семантическую и сакральную нагрузку цельного образа.

Н. Ю. Вишневская

130–133

130

Пуговица

Хорезм,
X – начало XI в.
Кость; токарный станок, гравировка
Диаметр 1,9 см, высота 1,2 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 474 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 107. Рис. 42, 14

Полусферическая пуговица с уступами в основании и наверху. Всё поле занимает гравированный циркульный и линейный геометрический орнамент.

Н. Ю. Вишневская

131

Пуговица

Хорезм
X – начало XI в.
Кость; токарный станок, пунсонирование, окрашивание
Диаметр 1,6 см, высота 0,9 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 475 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 107. Рис. 42, 10

Округлая уплощенная пуговица с уступом в основании и желобком вокруг отверстия вверху. Поверхность окрашена в темно-розовый цвет; циркульный орнамент состоит из кружков, сгруппированных по три.

Н. Ю. Вишневская

132

Пуговица

Хорезм,
X – начало XI в.
Кость; токарный станок, гравировка, окрашивание
Диаметр 1,5 см, высота 1,4 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 476 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 107. Рис. 42, 11

Биконическая пуговица с желобком по линии перегиба. Поверхность окрашена в темно-розовый цвет. Гравированный орнамент: в верхней части изображена крестообразная фигура с кружочками между лучами, в нижней – мотив «елочка».

Н. Ю. Вишневская

133

Пуговица

Хорезм
X – начало XI в.
Кость; токарный станок, пунсонирование, окрашивание
Диаметр 2,0 см, высота 1,1 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1976 г.
ГМВ, инв. № 478 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 107. Рис. 42, 15

Округлая уплощенная пуговица с вогнутым основанием и с уступом вверху у отверстия. Поверхность окрашена в ярко-розовый цвет. По полю произвольно расположены кружки циркульного орнамента.

Н. Ю. Вишневская

Костяные пуговицы с гравированным орнаментом – хорошо известная категория находок на памятниках Средней Азии и Казахстана в слоях X–XIV вв. Тем не менее костяные предметы из Джигербента и других памятников южного левобережного Хорезма (Садвар, Ак-Рабат, Ишан-Рабат) выделяются из этого массива. Как правило, костяные пуговицы других областей украшаются неглубоким геометрическим орнаментом большей или меньшей сложности. Наиболее близкие аналогии нашему комплексу можно найти в материалах городища Пайкенд [Семенов, Мирзаахмедов 2000. Рис. 121, 169], но между ними существуют и различия.

На изделиях Южного Хорезма часто встречаются зооморфные мотивы, по большей части изображения птиц. Иногда целую фигуру подменяют такие детали, как крыло или хвост, включенные в орнаментальную схему, но не теряющие смысловой нагрузки. Вероятно, по крайней мере некоторые пуговицы имели дополнительную функцию оберега [Армарчук 1987. С. 3; 1992. С. 154]. Кроме того, для хорезмийских изделий характерна более глубокая резьба, использование мотива «сасанидских перлов», в чем-то напоминающего архитектурный декор ганчевых панно сасанидского времени и раннего средневековья. Можно говорить о существовании в Южном Хорезме IX – начала XI в. оригинальной школы костерезного ремесла. Ее отличает высокая художественность и качество исполнения, а также специфический круг образов, используемых для украшения.

134, 135

134

Кольцо

Хорезм
X – начало XI в.
Кость; резьба, гравировка
Диаметр внешний 4,2 см, диаметр внутренний 2,2 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 472 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 109. Рис. 42, 16

Уплотненное подтреугольное в сечении кольцо. По окружности выгравированы изображения трех птиц с длинными хвостами. Фигурки выполнены довольно схематично, трудно сказать, какая именно птица имеется в виду.

Н. Ю. Вишневская

135

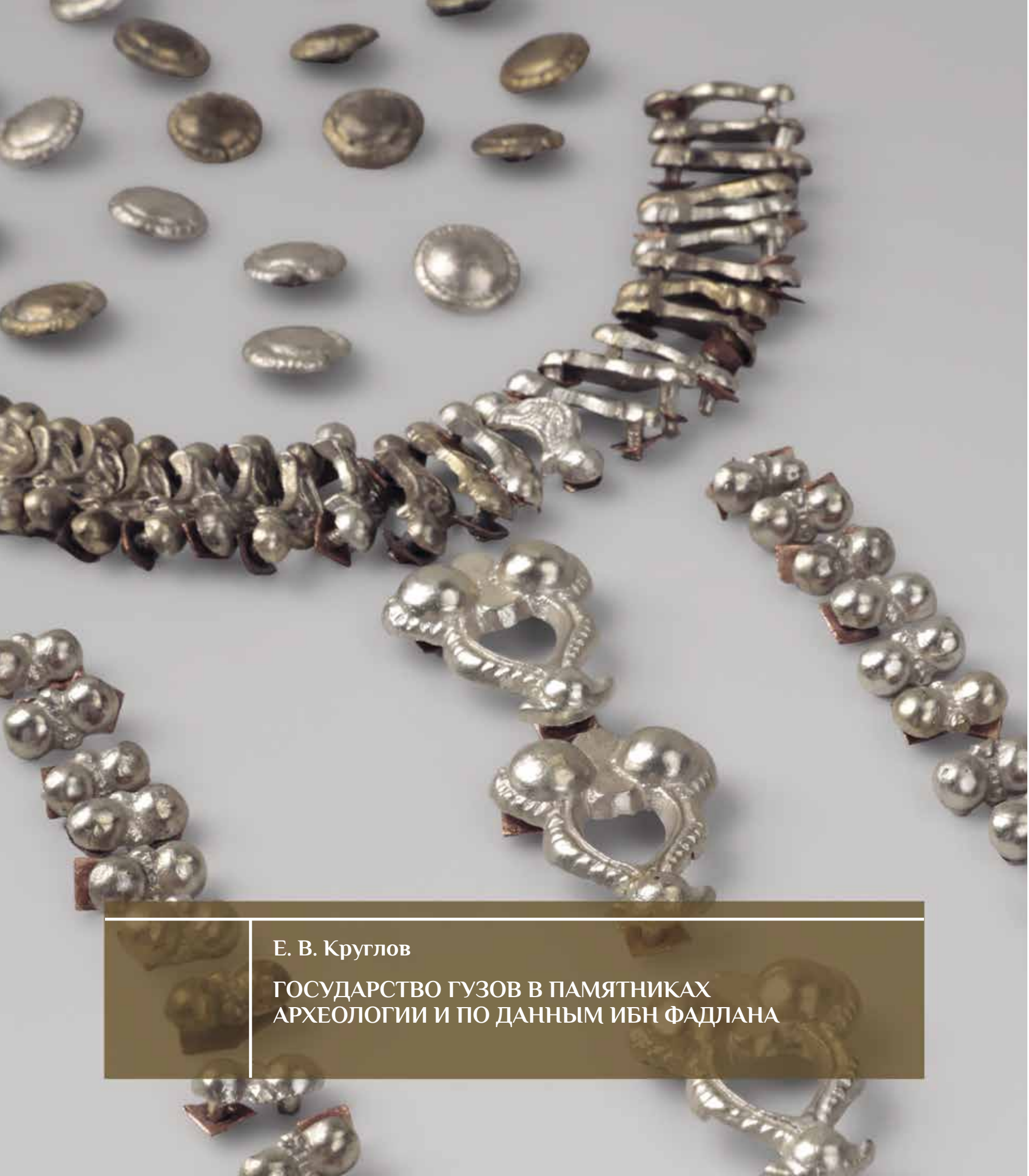
Подвеска

Хорезм
X – начало XI в.
Кость; резьба, гравировка
Высота 3,5 см, ширина 2,8 см
Джигербент, раскопки Хорезмской экспедиции
ИЭ АН СССР, 1975 г.
ГМВ, инв. № 461 IVдр
Публикации: Вишневская 2001. С. 109. Рис. 42, 17

Треугольная подвеска с гравированным орнаментом. Двойные линии окаймляют контур изделия, в центре пунсоном нанесены три кружка.

Н. Ю. Вишневская

Е. В. Круглов

ГОСУДАРСТВО ГУЗОВ В ПАМЯТНИКАХ
АРХЕОЛОГИИ И ПО ДАННЫМ ИБН ФАДЛАНА

После вынужденных длительных остановок сначала в Бухаре, а позднее в Хорезме, арабское посольство в самом начале марта 922 г. продолжило свой путь на север, к намеченной халифом цели. Уже через две недели, спустившись по склонам безжизненного Устюрта на равнину, посольство попало на бескрайние просторы страны гузов. Сообщения Ибн Фадлана о перипетиях передвижения посольства через страну гузов занимают важное место в его отчете, а красочные характеристики образа жизни гузов содержат множество уникальных сведений этнографического характера. Ибн Фадлан подробно описывает кочевой образ жизни гузов, пребывающих в «жалком состоянии» и «блуждающих как ослы». Он пишет, что у них «дома... из шерсти», что «они то останавливаются, то отъезжают. Ты видишь их дома то в одном месте, то те же самые в другом...» [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 125]. Важнейшее значение имеет описание погребального обряда гузов: «А если умер человек из их (числа), то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук, и положат в его руку деревянный кубок с набизом... принесут всё, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем и дом над ним покроют настилом и накладывают над ним нечто вроде купола из глины. (Потом) возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убивают из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И право же, они растягивают (всё) это на деревянных сооружениях и говорят: „Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай“» [Там же. С. 128].

Пропаганда ислама среди гузов оказалась неудачной, они остались приверженцами тенгрианства: «А если кого-нибудь из них постигает несправедливость или случится что-то неприятное, он поднимет голову к небу и говорит: „Бир Тенгри“». Знакомство с исламом носило у кочевников поверхностный характер, а эпизодические желания отдельных знатных гузов принять ислам объяснялись желанием получить подарки от мусульман [Там же. С. 128. С. 126].

Ибн Фадлан говорит о существовании у тюрок общего царя, которого называют «йабгу», но сам он его не видел. Йабгу, по-видимому, выполнял номинальные административные функции. Среди гузов к началу X в. выделась родовая и военно-кочевая знать, отдельные представители которой владели «десятью тысячами лошадей и ста тысячами баранов». Предводители родовых подразделений гузов, по Ибн Фадлану, именовались кюзеркины. Он описывает встречу с кюзеркином Йыналом, кочевья которого арабскому посольству пришлось пересечь еще в самом начале пути. Позже Ибн Фадлан сообщает о пребывании посольства у Этрэка, начальника войска огузов. Он считался ловким наездником, искусным воином и стрелком из лука, в этих качествах Ибн Фадлан имел возможность удостовериться лично. У Этрэка имелось не только большое количество лошадей и баранов, принадлежавшая непосредственно ему, но и многочисленная личная «челядь, свита и большие дома». И хотя эти «дома» были простыми кочевническими юртами, а их местонахождение – обычной зимней ставкой, власть Этрэка не вызвала сомнений. Он занимал важное место и в международной номенклатуре: болгарский

Набор бляшек, украшавших сапоги (кат. 149)

правитель Алмыш, к которому и направлялось посольство, приходился ему зятем. Текущими делами Этрэк занимался вместе с домочадцами и сыновьями покойного дяди, но решения по важным политическим вопросам принимал на общем совете вместе с подчинявшимися ему кюзеркинами Тарханом, Йыналом и Баглызом. Ибн Фадлан подробно описал ход такого совета, продолжавшегося целых семь дней. Наиболее примечательно то, что самым знатным и выдающимся участником сами гузы считали не военного предводителя Этрэка, а Тархана, который на деле был «хромым, слепым и сухоруким». По видимому, Тархан также являлся представителем родовой огузской знати, мог высказываться по всем вопросам и его мнение имело важное значение. Но окончательные решения на совете принимал все-таки Этрэк, причем не обсуждая вопроса с йабгу [Там же. С. 129–130].

Расставшись с гузами и последовательно переправившись через восемь полноводных весенних рек, но еще не достигнув наиболее крупной реки Урал, посольство арабов прибыло к печенегам, обитавшим около большого соленого озера Шалкар. Ничего примечательного за один день пребывания у печенегов Ибн Фадлан не обнаружил, только подчеркнул их заметную бедность в сравнении с огузами. Бедность у кочевников может выражаться в малочисленности стад, пастбищ и воинов [Там же. С. 130].

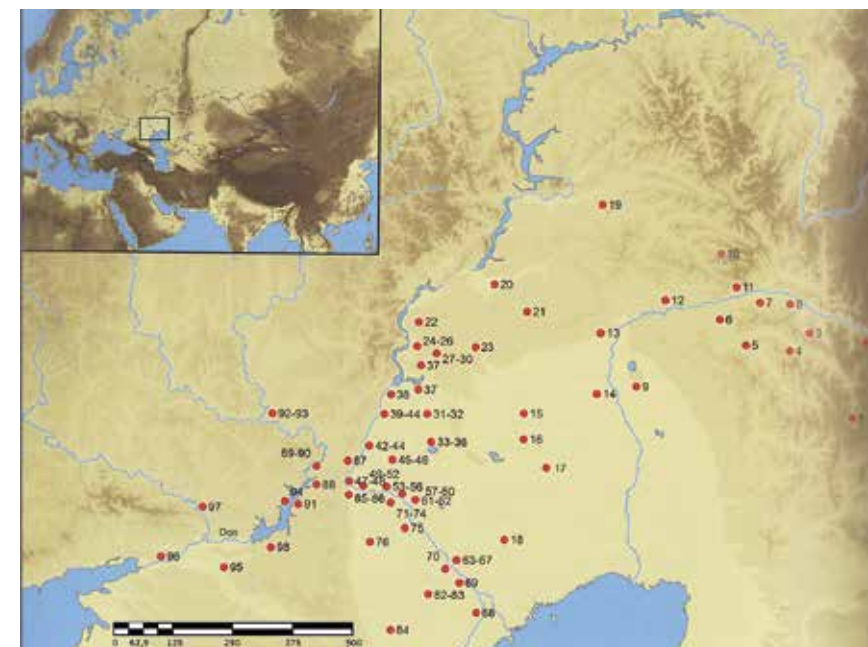
Считается, что гузы, или, как их называют источники, огузы, завладели территорией, на которой их зафиксировал Ибн Фадлан, лишь за четверть или треть века до того. Примечательно то, что зимняя ставка Этрэка находилась на самом северо-западном краю огузской территории, фактически, как пишет Ибн Фадлан, уже «при отъезде из их области» [Там же. С. 130]. Очевидно, что к 922 г. территория гузов простиралась лишь до р. Урал в нижнем ее течении, а район среднего течения всё еще занимали остатки печенегов, основная масса которых, как следует из других источников, уже находилась в это время далеко в Северном Причерноморье. Завоевание огузами Заволжья, вероятно, происходило уже несколько позже описываемых Ибн Фадланом событий, в середине X в. Во второй половине

X в., в 965 и 969 гг., огузы вместе со Святославом приняли совместное участие в разгроме Хазарского каганата. В результате в конце X в. степи, расположенные к северу от Каспийского моря, получили название Дешт-и-Огуз и полностью вошли в состав государства огузских йабгу [Агаджанов 1969. С. 37–42].

Новейшие исследования указывают на то, что огузы относились к числу древнейших объединений тюркоязычных кочевых племен, обитавших в Центральной Азии задолго до появления самого этнического термина «тюрк». По мнению С. Г. Кляшторного, после выхода на историческую сцену тюрков рода Ашина, огузы под именем теле и токуз-огузов в качестве реальной политической силы участвовали во всех перипетиях истории тюркских каганатов. Военные неудачи, периодически ослаблявшие тюрков, с неизбежностью приводили к восстаниям против них. Так, древнетюркские рунические тексты сообщают, что, в частности, в 715–716 и 724–725 гг. токуз-огузы дважды находились в состоянии войны с тюрками Бильге-кагана и Кюль-тегина и оба раза терпели от них тяжелейшие поражения [Кляшторный 2003. С. 114–120]. После краха II Тюркского каганата тогуз-огузы участвовали в гражданской войне в Уйгурском каганате, но уже во второй половине VIII в. мигрировали из Монголии в Восточный Туркестан, Семиречье, а также в районы восточнее Аральского моря, вытесняя оттуда печенегов-кенгересов. На Нижней Сырдарье с этого времени и начинается формирование государства приаральских огузов со столицей в Янгикенте [Кляшторный, Савинов 2005. С. 116].

Печенеги, вытесненные огузами из Приаралья, в Заволжье оказались восточными соседями Хазарского каганата и Леведии. Столкновение с хазарами окончилось для них неудачно, но в войне с венграми они добились успеха. Венгры покинули Заволжье и через земли Хазарского каганата ушли в Северное Причерноморье, а печенеги заняли их территорию. В результате в первой половине IX в. оформилось новое этнополитическое распределение сил: венгры – в Причерноморье (Ателькуза), население Хазарского каганата – в Подонье и Азово-Каспийском междуморье, печенеги – в Заволжье и Приуралье, гузы – на Нижней Сырдарье в Приаралье.

В настоящее время господствует мнение, что проникновение печенегов из Заволжья в Северное Причерноморье носило единовременный характер. Эта версия опирается на хорошо известные даты хроники Регино и сочинения византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении государством», согласно которым появление печенегов в Северное Причерноморье произошло между 889 и 893 гг. В действительности перемещение печенегов в Европу носило более сложный характер. Оно началось, по-видимому, уже во второй четверти IX в. и на этом этапе было связано с венграми. Византийские источники одновременно с рассказом о начале строительства Саркела (833 г.) совсем не случайно сообщают и о появлении печенегов на Дунае [Мусульманские писатели 1870 Гаркави. С. 53, примеч. 1]. По данным Баварского Географа, венгры, главные противники печенегов в это время, уже к 839 г. были оттеснены ими в самые крайние пределы Северо-Западного Причерноморья [Херрман 1988. С. 162. Рис. 1. № 46]. Ч. Балинт, основываясь на анализе сообщений Кембриджского Анонима, также пришел к выводу о гораздо более раннем времени появления печенегов в Северном Причерноморье – приблизительно в 840 г., а уже в 850-е гг., как отмечает исследователь, они принимали активное участие в кабарском восстании против хазар [Балинт 1972. С. 184]. Эти данные позволяют по-иному осмыслить возможные причины внезапной гибели во внутренних районах Хазарского каганата Правобережного городища и необходимость строительства в Подонье, ставшем именно в связи с печенежской опасностью стратегическим для самих хазар, таких мощных укрепленных крепостей, как Саркел. По данным Никоновской летописи первые столкновения печенегов с дружинами русских князей Аскольда и Дира относятся к 864 и 875 гг. [ПСРЛ 1862. С. 9; Рыбаков 1982. С. 306–308]. По всей видимости, именно прорвавшиеся в Северное Причерноморье ранние группировки печенегов и имел в виду анонимный автор «Худуд ал-Алама» под названием «хазарские», отличая их от «тюркских» [Худуд ал-Алам 1930 Бартольд. С. 24], которые, судя по данным Ибн Фадлана, в начале

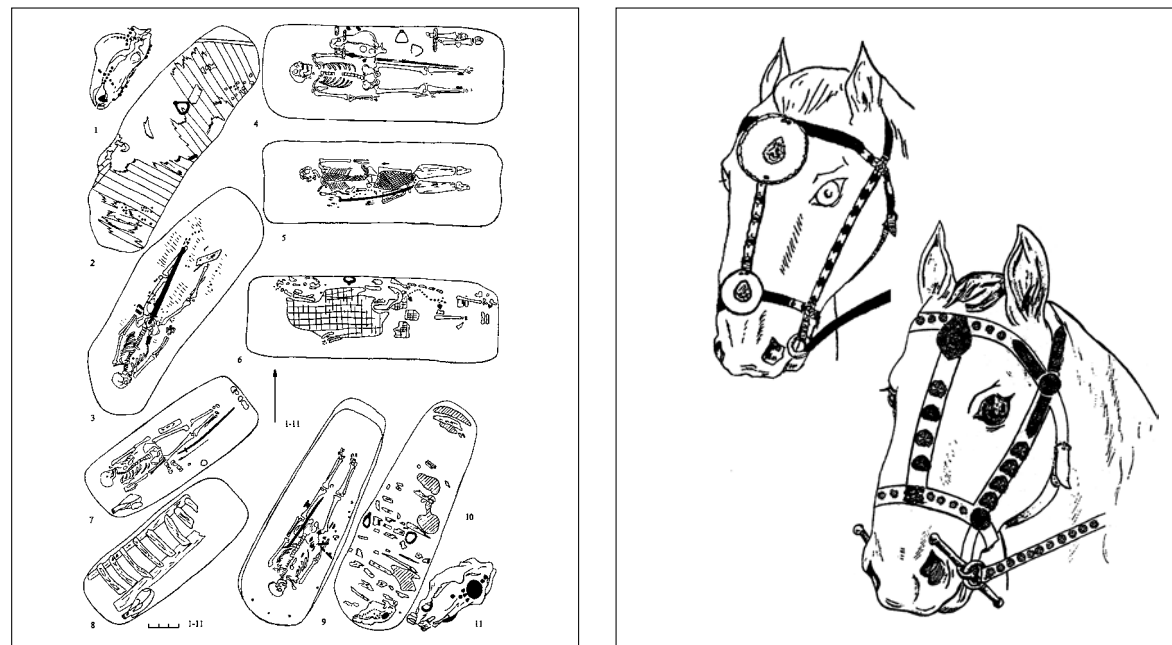

Карта распространения погребений печенегов и огузов на Востоке Европы (Нижний Дон, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье)
По: Maryksin, Kruglov 2013. С. 914

X в. всё еще оставались в Южном Приуралье, но по причине малочисленности уже не играли там никакой политической роли. На фоне всех этих независимых друг от друга фактов сообщения хроники Регино и Константина Багрянородного о появлении печенегов в Северном Причерноморье между 889 и 893 гг. можно рассматривать как указание на заключительную или наиболее значительную волну их перемещения в Европу. Так или иначе, к началу X в. в степи сложилось новое этнополитическое соотношение сил: венгры – в Паннонии, печенеги – в основном в Причерноморье, население Хазарского каганата – в Подонье и Азово-Каспийском междуморье, огузы – в Южном Приуралье [Круглов 1990. С. 74].

Решению целого ряда проблем истории печенегов и огузов способствует изучение археологических памятников степных кочевников второй половины IX – начала XI в. на территории Заволжья и Южного Приуралья (карта). Первые погребения были выявлены в 1888 г. Ф. Д. Нефедовым в урочище «Ханская могила» [Нефедов 1899. С. 32–33] и в 1909 г. И. А. Кастанье в могильнике Жаман-Каргала [Кастанье 1911. С. 73]. В 1928 г. Б. Н. Граков раскопал курган с характерным огузским погребением в могильнике на Алебастровой горе у п. Нежинский [Кривцова-Гракова 1928. С. 288–299], а в 1935 г. И. А. Зарецкий исследовал курган у п. Акбулак

Погребения огузских воинов-батыров из могильников 15-й поселок, Рахинка, Новоникольское, Купцын Толга, Заплавное (Нижнее Поволжье)
По: Круглов 2001. С. 412. Рис. 10

Реконструкции оголовий конской сбруи огузов (могильники Верхний Балыклей-II и Маяк Октября Кат. 144 (Е. В. Круглов); кат. 157 [по: Мордвинцева, Хабарова 2006. С. 210. Рис. 3])

[Зарецкий 1941. С. 153]. В 1948 и 1950 гг. под руководством И. В. Сеницына в Западном Казахстане были исследованы новые погребения кочевников IX–XI вв. у п. Жанакан в могильнике Сары Айдин и у п. Жангала в могильнике Кара Оба [Сеницын 1952. С. 71–72; 1956. С. 96, 127–131]. Отдельные погребения IX–XI вв. фиксировались в урочищах Асат Бай [Мелентьев 1967. С. 39], Бес Оба [Гладков, Гладкова, Мнушкин 1955. С. 89, 91], Жана Унем [Гарустович, Иванов 2001. С. 147, 168] и Чалкар [Максимов 1969. С. 133–137]. Наиболее значительное количество средневековых погребений IX – начала XI в. было исследовано археологической экспедицией Уральского государственного педагогического института под руководством Г. А. Кушаева и Б. Ф. Железчикова в могильниках Чалкар (1968–1971 гг.), Карасу (1974–1975 гг.), Кос Оба и Жарсуат (1977 г.) [Кушаев 1993. С. 12–18]. Значительный вклад внесли работы волгоградских археологов: В. А. Кригера, В. В. Лукашова, В. И. Мамонтова, Е. П. Мыськова, А. С. Скрипкина в Заволжье в 1972–1990 гг.

Погребения IX – начала XI в. Волго-Уральского междуречья, выявленные к 1985 г., были детально проанализированы В. А. Кригером [Кригер 1985]. Исследователь выделил в регионе две группы памятников, одну из которых весьма убедительно связал с огузами и предложил развернутую характеристику по-

гребального обряда этих кочевников [Кригер 1985. С. 14–18; 1986. С. 114–131; 1993. С. 137–144]. Особенности, характерными для огузов, были признаны:

- использование для погребальных целей уже существующих земляных курганов без камня;
- преимущественно впускной характер совершаемых захоронений;
- сооружение простых, в основном прямоугольных, могильных ям;
- поза погребенных: вытянуты на спине, головой на запад, с сезонными отклонениями;
- наличие в могилах деревянных перекрытий и гробов;
- использование в женских и детских погребениях этнографических амулетов: копушек, птицевидных и крыловидных нашивок, привесок – культовых символов тенгрианского обряда почитания женского божества Умай;
- сопровождение умерших черепом и нижними частями конечностей лошади. Останки лошадей укладывали над останками погребенных, в насыпях могильных ям, на перекрытиях, на крышках гробов или колод, на ступеньках.

Все эти особенности в деталях соответствуют описанию погребального обряда огузов, свидетелем которого был Ибн Фадлан [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 126]. Позднее идеи В. А. Кригера поддержали и другие иссле-

дователи [Круглов 1989. С. 35–36; 1994. С. 38–39; 2001 а. С. 59–62; 2001 б. С. 394–403; 2003. С. 13; Иванов 1990. С. 36; Кушаев 1993. С. 102–103; Гарустович, Ракушин, Яминов 1998. С. 248; Гарустович, Иванов 2001. С. 76–79; Бисембаев 2003. С. 101–103; Плетнева 2003. С. 123–132]. К основным характеристикам погребального обряда огузов в настоящее время можно добавить еще несколько наблюдений [Круглов 2001 а. С. 59–62]:

- курганы с погребениями весьма часто имеют вытянутую подовальную форму;
- обнаруживаемые погребения, как правило, не одиночные, а составляют семейно-клановые группы захоронений, иногда довольно значительные, которые можно считать начальной стадией формирования собственных могильников;
- свыше 60% захоронений еще в древности были разрушены полностью, частично или хотя бы незначительно повреждены. Первой обратила на это внимание Е. В. Шнадштейн; особое состояние скелета погребенной из Успенки она прямо сопоставила не с ограблением, а с явлением ритуального разрушения останков покойного [Шнадштейн 1989. С. 271]. В погребениях огузов прослеживаются все ныне известные способы предохранения живых от преследования со стороны умерших, от простого связывания ног до полного разрушения всех сочленений;
- в погребальном обряде огузов, как и других тюрок, обязательным было участие коня. Этнографической чертой погребений именно огузов является положение над останками умерших не только растянутых, но и сложенных шкур коней. Жертвенная лошадь при погребении забивалась таким образом, что от целой шкуры не отделялись только метаподии и голова; мясо, видимо, целиком использовалось в поминальных церемониях. От растянутых шкур остается такое положение метаподий, при котором череп, если он был, находится у одного края могилы, задние ноги у противоположного, передние в центре, вместе с седлом и стременами. От сложенных шкур остаются неупорядоченно лежащие кучки конечностей, отчлененных исключительно по первый или второй скаковой сустав. В то же время конечности, упорядоченно лежащие

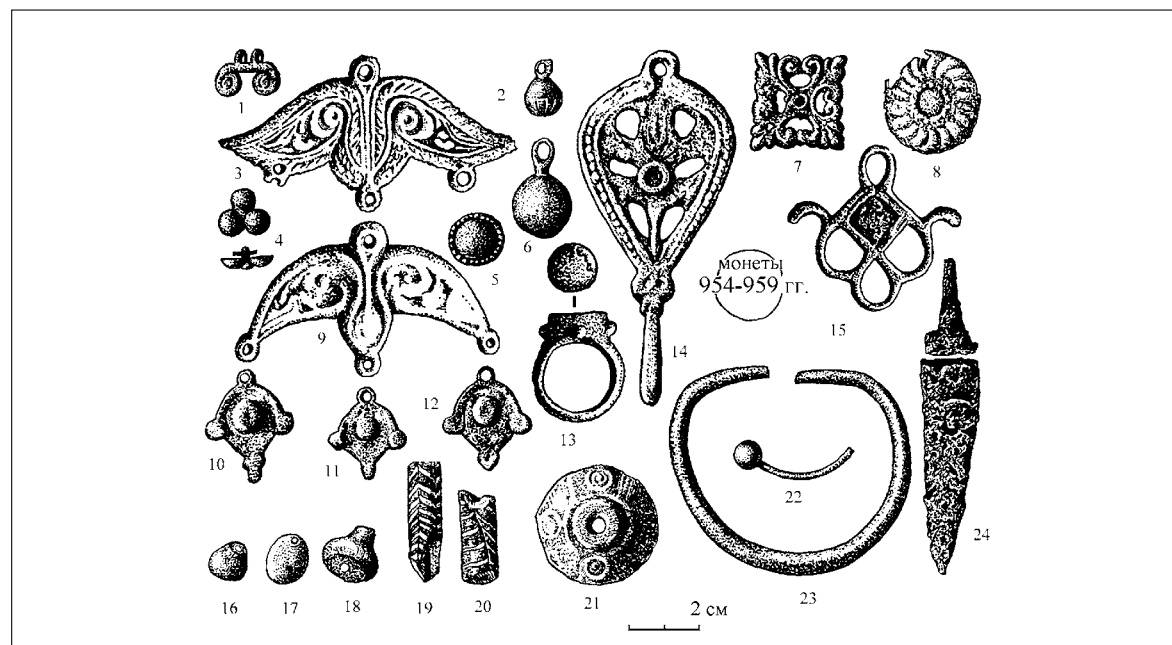
вместе, следует считать имитацией сложенной шкуры коня.

Погребальные памятники средневековых кочевников вышеописанного типа практически не характерны для Северного Причерноморья и встречаются в основном на территории Подонья, Волго-Донского междуречья, Заволжья и Южного Приуралья. Пять арабско-графических монет 954/955 и 958/959 гг. из погребения, обнаруженного на дюне у с. Лапас Астраханской области свидетельствуют о распространении этого типа в середине X – начале XI в. [Филипченко 1959. С. 236–242].

Ко второму типу захоронений относятся погребения, в которых сопровождающие останки ритуального коня расположены на одном уровне с человеком. В настоящее время это единственный критерий, по которому можно разделять погребения средневековых кочевников различных этнических групп. Погребения второго типа почти исключительно мужские. Они также представлены впускными захоронениями в насыпях более раннего времени, но без использования в могилах деревянных конструкций. Как правило, эти захоронения сопровождаются более архаичным могильным инвентарем: цельнолитыми бронзовыми пряжками с проволочными приемниками; костяными пряжками; костяными наконечниками стрел; специфическими поясными бляхами простых геометрических форм, обычно лишенных каких-либо художественно-технологических особенностей в виде растительной орнаментации, тиснения, чернения, золочения; сложносоставными луками с длинными концевыми роговыми накладками. В целом, погребения второго типа датируются в пределах IX в. и существенно отличаются от гораздо более поздних огузских захоронений середины X – начала XI в.

В этнокультурном плане памятники второго типа разнородны, но устойчивых и компактных территориальных групп они не образуют, а являются одиночными и беспорядочно разбросанными по степи. Если памятники X – начала XI в. достаточно легко поддаются этнокультурной интерпретации в качестве огузских, то проблема атрибуции более ранних захоронений IX в. еще окончательно не решена. Лесостепные захоронения типа 116 км,

Инвентарь из разрушенного женского огузского погребения у с. Лапас (Астраханская область). По: Филиппченко 1959. С. 239–242; Круглов 2003. С. 59. Рис. 1

Немчанки, Луговского, Золотой Нивы в настоящее время признаются протовенгерскими или раннебулгарскими. Для некоторого числа других комплексов (Бахтияровка, 32/12; Журов; Тамар Уткуль, 3; Яман) более или менее уверенно можно предполагать печенежскую атрибуцию. Однако определенная часть памятников имеет как печенежские, так и огузские признаки, что, вероятно, подтверждает информацию письменных источников об инфильтрации части печенегов в состав конфедерации огузов. При этом собственно печенежский обряд положения сложенной шкуры коня на одном уровне с человеком в огузской среде вполне мог видоизмениться. Составляющие его элементы, а именно использование только путовых суставов скаковых конечностей и сложенные в ногах шкуры коней, сохраняются, но уже в рамках собственно огузского обряда. Более широкое распространение последнего отражает процесс этнической консолидации кочевников на огузской основе [Агаджанов 1969. С. 146].

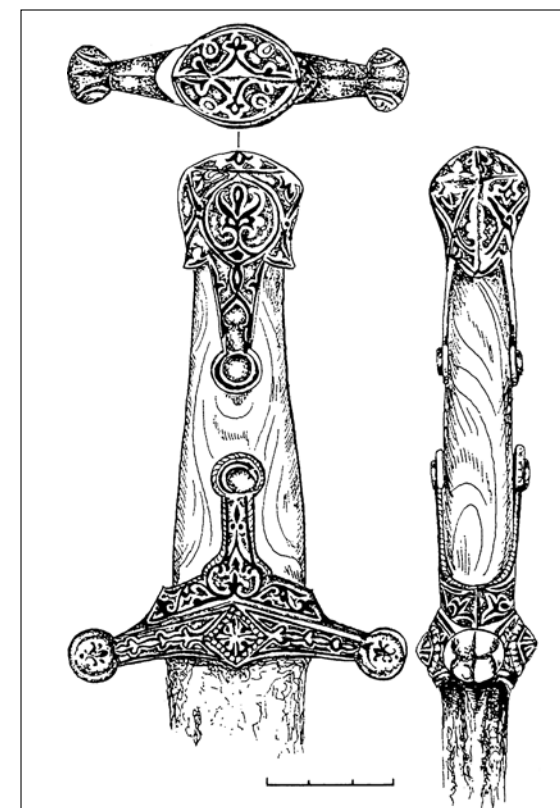
Все погребения кочевников IX в. второго типа можно отнести к 1-й таборной стадии кочевания по классификации С. А. Плетневой [Плетнева 1982. С. 24–26]. В середине X – начале XI в. ситуация совершенно иная. Значительное количество женских и детских захоронений, погребения знати, коллектив-

ные захоронения, широкое распространение обряда обезвреживания останков умерших, формирование собственных могильников и появление курганов «основного» типа являются яркими индикаторами 2-й стадии кочевания или даже начала перехода к 3-й стадии, близкой к постоянной оседлости. Действительно, к началу XI в. держава огузских йабгу уже являлась примитивным раннефеодальным государством со своим стационарным аппаратом управления, фискально-налоговой системой, айльной системой кочевания населения [Агаджанов 1969. С. 120, 146]. Рядовое население занималось полукочевым и отгонным скотоводством, главным образом коневодством. Письменные источники X в., Масуди, Идриси, Махмуд Кашгарский и др. однозначно свидетельствуют о существовании у огузов городов и крепостей, а также о наличии среди них значительных групп оседлого населения, занимавшегося пашенным земледелием и домашним ремеслом [Там же. С. 87–99]. Значительное количество огузских погребений ориентировано на запад с отклонением к югу, что свидетельствует о том, что они производились зимой, а следовательно, недалеко от зимних стоянок [Плетнева 1963. С. 259].

На фоне основной массы достаточно скромных захоронений рядовых членов огузского кочевого общества, чаще всего легко-

вооруженных мужчин и практически всегда невооруженных женщин и детей, выделяется 10–15 комплексов высшей кочевой огузской знати. Погребенных сопровождали кони с богатой уздой, ремни которой украшались многочисленными серебряными и бронзовыми накладками, пряжками. Среди этих предметов особенно выделяются большие декоративные бляхи-решмы и бляхи-бубенцы, украшавшие центральную часть конского оголовья. Эволюция этих изделий позволила наметить три хронологических этапа культуры огузов [Гаврилина 1987. С. 54–68; 1991. С. 147–155; 1993. С. 77–85]. Погребенные воины часто сопровождалась саблями помимо обычных лука и стрел. У многих имелся наборный пояс, у некоторых даже два. В одних случаях погребения могли принадлежать вождям небольших семейных групп, по-видимому, еще патриархально-клановых. В других – известным по тюркоязычному эпическому творчеству батырам вроде военного предводителя Этрэка, несомненно, уже выделившихся из состава таких групп.

Арабский историк Масуди сообщает о довольно раннем проникновении огузов на территорию Хазарского каганата в поисках пригодных пастбищ [Агаджанов 1969. С. 89, 148]. После того как в 965 г. князь Святослав в союзе с огузами разгромил Хазарский каганат, земли последнего вошли в состав огузского государства [Агаджанов 1969. С. 37, 150]. Огузы стали доминирующей военно-политической силой в степях Северного Прикаспия [Агаджанов 1969. С. 6]. Период, который для данного региона можно с полным правом именовать огузским, длился со 2-й половины X до начала XI в. Завершился он в 1-й половине XI в. половецко-кипчакским нашествием. Дальнейшая история огузов была связана с формированием целого ряда современных тюркоязычных народов Востока. В XI в., в ходе сельджукского движения, огузы оказались в Закавказье и Малой Азии и послужили одним из составных элементов азербайджанского и турецкого народов. В Средней Азии и Иране они сыграли ключевую роль в процессе консолидации туркменской народности. Значительные группы северокаспийских огузов влились в состав таких народов, как казахи, узбеки, каракалпаки,

башкиры и поволжские татары. Прямыми потомками огузов, ушедших в Восточную Европу, являются живущие в Молдавии и Болгарии гагаузы. В свете всего сказанного выше изучение истории огузов Северного Прикаспия имеет большое международное значение.

Навершие и перекрестье сабли из погребения огузского воина-батыра могильника Маяк Октября, кат. 159. По: Мордвинцева, Хабарова 2006. С. 209. Рис. 2

136

136

Ременные накладки

Нижнее Поволжье
IX – начало X в.

Бронза; литье

Серповидные накладки: длина 2,0 см, ширина 0,8 см; квадратные с прорезями: высота 2,2 см, ширина 2,3 см

Заволжье, могильник Журов, погребение 1 кургана № 2, раскопки В. И. Мамонтова, 1973 г.

ВОКМ, инв. № 23710/1, 2

Публикации: Круглов 1992а. С. 136. Рис. 1, 3, 4;

Культура средневековых кочевников 2001. С. 24. № 12

Накладки были найдены в погребении-кенотафе вместе с остатками кожаных ремней, со шкурой коня, его скаковыми конечностями и взнузданной головой, а также железной саблей. В составе набора:

- шесть целых и не менее шести фрагментированных серповидных накладок с ушками по краям, располагавшихся в один ряд между передними и задними скаковыми конечностями коня.

На обороте – штырьки для крепления к ремню;

- восемь подквадратных плоских накладок с прорезями для подвешивания дополнительных ремней и тремя штырьками для крепления на обороте. Накладки были разложены дугой между костями конечностей коня и железной саблей. С лицевой стороны украшены рельефным растительным орнаментом в виде виноградных ветвей, симметрично расходящихся из одного ствола лозы.

Судить о комплектности накладок сложно, явно отсутствуют пряжка и наконечник ремня. Набор мог быть в равной степени сбруйным и поясным, призванным заменить собой отсут-

ствующие останки умершего. К железной сабле мог прилагаться ременной привес для подвешивания к поясу. Последний вариант наиболее вероятен, так как позволяет объяснить отсутствие пряжки и наконечника.

По классификации С. А. Плетневой кенотафы связываются с первой, печенежской группой кочевнических памятников 2-й половины IX – XI в. восточноевропейских степей [Плетнева 1958. С. 153–158]. Однако на территории Северного Прикаспия кенотафов известно всего три, они более характерны для районов Северного Причерноморья, которые в X – начале XI в. контролировались именно печенегами. По форме журовские ременные украшения близки к украшениям Южного Урала из позднейших погребений могильников кушнаренковско-караякуповского типа: Ямаш-Тау I и Бекешево-II, Хусаиново, Лагереве и др., датирующихся концом VIII – IX в. [Мажитов 1981. С. 34 сл.]. Синхронный именно с этими комплексами журовский кенотаф является значительно более ранним относительно основной массы более поздних огузских погребений Северного Прикаспия (X – начало XI в.), а также некоторых печенежских комплексов Северного Причерноморья.

По классификации Г. Г. Король, орнаментальная композиция, подобная журовской, является серийной: она украшает исключительно прямоугольные накладки с прорезями, которые встречаются от Забайкалья до территории Древней Руси (Гнёздово). Композиция «симметричные гнезда винограда» художественной группы «виноградные гроздья и лоза» на журовских накладках находит ближайшую аналогию не на Востоке, а на Западе, в древнерусских курганах Гнёздово. Иконографические

особенности гнёздовских украшений позволили Г. Г. Король говорить о том, что они были изготовлены не в Средней Азии, а в восточноевропейском ремесленном центре по «восточному» оригиналу и предположительно являются репликами [Король 2008. С. 166–169. Рис. 41–43].

Е. В. Круглов

137

Лепной сосуд

Нижнее Поволжье

IX – начало X в.

Глина; лепка, гравировка по сырой глине

Высота 11,5 см, диаметр горла 9,0 см

Заволжье, могильник Бахтияровка-I, погребение 12 кургана № 32, раскопки В. А. Кригера, 1984 г.

ВОКМ, инв. № 23980/6

Публикации: Круглов 2005а. С. 164–166; 2008. С. 471.

Рис. 1, 18; Археологическое наследие... 2013. С. 150, 279, № 381

Глиняный лепной плоскодонный сосуд найден в захоронении человека с конем «печенежского» типа. Плечики украшены прочерченным по сырому тесту пышным орнаментом в виде двойных арочных гирлянд, вписанных между двух горизонтальных линий. Внутри полос гирлянд наколоты окружности. Украшенная подобным образом керамика связывается с памятниками янгикентской группы «болотных» городищ нижнего и среднего течения Сырдарьи, первоначально атрибутированных в качестве огузских [Толстов 1947. С. 69–71]. Однако в вещевом инвентаре погребальных памятников кочевых огузов северокаспийского региона подобная керамика не фиксируется. Поскольку поселения приаральского региона, на территории которых обнаруживается такая посуда, демонстрируют устойчивые домостроительные традиции и состояние общей оседлости минимум с VII в., распространение керамики с наколами и гирляндообразным орнаментом стали связывать с местным печенежским наследием, а не с кочевниками-огузами [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972. С. 190]. Новейшие исследования подтвердили культурную преемственность между позднедзетыясарскими и хорезмийскими древностями среднеафригидского периода, с одной стороны, и нижнесырдарьинскими поселениями, с другой [Аржанцева, Рузанова 2010. С. 12].

В Восточной Европе орнаментированная таким же способом керамика встречается в низовьях Волги, на разветвленных дюнных стоянках, в частности на Самосдельском городище, а так-

137

же в слоях IX–X вв. Саркела–Белой Вежи и Тмутаракани [Круглов 2008. С. 466]. Совместное пребывание печенегов и огузов в Саркеле–Белой Веже зафиксировано письменными источниками, для Самосделки оно тоже более чем вероятно, но сомнительно, чтобы огузы жили и в Тмутаракани.

В погребальных комплексах восточноевропейских кочевников IX–XI вв. сосуды с наколами и прочерченными гирляндами встречены дважды: в разрушенной могиле кургана F у с. Покровское близ Таганрога и в засыпи погребения 2 кургана № 10 кочевнического могильника у Саркела–Белой Вежи. Оба этих комплекса исследователи единогласно признают печенежскими [Плетнева 1990. С. 94–95; Гарустович, Иванов, 2001. С. 89], хотя и без надлежащей научной аргументации. На этом фоне захоронение 12 из кургана № 32 Бахтияровки оказывается едва ли не единственным закрытым погребальным комплексом, который можно более или менее уверенно атрибутировать как печенежский [Круглов 2008. С. 464–471].

Е. В. Круглов

138

138

Детали ременного гарнитура

Государство гузов
X в.

Серебро, бронза; чернение, золочение
Накладки: высота 2,5 см, ширина 2,2 см;
наконечник: длина 3,8 см, ширина 2,1 см
Заволжье, курганный могильник Царев, погребение 1
кургана № 23, раскопки В. И. Мамонтова, 1975 г.
ВОКМ, инв. № 23770/4, 5
Публикации: Мамонтов, Ситников 1993. С. 200–
202, 204. Рис. 8, 8–11; Культура средневековых
кочевников... 2001. С. 15, фото XIV; 25, № 22;
Археологическое наследие... 2013. С. 154, 279, № 379

Две бронзовые накладки и один серебряный наконечник, предположительно из поясного набора, найдены в разрушенном захоронении среди костей погребенного. Набор неполон, отсутствует по крайней мере пряжка. Обе накладки полуовальной формы со срезанным нижним краем и слегка заостренным верхним, в поперечном сечении дуговидные с треугольными прорезями для подвешивания дополнительных ремней. Наконечник с овальными боковыми сторонами, округлым передним краем и треугольным вырезом на тыльной стороне, в поперечном сечении также дуговидный. Края накладок и наконечника оформлены бордюром в виде непрерывной ложной зерни. На обороте штифты для крепления к ремням. Лицевая поверхность покрыта рельефным растительным орнаментом, выполненным в технике чернения по рисунку, предварительно намеченному чеканкой, с по-

следующей позолотой окружающей поверхности. Подготовительный рисунок имитирует традиционный мотив трилистника, но проработан он либо кустарно, либо просто неумело. Композиция не выявляет ни «двузначности», ни «центричности», обычно свойственных изделиям с чернением, в частности находкам из саркельского клада или инвентаря погребения у п. Красная Деревня [Макарова, Плетнева 1983. С. 62–65; Круглов, Лукашов, Мамонтов 2003. С. 210. Рис. 7, 2–5]. Более отцентрированной выглядит композиция на накладках с прорезями, состоящая из нескольких растительных кринов, но и в ней отсутствует «двузначность». Вероятнее всего, эти накладки лишь подражают изделиям группы саркельского клада, либо относятся к предметам иной художественной традиции.

Е. В. Круглов

139

139

Амулеты

Государство гузов
X – начало XI в.

Бронза; литье
Нашивки: А – длина 7,5 см, ширина 4,2 см;
В – длина 6,3 см, ширина 4,1 см;
привески: длина 2,9–2,4 см, ширина 2,4–2,1 см
Заволжье, могильник Верхнепогромное-II,
погребение 2 кургана № 15, раскопки В. П. Шилова,
1957 г.
ВОКМ, инв. № 5726/2, 3
Публикации: Культура средневековых кочевников...
2001. С. 14, фото VIII; 26, № 34

Бронзовые амулеты – птицевидные нашивки и шумящие привески найдены среди останков скелета подростка, под правой кистью и у таза. Типология этих специфических амулетов была разработана Г. А. Федоровым-Давыдовым к 1966 г. и используется до сих пор [Федоров-Давыдов 1966. С. 67. Рис. 12]. В состав комплекта амулетов из этого погребения входят следующие предметы:

- две нашивки (тип Д IIб), литые, крыловидные, плоские, с широко распластанными опущенными крыльями. Лицевая сторона украшена орнаментом. Вверху одиночная петля для пришивания к одежде, внизу три петли для подвешивания шумящих привесок;
- фрагмент птицевидной нашивки типа Д III;
- шесть привесок типа III, литые, плоские. Имеют вид диска с миниатюрным умбоном в центре, тремя выступами по бокам и петлей для подве-

шивания в верхней части. Шумящие привески к крыловидным нашивкам Д II.

Нашивки и привески из погребения у с. Верхнепогромное входят в состав компактной группы бронзовых изделий (копоушки, крыловидные и птицевидные нашивки Д II и Д III, привески к нашивкам Д II), считающихся этническими индикаторами огузов. Данные предметы обнаруживаются исключительно в женских и детских погребениях и являются амулетами-оберегами, связанными с культом тюркского божества Умай. Искусствоведческий анализ предметов этого круга проделан Л. М. Гавриловой, которая объясняет их широкое распространение у кочевников контактами с лесостепным финно-угорским населением [Гаврилова 1985. С. 214–226]. Эта группа украшений уверенно датируется в рамках 2-й половины X – 1-й половины XI в. Основанием для датировки служат материалы из погребения, обнаруженного на дюне у с. Лапас на Нижней Волге, где, помимо птицевидных подвесок с привесками и копоушки, были обнаружены саларидские дирхамы 954–955 г. и саманидский фельс 954–959 гг. [Филипченко 1959. С. 239–242]. Вопрос этнической атрибуции поставлен и решен В. А. Кригером [Кригер 1986. С. 125–128; 1993. С. 137–144], чьи доводы поддержали и другие исследователи [Гарустович, Иванов 2001. С. 76; Круглов 2001 б. С. 399–403, 431–433; Плетнева 2003. С. 128–132; Круглов 2005 б. С. 130–133].

Е. В. Круглов

140

140

Амулеты

Государство гузов
X – начало XI в.

Бронза; литье, гравировка

Копоушки: А – длина 8,2 см, ширина 3,4 см;

В – длина 8,5 см, ширина 4,0 см;

нашивки: длина 9,5 см, ширина 6,5 см

Волго-Донское междуречье, могильник Зakanальный, погребение 4 кургана № 4, раскопки В. И. Мамонтова, 1967 г.

ВОКМ, инв. № 27194/1–3

Публикации: Гаврилина 1985. С. 216. Рис. 2, 9;

Мамонтов 1991. С. 91. Рис. 3, 24–25, 28–29; Круглов

2001б. С. 398, рис. 2, 2; Культура средневековых

кочевников... 2001. С. 26. № 35

В погребении взрослой женщины на левой стороне груди найдены четыре бронзовых амулета: две птицевидные нашивки и две копоушки, изготовленные в технике отливки по модели. Этот набор, как и набор кат. 139, считается индикатором огузских погребений. Нашивки имеют вид сильно стилизованных прорезных фигур, с симметрично расположенными по бокам парными протомами, оформленными птичьими головками, обращенными в противоположные стороны. Нашивки разновариантны, одна со сплошным прорезным центром (Д IIIa), вторая с выпуклым ажурным умбоном в центре и двумя симметричными прорезями по бокам (Д IIIб). Веслообразные декоративные рукояти копоушек также разнотипны. В центральной части первой выгравирована растительная четырехлепестковая розетка из симметричных элементов (тип II). Центральная часть второй оформлена в виде свернувшейся в круг птицы с фигурно расправленным крылом, четко выделенными перьями и хохолком на голове, соприкасающимся с хвостом (тип III).

Е. В. Круглов

141

Амулеты

Государство гузов

X – начало XI в.

Бронза; литье, чеканка

Копоушки: А – длина 9,5 см, ширина 2,8 см;

В – длина 8,5 см, ширина 3,6 см;

нашивки: длина 7,3 см, ширина 4,6 см

ВОКМ, инв. № 5840/4/1–3

Заволжье, могильник Заплавное-1, погребение 6

кургана № 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Публикации: Гаврилина 1985. С. 216. Рис. 2, 11, 15;

Культура средневековых кочевников... 2001. С. 26.

№ 36; Круглов, 2001б. С. 398. Рис. 2, 5

Бронзовые амулеты – две разнотипные копоушки и одна нашивки, изготовленные в технике отливки по модели, найдены в парном захоронении взрослой женщины и грудного ребенка на поясе погребенной. Среди них:

– копоушка с веслообразной декоративной ажурной рукоятью, центральная часть которой оформлена в виде фигуры изящно свернувшейся в круг птицы;

– копоушка с веслообразной декоративной рукоятью, центральная часть которой украшена изображением трилистника. Углубленный рельеф в изображении листьев – подготовительная основа для заполнения чернью, почти полностью утраченной. Это подтверждает второй известный экземпляр копоушки V из погребения 2 кургана № 21 могильника у с. Старица, хранящийся в фондах Астраханского краеведческого музея-заповедника: на его поверхности остались следы пасты для чернения;

– одна нашивки типа Д IIIa, представляющая собой сильно стилизованную прорезную фигуру с четырьмя большими петлями для пришивания к одежде, одной вверху и тремя внизу, и симметрично расположенными по бокам парными протомами в виде небольших птичьих головок, обращенных в противоположные стороны.

Как и другие подобные амулеты, они входят в группу этнографических украшений огузских женщин и детей.

Е. В. Круглов

141

142

142

Амулеты

Государство гузов

X – начало XI в.

Бронза; литье

Крыловидная нашивка: длина 8,1 см, ширина 4,1 см;

шумящая подвеска: длина 3,2 см, ширина 2,6 см;

четырёхлепестковая нашивка: длина 5,2 см,

ширина 5,3 см

Заволжье, могильник Степано-Разинский,

погребение 10 кургана № 1, раскопки

Н. Я. Мерперта, 1957 г.

ВОКМ, инв. 5787/2–4

Публикации: Мерперт 1967; Круглов 2005б.

С. 130–133; Археологическое наследие... 2013.

С. 154, 278, № 373

Бронзовые амулеты, две нашивки и одна привеска найдены в погребении карлика, предположительно женщины:

– нашивка Д IIa, литая, крыловидная, плоская, с широко распластанными приподнятыми крыльями. Поверхность украшена орнаментом, главным элементом которого является полупальметта, очень напоминающая полупальметты хорасанских бронз (кат. 21) и керамики Мавераннахра (кат. 53). Вверху и внизу нашивки имеются петли для подвешивания к одежде;

– плоская литая шумящая привеска VI к нашивке Д IIa, круглая вверху и заостренная внизу, с боковыми выступами и ромбической прорезью в центре и петель для подвешивания;

– нашивка Д V, литая, круглая, с выпуклым центром, украшенным солярной четырехлучевой розеткой и отходящими от центра четырьмя прорезными обручами.

Этот комплект, как и комплекты кат. 139–141, представляет собой еще один вариант сочетания бронзовых амулетов огузских женщин.

Е. В. Круглов

143

143

Браслеты

Государство гузов

X в.

Серебро; литье, позолота, стекло, пайка, гравировка

Ширина 3,5 см, диаметр 7,0 см

Заволжье, могильник Верхний Балыклей-II,

погребение 1 кургана № 7, раскопки А. С. Скрипкина, 1980 г.

ВОКМ, инв. №32005/13

Публикации: Яворская 1997. С. 151. Рис. 3, 3;

Археологическое наследие... 2013. С. 153. Рис. 4; 278, № 371

Два широких браслета, изготовленные из тонкой пластины с несомкнутыми округлыми концами, были найдены на запястьях погребенной женщины в захоронении огузского типа. Из состава заупокойного инвентаря интерес вызывают большое бронзовое зеркало с циркульным орнаментом, железные ножницы для стрижки овец, не менее 100 серебряных накладок, украшавших сапоги, а также серебряные браслеты.

По верхнему и нижнему краю пластин браслетов проходит ряд маленьких выпуклостей, накерненных с внутренней стороны. В центре и по краям приклепаны гнезда для вставок, представляющие собой круглые оправы с ре-

льефным валиком по краю и четырьмя симметрично расположенными полусферическими выступами. Вставки крепились к оправе с помощью четырех зубцов. На одном браслете сохранилось две вставки: одна из синего стекла, другая из черной пасты. На другом сохранилась одна вставка из синего стекла. Между вставками, по центру пластин, проходит выпуклый валик, сделанный с внутренней стороны. Наружная поверхность браслетов украшена гравированным растительным орнаментом в виде бегущего по бега. Оправа, валик и часть растительного орнамента позолочены.

Весь набор комплекса близок к инвентарю из огузских погребений у п. Увак Оренбургской обл. [Федорова-Давыдова 1969. С. 262–266] и п. Успенка Астраханской обл. [Шнадштейн 1989. С. 23].

Е. В. Круглов

144

144

Сбруйный набор оголовья коня

Государство гузов

X в.

Серебро; литье, позолота, гравировка, пайка
Наносная и налобная бляхи-решмы: диаметр 8,3 и 10,3 см;
прямоугольные бляшки: длина 3,3 см, ширина 1,4 см;
наконечники ремней: длина 3,8 см; пряжка: длина 3,2 см
Заволжье, могильник Верхний Балыклей-II,
погребение 1 кургана № 5, раскопки А. С. Скрипкина,
1980 г.

ВОКМ, инв. № 32005/1-12

Публикации: Кригер 1987. С. 56, 58-59, 61.

Рис. 1, 7, 8; 2, 3, 8; 3, 5, 25; 4, 24; Гаврилина 1993. С. 84.

Рис. 1, 7, 8; Яворская 1997. С. 148-149, 157. Рис. 2;

Круглов 2001б. С. 406. Рис. 6, 1; Культура

средневековых кочевников... 2001. С. 15.

Фото XII; 25, № 13; Археологическое наследие... 2013.

С. 155, 277, № 372.

Одно из представительных погребений огузского типа в Нижнем Поволжье. Представляет собой захоронение взрослого мужчины, воина-всадника с колчаном с железными листовидными наконечниками стрел. На перекрытии находились шкура коня, деревянное седло, железные удила и стремяна, железные и серебряная подпружные пряжки. Наибольший интерес вызывает сбруйный набор оголовья коня, состо-

ящий из железных удил и множества серебряных накладок, среди них:

- двадцать две прямоугольные накладки;
- одна крестовидная и две Т-образные бляхи для соединения перекрестных ремней с полусферическими выпуклостями в центре и короткими боковыми лопастями, не сохранившиеся;
- три прямоугольных наконечника с заостренным передним и прямым тыльным краями;
- одна цельнолитая овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком, коротким трапецевидным орнаментированным щитком, осложненным полукруглым выступом;
- две большие круглые плоские бляхи-решмы с приклепанными по центру листовидными умбонами-бубенцами, украшенные рельефным растительным орнаментом. По краям фигурные окантовки.

Детали набора изготовлены в одном стиле. Узкие прямые стороны накладок и щиток пряжки украшены врезной позолоченной полосой ложной зерни, обрамленной изогнутыми дугами. Украшения конского оголовья располагались в определенной последовательности. После реставрации изделий оказалось, что ранее опубликованная реконструкция [Яворская 1997. С. 157. Рис. 2, 8; Круглов 2001 б. С. 406. Рис. 6, 1] не совсем верна. В частности, бляхи-решмы располагались на ремнях остриями бубенцов не «вниз», а «вверх».

145

Типологические и декоративные особенности сбруйного набора из Верхнего Балыкля позволяют отнести его к первой, наиболее ранней формально-стилистической группе сбруйных и поясных кочевнических украшений Восточной Европы X-XI вв. по классификации Л. М. Гаврилиной и датировать его X в. Определяющим для такого заключения является упрощенность орнамента и простота геометрических форм данных изделий. Контраст гладкого блестящего фона и небольших вкрапленных позолоченного рельефного орнамента составляет основу художественной выразительности вещей этой группы [Гаврилина 1987. С. 57].

Е. В. Круглов

145

Детали украшений сбруйных наборов

Государство гузов и Мавераннахр

X - начало XI в.

Серебро; литье, чернение, клепка

Бляха-решма: длина 4,6 см, ширина 3,4 см;

наконечники ремня: длина 4,7 см, ширина 3,1 см;

серповидные накладки: длина 3,5 см, ширина 1,4 см;

наконечник с псевдоэпиграфикой: длина 4,4 см,

ширина 1,8 см

Заволжье, могильник Киляковка, погребения

1 и 2 кургана № 4, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.
ВОКМ, инв. № 22200/11, 15, 42
Публикации: Мыськов 1993. С. 75. Рис. 3, 1-3;
Культура средневековых кочевников... 2001. С. 26. № 26;
Археологическое наследие... 2013. С. 154, 279, № 376

Детали сбруйного набора найдены в захоронении женщины 18-20 лет в могиле огузского типа, в засыпи ямы среди потревоженных костей черепа коня. Сохранились шесть серебряных штампованных накладок со штифтами для крепления к ремню. Среди них:

- лицевая часть двусоставной листовидной шумящей бляхи-решмы (тыльная пластина-зажим утрачена). В верхней части выступ, в центре листовидный умбон-бубенец с двумя отверстиями по бокам, украшенный рельефным растительным орнаментом;
- конечная сбруйная бляха в виде широкоугольного геральдического щита с заостренным одним краем и прямым другим;
- четыре двоянно-серповидные накладки с дополнительными парными полусферическими ушками по бокам.

Вероятнее всего, бляхи данного набора дошли не в полном составе. В засыпи расположенного рядом с погребением 1 однокультурного с ним захоронения 2 были обнаружены еще две ременные накладки:

146–148

– одна конечная сбруйная бляха в виде широкого прямоугольного геральдического щита, аналогичная конечной бляхе из засыпи погребения 1;

– узкий прямоугольный наконечник с заостренным передним краем и овальным вырезом на противоположной стороне. Поверхность украшена оригинальным орнаментом в виде стилизованной геометрической надписи на арабском языке, выполненной в технике чернения по рисунку, предварительно намеченному глубокой чеканкой. Согласно устному определению проф. Г. А. Федорова-Давыдова, надпись читается как «Аллах».

Сбруйные ремни, украшенные наборными накладками, более характерны для мужских погребений огузов. Наличие в могилах с одинаковой обрядностью функционально близких украшений позволяют объединять в общую этнокультурную группу не только женские и детские захоронения с амулетами (копоушки, крыловидные и птицевидные нашивки Д II и Д III, привески), но и мужские могилы с наборными сбруйными и поясными гарнитурами [Круглов 2001 б. С. 399–401, 433. Табл. 3].

Е. В. Круглов

146

Ключи

X – начало XI в.

Бронза; литье

А – длина 9,1 см, ширина 0,9 см; В – 9,3 см, ширина 0,8 см
Заволжье, курганный могильник Киляковка, погребение 1 кургана № 4, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.

ВОКМ, инв. № 22200/12

Публикации: Мыськов 1993. С. 7. Рис. 3, 16, 17;

Культура средневековых кочевников... 2001. С. 26. № 29;

Археологическое наследие... 2013. С. 156, 279, № 377

Два бронзовых фигурных ключа найдены в погребении женщины 18–20 лет в могиле огузского типа. Располагались в районе пояса. Изготовлены в технике литья по модели. Один ключ имел вид прямого стержня с петелькой для подвешивания, двумя гофрированными утолщениями на корпусе и специфическим Т-образным окончанием с полусферическими вырезами. Второй ключ имел вид стержня с петелькой для подвешивания, с гофрированным, расширяющимся к середине конусовидным утолщением.

Похожие железные и бронзовые ключи хорошо известны в памятниках Древней Руси [Рыбаков 2015. С. 197. Рис. 43], Саркеле–Белой Веже [Сорокин 1959. С. 179. Рис. 24], Пенджикенте [Расопова 1980. С. 126–127. Рис. 85, 4] и Булгаре [Савченкова 1996. С. 45–49. Рис. 17–19; Полякова 1996. С. 249. Рис. 78, 8].

А. В. Жадаева, А. В. Кривошеева, Е. В. Круглов

147

Браслеты

Государство гузов

X – начало XI в.

Бронза; литье, волочение, позолота, пайка;

вставки – природные камни

А – длина 6,3 см, ширина 7,4 см; В – длина: 6,4 см, ширина 6,7 см

Заволжье, курганный могильник Киляковка, погребение 1 кургана № 4, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.

ВОКМ, инв. № 22200/13

Публикации: Мыськов 1993. С. 75. Рис. 3, 12; Культура средневековых кочевников... 2001. С. 26. № 28;

Археологическое наследие... 2013. С. 156, 279, № 377

Два бронзовых плетеных разомкнутых браслета овальной формы найдены на предплечье костей рук женщины 18–20 лет в могиле огузского типа. Браслет «А» свит из двух позолоченных жгутов, спаянных из многочисленных нитей очень тонкой проволоки. Браслет «В» свит из двух полос толстой литой гладкой проволоки. Средние части обоих браслетов слегка расширены, на зауженные края напаяны каплевидные петельчатые гнезда для бирюзовых или лазуритовых каменных вставок.

Подобные браслеты имели широкое распространение в X–XI вв. Ближайшие аналогии известны в Больше-Тиганском могильнике и других памятниках Волжской Булгарии [Халикова 1976. С. 165. Рис. 6, 30; Полякова 1996. С. 180–186. Рис. 62, 4, 5, 15, 16], на городском кладбище Белой Вежи [Артамонова 1963. С. 70, 78. Рис. 56, 69]. В кургане 37 Саркельского кочевнического огузо-печенежского могильника браслеты этого типа найдены в захоронении женщины вместе с бронзовой нашивкой Д V [Плетнева 1963. С. 252, 256. Рис. 26, 5, 27, 4], аналогичной нашивке из погребения у ст. Степано-Разинская [Круглов 2005 б. С. 130–133].

Много находок близких серебряных браслетов зафиксировано в Средней Азии на территории Мавераннахра, в Фергане и Чуйской долине (кат. 81), но наиболее часто они встречаются вкладах с монетами X–XII вв. в районе среднего течения Сырдарьи на землях Чача. Среднеазиатские исследователи считают эти находки местной продукцией, которая развилась благодаря освоению грандиозной сырьевой базы рудников Илака. Считается, что распространение браслетов этого типа хронологически совпадает с важной вехой средневековой истории Центральной Азии – сменой правящей династии Саманидов Караханидами. Появление подобных браслетов из Средней Азии у степных кочевников и находки бронзовых копий этих изделий в погребениях свидетельствуют о том, что это были обычные украшения, пользовавшиеся большим спросом [Сверчков 2004].

А. В. Жадаева, А. В. Кривошеева, Е. В. Круглов

147

148

Птицевидные нашивки

Государство гузов

X – начало XI в.

Бронза; литье

А – длина 5,4 см, ширина 4,3 см; В – длина 6,0 см, ширина 4,3 см

Заволжье, курганный могильник Киляковка, погребение 1 кургана № 4, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.

ВОКМ, инв. № 22200/16/1, 2

Публикации: Мыськов 1993. С. 75. Рис. 3, 13; Культура средневековых кочевников... 2001. С. 26. № 30

Бронзовые амулеты – две однотипные ажурные птицевидные нашивки Д IIIa найдены в погребении женщины 18–20 лет в могиле огузского типа. Одна из нашивок сохранилась полностью, у второй обломаны края. Изготовлены в технике отливки по модели. Представляют собой стилизованные ажурные изделия с симметрично расположенными по бокам парными протомами в виде небольших птичьих головок, обращенных в противоположные стороны, с четырьмя большими петлями для пришивания к одежде, одной вверху и тремя внизу.

Нашивки варианта Д IIIa имели у огузов наибольшее распространение, в настоящее время в материалах 9 погребений известно 13 изделий этого типа.

А. В. Жадаева, А. В. Кривошеева, Е. В. Круглов

149

149

Набор бляшек, украшавших сапоги

Государство гузов
X – начало XI в.
Серебро; литье, штамповка
Диаметры полусферических бляшек 0,9 и 1,2 см;
длина месяцевиных бляшек 1,9 см;
длина бляшек в виде спаренных полусфер 1,2 см;
длина фигурных бляшек 2,9 см
Заволжье, могильник «Киляковка», погребение 1
кургана № 4, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.
ВОКМ, инв. № 22200/16, 17
Публикации: Мыськов 1993. С. 78–79. Рис. 3, 7–10;
Культура средневековых кочевников... 2001. С. 26. № 27

Бляшки в общем количестве 193 экз., украшавшие сапоги, найдены в области стоп и берцовых костей женщины 18–20 лет в могиле огузского типа. Почти все бляшки остались на своих местах, поэтому удалось реконструировать схему их первоначального расположения.

Все бляшки с внутренней стороны имеют штифты с тонкой медной подквадратной пластинкой на конце. Различается пять типов бляшек: I – округлые со сферическим выступом в центре и рельефной окантовкой по краю; II – месяцевидные с двумя полусферическими выступами по бокам, украшенные рельефным растительным орнаментом; III – неорнаментированные полусферические; IV – в виде спаренных полусфер с поперечной перемычкой; V – крупные фигурные с тремя полусферическими выступами, сердцевидным вырезом и рельефной окантовкой по краю.

Бляшки I типа имеют многочисленные аналогии в погребальных памятниках огузов Заволжья X–XI вв. Бляшки II и IV типов близки украшениям сапог кочевницы из погребения 1 кургана № 8 могильника у п. Верхний Балыклей [Яворская 1997. С. 158. Рис. 3, 9, 10].

Н. В. Хабарова

150

Украшения ремней крупы коня

Государство гузов
X – начало XI в.
Бронза; литье, штамповка
Наконечники ремней: А – длина 2,8 см, ширина 1,4 см;
В – длина 3,1 см, ширина 1,3 см; сердцевидные
бляшки: высота 1,5 см, ширина 2,1 см; бляхи-решмы:
длина 5,2 см, ширина 4,1 см, ширина 1,1 см
Заволжье, могильник Бахтияровка-II, погребение 5
кургана № 55, раскопки В. А. Кригера, 1983 г.

150

ВОКМ, инв. № 25237/17–50
Публикуются впервые

Украшения обнаружены вместе с остатками кожаных ремней среди костей задних скаковых конечностей коня, не отделенных от шкуры, в частично потревоженном захоронении взрослого мужчины в могиле огузского типа («конь выше останков погребенного»). Сохранились:

- два прямоугольных разнотипных неорнаментированных наконечника, один с заостренным передним краем и выгнутым тыльным, другой с овальным передним краем и плоским тыльным;
- двадцать две сердцевидные трехлепестковые плоские неорнаментированные накладки с дополнительным выступом на широкой стороне основания. На обороте штифты для крепления. Еще восемь сердцевидных блях в очень плохом состоянии;

– десять плоских листовидных двусоставных блях-решм. На лицевой стороне в верхней части имеется выступ для приема ремня, в центре – выпуклый листовидный умбон-бубенец. Края блях и основание умбона-бубенца обрамлены бороздчатыми бордюрами в виде сплошных полос ложной зерни. С оборотной стороны с помощью штифтов прикрепаны тонкие бронзовые пластины, служившие дополнительным зажимом.

Растительно-сердцевидные накладки и шумящие листовидные бляхи-решмы располагались на кожаных ремнях в определенной последовательности, порядок их чередования в основном зафиксирован. Подобный способ украшения надхвостных ремней для коня хорошо известен в культурах Среднего Востока [Дьяконов 1954. С. 138. Рис. 10. Табл. V, XXVI, XXXI; Распопова 1980. С. 67, 77, 86. Рис. 43, 51, 60]. Растительно-сердцевидные трехлепестковые накладки, в целом, характерны для прикладного искусства салтовского круга древностей. Однако, значительная упрощенность и схематичность данного варианта трилистника, отсутствие орнаментации поверхности связывают данные накладки уже с постсалтовскими художественными традициями. Бляхи-решмы происходят из Центральной Азии, где хорошо известны в памятниках IX–X вв. В Восточной Европе они получили широкое распространение в X–XI вв. Традиция украшения крупы коня ремнями с наборными накладками и шумящими бляхами-решмами находит ближайшие аналогии в инвентаре однокультурных огузских погребений из могильников Новоникольское и 15-й поселок [Гаврилина 1991. С. 147–155]. Все эти три погребения имеют между собой сразу несколько общих признаков: расположение блях-решм на ремнях крупы или груди коня, использование в сбруйных наборах бляшек растительных форм, обычно характерных для поясов, особая простота и плоскостность декора украшений.

Е. В. Круглов

151

Украшения ремней крупы коня

Государство гузов

X – начало XI в.

Серебро; литье, гравировка, клепка

Полусферические бляхи: диаметр 1,0 и 2,1 см;

конечные бляхи: длина 4,9 см, ширина 2,5 см;

бляхи-решмы: длина 6,2 см, ширина 5,1 см, высота 1,6 см

Заволжье, могильник 15-й поселок, погребение 7

кургана № 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

ВОКМ, инв. № 5841/1, 5844/8, 10

Публикации: Гаврилина 1991. С. 147–155

Одно из наиболее представительных захоронений огузского типа в Нижнем Поволжье. Представляет собой полностью сохранившееся погребение взрослого мужчины, воина-всадника, с богатым сопровождающим инвентарем, куда входят: железная сабля с серебряными накладками, обломки деревянной кибиты лука, колчан с железными листовидными наконечниками стрел, железные нож и кресало, на груди бронзовые бубенчики, на ногах кожаные сапоги.

Особый интерес представляют поясной и полный сбруйный наборы, состоящие из множества серебряных блях, частично позолоченных. Бляхи поясного набора располагались на тазовых костях погребенного. Сбруйный набор найден среди костей скаковых конечностей шкуры коня, разложенной на деревянном перекрытии. Бляхи оголовья располагались на черепе коня, бляхи оголовья располагались на черепе коня, бляхи крупы – на кожаных нагрудных и надхвостных ремнях в разных частях могильной ямы.

Накладки надхвостных ремней, в отличие от накладок оголовья, исполнены без позолоты и выглядят несколько скромнее. Они располагались симметрично по три набора с каждой стороны в определенной последовательности, порядок их чередования был зафиксирован. В фондах ВОКМ из шести наборов хранятся только четыре.

В центре каждой группы на ремне крепилась небольшая полусферическая бляха с геометрическим орнаментом в виде четырехлучевой «розы ветров». По обеим сторонам от нее на горизонтальном ремне располагались прямоугольные конечные сбруйные бляхи с заостренными передними и овальновогнутыми тыльными краями. Параллельные боковые стороны украшены бордюром из ложной зерни. По центру – геометрический орнамент, состоящий из шести соединенных чертой разновеликих парных кругов, насаженных на перпендикулярную линию с ромбами-разделителями. От больших полусферических блях отходили вниз ремешки, на кото-

рых крепились аналогичные бляшки меньшего диаметра, по одной на ремне. Концы ремней продевались внутрь крупных листовидных двусоставных блях-решм с выпуклыми листовидными умбонами-бубенцами в центральной части. Плоская лицевая поверхность блях-решм и умбона-бубенцы украшены фигурным рубчатый орнаментом. К оборотным сторонам с помощью штифтов прикрепаны тонкие пластины, служившие зажимами для ремней.

Е. В. Круглов

152

152 Наконечники стрел

Государство гузов
X – начало XI в.
Железо
А – длина 9,6 см; В – длина 9,3 см; С – длина 8,2 см;
D – длина 6,0 см; E – длина 4,5 см
Заволжье, курганный могильник 15-й поселок,
погребение 7 кургана № 3, раскопки В. П. Шилова,
1958 г.
ВОКМ, инв. № 5844/4
Публикуются впервые

Наконечники стрел найдены внутри колчана в захоронении взрослого мужчины в могиле огузского типа («конь выше останков погребенного»). Черешковые наконечники с опорной муфточкой для древка, три листовидной формы, плоские, и один ромбовидный. У двух наконечников черешки обломаны у самого основания. Похожие наконечники найдены в однокультурном огузском погребении могильника Ченин Палласовского района Волгоградской области [Круглов, Лукашов, Мамонтов 2003. С. 210. Рис. 7, 8–13].

А. В. Жадаева

153 Детали ременного гарнитура

Государство гузов
X – начало XI в.
Бронза; литье, клепка, штамповка, тиснение, чернение, золочение
Пряжка: общая длина 4,2 см, ширина 2,2 см; фигурные накладки: высота 1,9 см, ширина 2,1 см; фигурная накладка с боковыми выступами: высота 1,1 см, длина 1,4 см; полусферическая бляха: диаметр 0,8 см
Заволжье, могильник Красная Деревня, погребение 8 кургана № 15, раскопки А. В. Лукашова, 1981 г.
ВОКМ, инв. № 27500/41–48
Публикации: Хабарова 1998. С. 191. Рис. 1, 5–8; Культура средневековых кочевников... 2001. С. 25. № 21; Круглов, Лукашов, Мамонтов 2003. С. 210. Рис. 7, 2–5

Бронзовые пряжка и накладки найдены в частично потревоженном захоронении взрослого мужчины в могиле огузского типа. Поскольку комплекс поврежден, состав и принадлежность накладок набора несколько условны. Сохранились:

– пряжка составная овальнорамчатая с подвижным язычком и заостренной передней стороной рамки. Трапециевидный щиток на внеш-

153

нем крае осложнен полуовальным выступом. Современное состояние – результат непрофессиональной реставрации;

– большая фигурная подпрямоугольная накладка с округлым основанием, заостренным верхом и четырьмя полукруглыми боковыми выступами, края которых покрыты тончайшим рифлением. Изготовлена в технике тиснения;

– пять цельнолитых позолоченных накладок в виде трехлепестковой Т-образной розетки с полусферическими выпуклостями по краям и одна полусферическая накладка с припаянными штифтами для крепления к ремню на обороте.

Пряжка и большая фигурная подпрямоугольная накладка, по всей видимости, относятся к поясному набору, принадлежность к поясу остальных накладок не столь очевидна. Лицевые поверхности щитка пряжки и накладки украшены стилизованным рельефным растительным орнаментом с «двузначными», строго центричными композициями, выполненными в технике чернения по рисунку, предварительно намеченному чеканкой. С одной стороны легко угадываются выразительные антропоморфные личины с бровями, глазами, усами и бородой, на щитке пряжки – продольная, на накладке – поперечная. С другой стороны просматриваются трех- и двухкомпонентные композиции в виде «древа

жизни» с центральным стволом и несколькими боковыми побегами-отростками. В основе этих композиций находится хорошо известный салтовский трилистник. Его широкий центральный лист сверху заострен, боковые листья – изящные завитки, обращенные кверху. Вырезанные углубления заполнялись чернью, а окружающая поверхность после чернения тщательно покрывалась горячей позолотой. На оборотных сторонах щитка пряжки и накладки припаяно по три штифта для крепления к ремням. По технике изготовления и орнаментации пряжка и фигурная накладка аналогичны изделиям первого стилистического пласта находок из состава Саркельского клада 2-й половины X в. Многочисленные предметы этого круга отличает изящность формы и высокое качество работы. Считается, что подобные украшения изготавливались непосредственно в Саркеле в середине X в. [Макарова, Плетнева 1983. С. 63–65. Рис. 2; 70; Макарова 1986. С. 26–27].

Е. В. Круглов

154

154

154 Детали поясного набора

Древняя Русь (?)
X – начало XI в.
Серебро, бронза; литье, позолота
Пряжка: длина 4,8 см, ширина 2,4 см;
сердцевидные накладки: высота 1,8 см, длина 1,6 см;
накладки арочной формы с прорезью: высота 2,0 см,
ширина 1,6 см; арочные накладки: высота 1,9 см,
ширина 1,6 см; наконечник ремня: длина 4,4 см,
ширина 1,6 см
Разрушенное погребение на границе Воронежской
и Волгоградской обл.
ВОКМ, инв. № 33806/1–16
Публикуется впервые

Комплекс является классической «случайной» находкой, особенности погребального обряда неизвестны. В составе набора:

- серебряная составная пряжка, овальнорамчатая, с подвижным язычком и прямоугольным щитком, с тремя штифтами для крепления на обратной стороне;

154

- серебряные накладки, каждая с тремя штифтами на обратной стороне. Тип I представлен восемью удлиненно-сердцевидными накладками. Тип II – шестью широкими сердцевидными накладками, в двух из них проделаны отверстия для подвешивания дополнительных ремней;
- бронзовый наконечник прямоугольной формы, с округлым краем. Лицевая сторона позолочена, на внутренней стороне припаяны три штифта для крепления к ремню.

В средние века мужчина-воин получал право носить специальный «боевой пояс», количество бляшек на котором зависело от общественного положения человека: чем знатней и удачливее он был, тем больше имел бляшек на поясе. Поясные наборы отличались друг от друга сочетанием разнотипных накладок и их орнаментацией. Пряжка и накладки изготовлены в одном стиле. Щиток пряжки и накладки украшены по краю рифленным позолоченным бордюром. Поясной наконечник отличается от них материалом, орнаментацией, а также более грубой техникой изготовления. Это позволяет предположить длительную и разновременную комплектацию данного набора. По классификации В. В. Мурашовой он относится к классу 1, группе 1, виду 1 Б [Мура-

шова 2000. С. 57. Рис. 84, 3]. Накладки сердцевидной формы имеют многочисленные аналогии. В. В. Мурашова относит их к классу IV, группе 1, виду 1 А [Мурашова 2000. С. 31. Рис. 35], что дает возможность датировать набор не ранее второй половины X – начала XI в. Культурную принадлежность установить весьма проблематично. Набор несколько отличается от изделий огузской тюркетики Нижнего Поволжья и мог быть изготовлен в ювелирных ремесленных мастерских Древней Руси или какого-то иного близлежащего производственного центра.

Н. В. Хабарова

155

155

Детали сбруйного и поясного наборов

Государство гузов
Начало XI в.

Серебро, бронза; штамповка, тиснение, чернение, золочение

Круглые сбруйные бляхи: диаметр 6,6–6,8 см, толщина 0,3 см; ременная бляха: длина 3,8 см, ширина 2,1 см; поясная пряжка: общая длина 5,0 см, ширина 2,8 см; поясной наконечник: длина 3,4 см, ширина 2,1 см

Заволжье, могильник Колобовка-III, погребение 3 кургана № 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1999 г.

ВОКМ, инв. № 32010/12, 13, 19, 20

Публикации: Круглов, Сергацков, Балабанова 2005. С. 252. Рис. 3, 4–12, 16, 17

Серебряные бляхи сбруйного оголовья найдены на черепе коня и вокруг него в парном погребении огузского типа мужчины 20–22 лет и ребенка 3–4 лет. Из многочисленных плохо сохранившихся обломков круглых и прямоугольных ременных накладок, оттиснутых из тонких пластин, украшенных рельефным растительным орнаментом и покрытых позолотой, информативны лишь три:

– прямоугольная бляха с округлыми плоскими краями и полусферическим выступом в центре. Поверхность украшена растительным орнаментом в технике черни и позолоты. На выступе вы-

тиснена розетка в виде крестовидной фигуры, по бокам – розетки из растительных кринов;

– две большие, налобные или наносные, круглые бляхи, располагавшиеся в месте пересечения подпружных ремней. Накладки оттиснуты из тонких пластин, склепанных друг с другом парно расположенными по краям диска бронзовыми штифтами. На лицевых сторонах оттиснут выполненный в технике чернения растительный орнамент в виде розетки, представляющий собой кругообразно вьющийся ствол лозы с отходящими в разные стороны кривыми ветвями-побегами. Поверхность, не заполненная чернением, позолочена. Края блях оформлены бордюром из непрерывной зигзагообразной линии. В центре блях прикреплены круглые бронзовые пластины-накладки, украшенные геометрическим орнаментом в виде крестовидных фигур типа «розы ветров». Крест на одной из блях вписан в окружность из зигзагообразной линии.

Серебряные (750°) пряжка и наконечник поясного ремня найдены в районе тазовых костей погребенного мужчины:

– цельнолитая массивная (вес 9,9 г) пряжка, овальнорамчатая, с фигурным выступом на передней стороне рамки и овальным щитком. Поверхность щитка украшена растительным орнаментом, выполненным глубоким резцом, и покрыта позолотой. Композиция статична,

155

строغو центрична. Края щитка обрамляет рифленый бордюро. На обороте припаяны штифты для крепления к ремню;

– наконечник прямоугольной формы, оттиснут из тонкой серебряной пластины с одним прямым и противоположным округлым краем. Поверхность украшена растительным орнаментом, выполненным в технике черни и позолоты и представляющим собой два вьющихся стебля лозы с отходящими от них ветвями-побегами.

Особенности ременных украшений из погребения 3 кургана № 1 могильника Колобовка-III имеют важное значение для уточнения финальной хронологии огузских памятников 2-й половины X – начала XI в. Поясная пряжка близка поясному набору из Саркельского клада 2-й половины X в [Макарова 1986. С. 26–27]. Сбруйные украшения созданы в совершенно ином стиле и представляют собой более поздний этап развития всё той же саркельской (постхазарской) традиции изготовления подобного рода изделий. Говорить о деградации не приходится, переход от массивных литых изделий к чрезвычайно легким тиснено-штампованным предметам свидетельствует о возможном технологическом кризисе, либо по причине оскудения серебряных рудников на востоке, либо из-за особенностей неустойчивой военно-политической обстановки в центральноазиатских степях в 1-й половине XI в. Показывая доминирование

растительных элементов, колобовские изделия одновременно демонстрируют отказ от традиции строгого подчинения формы украшений орнаменту. Сбруйные бляхи стилистически выходят из круга изделий с растительной орнаментацией, бытовавших у северокаспийских огузов во 2-й половине X – начале XI в. В декоре изделий, покрытых чернением, формируются признаки нового стиля: геометрические элементы, крестообразные фигуры, змейки-зигзаги, рифленые бордюры и переплетенные черные линии. Подобные изделия, стилистически полностью сложившиеся, пока не известны в Северном Прикаспии и фиксируются лишь в сбруйных наборах богатых кочевнических погребений середины XI в. Северного Причерноморья (Гаевка, Горожены, Ново-Каменка, Сарайлы-Кият, Старо-Шведское), для которых характерна строгая подчиненность растительного орнамента геометрическому [Макарова 1986. С. 29].

Е. В. Круглов

156

156

Накладки сложносоставного лука

Начало XI в.

Кость; резьба

А – длина 13,6 см, ширина 2,6 см;

В – длина 14,9 см, ширина 2,7 см;

реконструируемые размеры:

длина 16 см, ширина 2,8–2,9 см

Заволжье, могильник Колобовка-III, погребение 3

кургана № 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1999 г.

ВОКМ, инв. № 32010/17, 18

Публикации: Круглов, Сергацков, Балабанова 2005.

С. 254. Рис. 5

Две срединные боковые накладки рукояти сложносоставного лука найдены в парном погребении ребенка 3–4 лет мужчины 20–22 лет огузского типа. Изготовлены, по-видимому, из ребер крупного животного. Комплектность пластин, использованных в конструкции, полная. Первоначальные размеры рукояти восстановлены. Одна из накладок в продольном сечении прямая, вторая дуговидная. Кибить симметрично переломана еще в древности по одной из плечевых сторон. Рукоять испытала воздействие огня: лицевые поверхности накладок были покрыты слоем копоти и сажи. Обратные стороны покрыты глубокими бороздчатыми нарезками для более устойчивого склеивания с деревянной кибитью. Лицевая поверхность ровная, с многочисленными сколами и царапинами, образовавшимися вследствие интенсивного пользования. Узкие плечевые края лицевых сторон покрыты тонкими насечками, краевые площадки намечены, но от центральной части не отделены.

Лук подобной конструкции относится к «тюркским», имевшим весьма широкое распространение в евразийских степях, и является типичным для погребений степных кочевников огузо-печенежского круга IX–XI вв.

Е. В. Круглов

157

157

Ременные бляхи сбруйного набора оголовья коня

Начало XI в.

Серебро; позолота, чернение, литье, чеканка, тиснение

Бляха-решма: длина 5,8 см, ширина 4,5 см;

диаметры круглых блях 1,1 и 2,7 см;

бляха подпрямоугольной формы: длина 2,6 см,

ширина 2,2 см; бляшки в форме трилистника:

высота 2,1 см, ширина 2,5 см;

арочные бляшки: высота 2,0 см, ширина 2,3 см;

наконечники ремней: длина 5,8 см, ширина 1,6 см

Заволжье, могильник у п. Маяк Октября, погребение 1

кургана № 4, раскопки А. В. Лукашова, 1991 г.

ВОКМ, инв. № 29164/1–4, 13–20, 21–27, 42–79;

8313/1–3нв

Публикации: Мордвинцева, Хабарова, 2006.

С. 206–212. Рис. 1; Культура средневековых

кочевников... 2001. С. 14. Фото IX, 24. № 15;

Археологическое наследие... 2013. С. 153, 278, № 368

Все предметы найдены в могиле огузского типа («конь выше останков погребенного»). Ме-

стонахождение накладок и состав набора не задокументированы, в связи с чем предлагаемая реконструкция носит условный характер.

К сбруйному набору относятся бляхи одной стилистической группы: бляха-решма, три круглые и одна подквадратная бляхи-распределители, бляшки в виде трилистника трех типов и вытянутые бляхи-наконечники:

– налобная бляха-решма листовидной формы с листовидной выпуклостью в центре, спаяна из двух половинок, сделанных из тонкого ковального серебряного листа. В верхней ее части имеются две заклепки для крепления к ремню упряжи. Внутри центральной выпуклости находится медный шарик диаметром 0,5 см. Лицевая сторона бляхи украшена сложным декором. Плоский бортик орнаментирован пояском из чередующихся кружков двух типов. Внутри одних кружков изображен цветок в виде точки, вокруг которой располагаются шесть точек, внутри других – пара изогнутых S-видных лепестков. Орнаментированные кружки разделяют точки крупной зерни. Центральную выпуклость покрывает сложный растительный

узор. При нанесении орнамента использовались различные технические приемы: литье, чернение, ложная зернь, позолота. Чернение выполнено следующим способом: углубления для рисунка были, видимо, отлиты вместе с бляхой, после чего изображение обработали кислотой, а когда окислы серебра заполнили выемки, поверхность бляхи заполировали. При этом с оборотной стороны виден «негатив» рисунка. Позолота нанесена горячим способом;

- три круглые бляхи перекрестья в виде уплощенной полусферы, выполнены из серебряного листа в технике литья. К внутренней поверхности каждой бляхи припаяно четыре штифта, с помощью которых она крепилась к тонкой бронзовой пластине. Длина штифтов 1,4 см. Лицевая сторона украшена орнаментом, аналогичным предыдущему;

- сильно вытянутые бляхи-наконечники ремней с одним заостренным и другим слегка вогнутым внутрь торцом. С внутренней стороны имеются три штифта для крепления к ремням упряжи. Лицевая сторона блях декорирована таким же орнаментом, что и предыдущие два вида украшений;

157

- одна сбруйная бляха подпрямоугольной формы. Литье с «негативным» изображением рисунка на обороте. Лицевая сторона бляхи украшена растительным орнаментом, выполненным в технике чернения. Чернением заполнен фон рисунка. Центральная орнаментированная часть окружена рифленным ободком;

- восемь сбруйных блях в форме узкого трилистника. К внутренней поверхности каждой бляхи припаяно три штифта, расположенных треугольником. Длина штифтов 0,9 см. Лицевая сторона блях украшена растительным орнаментом, выполненным в технике чернения. При этом чернением заполнен фон рисунка. Центральная орнаментированная часть окружена рифленным ободком;

- две сбруйные ременные бляхи в форме широкого трилистника. К внутренней поверхности бляхи припаяно три штифта, расположенных треугольником. Длина штифтов 0,9 см. Лицевая сторона бляхи украшена растительным орнаментом, аналогичным предыдущему;

- две бляхи в форме широкого трилистника. К внутренней поверхности бляхи припаяно три штифта, расположенных треугольником. Длина

штифтов 0,9 см. Лицевая сторона бляхи украшена растительным орнаментом, аналогичным предыдущему, с той разницей, что чернью заполнен не фон, а основной рисунок;

- выпуклые круглые бляшки в количестве девятнадцати экземпляров. Изнутри припаян один штифт для крепления к ремню сбруи. В центре имеется точка, вокруг которой располагается арочный орнамент. Центральную часть окружает плоский рифленный бортик;

- выпуклые круглые бляшки в количестве четырех экземпляров. Изнутри припаян один штифт для крепления к ремню сбруи. В центре имеется точка. Центральную выпуклость окружает плоский рифленный бортик;

- выпуклые круглые бляшки в количестве пятнадцати экземпляров. Изнутри припаян один штифт для крепления к ремню сбруи. В центре изображена четырехлепестковая розетка. Центральную часть окружает плоский рифленный бортик. Мелкие круглые бляшки, возможно, набивались на ремни упряжи, они имеют многочисленные аналогии в погребениях Заволжья X–XI вв. [Гаврилина 1987. С. 60].

Что касается декора и техники изготовления, данный сбруйный набор – один из самых богатых по орнаменту и мастерски выполненных среди поволжских находок. Типологические и декоративные особенности позволяют с некоторой долей условности отнести его к III стилистической группе сбруйных и поясных украшений Восточной Европы X–XI вв. по классификации Л. М. Гаврилиной и датировать не ранее начала XI в. Определяющим для этого заключения является сочетание на орнаментальных композициях кринов и розеток, изготовленных как в растительном, так и в геометрическом стиле. До появления таких находок изделия этой группы встречались в основном только к западу от Дона и тяготели к Северному Причерноморью [Гаврилина 1987. С. 57].

Н. В. Хабарова

157

158

158

Поясной набор

Государство гузов

Начало XI в.

Серебро; литье, позолота, чернение, чеканка, тиснение

Пряжка: длина 5,0 см, ширина 2,0 см;

бляхи квадратные: высота 2,4 см, ширина 2,2 см;

бляхи серповидные: длина 2,5 см, ширина 0,9 см;

поясной наконечник: длина 4,3 см, ширина 1,5 см;

фрагмент наконечника ремня: длина 2,0 см, ширина 1,9 см

Заволжье, могильник у п. Маяк Октября, погребение 1 кургана № 4, раскопки А. В. Лукашова, 1991 г.

ВОКМ, инв. № 29164/5–12, 28–30, 33–41

Публикации: Мордвинцева, Хабарова 2006.

С. 206–212. Рис. 1; Культура средневековых

кочевников... 2001. С. 15. Фото X, 25, № 19;

Археологическое наследие... 2013. С. 153, 278, № 369

Все предметы найдены в могиле огузского типа. Местонахождение накладок и состав набора не задокументированы, в связи с чем предлагаемая реконструкция носит условный характер.

Поясной набор состоит из пряжки, поясного наконечника, девяти квадратных и девяти месяцеви́дных бляшек. Аналогии среди поясных наборов [Халикова 1976. С. 169. Рис. 10] позволяют предположить, что квадратные бляхи располагались справа, а серповидные – слева от пряжки.

Пряжка ременная со щитком овальной формы, рамкой овальной формы и фигурным профилированным язычком, который крепится к рамке с помощью бронзового штырька. С оборотной стороны щитка имеется четыре штифта для крепления к ремню. Длина штифтов 0,3 см. Лицевая поверхность щитка и язычка пряжки украшены черненым орнаментом. На щитке изображены две геометрические фигуры: ромб и круг. В ромб вписаны треугольники черни, а в круг – арки. Фигуры окружены ложной зернью. По краю щитка проходит тонкий валик с насечками. Пространство между валиком и геометрическими

фигурами занято растительным орнаментом (трилистники и завитки), помещенным на фоне, заполненном чернью.

Квадратные бляхи с тремя полусферическими выступами с одной стороны. С оборотной стороны, по углам бляхи припаяны четыре штифта длиной 0,3 см. Бляхи выполнены в технике литья с «негативным» изображением орнамента на обороте. Их поверхность украшена стилизованным растительным декором, выполненным чернью. Через центр бляхи проходят крест-накрест полосы ложной зерни. Изображение окружает рифленый ободок.

Бляхи месяцеви́дной формы с двумя полусферическими выступами. Декоративные детали подчеркнуты рельефом, их поверхность украшена стилизованным растительным декором, выполненным чернью. С внутренней стороны имеются два штифта для крепления к ремню. Внутренняя поверхность бляхи ровная.

Бляха – наконечник ремня с одним заостренным и другим плоским торцом выполнена из серебряного листа с помощью литья. С внутренней стороны имеются три штифта для крепления к ремню. Лицевая сторона бляхи декорирована черненым растительным орнаментом. Однако отсутствует «негатив» рисунка на обороте, внутренняя поверхность бляхи ровная.

Типологические и декоративные особенности поясного набора из погребения у п. Маяк Октября позволяют отнести его с некоторой долей условности к III стилистической группе сбруйных и поясных украшений Восточной Европы X–XI вв. по классификации Л. М. Гавриловой и датировать началом XI в. [Гаврилова 1987. С. 63–64]. Такие наборы изготавливались в ювелирных мастерских самого высокого ранга. В Нижнем Поволжье в X–XI вв. существовали производственные центры, где применяли технику инкрустации, чернения и золочения горячим способом. Вполне возможно, что в одном из таких центров был изготовлен и поясной набор, найденный у п. Маяк

Октября. В Нижнем Поволжье воинские погребения высокого социального статуса, содержащие богатые поясные наборы, сосредоточены в основном в Заволжье. Именно здесь некоторые исследователи помещают Дешт-и Огуз арабских и персидских авторов [Кригер 1985. С. 18].

Н. В. Хабарова

159

Сабля

Государство гузов

Начало XI в.

Железо, серебро; позолота, чернение, литье, гравировка

Длина полосы клинка 74,0 см, общая длина 87,5 см, ширина клинка у перекрестья 3,8 см,

по центру 2,5–3 см; ширина перекрестья 8,5 см

Заволжье, могильник у п. Маяк Октября, погребение 1 кургана № 4, раскопки А. В. Лукашова, 1991 г.

ВОКМ, инв. № 29164/80

Публикации: Мордвинцева, Хабарова 2006.

С. 206–210. Рис. 2; Культура средневековых кочевников... 2001. С. 14. Фото VII, 25, № 16

Сабля обнаружена в могиле огузского типа. Однолезвийная, слабоизогнутая, короткая. Овальное накладное серебряное навершие рукояти состоит из двух литых обойм с полусферическим верхом и отходящими вниз боковыми мысовидными выступами, через которые пропускались стержни-заклепки с округлыми головками, закреплявшие навершие на рукояти. Накладное серебряное перекрестие также составлено из двух литых половинок с небольшими ромбовидными выпуклыми расширениями по центру и отходящими вверх боковыми мысовидными выступами, через которые также пропускались стержни-заклепки с округлыми головками, крепившие перекрестье к рукояти. Концы перекрестия слегка опущены вниз и заканчиваются шаровидными утолщениями.

Поверхность навершия и перекрестия практически полностью покрыта растительным орнаментом, выполненным в технике литья, гравировки, чернения и золочения. В основе композиции – различные сочетания салтовского трилистника в виде изящных листьев, стеблей и завитков, обращенных вверх. На внутренней стороне обкладок рукояти прослеживается «негатив» рисунка лицевой стороны. Орнаментальные мотивы и навершия, и рукояти строго симметричны и в высшей

159

159

степени высокохудожественны, но несколько различаются по типам розеток. Розетки перекрестия украшены относительно более простыми одиночными кринами, нигде не пересекающимися, а лишь плавно переходящими от одного элемента к другому или вообще одиночными. Навершие украшено типологически более сложным двучастным бордюром, в нижней части составленным из специфических пересекающихся розеток. Т. И. Макарова определяет подобные композиции как растительные, но указывает на их особый характер, переходность к геометрическим сюжетам. По внутренней логике развития орнамента впервые появившийся прием переплетения должен был «взорвать» существовавшие до этого статичные композиции с их строгой центричностью и почти зеркальным повторением правой и левой половин [Макарова 1986. С. 15–16, 18. Рис. 5, 47–51]. Обнаружение данного художественного элемента, помимо колоссальной общекультурной значимости, имеет и принципиальное археологическое значение для определения финальной хронологии существования огузских древностей. Становится ясно, что не только формирование, но и начало выпадения в могилы изделий III стилистической группы сбруйных и поясных украшений Восточной Европы X–XI вв. по классификации Л. М. Гаврилиной имело место уже на территории Нижнего Поволжья. Это, в свою очередь, еще раз прямо указывает на локальность ремесленного производства огузской торевики.

Навершие и перекрестие различаются также и техникой нанесения черни. Углубления под чернь на перекрестье отлиты вместе с основой по заранее подготовленной для этого модели. Углубления под чернь на навершии вырезаны вручную штихелем на уже готовом изделии. Это подразумевает не только одновременность проведенной работы, но и участие как минимум двух профессиональных мастеров-ювелиров. В обоих случаях подготовленное пространство тщательно заполнялось чернью, а окружающая поверхность после этого так же тщательно покрывалась горячей позолотой.

Сабля из погребения у п. Маяк Октября по форме клинка и способу украшения рукояти имеет довольно многочисленные аналогии в древностях VIII–X вв. и, в целом, восходит к так называемому «хазарскому» типу сабель [Мерперт 1955]. Близкие ей аналогии имеются в Прикубанье и на Северном Кавказе [Кузнецов, Рунич, 1974. С. 196–203. Рис. 1, 1–3; Хайнрих 1995. С. 199, 247–248. Табл. XIII, XLVI; Кантемиров, Дзаттиаты 1995.

С. 280. Табл. VIII, 1, 2]. Как известно, верхняя дата салтово-маяцкой культуры определяется серединой и даже концом X в. [Плетнева 1981. С. 64]. Поэтому, принимая во внимание стиль и технику изготовления украшений парадной рукояти, саблю из п. Маяк Октября можно отнести к самому концу X в. Согласно новейшей классификации А. В. Евглевского, данная сабля относится к четвертому типу позднекочевнических сабель Восточной Европы, а время ее появления у кочевников датируется как раз не ранее рубежа X–XI вв. [Евглевский 2000. С. 145]. Очевидно, что эта дата не исключает бытования такой формы в более ранней уже салтовской среде и возможность прямого заимствования кочевниками именно из этой среды. Практически аналогичная по форме клинка и декоративному оформлению сабля происходит из однокультурного огузского погребения 7 кургана № 3 могильника у 15-го поселка, раскопанного в 1958 г. В. П. Шиловым (материалы не опубликованы), судя по погребальному обряду и инвентарю, датируемого не позднее конца X в. Как известно, огузы уже в середине X в. имели не только мирные контакты, но и военные столкновения с населением Хазарского каганата и Волжской Булгарией. Возможно, этим и объясняется появление сабель «хазарского» типа в заволжских захоронениях кочевников-огузов.

Е. В. Круглов

160

160

Накладки сложносоставного лука

Государство гузов

Начало XI в.

Кость; резьба

А – длина 14,5 см, ширина 2,5 см;

В – длина 14,5 см, ширина 2,5 см

Заволжье, могильник Рахинка, погребение 1 кургана

№ 3, раскопки В. А. Кригера, 1985 г.

ВОКМ, инв. № 26401/3

Публикуется впервые

Две срединные боковые накладки рукояти сложносоставного лука найдены в погребении взрослого мужчины с конем. Обе пластины изготовлены из ребер или трубчатых костей крупного животного, в продольном сечении дуговидные, изогнутые в одну сторону. Одна из пластин носит следы деформации в виде глубокой продольной трещины, образовавшейся, вероятно, еще при изготовлении. Лицевая поверхность центральной части полирована. Узкие плечевые края симметрично подрезаны и подшлифованы.

Лицевая поверхность краев покрыта тонкими насечками, но площадки не выделены и от центральной части не отделены. Обратные стороны сохранили естественное состояние первоначальной заготовки, следы дополнительной обработки для более устойчивого склеивания с деревянной кибитью не выявлены.

Конструкция лука, обнаруженная в погребении у с. Рахинка, относится к типу «тюркских», имевших весьма широкое распространение в евразийских степях. Она наиболее типична для погребений степных кочевников огузо-печенежского круга IX–XI вв. Комплектность из двух пластин для данной конструкции может считаться полной. Первоначальные размеры рукояти сохранены. Однако следов боевого применения сохранившиеся накладки рукояти не выявляют и, по-видимому, являются лишь заготовкой или, скорее всего, технологическим браком частного домашнего изготовления, а не готовым боевым изделием.

Е. В. Круглов

161

161

Поясной наборГосударство гузов
Начало XI в.

Бронза; литье, гравировка, чернение, пайка
 Пряжка: длина 4,2 см, ширина 2,4 см;
 бляхи с прорезьями: длина 2,1 см, ширина 2,1 см;
 сердцевидные накладки: длина 2,2 см, ширина 2 см;
 кольцевые накладки: диаметр 2,2 см;
 наконечник: длина 5,9 см, ширина 2,0 см; бляхи
 дополнительных ремней: длина 1,8 см, ширина 1,4 см
 Заволжье, могильник Рахинка, погребение 1 кургана
 № 3, раскопки В. А. Кригера, 1985 г.
 ВОКМ, инв. № 26401/8
 Публикации: Культура средневековых кочевников...
 2001. С. 15. Фото X; 25, № 20

Пояс происходит из одного из наиболее представительных погребений огузского типа Нижнего Поволжья. Оно представляло собой весьма редкое основное захоронение взрослого мужчины, воина-всадника, со шкурой коня, лежащей на перекрытии выше останков погребенного. Сопровождается железной саблей, костяными накладками рукояти сложносоставного лука, железным ножом. Особый интерес представляют поясной и сбруйный ремненные наборы, состоящие из множества серебряных блях. Сбруйный набор оголовья находился вместе с костями черепа коня. Детали поясного набора располагались на тазовых костях погребенного в определенной последовательности, которая была

зафиксирована. Набор состоял из 25 предметов, среди которых:

- пряжка цельнолитая, овальнорамчатая, с железным подвижным язычком, заостренным щитком;
- прямоугольный наконечник с заостренным передним и вогнутым тыльным краями;
- три сердцевидные накладки, одна фрагментированная;
- шесть арочных накладок с прорезьями для подвешивания дополнительных ремней упрямого основания;
- восемь плоских кольцевых накладок, две из которых фрагментированные;
- шесть накладок дополнительных подвесных ремней с округлым передним и овально вогнутым тыльным краями.

Анализ техники изготовления и стилистических особенностей декора отдельных предметов говорит о постепенной комплектации пояса в течение жизни погребенного. Лицевая поверхность пряжки, наконечника и накладок, за исключением кольцевых блях и накладок подвесных ремней, украшена растительным орнаментом в виде симметричных и строго центричных розеток-завитков «древа жизни» с центральным стволом и боковыми побегами трилистниками, выполненных в технике чернения, предварительно намеченного глубокой чеканкой. Сердцевидные и арочные бляхи с прорезьями украшены композициями из наиболее простых розеток, состав-

ленных из трех одинаковых кринов. На щитке пряжки выявляется сложная «двузначная» композиция, с одной стороны представленная мотивом «древа жизни», а с другой – весьма выразительной антропоморфной личиной с бровями, глазами, усами и бородой. Наконечник украшен не менее сложной многочастной орнаментальной композицией, состоящей из нескольких разных вариантов розеток растительного трилистника, органично вплетенных в каркас из перевитой розетки, близкой по технике исполнения к геометрическому бордюру. По краям накладок и щитка пряжки оставлены ободки и бордюры ложной зерни. На обороте штифты для крепления. Накладки дополнительных подвесных ремней резко отличаются от вышеописанных блях отсутствием элементов чернения на лицевой поверхности. На этих бляхах, как и на щитке пряжки, просматривается несколько более упрощенная антропоморфная личина с бровями, глазами, носом и ртом, выполненная в технике гравировки по металлу. Очевидно, в состав поясного набора эти бляхи были включены гораздо позже остальных. Кольцевые накладки располагались на ремне за спиной погребенного и, видимо, не играли особой смысловой роли.

По технике изготовления и нанесения орнамента черные украшения поясного набора из Рахинки продолжают художественные традиции изделий Саркельского клада 2-й половины X в. Многочисленные известные предметы этого круга отличает изящность формы и высокое мастерство изготовления [Макарова, Плетнева 1983. С. 63–65. Рис. 2; Макарова 1986. С. 26–27]. Вместе с тем, орнаментация поясного наконечника однозначно указывает на начальную стадию формирования новых художественных ориентиров. Сочетание растительных розеток группы трилистника с розетками в виде витого геометрического каркаса в Нижнем Поволжье находим также на накладках рукояти и подвесных креплений ножен железных сабель из огузского погребения могильника у х. Ченин [Круглов 2001 б. С. 402. Рис. 4, 1–5; Круглов, Лукашов, Мамонтов 2003. С. 209. Рис. 6, 1–5] и, предположительно, огузского погребения из могильника у п. Маяк Октября [Мордвинцева, Хабарова, 2006. С. 209. Рис. 2]. Это позволяет говорить об относительной хронологической близости комплексов из Маяка Октября, Рахинки и Ченина и датировать их не позже 1-й трети XI в. Изделия, сочетающие растительные розетки группы трилистника с витыми геометрическими розетками, можно считать ранними образцами

161

художественного стиля, который в дальнейшем развился в полностью геометрический плетеный стиль сбруйных наборов, представленных в инвентаре богатых кочевнических погребений из Ново-Каменки, Старо-Шведского, Горожено, Сарайлы Кията, датируемых не ранее середины XI в. и, соответственно, не известных в Нижнем Поволжье. Формирование этого стиля началось еще во время пребывания огузов в Нижнем Поволжье, а массовое единовременное выпадение в могилы происходило в основном уже в Северном Причерноморье. Видимо, всё это было связано с появлением в Восточной Европе во 2-й трети XI в. половцев, которые со временем разгромили кочевую державу огузов.

Е. В. Круглов

Е. В. Круглов

ХАЗАРСКИЙ КАГНАТ В ПАМЯТНИКАХ
АРХЕОЛОГИИ И ПО ДАННЫМ ИБН ФАДЛАНА

С середины V в. до начала VII в. основным населением степей Восточной Европы являлись огуры-сарагуро-оногурские племена тюркоязычной группы теле, на основе которых в Северном Причерноморье периодически возникали и еще быстрее распались разные племенные союзы. Наибольшую известность получила Великая Булгария со столицей в Фанагории, вышедшая под руководством хана Кубрата из подчинения аварам в 635 г. Но уже в 642 г., после смерти этого хана, общее государство распалось, а пять сыновей Кубрата оказались во главе отдельных прабулгарских племен, мало чем связанных друг с другом.

О событиях начальной истории хазар сообщают тексты уйгурских рунических надписей Тэрхинской и Тэсинской стел, обнаруженные С. Г. Кляшторным в 1969 и 1976 гг. в Центральной Монголии. Они указывают, что после смерти Бумын-кагана (552 г.) в степи возникла многолетняя смута, в которой «из-за вождей бузуков, [их народ], придя в неистовство, истощился и погиб... Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие [междоусобные] распри и ссоры» [Кляшторный, Савинов 2005. С. 66–67]. После этих событий барсилы и хазары постепенно переселяются в Восточную Европу и на территории Монголии больше не упоминаются. Выход из под каганской власти у древних тюрков обычно считался преступлением. Но в этом случае вынужденную откочевку на запад учуков барсил и хазар, потерявших по вине бузуков в междоусобной войне свои пастбища, возглавили представители наиболее аристократического, собственно тюркского рода Ашина, имевшие среди бузуков Первого Тюркского каганата наивысшее иерархическое положение и старшинство. Из десяти

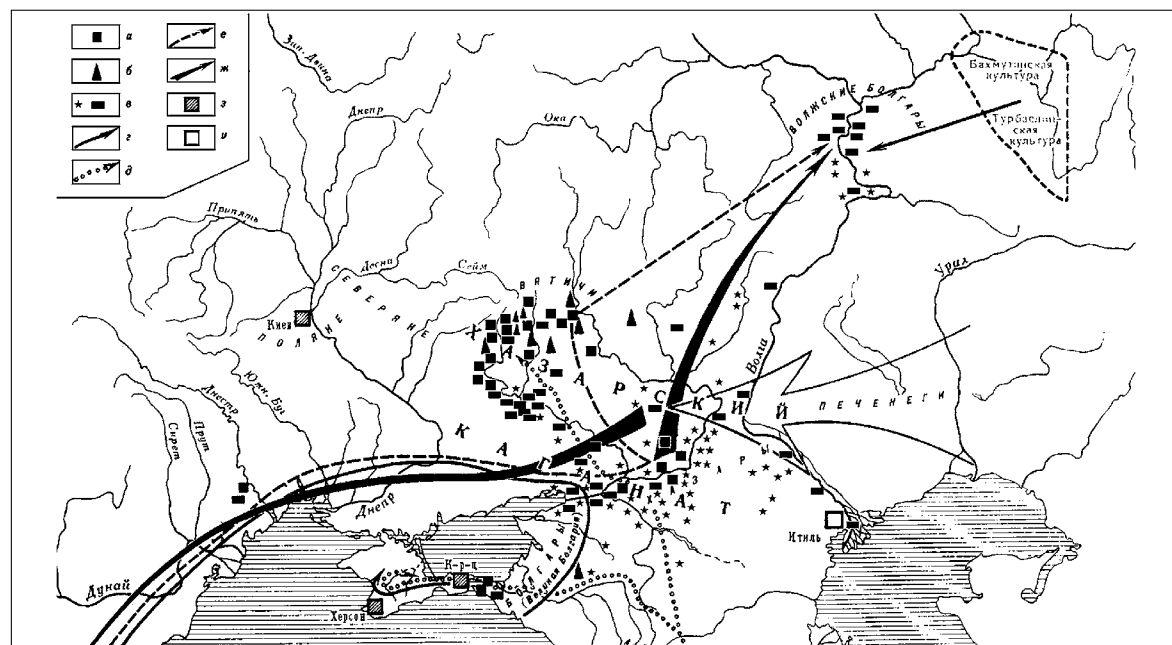
собственно тюркских племен первоначально только они считались царскими и именно из них выдвинулись самые первые тюркские каганы Бумын и Истеми.

В 627–628-х гг. тюрки и хазары совместно с Византией уже принимают активное участие в войне с Ираном на территории Закавказья. Но, по сообщению византийского историка Феофана Исповедника, только лишь после того, как «оногуры-булгары разделились на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать вплоть до Понтийского моря» [Чичуров 1980. С. 61]. В 640–660-х гг. хазары подчинили себе барсил и часть прабулгар Северного Причерноморья, возглавляемых Батбаяном, одним сыновей хана Кубрата. Племенные группировки барсил и прабулгар, вероятнее всего, подчинились не столько хазарам, сколько потомкам тюркских бузуков из рода Ашина, возглавлявших хазар. В отличие от Великой Булгарии, предводитель которой имел право называть себя всего лишь ханом, вожди Хазарского государства с самого начала имели право именовать себя каганами уже по факту принадлежности к этому аристократическому роду. Данное обстоятельство, несомненно, способствовало объединению вокруг них разноэтничных кочевых групп. Так или иначе, причерноморские прабулгары, включившиеся в состав общего с хазарами государства, сохранили за собой племенные территории. Основная же часть прабулгар потеряла кочевья и была вынуждена уйти в Северо-Западное Причерноморье.

В истории Хазарского каганата ведущие современные исследователи выделяют три

Всадник Хазарского каганата из булгаро-аланской семьи. По материалам катакомбы № 52 Дмитриевского могильника
Художник О. В. Федоров.
По: Плетнева, Федоров 2006

Историческая карта
Хазарского каганата
По: Плетнева 1981. С. 153

последовательные стадии. Первая – кочевание и завоевание соседей, вторая – создание кочевниками государства смешанного типа, взимающего дань со своих оседлых подданных, третья – взимание дани центральной властью и военным контингентом с перешедших к оседлости соплеменников и еще оставшихся в степи кочевников [Калинина 2015. С. 113–126].

Вышеуказанное разделение на стадии довольно четко отражают погребальные памятники степных кочевников Хазарского каганата 2-й половины VII – VIII в. Они свидетельствуют о существовании одной, но весьма сложной, многоуровневой и непрерывно развивающейся социально-иерархической системы (рядовые воины – знать и предводители средней руки – высшая знать и каганы). Одновременно они отражают и разноэтничность этой системы. Согласно И. И. Ляпушкину, одним из наиболее важных признаков, позволяющих дифференцировать погребальные памятники алан и прабулгар 2-й половины VIII – X в. лесостепной части Хазарского каганата, выступают конструктивные особенности могильной ямы [Ляпушкин 1958. С. 106–107]. Этот простейший способ скрыть останки умершего для своего воплощения требовал определенных умственных и физических усилий [Ольховский 1993. С. 89]. Именно форма ямы фиксируется

даже при полном разрушении костных останков самих погребенных. В настоящее время у степных кочевников 2-й половины VII – X в. различаются:

- ямы с подбоями в длинных боковых стенках, во 2-й половине VII в. представленные относительно редкими погребениями всадников с растянутыми рядом с ними шкурами или целыми остовами коня, группы «Бережновка – Виноградное (к. 5) – Портовое», на основе которых к началу VIII в. формируются весьма многочисленные захоронения типа «Соколовской балки»;

- ямы со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в узких сторонах, во 2-й половине VII – начале VIII в. представленные захоронениями всадников с останками коня над погребенными группы «Сивашовка – Лебеди-IV – Саловский-IV», а во 2-й половине VIII в. сменяющиеся грунтовыми и подкурганными могилами зливкинского типа салтово-маяцкой культуры;

- ямы-катакомбы, представленные локальными курганно-грунтовыми могильниками конца VII – начала VIII в. у п. Верхний Чириурт (Дагестан) и редкими одиночными подкурганскими погребениями на Дону, в Калмыкии и на Средней Волге (типа Шиловка, к. 1; [Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 182–188]).

Подкурганские захоронения 2-й половины VII в. типа «Сивашовки» обычно атрибутируются как прабулгарские. Грунтовые захоронения зливкинского типа салтово-маяцкой культуры традиционно также определяются как прабулгарские. Очевидно, таковыми являются и практически идентичные и синхронные им немногочисленные подкурганские погребения (типа Ольховка-I, к. 9; Круглов 2011. С. 38–42, 119]. Но в отличие от них, грунтовые и курганские подбойные погребения типа «Соколовской балки» скорее всего должны связываться с самими хазарами [Плетнева 1981. С. 71; Круглов 2013. С. 74–83]. Подкурганские катакомбные захоронения (типа погребений Верхнечирюртовского могильника и Шиловки) имеют явное центральноазиатское происхождение, но оценка их этнокультурной принадлежности в настоящее время весьма затруднительна. Особое место занимают наиболее значимые памятники наивысшей кочевой знати 2-й половины VII – начала VIII в., Перещепино, Глососы, Вознесенка и Большая Орловка, по всей вероятности, являющиеся культовыми погребально-поминальными сооружениями хазарского каганата из рода Ашина.

Весьма многочисленные погребения рядовых кочевников Хазарского каганата 2-й половины VII в., как правило, одиночные и впускные в более ранние курганы или естественные

природные возвышенности. Они довольно хаотично и бессистемно разбросаны практически по всей степной и частично по лесостепной территории Восточной Европы от р. Ингул и Крыма на западе до предгорий Урала и Нижней Волги на востоке, от Посеймья и Приючья на севере до Мильской степи (современный Азербайджан) на юге. Объясняется это крайне подвижным образом жизни населения в тот период. Очевидно, что военные походы хазар и их союзников с целью захвата пастбищ совершались практически во всех направлениях. Ареал распространения погребальных кочевнических памятников 2-й половины VII в., по-видимому, указывает на территории, в той или иной форме затронутые хазарской экспансией, и свидетельствует о границах максимального расширения Хазарского каганата в этот период.

Но уже начиная с рубежа VII–VIII вв. можно говорить об элементах стабилизации кочевников Хазарского каганата на определенных и довольно ограниченных территориях. Только стабилизация могла привести к появлению и широкому распространению курганов с основными захоронениями, началу формирования могильников и устойчивых территориальных ареалов погребальных памятников. На рубеже VII–VIII вв. возникают, в частности, периферийные верхнечирюртовский

Погребальная камера
захоронения соколовского
типа из кургана 5
могильника Ребричанский II
Раскопки и фотография
И. Н. Парусимова, 2002 г.

(дагестанский) ареал, существование которого прерывается арабскими походами середины 30-х гг. VIII в., а также средневожжский (новинковский) ареал, существующий как минимум до рубежа VIII–IX вв. Но основной территорией расселения кочевников Хазарского каганата в 1-й половине VIII в. оказывается Азово-Каспийское междуморье. Здесь формируются сразу несколько устойчивых микроареалов: Доно-Донецкий (горный), Приазовский (приморский), Сало-Маньчский нижнедонской (левобережный), Волго-Донской (северо-восточный), Нижневожжский (Сарпинско-Ергенинский). На этой территории в 1-й – 3-й четвертях VIII в. количественно преобладают погребения типа «Соколовской балки» в ямах с подбоями в длинных боковых стенках (типа Котельниково-II, к. 10). Курганные и грунтовые погребения зливкинского типа в ямах со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в узких стенах (типа Саловский-IV, к. 2; Ольховка-I, к. 9) в 1-й – 3-й четвертях VIII в. на этой территории встречаются лишь эпизодически.

Военные столкновения 2-й половины VII в., в целом успешные для Хазарского каганата, способствовали распространению древнетюркских тенгрианских обрядов, во многом связанных с культом почитания правящего кагана как воплощения бога-неба Тенгри-хана на земле. Характеризуя типологический ряд элитных комплексов из Перещепины, Глосос и Вознесенки, А. К. Амброз еще в 1982 г. указал на существование в обрядности кочевников Восточной Европы двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны, подношения, которые захоранивались вместе с умершим вождем, стали менее роскошными; с другой, гораздо большее общественное значение теперь имел внешний вид царского поминального комплекса. По мнению исследователя, формирование каганских (для Восточной Европы это означает хазарских) поминальных храмов типа Вознесенки отражало попытку складывающихся кочевых государств создать государственный публичный культ на основе традиционного культа царских предков. На какое-то время религиозной формой, способствовавшей укреплению власти кагана, по мнению А. К. Амброза, стала попытка внедрения в широкие массы культа умерших

царей и превращение этого культа из доступного немногим близким в общенародный, публичный [Амброз 1982. С. 220]. Результатом этого оказалась идеологическая трансформация, в Хазарском каганате произошедшая на рубеже VII–VIII вв. В настоящее время уже ясно, что археологическим отражением этой трансформации следует считать два аспекта:

1) весьма резкий, практически одновременный и почти полный, хотя и не всеобщий, отказ от господствующей в V–VII вв. ориентировки умерших на север–северо-восток–восток и переход на ориентировку в направлении запад–юго-запад;

2) появление в Азово-Каспийском междуморье «курганов с ровиками», что выразилось в практике производства захоронений и тесно связанных с ними многоактных поминальных обрядов на предварительно огражденных ритуальных площадках. Материалом оград для таких площадок могло быть дерево, земляные валы и даже камень, но основной конструктивный элемент – ров.

Подкурганные захоронения, огражденные специфическими внутрикурганными ровиками, впервые были атрибутированы как памятники хазарского времени участниками археологической экспедиции ЛГУ под руководством Л. С. Клейна после раскопок в 1971 г. кургана № 11 Соколовского могильника [Клейн, Раев, Семенов 1972. С. 132–134]. «Внутренние» ровики в курганах этого типа сооружались, как правило, еще до проведения погребально-поминальных действий и не могли быть источником грунта для насыпи. Их следует считать одним из архитектурных элементов площадок, сооружавшихся для проведения указанных ритуальных действий, а сами площадки – социально-идеологическим надэтническим признаком поминальной обрядности, на определенном этапе свойственным не только хазарам-соколовцам, но и прабулгарам-зливкинцам.

Среди внутрикурганных ровиков различаются кольцевые, квадратно-кольцевые, квадратные, квадратные с дополнительной П-образной пристройкой и прямоугольные площадки. Количественно преобладают площадки подквадратных очертаний. Обнаруженные памятники именно этого типа С. А. Плет-

нева называет наиболее крупным открытием в современном хазароведении, по значению сравнимым только лишь с результатами ширококомасштабных работ Волго-Донской археологической экспедиции 1949–1951 гг. Именно с этими памятниками стал связываться важнейший вопрос всей археологии Хазарского каганата – поиск собственно хазарской археологической культуры, генезис ее и других этнических компонентов в рамках развивающейся салтово-маяцкой культуры [Плетнева 1990. С. 82]. Как показывают современные исследования, наиболее ранние, но уже оформившиеся погребения «Соколовского типа» (Дорофеевский, к. 13; Дубовый, к. 2, Верхнерубежный) принадлежат к вознесенскому хронологическому горизонту и датируются 1-й четвертью VIII в. [Комар 1999. С. 115–120]. Явно выраженных ровиков вокруг них еще нет. Основное большинство подбойных погребений соколовского типа из группы «курганов с ровиками» принадлежат к предсалтовскому горизонту (Галиат-Геленовка) и раннесалтовскому (Столбище-Старокорсунская) [Комар 1999. С. 121–132] и датируются относительно узким периодом – 2-й и 3-й четвертями VIII в. Именно в это время функционируют наиболее представительные хазарские могильники: Нагавский-II, Новосадковский, Новоаксайский, Романовская, Центральный-IV, Центральный-VII, Четыре Брата и др.

Военные столкновения с арабами в 1-й половине VIII в. оказались не столь удачными для хазар. Катастрофические последствия для них имел поход арабского войска во главе с Мерваном 735 г. в глубинные районы хазарской племенной территории. Считается, что собственная хазарская армия в результате этого похода оказалась полностью уничтожена. Каган был принужден разорвать тесные и многолетние связи с Византией, отказаться от тенгрианства, принять ислам и просить у правителей Арабского халифата мира на их условиях.

По-видимому, последствия похода Мервана привели к резкому ослаблению роли хазар в Хазарском каганате. Наиболее поздние собственно хазарские подкурганные памятники типа «Соколовской балки» в настоящее время известны на стадии хронологическо-

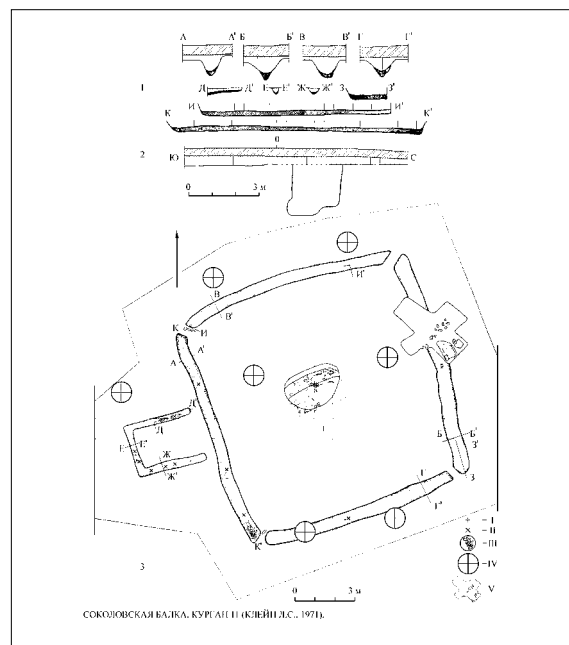
го горизонта Барановки (760–780-е гг. – рубеж VIII–IX вв.), но их количество относительно более раннего времени крайне незначительно (Барановка, к. 13; Кривая Лука-XXVII). Хазарские могильники для этого времени уже не известны. Площадки с погребениями перестают ограждаться квадратными ровиками, появляются ранее не встречавшиеся меридионально ориентированные могилы и кольцевые рвы вокруг курганов. Соколовские захоронения IX в., судя по материалам погребения у Горшковки [Красильников 1978. С. 261–264], – уже самые обычные бескурганные памятники, почти ничем не выделяющиеся.

Материальная культура рядового кочевого населения Хазарского каганата на начальном этапе, во 2-й половине VII – 1-й половине VIII в., была строго регламентирована и подчинена традиционному военно-кочевому образу жизни. При отсутствии каких-либо устойчивых центров оседлости и масс оседлого населения судить о материальной культуре возможно лишь по остаткам инвентаря из погребальных памятников кочевников.

Бытовые предметы в их захоронениях единичны. Как правило, это глиняный лепной слабопрофилированный сосуд с отогнутым венчиком, украшенным пальцевыми защипами. Судя по несколько более богатым могилам (Арцыбашево, Перещепино, Глососы, Ясиново), кочевники заимствовали у византийцев серьги с перевернутой пирамидкой зерни, а также серьги с бусинами, надетыми на стерженьки.

Основным видом оружия кочевников являлся высокотехнологичный сложносоставной лук, от которого в погребениях обычно сохраняются только рефлексирующие накладки, тщательно изготовлявшиеся из рога горного марала. Рукоять такого лука закрывали пара срединных и тыльная фронтальная накладки. Ассиметричные края укреплялись парой боковых и фронтальными накладками. Во 2-й половине VII в. в степи использовались стандартно изготовленные луки «тюрко-хазарской» технологии центральноазиатского происхождения. Прямая эволюция этого оружия привела к появлению в 1-й половине VIII в. нескольких переходных (экспериментальных) вариантов луков собственно «хазарской» технологии.

План кургана № 11 могильника у Соколовской балки
По: Клейн 1971; Круглов 2013. С. 75, рис. 1

На этом фоне примерно на рубеже VII–VIII вв. произошла кардинальная смена технологий на основе изменения общей системы насечек на лицевых и боковых поверхностях роговых накладок. Основное направление общей эволюции лука проявилось, в частности, в уменьшении длины срединных накладок рукоятки с 30–33 см в середине VII в. до 12–13 см во 2-й половине VIII в. При этом общая длина самого оружия составляла примерно 1,4 м и не менялась [Круглов 2005 г. С. 307–320; Круглов 2005 в. С. 73–142].

Предметы сбруи традиционно в погребениях кочевников представлены удилами, седлами, подпружными пряжками и украшениями ремней. Со 2-й половины VII в. в могилах постепенно начинают появляться также и стремена, изобретенные тюрками еще в VI в.

Костюм кочевников VII–VIII вв. сохранял основные традиции, восходящие еще к V в. Мода на ношение престижных наборных поясов, появившаяся в степи еще в дохазарское время, продолжала сохраняться, лишь немного трансформировалась в зависимости от направления межгосударственных контактов и иных предпочтений в тот или иной период времени.

Особый интерес вызывают случаи обнаружения в погребениях кочевников Хазарского каганата весьма значительного количества

золотых византийских монет или, что несколько реже, их индикаций. Скорее всего, это результат не денежного обращения, а непосредственных и весьма частых личных контактов отдельных представителей степняков с представителями ромейской правящей верхушки, которые щедро одаривали кочевников портретным золотом византийских императоров. В число получателей столь престижных даров входили не только тюрки рода Ашина и хазары, но изредка и представители иных этнических групп Хазарского каганата. Иногда время этих контактов удается весьма убедительно реконструировать на основании анализа письменных источников [Круглов 2005 г. С. 87–95].

Одним из важнейших последствий походов Мервана было организованное хазарами переселение в лесостепные районы Среднего Дона и Северского Донца значительных масс алан, до этого не входивших в Хазарский каганат. Одновременно с ними, частью на тех же территориях, но в основном южнее, в степных районах междуречья Дона и Северского Донца и на Нижнем Дону, стали концентрироваться прабулгары. Как показывает ареал распространения и само количество ныне известных грунтовых погребений ямного и катакомбного типов, основным населением степной и лесостепной центральной и северо-западной частей Хазарского каганата со 2-й половины VIII в. становятся аланы и прабулгары.

Именно здесь начиная с середины VIII в. появляется важнейший центр устойчивой временной оседлости и начинается формирование салтово-маяцкой археологической культуры. На этой территории возникают многочисленные поселения и селища, а по ее границам укрепленные крепости с каменными стенами и городища с мощными цитаделями: в лесостепи – Салтовское, Маяцкое, Маяки, Сидоровское; на Нижнем Дону – Правобережное, Семикаракорское и др. Археологическими раскопками на их территории выявлены многочисленные остатки юрт, полуземлянок и наземных жилищ. Рядом с поселениями и городищами формируются грунтовые могильники с многочисленными погребениями длительного накопления. Аланы и в лесостепи продолжают хоронить своих умерших, как на Кавказе: в могилах-катакомбах, устраивая

их на крутых склонах террас. Наиболее известные могильники, оставленные аланами в Доно-Донецкой лесостепи, – Верхне-Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий, Нижне-Лубянский, Подгоровский, Ютановский. В некоторых из них количество только исследованных погребений исчисляется сотнями.

Катакомбы состоят из узкого входного прохода, завершающегося погребальной камерой. В камерах могло помещаться от одного до десяти погребенных. Мужчин хоронили на спине, женщин на боку. Есть семейные и детские погребения. Очень широко были распространены обряды разрушения (обезвреживания) скелетов умерших, но конкретные особенности и степень нарушения в каждом могильнике были разные. Покойников в катакомбах сопровождал относительно богатый инвентарь. Много погребений воинов с оружием и поясами, украшенных наборными бляхами, наконечниками и пряжками. Женщин погребали с личными украшениями – амулетами, бусами, зеркалами.

Вместе с аланами в Доно-Донецкой лесостепи жили и прабулгары, оставившие там ямные могильники. Наиболее известные из них – Волоконовский, Мандровский, Нетайловский. В основном прабулгары занимали более южные степные районы Доно-Донецкой степи, где открыты могильники Зливкинский,

Желтое, Лиманское озеро, Маяки, Новоначное, Крымский. Эталонными признаками погребений прабулгар Подонцовья считаются простые прямоугольные формы могильных ям, наличие заплечиков вдоль длинных стен и ниш в узких стенках, положение погребенных (вытянуты на спине головой на запад), наличие ритуальной пищи. При всем том, исследователи отмечают, что практически каждый прабулгарский грунтовый могильник имел те или иные индивидуальные признаки.

Материальная культура населения салтово-маяцкой культуры оказалась чрезвычайно насыщенной и свидетельствует о весьма развитой экономике. На поселениях и в погребениях широко представлен бытовой инвентарь ремесленников, разнообразные земледельческие орудия труда, кухонная, столовая и тарная лепная и гончарная посуда, специфические украшения, предметы туалета и амулеты, оружие и предметы конской сбруи и упряжи. Несмотря на чрезвычайно многообразие существующих форм и довольно узкую спецификацию отдельных предметов, салтово-маяцкая материальная культура в целом характеризуется определенным единством на значительных территориях, что и позволяет исследователям считать ее общегосударственной культурой всего Хазарского каганата. Отдельные локальные варианты культуры

Правобережное Цимлянское городище
Рисунок О. В. Федорова
Автор реконструкции и макета В. С. Флёров
По: Флёров 2006. С. 68

выделяются лишь на основе вышеописанных особенностей погребальных обрядов разноэтнического населения.

Поступательное развитие культуры и усиление алан и булгар шли на фоне ослабления хазар и падения престижа сакральной власти самого кагана. В поисках новых союзников каган отказывается от ислама и обращается в иудаизм. Непонятно, приняли ли иудаизм сами хазары, но подобные метания, по-видимому, и привели к восстанию кабар и гражданской войне, а в итоге к полному ослаблению хазар. В конце VIII – начале IX в. в каганате происходит дворцовый переворот, власть кагана становится чисто номинальной и переходит к каган-беку, предположительно имевшему прабулгарское происхождение. Катастрофических последствий для существования самого государства эти события, однако, не имели, история Хазарского каганата продолжалась вплоть до 2-й половины X в. Именно эта, заключительная стадия совпала с арабским посольством к волжским булгарам.

Пробыв несколько месяцев среди волжских булгар, арабское посольство осенью 922 г. отправилось в обратный путь. К сожалению, текст «Записки» Ибн Фадлана, обнаруженной в Мешхедском списке, заканчивается описанием пребывания в Булгаре, информации о пути назад у нас нет. А. П. Ковалевский дополнил заключительный фрагмент «Записки» отрывком из «Словаря» Йакута, посвященным исключительно хазарам, и логично было бы предполагать, что обратная дорога посольства лежала через Хазарский каганат. Однако это не так. Сам Ибн Фадлан сообщает, что в том же 922 г. мусульмане разрушили синагогу в Дар ал-Бабунадже (?), о чем незамедлительно стало известно царю хазар. В ответ он приказал разрушить минарет в Итиле и казнить нескольких муэдзинов. При таких условиях арабское посольство, направленное к булгарам с откровенно антихазарскими целями и задачами, не имело бы никаких шансов благополучно пересечь каганат. Логичнее предполагать, что большую часть информации о хазарах Ибн Фадлан либо получил от царя булгар Алмышы, либо взял из литературно-географических сочинений своего времени. Похожие экскурсы, в частности, содержатся в книгах ал-Истахри,

Ибн Хаукаля, Шамс ад-Дина ал-Мукаддаси и в книге анонимного персидского автора «Худуд ал-Алам». Вместе с тем фраза о том, что, опасаясь новых погромов синагог в странах ислама, царь хазар не стал в ответ разрушать мечеть, встречается только в книге Ибн Фадлана и в сочинении Йакута, повторившего его текст [Калинина 2014. С. 57–58].

Так или иначе, Ибн Фадлан в своем сочинении сообщил весьма ценные сведения о хазарах. Он отмечает, что «хазары и их царь – все иудеи» и сообщает информацию об обрядах и обычаях, связанных с хазарским каганом и его ближайшим окружением. «Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, появляясь в [почетном] отдалении». Его называют большой хакан, а его заместителя называют хакан-бех. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему кагану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон, справа его стороны. Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого также замещает муж, называемый джавшунгар. Обычай наибольшего царя в том, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать [преступников] и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху» [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 146; Гараева 2006. С. 743]. Хотя столь красочный рассказ Ибн Фадлана о выполнении хакан-бехом жреческих функций сводится, по-видимому, к обязанности каждодневного зажигания ритуальной иудейской свечи меноры в присутствии кагана, информация об особенностях дуальной системы управления Хазарским каганатом и официальных протокольных взаимоотношениях реального и номинального

глав государства представляется достаточно важной и интересной.

Ибн Фадлан сообщает также об обычае тайного погребения кагана, о наличии у него большого гарема, об ограничении времени правления кагана сроком, равным сорока годами. Пожалуй, наиболее важное и практическое значение имеет характеристика Ибн Фадланом главного города хазар, где находится резиденция кагана. Ибн Фадлан пишет, что «у царя хазар [есть] огромный город на реке Атыл (Итиль). Он состоит из двух сторон. В одной из этих двух сторон [живут] мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближенные». «Судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и [временно] приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена гуляму царя, мусульманину», назначаемому из приближенных царя. «У мусульман в этом городе есть своя соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в дни пятниц. При мечети [есть] высокий минарет и несколько муаззинов [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 147; Ибн Фадлан 2006 Гараева. С. 744].

Археологические источники о хазарах и Хазарском государстве в X в. добавляют сравнительно немного информации. Для времени Ибн Фадлана можно говорить о достоверном существовании только трех городищ: Салтовского на северо-западных рубежах, Саркела в Нижнем Подонье и Самосдельского на Нижней Волге. Последнее, видимо, и является остатками г. Итиль, столицы Хазарского каганата. И хотя надо признать, что сплошная археологическая разведка дельты Волги до сих пор не проведена, вероятность обнаружения еще одного столь значительного городища ничтожна. Древнейшая центральная часть Самосделки расположена на острове и состоит, как минимум, из двух половин, что полностью совпадает с описанием Ибн Фадлана и делает его записи исключительным источником. Многолетние археологические раскопки под руководством Д. В. Васильева и Э. Д. Зиливинской позволили говорить о существовании на этом городище мощной цитадели, стены которой были некогда сложены из обожженного кирпича, в Хазарском каганате означавшего высокий социальный

статус. К сожалению, в сравнительно небольших раскопах пока еще не выявлены остатки каких-либо капитальных кирпичных сооружений, так как все они вместе со стенами цитадели были разобраны почти до основания еще в древности, а кирпичи использованы для нового строительства. Наиболее ранние жилища Самосделки представлены юртообразными кочевническими сооружениями с округлыми основаниями и прямоугольными полуземлянками с турлучными стенами. Наиболее ранняя керамика, выявленная в слоях хазарского времени, также оказалась весьма своеобразной, посуда классических салтово-маяцких типов практически отсутствует. Полученные археологами радиоуглеродные даты свидетельствуют о том, что жизнь на Самосдельском городище началась в интервале с середины VIII до 2-й половины IX в. [Васильев, Зиливинская 2011. С. 161–164].

162

162 Серьга

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Золото, жемчуг; литье, ковка, тиснение, пайка
Общая длина 4,7 см, ширина кольца 1,9 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИКМ им. П. В. Алабина. № КП-26136/1
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998.
С. 187–188. Табл. VII, 11

Серьга составная «хазарского» типа. Кольцо серьги литое, несомкнутое, овальной формы с утолщением-ограничителем в нижней части. К овальному кольцу в верхней части припаян золотой штырек, на который была надета бусина – жемчужина, закрепленная сверху золотой шайбочкой. В нижней части, между ограничителями, на подвижной проволоочной привеске свободно располагаются кольцо из шести спаянных шариков зерни и шестигранная коническая подвеска, расширяющаяся к низу. В нижней части привески должен был располагаться утраченный жемчужный или полый золотой шарик.

Серьга явно относится к категории статусных предметов. Известные аналогии происходят из кочевнических захоронений перещепинского круга, наиболее близкая – золотая составная серьга из Келегеев [Комар 2006. Рис. 24, 16]. Вероятная датировка этой разновидности серег – конец VII – первая треть VIII в.

Д. А. Сташенков

163 Серьги

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Золото, аметист; литье, ковка, пайка, сверление, обточка
А – общая длина 4,0 см, ширина кольца 1,9 см;
В – общая длина 3,9 см, ширина кольца 1,8 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. №: А – КП-26136/2;
В – КП-26136/3
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 188.
Табл. VII, 3, 4

Серьги составные «хазарского» типа. Кольцо серег литое, несомкнутое, овальной формы с утолщением в нижней части. К верхней части кольца у обоих экземпляров был припаян золо-

163

той штырек, который сохранился лишь на одной серьге. В нижней части на неподвижном проволоочном стерженьке, припаянном к кольцу, закреплены колечко из согнутой золотой проволоки диаметром 0,4 см и каплевидная подвеска из аметиста. Подвески из аметиста в сечении шестигранные, поверхности отполированы недостаточно тщательно, на них имеются многочисленные выщерблины. Подвески зафиксированы загнутым концом стерженька.

Серьги относятся к числу редких находок. Похожие золотые серьги с крупной каменной каплевидной привеской встречены в погребении из Ясиново [Айбабин 1985. Рис. 2, 11, 12]. Менее четкой аналогией может служить золотая серьга с сапфиром из Перещепинского комплекса [Залесская и др. 1997. С. 190–191. Кат. № 67]. Наиболее вероятная датировка этих украшений – конец VII – 1-я треть VIII в.

Д. А. Сташенков

164

164 Перстень

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Золото; литье, ковка, пайка, выколотка
Диаметр ободка 2,1 см, размеры каста 1,3 × 1,1 см,
высота каста 0,5 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. № КП-26136/4
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 188.
Табл. VII, 8

Перстень с припаянным кастом для вставки полусферической формы. Ободок изготовлен из кованной проволоки, прямоугольной в сечении 0,1 × 0,2 см. На концах проволоки не проковывалась и имеет округлое сечение диаметром 0,2 см. Каст, изготовленный выколоткой в матрице с гнездом полусферической формы, с ободком соединен небрежно. Наружная кромка каста слегка загнута внутрь для фиксации вставки. Сама вставка отсутствует. В момент раскопок в касте был зафиксирован фрагмент пастового стекла плохой сохранности [Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 188].

Д. А. Сташенков

165

165**Монета**

Византия
626–628 гг.
Золото 900°; чеканка
Диаметр 1,9–2,0 см, толщина 0,1 см, вес 4,1 г;
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. № КП-26136/6
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998.
С. 188. Табл. XIII, 9

Византийский солид Ираклия–Ираклия Константина. На лицевой стороне имеются поясные изображения императоров Ираклия (слева) и Ираклия Константина (справа) в военных плащах, скрепленных фибулами с подвеской. Головы императоров увенчаны простыми коронами с четырехконечным крестом. Ираклий Константин изображен молодым человеком, его фигура чуть меньше фигуры Ираклия. Усы и борода у Ираклия Константина не обозначены. Между портретными изображениями императоров в верхней части монеты изображен равноконечный крест. По ободку над изображением Ираклия Константина расположена надпись с его именем. На реверсе монеты имеется изображение Голгофского креста на трех ступенях и надпись: в обресе CONOB (Константинополь), легенда по кругу: VICTORIA AVGVSTVS. Изображение на реверсе перевернуто по отношению к аверсу на 180°. С лицевой стороны в верхней части монеты пробито отверстие для подвешивания диаметром 0,2 см. На основании анализа

изображений на монете А. В. Комар сделал вывод о принадлежности ее к типу 2 В солидов Ираклия–Ираклия Константина и датировал выпуск монет с аверсом типа 2 В 626–628 гг. [Комар, 2006. С. 50].

Д. А. Сташенков

166**Накладки**

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Золото; вырезание
А – длина 2,8 см, ширина 1,4 см;
В – длина 4,2 см, ширина 1,5 см;
С – длина 4,2 см, ширина 1,4 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. № А – КП-26136/8;
В – КП-26136/9; С – КП-26136/10
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 184.
Табл. VII, 5, 6, 8

Одна из накладок (нашивки?) из очень тонкой фольги (толщина 0,01 см) с рваными краями прямоугольной формы. Длинная сторона ее с одной стороны аккуратно обрезана, с другой – загнута внутрь. Судя по загнутой части, фольга или обжимала очень тонкую основу из органического материала, или непосредственно нашивалась на поверхность, однако отверстия для нашивки на сохранившейся части отсутствуют. Две других нашивки имеют прямоугольную форму с закругленными углами и, видимо, образуют один комплект. По периметру обеих накладок расположены отверстия, в одном случае 16, в другом 19, выполненные трехгранным в сечении острым предметом (шилом). Отверстия могли служить для крепления накладок к какой-то основе.

Д. А. Сташенков

167**«Пуговицы»**

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Железо, золото; ковка, тиснение
А – диаметр 2,0 см, толщина 0,3 см;
В – диаметр 1,8 см, толщина 0,4 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. № А – КП-26136/11,
В – КП-26136/12

Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998.
С. 184. Табл. VII, 9, 10

«Пуговицы» или накладки имеют вид тонкого диска диаметром 2 см. Основа пуговиц железная, сильно коррозирована; обтянута тонкой золотой фольгой, края которой были аккуратно загнуты внутрь. Первоначальная толщина «пуговицы» не превышала 0,2 см. Следы крепления на поверхности основы в одном случае не прослеживаются, в другом зафиксированы остатки железного стерженька диаметром 0,3 см. Возможно, накладки предназначались для крепления на мягкую (кожаную?) основу и выполняли функцию ремennых украшений.

Д. А. Сташенков

168**Накладки ремennые**

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Бронза, золото; резка, штамповка, тиснение
А – диаметр основания 2,6 см, высота 1,0 см;
В – длина 3,5 см, ширина 2,5 см, высота 0,2 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. № А – КП-26136/13;
В – КП-26136/15
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 184.
Табл. VII, 1, 2

Накладки полусферической (КП-26136/13) и сердцевидной формы с прямоугольным выступом сверху (КП-26136/15). Выполнены методом тиснения. Тонкая (не более 0,5 см толщиной) золотая фольга обжимает бронзовую основу такой же малой толщины. Края золотой обкладки загнуты внутрь и подрезаны в местах сгибов. Отверстия для крепления накладки отсутствуют. Вероятно, накладки крепились при помощи петельки, вставленной в пастовидную массу, но само внутреннее наполнение основы не сохранилось. Утрачены также часть тонкой бронзовой основы, фрагменты внешней золотой обкладки.

Сам принцип изготовления подобных тисненых или штампованных накладок с бронзовой основой и золотой обкладкой, внутренняя часть которых заполнена пастовым составом, фиксирующим элементы крепления, вероятно, имеет византийские истоки. Подобная технологическая схема изготовления ремennых накладок прослежена в Вознесенке, Глудосах, Келегеях, Новых Сенжарах, Перещепине [Залесская, Львова, Маршак 1997. С. 166 и др.]. Географически наиболее близкие аналогии имеются

166

167

168

169

в комплексах Новинковского I курганно-грунтового могильника на Самарской Луке.

Вероятно, к середине VIII в. подобные украшения полностью выходят из обращения среди привилегированных кочевых групп евразийской зоны.

Д. А. Сташенков

169

Детали поясного набора

Хазарский каганат (?)

Конец VII – начало VIII в.

Бронза, камень, горный хрусталь, стекло; литье, ковка, тиснение, пайка, инкрустация

Наконечник ремня: длина 7,4 см, ширина 2,6 см, высота 1,2 см; пряжка: длина 5,2 см, ширина 3,4 см, высота 0,8 см

Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1, раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.

СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. №: наконечник КП-26136/14, пряжка КП-26136/26

Публикации: Багаутдинов и др., 1998. С. 89, 154; 188. Табл. XII, 2, 3

От этого набора после ограбления кургана сохранились только поясной наконечник и пряжка. Наконечник ремня подпрямоугольно-овальной формы. Украшен двумя каменными и одной стеклянной вставками, помещенными в напаянные гнезда овальной или прямоугольной формы. Одна вставка утрачена. С внутренней стороны основы сделаны три фигурные прорезы, поверх

которых помещены лазуритовые вставки. Лицевая поверхность между гнездами вставок заполнена пластинками тонкого прозрачного стекла. Внешняя поверхность основы наконечника и гнезд покрыта позолотой. Часть наконечника утрачена.

Пряжка отлита вместе со щитком, вероятно, по восковой модели. Рамка имеет подовальную форму, выраженные губы. Язычок, загнутый кончик которого практически не выступает за пределы рамки, соединен с ней бронзовым стерженьком, пропущенным через поперечные отверстия в рамке и у основания язычка. К щиту геральдической формы припаяно гнездо для вставки округлой формы диаметром 1,8 см. На поверхности вставки полусферической формы из горного хрусталя вырезано изображение равностороннего креста и двух расположенных перпендикулярно вырезов. К ремню пряжка крепилась первоначально тремя напаянными с внутренней стороны щитка бронзовыми шпеньками диаметром 0,2 см, затем с лицевой стороны щитка было просверлено отверстие, а через него вставлен еще один шпенок, внешний край которого был раскован. Моделью явно послужила пряжка с шарнирным соединением щитка и рамки.

Инкрустированные вставками из стекла и подделочных камней элементы ремennого гарнитура для древностей раннехазарского времени являются уникальными. В Волго-Уральском регионе аналогии не известны.

Д. А. Сташенков

170

Пряжка

Хазарский каганат

Конец VII – начало VIII в.

Бронза; литье

Длина 6,6 см, ширина 3,5 см

Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1, раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.

СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. № КП-26136/23

Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 188. Табл. XII, 2

Пряжка шарнирная с овальной в плане рамкой и вытянутыми вперед «губами». Язычок выходит за пределы рамки и крепится при помощи железной оси, вставленной в отверстие в основании язычка. Полуовальный в плане щиток крепится на рамке с помощью железного стерженька в пазах. К ремню пряжка крепилась с помощью трех штифтов, вставленных в просверленные позднее отверстия в щитке.

Д. А. Сташенков

170

171

Пряжка

Византия или Крым

Конец VII – начало VIII в.

Бронза; литье, ковка, инкрустация

Длина 5,6 см, ширина 3,5 см, высота 0,5 см

Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1, раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.

СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. № КП-26136/24

Публикация: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 88, 153; 186. Табл. X, 1

Пряжка шарнирная с овальной рамкой (восьмеркообразной по внутреннему контуру) и геральдическим щитком. Массивный язычок, выступающий за пределы рамки, у основания имеет гнездо прямоугольной формы для стеклянной вставки. Рамка и язычок соединялись со щитком железным стерженьком, продетым в петли шарниров. Щиток имеет прогибы в верхней половине и две насечки. На внутренней стороне щитка напаяны три петли для крепления к ремню. Способ крепления позволяет предположить не местное (византийское?) производство пряжки.

Д. А. Сташенков

171

172

172

Комплекс костяных пластин окантовки щита

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Кость; резьба, гравировка
А – длина 22,0 см, ширина 3,0 см; В – длина 20,5 см, ширина 2,8 см; С – длина 8,9 см, шириной 2,8–3,0 см, D–длина 18,5 см, ширина 2,8 см; Е – длина 3,7 см, ширина 3,0 см, F – длина 4,4 см, шириной 1,6 см.
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 1, раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. №: А – КП-26136/32; В – КП-26136/33; С – КП-26136/35; D – КП-26136/34; Е – КП-26136/36; F – КП-26136/37.
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 186–187. Табл. XII, 1; Флерова 2001. С. 82–85

Наибольшую значимость для истории искусства евразийских кочевников имеет комплекс костяных пластин с гравированными изображениями, найденный при расчистке катакомбы. С момента их первой публикации пластины стали предметом пристального изучения [Багаутдинов, Зубов 1998. С. 253–256; Плетнева 1999. С. 201–203. Рис. 119; Комар 2001. С. 11–44; Котов 1999. С. 431–445; Сташенков 2010. С. 82–84; Фоянова (Чувилло) 2013. С. 203–208]. Они изготовлены из ребер крупного копытного. Традиционно их интерпретируют как обкладки луки седла. Однако при внимательном рассмотрении очевидно, что пластины, имеющие одинаковый изгиб, располагались по окружности диаметром около 80 см. Предположить, что такой размер могли иметь детали седла, невозможно. Более реальна версия, что пластины украшали парадный щит диаметром 0,8 м (см. реконструкцию). В таком случае можно объяснить проработанность мелких деталей, которые можно различить только при близком рассмотрении. Принятие этой версии подразумевает, что полностью восстановить сюжетную линию изображений на шиловских пластинах не удастся: сохранилось не более 25% от первоначального декора. Крепление пластин к основе щита осуществлялось через отверстия, проделанные после нанесения рисунков.

На пластине «А» изображена сцена борьбы крылатых драконов. Пасти драконов открыты, из них вывалились переплетенные в схватке языки с пламевидными окончаниями. На голове драконов показаны небольшие рога, края кото-

рых загнуты наружу. Выделены длинные приостренные уши. Туловища драконов закручены в двойную спираль. Хвост драконов завершается четырехлучевым окончанием. У драконов показаны только две передние лапы с длинными согнутыми пальцами и острыми когтями. Чешуя драконов показана только по контуру изображения поперечной штриховкой. Рядом с драконом лицом друг к другу изображены два зайца с прижатыми ушами, наблюдающие за схваткой. К одной из утраченных пластин относится фрагмент «F» с гравированным изображением крыла дракона длиной 4,4 см и шириной 1,6 см.

На пластине «В» изображены лучник, лошади и сцена терзания лани медведем. Акцент сделан на изображении медведя и лани. Лань лежит на земле, медведь притягивает к себе ее голову правой передней лапой и смотрит на стреляющего в него лучника. Лучник сидит на земле, поджав под себя ноги. На нем надета длинная, до колен, одежда типа халата, перетянутая в талии ремнем. Под халатом видна кольчуга, показанная косыми пересекающимися линиями, а также стоячий ворот нижней одежды – рубахи. У лучника длинные волосы, перехваченные узкой налобной повязкой. Тетиву, на рисунке не отмеченную, лучник натягивает левой рукой. Локоть левой руки прочерчен уже на следующей пластине, что свидетельствует о том, что все пластины вырезались одновременно, уже находясь на какой-то основе. Лук сильно изогнут, вероятно, он относится к типу сложносоставных луков. Стрела как будто имеет плоский наконечник листовидной формы.

172

172

За спиной медведя изображено четыре взнузданных и оседланных коня, причем поводья показаны только у одного. По мнению авторов первой публикации, по экстерьеру изображенные на пластине лошади близки к среднеазиатским породам. «Это явно породистые лошади – „лучшие кони собственного седла“ – с сухим поджарым туловищем, высоко поставленной шеей, средних размеров головой. Хвосты коней подвязаны в узел и, возможно, перетянуты тесьмой или лентой у основания, гривы коротко подстри-

жены» [Багаутдинов, Зубов 1998. С. 255]. По мнению этих же исследователей, седла можно отнести к типу жестких с деревянными полками крыловидной формы, высокой передней лукой и более низкой, округлой задней. Под седлом показан потник прямоугольной формы. На коне с поводьями показаны подпруга и подхвостовой ремень. Кончики хвостов у всех лошадей закручены в узел.

Эта пластина соединялась с пластиной «С», от которой сохранился фрагмент с гравированным изображением двух всадников в ламеллярных доспехах с наплечниками, закрывающими руки до локтя. Голову всадников покрывали шлемы сфероконической формы, шею защищала кольчужная сетка – бармица. Экстерьер и убранство коней аналогичны изображенным на вышеописанной пластине. Перед всадниками располагалось изображение еще одной пары скачущих воинов, от которых сохранился небольшой фрагмент.

На пластине «D» выгравировано изображение лучника и четырех копейщиков. Пластина обломана с двух сторон. На сохранившейся части изображен сидящий с подогнутыми ногами лучник, одетый в длинную, до колен, кольчугу. Поза и прическа лучника аналогичны изображенной на пластине «B». Копейщики в ламеллярных доспехах имеют то же защитное вооружение, что и всадники. У отдельно стоящего копейщика, направившего копье на целящегося в него лучника (от которого сохранился только фрагмент) панцирь иной конструкции. Его чешуйчатый

172

доспех собран из широких коротких пластин с закругленными краями. Под панцирем показана нижняя одежда с узкими обшлагами. Все без исключения копья украшены одинаковыми двухчастными флажками, состоящими из узкой вертикально расположенной полосы и находящейся под узким наконечником длинной двухвостой полосы.

На фрагменте костяной пластины «E» выгравировано изображение фрагмента крепостной стены и трех защищающих ее воинов. Крепостная стена сложена из крупных каменных или пахсовых блоков. Головы воинов увенчаны шлемами сфероконической формы с плюмажами. Показаны также бармицы. Над крепостью развевается двухвостый флаг. Большая часть пластины не сохранилась. Она была обломана по линии просверленного отверстия для крепления.

По мнению Р. С. Багаутдинова и С. Э. Зубова, изображенные на пластине воинские сцены связаны между собой сюжетно и передают подробности какого-то реального похода, включавшего в себя сражения в поле, окружение, осаду крепости. Это могла быть закавказская война 626–630 гг., в которой участвовали воины Ирана, Византии и Западно-тюркского каганата [Багаутдинов, Зубов 1998. С. 256].

Д. А. Сташенков

Реконструкция щита Д. А. Сташенкова

173

173 Имитация монеты

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Золото 900°; литье
Диаметр 2,0 см, толщина 0,08 см, вес 2,64 г.
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 2,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. № КП-26136/7
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 190.
Табл. XIII, 10

Имитация монеты – византийского солида с погрудным изображением императора. Выполнена литьем по восковой модели. Изображение нечеткое. Отчетливо выделены борода, усы, нос и глаза императора, менее выразительна простая корона с равносторонним крестом, в районе правого плеча и над ним показаны фибулы (?) для скрепления плаща. По ободку расположена нечитаемая имитация надписи. С лицевой стороны в верхней части имитации пробито отверстие для подвешивания диаметром 0,2 см. Близки описанной композиции изображения на византийских солидах императора Константа II (641–668) периода 642–651 гг. Однако и на солидах императоров Фоки (602–610) и Тиверия II (698–705) можно найти сходные элементы в построении изображения. Отличие в деталях и принципиальная разница в датировке не позволяет принять какую-либо конкретную монету за исходный вариант без дополнительных аргументов.

Д. А. Сташенков

174

174 Детали пояса

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Накладки: серебро, золото, бронза, паста; штамповка, тиснение, пайка. Наконечник ремня: бронза, кожа; ковка, тиснение, пайка
Наконечник ремня: длина 4,2 см, ширина 2,0 см;
накладки: диаметр 2,5 см, высота 0,6–0,8 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 2,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. № КП-26136/5;
КП-26136/16–22
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 190.
Табл. XIII, 4, 5

Комплект мужского пояса состоял из семи накладок, поясного наконечника и железной пряжки.

174

Наконечник ремня с кожаной основой состоит из сложенной вдвое тонкой прямоугольной бронзовой пластины, внутри которой сохранился фрагмент кожаного ремня. Основа круглых накладок изготовлена штамповкой из бронзы. В центр помещена вставка из золотого листа, украшенная тисненым орнаментом в виде параллельных линий, занимающих четыре сектора. Накладки по внешнему ребру и окружности покрыты серебряной фольгой, частично перекрывающей и фиксирующей золотую вставку. Внутренняя их часть, что четко видно на некоторых экземплярах, заполнена хорошо сохранившейся плотной массой серого цвета, в которую была вставлена бронзовая петелька для крепления к ремню.

Точных аналогий ремненным накладкам не имеется. Принцип изготовления подобных накладок, внутренняя часть которых заполнена пастовым составом, вероятно, имеет византийские истоки. Такая технологическая схема изготовления ремненных накладок прослежена в Вознесенке, Глодосах, Келегеях, Новых Сенжарах, Перещепине [Залесская, Львова, Маршак 1997. С. 166 и др.].

Д. А. Сташенков

175

175 Сосуд

Хазарский каганат
Конец VII – начало VIII в.
Глина; ручная лепка, гончарный круг
Высота 20,2 см, диаметр венчика 8,5 см,
диаметр дна 8,7 см, наибольший диаметр тулова 16,0 см
Шиловский могильник, погребение 2 кургана № 2,
раскопки Р. С. Багаутдинова, 1992 г.
СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. № КП-26136/31
Публикации: Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 142,
189–190. Табл. XIV, 4

Сосуд сероглиняный плоскодонный, лепной, подправлен на гончарном круге. Венчик слегка отогнут наружу, ручка петлевидная, треугольная в сечении с небольшим отверстием. На поверхности сосуда сохранились следы вертикального полосчатого лощения. На днище имеется клеймо в виде креста, заключенного в круг.

Наиболее близкой аналогией является гончарный сосуд с овальной ручкой из Ясиново [Айбабин 1985. Рис. 1, 3]. По мнению А. И. Айбабина, хотя кувшин из Ясиновского комплекса мог быть изготовлен аланскими мастерами, работавшими в гончарном центре в балке Канцерка в современной Днепропетровской области, по форме он

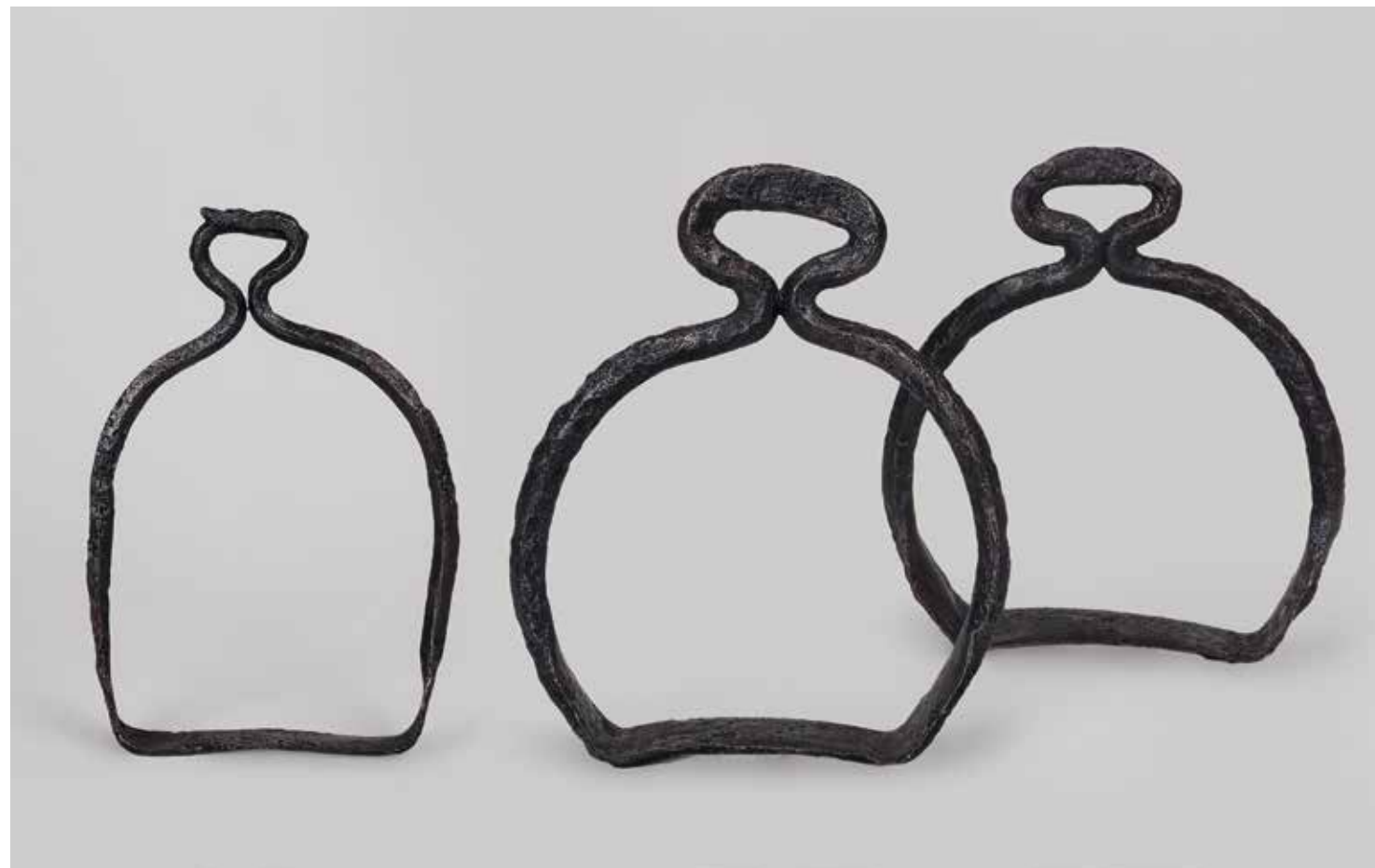

175

генетически связан с тюркскими и кыргызскими сосудами [Айбабин 1985. С. 196]. Вполне возможно, что прототипом для мастера, изготовившего шиловский сосуд, служила золотая и серебряная посуда типа кувшинов-кружек с петлевидной ручкой, найденных в Перещепинском комплексе [Залесская, Львова, Маршак 1997. Кат. № 69–71. С. 192–200].

Д. А. Сташенков

176

176

Стремена

Хазарский каганат
1-я четверть VIII в.
Железо; ковка

А – общая высота 12,0 см, максимальная ширина 8,6 см;
В – общая высота 14,5 см, максимальная ширина 12,4 см;
С – общая высота 13,5 см, максимальная ширина 12,7 см
Среднее Поволжье, Шелехметский VII (II) могильник,
погребение 4 кургана № 11, раскопки Н. А. Лифанова,
1999 г.

СОИКМ им. П.В Алабина, инв. №: А – КП-22976/6
Арх-378/6; В – КП-22976/8 Арх-378/8;
С – КП-22976/9 Арх-378/9

Публикации: Бражник, Кирсанов, Лифанов 2000.
Рис. 5, 2, 3

Стремя А располагалось в верхней части заполнения могильной ямы, совместно с удилами (кат. 177). Стремена В и С находились в погребении при останках коня. Стремя А имеет арочную форму, овальную петлю и прямую раскованную подножку. Стремена В и С сегментовидные, так-

же снабжены овальной петлей, но подножка их вогнута; по всей протяженности подножки на ее внешней поверхности сформировано ребро жесткости.

Такие стремяна широко использовались у кочевников, происхождением связанных с древними тюрками, в 1-й половине VIII в. н. э. В Восточной Европе они широко распространились в эпоху становления Хазарского каганата.

Н. А. Лифанов

177

Удила и удила с псалиями

Хазарский каганат
1-я четверть VIII в.

Железо, рог; ковка, резьба

А – общая длина 14,9 см, длина каждого из звеньев удил 8,2 и 7,8 см; В – общая длина 22,0 см, длина каждого из звеньев 10,8 см и 11 см; длина первого псалия – 12,8 см, длина второго – 11,2 см
Среднее Поволжье, Шелехметский VII (II) могильник, погребение 4 кургана № 11, раскопки Н. А. Лифанова, 1999 г.

СОИКМ им. П. В. Алабина, инв. № А – КП-22976/7

Арх-378/7; В – КП-22976/16 Арх-378/16

Публикации: Бражник, Кирсанов, Лифанов 2000.

Рис. 5, 1, 4

Двукольчатые двусоставные удила А представляют наиболее распространенный тип раннесредневековых удил, известный практически во всех регионах Евразии, в большей или меньшей степени связанных с коневодством. Более интересны удила В, снабженные костяными псалиями. Первый псалий имеет практически круглое сечение, сужается к одному из концов. Второй короче и толще первого, обработан грубее; вероятно, его поставили позже взамен сломавшегося хорошо обработанного псалия. В центральных частях псалиев проделаны по два сквозных отверстия, где закреплены железные П-образные скобы, служащие для удержания псалиев в кольцах удил.

Такие же удила с аналогичными костяными псалиями были найдены в погребениях человека с конем в могильниках древних тюрков Катанда II и III на Горном Алтае [Гаврилова 1965. Рис. 8, 10; Мамадаков, Горбунов 1997. Табл. IX, 7]. Материалы из Катанды являются эпонимными для определенного этапа в истории материальной культуры древних тюрков, который хорошо датируется в рамках конца VII – середины VIII в. Такие псалии характеризуют именно древнетюркскую традицию, не имеющую в Восточной Европе других параллелей.

Н. А. Лифанов

177

178

178 Сабля

Хазарский каганат
1-я четверть VIII в.
Железо; ковка
Общая длина 81,5 см, длина клинка 71,5 см,
ширина клинка 2,7 см; перекрестие: длина 12,0 см,
ширина 1,5 см
Среднее Поволжье, Шелехметский VII (II) могильник,
погребение 4 кургана № 11, раскопки Н. А. Лифанова,
1999 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. № КП-22976/17
Арх-378/17
Публикации: Бражник, Кирсанов, Лифанов 2000.
Рис. 4, 15

Клинок сабли, обломанный у острия, изогнут очень слабо. Сечение большей части клинка клиновидное. На протяжении 7,5 см от излома клинок имеет двустороннюю заточку, сечение его здесь линзовидное.

В 5,1 см от конца черенка имеется сквозное отверстие, в которое пропущен штырь, выступающий с обеих сторон и удерживающий деревянную рукоять сабли, которая, судя по следам древесного тлена, имела длину около 13,0–14,0 см.

Перекрестие сабли прямое, располагалось под острым углом к лезвию. В профиле имеет линзовидную форму, сечение шестигранное. Прорезь для клинка линзовидной формы. В прорезь перекрестия вставлялась согнутая в виде буквы «П» железная пластина.

Сабля была вложена в деревянные ножны (клинок был покрыт древесным тленом, пропитанным окислом железа), на лицевой стороне которых под перекрестием крепилась костяная прямоугольная накладка.

Настоящий образец относится к ранним вариантам этого оружия, начавшего распространяться только в раннехазарское время и являвшегося, по-видимому, еще довольно редким и престижным. В группе памятников новинковского типа, куда входит и курган № 11 Шелехметского VII (II) могильника, известны еще две аналогичные сабли: из богатых погребений 2 кургана № 13 могильника Новинки II [Матвеева 1997. Рис. 73, 2] и 3 кургана № 2 могильника Винновка I (раскопки Н. А. Лифанова, 2015 г.). По форме эта сабля еще очень напоминает палаши, бытовавшие у древних тюрков [Кубарев 2005. Табл. 63, 1].

Н. А. Лифанов

179

179 Набор наконечников стрел

Хазарский каганат
1-я четверть VIII в.
Железо; ковка
А – общая длина 9,2 см, ширина 2,2 см;
В – общая длина 9,5 см, ширина 2,2 см;
С – длина 4,9 см, ширина 1,3 см; D – длина 4,7 см,
ширина 1,6 см; E – длина 6,2 см, ширина 0,8 см
Среднее Поволжье, Шелехметский VII (II) могильник,
погребение 4 кургана № 11, раскопки Н. А. Лифанова,
1999 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. №: А – КП-22976/27;
В – КП-22976/26; С – КП-22976/28; D – КП-22976/29;
E – КП-22976/30
Публикации: Бражник, Кирсанов, Лифанов 2000.
Рис. 4, 5–9

В состав колчанного набора входило пять стрел, от которых сохранились только наконечники. Все они трехлопастные, черешковые. Выделяются два массивных наконечника с треугольной формой пера и округлыми отверстиями в нижней части пера. Два других наконечника также треугольные, только более узкие. Послед-

ний наконечник, очевидно, броневой, очень узкий – для того, чтобы при попадании раздвигать пластины доспеха. Как и большинство артефактов из этого погребения, наконечники стрел, особенно крупные треугольные с округлыми отверстиями, находят прямые аналогии в материалах тюркских погребений человека с конем на территории Центральной Азии.

Н. А. Лифанов

180 Пряжка ременная

Хазарский каганат
1-я четверть VIII в.
Бронза, железо; литье, ковка
Общая длина пряжки 4,8 см, ширина рамки 3,4 см
Среднее Поволжье, Шелехметский VII (II) могильник,
погребение 4 кургана № 11, раскопки Н. А. Лифанова,
1999 г.
СОИМК им. П. В. Алабина, инв. № КП-22976/25
Арх-378/25
Публикации: Лифанов 2001. С. 167–168. Рис. 1, 1

180

Шарнирная пряжка, располагавшаяся на груди погребенного человека, по всей вероятности, являлась принадлежностью поясного либо портупейного ремня. Особенностью данной пряжки является ступенчатое сечение бронзовой рамки, не характерное для пряжек VIII в., хотя в остальных деталях пряжка имеет множество аналогий в культуре древних тюрков Центральной Азии. Железный язычок пряжки плохо сохранился. Крепление железного щитка пряжки к ремню осуществлялось с помощью заклепки, вставленной в отверстие, что также характерно именно для пряжек катандинского этапа древнетюркской культуры.

Н. А. Лифанов

181

Серьги

Хазарский каганат
1-я четверть VIII в.

Золото, серебро; литье, тиснение, пайка
А – высота 3,0 см, максимальная ширина 1,7 см;
В – высота 3,2 см, максимальная ширина 1,8 см
Среднее Поволжье, Шелехметский VII (II) могильник, погребение 4 кургана № 11, раскопки Н. А. Лифанова, 1999 г.

181

СОИМ им. П. В. Алабина, инв. №: А – КП 22976/34;
В – КП 22976/35)
Публикации: Лифанов 2001. С. 166–167. Рис. 1, 2

Серьги находились по обеим сторонам черепа погребенного мужчины. Основа обеих серег выгнута из золотой проволоки. Припаянные к основе стерженьки оканчиваются петельками-ограничителями. Они служили основой бусиных подвесок.

На нижний стерженек каждой серьги надето по два колечка, составленных из семи зерновых шариков. Также на каждом из стерженьков были надеты бусины, состоявшие из двух полых серебряных полусфер, которые сохранились только на одной серьге.

Подобные формы серег (см. кат. 162, 163), в археологии традиционно именуемые серьгами «салтовского» или «хазарского» типа, встречаются в степных памятниках VII в. Едва ли не самые близкие по оформлению серьги с надетыми на штырек колечками из зерни найдены в погребении человека высокого социального статуса, сопровождаемого четырьмя конями, в кургане 11 могильника Балык-Соок на Алтае [Кубарев 2005. Рис. 22] – на сегодняшний день это самое богатое из известных тюркских захоронений человека с конем. Последняя аналогия в какой-то мере свидетельствует о высоком статусе

лица, погребенного в могильнике Шелехметь. Аналогии инвентарю в памятниках катандинского этапа древнетюркской эпохи в Центральной Азии дают все основания видеть в погребенном одном из воинов-тюрков, выступавших наиболее действенной военной силой при формировании Хазарского каганата.

Н. А. Лифанов

182

Накладки сложносоставного лука

Конец 1-й четверти VIII в.

Рог марала; резьба, гравировка

А – длина 19,6 см, ширина 2,9 см;

В – длина 14,0 см, ширина 2,9 см;

реконструируемый размер: длина 20,0 см, ширина 2,9 см

Волго-Донское междуречье, могильник

Котельниково-II, погребение 1 кургана № 10,

раскопки Е. В. Круглова, 1992 г.

ВОКМ, инв. № 29016/39-40

Публикации: Круглов 2005в. С. 133. Рис. 33;

2005г. С. 317. Рис. 7, 6–9; 2009. С. 119, 131. Рис. 43;

Археологическое наследие..., 2013. С. 144, 277, № 360

Срединные боковые накладки сложносоставного лука найдены в основном подбойном погребении человека с конем типа «Соколовской балки», уверенно связываемого с историческими хазарами. Накладки имели интенсивное боевое применение, одна из пластин носит следы ремонта. Лицевая поверхность пластин тщательно полирована, обратная усилена нарезками для лучшего склеивания с деревянной кибитью. Узкие боковые края имеют оформленные площадки, покрытые насечками. Поверхность площадок срезана на 0,2–0,3 см относительно центра. Это обстоятельство определяет принадлежность конструкции к группе луков «хазарской» технологии 2-й четверти – конца VIII в., сменивших на территории степей Восточной Европы азиатские сложносоставные луки «тюрко-хазарской» технологии, использовавшиеся со 2-й половины VII до рубежа VII–VIII вв. Данная конструкция полностью комплектна и может быть отнесена к устойчиво встречающемуся типу А-1-б (II-A-2) [Круглов 2005 в. С. 80; 2005 г. С. 307], который сменил переходный тип луков, совмещавший признаки «тюрко-хазарской» и «хазарской» технологий.

На переходный характер этого оружия в ряду других вариантов сложносоставных луков хазарского времени, последовательно сменявших друг друга в период с середины VII до кон-

182

ца VIII в., указывает отсутствие краевых накладок, а также размер рукояти (20 × 2,9 см), «промежуточный» между размерами рукояти более ранних луков «тюрко-хазарской» технологии (27–32 × 2,6–3,2 см) и поздних вариантов луков «хазарской» технологии (11–13 × 2,2–2,6 см) [Круглов 2005 в. С. 73–142; 2005 г. С. 307–320]. Оружие именно с этими размерами рукояти (20 × 2,9 см) является синхронным луку, обнаруженному

в погребении 2 кургана № 1 могильника Шиловка [Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998. С. 222–223. Табл. X, 5; XI, 1–4], а также лукам из погребений могильников Саловский-IV [Парусимов 1998. Рис. 21, 8, 10] и Таловый-II [Глебов, Иванов 2007. С. 172. Рис. 6], относящихся к оружию несколько иных типов той же самой «хазарской» технологии [Круглов 2005 в. С. 88–89; 2005 г. С. 316–317]. В эволюции «гибридных», «промежуточных» и «переходных» типов и вариантов луков прослеживается предельно жесткая хронология. Конкретные типы и разновидности луков могут следовать друг за другом в общей технологической цепочке, а могут использоваться одновременно.

Е. В. Круглов

183

Накладки лук седла, ременные застёжки для пут

Конец 1-й четверти VIII в.

Рог; резьба, гравировка, сверление
Широкие пластины задней луки: А – длина 23,0 см, ширина 2,7–3,2 см; В – длина 23,0 см, ширина 2,5–2,9 см; застёжки для пут: длина 6,4 см, ширина 1,8 см; фишки-накладки: длина 2,0 см, ширина 1,5 см
Волго-Донское междуречье, могильник Котельниково-II, погребение 1 кургана № 10, раскопки Е. В. Круглова, 1992 г.
ВОКМ, инв. № 29016/27-32, 34-37
Публикации: Круглов 2009. С. 119; Археологическое наследие... 2013. С. 145. Рис. 2, 277, № 360

Узкие роговые канты и широкие пластины-накладки внешних (наружных) сторон обеих лук седла, а также сопутствующие подпружные изделия-фиксаторы, две костяных застёжки для пут и четыре ременные фишки, были найдены в основном подбойном погребении человека с конем типа «Соколовской балки», в настоящее время уверенно связываемого с историческими хазарами. Седло помещалось на вполне обычном для погребений кочевников месте – между передними и задними скаковыми конечностями растянутой шкуры коня, но располагалось оно не на длинных боковых полках ленчика, а опиралось на заднюю луку и находилось в вертикально-наклонном положении. Каких-либо следов деревянной основы полка и лук обнаружено не было.

Передняя лука, обращенная вверх, была найдена практически на уровне древней дневной поверхности, сильно потревоженной. От нее сохранилось лишь несколько несостыкуемых друг

с другом фрагментов от двух или более накладок центральной части и бокового крыла. Судя по их расположению и конструктивным особенностям, передняя лука относительно полок ленчика находилась в вертикальном положении, почти под прямым углом, и имела по бокам ясно выраженные лопасти, скорее всего, ассиметричные.

Накладки задней луки располагались горизонтально на одном уровне на дне входной ямы и сохранились практически полностью. Относительно полок ленчика задняя лука находилась в наклонном положении. Торцевые верхние и боковые грани были покрыты тремя узкими пластинами рогового канта, полукруглого в сечении. Две большие длинные пластины располагались по бокам, между ними «внахлест» крепился третий мелкий фрагмент, выполнявший роль фиксатора-зажима. Внешняя поверхность кантов тщательно заполирована. Посередине длины они плавно изгибались под углом почти 90°, охватывая бока луки. Противоположные края кантов слегка расширялись, но широкий край с просверленным сквозным отверстием для крепления к основе луки с помощью костяного гвоздика сохранился лишь у одной накладки. Внешняя сторона задней луки, обращенная назад, по верхнему краю была украшена парой накладок, соприкасавшихся «встык» узкими боковыми сторонами. Противоположные стороны изгибались по форме луки и сходились на краях. Одна из накладок представляла собой цельную пластину, вторая состояла из двух отдельных разновеликих пластин, тщательно подогнанных друг к другу «внахлест». По всей видимости, мастера испытывали недостаток в материале. Торцевые канты и широкие накладки внешней стороны задней луки длинными боковыми гранями соприкасались и, несмотря на общую изогнутость, были довольно тщательно подогнаны друг к другу «встык» и отшлифованы. Надежно зафиксированное сочетание кантов и широких накладок позволило проследить форму задней «крыловидной» луки, а также частично установить ее размеры. Ширина была равна 44 см, а высота, охваченная кантом, – около 17 см. Общая высота луки остается неизвестной.

Оборотные стороны всех накладок и кантов покрыты тонкими нарезками для более устойчивого склеивания с деревянной основой. Фрагментированные накладки передней луки дополнительно стягивались с основой ремнями, пропускавшимися через просверленные отверстия. Сохранились три таких отверстия.

Лицевые (внешние) стороны всех накладок покрыты гравированным орнаментом цир-

183

кульного типа, состоящим из цепочек непересекающихся овалов, заметно уменьшающихся по направлению от центра лук к краям. В местах соприкосновения овалов сверлением намечены окружности с точками в центре. Пространство вокруг овалов заполнено косыми условно параллельными нарезными линиями. Пластины задней луки украшены только одним рядом овалов. Аналогично украшен фрагмент верхней дугообразной накладки центральной части передней луки. Нижняя часть передней луки украшена двумя рядами овалов, при этом края лопастей оставлены неорнаментированными. Орнамент, по всей видимости, наносился уже после плотного закрепления накладок на поверхности лук: овалы на накладках задней луки переходили с одной пластины на другую.

Как известно, распространение твердого типа седла с полками, ленчиком, вертикальной передней и наклонной задней луками, стоящими

поверх ленчика, совпадает с началом широкого распространения стремян и происходит в кочевом мире практически одновременно в течение VII в. [Амброз 1973. С. 96]. Орнаментированные роговые накладки седел достаточно часто встречаются в древнетюркских погребениях Алтая, Тувы и Тянь-Шаня как кудыргинского, так и катандинского этапов [Гаврилова 1965. С. 85–87], датирующихся в основном концом VII – 1-й половиной VIII в. Однако декор задней луки седла из погребения могильника Котельниково-II идентичен не восточным алтайским, тувинским и тяньшаньским накладкам, а дунайскому аварскому седлу из погребения 186 могильника Тисафюред: у этого седла парные накладки окантовывали верх и низ лук [Garam 1987. С. 104. Табл. II; Гавритухин 2001. С. 68. Рис. 19].

По наблюдению Б. Б. Овчинниковой, седла Саяно-Алтая и Тувы, сохранившие деревянную основу, практически все без орнаментированных

накладок, а седла с орнаментированными накладками, наоборот, не сохранили деревянной основы [Овчинникова 1990. С. 100]. Этот факт до сих пор никем не объяснен, но аналогичная картина выявилась также и в материалах Тянь-Шаня [Худяков, Табалдиев 2009. С. 89], а также Восточной Европы. У седел из Верхнего Чирюрта и Шиловки, сохранивших высокохудожественные орнаментированные накладки лук, отсутствуют деревянные основы, а у седел из Бородаевки, Галиата и Петрунино, сохранивших деревянную основу, наоборот, нет роговых накладок [Комар 2008]. В связи с этим, говорить о форме седел с луками, орнаментированными накладками, на наш взгляд, можно только с некоторой долей условности, лишь предполагая их общую аналогичность седлам, не имевшим накладок.

По всей видимости, передняя лука седла из Котельниково всё же аналогична передней луке седла, которое обнаружено Е. И. Крупновым в 1935 г. в Галиатском склепе и, по мнению А. В. Комара, датируется в пределах 725–740 гг. [Комар 1999. С. 121, 132]. Основной отличительной особенностью лук седла из Галиата признается наличие боковых лопастей [Комар 2008]. Именно эта деталь, отмеченная также и у седла из Котельниково, представляет собой важнейший технологический и датирующий признак. Наличие этого признака показывает, что украшенные роговыми накладками остатки седла из Котельниково – не самые ранние в степях Восточной Европы, но это первая документированная находка седла подобного типа в Волго-Донском регионе, основной территории распространения памятников этнических хазар типа «Соколовской балки».

Е. В. Круглов

184

Детали ременных наборов

Хазарский каганат
3-я четверть VIII в.

Бронза; литье

Пряжки: А – сохранившаяся длина 1,0 см, ширина 1,5 см;

В – длина 2,5 см, ширина 2,0 см;

наконечник: длина 4,0 см, ширина 1 см; лировидная

подвеска: длина 4 см

Нижнее Подонье – Волго-Донское междуречье,

могильник Нагавский-I, погребение 1 кургана № 3,

раскопки А. В. Кияшко, 1986 г.

ВОКМ, инв. № 29300/35–38

Публикации: Культура средневековых кочевников...

2001. С. 24. № 5; Археологическое наследие... 2013.

С. 145. Рис. 1; 276–277. № 357

Бронзовые ременные украшения общим количеством 4 предмета были собраны на дне камеры подбоя в полностью разрушенном погребении взрослого мужчины типа «Соколовской балки». Среди них:

– цельнолитая овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком и утраченным щитком-приемником;

– цельнолитая овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком и прямоугольным провололочным щитком-приемником;

– нашивной прямоугольный ажурный наконечник вытянутой U-образной формы с округлым передним краем и прямым тыльным краем, с двумя ушками-петельками с отверстиями для пришивания. Поверхность прорезная ажурная, украшена рельефной орнаментальной композицией из шести одинаковых последовательно совмещенных растительных трехлепестковых розеток, каждая из которых состоит из двух боковых месяцеобразных кринов, крепящихся к центральному кругу;

– одночастная лировидная подвеска. В верхней части находится прямоугольный приемник для продергивания бокового ремешка, который соединял подвеску с поясом. В центре подвески овальное отверстие.

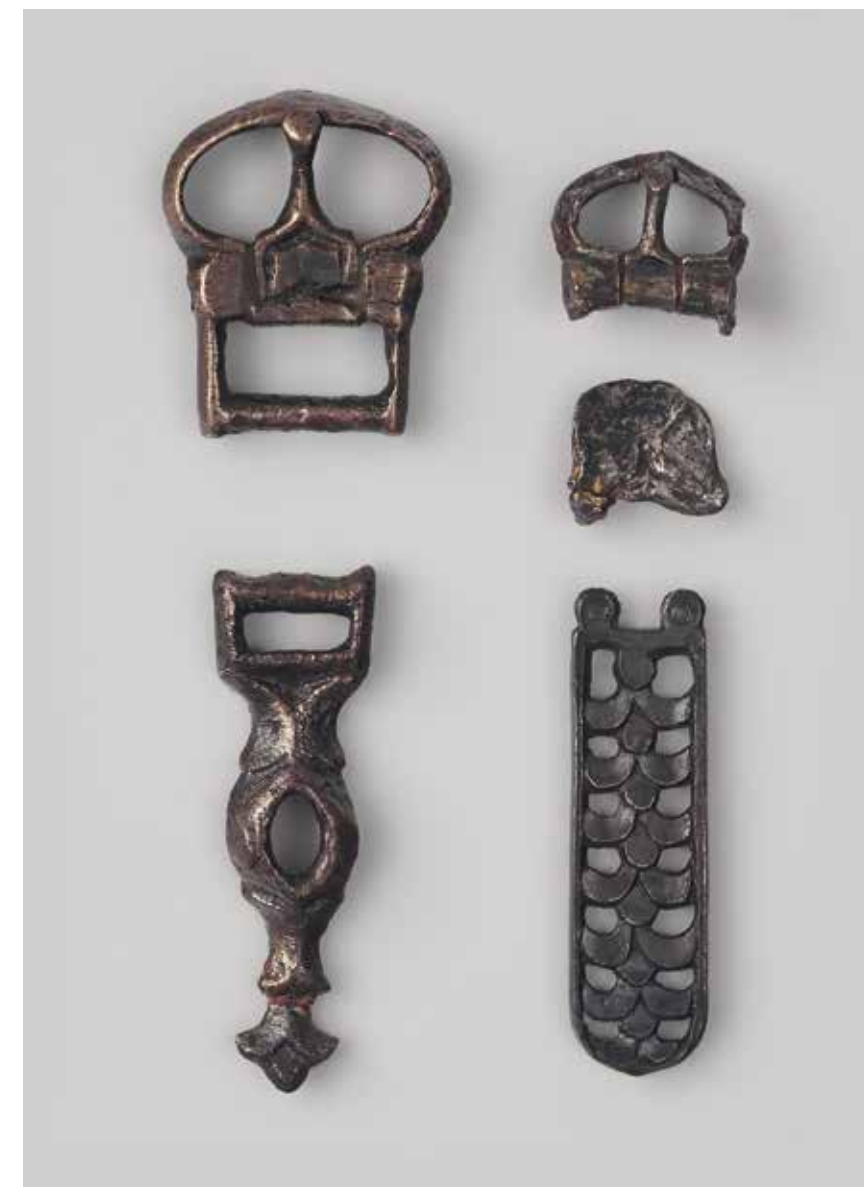
Судя по разновеликим пряжкам, детали принадлежали как минимум двум наборам. Цельнолитые овальнорамчатые пряжки с подвижным язычком и прямоугольным приемником хорошо известны среди согдийских находок, в частности из Пенджикента, где они датируются 1-й четвертью VIII в [Распопова 1980. С. 87–89].

Лировидные подвески являлись характерной и широко распространенной деталью раннесалтовского и восточнотюркского поясных наборов. По форме они копировали костяные блоки для

чумбура. Известны изображения лировидных подвесок на древнетюркских каменных изваяниях. По аналогиям, они располагались на конце подвесного дополнительного ремня, крепившегося к основному наборному поясу. Относительно назначения Б. Б. Овчинникова отметила, что лировидные подвески являлись отличительным (ранговым) знаком высокого социального статуса погребенного. Они несли функцию воинского знака, определяющего род деятельности, либо служили отличительным знаком содержания большого табуна [Овчинникова 1990. С. 36–37].

По классификации А. В. Комара детали ременных гарнитур из погребения кургана № 3 могильника Нагавский-I определяются как характерные для раннесалтовского хронологического горизонта «Столбище – Старокорсунская», абсолютные даты для которого устанавливаются в пределах 740–790 гг. [Комар 1999. С. 123–132]. По классификации И. О. Гавритухина, находки у ст. Нагавской соотносятся с 3-й фазой эволюции курганов с квадратными ровиками (720/740–760/780 гг.), что соответствует горизонту «Саловский – Романовский-I» [Гавритухин 2005. С. 412–413. Табл. 1, 121, 155]. Даты, предложенные исследователями, во многом опираются на весьма обильный монетный материал 724–741 гг., где важное место занимает и золотой византийский солид Константина V Копронима 737–741 гг. выпуска, найденный также и в погребении кургана № 3 у ст. Нагавской [Культура средневековых кочевников... 2001. С. 12. № IV; 24. Кат. № 2; Археологическое наследие... 2013. С. 148. Рис. 1; 276. № 357].

Е. В. Круглов

184

185

185

Детали ременных наборов

Хазарский каганат

Около 780 г. – рубеж VIII–IX вв.

Бронза, литые, клепка, тиснение, золочение

Пряжка: длина 3,45 см, ширина 2,4 см;

круглая и дисковидные накладки – диаметр 1,4 см;

наконечник: длина 1,4 см, ширина 1,4 см;

обойма: длина 2,0 см, ширина 1,3 см; большие бляхи

с лотосовидным орнаментом: высота 4,5 см, ширина 5,8 см,

крупный наконечник: высота 2,8 см, ширина 4,3 см

Приволжская возвышенность, могильник

Барановка-I, погребение 1 кургана № 13,

раскопки И. В. Сергацкова, 1988 г.

ВОКМ, инв. № 27000/20–31

Публикации: Круглов 1992б. С. 180. Рис. 4, 3–8, 13;

Плетнева 1999. Рис. 118; Культура средневековых

кочевников... 2001. С. 24. № 6; Археологическое

наследие... 2013. С. 147, 279, № 354

Бронзовые ременные украшения общим количеством 12 предметов были собраны на дне камеры подбоя в полностью разрушенном погребении взрослого мужчины, близком по обряду к памятникам типа «Соколовской балки». В их составе:

- три большие массивные сердцевидные бляхи с двумя небольшими прорезами по центру, зубчатыми краями, широкой фигурной стороной-основанием с выступами по краям, имитировавшими кольца;

- прямоугольный составной наконечник с фестончатыми краями, с обратной стороны которого приклепана тонкая бронзовая пластина, служившая зажимом для ремня;

- треугольно-рамчатая цельнолитая пряжка с подвижным язычком и полуовальным щитком;

- одна круглая плоская накладка;

- четыре кольцевидные накладки с круглыми отверстиями в центре;

- один литой щитовидный наконечник;

- обойма прямоугольной формы, согнутая из тонкой пластины с загнутыми концами, украшенная гравированным изображением бабочки.

Все изделия литые, на обороте штифты для крепления к ремню. За исключением обоймы, все предметы покрыты позолотой. Большие бляхи и наконечник украшены гравированным растительным орнаментом, строго симметричным, имитировавшим центральную часть раскрытого трехлепесткового (накладки) и пятилепест-

кового (наконечник) бутона лотоса без стебля. Лицевая поверхность щитка пряжки и мелких накладок, за исключением обоймы, гладкая, полностью лишена орнамента.

По всей видимости, три большие бляхи и наконечник являются украшениями сбруйных надгрудных ремней крупы коня, а все остальные накладки и пряжка относятся к поясному набору.

Массивные фигурные бляхи и наконечник с орнаментом в виде раскрытого бутона лотоса, а также происходящий из этого же комплекса глиняный круговой кувшин со сплошной горизонтальной орнаментацией (кат. 186) позволяют связывать погребение кургана № 13 могильника Барановка-I с древностями салтово-маяцкой культуры, что и определяет его относительную хронологию. Абсолютная хронология, в целом опирающаяся на *terminus ante quem* золотого византийского солида Константина V и Льва IV (751–754 гг.), также обнаруженного в этом погребении, была определена А. В. Комаром и И. О. Гавритухиным. По А. В. Комару, погребение из Барановки относится к среднесалтовскому периоду (не ранее 780–790-х гг.) [Комар 1999. С. 131–132]. По И. О. Гавритухину, находки из Барановки принадлежат к числу эталонных и вместе с золотыми византийскими монетами 751–757 гг. относятся к наиболее поздней группе ременных гарнитур, представленных в курганах с «квадратными ровиками» (иначе – в памятниках типа «Соколовской балки»). Они сменили более ранние наборы горизонта «Саловский – Романовский-I», сочетавшиеся с византийскими монетами 724–741 гг. Исследователь поддержал выделение украшений группы Барановки в особый горизонт древностей хазарского времени, характеризующийся появлением мотива лотоса, получившего дальнейшее развитие уже в «классических» салтовских гарнитурах. Синхронизировав изделия группы Барановки с древностями «позднеаварского» периода среднего Подунавья, И. О. Гавритухин согласился с рядом наблюдений А. В. Комара, но предложил датировать начало горизонта Барановки 760–780 гг., а его верхнюю дату оставил открытой [Гавритухин 2005. С. 413–414. Табл. 1, 131–137].

Погребение из кургана № 13 могильника Барановка-I является одним из первых подкурганых комплексов типа «Соколовской балки», уже в публикации получивших уверенную этническую атрибуцию в качестве собственно хазарского захоронения [Круглов 1992 б], позднее поддержанную и другими исследователями

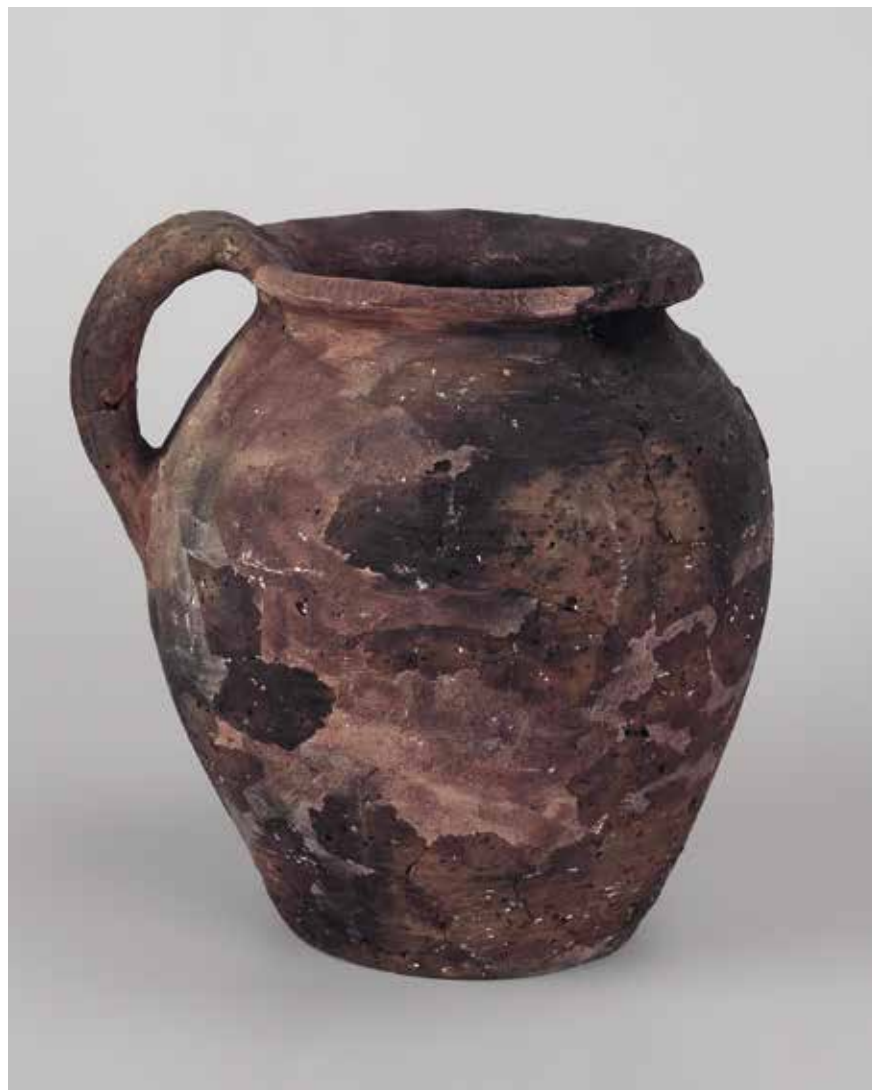

185

[Плетнева 1999. С. 198–200]. Материалы данного комплекса позволили уверенно отнести южные районы Приволжской возвышенности к ареалу распространения памятников салтово-маяцкой культуры, а ее восточной границей во 2-й половине VIII – начале IX в. считать р. Волгу.

Е. В. Круглов

186 Кувшин

Около 780 гг. – рубеж VIII–IX вв.
Глина; штамп, круг
Высота 16,5 см; диаметры: тулова 15,0 см,
дна 8,5 см, горла 9,9 см, по краю венчика 11,0 см;
толщина стенок 0,7 см
Приволжская возвышенность, могильник
Барановка-I, погребение 1 кургана № 13, раскопки
И. В. Сергацкова, 1988 г.
ВОКМ, инв. № 27000/18
Публикации: Круглов 1992б. С. 180. Рис. 4, 20;
Плетнева 1999. Рис. 118

Кувшин был обнаружен во фрагментах в под-
бое разрушенного погребения, близкого по об-
ряду к памятникам типа «Соколовской балки».
Интересно, что на противоположной от ручки
стороне тулова имеется налеп в виде латинской
буквы «V». Вся внешняя поверхность покрыта
неглубокими резными горизонтальными лини-
ями, выполненными гребенчатым штампом. По-
верхность светло-коричневая, в тесте примесь
толченой керамики и, вероятно, мела.

Как и детали ременных наборов из этого же
погребения (кат. 185), кувшин со сплошной гори-
зонтальной орнаментацией связывается с кру-
гом древностей салтово-маяцкой культуры. Он
относится к группе круговой кухонной керами-
ки, широко распространенной среди носителей
этой культуры. Сплошной или зональный гори-
зонтально-линейный орнамент является харак-
терным украшением данной посуды. Считается,
что она была распространена только на степных
памятниках прабулгарского этнического компо-
нента салтово-маяцкой культуры. Однако сосуды
этого типа встречаются в качестве дополнитель-
ных (круговых) также и в инвентаре подкурган-
ных погребений этнических хазар типа «Соко-
ловской балки».

Е. В. Круглов

186

187 Амулетница

Хазарский каганат
2-я половина VIII – начало X в.
Длина 5,0 см, максимальный диаметр 4,3 см
Найдена в Прикамье
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-396
Публикуется впервые

Подвесная амулетница, так называемая под-
веска-«самоварчик», состоит из двух полови-
нок полусферической формы. В данном случае
ножки обеих половин вставлены в отверсти-
я и свободно вращаются, обычно же обе полови-
ны цельнолитые. Как и у большинства подвесок
этого типа, в поддоне ножек находятся парные
отверстия для ремешков, на которых амулетни-
ца носилась, часто, как в данном случае, в соче-
тании с бронзовыми гофрированными прониз-
ками. Такие амулетницы находят практически
исключительно в женских погребениях, они
были чрезвычайно распространены в Хазарии
и известны в погребениях не только салтово-ма-
яцкой культуры, но и территорий, находивших-
ся под влиянием культуры Хазарского каганата:
Прикамья, Поочья (кат. 357), Северного Кавказа.
Также небольшая группа находок «самоварчи-
ков» представлена в Согде и на средневековых
городищах Чуйской долины. Наиболее полная
сводка их опубликована В. Е. Нахапетян-Флёро-
вой [Флёрова 2001. С. 68–71. Рис. 15].

Сложно сказать, что могли хранить в таких
мелких емкостях, вполне возможно – какие-то
предметы или вещества, которые были наделе-
ны, по представлениям их хозяев, способностью
противостоять злым духам, защищать от сглаза.

А. И. Торгоев

187

188 Кувшин

Хазарский каганат
2-я половина VIII – начало IX в.
Глина; гончарный круг, штамп, лощение
Высота 24,0 см, диаметр дна 16,0 см, диаметр венчика 7,4 см
Приволжская возвышенность, могильник Ольховка-I,
курган № 9, раскопки И. В. Сергацкова, 2003 г.
ВОКМ, инв. № 32317/12
Публикации: Сергацков, Скрипкин, Коробкова и др.
2006. С. 254. Рис. 19, 4; Круглов 2011. С. 119. Рис. 1, 4

Гончарный кувшин был обнаружен на древнем горизонте рядом с окруженным кольцевым ровиком подкурганном ямным погребением зливкинского типа салтово-маяцкой культуры. Ручка в сечении овальная, на поверхности сохранились следы лощения. В верхней части тулова кувшин орнаментирован горизонтальным рядом слабо прочерченных ромбов, заштрихованных внутри сетчатым орнаментом. Сверху и снизу орнаментальная композиция ограничена неглубокими круговыми параллельными желобками. Два таких желобка прочерчены и по основанию горла. В придонной части прочерчена круговая горизонтальная линия, ниже которой нанесены косые вертикальные насечки. Дно плоское, пробито, очевидно, в ритуальных целях еще в древности, имеет следы рельефного клейма в виде круга и вписанного в него креста, выполненного небольшими валиками.

Лощение поверхности сосудов и сопутствующая этому специфическая орнаментация считаются характерными признаками парадной столовой посуды салтово-маяцкой культуры и обычно определяются свойственными древностям ее аланского этнического компонента [Плетнева 1967. С. 114–115]. Кувшины с туловом, имеющим ребро немного выше середины высоты, подобные ольховскому, С. А. Плетнева выделила в 4-й тип столовых кувшинов [Плетнева 1989. С. 123]. Однако в степных районах подобные сосуды очень редки. По материалам всего Подонцовья кувшины с соотношением общей высоты сосуда с высотой наибольшего диаметра тулова равным 1: 0,5 выделены К. И. Красильниковым в вид Н, к которому исследователь отнес всего лишь один лепной неорнаментированный кувшин [Красильников 2009. С. 107, 137. Рис. 8, 4].

Подкурганное ямное погребение из могильника Ольховка-I типологически сопоставляется с захоронениями зливкинского типа и может связываться со степными древностями прабулгарского этнического компонента салтово-маяцкой культуры. Количество грунтовых погребений этого типа колоссально, но число выявленных

188

подкурганых погребений пока еще невысоко, особенно на Нижней Волге. Материалы данного комплекса позволяют уверенно относить южные районы Приволжской возвышенности к ареалу распространения памятников салтово-маяцкой культуры, а ее восточной границей во 2-й половине VIII – начале IX в. считать р. Волгу.

Е. В. Круглов

189 Фляга-баклажка

Хазарский каганат
VIII–X вв.
Глина; гончарный круг, лепка, лощение
Диаметр дна 18,0 см, высота 7,0 см, длина и диаметр горла 6,0 и 5,0 см, максимальная ширина 27,0 см
Волгоградская область, случайная находка до 1940 г.
ВОКМ, инв. № 1551
Публикации: Культура средневековых кочевников...
2001. С. 13, 24, № 8; Археологическое наследие...
2013. С. 146, 277, № 362

Гончарная красноглиняная фляга-баклажка изготовлена из плотного, хорошо отмученного и прекрасно обожженного теста амфорного типа. Представляет собой круглый сосуд, имеющий вид низкого цилиндра с выпуклой, тщательно залощенной лицевой стороной и плоской тыльной. К боковой стенке тулова крепится узкое короткое горло, две массивные ручки симметрично прикреплены к тулову и горлу. Поверхность со следами длительного использования.

Фляги-баклажки изготавливались в VIII–X вв. в высокотехнологичных гончарных мастерских Таврики по заказам степных кочевников Хазарского каганата и использовались локально в качестве тарной посуды среди носителей степных вариантов салтово-маяцкой культуры. Считается, что эти сосуды обычно привешивались всадниками к седлу. Находки фляг до сих пор остаются довольно немногочисленными, а их типология всё еще не разработана. Наибольшую известность и богатейшую историографию получили две фляги, случайно обнаруженные в 1942 г. у ст. Кривянской под г. Новочеркасском, имеющие на поверхности тулова надписи, прочерченные руническим письмом [Артамонов 1954. С. 263–268; Якобсон 1979. С. 38–39. Рис. 19]. А. М. Щербак, в свое время предлагал такой перевод одной из них: «... кумыс наливая... в это большое отверстие... пей ...», не устоявшийся, однако, в научной литературе [Щербак 1954. С. 273]. Впоследствии И. Л. Кызласов отнес надпись на баклажке из ст. Кривянской

189

к текстам донского рунического алфавита [Кызласов 1984. С. 248–250]. Обломки нескольких фляг, обнаруженных при раскопках Саркела, были опубликованы С. А. Плетневой [Плетнева 1959. С. 246–247. Рис. 32; Плетнева 1967. С. 130–131. Рис. 33]. В середине 1950-х гг. весьма интересная фляга-баклажка вместе с салтовским наборным поясом и обломком золотого византийского солида Константина V Копронима (771–775 гг.) была обнаружена в погребении на шахте № 19 у г. Чистяково [Тахтай 1999. С. 164. Табл. 6]. Еще две весьма любопытные разнотипные баклажки были обнаружены Л. С. Ильюковым на Нижнем Дону в могильнике у х. Красноармейский в инвентаре впускных подкурганых захоронений прабулгарского зливкинского типа. В одном из этих погребений на поверхности накладки сложносоставного лука также была выявлена руническая надпись [Ильюков, Кляшторный 1993. С. 151–163, 260–263].

Е. В. Круглов

190

190 Сосуд

Хазарский каганат
IX – 1-я половина X в.
Серебро; выколотка, литье, золочение, чеканка, гравировка, плакировка
Полная высота 31,0 см, максимальный диаметр тулова 26,0 см, диаметр поддона 24,6 см
Найден в Карачаево-Черкесии
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-384
Публикуется впервые

Настоящий сосуд, без сомнения, является одним из шедевров тореvтики Хазарского каганата и достоин подробного описания и анализа.

Форма сосуда чрезвычайно раздута в нижней части тулова, поэтому сперва кажется, что она не имеет аналогов среди памятников тореvтики как степных, так и оседлых народов. Такая форма планировалась мастером изначально, чтобы уместить весь сюжет, который, очевидно, желал видеть изображенным заказчик. В сущности, она является одним из вариантов грушевидной формы сосудов, известных в серебре. Среди анало-

гий по форме – кувшин из Нюкского клада [Кочевники... 2012. Кат. № 506] и золотые кувшины из Надь-Сент-Миклоша [Wolfram 1985. P. 48–51]. Как и на кувшинах из Надь-Сент-Миклоша, здесь изображены медальоны, в которых развивается основное действие. Прототипами формы могли быть и серебряные кувшины V группы вещей из Перещепинского клада [Залеская, Львова, Маршак 1997. С. 80–81. Кат. № 69–71].

Странным выглядит наличие длинного носика, ранее серебряных сосудов с таким носиком известно не было. Среди памятников населения Северо-Западного Кавказа, например могильника Мощевая балка [Иерусалимская 2012. Ил. 15], известна небольшая группа керамических сосудов (см. кат. 195), которые по форме напоминают настоящий, что может косвенно указывать на вероятное происхождение заказчика сосуда из этой среды.

Ручка сосуда литая, имеет кольцевидную форму, щиток сверху и отросток снизу. Наличие отростка и щитка характерно для ручек кружек тюрко-согдийской группы тореvтики. В данном конкретном случае верхний щиток ручки из-

начально планировался загнутым в виде знака вопроса; зачем понадобилось такое его оформление, неясно. Вполне возможно, мастер таким образом хотел подчеркнуть индивидуальность заказа. Ручка богато украшена сверху и снизу. Верхние плоскости ручки позолочены, на них выгравирован незолоченый орнамент в виде трилистников с приостренным центральным листом и мягкими очертаниями боковых. На плоскости отростка снизу ручки также выгравирован орнамент в виде трилистника с крупным приостренным центральным листом. Боковые листы в этом случае не имеют контура, а показаны короткими штришками-«перьями», ими же обрамлен сверху центральный лист. Наносить орнамент на плоскость, где он будет не виден, вряд ли стали бы. Вероятно, орнамент становится виден при наполнении сосуда и свидетельствует в пользу того, что сосудом предназначался для разливания или же, по замыслу мастера, должен был стоять на высоком месте.

Крепление для ручки оформлено выгравированными в виде крестовидной розетки крупными бутонами, которые являются основным элементом орнамента. Из особенностей бутонов следует отметить их членение на вписанные друг в друга трилистники. Нижний трилистник у стебля образован длинными боковыми лепестками и коротким, округлым средним. От места соединения боковых лепестков с центральным отходит вверх еще по линии – намек на не использованную в орнаментации пальметту. От центра среднего лепестка нижнего трилистника отходят линии боковых лепестков собственно бутона. Концы боковых лепестков приострены кверху, но собраны именно в бутон, а не трилистник с раскрывшимися лепестками. Центральный лист бутона очень крупный, в него вписан маленький трилистник с округлыми короткими лепестками, по верхнему контуру украшенный мелкими штришками, имитирующими, видимо, тычинки цветка.

Бутоны объединены стеблем, образующим рельефный овал для крепления ручки. Линия стебля замкнутая, но он не единый, а состоит из четырех звеньев по числу бутонов. Каждый бутон имеет отворот к стеблю, а стебель следующего бутона упирается в отворот соседнего бутона. Движение, судя по расположению отворотов, развивается влево.

Как и в случае с формой сосуда, этот прием – наследие старой тюрко-согдийской школы тореvтики, копирующий крестовые розетки прокладок ручек. В качестве примера укажем

упомянутые выше кувшины-кружки из Перещепина [Залеская, Львова, Маршак 1997. С. 80–81. Кат. № 70, 71]. Более поздние, а значит и более близкие по времени к настоящему сосуду варианты прокладок ручек, имеющие форму крестовой розетки, демонстрируют кружки из древнетюркских погребений с конем на Алтае [Киселев 1949. Табл. LII, 4, 5; Кубарев 2005. Табл. 130, б]. В отличие от гладких лепестков более ранних сосудов, в данном случае лепестки более сложные.

Наибольшую аналогию строению лепестков можно видеть на известной подвеске из Редикора (см. кат. 271) и в орнаменте верхнего пояса ведра из Афанасьевского клада [Даркевич 2010. Рис. 12, 2, 13].

Наиболее сложный орнаментальный пояс расположен на плечиках сосуда и отделяет горло от тулова. Здесь раппорт ячеистого орнамента образован килевидными арками, направленными друг к другу вершинами. В середине каждой арки в нижнем регистре изображен трилистник с мягкими боковыми лепестками, расположенными под развернутым углом друг к другу. В центре его находится округлый центральный стебель, сверху разделанный линиями коротких насечек. Между центральным листом и боковыми вставлено по мелкому полукруглому боковому лепестку, от которого в бока отходит по короткой волнистой линии. Эти линии разделяют килевидную рамку на три крупных листа, и, таким образом, всю фигуру можно считать одним из вариантов трилистника. Иначе говоря, маленький центральный трилистник оказывается вписанным в большой. Из места соприкосновения больших трилистников нижнего регистра прорастает маленький центральный трилистник в верхнем регистре. Оформлен он аналогично мелкому трилистнику в нижнем регистре. От дополнительных лепестков также отходит по волнистой линии, которые доходят до ограничения пояса. Эти линии очень четко образуют боковые листы крупного трилистника верхнего регистра. Центральный лист его показан не полностью, а только очерчен короткими завитками, верхушка его не показана. Интересно отметить, что килевидные арки, в данном случае ставшие трилистниками, по сути являются переложением выпуклых ложек, которыми часто украшали тулова сосудов. Близкие по форме ложки можно видеть на известных кружках из Томызского клада, отнесенных Б. И. Маршаком к согдийской школе С [Даркевич 2010. Табл. 17, 3–8].

Орнаментальный пояс на дне, у поддона, представляет собой розетку, созданную из наклонно поставленных и вплотную примыкающих друг к другу трехлепестковых бутонов, верхушки которых изогнуты таким образом, что напоминают языки пламени. Последнее создает ощущение вихревого движения вправо.

Всего на тулове сосуда изображено шесть медальонов, четыре из них заняты сюжетными изображениями, в один вписана розетка для ручки, а в последнем расположена такая же крестообразная розетка, обрамляющая отверстие для носика. На боковых бутонах этой розетки, по обе стороны от носика, дополнительно изображены два стоящих журавля, обращенных друг к другу клювами.

На поясах медальонов прочеканен по кругу один повторяющийся элемент – трехлепестковый цветок с мягкими округлыми лепестками, на пересечении боковых лепестков с центральным поставлены чеканом кружки, а по внешнему абрису цветок разделан короткими штришками, передающими тычинки. Схожая разделка полосы медальона встречается в торевтике поздне-сасанидского Ирана, откуда явно заимствована эта деталь. В качестве примера можно привести оформление центрального медальона на эрмитажном блюде со сценой терзания лани орлом [Тревер, Луконин 1987. С. 119. № 41]. Медальоны разделены длинными прямыми стеблями с бутончиками на конце, эта деталь оформления находят прямые параллели в резном дереве Согда. Такие же стебли с бутончиками помещались между арками, в которых изображались согдийские боги [Беленицкий, Маршак 1976. Рис. 13].

С права от ручки изображены борцы. Они показаны в шароварах, подпоясанных кушаками, и не распашных нательных рубахах, босые. И шаровары, и рубахи пройдены мелким пунсоном, шаровары, видимо, закатаны до колен, что, вероятно, передано двумя манжетами. Ширина штанов подчеркнута складками. Борцы изображены равными по силе. Один из борцов держит в правой руке птицу, а левой схватил соперника за пояс. Соперник его изображен как бы падающим. Он схватил противника под мышку. Тело его показано сильно удлиненным, иначе нельзя было показать нормальную длину руки. Из-за этого фигура кажется падающей, на самом же деле исход поединка остается неясным. Интересно изображение птицы, зажатой в правой руке персонажа слева. Рукой он передал шею птицы настолько, что голова ее практически повисла. Одно крыло у птицы остроугольное – это

190

значит, что оно открыто с внутренней стороны. Подобным образом крылья изображались на деталях ременных гарнитур. Наиболее близкой аналогией данной особенности могут служить изображения птиц на ременных гарнитурах Фатимовского клада на Сумщине [Комар, Стрельник 2011. Рис. 2, 3, 9]. Там птица изображена терзающей зайца; это может дополнительно свидетельствовать о том, что в руках персонажа небольшая ловчая птица – очевидно, коршун или сокол.

В следующем медальоне справа изображен всадник с соколом на руке, движущийся в правую сторону. У него длинные развевающиеся волосы, он одет в богатый халат, украшенный циркульным орнаментом, вероятно, передающим богатство этого платья. На правой руке всадника, по всей видимости, одетой в кожаную перчатку, сидит небольшая ловчая птица.левой рукой всадник держит повод коня. На всаднике виден только один пояс. С правой стороны у него наклонно подвешен колчан с карманом, с левой стороны за седлом виден рог налучья. Очень четко показана приподнятая задняя лука седла, передняя же скрыта. Седло как будто имеет полукруглую покрывку, которая перекрывает деревянный остов. Линия ремня стремени проходит вплотную к ноге. Стремя с высокой пластиной. На изображении стрелка видно, что стремени ремень проходит практически до деревянного остова седла.

Далее за медальоном, окаймляющим носик, следует медальон, на котором изображен всадник, стреляющий в птиц, приподнявшись в стремени. У него два пояса: верхний пояс без дополнительных ремешков застегнут довольно высоко, несколько выше талии; ниже его, на уровне седла, свисает стрелковый пояс, к нему присоединено мягкое налучье, один конец которого показан опущенным. Седло всадника крупное, передняя лука, видимо, с довольно сильно выступающей головкой, за которую зацеплен повод коня. В передней части седла достаточно четко очерчен край большой лопасти, к которой подходит ремень стремени. Полки в задней части седла заметно выступают назад. Сквозь отверстие в полке продет подхвостный ремень без каких-либо украшений, но виден узел в его передней части – очевидно, один из элементов подхвостника. Седло показано очень натуралистично; седла такого типа с лопастью в передней части были распространены уже в самом начале VIII в. [Комар 2008].

Сапоги стрелка имеют боковой шов, который заканчивается на берцах разветвлением в обе

стороны. Верх голенищ наклонный, передняя часть его выше нижней. Очень близко сапоги показаны на чашах венгерской группы, в частности на блюде с оз. Нанто [Сокровища Приобья, 1996. № 53] и на серебряной пластине с р. Юрибей [Там же. № 55]. Пола кафтана образует сзади острый угол, край его проходит вдоль края сапог встык. Запах кафтана не ясен, сверху у него имеется стоячий воротник. Голова стрелка крупная, лоб покатый с сильно выступающим носом.

Стрелок показан в момент максимального натяжения лука. Лук также находит прямые аналогии в реальном археологическом материале.

Кони в обоих случаях жеребцы, если, конечно, речь не идет об одном коне. Изображения коня практически идентичны. Узда показана очень точно, во рту у коней типичные для салтово-маяцкой культуры стержневые псалии с кольцом для крепления повода.

В следующем медальоне изображена пара персонажей. Один из них представляет собой сидящего и пьющего из ритона толстого, бородатого мужчину с большой зальсиной. Из одежды на нем только короткие, доходящие до колен складчатые штаны. На запястье правой руки, которой он держит ритон в форме бычьей головы, надет браслет. Напротив стоит гораздо меньшая по масштабу фигура женщины в длинном, до пола, платье, держащей в правой руке кувшин с вином. Кувшин, как и ритон у мужского персонажа, имеет типичный сасанидский облик, оба предмета, очевидно, серебряные. Изображение на медальоне имеет прямые аналогии на бронзовой плакетке из Ак-Бешима [Семенов 2000. Рис. 1]. В мужском персонаже без труда узнается Кубера – популярное в Согде буддийское божество с иконографией греческого Силена. Полная сводка изображений этого божества в Средней Азии собрана Г. Л. Семеновым [2000. С. 58–60. Рис. 3], к ним следует лишь добавить одну недавнюю случайную находку на востоке Чуйской долины [Камышев 2012. Ил. XXXIII].

Поддон сосуда имеет усеченно-коническую форму. У самого низа поддона имеется полоса, отделенная от орнаментированной золоченой части поддона рядом мелких выпуклостей. На эту полосу нанесена надпись кубанским изводом тюркского рунического письма. Орнамент на поддоне очень напоминает орнамент на плечиках сосуда. Но рамки в форме килевидных арок здесь нельзя расценивать как вариант трилистников. Здесь они выступают именно арками – обрамлением трилистников. Сами трилистники крупные, с листьями мягких округлых

190

очертаний. В крупный центральный лист вписан зажатый между двумя боковыми листами мелкий полукруглый лист, по контуру разделанный мелкими штришками.

Носик сделан другим мастером, не тем, который изготовил тулово сосуда. В оформлении использованы трилистники другого типа, сам носик скатан из серебряного листа и в целом выполнен грубее, чем тулово. Он состоит из четырех звеньев, два из которых орнаментированные незолоченные и два – золоченые неорнаментированные. Орнаментированные отрезки чередуются с неорнаментированными, отделены друг от друга рельефными валиками. Эти валики образованы завальцованными стыками отрезков. Как и на тулове, основным мотивом орнамента является трилистник, однако здесь у трилистника центральный лист вытянутый и приостренный, разделан по верхнему контуру мелкими штришками и заключен в прочеканенную рамку каплевидной формы.

Создается впечатление, что сосуд изготовлен двумя мастерами: один, более искусный, изготовил тулово и поддон, второй отлил ручку и сделал носик.

Множество деталей в оформлении сосуда, связанных с согдийским искусством и торевтикой тюрко-согдийской группы, дают основание полагать, что мастер мог происходить из тюрко-согдийской среды. Заказчик же принадлежал к хазарской аристократии Предкавказья. Учиты-

вая большую пестроту населения раннесредневекового Предкавказья, можно полагать, что заказчик был тюрком по происхождению. Главным аргументом в пользу этого выступает надпись, сделанная кубанским изводом тюркского рунического письма.

Связаны ли сюжеты, изображенные на чайнике, в одно повествование, сказать сейчас очень сложно. Мифология Хазарского каганата практически неизвестна. Записанный фольклор наследников тюрков Евразии отражает ситуацию только XIX–XX вв., и реконструировать по этим данным ранние пласты мифологии можно лишь гипотетически. Выявление раннего пласта мифологии народов нетюркского происхождения на Северном Кавказе представляет аналогичную проблему. К сожалению, пока не удалось подобрать литературный или фольклорный источник, который хотя бы в общей повествовательной канве соответствовал изображенным сюжетам. Можно предложить два варианта прочтения композиции, при условии, что все сюжеты связаны единой линией. Первый из них может выглядеть так: два человека охотятся на птиц, один с помощью лука, второй с помощью ловчей птицы. В какой-то момент (в изображениях отсутствует) кто-то из них сбивает одну из двух птиц, и из-за нее начинается спор, кульминацией которого является сцена борьбы за добычу. Итог борьбы неясен, но изображение пьющего Куберы явно олицетворяет чью-то победу. Во втором варианте конный стрелок сбивает птицу, но она попадает к другому человеку, который вступает в борьбу за нее. Вероятно, он побеждает, так как в третьей сцене он уже едет в дорогом халате и с птицей на руке. Победный пир победителя замещает изображение Куберы, пьющего вино и радующегося жизни.

В обеих интерпретациях сюжета слабым местом является то, что лица борцов не имеют сходства с лицами всадников, а значит, изображения в медальонах могут быть сюжетно не связаны между собой. Об этом может говорить и встречное движение всадников, а также отсутствие прямой последовательности эпизодов целостного повествования. Однако представляется, что основной смысл сокрыт именно в фигурах птиц, с которыми связаны три из четырех изображений в медальонах. Сперва птица предстает как объект охоты, потом из-за птицы разворачивается борьба, и наконец, птица сидит на руке богато одетого человека. Наиболее вероятно, что птицы на чайнике являются воплощением фарна. Обладателю птицы уготована слава героя, побе-

дителя и все причитающиеся при этом почести, слава и богатство.

Восточноевропейская торевтика, связанная с Хазарским каганатом, известна по очень ограниченному количеству памятников. В первую очередь, это известный ковш из Коцкого городка (кат. 191). Издавший его Я. И. Смирнов впервые обратил внимание на то, что орнамент на ковше подобен орнаменту на бляшках тогда еще не выделенной салтовской культуры. Сама эта группа была выделена Б. И. Маршаком, помимо ковша из Коцкого городка он отнес к хазарской группе кружку с изображением павлинов из Томыско-го клада. Н. А. Фонякова расширила эту группу еще одним сосудом из кургана № 17 могильника Кип III, исследованного Б. Н. Кониковым в Омской области. В. Е. Нахапетян-Флёрва отнесла к торевтике Хазарского каганата ковш, найденный в кургане № 14 могильника Подгорненский IV на берегу Цимлянского водохранилища [Флёрва 2001]. Еще одна чаша, которая по признакам может относиться к произведениям мастеров салтовской культурно-исторической области, найдена в разрушенном погребении у с. Коробчино в Днепропетровской области. Это чаша полусферической формы, с золоченым бортиком, по которому выгравированы изображения трилистников [Комар 2011. Рис. 7, 1]. Последние по форме, пожалуй, наиболее близки трилистникам сосуда Фонда Марджани. На венчике чаши из Коробчино проходит пояс треугольников, сделанных мелкими штришками. Сосуд Фонда Марджани и ковш из Коцкого городка являются лучшими в ряду вышеперечисленных сосудов, их по праву можно называть памятниками древнего искусства.

Приведенные аналогии декору сосуда и рельефам всадников укладываются в промежуток между VIII и X вв., но строение трилистников, имеющих аналогии в памятниках позднего этапа согдийской торевтики и в ремесленных изделиях населения Хазарского каганата, позволяет датировать сосуд пока довольно широко – в рамках IX в., возможно, с заходом в 1-ю половину X в.

А. И. Торгоев, И. А. Ахмедов

190

191

191

Ковш

Хазарский каганат
IX в.

Серебро; чеканка, резьба, позолота

Диаметр 26,4 см

Найден в Коцком городке (Ханты-Мансийский национальный округ)

ГЭ, инв. № S-278, ВВз-1210

Публикации: Сокровища Приобья 1996. Кат. № 27.

Настоящему памятнику древней торевтики посвящена большая литература [см: Фонякова (Чувило) 2010. С. 91–96], и он не нуждается в каком-либо особом представлении, являясь своего рода «визитной каточкой» искусства Хазарского каганата. Интерпретация сюжета, изображенного на бортике, как впервые определил М. П. Грязнов, явно связана с каким-то героическим эпосом [Грязнов 1961. С. 10. Рис. 2]. Однако в настоящий момент какие-либо прямые соответствия сюжету, изображенному на бортике ковша, в тексте эпических сказаний тюркских и иранских народов найти не удалось. Так же сложно интерпретировать и позднюю гравировку, сделанную уже в среде угорского населения, с изображением воинов, держащих в руках сабли. Б. И. Маршак полагал, что здесь изображен шаманский танец с саблями, но вполне возможно, что это какое-то другое действие, смысл которого достоверно раскрыть не представляется возможным.

Любопытно, что фигуры с саблями в двух руках напоминают фигуры известного Сапоговского клада сарматского времени, найденного также на Урале. В составе этого клада выделяются фигурки с парой закрепленных на бедрах кинжалов в ножнах, по мнению В. Ю. Зуева – представители высшей воинской элиты сарматского общества [1993. С. 99. Рис. 1]. Ковш из Коцкого городка, как показал Б. И. Маршак, был изначально изготовлен для какого-то ритуала, исполнявшегося в воинской среде Хазарского каганата. Видимо, уже в период использования в среде уральских народов в позднем средневековье он не менял своей функции, которая была дополнительно закреплена гравировкой фигур с саблями.

Таким образом, можно предположить, что изображенный «танец с саблями» является воинским ритуалом, истоки которого на Урале уходят в сарматский период.

А. И. Торгоев

191

192
Кувшин

Хазарский каганат (?)
IX в.
Серебро; выколотка, гравировка
Высота 33,0 см
Найден в д. Седьяр Глазовского уезда Вятской губернии
ГЭ, инв. № Ски-596
Публикации: Мелиоранский 1902. С 21–22;
Даркевич 2010. № 4

Серебряный кувшин грушевидной формы с довольно широким горлом по форме напоминает согдийские керамические кувшины. Изготовлен выколоткой, устье горла усилено свернутым из проволоки кольцом. Ручка полая, прямоугольная в сечении, что не характерно для тореvтики Средней Азии. На ручке выгравирована надпись восточноевропейским (кубанским) изводом древнетюркского рунического письма, тем же, что и надпись на поддоне серебряного сосуда Фонда Марджани (кат. 190). П. М. Мелиоранский читал надпись так: «За младшую дочь Герюнчу, невесту, подарок», – но это чтение не является общепризнанным, в настоящий момент достоверной дешифровки восточноевропейской рунической письменности не существует.

Отсутствие орнамента не дает возможности однозначно определить, где был изготовлен настоящий сосуд. По мнению В. П. Даркевича, в Средней Азии, однако не характерный для среднеазиатской тореvтики прием изготовления полой ручки и надпись восточноевропейским руническим письмом позволяют предположить в качестве места производства кувшина территорию юга Восточной Европы, вероятнее всего, в пределах Хазарского каганата.

А. И. Торгоев

192

193

193
Скульптура всадника

Таврическая губерния, Бердянский уезд,
с. Ново-Яковлевка
VII–IX вв.
Известняк
Длина 98,0 см, высота 45,0 см, ширина 25,0 см
ГИМ, инв. № 44117, оп. Б 1837/1.
Публикации: ОАК 1907. С. 123–124. Рис. 216а, б;
Ахмедов, Новикова 2007. С. 98–100

Скульптура представляет собой изображение всадника на коне. Тело коня по отношению к фигуре человека непропорционально длинное. Несмотря на плохую сохранность скульптуры в целом – на поверхности имеются многочисленные сколы, ноги коня отбиты, – детали упряжи коня и фигура всадника проработаны достаточно четко. Конь изображен взнузданным, под седлом. Показаны удила с однокольчатыми псалиями, капсюль, затылочный ремень и повод, закинутый на переднюю луку седла. Седло жесткое, с передней и задней лукой, под седлом изображен чепрак. Фигура всадника небольшая. Голова с округлым широким лицом, глаза и рот показаны углублениями, нос и брови единым рельефным блоком. На голове сохранились остатки прически или головного убора. Голова поса-

жена непосредственно на ноги. Возможно, что торс фигуры был поврежден при изготовлении.

Датировка и культурная атрибуция скульптуры затруднена. В Отчете Археологической комиссии сообщается, что всадник был обнаружен случайно при добыче глины в небольшом кургане недалеко от с. Ново-Яковлевка на глубине 0,53 м [ОАК 1907. С. 123–124. Рис. 216 а, б]. Никаких иных предметов, которые уточнили бы датировку скульптуры, найдено не было. По своей иконографии (реалистичное изображение лошади, гротескное изображение человека) скульптура может быть отнесена к кругу памятников хазарского времени – скульптурным изображениям бронзовых всадников, так называемых «уродцев», известных по находкам из Ставропольского края, Нижнего Подонья и др. Как считает ряд исследователей, они связаны с культурной практикой раннесредневековых тюрков [Флёрова 2001. С. 75–79; Березин, Савенко 2004. С. 152; Ахмедов, Новикова 2007. С. 98–100]. Наиболее вероятную датировку данных фигурок исследователи относят к периоду расцвета Хазарского каганата – VIII–X вв. [Березин, Савенко 2004. С. 152].

Г. А. Камелина

А. А. Чижова, А. А. Кадиева

АЛАНСКИЕ ПЛЕМЕНА
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Хотя Ибн Фадлан прямо не упоминает алан в своем сочинении, сведения о них в арабской географической литературе обширны. Арабские завоеватели совершили несколько походов в Аланию в первой половине VIII в., в эпоху арабо-хазарских войн. Аланы, находившиеся в вассальной зависимости от Хазарского каганата, выступали союзниками хазар в их военных кампаниях. Вскоре после захвата арабами Дербента (араб. *Баб ал-Абваб* 'Ворота ворот') и Южного Кавказа, с которым Аланию связывали Аланские ворота (араб. *Баб ал-Лан* – Дарьяльское ущелье, в котором арабы неоднократно размещали свои гарнизоны), арабское влияние стало проникать на Северный Кавказ вместе с торговцами и миссионерами. К X в. относятся ценные сведения об аланах в географических сочинениях Ибн Русте, ал-Масуди, ат-Табари [Алемань 2003. С. 342–344, 346–356]. В это время отношения Хазарского каганата и Халифата уже носили мирный характер и строились в основном на торговле. Менее полувека отделяет путешествие Ибн Фадлана от разгрома Хазарского каганата войсками киевского князя Святослава.

Носители аланской археологической культуры, тесно связанной с территорией Северного Кавказа, составляли существенную часть населения Хазарии. На выставке представлены предметы из археологических памятников Северного Кавказа VIII–XII вв., времени существования Хазарского каганата и его распада, а также последовавшего за ним расцвета Аланского государства вплоть до его гибели после нашествия монголов. Именно в это время складывалась картина мира народов Восточной Европы, которую застал Ибн Фадлан во время своего путешествия.

Впервые этноним *аланы* появился на страницах античных письменных источников в середине I в. н. э. Аланы были в этническом отношении родственны сарматам и также являлись носителями языка северо-восточной подгруппы иранских языков (потомком этого языка является современный осетинский). Аланская археологическая культура Северного Кавказа сформировалась в первые века нашей эры на равнинах Центрального и Северо-Восточного Предкавказья. В этот период (называемый раннеаланским) здесь появилась сеть крупных (площадью до 1,5 км²) укрепленных городищ (Ниже-Джулатское, Зилгинское, Алхан-Калинское, Андрей-Аульское и другие), сопровождаемых курганными могильниками, насчитывающими до нескольких тысяч насыпей [Малашев 1994. С. 49]. Население, оставившее эти памятники, занималось преимущественно земледелием при вспомогательной роли пастушеского скотоводства. Большое значение имели торговые связи, о чем свидетельствует значительное количество предметов импорта, в первую очередь с Боспора. Продукция аланских гончаров встречается на обширной территории от Нижнего Подонья до Южного Приуралья. [Малашев 2007. С. 488]. Количество памятников, сложность фортификации городищ и архитектуры погребальных сооружений свидетельствуют о высокой степени общественной организации раннеаланских племен. Письменные источники первых веков н. э. говорят об аланах как о значительной военной силе и упоминают их походы на Южный Кавказ, Переднюю Азию и на Дунай.

Гунны, ворвавшиеся в восточноевропейские степи в IV в. н. э., вовлекли часть алан в походы на запад, в процесс Великого

Ремень сбруйный
(кат. 223). Деталь

Аланская катакомба
могильника Кари-Цагат
в Северной Осетии.
IX–XI вв.
Раскопки и фотография
А. П. Мошинского, 2014 г.

переселения народов. Аланы вместе с другими племенами дошли до Северной Африки и основали ряд варварских государств. В ряде существующих топонимов Франции, Испании и Северной Италии сохранились следы аланского присутствия (самым известным из них является топоним Каталония, сохранивший память о государстве, основанном в V в. готами и аланами). Предпринимались и многочисленные попытки выделить аланский компонент в местной материальной культуре [Кузнецов 1992. С. 74; Бахрах 1993].

В VI–VII вв. жизнь на равнинных раннеаланских городищах Предкавказья прекращается, а их обитатели переселяются в горы. Исследования последних лет показали, что причиной этого послужили климатические изменения, вызвавшие засуху [Албегова 2007 CD; Хохлова, Хохлов, Гольева 2009. С. 317]. С этого момента начинается раннесредневековый этап развития аланской культуры.

Согласно В. Б. Ковалевской, территория распространения раннесредневековой аланской культуры географически совпадает с центральными районами Северного Кавказа – междуречьем Кубани и Терека. Западной границей является р. Уруп, северной – степи Ставропольского края и Ставропольская возвышенность, восточной – современная граница с Дагестаном (куда, впрочем, заходили

отдельные группы алан), южной – естественная граница по Главному Кавказскому хребту [Ковалевская 1981. С. 83]. На сегодняшний день западную границу проводят по р. Большая Лаба в связи с публикацией материалов могильника Мощевая Балка [Иерусалимская 2012]. Именно в этих географических рамках распространены могильники с погребениями в Т-образных катакомбах с наклонными входами-дромосами, традиционно связываемые с аланским этносом. В настоящее время катакомбные могильники составляют около четверти всех известных погребальных памятников Центрального Предкавказья [Ковалевская, Кузнецов 2007. С. 121]. Другой формой сооружения, которую связывают с аланами (хотя на этот счет имеются и другие точки зрения), являются скальные катакомбы. Данные антропологии также выявляют различия между антропологическими типами аланского и неаланского контингента, имеющими тенденцию к постепенному смешению [Герасимова 1994]. Необычной и распространенной особенностью некоторых аланских погребений является искусственная деформация черепа [Алексеев 1989. С. 271; Жиров 1940]. Исходя из различий в форме погребальных сооружений в зависимости от их географического расположения, В. А. Кузнецов выделяет два локальных варианта аланской культуры: западный (преимущественно скальные катакомбы) и восточный (грунтовые катакомбы), границу между которыми проводит по р. Баксан [Кузнецов 1973. С. 68]. Существуют и другие отличия между локальными вариантами, например в формах керамических сосудов. На выставке представлен сосуд, форма которого встречается только в скальных могильниках западного локального варианта (кат. 195). Современный взгляд на проблему выделения памятников аланской культуры Северного Кавказа таков: «северокавказские аланы – это не только те, кто погребен в катакомбах, но все, кто погребен в катакомбах, – аланы» [Абрамова 1997. С. 140].

Аланская материальная культура, ведущая линию своего развития с раннеаланского этапа, сохраняла относительную однородность практически до конца своего существования. По всей видимости, аланы занимали доминирующую

Хумаринское городище.
Карачаево-Черкесия.
VIII–X вв.
Фотография
А. А. Кадиевой, 2013 г.

позицию среди средневековых народов Северного Кавказа, что позволило им впоследствии создать собственное многонациональное государство. В раннем средневековье процесс образования Алании только начинался.

В связи с тем, что через аланские земли проходили основные маршруты, связывавшие степи Северного Кавказа, государства Южного Кавказа и Причерноморья, аланы заняли особое место в международных отношениях. Иран, Византия, Хазарский каганат и Арабский халифат стремились распространить на них свое влияние и подчинить своей власти.

Вторая половина I тыс. н. э. была ознаменована чередой войн, постоянными изменениями этнополитической обстановки. В это время аланы стали выступать в международных отношениях как самостоятельная сила. Ирано-византийские войны VI–VII вв., арабо-хазарские войны VII–VIII вв., русско-хазарские конфликты X в. – во всех этих событиях аланы принимали активное участие, примыкая к одной из противоборствующих сторон. Прокопий Кесарийский в VI в. упоминает их то как христиан и «друзей ромеев» (византийцев), то как «народ независимый, из которого большая часть является союзниками персов и выступает против ромеев и других их врагов» [цит. по: Алемань 2003. С. 264]. Очевидно,

такая разная политическая ориентация была связана с существованием двух групп аланских племен – западной и восточной, с соответствующим их географическому положению направлением связей, о чем свидетельствуют и данные археологии.

В VI в., во время ирано-византийских войн, прервавших традиционные торговые маршруты, начал функционировать северокавказский отрезок Великого шелкового пути, проходивший через перевалы Верхнего Прикубанья. Он связал страны Дальнего Востока и Центральной Азии с Византией. Этот маршрут был впервые упомянут византийским автором VI в. Менадром в описании обмена посольствами между тюрками и византийцами в 567–569 гг. с целью наладить торговлю шелком в обход Ирана. Это письменное свидетельство получило яркое археологическое подтверждение в материалах скальных могильников припелевальных районов Северо-Западного Кавказа, исследованных за последние полвека. Здесь в погребениях местных жителей было найдено экстраординарное количество высоко ценившихся в ту эпоху византийских, дальневосточных и согдийских шелковых тканей и другие предметы импорта, наряду с прекрасно сохранившимися в сухом горном климате местными изделиями из бронзы, дерева, кожи и текстиля [Иерусалимская 2012]. На выставке

представлена одна из таких уникальных находок – предмет местного средневекового костюма, иллюстрирующий интенсивное развитие международных контактов в этих горных районах (кат. 194). Вместе с тканями по северокавказскому шелковому пути путешествовали и стеклянные изделия, также высоко ценившиеся у местного населения (кат. 196–198).

Основным направлением хозяйственной жизни алан Центрального Кавказа в VI–IX вв. было земледелие при сопровождении оседлого скотоводства [Коробов 2014. С. 25–26]. Эти занятия обеспечивали достаточно высокую плотность населения. Археологические данные выявляют высокий уровень развития местного ремесла: обработки цветных металлов, ювелирного дела, гончарства, обработки кожи, дерева и камня, ткачества. Письменные источники донесли до нас имена аланских «царей» этого периода, Саросия и Итаксиса, верных союзников Византии.

Середина VIII – начало X в. – время существования в Подонье (на территории современных Воронежской и Харьковской областей) памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (представлены крупными катакомбными могильниками и связанными с ними укрепленными поселениями), по основным признакам аналогичных синхронным аланским памятникам Центрального Кавказа. Тогда же, в середине VIII в., прекращают свое существование катакомбные могильники прежде густонаселенной Кисловодской котловины. Вероятно, именно оттуда переселилась на Дон часть аланского населения. Причины такого масштабного переселения поныне остаются предметом дискуссий. Очевидно, что оно не могло быть осуществлено без участия хазар [Афанасьев 2001. С. 52]. Современный уровень научной интерпретации памятников салтово-маяцкой культуры сформулирован в работах Г. Е. Афанасьева: носителями этой культуры было аланское население Восточной Европы VIII–IX вв., генетически связанное с Северным Кавказом и сохранившееся на Среднем Дону вплоть до X–XIII вв. Хотя политически оно входило в состав Хазарского каганата, аланы сохраняли и развивали свою характерную этническую культуру [Афанасьев 2001. С. 46].

На территории салтово-маяцкой культуры исследован ряд укрепленных крепостей, по мнению исследователей, построенных византийцами по заказу хазар для укрепления хазаро-славянской границы. К этому типу памятников на Северном Кавказе относится Хумаринское городище в верховьях Кубани. Оно состоит из цитадели и крепости (общая площадь 40 га). Городище укреплено выделенными с обеих сторон крепостными стенами из обработанных каменных блоков, сложенных из двух панцирей в «тычково-ложковой» технике, с применением известкового раствора, первоначальной высотой до 15 м и шириной до 5 м, имеет ворота, башни, укрепленную стеной цитадель и рвы. Причиной строительства этого комплекса были, по всей видимости, арабо-хазарские войны, вызвавшие необходимость укрепить южную границу каганата. Памятник расположен на стратегическом пути, ведущем к транскавказским перевалам [Биджиев 1983. С. 35]. Этнический состав Хумаринского городища до сих пор не определен. На отдельных блоках и стенах городища встречаются надписи кубанского варианта тюркской рунической письменности. В середине X в., то есть в период падения Хазарского каганата, городище было покинуто [Кочкаров, Тоторкулов 2012. С. 344]. Вместе с тем именно в хазарское время аланские катакомбные могильники распространяются в горной зоне Центрального Кавказа – вблизи Дарьяльского ущелья и Мамисонского перевала, ведущих на Южный Кавказ, где была развернута основная арена арабо-хазарских войн.

Таким образом, аланское население, издавна выполнявшее роль военной силы на международной арене, в хазарское время, очевидно, обеспечивало защиту границ хазарского каганата. По данным антропологии, население хазарской крепости Саркел было сходно с раннесредневековым северокавказским [Афанасьев 2001. С. 46]. На всем протяжении средневековья в разных формах происходили контакты алан с кочевниками – тюрками, болгарями, хазарами, венграми, печенегими, половцами. Через них аланская культура воспринимала новейшие достижения в вооружении, воинском и конском снаряжении, что

отражает их единообразие в самых разных археологических культурах этого времени. Аланы, в свою очередь, оказывали на них влияние через быт и материальную культуру [Ковалевская 1981. С. 90].

Десятый век, с которого начинается позднеаланский этап культуры северокавказских алан (периодизация С. Н. Савенко) [Савенко 2008], называют «золотым веком» в истории Алании, что отражают письменные источники. Аланы вышли из подчинения хазарам. Константин Багрянородный пишет о том, что властитель Алании «не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу с императором ромеев» [Алемань 2003. С. 240]. Известно также об одном алано-хазарском конфликте, окончившемся, однако, поражением аланского царя [Алемань 2003. С. 434]. Арабский историк, географ и путешественник X в. ал-Масуди в своем энциклопедическом сочинении «Луга золота и копи драгоценных камней» писал: «Правитель аланов – могущественный, очень сильный и влиятельный среди царей, может выставить 30000 всадников. Его владения состоят из непрерывного ряда поселений, расположенных настолько близко друг к другу, что если кричат петухи, то они откликаются друг другу от одной стороны царства до другой» [цит. по: Алемань 2003. С. 348]. Ал-Масуди впервые указывает название столицы царства алан – Магас. Местонахождение Магаса по сей день является предметом споров специалистов, отождествляющих его с городищами Алхан-Кала в Чечне (В. Б. Виноградов) и Нижний Архыз в Карачаево-Черкессии (В. А. Кузнецов и др.).

После разгрома Хазарского каганата войсками киевского князя Святослава аланы снова заняли предкавказские степи, о чем свидетельствует появление новых крупных катакомбных могильников на этой территории. В это время у алан оформилась раннефеодалная государственность, произошла централизация власти. В результате этих перемен, а также длительных культурных и политических связей с Византийской империей и деятельности византийских миссий Алания официально приняла христианство. Это событие относят к 912–915 гг. [Белецкий, Виноградов 2011. С. 19, 26] или к 916 г. [Кузнецов

2002. С. 42]. Вскоре после принятия христианства была учреждена Аланская епархия, началось масштабное церковное строительство. По письмам константинопольского патриарха Николая I Мистика известны имена аланского архиепископа Петра и его помощника монаха Евфимия, первого крестителя алан [Белецкий, Виноградов, 2011. С. 21].

С принятием христианства Аланское государство укрепило свои позиции на международной арене. Следствием этого стали упоминаемые источниками династические браки русских, грузинских, византийских монархов с аланскими князьями. Аланский властитель получил почетное наименование «духовный сын императора» и специально введенный титул «эксусиократор». Центром Аланской епархии стало городище Нижний Архыз на р. Б. Зеленчук, где был возведен кафедральный собор и впоследствии вырос крупный город [Кузнецов, 1993]. В западных районах Алании возникли многочисленные украшенные фресками (до нас не дошедшими) храмы (Зеленчукские, Сентинский, Шоанинский и др.), строителями которых, по-видимому, были выходцы из Византии и соседней Абхазии. Кафедральным собором служил северный из трех монументальных «Зеленчукских» храмов Нижнего Архыза. На выставке представлен комплекс предметов из женского погребения под плитами пола

Северный Зеленчукский храм на городище Нижний Архыз. Середина X в. Фотография А. А. Кадиевой. 2013 г.

Сабля (кат. 227). Деталь

этого храма (кат. 199–212). О христианизации местного населения свидетельствует появление могильников с погребениями по христианскому обряду, находки бронзовых нательных крестов, крестов-энколпионов, каменных крестов с греческими надписями. К этому периоду относится единственный известный памятник аланской эпиграфики – Зеленчукская надпись на могильной плите, найденной в 1888 г. в 30 км от Нижнего Архыза. Надпись была выполнена на аланском языке греческим письмом, что свидетельствует о попытках создания письменности на основе греческой графики [Кузнецов, 1992. С. 272].

Восточные районы Алании, примыкавшие к перевалам, ведущим на Южный Кавказ, в то же время подвергались активной христианизации со стороны Грузии, о чем свидетельствуют храмы, построенные в грузинской архитектурной традиции (храмы в селениях Зруг, Тли и Регах в Осетии, а также Тхаба-Ерды в Ингушетии и др.) [Ковалевская, Кузнецов 2007. С. 185–190; Белецкий, Казарян 2009].

В этот период в Алании появились крупные городища на пересечении торговых путей (Рим-Гора у Кисловодска, Верхний Джулат у Эльхотовских ворот на р. Терек, Нижний Архыз близ ведущих в Абхазию транскавказских перевалов, Алхан-Кала на р. Сунжа) с обширными катакомбными могильниками

[Рим-Гора, Кольцо-Гора, Змейский, Мартан-Чу], с яркой и самобытной материальной культурой, продолжающей линию развития, намеченную в предыдущий период. Однако количество катакомбных памятников в X–XII вв. значительно уменьшается. Возможно, это было связано с процессами ассимиляции и этногенеза современных народов Кавказа, о чем свидетельствуют данные антропологии [Кузнецов 1992. С. 264]

Наиболее изученным на настоящий момент аланским памятником XI–XII вв. остается Змейский катакомбный могильник, расположенный близ станицы Змейской в Северной Осетии. Среди открытых мужских погребений встречаются комплексы, принадлежащие как рядовым общинникам, так и конным дружинникам, с саблями и предметами конского снаряжения. На общем фоне выделяются несколько богатых комплексов. Индикаторами социального статуса в них выступают богато украшенные сабли, стеклянные сосуды, позолоченные бронзовые украшения, инкрустированные стеклом, конские начельники. Особо выделяется комплекс катакомбы № 14, который его исследователь В. А. Кузнецов связывает с семьей местного князя. Погребальный инвентарь включает роскошную саблю в ножнах из позолоченного серебра (кат. 213), конский убор (кат. 214, 215, 217–219,

221), попона которого была расшита серебряными нитями (кат. 216), золоченые туалетные принадлежности. Сам «князь» был облачен в платье с аппликацией из золоченой кожи, возможно, подаренное ему византийским монархом [Кузнецов 1992, 266].

В целом, материалы памятников X–XII вв. демонстрируют высокий уровень развития местного ремесленного производства, яркое стилистическое своеобразие местной материальной культуры (кат. 214–220, 223–225) и широкие внешние связи ее носителей (см. кат. 221, 222, 226).

Письменные источники сообщают, что в 1222 г. монгольская армия вторглась на Северный Кавказ, разбив алан и союзных им половцев [Алемань 2003. С. 337]. В 1238–1239 гг., в ходе новой военной кампании, монголы после осады и штурма взяли Магас [Кузнецов 1992. С. 334]. В 1278 г. объединенные войска русских и монголов разбили «яссский» (аланский) город Деяков» (отождествляется с городищем Верхний Джулат в Северной Осетии) [Кузнецов 2003]. Территории Алании вошли в состав Золотой Орды.

К концу XIII–XIV вв. катакомбные памятники Предкавказья повсеместно прекращают свое существование. В литературе упадок аланской культуры часто связывается с монгольским нашествием. Однако существуют и другие мнения. В. А. Кузнецов объясняет это не только внешними причинами, но и изменениями в аланском обществе, которые привели к феодальной раздробленности и распаду Алании. Похожие процессы в то же время происходили и на Руси, и в Европе. Прекращение тысячелетней традиции строительства катакомб, возможно, было связано с принятием аланами мировых религий и, соответственно, переходом к иным погребальным практикам, в частности более практичному могильному сооружению – каменному ящику. Погребения в ящиках начинают появляться на катакомбных некрополях начиная с IX в. [Кадиева 2011. С. 89], а к XIV в. уже на могильниках из каменных ящиков иногда встречаются катакомбы [Даутова, Мамаев 1974. С. 266]. Утратив равнинные территории, население стало осваивать горы. Часть алан ушла на запад, осев в Венгрии, где они

сохраняли свой язык до XVI в. [Кузнецов 1992. С. 356]. Постепенный процесс ассимиляции алан с автохтонным горским населением дал начало формированию осетин и других народов Северного Кавказа.

Аланский лучник IX в. По материалам Дмитриевского могильника. Рисунок-реконструкция О. В. Федорова, консультант С. А. Плетнева. По: Плетнева 1999. Рис. 95

194

194

Нераспашная женская одежда на меху

Конец VIII – IX в.
Шелк, льняное полотно, мех
Максимальная длина 134,0 см
Северный Кавказ
Фонд Марджани, инв. № ИМ/Т-228/1
Публикуется впервые

Широкая нераспашная одежда с длинными рукавами, утепленная меховой основой, от которой сохранились очень маленькие фрагменты кожи и меха. Передняя часть, рукава, полоса по плечам и подолу на спине перекрыты шелковой тканью с крупными медальонами на неопределенном, вероятно, фиолетовом фоне. Боковые разрезы со стороны спины декорированы другим шелком, с медальонами на красном фоне. На спине расположена льняная ткань. В передней части на шелковой ткани есть шов, разделяющий стан на верхнюю часть

и юбку. Юбка слегка расширяется к подолу за счет системы клиньев. На спине такого шва нет. Расширение стана идет от линии контакта шелка и льняной ткани на расстоянии 20 см ниже линии плеч.

В передней части от ворота по центру вниз проходит клиновидный разрез (по правой поле вертикальный, по левой диагональный), который заканчивается на расстоянии 40–50 см от подола. По краю выреза горловины шла, возможно, меховая опушка (не сохранилась). В верхней части разреза находится небольшой кожаный шнурок с узлом на конце, вероятно, от застежки. Для пошива использовали два вида шелка. Основная часть перекрыта тканью с крупными медальонами, внутри которой расположен всадник на лошади, держащий копье. В нижней части медальона, скорее всего, находилось одно или два животных, которые в настоящий момент совершенно не видны. На красной ткани видна часть медальона, вну-

194

три которого расположено некое животное с поднятым хвостом, возможно, единорог.

Небольшие размеры фрагментов шелка, их расположение на выкройке с нарушением правильного размещения относительно нитей основы, а также легкая кривизна кроя указывают на вторичное использование шелка.

Выполнение всех швов отличается чрезвычайно высоким уровнем.

В отношении покроя следует отметить, что подобная одежда абсолютно аналогична найденной в северокавказском могиль-

нике VIII–IX вв. Мощевая Балка (верховья р. Б. Лаба, притока Кубани). Одежды из Мощевой балки также в разной степени украшены шелковыми тканями и подбиты мехом (овчиной в более простых образцах, пушшиной диких животных – в более богатых), горловина, как правило, с опушкой.

Этот тип женской одежды, рассчитанной на холодный климат высокогорья, был выделен и исследован А. А. Иерусалимской [Иерусалимская 2012. С. 192–198; Ierusalimskaja 1996. P. 41–43, 148–149, 264. Abb. 42, 224, 225].

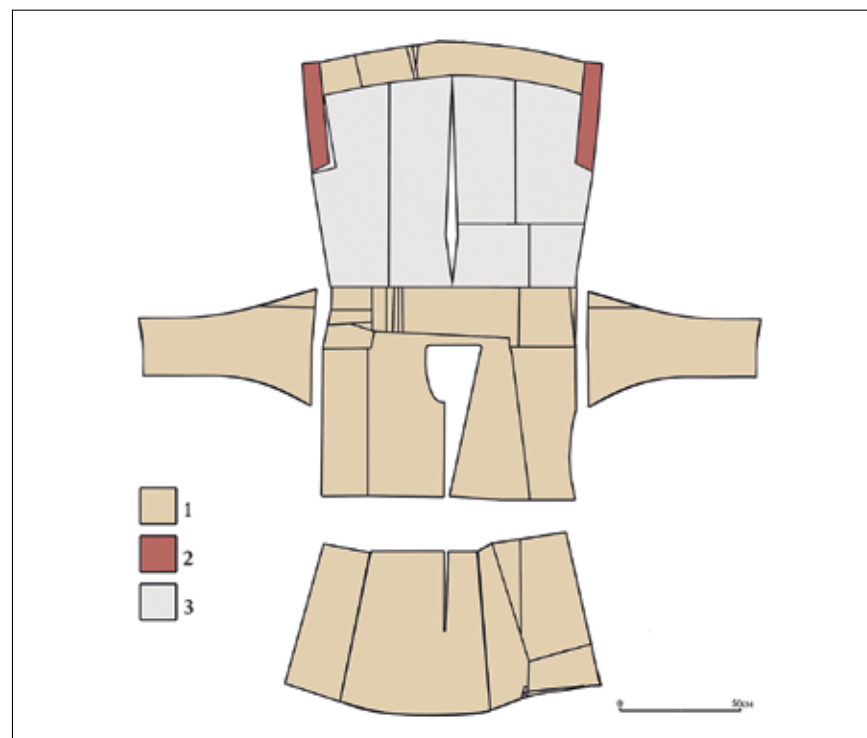
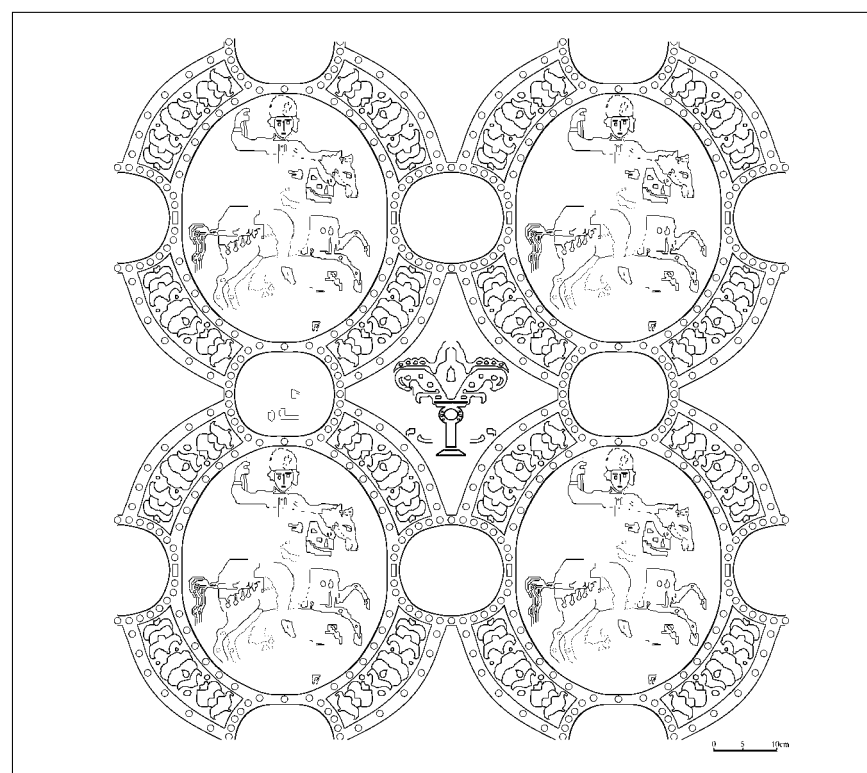

Схема кроя
Рисунок О. В. Орфинской

Изображения с элементами реконструкции
на шелковой ткани
Прорисовка О. В. Орфинской

Шелковые ткани, использованные при шитье этой одежды, являются привозными, подобно большинству других шелков из могильников Северного Кавказа. Предположительно, они сироегипетского производства и появились здесь в результате транзитной торговли Запада и Востока, проходившей по западно-кавказскому маршруту Шелкового пути.

О. В. Орфинская

195

Сосуд с носиком

Северо-Западный Кавказ
Середина VIII – IX в.
Глина; лепка, лощение
Высота 14,4 см, общая длина 3,2 см,
диаметр горла 90,0 см, диаметр дна 11,5 см
Окрестности ст. Баракаевская, Мостовской р-н
Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-173
Публикуется впервые

Сероглиняный гончарный чернолощенный сосуд усеченно-биконической формы с горлом, ручкой и носиком. Венчик слегка отогнут наружу. К тулову прилеплена ручка овальной формы, овальная в разрезе. В верхней части ручки имеется невысокий конический налп. Носик расположен в средней части тулова, ориентирован диагонально вверх, слегка сужается к концу. На краю носика имеется небольшой слив. Аналогичные сосуды были найдены в инвентаре скального могильника Мощевая Балка [Иерусалимская 2012. С. 43. Ил. 15], а также в погребениях района хут. Ильич на р. Уруп [Кузнецов 1993. С. 221. Примеч. 22]. В носик сосуда из Мощевой Балки была вставлена обернутая тканью деревянная пробочка. В. А. Кузнецов считает их столовыми молочниками и отмечает, что они встречаются в памятниках р. Урупа и р. Лабы, однако, отсутствуют в Нижнем Архызе [Кузнецов 1993. С. 195]. А. А. Иерусалимская отмечает, что эти необычные по форме сосуды встречаются в мужских погребениях и, возможно, свидетельствуют о привилегированности владельцев. По ее реконструкции, они могли составлять единый комплекс принадлежностей погребального питья с еще одной редко встречаемой формой – коническими роговыми стаканами со вставленным деревянным дном (вполне возможно, местной имитацией стеклянных бокалов, см. кат. 197). Более распространенным типом набора для погребального питья в Мощевой Балке является ло-

195, 196

щенный черноглиняный кувшинчик в сочетании с деревянным ковшиком (по мнению А. А. Иерусалимской, такой набор характерен для женских погребений). Пробочка у сосуда с носиком из Мощевой Балки была предназначена для хранения содержимого, по мнению А. А. Иерусалимской, это мог быть алкоголь (кувшины других форм для погребального питья в этом могильнике также были накрыты тканью, тщательно перевязанной бечевкой [Иерусалимская 2012. С. 42]).

А. А. Чижова

196

Стакан

Византия (?)
VIII–IX вв.
Стекло; выдувание
Высота 7,0–7,3 см, диаметр основания 7,5 см,
диаметр устья 8,2 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская Мостовского
р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-170
Публикуется впервые

Стакан из прозрачного стекла зеленого оттенка имеет цилиндрическую форму, стенки слегка расширяются от основания к венчику. Изготовлен методом свободного выдувания, на дне сохранился след от понтии. Стенки сосуда в средней и нижней части украшены штампованным декором в виде

двух горизонтальных рядов из цветков, состоящих из кружка и радиально расходящихся от него восьми треугольных лепестков.

Подобная форма и декор в различных сочетаниях часто встречаются в стеклянных изделиях, найденных в аланских катакомбных могильниках Северного Кавказа VIII–IX вв.: Кобан [Хайнрих 2005. С. 199. Табл. LVI, 1], Балта [Габуев 2005. Кат. № 102], Даргавс [Дзаттиаты 2014. Таб. СХХIII, 18]. За пределами Северного Кавказа аналогии пока не встречены. Данные о наличии собственного стеклоделия в регионе в указанное время отсутствуют, таким образом, можно считать, что все стеклянные сосуды являются привозными. Возможно, стеклянные сосуды этой группы изготавливали на Ближнем Востоке, вероятнее всего, в пределах Византийской империи.

А. А. Чижова

197

Бокал

Византия (?)
VIII–XI в. (?)
Стекло; выдувание
Высота 9,5 см, диаметр дна 3,4–3,6 см, диаметр устья 8,4 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская Мостовского
р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/КК-171
Публикуется впервые

197

Данный бокал, по имеющейся информации, был найден вместе со стаканом кат. 196. Изготовлен из белого полупрозрачного стекла, имеет коническую форму. Венчик прямой. Дно слегка вогнутое, со следом от понтии. В верхней части сосуда на поверхности два горизонтальных ребра.

Бокал отличается по форме от причерноморских типов конических бокалов, наиболее распространенных на Северном Кавказе в раннем средневековье: венчик сосуда не отогнут, дно вогнуто, декор в виде капель синего стекла и накладных нитей отсутствует. Наиболее близкими по форме являются два кубка из музея Метрополитен, найденные в западной Германии [Brown, Kidd, Little 2000. P. 279]. Однако в конце раннего средневековья в аланских памятниках Северного Кавказа появляются и распространяются конические бокалы из прозрачного неокрашенного стекла на круглой подставке или без нее, неорнаментированные или украшенные накладными нитями или штампованным декором: Даргавс [Дзаттиаты 2014. Рис. XVII, 19], Змейский [Кузнецов, 1992. Рис. 59; 2009. С. 76; Сокровища Алании 2011. Рис. 331, 332]. Данный бокал по форме вполне можно отнести к данному кругу вещей.

А. А. Чижова

198

198 Рюмка

Византия (?)
VIII–X вв.

Стекло; выдувание в форму
Высота 9,5 см, диаметр устья 8,7 см,
диаметр поддона 5,8 см
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-218
Найден в Карачаево-Черкесии
Публикуется впервые

Рюмка из темно-желтого прозрачного стекла на низкой ножке с круглой подставкой изготовлена способом дутья в форму. Тулово имеет усеченно-коническую форму, с округлым основанием, стенки расширяются к венчику. Нижняя треть стенок декорирована двумя горизонтальными рядами «защипов». Ножка выполнена в виде небольшого шара, переходящего в конической формы подставку с круглым в плане основанием. Аналогичным образом оформлена ножка рюмки из погребения 11 могильника Сопино [Анфилов 1980. С. 92–113]. Форма рюмки, очевидно, является подражанием металлическому образцу. Таким образом могли быть византийские потиры VI–VII вв. или кубки, подобные найденным в Перещепинском кладе. Аналогии декору встречены в стакане из аланского могильника Даргавс в Северной Осетии [Дзаттиаты 2014.].

А. А. Чижова

Погребение 129 в Северном Зеленчукском храме на Нижне-Архызском городище

Представленный здесь инвентарь происходит из богатого погребения 129 в христианском храме на городище Нижний Архыз в ущелье р. Большой Зеленчук.

Остатки крупного раннесредневекового городка Алании привлекли внимание исследователей и путешественников в начале XIX в. благодаря находящимся на городище древним христианским храмам. Северный Зеленчукский храм, согласно исследованиям В. А. Кузнецова [Кузнецов 1964. С. 149], являлся кафедральным храмом аланской епархии и служил местопребыванием митрополита Алании. Это сооружение было возведено в X столетии и стало самым значительным по площади среди всех северокавказских храмов. Близ храма находятся многочисленные фундаменты каменных зданий и остатки древнего кладбища. В интерьере храма сохранились остатки крестильной купели и синтрон для церковного клира. В 1960 г. во время археологических раскопок, проводившихся В. А. Кузнецовым, в северной части нартекса был обнаружен бронзовый крест с надписью в 21 строку. Из текста надписи видно, что крест был обновлен пресвитером Фомой в 1067 г.

После крещения в 912 г. Алания вместе с православием приняла провизантийскую политическую ориентацию. Уже в 922 г. аланы вошли в созданную империей антиболгарскую коалицию. Однако нельзя сказать, что этот дипломатический курс был устойчивым и постоянным. Так, около 932 г. арабский географ аль-Масуди в сочинении «Луга золота и копи драгоценных камней» описывал изгнание из страны епископов и священников, присланных из Константинополя. Эта акция была связана с переориентацией аланских правителей на иудейскую Хазарию [Белецкий, Виноградов 2011. С. 35]. Несколько позже политическая обстановка в Алании снова изменилась, и Константин Багрянородный в трактате «О церемониях византийского двора», составленном между 944 и 959 гг., привел формулу обращения к экскусиократору Алании как к «духовному сыну» императора. Важно отметить, что титул экскусиократора был существенно выше обычного для вождей кавказских племен титула архонта [Там же. С. 40]. С точки зрения Константинопольского двора, возвышение правителя Алании соответственно повышало и статус аланской церкви: аланская архиепископия становится митрополией, хотя сведениями

о подчиненных ей епископиях исследователи не располагают [Там же. С. 40].

В 1940 г. северный храм изучался совместной экспедицией НИИ языка, литературы и истории и кафедры истории Учительского института г. Микоян-Шахар (современный Карачаевск) под руководством Х. Р. Лайпанова. Тогда, в частности, был вскрыт пол северного Зеленчукского храма и обнаружено богатое погребение в каменном ящике*. В послевоенные годы исследование Нижне-Архызского городища было продолжено, наиболее интенсивные работы велись с 1960 г. в связи с реставрацией северного Зеленчукского храма. Погребение, вскрытое экспедицией 1940 г., в 1980 г. исследовал В. А. Кузнецов. Были уточнены детали конструкции, погребению был присвоили номер 129, и комплекс, представленный на выставке, был окончательно определен как инвентарь погребения, вероятно, принадлежавшего представительнице местной христианизированной знати.

Е. Ю. Новикова, А. А. Кадиева

199 Серьги парные

Алания
X в.

Золото; литье, волочение, ковка, пайка
Длина 9,0 см

Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.

ГИМ, инв. № 82410/9, 10, оп. Б 834/9, 10, 3Б-4387, 4388
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.).
Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Серьги состоят из овального несомкнутого кольца со стержнем-отростком (для напущенной бусины) и подвешенного между двумя фиксирующими дисками длинного стержня. На стержне сохранились лишь золотые цилиндрические реберчатые пронизи, по-видимому, разделявшие бусины из стекла или жемчуга. Поскольку стекло в данном погребении имеет хорошую сохранность, несохранившиеся бусины, скорее, были

* Инвентарь погребения был передан в Государственный исторический музей в Москве, часть предметов из него демонстрируется на выставке.

199

жемчужными. Общая схема серег – классическая для кочевнических древностей Евразии эпохи переселения народов и раннего средневековья. В частности, она совпадает со схемой, по которой сделана золотая серьга из богатого погребения в станице Романовская на Дону. Единственное отличие – в форме кольца, у серег из Архыза оно более вытянутое. Д. А. Сташенков вслед за другими исследователями раннесредневековых древностей кочевого и полукочевого населения Евразии применяет к таким украшениям термин «серьги салтовского типа», включая в данное понятие довольно широкий круг серег, определяющихся одной общей формулировкой: «украшения, имеющие форму разомкнутого кольца, в основном округлой или овальной формы, с шариком-отростком в верхней части кольца и удлиненной подвеской (бусиной или в виде пронизки, а также их сочетания) в нижней, литые или составные» [Сташенков 1998. С. 215]. Для периода конца VIII – середины X в., по данным Д. А. Сташенкова, можно говорить об изменении знаковой функции салтовских серег: из маркера воинской принадлежности владельца (обычно одна серьга в мужском погребении) они переходят в разряд украшений и начинают использоваться женщинами [Там же. С. 221]. Серьги такой конструкции известны и по материалам Мошовой Балки (где кроме серег найдены полные аналогии круглым розетчатым

200

бляшкам из погребения 129 северного храма) [Иерусалимская 2012. С. 296–297. Ил. 180 а, б; 298. Ил. 181]. Впрочем, А. А. Иерусалимская не рассматривает специально дробную хронологию данного вида серег, отмечая их общую широкую дату. Наиболее поздние экземпляры известны в Венгрии и датированы началом X в., что совпадает с датировкой комплекса из погребения 129.

Е. Ю. Новикова

200

Перстень

Алания
X в.

Золото, стекло, бронза; литье, тиснение, пайка, зернь, гравировка
Внешний диаметр щитка 3,8 см, диаметр шинки 2,2 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/1, оп. Б 834/1, 3В-129
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Перстень с поллой шинкой, составляющей одно целое с цилиндрическим щитком, к которому припаяны (?) восемь полых объемных лепестков. На каждом из них имеется каплевидное гнездо

201, 202

для вставки. В центре щитка, в касте с четырьмя цапфами, располагалась вставка из овального плоско-выпуклого кабошона темного стекла. Лепестки и контур каста украшены зернью. На шинке гравировкой нанесен растительный орнамент.

Е. Ю. Новикова

201

Перстень

Алания
X в.

Золото, алмадин, мастика; литье, тиснение, пайка, гравировка
Длина и ширина щитка 3,1 × 3,1 см; диаметр шинки 1,8 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова. 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/2, оп. Б 834/2, 3В-130
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Перстень по конструкции аналогичен предыдущему (кат. 200). Щиток обрамляют четыре объемных лепестка, в центре, в касте без цапф, овальная вставка алмадина. Щиток, прилегающая к нему часть шинки и лепестки украшены тисненым, с гравировкой, растительным орнаментом.

Е. Ю. Новикова

202

Перстень

Алания
X в.

Золото, мастика; литье
Длина щитка 1,7 см, ширина 1,4 см; диаметр шинки 2,0 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/3, оп. Б 834/3, 3В-131
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Перстень литой с ромбовидным щитком, имеющим по углам выступы. Вставка овальная, плоская, удерживается в щитке четырьмя цапфами. Перстни подобной формы встречаются среди древностей салтово-маяцкой культуры со 2-й половины VIII – начала IX в., но салтовские перстни, как правило, отлиты из бронзы.

Е. Ю. Новикова

203–206

203

Вставка

Армения
Конец IX в.
Альмандин; шлифовка, резьба
Длина 1,5 см, ширина 1,0 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/5, оп. Б 834/5
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Овальная вставка-кабошон вогнуто-выпуклой формы из прекрасно отшлифованного альмандина имеет вырезанную арабскую надпись (инталио), на которой В. А. Крачковской было прочитано имя армянского царя Ашота I (династия Багратидов), правившего Арменией в 886–891 гг. [Крачковская 1946]. Эта находка определяет и нижнюю границу даты погребения в Северном храме Нижне-Архызского городища.

Е. Ю. Новикова

204

Вставки

Алания (?)
X в.
Альмандин; шлифовка
А – Длина 1,9 см, ширина 0,9 см;
В – длина 1,5 см, ширина 1,1 см

Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/4: А – оп. Б 834/4; В – оп. Б 834/12
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Вставки – выпукло-вогнутые кабошоны из альмандина. Одна из вставок вытянутой подпрямоугольной формы со скругленными углами, вторая овальная. Эти вставки, возможно, предназначались для перстней, но оправы по какой-то причине не сохранились.

Е. Ю. Новикова

205

Вставка

Алания (?)
X в.
Стекло; шлифовка
Длина 2,3 см, ширина 1,5 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/6, оп. Б 834/6
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Вставка прозрачного стекла, восьмиугольная в основании, в верхней части переходит в плоский овал. Как и вставки из альмандина, вероятнее всего, предназначалась для перстня.

Е. Ю. Новикова

206

Оправа со вставкой

Алания
X в.
Серебро, альмандин; ковка, пайка
Длина 2,3 см, ширина 1,5 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/11, оп. Б 834/11, СВ-13124
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Оправа из плоской серебряной пластины-задника овальной формы, окруженной напаянным валиком и вставкой альмандина в форме овального кабошона. С одного конца овала на валике сохранился остаток шарнирного соединения (?).

Е. Ю. Новикова

207

207

Кабошоны

Алания (?)
X в.
Фаянс; глазурь
Длина 1,0 см, ширина 0,8 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/23/1–16, оп. Б 834/23/1–16
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

На выставке представлены 16 наиболее сохранившихся накладок – овальных кабошонов из фаянсовой массы, покрытых сине-бирюзовой глазурью. Всего в комплексе погребения таких вставок 60.

Е. Ю. Новикова

208

208

Бляшки

Алания
X в.
Золото; тиснение
Первый тип: 0,9 × 0,9 см; второй тип: 0,6 × 0,6 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова, 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/24/1–87, оп. Б 834/24/1–87, 35-4407–4493

209

Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

В комплексе погребения найдено 87 нашивных бляшек, украшавших, по-видимому, одежду погребенной женщины. Бляшки треугольной формы по размеру и деталям орнамента делятся на два типа: 1) крупные (ок. 0,9 см) с выпуклым изображением круга с точкой по центру на двух лепестках и капли на третьем; 2) мелкие (около 0,6 см) с изображениями таких же кругов с точками в центре на всех трех лепестках и одной выпуклой точкой в центре треугольника. Четыре бляшки, идентичные первому типу, но бронзовые, найдены в каменном ящике 99 кладбища северного храма [Кузнецов 1993. С. 207. Рис. 130, 7].

Е. Ю. Новикова

210

209

Бубенчики

Алания
X в.

Бронза; литье, позолота
Высота с петлей 1,8 см, диаметр 1,3 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова. 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/17, 18, оп. Б 834/17, 18
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Два шаровидных бубенчика с круглой петлей и одной щелевидной прорезью, оканчивающейся круглыми отверстиями.

Е. Ю. Новикова

210

Бубенчики на цепочках

Алания
X в.

Золото; тиснение, пайка, плетение
Диаметр шарика 0,4 см, длина цепочки с шариком 3,0 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова. 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/22/1–18, оп. Б 834/22/1–18, ЗБ-4389–4406
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Маленькие бубенчики с одной щелевидной прорезью, на концах которой – по круглому от-

211

212

верстия, и с припаянной проволочной петлей. Подвешены к цепочкам объемного плетения.

Е. Ю. Новикова

211

Кольца

Серебро; литье
Алания
X в.

Диаметр 3,0 см, толщина прутка 0,3 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова. 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/7, 8, оп. Б 834/7, 8, СБ-21467, 21468
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Пара серебряных массивных неразомкнутых колец могла служить деталями поясной или иной ременной гарнитуры.

Е. Ю. Новикова

212

Пуговицы

Алания
X в.

Золото, эмаль; литье, волочение, пайка, зернь, инкрустация эмалью
Диаметр пуговиц 1,4 см; размеры с петлей 2,1 см
Нижне-Архызское городище, погребение 129 под плитами пола Северного храма, раскопки Х. Лайпанова. 1940 г.
ГИМ, инв. № 82410/13–15, оп. Б 834/13–15, ЗБ-132–134
Публикации: Лайпанов 1957. С. 53–57 (без ил.); Кузнецов 1993. С. 176–177. Рис. 135

Три шаровидные золотые пуговицы с проволочной петлей, у основания обведенной зернью, орнаментированы зеленой и красной эмалью. Орнамент на каждой пуговице представляет собой три круглых медальона, в центре которых размещена шестилепестковая розетка; в пространстве между медальонами по нижнему ярусу изображены ростки, а возле зернового колечка (основания петли) – по три каплевидных фигуры. Схема орнамента на всех трех пуговицах одинаковая, но нанесенные линии не идентичны, что говорит об индивидуальном исполнении для каждого предмета. Заполнение линий орнамента зеленой и красной эмалью также не идентично.

Е. Ю. Новикова

213

213 Сабля

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Железо, серебро, стекло; ковка, литье, чеканка,
позолота, инкрустация
Общая длина 90,0 см, длина клинка 78,0 см,
длина обоюдоострой части 24,0 см,
ширина клинка у перекрестья 3,5 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник,
катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова
и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/957
Публикации: Кузнецов 1961. С. 83–84

Сабля с серебряными накладками на рукоять и ножны. Клинок незначительной кривизны с обоюдоострым концом. На клинке видны два дола. Хвостовик отогнут по отношению к оси клинка. Рукоять не сохранилась.

Перекрестье треугольное с двумя шарообразными завершениями, сверху к нему припаяна обкладка рукояти. В отличие от обкладок ножен и рукояти, перекрестье орнаментировано с обеих сторон (растительный орнамент на лицевой и оборотной сторонах идентичен). Шарообразные завершения перекрестья орнаментированы четырехлепестковыми розетками. В центре перекрестья напаян каст со вставкой из красного стекла.

Сабля из катакомбы 14 Змейского могильника относится к серии роскошных сабель, принадлежавших представителям элиты Аланского государства. Наиболее близкими аналогиями являются палаш из катакомбы 1 и сабля из катакомбы 41 могильника Кольцо-Гора в Кисловодской котловине [Савенко 1986. С. 78]. В эту же серию входит так называемая «сабля Карла Великого», хранящаяся в Венском историко-художественном музее [Кирпичников 1965]. Сходство вышеперечисленных предметов заключается в форме клинков (слабоизогнутых с обоюдоострой заточкой конца и хвостовиком, отогнутым по отношению к оси клинка) и в способе подвески сабли – «колосовском» (термин А. В. Пьянкова и И. В. Цокур [Пьянков, Цокур 2011]), когда ремни портупеи крепятся через прямоугольные петли, которые монтируются на деревянные или кожаные пластины, закрепленные в скобах. Данный способ представляет собой развитие «салтовского» [Пьянков, Цокур 2011], где роль петель для подвешивания играли сами скобы, прикрепленные к оковкам ножен. Помимо технических деталей вышеперечисленные предметы объединяет схожий орнамент: изображение узла на оков-

214

ках ножен, пальметт на лицевой пластине скоб (у «сабли Карла Великого» эти орнаментальные мотивы соединены в одну композицию), процветших лоз на рукояти и наконечнике ножен.

Датировка всех этих клинков в рамках конца XI – 1-й половины XII в., определенная С. Н. Савенко на основе анализа комплексов инвентаря из могильников Кольцо-Гора, Змейского и других синхронных некрополей Северного Кавказа [Савенко 1986. С. 79], на сегодняшний день разделяется большинством специалистов.

А. А. Кадиева

214

Передняя лука седла

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Дерево, стекло, бронза; чеканка, позолота
Высота 21,0 см, ширина 21,0 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник,
катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова
и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1360, 1331–1337
Публикации: Кузнецов 1961. С. 120; Габуев, 2005. Кат. № 136

Передняя лука седла вырезана из дерева, на лицевой поверхности вырезана плетенка, образующая три овальных медальона с округлыми гнездами для вставок по краям. Сами медальоны и окружающее их пустое пространство фигурной и трапециевидной формы также служат гнездами для вставок. В качестве вставок использованы бронзовые позолоченные пластины, по форме соответствующие гнездам. В округлых гнездах находятся пластины с пунсонным орнаментом, выбитым с оборотной стороны по краю, и стеклянными вставками в центре. В ближайшей к вырезу части лука расположены трапециевидные гладкие пластины (на одной из них прочерчена фигура, повторяющая форму бляшки) с пунсонным орнаментом, также выбитым с оборотной стороны по краю. На остальные пластины нанесены изображения животных и птиц. Изображение наносилось на пластину с оборотной стороны, образующий фон пунсонный орнамент – с лицевой (при этом с оборотной стороны выступы, получившиеся в процессе орнаментации, заглаживались). Пластины крепились к луке седла при помощи гвоздиков по краям. Часть из них сохранилась.

Зеленки [Кирпичников 1973. Рис. 25]. Однако изображения на пластинах змейского седла по стилю входят в круг декоративных изображений, характерных для Центрального и Западного Кавказа эпохи развитого средневековья. Наиболее известные предметы с подобным декором помимо Змейского могильника были обнаружены в могильниках Колосовка [Дитлер 1961. С. 154] и Андреевская щель [Армарчук 2006. С. 97. Рис. 41, 50].

А. А. Кадиева

215

Накладки задней луки седла

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Бронза; чеканка, позолота
А – длина 16,5 см, высота 7,3 см; В – длина 9,5 см, высота 5,8 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1338, 1339
Публикации: Кузнецов 1961. С. 120; Габуев 2005. Кат. № 137

Две фигурные накладки предназначались для задней луки того же седла, передняя лука которого представлена выше (кат. 214).

На более крупной накладке изображен кошачий хищник с подчеркнуто раскрытой пастью с клыками и с когтями на лапах. В левой стороне накладки вставлено подпрямоугольное гнездо для крепления ремня. На второй накладке изображена хищная птица, несущая в клюве ветвь с плодами. В нижней части накладки вставлено подпрямоугольное гнездо для крепления ремня.

Мотивы, изображенные на накладках седла, исследователи традиционно связывают с нартовским эпосом, однако нельзя забывать, что в это время Алания была уже христианским государством, и набор изображаемых персонажей: кошачий хищник (лев?), павлин, птица с ветвью в клюве могут иметь и христианскую семантику.

А. А. Кадиева

215

Пластины с изображениями расположены в следующем порядке, слева направо:

- фигурная пластина с изображением хищной птицы, клюющей змею;
- овальная пластина с изображением павлина, развернутого клювом вправо;
- трапециевидная пластина с изображением стоящего парнокопытного (подчеркнуты раздвоенные копыта и палец), развернутого вправо;
- овальная пластина с изображением лежащего с подогнутыми ногами парнокопытного (раздвоенные копыта и палец), обращенного головой к крупу. Хвост животного короткий;
- овальная пластина с изображением павлина, развернутого клювом влево.

Ближайшей аналогией передней луке седла из Змейского могильника по конструкции является седло из женского погребения могильника

216

Фрагмент попоны

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Кожа; аппликация (дублирована на ткань)
Длина 40,0 см, ширина 32,0 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/973
Публикации: Кузнецов 1961. Табл. VIII; Габуев, 2005. Кат. № 142

Попона, от которой сохранился лишь фрагмент, подкладывалась под седло (кат. 214, 215). Выполнена из кожи, на которую техникой инкрустации серебряными нитями нанесено изображение двух павлинов, клюющих плоды на расположенном между ними дереве. В пространстве между нитями попоны украшена бронзовыми позолоченными шариками.

Сложность техники изготовления попоны заставляет предположить ее византийское происхождение. В пользу этого предположения говорит и изображение павлинов, клюющих плоды. В христианской символике павлин является символом весны и бессмертия, а также райского сада [Уваров 1908. С. 202].

А. А. Кадиева

216

217

217

Начельник конский с человеческой фигурой

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Бронза, стекло; чеканка, литье, позолота
Диаметр основания втулки 2,0 см, высота 10,0 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/962
Публикации: Кузнецов 1961. С. 88; Габуев 2005.
Кат. № 138

Полый конский начельник с изображением женщины, протягивающей зрителю чашу с прозрачным напитком. Фигура крепится заклепками к дисковидному основанию. На затылке скульптуры отверстие для султана. На лбу женщины изображены две косы. Уши переданы двумя полукруглыми выступами. В левое ухо вставлена серьга в виде проволочного кольца в 2,5 оборота. В правом глазу находится бирюзовая стеклянная вставка, левый не сохранился. На груди изображена лунница. В руках женщины чаша, содержимое которой передано при помощи прозрачного стекла.

Начельник из катакомбы 14 Змейского могильника уникален и не имеет аналогий, однако он входит в круг предметов, характерных для

древностей салтово-маяцкого времени и эпохи Аланского государства. Конские начельники в аланском обществе являлись маркером высокого социального статуса [Афанасьев 1993. С. 140] и принадлежали предводителям аланских дружин. Вероятно, данный знак отличия был необходим в бою, чтобы воины могли опознать командира.

А. А. Кадиева

218

Ремень сбруйный

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Бронза, стекло; литье, инкрустация, позолота, бляшки дублированы на кожзаменитель
Длина: А – 60,0 см; В – 46,0 см; С – 44,0 см; D – 18,0 см; E – 17,8 см; F – 17,6 см; G – 17,2 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1343–1348, 1350
Публикации: Кузнецов 1961. С. 119; Габуев 2005.
Кат. № 139

Семь фрагментов ремней конской сбруи. Кожаная основа не сохранилась. Ремни состоят из прямоугольных бронзовых позолоченных бляшек с рубчатым орнаментом по краю и стеклянной вставкой в центре. Один из ремней завершается бляшкой с изображением двух конских головок.

А. А. Кадиева

219

Ремень сбруйный

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Бронза, стекло; литье, позолота, детали дублированы на кожзаменитель
Длина: А – 48,0 см; В – 43,0 см; С – 26,0 см; D – 35,0 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1353–1355
Публикации: Кузнецов 1961. С. 119; Габуев 2005.
Кат. № 140

Кожаная основа накладок практически не сохранилась, при реставрации они были собраны на кожзаменитель. Ремни украшены бронзовыми позолоченными U-образными бляшками

218

219

220

220 Сумочка-амулетница

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Кожа, серебряная нить; аппликация, шитье
Длина 34,0 см, ширина 24,0 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/971
Публикации: Кузнецов 1961. С. 84; Габуев 2005.
Кат. № 141

А. А. Кадиева

221

221 Фрагмент ткани с золотым шитьем

Ближний Восток
Шелк, золотая нить; шитье
Длина 7,1 см, ширина 5,5 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/266
Публикации: Кузнецов 1961. С. 185

А. А. Кадиева

Фрагмент шелковой ткани с вышитой золотой нитью арабской надписью: «Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного» (перевод В. А. Крачковской, Л. Т. Гюзальяна). Фрагмент

222

223

ткани, судя по месту находки большей его части, мог относиться к конскому убору.

А. А. Кадиева

222 Чаша

Византия (?)
XI–XII вв.
Стекло; выдувание
Высота 7,5 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 14, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1003
Публикации: Габуев 2005. Кат. № 144

Сосуд зеленого стекла с двумя рядами каплевидных наделов и волнистым наделом в придонной части.

А. А. Кадиева

223 Ремень сбруйный

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Общая длина 37,0 см
Бронза; литье, позолота, бляшки дублированы на кожаменитель
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1574
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 15, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
Публикации: Габуев 2005. Кат. № 145

Фрагмент сбруйного ремня, украшенного круглыми бляшками с орнаментом в виде четырех лепестков. Три из вышеупомянутых бляшек снабжены петлями для крепления ажурных подвесок, к двум из которых, в свою очередь, крепятся подвески. Последние имеют каплевидную рамку, с внутренней стороны которой имеются отростки – элементы растительного орнамента. В основном поле подвесок изображен всадник, сжимающий узду в правой руке и топор в левой. Полностью аналогичное изображение известно в орнаментальных медальонах конского начельника из разрушенного погребения могильника Колосовка [Дитлер 1961. С. 154]. Такие детали ремней характерны именно для культуры предмонгольской Алании.

А. А. Кадиева

224

224 Оголовье конской сбруи

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Бронза, железо; литье, ковка, позолота дублирована на кожзаменитель.
Длина сохранившихся ремней: А – 15,5 см; В – 25,0 см; С – 15,5 см; D – 15,5 см; E – 15,5 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 15, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1536, 1549, 1566, 1567, 1585, 1589–1593
Публикации: Кузнецов 1961. С. 120 (частично); Габуев 2005. С. 67, 68 (частично)

Оголовье конской сбруи, состоящее из конического неорнаментированного начельника, железных удил с бронзовыми псалиями и ремней, украшенных трехчастными и крестовидными бляшками с выпуклым пирамидальным орнаментом и подвесками.

Полных аналогий сбруйным наборам из катакомб 14 и 15 Змейского могильника на сегодняшний день не выявлено. Однако трехчастные подвески встречают соответствия в конской

сбруе из могильников Северного Кавказа (Кольцо-Гора, Колосовка) и Северо-Восточного Причерноморья, в частности в погребении 5 могильника Андреевская щель. Подобные трехчастные подвески относятся к типу 1 отдела II по Е. А. Армарчук [Армарчук 2006. С. 76] и датируются автором XI–XII вв.

А. А. Кадиева

225

225 Шапочка

Алания
Конец XI – 1-я половина XII в.
Кожа, бронза, стекло; позолота. Дублирована на ткань.
Длина 17,0 см, ширина 17,0 см, высота 17,0 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 15, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1466
Публикации: Габуев 2005. Кат. № 143

Кожаная шапочка, украшенная мелкими бронзовыми бляшками, бубенчиками по краю и бронзовым позолоченным навершием, инкрустированным стеклом. Была обнаружена на голове скелета 2 катакомбы 15. Судя по сопровождающему инвентарю, скелет был мужской. Аналогии за пределами Змейского могильника нам не известны, однако для населения, оставившего вышеназванный некрополь, этот вид головного убора был достаточно характерен [Кузнецов 1961. С. 124. Табл. XIII, 1, 2].

А. А. Кадиева

226

226 Сосуд

Сирия
Конец XI – XII в.
Стекло; выдувание
Высота с крышкой 10,5 см
Северная Осетия, Змейский катакомбный могильник, катакомба 15, раскопки Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, 1957 г.
ГИМ, инв. № 96299, оп. Б 1099/1859
Публикации: Кузнецов 1961. С. 109; Габуев 2005. Кат. № 148

Сосуд темно-вишневого стекла, на четырех ножках, украшен стеклянными «нитями» белого цвета, спирально навитыми на корпус сосуда. Сосуды из двухцветного стекла, украшенные навивкой, массово изготовлялись при Айюбидах и Мамлюках в Сирии. Такой прием орнаментации часто использовался в изготовлении небольших косметических сосудов [Carboni, Whitehouse 2001. P. 106–107. Fig. 94].

А. А. Кадиева

227

Сабля

Кавказская Алания
2-я половина XI – 1-я половина XII в.
Железо, дерево, серебро, бронза, камни, стекло;
литье, басма, позолота, скань
Общая длина 101,0 см, длина перекрестья 8,0 см,
ширина ножен 4,0–4,5 см
Найдена на Северном Кавказе
Фонд Марджани, инв. № ИМ/ММ-82
Публикуется впервые

Стальной клинок сабли в деревянных ножнах с металлической обкладкой практически не сохранился. Рукоять сабли изогнута под небольшим углом к заточенной части клинка. Она была деревянная, сохранилась лишь частично, только в тех местах, где дерево было покрыто серебряными обкладками. Именно обкладки рукояти и ножен придают особую художественную ценность этому предмету. Закреплены они на тыльной стороне ножен мелкими гвоздями.

Ножны сабли крепились с помощью двух С-образных скоб. Скобы по внешнему краю обведены сканью, образующей полосу, в которой находятся круглые гнезда для вставок, также выведенные сканью.

У устья ножен расположена пластина, на фронтальной стороне которой изображены два симметрично противопоставленных коня, примыкающих мордами к расположенному на оси симметрии древу жизни с кроной в виде пальметты без центрального лепестка. Кони изображены чрезвычайно своеобразно, задние ноги и хвост заменены трехчастной полупальметтой, имеющей дополнительный завиток. Грива передана завитками, показаны длинные рога, оканчивающиеся трехчастной полупальметтой с завитком на конце переднего лепестка. Лошадиные шеи покрыты начеканенными галочками. Задняя часть туловища заполнена кружками, в центре выгравирована тамга лировидной формы. От нижней челюсти отходят довольно длинные тонкие полосы, оканчивающиеся завитками.

Следующее звено обкладки сделано из серебра, в центре его изображен тигр. Туловище тигра показано в профиль, а морда – анфас. По этому признаку изображение тигра близко каменному рельефу с тигром из Херсонеса, датированному X в. Очень близкое изображение хищника можно видеть на ажурных обкладках ножен сабли из могильника Колосовка, хранящейся в Майкопском музее [Erdélyi 2008. Fig. 147–149]. Фон разделан

227

короткими штришками, как и фон металлических накладок на сумку из Змейского могильника [Кузнецов 1961. Рис. XI, 3; Кузнецов 1995. Рис. 2, б]. Изображение тигра вставлено между двумя разделителями в виде начеканенных вертикальных плетенок из трех звеньев. Такие плетенки довольно широко распространились в XI в. Их можно видеть на крупных наконечниках поясов на востоке Средней Азии [Торгоев 2013. Ил. 6, 1], их же находим и на деталях конской узда из погребения кочевника в Сарайлы-Кият в Крыму [Айбабин 2003. Рис. 51, 1–9, 11–22].

На средней обкладке изображена птица (павлин?), которая по манере изображения довольно близко напоминает птицу на обкладках задней луки седла из катакомбы 14 Змейского могильника (кат. 215).

Изображения зверей, выполненные в абсолютно аналогичной манере, которую условно можно назвать «скелетной», мы можем видеть на остатках попоны (кат. 216), сумочке-амулетницы (кат. 220) и на накладках передней луки седла из того же кургана 14 Змейского могильника (кат. 214).

Рукоять и ножны этой сабли, выполненные в своеобразном стиле, который М. В. Горелик предлагал называть «змеиско-колосовским», характерны именно для культуры алан предмонгольского времени. Нет сомнений в том, что эта сабля была изготовлена в каком-то ремесленном центре Кавказской Алании, вероятнее всего, в ее столице – Магасе. По художественному достоинству сабля практически не уступает знаменитой «сабле Карла Великого».

А. И. Торгоев

227

228

228

228 Накладки седла

Алания
XI – 1-я половина XII в.
Бронза, железо; ковка, гравировка, чеканка, позолота
Максимальная ширина передней накладки 19,5 см,
задней 26,0 см
Найдены на Северном Кавказе
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-272
Публикуется впервые

Бронзовые позолоченные накладки крепились к деревянным лукам железными гвоздиками, часть из которых сохранилась. У передней накладки отсутствуют нижние части, вырезанные из отдельных пластин, – сохранились только фрагменты в местах их стыковки с отверстиями от крепежных гвоздиков или заклепок. Декор представляет собой ленточную плетенку, образующую большие и малые круглые медальоны, расположенные в ряд. В больших медальонах выполнены изображения животных, людей и тамгообразные знаки. Фон снаружи и внутри

больших медальонов заполнен крохотными кружками. На месте малых медальонов – отверстия диаметром 5–6 мм для вставок.

Подобный декор характерен для памятников Северного Кавказа XI – 1-й половины XII в. Реконструируемая форма лук также характерна для седел этого времени.

Наибольшего внимания заслуживают сюжетные клейма в медальонах: в 4 из них заключены антропоморфные изображения, в 9 – животные, в 3 – птицы, в 8 – тамгообразные знаки, из которых 7, вероятно, изображают цветущий побег (дерево жизни). Все они имеют общую основу, но различаются деталями и чередуются с изображениями людей и животных.

На передней накладке в центральном медальоне показана сцена схватки между двумя мужчинами, бородатым и безбородым, а в медальонах слева и справа – оседланные лошади. Этим же персонажам мы видим на задней накладке. По одну сторону от медальона с деревом жизни изображен бегущий безбородый мужчина с саблей в руке, в соседнем медальоне – оседланный

228

конь; по другую сторону – сидящая обнаженная женщина, далее обращенный к ней бородатый мужчина с кубком в руке, за ним конь. Ниже лошадей на передней накладке помещены изображения зайца и птицы, держащей в клюве змею (птица сидит на таком же побеге, как в отдельных медальонах), на задней накладке – заяц и птицы на побегах, на концах – фигуры двух оленей (с рогами и без), а слева от центрального медальона – хищник с загнутыми когтями и хвостом с кисточкой.

Подобные изображения, особенно людей, в оформлении конского снаряжения данного периода очень редки. Ближайшая аналогия – начальник из погребения 5 могильника Андреевская щель. Изображения в трех медальонах на вертикальной втулке (держателе султанчика) начальника буквально повторяют сюжет трех последовательных клейм на задней накладке: тамбовидный побег, обнаженная сидящая женщина, обращенный к ней бородатый мужчина с чашей в руке. Погребение в Андреевской щели датируется 2-й половиной или концом XI – 1-й половиной XII в. [Армарчук 2006. С. 97. Рис. 41, 50].

Образы животных на накладках более всего перекликаются с изображениями на седле из катакомбы 14 Змейского могильника, датируемой серединой XII в. (кат. 214, 215). Этих персонажей в сходной стилистической трактовке мы видим и на других предметах из Змейского могильника: птицу со змеей в клюве – на горите из катакомбы 15, льва – на сумочке и птицы на дереве с плодами и корнями – на попоне (?) из катакомбы 14 (кат. 216, 220) [Кузнецов 1961. Рис. 13, 21. Таб. VIII].

Интересно отметить, что на всех изображениях бородатого персонажа (на данных накладках и начальнике из Андреевской щели) показан круглый наконечник ножен его сабли, хотя размеры фигурок не превышают 2,5 см. Возможно, данная деталь указывает на престижность оружия. Такие наконечники имеются на богато украшенных ножнах сабли из катакомбы 14 Змейского могильника (кат. 213), а в их декоре использован мотив трилистника или пальметты с центральным лепестком-бутоном и боковыми листиками. Побег на накладках и начальнике – варианты этого мотива. На головах мужских персонажей показаны конусовидные шлемы или головные уборы. Такие головные уборы были найдены в нескольких катакомбах Змейского могильника.

Сходный набор животных (птица, змея, похожий на льва хищник) мы встречаем в окруженном плетенкой центральном медальоне на сере-

бряном блюде XI в. из Волжской Булгарии. Блюдо найдено в составе клада у с. Ямгорт Ямало-Ненецкого автономного округа. Возможно, что мастер, изготовивший накладку, был знаком с какими-то предметами болгарской торевтики. По крайней мере, хищник на задней накладке формой шеи, морды, глаз, ушей, лап, двойными поперечными линиями-перехватами на талии и на шее сходен с хищником на болгарском блюде. Общие мотивы прослеживаются также в трактовке схематично переданных бородатых человеческих фигур, и не только с блюдом из Ямгорта (голова, глаз, руки), но и особенно с так называемым «блюдом с сокольником» из Томской губернии, хранящимся в Государственном Эрмитаже. Это серебряное блюдо также предположительно относится к древностям Восточной Булгарии, но X в. Человеческая фигура на этом блюде имеет ряд сходных черт с персонажами на накладках в трактовке головы, тела, ног, а также одежды – показан только пояс и головной убор [Сокровища Приобья 1996. Кат. № 32, 33].

Таким образом, декор накладок, скорее всего, не связан общим сюжетом. В нескольких клеймах, возможно, изображены отдельные персонажи и эпизоды эпического или мифологического цикла. Они вызывают ассоциации с некоторыми сюжетами нартского эпоса, но однозначного соответствия не прослеживается. В большинстве медальонов воспроизведены устойчивые образы-символы, безусловно, также имеющие мифологический подтекст, но связанные с первой группой скорее ассоциативно, чем сюжетно.

По своему сюжету и оформлению бронзовые накладки с медальонами могут быть отнесены к «аланской» группе памятников XI – 1-й половины XII в.

Е. В. Степанова

229

Бутыль

Сирия
XI–XIII вв.
Стекло; выдувание в форму
Высота 16,3 см, диаметр дна 10,0 см,
диаметр устья 2,8 см
Найдена на Северном Кавказе
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-219
Публикуется впервые

Бутыль изготовлена из прозрачного ирризованного стекла способом выдувания в форму. Тулово имеет форму цилиндра, закругляющего-

229

ся у плечиков. В нижней половине тулово украшено декором из вертикальных каннелюр. Узкое высокое горло бутылки слегка расширяется к венчику. В нижней части горла расположен горизонтальный валик. Над валиком горло украшено горизонтальной росписью белой пастой в виде зигзага. Край венчика украшен горизонтальной полосой из белой пасты. Близкими по форме являются бутылка из Борисовского курганного могильника [Армарчук, Дмитриев 2003. С. 220, 264. Табл. 97, 3] и бутылки с декором из капель и нитей синего стекла музея Метрополитен [The Metropolitan Museum of Art Bulletin 2006. Vol. 64. No. 2]. Бутылки такой формы, вероятно, производились в Сирии.

А. А. Чижова

А. И. Торгоев

ВЕНГРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

В Фонде Марджани хранятся раннесредневековые материалы, которые, в числе других предметов более позднего времени, происходят с Северного Кавказа, в основном из окрестностей ст. Баракаевская на р. Губс, Мостовского р-на Краснодарского края, а также из прилегающих к Мостовскому р-ну территорий Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Эти материалы составляют группы, которые можно рассматривать как условный хронологический комплекс и датировать в рамках IX–X вв. Основу комплекса составляют предметы воинской субкультуры: ранговые наборные пояса, украшения узды, вооружение, заметно меньше женских украшений и совсем мало артефактов, связанных с бытовым инвентарем. Так как данные о погребальном обряде отсутствуют, судить об этнической принадлежности населения можно лишь основываясь на данных анализа этого комплекса предметов.

В материалах из окрестностей ст. Баракаевская и прилегающих районов Карачево-Черкесии можно выделить три составляющие: местный кавказский, по-видимому, аланский, субстрат, влияние салтово-маяцкой культуры и большая составляющая, надежные аналогии которой находим в культуре древних венгров.

Поскольку основа условного комплекса связана с вооружением, надо сразу отметить, что сабли подобных форм (кат. 230, 231), использовались на всей территории Хазарского каганата, так же как и древними венграми и аланами. Формы сабель, накладок поясов и пряжек выступают здесь своего рода маркером эпохи, орнамент же дает больше оснований для предположительной этнической атрибуции.

Аланская составляющая выразилась в изображении животных, выполненных в манере (кат. 231, 236), которая позже, в позднеаланский период выльется в узнаваемый стиль, который условно можно обозначить как «змейско-колосовский»; в наличии накладок, оформленных в виде человеческого лица (кат. 240), которые очень напоминают накладки из Дзвигиса; в изображении человеческой фигуры с поднятыми руками (кат. 244). Ассортимент привозных вещей, таких как стеклянные сосуды (кат. 196–198) и шелковые ткани также характерен для аланской культуры (кат. 194) Северного Кавказа.

Второй составляющей следует считать явное влияние салтово-маяцкой культуры. Типичными для памятников хазарского или алано-хазарского населения Подонцовья следует назвать находки кистеня (кат. 232), узкого наконечника копья (кат. 233), комплекса ремennых украшений с двусоставной лирообразной подвеской (кат. 234), перстней с креплением вставки четырьмя лапками (кат. 249). В орнаменте наборных поясов, а именно в использовании типичных мотивов «лотоса», трилистников, также прослеживается хазарское влияние. О том же свидетельствует наличие шумящей подвески (кат. 248), изготовленной в подражание литым образцам, распространенным в культурах древних финно-угров Приуралья и Прикамья, находившихся в орбите влияния Хазарского каганата.

Третья и самая неожиданная составляющая хорошо видна во всадническом снаряжении этого условного комплекса изделий. Она напрямую связана с культурой древних венгров. В данном случае это чрезвычайно интересно еще и потому, что Ибн Фадлан встречал

Сабля в ножнах (кат. 231).
Деталь

Браслет (кат. 247). Деталь

маджгар, которых с известной долей осторожности можно отождествлять с венграми, оставшимися на исторической родине, в Приуралье.

Впервые поисками прародины венгров на Кавказе занялся еще граф Евгений Зичи в 1895–96 гг. Совершенные им два путешествия на Кавказ и знакомство с этнографией кавказских народов дали ему возможность предположить родство венгров и черкесов. В XX в. эта гипотеза мало рассматривалась специалистами, в том числе венгерскими учеными, занимавшимися поиском прародины венгров, как не имеющая прямых доказательств. Идея о венгерском следе на Кавказе, однако, не была забыта. Проф. Иштван Эрдейи в своей монографии 2008 г. снова недвусмысленно высказался о возможности нахождения следов венгров на Кубани. Основанием послужил ряд артефактов, которые были найдены в средневековых погребениях Прикубанья. Но материалы, на которые опирался И. Эрдейи, нельзя однозначно связывать с венграми, большинство из приводимых им вещей довольно уверенно соотносится со средневековой аланской культурой.

Венгерский компонент хорошо просматривается в орнаменте ременных гарнитур и сабель (кат. 230, 231, 235, 236, 238, 242, 243, 246), а также в наличии своеобразных металличе-

ских накладок на седло (кат. 245), известных только в памятниках древних венгров.

Исследователи уже отмечали, что специфические наборные пояса и другие предметы снаряжения всадника, имеющие аналогии в венгерских древностях, фиксируются в разных регионах Восточной Европы. Это может быть связано с существованием специфической воинской культуры, сложившейся под влиянием венгерской «моды» [Зеленцова, Митоян, Сапрыкина 2012. С. 60]. Не зная деталей погребального обряда, сложно с уверенностью объяснить появление вещей венгерского облика на Северном Кавказе следствием этой моды в воинской культуре. Наличие специфической орнаментации, не характерной ни для хазарской, ни для аланской составляющей, дает возможность предположить существование в Прикубанье какой-то группы венгерского этноса, который взаимодействовал с местным населением. Важно отметить, что в хорошо изученных аланских катакомбных могильниках Осетии влияние венгерской составляющей значительно меньше и проявляется только в наличии узелкового бордюра у ременных украшений, как, например, на предметах из катакомбы 1 могильника Кобан [Хайнрих 1994. Табл. XXVIII].

Накладка на лук седла (кат. 245)

230

230

Сабля в ножнах

Юг Восточной Европы

2-я половина IX – 1-я половина X в.

Сталь, серебро, бронза, дерево; ковка, выколотка, литье, гравировка. Оригинальные детали рукояти, скобы и обкладки ножен закреплены при реконструкции сабли М. В. и А. В. Гореликами на современную основу из дерева, обшитого кожзамениателем.

Общая длина клинка с рукоятью 80,5 см, ширина перекрестия 9,0 см

Найдена в окрестностях ст. Баракаевская

Мостовского р-на Краснодарского края

Фонд Марджани, инв. № ИМ/ММ-78

Публикуется впервые

Металлические детали сабли сохранились практически полностью. Ручка довольно сильно изогнута по отношению к слегка изогнутому клинку (при реставрационных доделках изгиб был вычислен по направлению черенка). Ножны и рукоять доделаны из дерева и обшиты кожзамениателем. Перекрестье железное, прямое, на концах имеет ромбовидные уширения. В центре перекрестья с фронтальной стороны имеется выпуклая пирамидка, квадратная в плане.

Головка (навершие) сабли сделано выколоткой, имеет грушевидную форму и сплошь покрыто гравированным орнаментом. Основным элементом орнамента являются четырехлепестковые розетки. Между заостренными лепестками розеток вставлены дополнительные четверти кружков с точкой в центре. Фон покрыт мелкими галочковидными насечками.

На рукояти с узкой внутренней боковой поверхности, направленной к противнику, закреплены три отдельные бляшки-шипа, предотвращающие скольжение рукояти в руке. В плане, основа этих шипов напоминает четырехлепестковую розетку, на поверхностях нанесен гравированный орнамент в виде трилистника.

Место, где рукоять подходит к перекрестью, скрыто серебряной муфтой, необходимой для лучшего стыка рукояти и перекрестья. Муфта, имеющая выступающий мысик в середине, покрыта орнаментом в виде трилистников, направленных вершинами друг к другу.

Аналогичная муфта имеется и на ножнах, только здесь она украшена орнаментом в виде пальметт с прямыми вытянутыми лепестками. Ножны крепились к портупее с помощью двух серебряных С-видных скоб, приделанных к деревянной основе, к которой с обратной стороны крепилась петля для подвешивания. Основа сохрани-

лась лишь частично. С фронтальной стороны, в центре ограниченного скобами пространства, закреплены бляшки в виде животного. Оно показано лежащим с вытянутыми передними и задними ногами. Видовую принадлежность животного нельзя определить однозначно, более всего оно походит на кабана. Ножны имеют на вершине в виде бронзового колпачка несколько удлиненной формы.

Сабли такого типа были весьма распространенным оружием всадников Хазарской эпохи [Комар, Сухобоков 2000]. Близкой аналогией является сабля из катакомбы 1 Салтовского могильника [Мерперт 1955. С. 134–136. Рис. 1, 3–5]. Отделка рукояти и ножен серебром, безусловно, удорожала это оружие, и им явно могли пользоваться только богатые или именитые воины. Судя по богатству серебряной отделки, сабля из Баракаевской могла быть инсигнией и тоже принадлежала отнюдь не рядовому воину. В качестве датирующего, а в какой-то мере и этнического индикатора выступает орнамент. На головке сабли изображены четырехлепестковые розетки, совершенно идентичные изображенным на накладке поясной сумочки (кат. 251). Этот элемент орнамента неизвестен на вещах салтово-маяцкой культуры, как и культуры алан. Зато именно такие четырехлепестковые розетки можно видеть на венгерских круглых литых ремных накладках, украшенных по краю узелковым бордюром. Последние найдены в инвентаре Танкеевского могильника в Прикамье [Казиков 1972. С. 162–163. Рис. 1, 1, 5], могильника Уелги в Зауралье [Грудочко, Боталов 2013. С. 129, 130. Рис. 22], средневековых погребений Башкирии [Мажитов 1977. Табл. I, 211], а также погребений эпохи обретения родины непосредственно в самой Венгрии [Ancient Hungarians 1996]. Но орнамент на муфте и скобах имеет прямые аналогии в материалах поздней стадии салтово-маяцкой культуры. Таким образом, здесь явно отразились две орнаментальные традиции: венгерская и та, которую можно условно назвать хазаро-аланской. Очевидно, что сабля была сделана мастером, знавшим обе традиции и, вполне вероятно, происходившим из венгерской или смешанной алано-венгерской среды.

А. И. Торгоев

230

231

231

Сабля в ножнах

Юг Восточной Европы
2-я половина IX – 1-я половина X в.
Сталь, золото, серебро, дерево; ковка, выколотка, литье, гравировка, аппликация. Оригинальные детали рукояти, скобы и обкладки ножен закреплены при реконструкции сабли М. В. и А. В. Гореликами на современную основу из дерева, обшитого кожзамениателем. Клинок оригинальный, находится отдельно
Общая длина 89,5 см, ширина ножен 3,2 см, длина перекрестья 10,6 см
Найдена в окрестностях ст. Баракаевская Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/ММ-74/2а-с.
Публикуется впервые

Настоящая сабля очень близка предыдущей сабле (кат. 230). На грушевидную головку рукояти, отлитую из двух половин, нанесен гравированный орнамент в виде сложной пальметты с широко расходящимися крупными внешними лепестками, которые оканчиваются загнутыми внутрь волютами. По внешнему абрису лепестки разделаны мелкими штришками. Пространство между этими лепестками занято центральным стволом, образованным схождением трех треугольников имеющих овальное завершение. Пальметта вырастает из направленного вниз трилистника с округлыми лепестками. Такой орнамент, особенно широко расходящиеся листья пальметты, разделанные по внешнему краю штришками, имеет прямые аналогии в своеобразном стиле орнаментации вещей, сложившемся у древних венгров уже на территории современной Венгрии. В степной полосе Восточной Европы образцы этого орнамента крайне редки.

Железное перекрестие покрыто тонкой аппликацией, с фронтальной стороны золотой, с тыльной – серебряной. С фронтальной стороны из золотого листочка вырезан орнамент в виде древовидного побега с отходящими от него ветвями, оканчивающимися овальными листьями. На концевых расширениях перекрестия читается сложный тонкий узор из центрального листа с отходящими от него в обе стороны боковыми листочками. Кроме того, на фронтальной стороне изображен лежащий лев или тигр, по стилю очень напоминающий венгерские изображения. С тыльной стороны из серебряного листа вырезан орнамент в виде цепочки эллипсов, в центре которых мелким пунсоном просечены отверстия, образующие розетки. На концевых

231

расширениях перекрестия цепочка эллипсов оканчивается стилизованным изображением трехлепесткового цветка, от боковых лепестков которого отходит по тонкой ветке с мелким трилистником на конце.

Орнаментация сабли кажется совершенно чуждой салтово-маяцкой культуре и имеет больше точек соприкосновения с орнаментами древних венгров. Возможно, что эта сабля (как и сабля кат. 230) была сделана и использовалась в смешанной алано-венгерской среде.

А. И. Торгоев

232

232

Кистень

Юг Восточной Европы
VIII–X вв.
Бронза, кожа, железо; литье,ковка
Диаметр 4,2 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-101/11
Публикуется впервые

Шаровидный кистень со сквозным продольным отверстием отлит по утраченной восковой модели. Из отверстия торчат куски ремня, крепившегося на деревянной ручке. В кистене ремень удерживался следующим образом: его продевали сквозь отверстие в железном сердечнике, который был вставлен в сквозное отверстие кистеня. Торце сердечника, выходящий с задней стороны бронзовой отливки, был раскован. Кистени такого типа имели распространение по всей территории салтово-маяцкой культуры [Комар, Сухобоков 2000. Рис. 2, 18–22].

А. И. Торгоев

233

233

Наконечник копья

Юг Восточной Европы
VIII–IX вв.
Железо;ковка
Длина 26,7 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-101/2
Публикуется впервые

Узкие четырехгранные наконечники копий такой формы нельзя считать распространенным оружием в среде населения Хазарского каганата, но их находят практически по всей территории распространения салтово-маяцкой культуры и в культурах, находившихся под ее влиянием [Комар, Сухобоков 2000. Рис. 3, 49–51]. Предназначались они для поражения противника, защищенного доспехом: узкое перо лучше, чем широкое, раздвигало кольца кольчуги или пластинки панциря.

А. И. Торгоев

234

Детали ременного гарнитура

Юг Восточной Европы
IX – 1-я половина X в.
Бронза; литье
Пряжка: макс. длина 3,7 см, макс. ширина 3,0 см;
двусоставная антропоморфная подвеска:
длина макс 6,5 см, ширина макс. 3,2 см;
обойма: 2,4 × 1,8 см; круглая накладка: диаметр 2,4 см;
серповидная подвеска со львом: длина 3,3 см,
высота 2,2 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/К-101/6
Публикуется впервые

В этом наборе наибольший интерес представляет антропоморфная подвеска. В салтово-маяцкой археологической культуре, которая обычно представляется как культура населения Хазарского каганата, распространены двучленные поясные подвески. Обычно они состоят из лировидного тела подвески с прорезью в центре, приемником для продевания ремешка наверху и отверстием внизу, куда вставляется ось свободно вращающейся привески в виде округлой рамки, часто фестончатой [Плетнева 1967. Рис. 44, 62; Плетнева 1994. Рис. 53, 4]. Подвески такого типа известны во всем ареале салтово-маяцкой культуры, а также в культурах народов, подвластных Хазарскому каганату или находившихся под его влиянием [Ковалевская 1972. Рис. 4, 21, 22]. Одна такая подвеска найдена даже в Чуйской долине [Байпаков, Горячева, Терновая 2007. Рис. 64].

На теле подвески и на привеске нетрудно различить стилизованные антропоморфные изображения. Если подвеска крепилась к поясу, как и все подвески такого типа, с помощью ремешка, продеваемого в приемник наверху, то антропоморфные персонажи оказывались направленными головой вниз, что довольно странно. Но, видимо, так она и носилась, ведь если бы ремешок крепился к рамке привески, он неминуемо закрыл бы лицо персонажа на рамке, а приемник был бы и вовсе не нужен.

Антропоморфное изображение с двумя кубками (?) на привеске по стилю довольно близко изображению на ременной накладке (кат. 244). У этих двух существ, безусловно, есть символическое значение, но о нем, к сожалению, можно лишь догадываться.

Вторая подвеска имеет основу серповидной формы, вместе с которой отлит прямоугольный приемник для продевания ремешка. Очевидно, подвеска использовалась для крепления на под-

234

весных ремешках пояса какого-то предмета, сделанного из органических материалов. На лицевой стороне подвески литое изображение хищника с поднятым хвостом и крупной мордой, сделанное в манере, характерной для степного прикладного искусства хазарской эпохи.

На круглой бляшке, состоящей из двух дисков, на лицевой стороне изображена птица, очевидно, утка, держащая в клюве стилизованную нить жемчуга. Этот мотив почти несомненно заимствован из рисунка тканей, поставившихся на Кавказ из Византии и с Ближнего Востока.

Пряжка обычна для IX–X вв. и не имеет каких-либо индивидуальных особенностей. Прямоугольная обойма выгнута из бронзовой пластинки. Такие обоймы неподвижно крепились на основном ремне: их вставляли в горизонтальную прорезь посередине ремня, а их концы загибали. Обоймы этого типа характерны для поясов, распространенных в культуре алан IX–X вв., и чаще всего встречаются в катакомбных могильниках Чечни и Осетии.

А. И. Торгоев

235

235

Детали поясного набора

Юг Восточной Европы
1-я треть X в.

Серебро; литье, позолота

Пряжка: длина 5,7 см, ширина 2,8 см;

семиугольные накладки: высота 1,8 см, ширина 2,3 см;

сердцевидные накладки: длина 2,2 см, ширина 1,8 см;

поясной наконечник: длина 3,6 см, ширина 1,8 см

Найдены в окрестностях ст. Баракаевская

Мостовского р-на Краснодарского края

Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-101/2

Публикуется впервые

Настоящий поясной набор был выделен из скопления деталей ременных гарнитур на основании схожести форм изделий и орнамента, а также наличия позолоченного фона. В этом скоплении были еще более грубо отлитые накладки, аналогичные по форме семиугольным и щитковидным накладкам, но без позолоты. В Венгрии известны пояса, происходящие из комплексов погребений эпохи обретения родины, где в составе набора присутствовали и золоченые, и не золоченые накладки. Поэтому, теоретически, накладки без золочения могли входить в состав этого же набора. Пояс с сохранившейся кожаной основой демонстрирует большее количество как полукруглых, так и сердцевидных накладок (ср. кат. 239). Таким образом, речь идет лишь о приблизительной реконструкции набора; реальный состав гарнитура достоверно установить уже нельзя.

В состав набора входят накладки двух типов. Первый представлен – восемью полукруглыми накладками с выступающими полукружиями бордюра. В нижней части пяти накладок имеются прорезы овальной формы. Фон всех восьми накладок позолочен. Основу орнамента составляет сложная фигура, симметрично развернутая в обе стороны относительно центра. Она состоит из нескольких элементов и более всего напоминает стилизованное изображение птицы

с непропорционально большим клювом и маленькими крыльями. Над головой «птицы» изображен полукруг с V-видным вырезом в нижней части, который можно принять за хохолок. Орнамент заключен в рельефную рамку из повторяющихся кружков и овалов – так называемый узелковый бордюр.

Второй тип представлен десятью накладками – удлинненно сердцевидной формы с полукруглым вырезом вверху. Они близки к первым орнаменту, но в основе его лежит пальметта с пятью лепестками, центральный каплевидной формы. Между верхними и центральным лепестками пальметты прорастает по фигуре, состоящей из трех элементов, расположенных один над другим. Внизу расположен каплевидный элемент, над ним – полукруг с V-образным вырезом внизу, и венчает этот мотив стилизованная головка птицы с выступающим коротким клювом и вырезом внизу. Фон всех накладок этого типа позолочен.

Накладки отлиты довольно небрежно, элементы орнамента зачастую не разделены, не целиком симметричны.

Столь подробное описание орнамента обоих типов накладок продиктовано его своеобразием. «Составной», из разных элементов, мотив, отдаленно напоминающий птицу, является, вероятнее всего, фантазией мастера, вызванной необходимостью сделать для заказчика эксклюзивный набор. Однако обращение к пальметте, одному из излюбленных мотивов в украшениях изделий из цветного металла у кочевников Восточной Европы, свидетельствует о том, что мастер происходил из их среды.

Поясной наконечник украшен по ярусной схеме. В верхнем ярусе из двух волют, верхние отростки которых оканчиваются мелкими трилистниками, образуется ствол древовидного побега. В среднем ярусе он раздваивается и формирует ромб, куда вписана пальметта; ее нижние лепест-

ки крупнее верхних и закручены в половину оборота. В нижнем ярусе вершину ромба венчает практически аналогичная пальметта. От стволов древовидного побега отходит по завитку с тремя мелкими кружками на конце – по сути, мелким трилистником с круглыми лепестками.

Для определения даты особую важность имеет пряжка. Самой прямой аналогией, буквально до полного сходства в элементах орнамента и форме, является пряжка пояса из погребения 61 могильника Карош II в верховьях р. Тисы [The Ancient Hungarians 1996. P. 103. Fig. 37]. Еще одна аналогичная по форме и орнаменту пряжка известна в п. 11 могильника Карош III [Там же P. 104. Fig. 38]. Более, нигде не удалось найти аналогичный орнамент для пряжек, тогда как форма их распространена чрезвычайно широко: от Урала до Дуная. Прямые аналогии орнаменту пряжки дают полное основание датировать набор в рамках 1-й трети X в., синхронно погребениям в Венгрии.

А. И. Торгоев

236

Детали поясного набора

Дальний Восток, перемонтировка и дополнения – Северо-Западный Кавказ

IX–X вв.

Серебро, перламутр; литье, позолота, прессовка, пайка

Пряжка: длина 4,47 см, ширина 1,8 см;

перламутровые накладки: высота 2,2 см, длина 1,8 см;

серебряные накладки: высота 1,8 см, ширина 2,2 см;

поясной наконечник: длина 5,9 см, ширина 1,9 см

Найдены в окрестностях ст. Баракаевская

Мостовского р-на Краснодарского края

Фонд Марджани, инв. ИМ/М-101/3

Публикуется впервые

Настоящий поясной набор дошел до нас явно в неполном виде. Он состоит из пряжки, поясного наконечника, пяти частично фрагментированных прямоугольных накладок с прорезью внизу, выточенных из перламутра, и трех накладок аналогичной формы, отлитых из серебра. Поясные перламутровые накладки найдены в Восточной Европе впервые. По всей видимости, они делались в странах Дальнего Востока, где известны их находки.

Очевидно, что первоначально пояс был украшен только перламутровыми накладками, но их набор был уже не полон, когда он перешел к последним владельцам. Уже в их среде

235

236

перламутровые накладки были перемонтированы на новый ремень и дополнены серебряными деталями.

Серебряные прямоугольные накладки в точности повторяют размеры перламутровых.

На пояском наконечнике, изготовленном пресовкой, изображен кошачий хищник, туловище его показано в профиль, а голова – анфас. Поза хищника, крупная голова с круглыми глазами и круглыми же ушами весьма близки изображениям хищника на ножнах сабель Кавказской Алании 2-й половины X – XII в. (см. кат. 227; [Erdélyi 2008. Fug. 147]). Очевидно, что изображение на пояском наконечнике, более грубое и лишенное специфических декоративных элементов оформления, предшествует по времени известным изображениям на ножнах сабель.

На щитке шарнирной литой пряжки нанесен орнамент в виде трилистника, каплевидные листья которого расходятся от центрального ствола под прямым углом. В промежутки между центральным и боковыми лепестками вставлено по мелкому трилистнику с округлыми лепестками на относительно длинном стволе. Такая усложненная форма трилистника относится, как показала Н. А. Фонякова, к поздней стадии развития орнамента салтово-маяцкой культуры и в целом может быть датирована в рамках IX – начала X в. Этот своеобразный прием оформления характерен и для поясов венгерской группы.

Интересно, что последние владельцы пояса, осознавая ценность перламутровых накладок, которые являлись показателем высокого социального статуса первого владельца пояса, дали им новую жизнь, перемонтировав дорогие накладки на новый ремень и дополнив весь набор серебряными деталями. Этот пояс – свидетельство существования в степной Евразии определенной моды на воинские ранговые регалии, среди которых пояса занимали едва ли не главное место. Мода на пояса с прямоугольными бляхами «общетюркского» типа существовала с VIII по конец X в. на территории от Амура до Дуная.

А. И. Торгоев

237

Детали поясного набора

Юг Восточной Европы
IX – 1-я половина X в.

Бронза, серебро; литье

Наконечник ремня: длина 4,9 см, ширина 1,9 см; треугольные листовидные накладки: длина 3,8 см, ширина 1,9 см; накладки арочной формы: высота 2,1 см, ширина 2,0 см; щитковидные накладки: высота 1,9 см, ширина 1,6 см; наконечники боковых ремешков: длина 3,3 см, ширина 1,7 см
Найдены в окрестностях ст. Баракаевская Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-101/5
Публикуется впервые

Набор интересен прежде всего формами предметов, а также тем, что часть одинаковых деталей сделана из серебра и бронзы. Нет сомнения, что и бронзовые, и серебряные накладки отливали в одних формах. К началу изготовления комплекта было ясно, что серебра не хватит, и некоторые детали сразу планировались как бронзовые.

В состав гарнитуры входят семь накладок щитковидной формы, три из которых бронзовые, а остальные серебряные. Накладки арочной формы с пятиугольной прорезью внизу представлены четырьмя серебряными и одной бронзовой. Удлиненные накладки с овальным окончанием и полуовальным вырезом сверху – двумя серебряными и тремя бронзовыми. Парные треугольные накладки с вырезами – пятью комплектами, из которых два серебряные и три бронзовые, как и в случае с удлиненными накладками. Все накладки в наборе прорезные, что не характерно для ременной гарнитуры хазарского времени.

Бросается в глаза, что все накладки, кроме мелких щитковидных, представлены в пяти экземплярах или комплектах. Вероятно, это мог быть практически целиком сохранившийся набор, в котором утрачена только пряжка.

237

О том, что это мог быть именно поясной набор, а не набор накладок на узду, свидетельствует единственная известная аналогия, где присутствуют как арочные накладки, так и накладки треугольной формы, – находка из погребения 7 кургана 1 Калиновского могильника недалеко от Волгограда [Шилов 1959. Рис. 70]. Очевидно, что набор может быть датирован в пределах IX–X вв., так как уже к XI в. щитковидные накладки выходят из употребления по всему степному поясу.

Сами формы накладок, за исключением треугольных листовидных, принадлежат к вариациям широко известных. Интерес представляет наличие прорезной орнаментации. Особенно на накладках арочной формы, прорезной орнамент которых явно антропоморфный, в нем нетрудно увидеть стилизованное изображение человеческого лица.

А. И. Торгоев

238 Поясной набор

Юг Восточной Европы
IX – 1-я половина X в.
Бронза; литье
Пряжка: длина 6,1 см, ширина 1,9 см;
овальные накладки: ширина 2,9 см, высота 2,1 см;
щитковидные накладки: длина 2,0 см, ширина 1,8 см;
поясной наконечник: длина 4,4 см, ширина 1,9 см
Найден на Северном Кавказе
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-71/1
Публикуется впервые

Поясной набор дошел до нас, очевидно, в неполном комплекте: в целых гарнитурах обычно бывает больше накладок. Пряжка пояса литая, шарнирная, щиток по краю украшен рельефным бордюром, представляющим собой чередование круглых и овальных звеньев (узелковый бордюры). В центре щитка изображен пегас, аналогичный пегасам на деталях ремennых гарнитур Больше-Тиганского могильника древних венгров в Прикамье [Халикова 1976. Рис. 4, 8; 12].

Овальные накладки с прорезью внизу и рельефной каймой из мелких «перлов» по краю интересны прежде всего изображением лучника, стреляющего из положения сидя повернувшись назад. Правое колено стрелка поднято выше левого, в левой руке зажат лук, правая до упора натягивает тетиву. Изображение отлито в грубо сделанной форме: голова стрелка несоразмерно большая, руки кажутся длинными, туловище несоразмерно рукам и ногам короткое. Близкой аналогией является изображение лучника на бортике ковша из Коцкого городка [Фонякова 2010. Рис. 40, 1]. Сидящие лучники обычно изображались стреляющими вперед [Там же. Рис. 40, 4, 7, 12, 13], здесь же лучник показан так, как чаще изображались конные стрелки из лука. Из наиболее близких территориально и хронологически следует назвать изображения всадников на накладках из Тарского катакомбного могильника

238

в Северной Осетии [Габуев 2005. Кат. № 119]. Любопытно, что последние удивительно близки по стилю и деталям изображения к бронзовым накладкам на луку седла из Копенского чаа-таса на Енисее [Евтюхова, Киселев 1940. Табл. VI]. Образ конного лучника, стреляющего назад, вне сомнений, восходит к традициям искусства древних иранских народов. Прямые прототипы изображений на накладках из данного набора можно видеть в торовитке Сасанидского Ирана [Тревер, Луконин 1987. С. 54–64].

Поясной наконечник имеет орнамент в виде побега, образующего столбец из трех кругов, в которые вписано по трилистнику.

Для датировки пояса большую важность имеют щитковидные накладки с небольшими вырезами на углах щитка. Их орнамент представляет собой древовидный побег с пятью лепестками – фактически разновидность пальметты. Такая форма накладок и орнамент не характерны для щитковидных накладок в степном поясе. Абсолютные аналогии нашлись в Венгрии, в материалах могильника Реткозберенс (погребение 14) [The Ancient Magyars 1996. P. 167. Fig. 4]. Последнее твердо датируется в рамках первой половины X в., что дает возможность предложить схожую дату для данного пояса. Перечисленные близкие аналогии найдены в памятниках, связанных с древними мадьярами, и вполне возможно, что пояс мог быть изготовлен в их среде.

А. И. Торгоев

239 Поясной набор

Юг Восточной Европы
IX – 1-я половина X в.
Серебро, кожа; литье, позолота
Общая длина 146,0 см, ширина 2,8 см
Найден на Северном Кавказе

239

Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-130
Публикуется впервые

Набор сохранился целиком и состоит из пяти обрывков ремня, при реставрации дублированных на современную кожаную основу. В состав набора входят накладки арочной формы с прорезью внизу, сердцевидные накладки, шарнирная пряжка и поясной наконечник. Все детали набора, исключая поясной наконечник, украшены полупальметтами, расположенными вдоль бортов деталей; концы полупальметт направлены навстречу друг к другу. Такое оформление полупальметт не характерно для ремennых гарнитур как аланской, так и салтово-маяцкой культуры, но известно на серебряных сосудах – еще одно свидетельство того, что ремесленники, производившие сосуды, занимались и изготовлением ремennой гарнитуры.

А. И. Торгоев

240

240 Поясные накладки

Северный Кавказ
IX–X вв.
Белый металл; литье, позолота
Высота 2,2 см, ширина 2,1 см
Найдены в Краснодарском крае
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-299
Публикуется впервые

Прямоугольные ажурные накладки, очевидно, из поясного набора, по краю украшены узелковым бордюром. В центре каждой изображена человеческая голова в шапке с закрученными полями, из под которой свисают длинные волосы. Лицо узкое, рот показан как будто открытым, нос крупный, глаза показаны выпуклыми точками. Настоящее изображение практически не находит аналогий среди памятников торевтики малых форм в степном поясе Евразии. Ближе всего к нему стоят изображения на накладках из могильника Даргавс. Отсутствие полного комплекта накладок этого пояса и какой-либо надежной связи с фольклором народов Кавказа и их соседей не позволяют обоснованно интерпретировать изображение.

А. И. Торгоев

241

241 Поясной наконечник

Хазарский каганат
IX–X вв.
Серебро; литье
Длина 2,9 см, ширина 1,4 см
Найден в Краснодарском крае
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-292
Публикуется впервые

Изображение птицы с распростертыми крыльями выполнено в манере, типичной для изделий Хазарского каганата, и находит довольно много параллелей на большой территории. На оборотной стороне наконечника нанесен растительный орнамент в традициях салтово-маяцкой культуры.

А. И. Торгоев

242

242 Ременные накладки

Юг Восточной Европы
IX–X вв.
Белый металл; литье, позолота
Длина 1,5 см, высота 1,2 см

243, 244

Найдены в Краснодарском крае
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-288
Публикуется впервые

Настоящие накладки интересны прежде всего изображением грифона, которое было чрезвычайно популярно в античности и эллинизме, а в средневековье встречается редко. По стилю оно напоминает изображения пегасов на ременной гарнитуре Больше-Тиганского могильника [Chalikowa, Chalikow 1981. Taf. XIX, 8].

А. И. Торгоев

знаком такого стиля следует считать, кроме сидячей позы животного, переданную короткими насечками гриву. Еще из аналогий следует назвать бляшки с изображением льва из погребения 378 Танкеевского могильника [Казаков 1972. Рис. 1, 3], а также накладки пояса из погребения 6 Больше-Тиганского могильника [Chalikowa, Chalikow 1981. Taf. V, 9].

А. И. Торгоев

243 Ременные накладки

Юг Восточной Европы
IX–X вв.
Белый металл; литье, позолота
Длина 2,0 см
Найдены в Краснодарском крае
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-291
Публикуется впервые

Накладки сердцевидной формы по краю украшены узелковым бордюром, в поле их изображен сидящий лев. Территориально ближайшую аналогию позе животного можно видеть на скобах сабли кат. 230, а прямые аналогии стилю изображения – на накладках женской узды из могильника Кенезло в Венгрии [The Ancient Hungarians 1996. P. 155. Fig. 6]. Характерным при-

244 Поясной наконечник

Северный Кавказ
2-я половина IX – 1-я половина X в.
Бронза; прессовка
Длина 4,5 см, ширина 2,1 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-101/4а
Публикуется впервые

Поясной наконечник имеет овальное окончание. Все поле изделия занято изображением человеческой фигуры, стоящей анфас к зрителю и одетой в длиннополый кафтан или халат, покрывающий сапоги до голени. Детали изображения смазаны, но отчетливо видно, что это человек с поднятыми вверх руками и как будто бы держащий в них какие-то предметы овальной формы. К поясу человека наклонно подвешен меч или прямая сабля.

245

В аланской среде человеческие изображения встречаются чаще, чем у других народов, подвластных Хазарскому каганату или находившихся под его влиянием. Близкими аналогами являются поясные наконечники из могильника Дуба-Юрт в Чечне [Мамаев, Савенко 1988. Рис. 3, 30] и Дзивгис в Северной Осетии [Ковалевская 1981. Табл. 61, 19], которые хорошо датируются в рамках IX–X вв. Однако на них изображены танцовщицы, без оружия, с поднятыми вверх руками. Очевидно, что столь крупно показанная здесь сабля имела какой-то смысл для и мастера, и для окружающих. Не исключено, что в данном случае изображен танцующий мужчина, однако надежных оснований для доказательной интерпретации этого изображения нет.

А. И. Торгоев

245 Набор накладок на луки седла

Юг Восточной Европы
1-я половина X в.
Серебро, позолота; ковка, гравировка
Самая крупная: длина 7,0 см, ширина 2,9 см;
самая мелкая: длина 3,9 см, ширина 2,5 см
Найден в Карачаево-Черкесии
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-203
Публикуется впервые

Набор накладок на седло состоит из 13 целых и двух фрагментов серебряных накладок в форме удлиненного пятиугольника. На всех накладках имеются изображения, они парные (очевидно, изделия предназначались для двух луков), изображения пегасов представлены четырьмя.

Само по себе украшение краев седла металлическими набивными накладками встречается у евразийских кочевников довольно редко [сводка: Мурашева 1998. С. 24].

На самых крупных накладках изображена тонкая, сильно удлиненная женская фигура с широкими плечами, очень узкой талией и непропорционально длинными ногами. Женщина

245

одета в кофту с длинными рукавами, заправленную в длинную юбку до щиколоток, у которой показан центральный шов, расходящийся у подола в обе стороны. Женщина изображена в танце: она стоит на цыпочках, голова ее неестественно запрокинута назад, ноги слегка согнуты в коленях. В руках танцовщицы зажат развевающийся над головой шарф, длинные концы которого складками спадают вниз, доходя практически до пят.

Выполнено изображение местным гравером, происходящим из среды мастеров Хазарского каганата, однако навеяно. Вне сомнения, знакомством с византийскими изображениями. Удлиненная фигура танцовщицы с шарфом над головой наиболее близка фигурам танцовщиц на золотых с перегородчатой эмалью пластинах короны Константина Мономаха. Последняя была изготовлена в императорской мастерской между 1042 и 1050 гг. и хранится в Венгерской национальной галерее в Будапеште [Даркевич 1975. С. 177. Ил. 270]. В. П. Даркевич видит в формировании образа стройной танцовщицы явные восточные черты, указывая на прототипы в живописи халифского дворца в Самарре [Там же. С. 178]. Однако, нельзя отрицать и того, что образ танцу-

ющей с шарфом явно восходит к античной традиции. В качестве одного из прототипов могут рассматриваться изображения полуобнаженных танцовщиц с шарфом на серебряном позднеэллинистическом или раннесасанидском кубке из Бартыма [Бадер, Смирнов 1954. С. 11–12. Рис. 4; Голдина, Пастушенко, Черных 2011. Рис. 86].

Пегасы изображены на накладках четырьмя. По декоративному оформлению эти накладки разделяются на два варианта. В первом варианте перед мордой коня, наверху накладки, выгравирован трилистник с приостренными лепестками. Накладки второго варианта отличаются тем, что крупный трилистник заменен тремя мелкими с округлыми лепестками. По манере изображения они находят прямую аналогию на накладке из Больше-Тиганского могильника [Халикова 1976. Рис. 4, 8; 12].

Волк показан подчеркнито худым, ноги его, как и ноги пегасов, изображены сдвоенными. Декор пластинок с изображением волка характеризуется наличием мелких трилистников с округлыми лепестками.

Птица кажется крупной, на головке ее показан хохолок, клюв немного загнут, хвост большой,

напоминает изображение хвоста птицы на накладках седла из катакомбы 14 Змейского могильника (кат. 214, 215). По облику птица близка дрофе, но точно определить видовую принадлежность не представляется возможным.

При реконструкции расположения накладок на луках седла можно ориентироваться на следующие факты:

- все накладки с изображениями живых существ парные, за исключением одного фрагмента с пегасом;
- общим в изображении животных является то, что все они показаны движущимися влево;
- накладки не совпадают по размеру, самые крупные – с изображениями танцовщиц, самые мелкие – с изображениями павлинов.

Очевидно, что крупные накладки могли находиться в самой верхней части седла, следовательно, к краям размер накладок должен мельчать. В расположении накладок, в силу того что изображения парные, была какая-то симметрия. Если разложить накладки на предполагаемой луке седла, получится следующая картина: в самом широком месте луки, в центре, крепятся накладки с изображениями танцовщиц; прочие накладки расходятся от них в разные концы луки, от большего размера к меньшему; крайними, таким образом, оказываются накладки с птицей. Подтверждением нашей гипотетической реконструкции служат, во-первых, тот факт, что все накладки ориентируются острым концом пятиугольника внутрь, а во-вторых – находки совершенно аналогичных по форме накладок с остатками деревянных луков двух седел на могильнике Карош II в верховьях Тисы [Révész 1996. Tab. 71, 83]. Еще известно всего два случая нахождения седельных накладок в форме вытянутого пятиугольника. Остатки одного комплекта обнаружены среди вещей «венгерского облика» из клада X в., сокрытого на городище Супруты в Тульской области [Мурашева 1998. С. 24–25. Рис. 31], а второй зафиксирован на остатках луки седла в кургане 3 могильника Ишимбай в Башкирии [Мажитов 1977. Табл. I, 235]. Накладки из этих двух комплектов покрыты изображениями животных в стиле, близком описываемым. Прямые аналогии в Венгрии и на памятниках Приуралья, связанных с древними венграми, дают основание считать украшение седел накладками такой формы одним из этнических маркеров культуры древних венгров. Реконструируемое седло по форме луков близко седлу из Змейского могильника (кат. 214, 215).

А. И. Торгоев

246

246 Перстень

Юг Восточной Европы
IX–X вв.
Бронза; литье
Диаметр 1,8 см, щиток размером 1,3 × 1,2 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-101/8/2
Публикуется впервые

На плоском щитке литого перстня выгравировано изображение пятиконечной звезды. Перстни с изображением пятиконечной звезды известны у венгров [The Ancient Hungarians 1996. P. 254. Fig. 25; P. 249. Fig. 58] и в Херсонесе, в слое X–XII вв [Наследие византийского Херсона 2011. Кат. № 479]. Изображение пентаграммы встречается на средневековых бытовых предметах и иногда на украшениях, но нет оснований видеть в нем какой-либо сакральный смысл. Вероятнее всего, в данном случае звезда выступает личной тамгой владельца перстня.

А. И. Торгоев

247

247 Пара браслетов

Юг Восточной Европы
VIII–X вв.
Бронза, серебро; литье, кручение, пайка, плакировка
А – макс. диаметр 7,4 см, длина головок змей 1,6 см, ширина головок змей 0,9 см, длина муфточек 0,5 см;
В – макс. диаметр 7,7 см, длина головок змей 1,6 см, ширина головок змей 0,9 см, длина муфточек 0,5 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-101/7
Публикуется впервые

Браслеты свиты из трех проволок, концы их оформлены в виде головок змей. Головки змей литые, бронзовые, плакированы тонкими серебряными пластинками. Проволоки, создающие основу браслета, закреплены во втулки, сделанные в головках змей. Места соединения скрыты напаянными муфтами из тонких проволок. Втулки муфт сделаны из двух перевитых тонких проволок, а между ними проходит проволока, создающая ажурный орнамент в виде волны с гребнями, длина которых больше ширины шага между ними. Пайка довольно грубая, иногда припой покрывает участки проволочных муфто-

чек, таким образом уменьшая эффект изящества вещи и тонкости работы.

Полные аналогии этим браслетам неизвестны, но несомкнутые браслеты с концами в виде головок змей известны с глубокой древности фактически до позднего средневековья. Витые проволочные браслеты нельзя назвать дорогим видом украшения, в тоже время настоящие экземпляры отличаются от остальных браслетов наличием паяных муфточек, возможно, имитирующих скань дорогих вещей, и относительно тонкой плакировкой самих змеиных головок.

А. И. Торгоев

248

248

Шумящая подвеска

Хазарский каганат
IX–X вв.
Серебро, стекло; пайка
Длина 8,6 см
Найдена в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-101/10
Публикуется впервые

Основа подвески представляет собой рамку арочной формы, внутри которой напаяны два пояса орнамента. К подножке – основанию подвески припаяны четыре круглых ушка. От них отходят цепочки, на концах которых закреплены провололочкой узкие конусовидные привески. Перед вершинами подвесок на проволоочки нанизано по черной стеклянной бусинке.

Шумящие подвески не характерны для культуры юго-восточных областей Хазарского каганата и северокавказских алан. Зато шумящие подвески со схожими привесками можно в большом количестве видеть в культуре финно-угорского населения лесной зоны Поволжья и Приуралья, которые в определенной мере находились под влиянием Хазарии и Волжской Булгарии. В этих областях они датируются довольно широко. Но наиболее близкие прототипы можно видеть в материалах VIII–IX вв. [Голдина 2012. С. 217. Табл. 31, 12, 13; Голдина, Кананин 2012. С. 430. Табл. 5, 17, 18]. Практически нет сомнения в том, что настоящая паяная подвеска копирует литые образцы финно-угорского происхождения. Некоторые элементы материальной культуры в разных концах полиэтничной Хазарии могли быть общими или же заимствоваться в культурах других народов каганата или подвластных ему земель. В культурах народов Северного Кавказа ранее уже фиксировались определенные элементы, происхождение которых связано с культурами лесных народов [Пьянков 1998].

А. И. Торгоев

249

249

Перстень

Хазарский каганат (?)
IX–X вв.
Золото, стекло; литье
Диаметр 2,4 см, высота со вставкой 2,8 см
Фонд Марджани. ИМ/К-101/8/1
Найден в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Публикуется впервые

Сама шинка имеет округлое сечение с хорошо выраженным продольным ребром по внешнему краю. При переходе к касту на шинке с обеих сторон находится по пирамидке ложной зерни. Каст отлит вместе с шинкой, он довольно высокий, по внешней его поверхности проходит три ряда орнамента в виде ложновитых провололочек. Вставка фиолетового стекла закреплена посредством четырех лапок. Такое крепление вставок чрезвычайно характерно для перстней салтово-маяцкой культуры, встречается и на перстнях из Средней Азии, обычно в слоях, хорошо датированных IX–X вв. Отличительной особенностью этого перстня является орнамент на касте в виде ложновитых провололочек. Вероятно, первоначальный образец такого кольца, оттиснутый позже в форму, имел напаянные витые проволоочки, такие же, как и на муфточках браслетов (кат. 247).

А. И. Торгоев

250

250

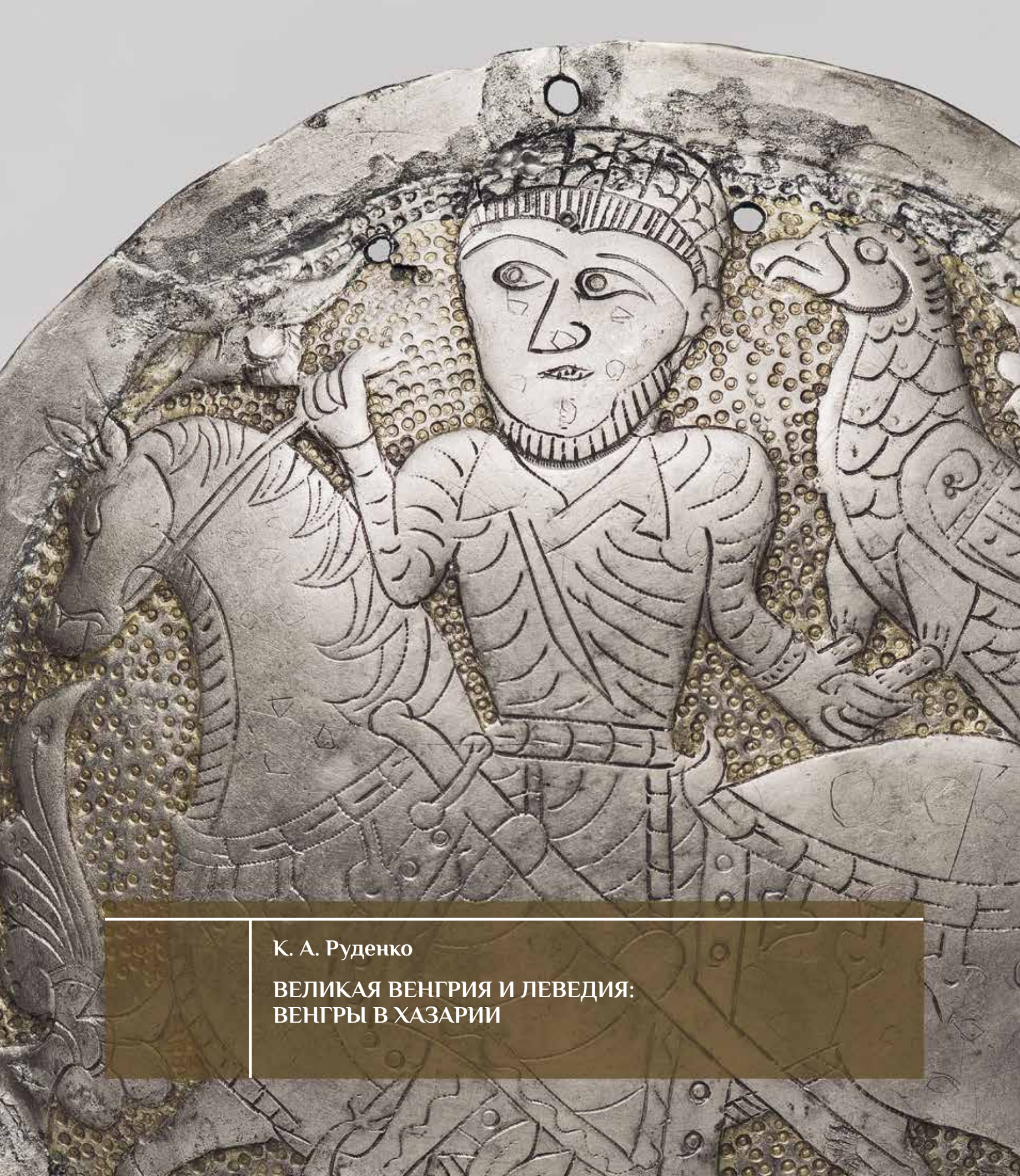
Перстень

Хазарский каганат (?)
IX–X вв.
Низкопробное серебро, бирюза; литье
Диаметр 2,1 см, высота полная со вставкой 2,9 см
Найден в окрестностях ст. Баракаевская
Мостовского р-на Краснодарского края
Фонд Марджани. ИМ/К-101/8/3
Публикуется впервые

Перстни такого типа, имеющие высокий раструбовидный каст и невысокие ребра в верхней трети шинки, не характерны для аланской и хазарской культур X в. Ближайшие аналогии им находят в Средней Азии X в.

А. И. Торгоев

К. А. Руденко

ВЕЛИКАЯ ВЕНГРИЯ И ЛЕВЕДИЯ: ВЕНГРЫ В ХАЗАРИИ

Путь венгров с востока на запад составлял научную проблему, занимавшую ученых на протяжении последних 200 лет. Основанием послужили сведения византийских авторов, и в первую очередь императора Константина Багрянородного (908–959), относящиеся к середине X в. [Константин Багрянородный 1989 Литаврин, Новосельцев. С. 159–163], а также отчеты христианских миссионеров из Венгерского королевства, в первой трети XIII в. пытавшихся найти и обратить в католичество «восточных венгров» – мадьяр, отставших по пути на запад [История 2006. С. 886]. (В средневековой Венгрии имели хождение легенды о том, что часть «билиров» (волжских булгар) в конце X в. переселилась в Венгрию и обосновалась близ города Буды.) Монахи действительно обнаружили в Волжской Булгарии людей, говоривших по-венгерски и понимавших этот язык, но миссионерская задача оказалась не выполненной: обратить восточных «венгров» в католичество не получилось.

Со времен Константина путь мадьяр на Запад маркировался двумя местами, где они на время селились – это «Леведия» и «Этелькузу». Венгерский монах-доминиканец Юлиан, совершивший путешествие на Восток в первой трети XIII в., обозначил и предполагаемую точку «исхода» – так называемую Magna Hungaria (Великая или Древняя Венгрия). Однако спустя столетия локализовать первые два места по тем сведениям, которые были описаны императором, стало затруднительно.

Начиная с XIX в., и особенно в XX в., в исторических штудиях существовало много вариантов размещения Леведии и Этелькузу на карте Восточной Европы X в. Ясно было одно: обе располагались на территории Ха-

зари или в ее пограничье. Предположительно пребывание мадьяр в Леведии относится к 700–750-м гг., а в Этелькузу – к последней четверти IX в. В последнее время высказывалось мнение, что Леведия – это часть «Этелькузу» и, следовательно, начало движения мадьяр из Древней Венгрии к Дунаю произошло в конце VIII – начале IX в. [Тюрк 2013. С. 231–237]. Отметим, что, согласно Константину Багрянородному, часть мадьяр после поражения от печенегов перекочевала к востоку и осела в пределах Персидской державы, а другая часть обосновалась в Этелькузу [Константин Багрянородный 1989 Литаврин, Новосельцев. С. 159]. Географическое положение Великой Венгрии определялось точнее – как часть Волжской (Великой, как ее называл монах Юлиан) Булгарии и земли к востоку от нее. Причем, по словам Юлиана, все жители Булгарии были язычниками. Сведения арабских авторов IX–X вв. указывают на близость проживания мадьяр и булгар [Заходер 1962. С. 48].

Реконструируемый в научной литературе по данным письменных источников путь мадьяр на запад дает следующую картину. Первым местом их достаточно длительного обитания к западу от Уральских гор была Великая Венгрия, которая располагалась к востоку от Волги, точнее, в междуречье Волги и Урала. Время их пребывания здесь – вероятно, VII в. В первой половине VIII в. они перекочевывают в Леведию. Спустя 70 лет они делятся на две группы, западную и восточную; первая оседает, видимо, в Персидском государстве, а вторая уходит дальше, в Этелькузу. Если учитывать, что южными пределами Хазарии были предгорья Центрального и Восточного Предкавказья, то, скорее всего, восточные мадьяры кочевали восточнее.

Накладка полусферической с изображением всадника (кат. 254). Деталь

Новая фаза исследований мадьярской проблемы пришлась на 2-ю половину XX в., когда главным их источником стали археологические материалы. Достаточно активное изучение этой темы по данным археологии вели советские ученые. Результаты раскопок венгерскими учеными могильников эпохи обретения родины существенно расширили источниковую базу по ранним этапам венгерской государственности [Эрдели 1972. С. 128–144]. Ключевыми объектами в этом отношении стали погребальные памятники Южного Урала (на территории современной Башкирии) и Средней Волги (Татарстан). Выделенные к началу 1970-х гг. кушнаренковская и караякуповская археологические культуры в Предуралье, масштабные раскопки памятников ранних булгар, прежде всего Больше-Тарханского (В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков) и Танкеевского (Е. А. Халикова и Е. П. Казаков) могильников на территории ТАССР и Ульяновской области, стали основой этнокультурных реконструкций в области ранней истории булгар и угро-мадьяр [Казаков 2007]. Вокруг интерпретации памятников данных культур в 1980-х гг. развернулась дискуссия, которая в той или иной степени продолжается и по сей день [Мажитов 2013. С. 84–89].

Особенно активно сюжет о Великой Венгрии в СССР стал разрабатываться со 2-й половины 1970-х гг., когда был открыт и стал активно изучаться Е. А. и А. Х. Халиковыми Больше-Тиганский могильник в Алексеевском р-не ТАССР. Эти памятники либо непосредственно, либо опосредованно связывались с предками мадьяр [Халиков 2011. С. 190–193]. С 1980-х гг. стало господствовать мнение, что причинами перемещения мадьяр в VII в. были конфликты с местным населением в районе Средней Волги (именьковская культура), проживавшим здесь в V – начале VII в. и подвергавшемся набегам мадьяр с территории Иско-Бельского междуречья [Иванов 1994. С. 80]. По этой версии, местное население в результате покинуло Среднее Поволжье, а занявшие его мадьяры спустя менее чем столетие были изгнаны откочевавшими в этот регион приблизительно после 737 г. булгарскими племенами [Халиков 2011. С. 199–200]. По мнению Е. П. Казакова, основной причиной миграции

угро-мадьяр была постоянная конфронтация с печенегами, которые «методично выбивали их из Приуралья, Леведии и Ателькузу» [Казаков 2007. С. 68].

Археологические данные последних лет изменили эту картину. Племена кушнаренковской культуры, считающиеся угорскими (раннемадьярскими), в основном не противостояли населению имениковской культуры, а частично ассимилировались в составе (те из них, которые продвинулись на запад), хотя и в небольшом количестве [Руденко 2013. С. 58–74]. В VII – начале VIII в. они проживали на освоенной имениковцами территории дисперсно: в камской пойме, кое-где на правобережье Волги, а также на северном пограничье расселения имениковцев в Удмуртском Предкамье.

По мнению И. Фодора, контакты мадьяр с тюркоязычным населением Хазарии во 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. происходили в Самарском Поволжье, возможно, в месте распространения памятников новинковского типа [Фодор 2015. С. 38–40], которые ряд исследователей склонен рассматривать как первую волну болгарского населения на Средней Волге (оногуры?), хотя оснований для полной идентификации новинковского населения с булгарами пока недостаточно. В венгерской историографии существуют и иные точки зрения [Дьёени 2007; Контлер 2002. С. 46–47].

Что касается Леведии, название которой связано (по версии императора Константина Багрянородного) с именем одного из предводителей венгров – Леведия, то данных по ее локализации по сей день мало. Принято считать, что около 750 г. часть мадьяр форсировала Волгу и, как предполагалось ранее, стала кочевать в междуречье Дона и верхнего течения Донца. Однако материалы, которые можно было бы однозначно интерпретировать как угорские (раннемадьярские), в этом регионе немногочисленны [Комар 2011. С. 21–78]. В основном здесь находятся памятники салтово-маяцкой культуры, ее болгаро-аланского варианта. Интересно и то, что параллелей с салтовскими материалами в мадьярских древностях на Дунае очень мало, что было бы странно, если бы мадьяры здесь оставались

длительное время. Поэтому вряд ли пребывание мадьяр в южных районах Хазарии было длительным.

Если обратиться непосредственно к известным на сегодня артефактам с территории Южного Урала и Средней Волги, сопоставимым с мадьярскими на Дунае, то обнаружится, что они имеют ряд интересных совпадений. Из оригинальных предметов это цельные металлические накладки на поясные сумочки. В мадьярских могильниках такие накладки многочисленны и достаточно разнообразны по оформлению. В Предуралье они зафиксированы только в одном погребении IX в. древнемарийского Веселовского могильника в Поветлужье, и еще одна находка вне археологического контекста известна из Пермского края. От венгерских эти артефакты отличаются тем, что украшены не растительным орнаментом, а изображением двух львов в геральдической позе или многофигурной композицией с рисунками людей, птиц и животных.

Среди прочих выделяются накладки, украшенные рисунками, отличающимися как от венгерских, так и от волжско-камских, и изготовленные, скорее всего, в Хазарии (кат. 251–253). Можно предположить, что их появление связано с историей, переданной Константином Багрянородным, о свадьбе венгерского предводителя Леведия и хазарки из знатного рода. Конечно, говорить об этом с уверенностью было бы некорректно, однако сама по себе эта обособленная группа накладок на поясные сумочки заслуживает внимания.

Другой интересный момент связан с использованием в накладках золочения. Этот прием широко использовался в IX–XI вв. венгерскими ювелирами Паннонии, тогда же он был не менее популярен в Прикамье, но в волжско-булгарских материалах IX – начала XI в. золочение практически не известно. Исключение составляют находки из Больше-Тиганского могильника, где часть декоративных изделий имеет следы позолоты. Более того, позолоченные поясные накладки и пряжки с чернью известны в древнемарийских средневековых могильниках, где встречаются чаще всего в захоронениях X в. Эти предметы были импортом в Марийское Поволжье из Хазарии. Наиболее вероятно, что золочение,

с одной стороны, отражает определенный этап развития хазарского ювелирного дела, а с другой – восходит к заимствованному опыту мастеров Востока, чьи ювелирные изделия поступали в Предуралье в значительном количестве в V–VIII вв. Некоторые из произведений ювелирного искусства и серебряные блюда V–X вв. использовались в культовой практике уральских народов вплоть до этнографической современности.

Распространение золоченых ювелирных изделий на обширных территориях Хазарии от Южного Урала до Днепра частично можно объяснить движением раннемадьярских племен из Великой Венгрии на запад. Хотя в Леведии и Этелькузу такие украшения, скорее всего, создавались под влиянием византийского ювелирного искусства.

Городище Бальмерский Шелом на Волге. VI–VII вв. н. э., XI–XIII вв. н. э.
Фотография
К. А. Руденко, 2006 г.

251

251

Накладка на поясную сумочку – ташку

Юг Восточной Европы
IX – 1-я половина X в.
Серебро, железо; ковка, позолота, гравировка, клепка
Длина 11,5 см, ширина 8,8 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-70
Публикуется впервые

Типичная для древних венгров накладка лировидной формы выполнена из тонкого серебряного листа, наложенного на железную пластину, повторяющую форму серебряной. В центральной части вырезано прямоугольное отверстие для вставки скобы, в которую продевался ремешок, закрывающий клапан сумочки.

На пластину нанесен симметричный рисунок: на правой и левой сторонах имеются позолочен-

ные изображения льва (внизу) и стилизованное изображение пальметты, прототипы которой можно видеть, например, в рисунке на серебряной бляхе из Каранаевских курганов на Южном Урале [Мажитов 1981. С. 108. Рис. 58, 25]. В данном случае стилизованная пальметта состоит из трех частей: закрученных в три четверти оборота нижних лепестков, верхних длинных боковых лепестков расширяющихся с тенденцией к образованию сердцевидной фигуры и короткого центрального лепестка. Боковые лепестки по внешнему краю пальметты обведены еще одной линией, пространство между нею и краями лепестков заштриховано. Подобные элементы орнамента растительного характера были широко распространены в тюркостанской культуре эпохи Тан, Южной Сибири, Средней Азии и Восточного Ирана во 2-й половине VIII – IX в. [Маршак 1971 а. С. 52. Рис. 25; Даркевич 1976. С. 72. Рис. 5].

Фигуры львов стилизованы: лапы напряжены, хвосты с массивной кисточкой на конце подняты вверх, головы повернуты назад. Туловища покрыты густой шерстью, переданной горизонтальными полосками мелких вертикальных насечек. На мордах показаны миндалевидные глаза, остальные детали не проработаны. Пасти раскрыты. Фигуры львов различаются в некоторых деталях: форме ушей, пропорциях морды, ширине гривы. Можно предположить, что художник изобразил льва (слева) и львицу (справа). Точных аналогий таким рисункам найти не удалось. Скорее всего, прототипами являются восточноиранские изделия со сценами «терзания» или же, что более вероятно, согдийские изделия (школа А по Б. А. Маршаку), также в ряде случаев украшавшиеся такими рисунками [Маршак 1971. Рис. 8, Т29].

К. А. Руденко

252

Накладка на поясную сумочку – ташку

Юг Восточной Европы
IX – 1-я половина X в.
Серебро, железо; ковка, позолота, гравировка, клепка
Длина 10,2 см, ширина 8,2 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-129
Публикуется впервые

Накладка лировидной формы выполнена из тонкого серебряного листа, вырезанного по железному шаблону, который является основой конструкции. Накладка клепками крепилась к органической основе. В центральной части

накладки вырезано прямоугольное отверстие, куда вставлена металлическая скоба для ремешка, сделанная из узкой пластинки. На плоской части скобы имеется рисунок, похожий на цветочную розетку с овальными лепестками, однако внимательное изучение показало, что это, скорее всего, изображение веревочных петель, связанных в центре узлом. Рисунок на скобе позолочен.

Все поле пластины орнаментировано. Рисунок симметричный: в правой и левой частях изображены два кольца: нижний (чуть крупнее) и верхний. Между ними изображена четырехлепестковая розетка, касающаяся верхним и нижним лепестками краев колец. Все эти элементы соединены двумя неровными вертикальными линиями по бокам.

Нижние кольца с кружком в центре разделены на сектора заштрихованными прямоугольниками. Штриховка нанесена наклонными косыми и вертикальными линиями. Прямоугольники с вертикальной и косою штриховкой чередуются, правда, без какой-либо явной системы. Верхние кольца разделены на сектора восемью прямоугольниками и трапециями с горизонтальной штриховкой.

Розетки между кольцами выполнены в виде распустившегося цветка: четыре маленьких округлых лепестка и между ними четыре больших узких, одинаковых по форме лепестка, расходящихся из сердцевины. Эти розетки чрезвычайно напоминают орнамент на головке рукояти сабли кат. 230.

Изображения солярных символов не редкость в изобразительном искусстве как кочевых, так и оседлых народов на протяжении длительного времени. Из ближайших аналогий можно отметить находки в салтовских древностях солярных амулетов в виде двух кругов, разделенных перемычками на несколько секторов [Плетнева 1967. С. 177. Рис. 49, 1–6].

Цельнометаллические накладки на сумочки встречаются в Марийском Поволжье со 2-й половины X в. Лучше всего они известны они в мадьярских древностях Паннонии X–XI вв. [Руденко 2015. С. 326, 357. Рис. 81, 82]. Однако полного совпадения по конструкции и форме накладок среди них не обнаруживается. Исключение составляет группа накладок на железной основе, соединенных клепками, но без рисунков из венгерских могильников [Руденко 2015. С. 327. Рис. 82, 1–3]. В Поволжье в IX–X вв. преобладали поясные сумочки с металлическими обкладками краев и накладными петельками для ремешка

252

и т. п. [Никитина 2013. С. 151–161]. Такой же конструкции поясные сумочки бытовали в X–XI вв. в Прикамье. Следовательно, Поволжье и Прикамье нужно исключить из мест где рассматриваемая накладка могла быть изготовлена. Можно было бы предполагать первоначальное появление таких изделия на Южном Урале, однако там поясные сумочки с такими накладками не встречаются.

Таким образом, можно предположить, что местом производства этого артефакта была территория между Доном, Донцом и Южным Уралом в середине VIII – X в., то есть Хазарский каганат. Учитывая тот факт, что ранее IX в. такие детали поясных сумочек не известны, то накладку можно датировать IX – 1-й половиной X в.

К. А. Руденко

253

253

Накладка на поясную сумочку – ташку

Юг Восточной Европы
IX – 1-я половина X в.
Серебро, железо; ковка, позолота, гравировка, клепка
Длина 12,2 см, ширина 8,0–9,1 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-191
Публикуется впервые

Накладка лировидной формы выполнена из тонкого серебряного листа и была наложена на железную основу, с которой соединялась клепками.

Лицевая поверхность пластины, чуть выпуклая, по центру разделена на две половины гравированной полосой с узором «елочка». На этой полосе в 5 см от нижнего края накладки сделано прямоугольное отверстие (0,9 × 1,1 см) для ремешка.

Изображения на обеих половинах изображения поля покрыты позолотой. Слева

сверху изображен всадник с копьем на коне, под ним – крупное животное, похожее на большую дикую кошку (гепард или леопард), внизу – еще какое-то существо. Справа сверху изображена фигура в виде трилистника, которую двумя руками поддерживает или подбрасывает антропоморфное существо, балансирующее на голове фантастического животного. Верхняя кромка орнаментального поля украшена позолоченными аромками (чешуйками), по четыре в каждой половине. Возможно, что рисунок на пластине отражает какой-то мифологический или космологический сюжет.

Рисунки на пластине, несмотря на узнаваемые образы, достаточно необычны. Рассмотрев фигуру всадника, обнаруживаем, что самой реалистичной частью этого изображения является лошадь, точнее, ее экипировка: можно различить поводья, подпругу, попону и т. д. В принципе, и сама фигура вполне соответствует реальному виду лошади – кроме неестественных конечностей, огромных ушей и отсутствия гривы. На спине лошади без седла сидит антропоморфное существо. На нем плотно обтягивающая тело одежда и остроносые сапоги с коротким голенищем. У существа имеется большой колчан с выступающими из него наконечниками стрел, имеющий точные аналоги в археологических материалах [Плетнева 1967. С. 159. Рис. 43, 18]. Как ни странно, колчан изображен как бы прозрачным: его контур пересекает фигуру наездника, не заслоняя ее. Тем не менее на колчане заметен орнамент в виде кружочков, идущих посередине сверху вниз. При этом лука у всадника нет. Еще более странно выглядит голова наездника – маленькая, похожая на птичью, с круглым глазом и небольшим хохолком. Плечи «призрачного всадника» развернуты в фас (голова – в профиль). Правая рука, судя по положению, должна была бы удерживать повод, однако последний свободно провисает и, более того, перекинут через шею всадника и свешивается вниз. Этой рукой всадник как бы ловит упущенный повод, широко раскрыв ладонь, можно различить даже пальцы кисти.левой рукой, поднятой и согнутой в локте, он придерживает (отталкивает, поднимает – трактовка может быть много) некий сигарообразный предмет с коническим окончанием, отграниченным узкой штрихованной полоской от основной части, украшенной мелкими кружочками. Вполне вероятно, что это копые гипертрофированных размеров с развевающимся флажком (бунчуком) у наконечника. Основание для такой трактовки дают изображения ранне-

средневековых воинов, например, на Сулекской писанице [Артамонов 1962. С. 210].

Интересно сравнить этого антропоморфного персонажа с другим, на правой половине пластины. Человеческая сущность последнего более очевидна: голова и туловище вполне соответствуют пропорциям человека. Схематичное, но все же лицо с выступающим носом принадлежит человеку. На голове у него развевающиеся косички и шапочка. Более того, такой трактовке человеческой головы имеются точные аналогии на сулекских рисунках и на изображениях с меловых блоков Маяцкого городища [Артамонов 1962. С. 210; Плетнева 2000. Рис. 39]. Левая рука, воздетая вверх, показана с раскрытой ладонью, а правая вообще без кисти. Фигура антропоморфа одета в кафтан поверх нижней рубахи, заправленной в штаны. У кафтана короткие рукава, имеется воротник (?); подол длинной до середины бедер. В талии кафтан перехвачен широким поясом, судя по его ширине – из ткани. Широко расставленные ноги выглядят неестественно: они «движутся» в противоположную сторону от той, куда стремится верхняя половина туловища этого существа. Но в деталях ноги реалистичны: штаны заправлены в сапоги с длинными узкими носами и голенищами до колен.

Фигура леопарда или гепарда передана очень динамично и художественно. Туловище грациозно изогнуто: спина выгнута, хвост поднят вверх, голова повернута назад. Пропорционально и правильно показаны круглые ушки зверя, усы, широкий нос. Декоративные кружочки создают впечатление естественной пятнистой шкуры. С этой реалистичностью диссонировать узкие заштрихованные полоски на туловище, шее и ногах существа. Еще более оригинально стоящее напротив леопарда странное существо с огромной лохматой головой, напоминающее большую собаку или карликовую лошадь. Голова и шея этого «конька-горбунка» покрыты густой шерстью и отросшей гривой, а вот на туловище и ногах – гладкая кожа, и такой же «голый» хвост. Последний поднят вверх и загнут крючком, как у собаки; при этом окончание хвоста напоминает голову хищной птицы с большим клювом. Не очень понятны элементы рисунка над головой правого антропоморфа, как и запутанная композиция, изображенная слева над леопардом.

По форме, конструкции, характеру и стилю рисунков данная накладка относится к группе изделий, включающих прежде всего накладки на поясные сумочки и изготовленных в Хазарии в IX – 1-й половине X в.

К. А. Руденко

254

254

Накладка полусферическая с изображением всадника

Южный Урал или Среднее Поволжье
IX–X вв.
Серебро; позолота, чеканка
Диаметр 12,0 см, высота 0,8 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-397
Публикуется впервые

Полусферическая накладка выполнена из тонкого листа металла с небольшим бортиком по краю. На бортике и по краям выпуклой поверхности пробиты сквозные отверстия: три в верхней части и одно в нижней. Самое крупное отверстие на бортике – около 0,2 см. Все орнаментальное поле накладки занимает изображение всадника на позолоченном фоне, обработанном канфарником. Наездник сидит в седле (виден край задней луки), под которое подложен потник, и упирается ногами в стремя аромной формы.

Лошадь по виду можно отнести к степным породам, хотя ее облик явно гипертрофированный, отражает какие-то особенности этого животного в представлении мастера и заказчика.

На непропорционально маленькой голове лошади показаны уши и глаз-«капелька» без зрачка. Правая передняя нога поднята и согнута, лошадь как бы начинает движение в левую сторону от зрителя. Грива аккуратно расчесана; хвост также расчесан и, вероятно, подстрижен и перевязан посередине чем-то вроде ремешка или ленты, но не завязан узлом. По нижней части шеи и брюху лошади художник провел узкую заштрихованную полосу – «хорду». На шее животного бессистемно процарапаны рисунки-палимпсесты – неправильной формы окружности, треугольники и т. п. Аналогичные рисунки имеются на колене, бедре и ягодице коня. Более крупные – две окружности на крупе, правую пересекает прямая линия, завершающаяся треугольником острием вниз (стрела?). Нижняя часть линии упирается в ремень.

Ремни оголовья лошади не изображены, но показаны изогнутые удила с S-видными окончаниями в виде сапожек. Детально проработаны изображения нагрудного и подхвостного ремней. На них видны накладки (?) и подвески сердцевидной формы: четыре на одном ремне и три на другом.

Всадник показан в фас: широкие плечи развернуты к зрителю, а голова чуть повернута влево, куда направлен взгляд: вперед и налево. На чуть согнутой левой руке, на специальной перчатке сидит хищная птица. Правая рука согнута в локте; кисть сжата в кулак на уровне лица. В кулаке зажаты поводья. Голова всадника огромна: составляет 1:2,5 по отношению к туловищу. Лицо крупное, широкое, с большими узкими изогнутыми дугой бровями, аккуратным острым носом, большими открытыми глазами с круглыми зрачками и небольшим приоткрытым ртом (видны зубы). Уши маленькие. Бородка всадника аккуратно подстрижена, усов нет; его подбородок и щеки тщательно выбриты, оставлены только бакенбарды. Волосы зачесаны назад и большей частью скрыты под головным убором в виде низкой цилиндрической шапочки.

На лице заметны маленькие рисунки-палимпсесты, геометрические фигуры: окружности, треугольники и трапеции, процарапанные острым предметом. Линии неровные, угловатые, иногда прерывистые. Расположены фигуры по кругу: треугольник и трапеция снизу от глаз, окружности вокруг рта – три на щеках и одна на подбородке – и еще одна на крыле носа.

Всадник одет в длиннополый халат с правым запяхом. Подол халата и левый отворот окантованы широкой лентой с волнистым орнамен-

том. Рукава халата узкие, плотно облегают предплечье. Как уже упоминалось, на правую кисть всадника надета охотничья перчатка. Халат перепоясан ремнем, к которому подвешена сабля в ножнах. На подоле заметно несколько процарапанных ромбиков-палимпсестов. На ногах всадника остроносые кожаные сапоги с мягкой подошвой.

Из экипировки всадника изображена только сабля в ножнах. У рукояти сабли грибовидный набалдашник, ладьевидная крестовина с шишковидными окончаниями. Клинок слабоизогнутый. Ножны с арочными петлями и наконечником с грибовидным (как у рукояти) завершением и верхней частью, оформленной в виде «ласточкина хвоста».

На левой руке наездника сидит гигантская хищная птица. На крыле показан изящный завиток, заверченный тремя кружками и смыкающийся с узкой декоративной лентой, пересекающей крыло сверху вниз и заполненной мелкими кружочками.

Под брюхом лошади, у передней правой ноги изображен бегущий заяц с коротким хвостом и длинными ушами. У груди коня и у спины птицы имеются рисунки пальметт.

Аналогии сюжету, деталям оформления и иконографии обнаруживаются на изделиях так называемого урало-венгерского круга, в частности на двух блюдах с изображением всадника из находок на полуострове Ямал [Сокровища Приобья 2003. С. 53, 56. Кат. № 19, 21]. Датированы эти артефакты IX–X вв. Близи по деталям изображения на серебряных сосудах из собрания Эрмитажа [Артамонов 1962. С. 261]. По аналогиям с археологическими материалами, прежде всего псалий, оформления сабли и ножен, время создания данной композиции можно определить 2-й половиной IX – 1-й третью X в.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что данное изделие изготовлено в Южном Предуралье – на Средней Волге, и датировать его 2-й половиной IX – 1-й третью X в. Очевидно, что оно использовалось вторично: отсюда рисунки-палимпсесты и дополнительно пробитые отверстия.

К. А. Руденко

255, 256

255

Чаша с тяжеловооруженным всадником

Урал
IX в.
Серебро; выколотка, гравировка, позолота
Диаметр 17,5 см
Найдена в с. Мужы, Ямало-Ненецкий округ
ГЭ, инв. № S-207
Публикации: Сокровища Приобья 1996. Кат. № 54

Настоящая чаша принадлежит к одному из наиболее узнаваемых произведений торевтики древних венгров до эпохи обретения родины на Дунае. Эта группа была выделена Б. И. Маршаком и сейчас пополняется за счет находок частных лиц. Группу составляют только чаши, которые находят преимущественно в Уральском регионе. Особенностью этой группы чаш являются изображения всадников, как правило, без оружия, наличие двойной плетенки, обрамляющей центральный медальон с изображением, общая грубость и некая лапидарность рисунка, а также позолоченный фон.

А. И. Торговец

256

Блюдо со всадником

Урал
IX – начало X в.
Серебро; выколотка, гравировка, позолота
Диаметр 23,0 см, высота 3,0 см
Найдено в Западной Сибири
Фонд Марджани, № ИМ/М-276
Публикуется впервые

Небольшое блюдо выколочено из цельного листа серебра. Позолотой покрыты только отдельные детали рисунка. Изображение гравированное. В верхней части над головой всадника имеется отверстие для подвешивания. Всадник изображен в профиль, но плечи его развернуты анфас, таким образом, что видна правая рука, которая показана неестественно выходящей из груди. В правой руке всадник держит рог, в левой руке зажат стек, которым он погоняет лошадь. Стек был прочерчен позже: в отличие от первоначального рисунка, он не зачернен, и линии, которыми он показан, перерезают первоначальный рисунок. Бритая голова всадника изображена в профиль, на затылке двумя косыми линиями показана косица. Намечен рот, глаз

256

миндалевидной формы. Шея короткая, подчеркнута разделанным поперечными насечками воротом рубахи или какой-то нижней одежды. Верхняя куртка без воротника и лацканов, запахнута слева на правую сторону. Края куртки имеют канты, украшенные круглым пунсоном. Разрез куртки заканчивается на поясе, из-под нее как будто выступают длинные полы кафтана (?) с вертикальными полосами, украшенными кружками, нанесенными тем же пунсоном, что и по краям куртки. Подобным образом разделаны наручи и поножи копейщика, ведущего пленного на знаменитом золотом сосуде из Надь-Сент-Миклоша [Wolfram 1985. Р. 48]. Сапог всадника имеет вертикальный шов на боку, на щиколотке шов горизонтально разделяется в обе стороны. Стремья у всадника нет, но отчетливо видны луки седла. Подхвостный ремень разделен по всей длине поперечными линиями, образующими прямоугольники – очевидно, таким образом пытались передать металлические украшения. Уздечный ремень как будто зацеплен за луку седла, он гладкий, отходит ото рта лошади. Фигура лошади непропорциональна: ноги тонкие и короткие, шея крупная, голова очень большая. Важно, что по контуру лошадь разделана короткими штришками. Эта особенность характерна для тореvтики венгров Паннонии, до эпохи обретения родины. Изображение заключено в двойную плетенку, как на чаше ранневенгерской группы со всадником из с. Мужы (кат. 255). На безусловную принадлежность блюда к произведениям урало-венгерской школы тореvтики указывает очень неестественное изображение правой руки. Таким же образом руки показаны на чашах из коллекций Строгановых [Смирнов 1909. № 160] и Базилевского [Ibid. № 161]. Это один из важных признаков, наряду с обрамлением в виде двойной плетенки, характеризующих одну из подгрупп урало-венгерской группы тореvтики. Группа эта неоднородна, в ней присутствуют как изделия, выполненные профессиональными мастерами (кат. 257), так и изделия, изготовленные в грубой, «примитивистской» манере мастерами, не имевшими больших навыков в работе с металлом.

Само изображение всадника восходит к прототипам, известным на среднеазиатских серебряных сосудах, в качестве примера можно привести известную хорезмийскую чашу со всадником [Даркевич 1975/2010. С. 15–16. Табл. 25, 1, 2]. Любопытно, что в руке всадника на этом сосуде также изображен стек, а не плеть. Вместе с самим иконографическим типом изображения всадни-

ка было заимствовано и семантическое значение изображения. Очевидно, что здесь, как в Хорезме и других областях древней Евразии, оно было связано с обожествлением этой фигуры [Ростовцев 1927; Беленицкий 1981. С. 216].

Касаясь семантики изображения, важно обратить внимание на позолоченный рог, который конник держит за самый конец. По форме рог напоминает предмет, подвешенный к поясу всадника на уже упоминавшейся чаше из с. Мужы, который Б. И. Маршак считал налучьем, но без самого лука. Не исключено, что и здесь подвешенный предмет может быть рогом. Важно отметить, что изображение оружия есть только на одном из блюд ранневенгерской группы [Сокровища Приобья 1996. Кат № 53].

В среде угорского населения лесной зоны встречаются бляхи с изображением человека, держащего рог. К сожалению, большой пласт древней мифологии угорских народов до нас не дошел, но очевидно, что на блюде изображен кто-то из богов древнего фино-угорского пантеона. В фольклоре коми Войпель, один из верховных богов, Властелин Севера, способный отвести оружие от народа, изображался как всадник, трубящий в рог [Бординских 1994. С. 28]. Возможно, изображенный на блюде всадник является воплощением божества, схожего по функциям с Войпелем.

Вторичные примитивные рисунки – «тетери» напрямую свидетельствуют о том, что блюдо использовалось в культовой практике народов Приобья. Между ногами коня процарапана личина, по облику близкая хантыйским и мансийским деревянным изображениям. На стенках внутри чаши процарапаны изображения лоса, волка (?), антропоморфные фигуры.

А. И. Торгоев

257

257

Ковш

Урал (?)
 Конец IX – 1-я половина X в.
 Серебро; литье, чеканка, позолота
 Диаметр 11,1 см, высота 3,9 см
 Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-280
 Публикуется впервые

Небольшой ковш полусферической формы выколот из листа серебра. Ручка горизонтальная, имеет фестончатое окончание и отверстие для подвешивания, на нижней плоскости обрамленное четырехлепестковой розеткой.

На ковше изображены три одинаковые фигуры фантастических животных, которые движутся против часовой стрелки. Туловища животных разделаны круглым пунсоном, хорошо показаны мышцы передней и задних ног. Загнутые хвосты оканчиваются тремя зубцами, показана грива. Морда, свободная от орнамента, по краю покрыта точками, интересно передан миндалевидный глаз, окаймленный точками. Подобная передача глаза, кажется, не имеет аналогов в торевтике степных народов. Наиболее показательным

в изображении животных является наличие широко раскрытой пасти с приостренными носом и подбородком, из которой высовывается длинный пламевидный язык. По абрису такая форма пасти, в сущности, не что иное, как трилистник, в котором язык является центральным лепестком. Рассматривая степную торевтику IX–X вв., и украшения поясов, и сосуды, нетрудно заметить, что в ней используется относительно небольшой набор элементов, из которых потом компонуются более сложные изображения, и среди этих элементов трилистнику принадлежит едва ли не главное место.

В атрибуции ковша большую важность приобретает открытая пасть хищника. Изображение морды фантастического животного с раскрытой пастью, с заостренными концами, из-за чего по абрису она становится похожей на рыбий хвост, можно видеть и на серебряном блюде из Ямгорта [Сокровища Приобья 1996. Кат. № 33], но в целом оно, как и более позднее Рублевское блюдо [Федорова 2003. Рис. 5], где морда животного изображена так же, причем с сильно высунутым языком, принадлежит иной традиции, очевидно, связанной уже с Волжской Булгарией.

257

Абсолютной же аналогией раскрытым ртам с вылетающим из них пламенем являются рты фантастических животных на круглых украшениях наконечника из богатого женского погребения 47 на могильнике Карош II [Révész 1996. Tab. 65, 66]. Погребение это хорошо датируется в рамках 2-й четверти X в., поскольку в нем были обнаружены монеты франкского короля Беренгара. Близким образом – косыми насечками – разделаны и туловища фантастических животных на этих медальонах, так же показаны мышцы передних лап. Медальоны выполнены в хорошо узнаваемой, сложившейся манере, характерной для собственно венгерского стиля эпохи обретения родины. Изображения в этой манере распространены в самой Венгрии, но близкие образцы изделий в небольшом количестве известны и на Урале, и в Приднепровье. Вполне допустимо, что часть венгров, нашедших новую родину на Дунае, в пределах X в. могла общаться с сородичами, оставшимися на местах прежнего расселения.

Однако чеканные рельефные фигуры животных не похожи на блюда с фигурами всадников урало-венгерской группы (кат. 255, 256). Послед-

ние изображены в более свободной манере и значительно грубее.

Рельефные пояса на дне и тулове ковша, разделанные косыми насечками, аналогичны поясам на чаше с изображением человека, держащего бобра, из собрания Фонда Марджани [Девяносто девять имен... 2013. Кат. № 31]. Она дает и наиболее близкое совпадение по форме корпуса и ручки. Очевидно, что эти два сосуда сделаны мастерами, работавшими в другой традиции, и более близки по стилю изделиям собственно венгров. Описанные аналогии по ряду признаков, безусловно, свидетельствуют в пользу того, что данный ковш является еще одним памятником торевтики, который может быть отнесен к венгерской группе сосудов, но более близко стоит к памятникам эпохи обретения Родины.

А. И. Торгоев

Е. А. Шаблавина

**В ЗАГАДОЧНОЙ СТРАНЕ ВИСУ: НАСЕЛЕНИЕ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И МЕХОВАЯ
ТОРГОВЛЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

В начале X в. на территории Нижнего Поволжья и Нижнего Прикамья образовалось раннефеодальное государство Волжская Булгария, в состав которого вошли земли финно-угорских племен. Этому событию предшествовали две волны переселения из южных степей на Среднюю Волгу и в Прикамье тюркоязычных болгарских племен и, параллельно, миграции южноуральского и урало-пермского населения. В начале своего становления Булгария была небольшим государством, находившимся в зависимости от Хазарского каганата. Наиболее ранние сведения об этом периоде имеются в знаменитой «Записке» Ибн Фадлана.

Территория Пермского Предуралья, включающая в себя Верхнее Прикамье, в прежние времена была населена, как считается, предками коми-пермяков, удмуртов и древними уграми и не входила в состав Булгарского государства. Ранний исторический этап (V–IX вв.) этого региона сопоставляют с неволинской, полемской и ломоватовской культурно-археологическими общностями. Население жило на открытых и укрепленных поселениях. Основой хозяйства являлось подсечное земледелие, скотоводство, промысловая охота и рыболовство. Вместе с тем развивались гончарное дело, обработка дерева, кожи и кости, кузнечное ремесло и литейное производство. Умерших в основном хоронили по обряду трупоположения в гробовищах и колодах с многочисленным погребальным инвентарем. В могилах находят оружие, бытовые предметы и металлические украшения костюма. Позднее на основе ломоватовской культуры сложилась родановская археологическая культура (IX–XV вв.) предков коми-пермяков.

В многочисленных арабских письменных источниках имеются различные сведения

о Волжской Булгарии и соседних территориях. О здешнем населении, его обычаях и торговле с ним повествуют Ибн Фадлан, ал-Масуди, ал-Истархи, ал-Бакри, ал-Марвази, ал-Гарнати и др. Для них эта загадочная страна Вису была населена народами «Иаджиджа и Маджиджа» – библейских Гога и Магога, откуда купцы вывозили ценные меха. О торговых связях с Востоком свидетельствуют находки в Прикамском Предуралье большого количества ценной серебряной посуды, восточных монет, бус, кольчуг и других изделий. С укреплением Волжской Булгарии ситуация изменилась. Булгарские купцы перехватили инициативу в торговле с жителями диких лесов северной «страны мрака», игравшей важную роль в булгарской экономике. Самым прибыльным и выгодным делом оставалась меховая торговля. У племен вису и йоура за соль, одежду и другие вещи булгары покупали ценный мех соболей и черных лисиц и с большой выгодой перепродавали арабским купцам. Согласно письменным источникам, на севере шкурка соболя стоила 1 дирхам, а выручка за нее на рынке в Калькутте составляла 400 динаров [Белавин, Островский 2002. С. 191]. Население Прикамья, со своей стороны, получало большое количество импортной продукции, в том числе и булгарского производства.

Важным и ярким археологическим памятником, отражающим торговые контакты финно-угорского населения с булгарами и древнерусским миром, является богатый Редикорский клад, случайно обнаруженный в 1909 г. близ с. Редикор в Чердынском уезде Пермской губернии [ОАК 1913. С. 228–230]. В этом кладе представлены изделия различных культур, он является памятником длительного накопления.

Подвеска с цепочкой
(кат. 303)

Верхсаинское городище неволинской культуры в Березовском р-не Пермского края. VII–IX вв. Фотография А. А. Красноперова, 2014 г.

Время создания большинства предметов, здесь найденных, – середина VIII–IX вв, а время сокрытия клада – к X–XI вв.

Все вещи разделяются на комплекты мужских и женских украшений, причем первые представлены в основном импортом, а вторые – традиционными изделиями местного населения. Эти украшения позволяют реконструировать убор средневекового костюма населения Пермского Предуралья. Здесь и мужчины, и женщины носили различной формы височные подвески, очень часто с полый шаровидной привеской. На выставке представлены позолоченные подвески этого типа, декорированные городками зерни. Судя по сложной технике изготовления, они являются импортными, возможно, болгарской работы.

Что касается головного убора, то особое внимание уделялось прическе. По угорским поверьям одна из человеческих душ, похожая на птицу, живет на кончиках волос, а после смерти человека переселяется в новорожденного. Стрижка волос расценивалась как потеря души [Крыласова 2002. С. 207]. Поэтому женщины заплетали волосы в косы и украшали их подвешенными на шнурах или цепочках наконечниками, чаще всего с коньковыми или арочными подвесками. На выставке представлены подвески в виде птицы, коньковые, арочные, так называемые шумящие подвески. Все

эти предметы выполняли не только эстетическую и этномаркирующую, но и культово-магическую функцию, так как должны были защищать человека от злых духов. Традиционными персонажами таких подвесок являются конь и утка; фигурка птицы на изделиях символизирует утку финно-пермского мифа, доставшую со дна океана комочек глины, из которого образовалась суша.

Множество подвесок, переделанных из восточных монет, женщины носили на ожерельях. Такие мониста бытовали и у других восточноевропейских народов. Так, относительно женщин русов Ибн Фадлан в своей «Записке» отмечает, что «на шеях у них (несколько рядов) монист из золота и серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхамов*, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист» [Ибн Фадлан 1939 Ковалевский. С. 78–79].

Неотъемлемым атрибутом мужского, а иногда и женского костюма являлся пояс, имев-

* Вяч. С. Кулешов переводит как 1000 дирхамов (см. с. 42).

Могильник Сартаковской культуры в Чердынском районе Пермского края 2008. X–XI вв. Фотография А. А. Красноперова, 2014 г.

ший не только практическое, но и важное этномаркирующее, социальное и защитное значение. В эпоху средневековья пояса носили на широкой территории от Центральной Европы до Южной Сибири и Средней Азии. Из археологических памятников Пермского Предуралья происходит большое количество поясных наборов, состоящих из пряжки, накладок и наконечников ремней, дополненных низкими бронзовых бус, шумящими медальонами-коробочками, зооморфными пронизками. Помимо этого, мужчины носили на поясах кресала, ножи, шилья, топоры, а женщины – кожаные или берестяные сумочки и кошельки [Крыласова 2002. С. 210–212].

Среди предметов Редикорского клада имеются различной формы поясные накладки и фрагменты кожаных ремней, по стилю условно разделенные на два гарнитура. Один пояс украшен квадратными бляшками, другой – серебряной пряжкой и наконечником с антропоморфными изображениями, фигурными бляшками с растительным орнаментом и бляшками со сценической «беседы» двух людей. В таком виде они были представлены на экспозиции в Государственном Эрмитаже, однако позднее выяснилось, что реконструкция неверна: в комплект второго набора входят поясные накладки от разных ремней, что подтверждается декоративными и техническими различиями.

Однозначного мнения о культурной принадлежности накладок нет. Одни исследователи считают их древневенгерскими с аварскими чертами, другие – мадьярскими [Комар 2011. С. 56, 58, 68–69]. Необходимо отметить, что для редикорских бляшек сердцевидной формы с узелковым бордюром и растительным орнаментом есть близкая аналогия. Подобные украшения найдены в разрушенном погребении у с. Новониколаевка Екатеринбургской обл., отнесенного к мадьярским памятникам типа Субботцев. Не исключено, что редикорские и новониколаевские накладки были отлиты с помощью одного шаблона. Что касается многочисленных находок венгерского импорта среди угорского материала, то они свидетельствуют об активных культурных и торговых связях населения Пермского Предуралья с Западной Венгрией в IX–X вв. [Белавин, Данич, Иванов 2015. С. 121].

Выражаю благодарность д. и. н. А. М. Белавину и д. и. н. Н. Б. Крыласовой за консультацию относительно определения культурной принадлежности археологических предметов Редикорского клада.

258

258

Пара гривенПрикамье
X–XI вв.

Серебро; ковка

А – длина 12,5 см, ширина 12,0 см,
В – длина 14,2 см, ширина 12,8 смПермская губ., Чердынский у., с. Редикор, случайная
находка 1883 г.

ГЭ, инв. № 535/1–2

Публикации: Смирнов 1952. С. 201

Пара шейных гривен с граненой многогранной головкой на одном конце и петлей на другом. Обручи свернуты в полтора оборота из круглого кованого дрота, декорированного винтовыми канавками.

Эти изделия относят к гривнам глазовского типа, по названию г. Глазова (Удмуртия, бассейн р. Чепцы), вокруг которого со 2-й половины XIX в. находили большое количество таких вещей. Еще одним регионом массовых находок является Верхняя Кама, район Чердыни. Такие вещи датируются IX – 1-й половиной XI в. [Иванов 1998. С. 73–76].

Подобные гривны были широко распространены на территории Европы. Их находят в Волго-Окском регионе, в землях Северо-Западной Руси, в Балтии и Скандинавии. По манере оформ-

ления, исполнения и месту находок различают локальные варианты глазовских гривен. Что касается производства, то одни исследователи высказываются в пользу скандинавского происхождения, по мнению других их делали в разных местах.

Есть и другое мнение. Концентрация в чердынских кладках арабских монет и гривен указывает на то, что торговые пути проходили по Каме на Печору и Югру. А наличие рубленых кусков гривен и стандартизированный вес целых образцов предполагает их использование в качестве платежного средства [Островский 2001. С. 41]. Помимо кладов, данные гривны в Прикамье найдены в богатых погребениях среди шейно-нагрудных украшений женского и мужского костюма, включающих в себя стеклянные бусы и металлические подвески.

Е. А. Шаблавина

259

Пара височных колецПрикамье
X–XI вв.

Серебро; ковка, пайка, зернь, горячее золочение

А – длина 10,2 см; В – длина 10,0 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/5–6

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230. Рис. 272;

Подосенова 2010. С. 256–258

Пара колец с проволочной овальной дужкой и двумя напускными бусинами на ней, между которыми находится большая сложносоставная грушевидная подвеска. Дужка изготовлена из протянутого и согнутого в овал круглого серебряного дрота. Все детали для этих изделий сделали отдельно и поочередно смонтировали на дужке. Сначала нанизали и пайкой зафиксировали на месте круглую бусину, спаянную из двух полусферических бляшек и декорированную ромбиками из зерни. Затем продели грушевидную подвеску и на конец дужки насадили и припаяли вторую круглую бусину.

Центральная грушевидная подвеска спаяна из нескольких полых деталей. К крупной круглой бусине, сделанной из двух полусферических бляшек, припаяли усеченный конус, свернутый из полосы металла. Поверх конуса припаяли ушко, согнутое из серебряной полосы, украшенное несколькими обрезками рифленой проволоки. Эту конструкцию сверху и снизу увенчали небольшими круглыми бусами, сделанными с помощью того же инструмента (анки), что и бусы на дужке. После сборки подвеску украсили городками зерни, а места соединения полых деталей – ободками из рифленой проволоки. На финальной стадии изготовления поверхность изделия позолотили способом горячего золочения.

На дужках рядом с грушевидными подвесками надеты небольшие колечки, предназначенные для цепочки, соединяющей оба кольца в одно украшение (ср. кат. 303). Судя по археологическим материалам, кольца располагались на висках, а цепочка – под подбородком.

Подобные изделия широко представлены на памятниках IX–XIII вв. Пермского и Удмуртского Предуралья и Зауралья. Серебряные височные кольца получили распространение со 2-й половины X в. В Западную Сибирь эти украшения пришли в XI в. из соседнего региона. В Волжской Булгарии их не носили. Известно только два случая нахождения колец в булгарских памятни-

259

ках – Танкеевском и Больше-Тиганском могильниках, расположенных на пограничье обитания финно-угорского и болгарского населения. Единого мнения о происхождении и принадлежности этих предметов не существует. Их относят как к прикамскому, так и к болгарскому ювелирному производству, а прототипами могли служить подунайские образцы [Рябцева 2005. С. 104–109; Подосенова 2010. С. 256–258].

Е. А. Шаблавина

260

260

Пара височных колец

Прикамье
X–XI вв.
Серебро; ковка, пайка, зернь, горячее золочение
А – длина 9,0 см, В – длина 8,7 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/7–8
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230; Подосенова 2010. С. 256–258

Височные кольца по форме и технике исполнения аналогичны предыдущим экземплярам (кат. 258). Полые детали для грушевидных подвесок и бусы сделаны с помощью одного и того же инструмента (анки). Единственное отличие состоит в том, что на этих предметах нижняя часть центральных привесок украшена пирамидкой из крупной зерни.

Е. А. Шаблавина

261

261

Височное кольцо

Прикамье
X–XI вв.
Серебро; ковка, пайка, зернь, горячее золочение
Длина 9,5 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/9
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230; Подосенова 2010. С. 256–258.

Височное кольцо по форме и технике исполнения аналогично предыдущим экземплярам (кат. 258, 259). Полые детали для грушевидных подвесок и бусы сделаны с помощью одного и того же инструмента (анки).

Е. А. Шаблавина

262

Пара шумящих подвесок

Прикамье
X–XI вв.
Серебро, бронза; литье, волочение, горячее золочение
Длина общая 17,0 см, длина основы 6,0 см, ширина основы 4,5 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/12–13
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 273

Пара одинаковых шумящих подвесок, каждая представляет собой ажурную литую пластину арочной формы, в центре которой располагается изображение пламевидного трилистника, окаймленного полосой, орнаментированной кружками. Наверху пластины имеется квадратное ушко для подвешивания к накоснику, внизу – пять круглых петель, на которых подвешены длинные цепочки с привесками в виде «бубенчиков» на концах.

Пластины с лицевой и оборотной стороны одинаковые, поскольку отлиты по одному шаблону. Судя по характеру рельефа, в качестве посредника (модели) была использована готовая бляшка с вырезанным ажуром, тисненая несколькими пунсонами. После литья каждую подвеску зачистили с лицевой стороны и позолотили способом горячего золочения.

Цепочки собраны из овальных звеньев, согнутых из кусков протянутой проволоки. Все привески в виде бубенчиков, оканчивающихся пирамидкой из зерни, также одинаковые и отлиты из бронзы в двусторчатых глиняных формах. К цепочкам они подвешены на бронзовых звеньях. Не исключено, что бронзовые детали появились на серебряных изделиях в результате ремонта.

В эпоху средневековья рассматриваемые подвески являлись традиционным украшением женского убора на территории Пермского Предуралья. Они крепились на цепочке или кожаном шнурке на концах/в нижней части накосника [Крыласова 2002. С. 207]. Аналогичная пара изделий, но с короткими лапчатыми привесками найдена в погребении могильника Филлиповка (II международный мадьярский симпозиум 2013). Скорее всего, редикорские и филипповские ажурные пластины были отлиты с помощью одной тисненой бляшки.

Е. А. Шаблавина

262

263, 264

263

Подвеска

Монета: Омейядский халифат; ушко: Прикамье
722–723 гг.

Серебро, бронза; штамповка

Диаметр 2,6 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/14

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Круглая подвеска с бронзовой приклепанной петелькой сделана из серебряного чеканенного дирхама Омейядов (Дамаск, 104 г. х., согласно атрибуции Вяч. С. Кулешова). Это вторичная переделка монеты в подвеску. Следы от первичной переработки в украшение являются высверленные отверстия, расположенные под ушком.

В costume средневекового населения Пермского Предуралья подвески из восточных монет вместе с бронзовыми, каменными и стеклянными бусами достаточно часто входили в состав женских ожерелий, а с амулетами и круглыми привесками – в комплект мужских [Крыласова 2002. С. 209]. По сведениям арабских письменных источников, причиной регулярного поступления монет в этот регион была оживленная торговля между местным населением и Волжской Булгарией, заинтересованной в большом количестве дешевой, но ценной северной пушныны [Фахрутдинов 1984. С. 36–39; Белавин, Островский 2002. С. 192–195]. С середины VIII в. денежные средства из Хорезма и Халифата приходили по караванному пути на территорию Булгарского государства и затем в Среднее Поволжье и Прикамье [Кулешов 2012. С. 225–226].

Е. А. Шаблавина

265, 266

264

Подвеска из монет

Монета: Иран; ушко: Прикамье

Монета последней трети VII в.

Серебро, бронза; штамповка, золочение

Диаметр 3,0 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/16

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Круглая подвеска сделана из серебряной чеканенной монеты, спаянной из двух половинок. Одна часть принадлежит сасанидской драхме Хосрова II, другая – арабо-сасанидскому дирхаму омейядских наместников Ирана (атрибуция Вяч. С. Кулешова). После пайки одна сторона

267, 268

монеты была позолочена способом горячего золочения. К краю изделия приклепана бронзовая петелька, согнутая из полоски с раскованными концами.

В Волжской Булгарии известно использование ранних восточных монет в денежном обращении. По сведениям персидского историка Гардизи (XI в.), болгары «эти диргемы ломают, и каждый кусок (употребляют в дело)» [Фахрутдинов 1984. С. 39]. По технике исполнения, функциональному назначению и культурно-историческому контексту представленная подвеска аналогична предыдущему экземпляру (кат. 263).

Е. А. Шаблавина

265

Подвеска

Монета: Иран; ушко: Прикамье

Монета 591–628 гг.

Серебро, бронза; штамповка

Диаметр 3,0 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/17

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Круглая подвеска с бронзовой приклепанной петелькой, сделанная из серебряной сасанидской драхмы Хосрова II (атрибуция Вяч. С. Кулешова). По технике исполнения, функциональному назначению и культурно-историческому контексту аналогична предыдущему экземпляру (кат. 264).

Е. А. Шаблавина

266

Подвеска

Монета: Иран; ушко: Прикамье

Монета 591–628 гг.

Серебро, бронза; штамповка

Диаметр 2,8 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/19

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Круглая подвеска с бронзовой приклепанной петелькой, сделанная из серебряной сасанидской драхмы Хосрова II (атрибуция Вяч. С. Кулешова). По технике исполнения, функциональному назначению и культурно-историческому контексту аналогична предыдущим экземплярам (кат. 264, 265).

Е. А. Шаблавина

267

Подвеска

Монета: Иран; ушко: Прикамье

Монета 591–628 гг.

Серебро, бронза; штамповка

Диаметр 3,1 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/20

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Круглая подвеска с бронзовой приклепанной петелькой, сделанная из серебряной сасанидской драхмы Хосрова II (атрибуция Вяч. С. Кулешова). По технике исполнения, функциональному назначению и культурно-историческому контексту аналогична предыдущим экземплярам (кат. 264–266).

Е. А. Шаблавина

268

Подвеска из монеты

Монета: Иран; ушко: Прикамье

Монета 531–579 гг.

Серебро, бронза; штамповка, горячее золочение

Диаметр 3,1 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/22

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Круглая подвеска с бронзовой приклепанной петелькой, сделанная из чеканенной серебряной сасанидской драхмы Хосрова I (атрибуция Вяч. С. Кулешова). Рельеф монеты позолочен способом горячего золочения. По технике исполнения, функциональному назначению и культурно-историческому контексту аналогична предыдущим экземплярам (кат. 264–267).

Е. А. Шаблавина

269

269

ПодвескиПрикамье
X–XI вв.

Серебро, бронза; ковка, чеканка
Круглые подвески: диаметр 3,5–3,6 см;
ромбовидная подвеска: длина 3,1 см, ширина 3,2 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/23–28
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Серебряные пластинчатые подвески, пять круглых и одна квадратная, все с бронзовой петелькой. В центральном поле каждого украшения расположен круглый выступ в виде полусферы, окаймленный кольцом из точек. По краю изделия декорированы двойным точечным ободком (инв. № 535/23–25) или бордюром с треугольниками, имитирующими городки зерни (инв. № 535/26–27). Периметр квадратной подвески также украшен выпуклыми точками.

Фигурные заготовки для этих изделий вырезаны из тонкой серебряной пластины, а декор выполнен одними и теми же инструментами. Центральная полусфера нанесена на поверхность чеканом с круглым бойком, а точечный орнамент – канфарником. К краю каждого украшения приклепана бронзовая петля, согнутая из полоски с раскованными концами.

На территории Пермского Предуралья эпохи средневековья подобные круглые подвески вместе с монетами входили в состав мужских и женских ожерелий, представленных сложными и разнообразными шейно-нагрудными украшениями [Крыласова 2002. С. 209].

Е. А. Шаблавина

270

270

Круглые подвескиПрикамье
X–XI вв.

Серебро, бронза; ковка, чеканка, горячее золочение, гравировка
А – диаметр 3,1 см; В – диаметр 3,8 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/29–30
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Две круглые серебряные пластинчатые подвески с бронзовой петелькой. Нижняя часть поля одного изделия орнаментирована двумя гравированными линиями с зигзагообразной насечкой, выполненной штихелем способом тремоло.

271

271

ПодвескаСогдиана
IX в.

Серебро, бронза; ковка, чеканка, горячее золочение, гравировка
Диаметр 5,2 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/31
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 275;
Маршак 1971а. Табл., № 33

Круглая подвеска, видимо, изначально была одним из медальонов на согдийском серебряном сосуде, из которого ее позже вырезали. На подвеске выгравировано изображение пальметты с крупным и широким центральным лепестком, внутри которого изображен три-

272

272

Пара ажурных подвесокПрикамье
X–XI вв.

Серебро; литье
Длина 5,5 см, ширина 4,5 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/34
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Пара одинаковых литых ажурных пластин от шумящих подвесок в форме арки с круглым ушком для подвешивания украшения. В основании пластин располагается ряд петель, предназначенных для цепочек с привесками, которые не сохранились. Колечки сильно изношены, некоторые полностью протерты. Пластины сделаны в виде арок с поперечными линиями, в центре украшенных композициями из завитков.

Обе пластины отлиты в двустворчатых глиняных формах, сделанных по одному образцу, скорее всего, готовому изделию. Оригинал был

Поверхность второго предмета декорирована фрагментом позолоченного растительного орнамента. Обе пластины были вырезаны из готовых изделий, скорее всего, из стенок серебряных сосудов восточного производства. По краю обе подвески украшены ободком из ряда выпуклых точек, нанесенных тем же канфарником, что и на предыдущих подвесках (кат. 269), что позволяет их отнести к работе одного мастера. К краю обеих пластин приклепана бронзовая петля, согнутая из полоски с раскованными концами.

Е. А. Шаблавина

листик с коротким центральным лепестком. Пальметты такого вида характерны для поздних этапов развития согдийской торевтики школы В. В качестве примеров близких по облику пальметт следует назвать пальметты на серебряных ведрах из Афанасьевского клада и Широкова [Даркевич 1975/2010. Табл. 14, 5; 12, 1]. Сходные пальметты изображены и на серебряном чайниковидном сосуде (кат. 190), изготовленном мастером-согдийцем.

А. И. Торгоев

273

вырезан в форме арки из тонкой ковanej пластины. Чеканом на бордюре нанесли линиями три полукруглых ободка, которые затем украсили поперечными насечками. В центр вырезанного на пластине окна припаяли композицию, составленную из трех проволочных завитков. Отверстия для ушка и петель высверлили.

Отливку, сделанную с помощью этого изделия, зачистили с обеих сторон, углубления в орнаменте слегка подрезали. Не исключено, что для изготовления этих украшений были использованы готовые изделия не местного происхождения, сделанные другим способом.

Представленная пара подвесок – традиционное украшение женского убора угорского населения, проживавшего на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Они подвешивались на кожаных шнурах или цепочке к нижней части накосника [Крыласова 2002. С. 207]. Подобное изделие на цепочке в составе целого накосника происходит из погребения 7 Больше-Тиганского могильника [Фодор 2015. С. 113], расположенного на пограничной территории финно-угорского и болгарского населения.

Е. А. Шаблавина

273

Детали поясного набора

Прикамье или Приуралье
IX–X вв.

Серебро, кожа; литье, горячее золочение
Отдельные бляшки: длина 2,7 см, ширина 2,5 см;
фрагменты ремня: А – длина 30,0 см, ширина 3,0 см;
В – длина 34,0 см, ширина 3,0 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/35–37

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 277

Десять квадратных серебряных позолоченных бляшек и два фрагмента кожаного пояса с идентичными накладками являются частями одного поясного набора. По периметру декорированы рельефным узелковым бордюром. Центральное поле бляшек украшено изображением пламени-видного трилистника, на оборотной стороне находится система крепления в виде четырех небольших вертикальных шпеньков.

Все накладки отлиты в двустворчатых глиняных формах, изготовленных с помощью тисненой бляшки. Проколы для шпеньков на оборотных створках форм делались индивидуально в каждом случае. Литые бляшки механически обработаны с лицевой стороны и позолочены способом горячего золочения. В процессе использования

273

штифты на некоторых бляшках были сломаны. Отремонтировали их следующим образом: поверх рисунка высверлили отверстия, сквозь которые вставили маленькие кусочки толстой проволоки, а торцы с обоих концов расклепали.

Однозначного мнения о культурной принадлежности подобных наборов поясных накладок не существует, но некоторые исследователи по характерным элементам декора считают их мадьярскими [Комар 2011. С. 56–60, 68–69; Фодор 2015. С. 121].

Е. А. Шаблавина

274

Поясные накладки

Прикамье или Приуралье
IX–X вв.

Серебро; литье, горячее золочение
Длина 2,6 см, ширина 2,1 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/39

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230

Три серебряных позолоченных поясных накладки арочной формы с прямоугольной прорезью. Изделия украшены растительным орнаментом, а по краю – узелковым бордюром.

274

275

На оборотной стороне предметов находится по три штифта для крепления к кожаному поясу.

Бляшки отлиты в двусторчатых глиняных формах, изготовленных с помощью тисненого украшения. Позиция шпеньков разная, т. к. проколы для их литья в каждой оборотной створке делали индивидуально. После литья изделия механически обработали и позолотили способом горячего золочения.

Идентичные по форме и орнаменту поясные накладки происходят из разрушенного погребения у с. Новониколаевки, отнесенного к мадьярским памятникам типа Субботцев [Комар 2011. С. 56, 58, 68–69]. Скорее всего, редикорские и новониколаевские бляшки были сделаны по одному шаблону.

Е. А. Шаблавина

275

Поясные накладки

Прикамье или Приуралье
IX–X вв.

Серебро; литье, горячее золочение

Длина 2,5 см, ширина 2,1 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/40

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 279

Девятнадцать серебряных позолоченных поясных накладок подтреугольной формы представляют один поясной набор вместе с сердцевидными бляшками (кат. 277). По краю изделия декорированы узелковым бордюром, а центральная часть – растительным орнаментом. На оборотной стороне накладок находится по три небольших вертикальных шпенька для крепления к кожаному поясу.

Бляшки отлиты в двусторчатых глиняных формах, изготовленных с помощью тисненой накладки. Позиция шпеньков на оборотной стороне предметов разная, так как проколы на оборотных створках делали индивидуально. После литья изделия механически обработали и позолотили способом горячего золочения.

Идентичные по форме и орнаменту поясные накладки происходят из разрушенного погребения у с. Новониколаевки Екатеринославской губ. (совр. Верхнеднепровский р-н Днепропетровской обл.), отнесенного к мадьярским памятникам типа Субботцев [Комар 2011. С. 56, 58, 68–69]. Скорее всего, редикорские и новониколаевские бляшки были сделаны по одному шаблону.

Е. А. Шаблавина

276

Поясная пряжка

Прикамье или Приуралье
IX в.

Серебро; литье, ковка, горячее золочение

Пряжка: длина 8,2 см, ширина 3,0 см;

наконечник ремня: длина 5,5 см, ширина 2,5 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/41–42

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Данный наконечник вместе с пряжкой входил в состав одного гарнитура. Поясная пряжка шанирная, с прямоугольным вытянутым щитком и овальной рамкой с изогнутым выгнутом язычком с круглым выступом. С лицевой стороны щиток украшен антропоморфным изображением. Обратная сторона пряжки закрыта тонкой серебряной пластиной, закрепленной семью шпеньками

Все детали пряжки (рамка, язычок, щиток) отлиты в двусторчатых глиняных формах, сделанных с помощью шаблонов. С лицевой стороны отливки тщательно обработаны и позолочены способом горячего золочения.

Подобной формы и конструкции пряжки имеют аналогии среди салтово-маяцких и венгерских древностей [Комар 2011. С. 64–69].

Полый наконечник ремня прямоугольной вытянутой формы с закругленным концом. Лицевая сторона изделия украшена стилизованным изображением антропоморфной фигуры.

Изделие отлито в двусторчатой глиняной форме, сделанной оттиском того же шаблона, по которому изготовлена поясная пряжка. С лицевой стороны наконечник тщательно обработан и позолочен способом горячего золочения. На оборотной стороне предмета находятся пять шпеньков, на них закреплена тонкая серебряная пластина, образующая полость, в которой крепился конец кожаного ремня.

Е. А. Шаблавина

276

277

277 Девятнадцать поясных бляшек с кольцами

Прикамье или Приуралье
X в.
Серебро; литье, ковка, горячее золочение
Длина 5,2 см, ширина 3,0 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/43
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 278

Девятнадцать поясных бляшек сердцевидной формы с подвижным кольцом в ушке. С лицевой стороны бляшки украшены композицией из сидящих напротив друг друга профильных человеческих фигур. У одного из персонажей на голову надета повязка. На оборотной стороне предметов располагается по три шпенька для крепления к ремню.

Изделия были отлиты в двусторчатых глиняных формах по литому металлическому шаблону, сделанному с помощью тисненой бляшки. Кольца изготавливались отдельно и вкладывались в литейные формы для отливки бляшек. Готовые

отливки зачищались с лицевой стороны и золотились способом горячего золочения. На шпеньках на оборотной стороне имеются шайбочки, вырезанные из тонкой пластины, предназначенные для надежного крепления бляшек на ремне.

Считается, что поясные украшения подобной формы, конструкции и стилистических особенностей были распространены среди мажарских древностей [Комар 2011. С. 21–78], а находки венгерского импорта X в. на территории Пермского Предуралья свидетельствуют об активных торговых и культурных связях [Фодор 2015. С. 120–128].

Е. А. Шаблавина

278

278 Круглая бляха с орнаментом

Прикамье или Приуралье
IX в.
Серебро; литье, горячее золочение
Диаметр 4,2 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/44
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 279

Круглая выпукло-вогнутая бляха от поясного или сбруйного набора с изображением фигурного ромба, образованного четырьмя завитками с восьмилепестковой розеткой в центре. По краю бляха украшена рельефным ободком. На оборотной стороне имеется четыре длинных штифта для крепления к ремню.

Изделие отлито в двусторчатой глиняной форме по восковой модели, сделанной литьем «навывпеск». Лицевую сторону отливки тщательно обработали, рельеф подрезали и углубили, и затем позолотили способом горячего золочения.

Е. А. Шаблавина

279

279 Подвеска-ложечка

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье
Длина 6,0 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/54
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Подвеска в форме ложечки с овальным неглубоким черпачком и фигурной слегка выгнутой ручкой, декорированной углубленными поперечными линиями. В средней широкой части черенка имеется два ушка, на одном из них подвешена на овальном проволочном колечке лапчатая привеска. Конец черенка оформлен в виде круглой петли, за которую ложечка подвешивалась к головному убору.

Ложечка и привеска были отлиты в двусторчатых глиняных формах, сделанных с помощью шаблонов. Овальное колечко, на котором подвешена привеска, сделано из куска волоочной проволоки и сильно изношено.

На территории средневекового Пермского Предуралья такие ложечки использовались в качестве амулетов-оберегов. Женщины часто подвешивали их к поясу, иногда украшали ими наконик [Крыласова 2002. С. 208, 211]. Аналогичного вида подвеска-ложка происходит из Агафоновского II могильника, датированного IX в. [Голдина, Ютина 2012. С. 449, 468. Рис. 4]. Скорее всего, оба изделия отлиты по одному шаблону.

Е. А. Шаблавина

280

280 Подвеска-копоушка

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье, ковка
Длина без петли 12,5 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/57
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 280;
Крыласова 2007. С. 283

Копоушка (удмурт. *пельсузяньлс*, коми *пельго-дьян*) в виде литой тонкой овальной пластины, у которой с одной стороны удлиненный рифленый стержень с миниатюрной лопаточкой на конце, а с другой – петля колечком. По краю и в середине пластина украшена рядами кружкового орнамента. В петлю продето согнутое из проволоки колечко для подвешивания изделия. Копоушка литая, средняя часть отливки откована и украшена по центру и периметру кружковым орнаментом, прочеканенным канфарником. На круглом стержне было пропилено рифление в виде поперечных канавок, а конец оформлен в миниатюрную круглую лопаточку.

На рубеже IX–X вв. на территории проживания финно-угорского населения эти предметы личной гигиены были широко распространены (Кочергинский, Степаново плотбище, Баяновский могильники). Их отливали из бронзы или резали из рога. Аналогичной формы копоушки происходят также из памятников Удмуртского Предуралья (могильники Варнинский, Мыдланьшай) и Марийского Поволжья (Юмский могильник) [Крыласова 2007. С. 281–284]. Женщины носили их вместе с шумящими подвесками в составе наконников, на груди или на поясе в качестве амулетов [Там же 2007. С. 289].

Е. А. Шаблавина

281

281 Браслеты

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье, ковка, чеканка
А – длина 8,0 см, ширина 5,3 см; В – длина 6,8 см, ширина 4,8 см; С – длина 7,6 см, ширина 4,6 см; D – длина 7,1 см, ширина 5,1 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/58–61
Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 280

Две пары шестигранных граненых браслетов с расширенными концами, изготовленные одним

мастером. Поверхность изделий покрыта чеканным кружковым орнаментом, выполненным одним чеканом. Начиная с VIII в. данного вида граненые браслеты наряду с пластинчатыми, витыми и прутковыми, были распространены на территории Пермского Предуралья и существовали вплоть до XI–XII вв. [Крыласова 2007. С. 215].

Е. А. Шаблавина

282 Браслет

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье, ковка, накатка
Длина 7,1 см, ширина 5,0 см
ГЭ, инв. № 535/62
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Витой браслет овальной формы, сделанный из куски гривны глазовского типа (кат. 258), украшенной рельефной винтовой канавкой. Считается, что обрубленные куски таких гривен применяли в качестве платежного средства [Островский 2001. С. 41].

Е. А. Шаблавина

282

283 Бусы

Прикамье
X–XI вв.
Серебро; выколотка, пайка
Диаметр: А – 1,6 см; В – 1,2 см; С – 0,5 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/64
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Низка круглых серебряных бусин трех размеров с гладкой поверхностью, спаянных из полусферических бляшек, оттиснутых в анке. Входные отверстия пробиты с лицевой стороны. Края отверстий крупных бусин декорированы припаянными ободками, свернутыми из рифленой проволоки.

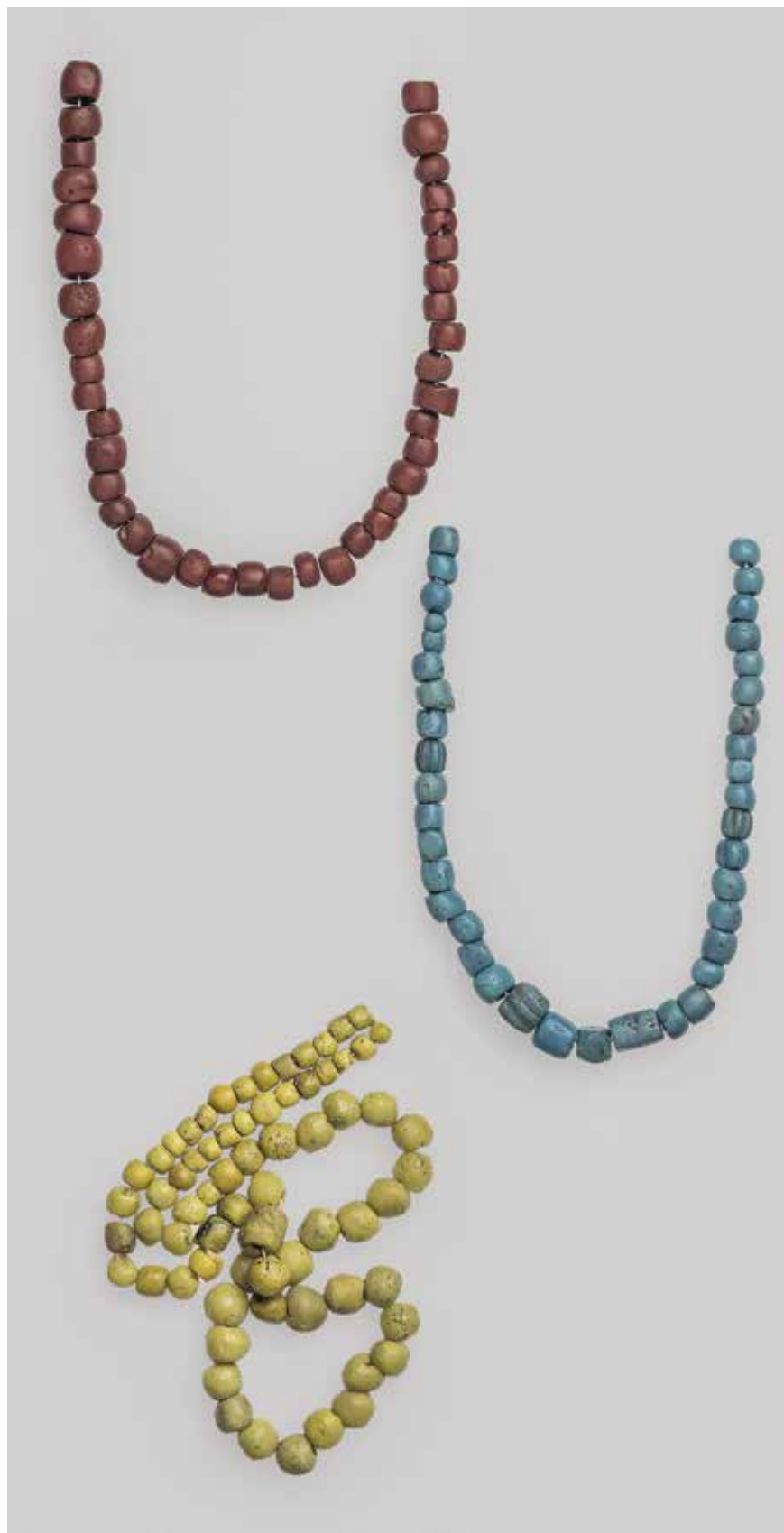
В эпоху средневековья такие бусы бытовали широко, а на территории Пермского Предуралья их, вероятно, использовали также в качестве моделей для литья бронзовых бус «флаконовидной» формы.

Е. А. Шаблавина

283

284–286

284

Бусы

Прикамье (?)

VIII–IX вв.

Стекло

Диаметр 0,6–1,0 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/65

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Искусственно скомпонованная низка из 39 бусин бочонковидной, цилиндрической и неправильно-цилиндрической, шаровидной формы.

Бусины изготовлены из щелочного стекла, сырьем для которого послужила зола каких-то растений. Стекло непрозрачного красного (печеночно-красного, сургучного) цвета. Технологической добавкой-красителем, придающим стеклу такой цвет, является медь (в виде комочков металлической меди и/или закиси меди Cu_2O) [Галибин 2001. С. 33]. В специальной литературе отмечалось, что, возможно, некоторую роль в такой окраске играют и окислы железа, не полностью растворившиеся в стеклянной массе. Технологической добавкой-глушителем, придающим стеклу непрозрачный вид, выступает олово (в виде микроскопических металлических комочков), или олово со свинцом (в виде соединения $Pb_2Sn_2O_6$). [Галибин 2001. С. 40] Прекрасная сохранность блестящей, не покрытой патиной стеклянной поверхности, указывает на высокую концентрацию в стекле элементов-стабилизаторов (кальция, возможно, вместе с магнием) и/или алюминия.

Аккуратные бочонковидные бусины по форме визуально неотличимы от экземпляров, изготавливаемых методом прессования (III группа по З. А. Львовой) [Львова 1968. С. 72], но структура стеклянной массы указывает на иную технологию.

Бусины изготовлены путем обработки тянутых стеклянных палочек. Базовые технологические операции: растягивание, обкатывание на плоской поверхности, прессование, прокалывание.

Прессованные бусы производились в Скандинавии и/или Северной Германии в VII–X вв. [Callmer 1977. P. 79; Jørgensen 1990. S. 36]. Они могли поступать в Прикамье и Приуралье в ходе пушной торговли через Старую Ладугу, а также напрямую, через Бьярмию (Пермь?). Но в данной низке бусин, подобных прессованным, немного, и их сходство с североευропейскими экземплярами, в силу простоты формы, скорее всего, случайно.

Точно определить место изготовления большинства бусин этой низки невозможно. Хорошо

известны такие бусы на территории Удмуртии, где они датируются преимущественно VIII–IX вв. [Львова 1973, С. 94; Львова 1983, С. 98]. Возможно, данные бусины были изготовлены в пределах поморской археологической культуры, в небольших мастерских, работавших на привозном стеклянном сырье.

Я. В. Френкель

285

Бусы

Прикамье (?)

VIII–IX вв.

Стекло

Диаметр 0,5–1,2 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/66

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Искусственно скомпонованная низка из 39 бусин зонной, цилиндрической и неправильно-цилиндрической формы. Выделяются цилиндрические продольно-желобчатые (дающие в поперечном сечении 5-, 6- и 8-лучевые розетки) – 4 экз., 14-гранные с мягкими гранями (и сделанные аккуратно, и выполненные небрежно, неправильной формы) – 6 экз., призматическая 6-гранная.

Бусины изготовлены из зольного щелочного стекла непрозрачного бирюзово-голубого цвета. Стекло окрашено медью. Глушителем, придающим стеклу непрозрачный вид, являются олово со свинцом (в виде соединения $Pb_2Sn_2O_6$) [Галибин 2001. С. 40]. Поверхность бусин блестящая, не покрытая патиной, что говорит о высокой концентрации в стекле элементов-стабилизаторов и/или алюминия. В одном случае к поверхности бусины приварился маленький фрагмент печеночно-красного стекла.

Бусины изготовлены путем обработки тянутых стеклянных палочек. Базовые технологические операции: растягивание, обкатывание на плоской поверхности, прессование, прокалывание. Продольные желобки нанесены на горячую заготовку инструментом (кончиком ножа?).

Бусины таких форм широко распространены, хорошо известны в ареалах поморской и неволинской культур, где датируются преимущественно VIII–IX вв. [Львова 1973 С. 94–96, Львова 1983, С. 98, Голдина 2010. С. 58]. Бусины 14-гранной формы с мягкими очертаниями преимущественно датируются IX в. Продольно-желобчатые бусы представленных форм датируются шире.

Я. В. Френкель

286

Бусы

Прикамье (?)

VIII–IX вв.

Стекло

Диаметр 0,6–1,3 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/67

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Искусственно скомпонованная низка из 69 бусин: 68 одноцветных и 1 полихромной. Одноцветные бусины бочонковидные (правильной и неправильной формы) – 30 экз., подокруглые – 36 экз., неправильно-цилиндрические – 2 экз.).

Выборочный РФл-анализ позволяет заключить, что бусины изготовлены из зольного щелочного стекла. Стекло непрозрачного желтого цвета. Различимы два оттенка желтого стекла: более насыщенное густо-желтое (а) и несколько более светлое, тускловатое (б). Технологическими добавками, придающими стеклу желтый цвет и непрозрачность, являются свинец и олово (в виде соединения $Pb_2Sn_2O_6$) [Галибин 2001. С. 33, 40].

Одна бусина изготовлена в мозаичной технике. Мозаичная заготовка была проколота и незначительно уплощена на гладкой поверхности. Цвет бусины – желто-зеленый/голубовато-зеленый/бело-лиловый. Центральное ядрышко мозаичной заготовки выполнено из лилового стекла и имеет ресничковый рисунок. РФл-анализ позволяет определить технологические добавки: голубовато-зеленое прозрачное стекло (оттенок морской волны) окрашено медью. Белое глухое стекло – многосвинцовое, окрашено оловом (существенно, что соединение $Pb_2Sn_2O_6$ в данном случае не образуется). Лиловое стекло окрашено марганцем. Отметим сложную технику заготовки, контрастирующую с грубоватым исполнением самой бусины.

Одноцветные бусины изготовлены из заготовок в виде стеклянной палочки. Представлены две технологические схемы:

1) прокалывание стеклянной палочки, обкатывание, прессование. Так изготовлены бочонковидные и цилиндрические бусины. За единственным исключением стекло бусин, изготовленных по этой схеме, имеет оттенок (а);

2) обертывание стеклянной ленты вокруг инструмента (иногда напоминает свертывание в кулек), обкатывание. Так изготовлены бусы неправильной округлой формы. Стекло бус, изготовленных по этой схеме, имеет оттенок (б).

287, 288

В двух случаях на поверхности желтых бочонковидных бусин заметны свили голубого и печеночно-красного стекла. Это позволяет полагать, что желтые бусы клада были изготовлены там же, где и голубые и печеночно-красные бусы (кат. 284, 285) – предположительно, в Прикамье. З. А. Львова датировала желтые бочонковидные бусы полемской культуры VIII–IX вв., желтые округлые бусы – VIII в. [Львова 1983, С. 98]. Е. В. Голдина расширяет интервал бытования последних в сторону удревнения [Голдина 2010. С. 60, 145]. Мозаичная бусина, вероятно, изготовлена там же из привозной заготовки.

Желтые одноцветные бусы таких форм известны в памятниках полемской культуры.

Я. В. Френкель

287

Бусы

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье
Диаметр 0,6–1,0–1,5 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/68
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Низка литых бронзовых бусин флаконовидной формы, разных диаметров (14 шт.). Входные от-

верстия у крупных бусин украшены рельефными ободками. Все бусы, несмотря на разницу в размерах, отлиты одним способом. С помощью деревянного шаблона или металлической паяной бусины (ср. кат. 283) изготовили двусторчатую глиняную форму. Чтобы бусины получились полыми, в литейную форму вставили глиняный сердечник в виде шарика, насаженный на глиняный или металлический стержень. Затем на одной из створок сделали литник. После заливки расплава бронзы литники отломили, а поверхность отливок зачистили, но не тщательно.

На территории Пермского Предуралья флаконовидные бусины бытовали во 2-й половине X – 1-й половине XI в. Их использовали в составе наконечников и в качестве поясных привесок [Крыласова 2002. С. 206, 210].

Е. А. Шаблавина

288

Бусы

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье
Диаметр 1,1 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/69
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

289, 290

Низка из 26 бронзовых бусин, по форме, технике изготовления и назначению аналогичных предыдущим экземплярам (кат. 287).

Е. А. Шаблавина

289

Бусы

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье
Диаметр 0,9–1,1 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/70
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Низка из 67 бронзовых бусин, по форме, технике изготовления и назначению аналогичных предыдущим экземплярам (кат. 287, 288).

Е. А. Шаблавина

290

Бусы

Прикамье
X–XI вв.
Бронза; литье
Диаметр 0,5–0,7 см

Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/71
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Низка из 100 бронзовых бусин, по форме, технике изготовления и назначению аналогичных предыдущим экземплярам (кат. 287–289).

Е. А. Шаблавина

291

Низка бронзовых пуговиц (?)

X–XI вв.
Бронза; литье
Диаметр 0,5–0,6 см
Редикорский клад, 1909 г.
ГЭ, инв. № 535/72
Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Бронзовые бляшки-пронизки (32 шт.) пирамидально-двускатной формы, с гладкой лицевой стороной и маленьким ушком, отлитые в двусторчатых глиняных формах, сделанных с помощью одного шаблона. В каждую литейную форму вкладывался стержень для формирования отверстия в ушке.

Е. А. Шаблавина

291

292

292

Пара ажурных треугольных подвесокПрикамье
X–XI вв.

Бронза; литье, пайка

Длина 14,0 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/75–76

Публикации: ОАК 1913. С. 228–230. Рис. 274

Пара бронзовых подвесок, представляющих собой ажурные пластины полукруглой формы, декорированные городками псевдозерни. Центральная часть арок украшена вертикальной рельефной полосой. Вдоль нижнего края пластин

расположено шесть круглых петель, на которых подвешены цепочки с привесками в виде утиных лапок на концах. На оборотной стороне пластин находится петля для подвешивания украшения на кожаном шнурке.

Обе подвески идентичны и отлиты традиционным для финно-угорского производства способом – по выплавляемой восковой модели, которую для каждого изделия лепили вручную. Модели ажурных пластин собирали из гладких восковых жгутиков, кусков вощеных веревочек и восковых шариков. Один из ярусов выложен S-образными завитками. На нижнем крае пластин припаяли круглые петли, свернутые из восковых жгутиков. Затем модели обмазали глиной, сформировали литниковые каналы, формы просушили, вытопили воск и залили расплав бронзы. Цепочки собирали на готовых отливках. Восьмеркообразные неразъемные звенья сворачивали из восковых жгутиков и сцепляли с предыдущими звеньями. Для каждого звена изготавливали персональную литейную форму с литником, остатки которого есть на каждом звене цепочек. Этим же способом присоединяли к цепочкам и восковые модели лапчатых привесок.

Рассматриваемые арочные подвески являлись традиционным украшением женского убора волжских финнов в эпоху средневековья. Они крепились к концу наконсников на кожаном шнурке или цепочке [Крыласова 2002. С. 207].

Е. А. Шаблавина

293

Пара ажурных подвесок с цепочкойПрикамье
X–XI вв.

Бронза; литье, ковка, волочение

Длина подвесок 42,5 и 57,0 см

ГЭ, инв. № 535/77–78, 79

Редикорский клад, 1909 г.

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Пара бронзовых плоских ажурных подвесок полукруглой (арочной) формы. В середине пластины каждой подвески заключена композиция из завитков. В верхней части пластин находится круглая петля, а в нижней – ряд просверленных отверстий с подвешенными к ним длинными цепочками, оканчивающимися очковидными спиральными привесками. Оба изделия отлиты в двусторчатой глиняной форме и являются репликами с готового украшения. Качество отливок удовлетворительное, часть прорезей не пролилась и заполнена об-

293

лоем. Цепочки собраны из овальных разомкнутых звеньев, свернутых из протянутой проволоки. Спиральной формы привески сделаны из узких прокованных полосок.

В эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья такие подвески являлись традиционным угорским украшением женских наконсников. Они подвешивались на кожаных шнурах к двум косам, которые дополнительно скреплялись между собой цепочкой [Крыласова 2002. С. 207].

Е. А. Шаблавина

294

Четыре шумящие подвески-уточкиПрикамье
XI–XII вв.

Бронза; литье

Длина 6,2 см, 6,0 см, 6,3 см, 6,3 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/80, 82–84

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Четыре бронзовых полых подвески в виде стилизованных фигурок уток с двумя круглыми петлями у основания, на которые подвешены лапчатые привески. На спине каждой уточки

294

имеется круглое отверстие для подвешивания украшения на кожаном шнурке.

Все эти изделия являются индивидуальными отливками, сделанными по выплавляемым восковым моделям [Минасян 2014. С. 108–112]. На глиняном сердечнике лепили из воска фигурку птицы, декорируя головку и клюв восковыми шариками, а низ тулова – рельефными восковыми веревочками. К модели подвешивали неразъемные восьмеркообразные звенья, скрученные из восковых жгутиков, и по две восковых привески в форме утиных лапок. На каждой детали подвесок есть остатки персональных литников. Затем всю конструкцию аккуратно заформовывали в глину так, чтобы ни одна деталь не соприкасалась друг с другом, и, возможно, за один прием отливали каждое изделие.

В эпоху средневековья такие шумящие подвески на территории Пермского Предуралья входили в состав девичьих наконсников и являлись амулетами-оберегами [Крыласова 2002. С. 208]. Культ водоплавающих птиц, особенно утки, был широко распространен среди финно-угорских народов севера Восточной Европы и Западной Сибири. Согласно их мифам, утка являлась прародительницей мира [Голубева 1979. С. 5].

Е. А. Шаблавина

295

295

Бусы

VII–IX, X–XI, XVII–XVIII вв.

Стекло

Диаметр 0,5–1,2–1,5 см

Редикорский клад, 1909 г.

ГЭ, инв. № 535/108

Публикации: ОАК 1913. С. 228, 230

Искусственно скомпонованная низка из 59 бусин: 9 бусин, декорированных металлической фольгой, 29 одноцветных и 21 полихромная бусина.

Лимоновидные бусы и пронизки, декорированные серебряной фольгой (4 экз. серебростеклянных и 5 экз. «золотостеклянных») (эффект золочения создает наружное желтое прозрачное стекло – кантарель), выполнены из тянутых стеклянных трубочек. Одна из серебростеклянных бусин желобчатая.

В той же технике выполнены 9 лимоновидных одноцветных бусин: 3 экз. синего прозрачного стекла (две двучастные пронизки и одна желобчатая лимоновидная), 5 экз. желтого глухого стекла (3 экз. двучастных пронизок, из них две двуслойные, и 2 экз. желобчатых лимоновидных) и одна желобчатая вытянуто-лимоновидная бусина зеленого стекла.

Большинство вышеперечисленных бусин в пределах конца I – самого начала II тыс. н. э. узко не датируются. Исключение составляют две крупные двуслойные пронизки желтого стекла (а) с бесцветной прозрачной сердцевинкой, датирующиеся концом X – XI в. [Валиулина 2008. С. 288; Френкель 2007. С. 104–106].

Голубая бусина бирюзового непрозрачного стекла аналогична экземплярам, представленным в низке кат. 285.

15 бусин (14 экз. зеленого стекла и 1 экз. черного стекла) мелкие, подцилиндрические, зонной (14 экз.) и биконической (1 экз.) формы, выполнены из тянутых палочек. Большинство бусин этой серии сильно разрушены, и датировать их затруднительно. То же можно сказать о датировке бусины цилиндрической формы желтого прозрачного стекла, выполненной методом навивки.

Особо отметим три бусины. Одна из них – бочонковидная двуслойная, с синим поверхностным слоем стекла и сердцевинкой белого непрозрачного стекла (b). Известные нам экземпляры бус этого типа встречаются на северо-западе России: в Старой Ладогге, в Пскове [Яковлева 2006. С. 73, Рис. 3] и в Северной Европе (Швеция, Бирка, погребение 825) [Arbman 1940. Taf 120 : 6-0] и датируются последней третью X в. Две другие

бусины – линзовидная синего прозрачного стекла (c) и зонная ярко-голубого прозрачного стекла (d) – по датировкам заметно выпадают из серии бус клада, поскольку относятся уже к Новому времени (XVII–XVIII вв.).

Полихромные бусы низки разновременны и по широте датировки соответствуют серебростеклянным и большинству одноцветных бус.

Целая серия полихромных бусин принадлежит к очень широко распространенному типу и так же широко датируется в пределах VI–IX вв. Назовем здесь цилиндрическую печеночно-красную бусину с рельефными глазками (глазчато-бородавчатая) (e), 4 экз. зонных бусин бесцветного прозрачного стекла (зеленоватого и голубоватого оттенка), декорированных полихромными глазками (f), и пестрое большинство мозаичных бус (g).

Внутри названного временного интервала данные типы бус имеют свою, более дробную датировку. Глазчато-бородавчатая бусина относится к типу, датирующемуся VII–VIII вв.; зонные бусы с полихромными глазками датируются наиболее широко: преимущественно VI–IX вв.; мозаичные бусы в целом датируются VII–IX вв. [Львова 1973. С. 86–89; Голдина, Королева 1983. С. 62, Табл. III; Ковалевская 2000. С. 65–69; Голдина 2010. С. 55–56, 142–143, 145–147]. Небольшая бусина глухого голубого стекла с мозаичными ресничковыми глазками (h) датируется предположительно VIII–IX вв. [Голдина 2010. С. 145] По формальным признакам она сопоставима с одноцветными бирюзовыми бусами низки кат. 285, допускающими предположение о прикамском производстве, однако сложный ресничковый глазок говорит о дальнем импорте мозаичных заготовок. Небольшая глазчатая бусина черного стекла с крупными бело-синими глазками (i) датируется широко: VIII–X вв. Другая, менее значительная серия бусин датируется в пределах X–XI вв.: речь идет о трех небольших, небрежно сделанных черно-белых мозаичных бусинах неправильно-округлой формы (j) (X в.) [Львова 1968. С. 70] и одной печеночно-красной бусине с тремя крупными зелено-желтыми глазками – так называемой треугольной бусине (k) (преимущественно XI в.). Такие бусы, встречающиеся на обширной территории, судя по публикациям специалистов [Валиулина 2005. С. 100–103], в тот период были особенно распространены в Волжской Булгарии.

Таким образом, среди бусин данной низки выделяются три хронологические группы: ранняя (преимущественно VII–IX вв.), рубежа тысячелетий (X–XI вв.) и относящаяся к новому времени (XVII–XVIII вв.). Разновременность и известная

Схема расположения бус, упомянутых в тексте

«разношерстность» бусин, собранных на этой низке, контрастирует со сравнительной одновременностью бусин трех других низок «комплекса» Редикорского клада. Культурная и хронологическая целостность серии артефактов, выступающих под этим наименованием, сомнительна. Это предполагает необходимость комплексного анализа, направленного на реконструкцию сравнительно недавней истории формирования этой серии древностей.

Я. В. Френкель

296

Кинжал в ножнах

Прикамье

X в.

Железо, дерево, серебро, камни, стекло (?);

ковка, пайка, зернь, позолота

Длина 36,0 см, ширина 2,5–3,5 см

Фонд Марджани, инв. ИМ/М-80

Публикуется впервые

296

Железный кинжал с цилиндрической рукоятью в деревянных ножнах конической формы, украшенных серебряными обкладками со вставками из поделочных камней. Ножны сделаны из двух деревянных пластин, на которые в верхней и нижней части наложен тонкий серебряный лист, обернутый вокруг деревянной основы и соединенный внахлест на тыльной стороне. На обратной стороне ножен от верхней кромки и почти до окончания нижней части прикреплена бронзовая ковкая узкая скоба из прямоугольного в сечении дрота, скрепляющая две части серебряных обкладок.

Нижняя часть обкладок украшена небольшой вставкой темно-синего цвета, закрепленной в цилиндрическом касте, обведенном у основания штампованной проволокой. Верхняя часть нижней обкладки обломана. Края верхней части обкладки на лицевой стороне декорированы треугольниками зерни, вставкой типа кабашон насыщенного темно-красного цвета (янтарь?) в глухом касте овальной формы. Каст обведен штампованной проволокой с концами, спускающимися вниз и расходящимися в стороны в виде якоря. К этому проволочному рисунку по бокам припаяны зерновые треугольники. Аналогичный орнамент повторен на обкладке рукояти. Вставка здесь бесцветная с голубоватым оттенком, полупрозрачная. Фон позолочен.

В нижней и верхней части обкладки рукояти имеется небольшой валик, который сверху закрыт полусферическим навершием. В верхней части из торсированной проволоки сделано небольшое колечко, внутри которого был помещен глухой цилиндрический каст со вставкой из стекла (?) зеленого цвета. К верхнему колечку припаяно четыре треугольника зерни, образующими розетку. Зернь, крупная, грубая. Фон позолочен.

Подобные ножны от больших ножей часто встречаются среди прикамских древностей (поломской культуры) VIII – IX вв. Разнообразная коллекция такого рода артефактов происходит из Варнинского могильника [Семенов 1980. С. 50, 132. Табл. XXV, XXVI]. На ряде ножен с серебряными обкладками из захоронений этого могильника имеется якорьковый орнамент из штампованной или торсированной проволоки, дополненный вставками из стекла или поделочных камней [Иванова, Куликов 2000. С. 31, 190. Кат. № 56]. На ножнах сохранились следы позолоты. В отличие от рассматриваемых ножен, обкладки из Варнинского могильника сплошные, полностью закрывающие деревянную основу. Кроме того, нижняя часть ножен из Варни (на-

конечник) изготовлена отдельно и расширяется в нижней части. Близкие по конструкции и дизайну ножи в серебряных ножнах с якорьковым орнаментом найдены в Поломском могильнике VIII–IX в. [Руденко 2015. С. 246. Рис. 44], а ножны такого типа без наконечника – в могильнике Мыдланьшай на р. Чепце в Удмуртии [Генинг 1962. Табл. VII, 1]. Они датируются тем же временем и тоже украшены якорьковым орнаментом, усложненным зерновыми ромбиками, треугольниками и вставками. Ножи в ножнах с бронзовыми обкладками найдены в раннебулгарском Танкеевском могильнике IX – X в., однако они другой формы и без зерновых узоров [Казаков 1992. С. 136. Рис. 50, 10, 11]. На рукояти одного из них имеется «колпачок», напоминающий навершия рукоятей сабель из могильников IX–X вв., например Больше-Тиганского в Татарстане.

Прототипами подобных изделий являются ножны без зерновых узоров усеченно-конической формы [Руденко 2015. С. 158. Ил. 244], что позволяет предполагать их местное происхождение. Судя по материалам древнемарийских могильников – Юмского, Нижняя Стрелка, – верхняя граница бытования таких ножей с серебряными ножнами – X в. [Никитина 2012. С. 223, 230, 262. Рис. 117, 11; 124, 7; 156, 3]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что представленный кинжал и ножны изготовлены в Прикамье, относятся к полемской культуре и датируются по аналогиям IX в.

К. А. Руденко

297

Кинжал в ножнах

Прикамье (?)

IX в.

Железо, дерево, серебро; пайка, зернь, скань,

позолота, стекло (?), янтарь

Длина 40,5 см, ширина 2,3–3,0 см

Фонд Марджани, инв. ИМ/М-81

Публикуется впервые

Железный кинжал с цилиндрической рукоятью, в ножнах, являющихся почти точной копией кинжала кат. 296. Ножны деревянные, сужаются в нижней части, украшены серебряными обкладками со вставками из янтаря и стекла (?) в нижней и в верхней части. Между обкладками, на свободном участке шириной 5 см, наложена серебряная обойма шириной 1 см. На обратной стороне ножен, от верхней кромки до нижней части, прикреплен бронзовая ковкая узкая

297

297

пластина из прямоугольного в сечении дрота, скрепляющая серебряные обкладки и ножны в целом. Нижняя часть этой пластины загнута и заходит в торец ножен. Верхняя часть пластины расплющена и двумя гвоздиками прибита к деревянной основе.

Нижняя часть обкладок украшена небольшой полупрозрачной стеклянной (?) вставкой типа кабошон темно-зеленого цвета (?), закрепленной в цилиндрическом касте, обведенном у основания штампованной проволокой. У округлого торца на серебряной обкладке сохранились два треугольника зерни, третий, видимо, утрачен. Такие же зерновые треугольники имеются на верхнем краю обкладки. Причем край этот дополнительно украшен чеканным узором – объемным пояском из двух валиков, между которыми пуноном выбиты изнутри точки.

Края верхней части обкладок завальцованы. Сверху и снизу к валику припаяны треугольники зерни, причем средний из нижних треугольников увенчан маленьким ромбиком. «Якорек» декорирован треугольниками зерни. Вставка практически утрачена, однако по сохранившимся осколкам можно предположить, что она, скорее всего, была янтарной.

Обкладка рукояти декорирована штампованной проволокой в виде «якоря», в верхней части которой (петельке) помещен глухой каст с янтарной вставкой. Верхняя часть рукояти не имеет навершия. Фон позолочен.

Подобные ножны от больших ножей часто встречаются в древностях полемской культуры VIII–IX вв. Скорее всего, кинжал и ножны относятся к этой культуре и датируются по аналогиям VIII–IX вв.

К. А. Руденко

298

Кресало

Прикамье
Конец IX – середина XI в.
Бронза, железо; литье,ковка
Длина 4,7 см, высота 3,9 см
Пермская губ., Чердынский у., Мошевская вол.,
случайная находка
ГЭ, инв. № 571/208
Публикации: Крыласова 2007. С. 157–159. Рис. 69, 1

Биметаллическое кресало с бронзовой зоморфной рукоятью и рабочей частью в виде железной пластины. Плоская ажурная рукоять оформлена в виде стилизованных голов двух

животных (коньков?) с длинными вытянутыми шеями, повернутых друг к другу и разделенных в центре узкой перегородкой. Морды животных с широко раскрытыми пастьми соприкасаются, образуя между собой овальное отверстие для подвешивания. На двух сторонах шерсть зверей на голове и загривке обозначена тонкими поперечными линиями. Основание рукояти декорировано кружковым орнаментом.

Изделие отлито в двустворчатой глиняной форме, сделанной по вырезанному из дерева или кости шаблону. Внутри створок вложили железную пластину, на которую пролили расплавленную бронзу. Поверхность отливки зачистили.

Кресала (огнива) для добывания огня являлись одним из основных предметов повседневной жизни человека. Легковоспламеняющимся материалом служил трут, хранившийся в специальных футлярах – трубицах, свернутых из железных или бронзовых пластин. Технологическое изучение большой серии предметов выявило, что для изготовления кресал обязательно использовалась качественная сталь. На территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья были распространены разнообразные формы кресала, ударная деталь на большей части которых, как показали исследования, сделана из неравномерно науглероженной стали. Их относят к продукции местных кузнецов [Завьялов 1988. С. 148–150].

В X–XI вв. кресала часто входили в состав погребального инвентаря мужских и женских захоронений, что связано с представлениями о загробной жизни. Среди стальных кресал особо выделяются биметаллические экземпляры с бронзовой фигурной рукоятью, которые помимо утилитарного назначения играли и защитно-магическую роль [Крыласова 2007. С. 144; Кулябина 2013. С. 245–247].

Е. А. Шаблавина

299

Поясной набор

Прикамье или Волжская Булгария
XI–XII вв.
Бронза, серебро; литье, тиснение, чернь, золочение
Пряжка: длина 5,8 см, ширина рамки 2,7 см;
накладки сердцевидной формы: длина 2,4 см,
ширина 2,2 см; накладки арочной формы:
длина 2,3 см, ширина 2,4 см, обойма 2,6 × 3,0 × 2,0 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-147
Публикуется впервые

298

В состав этого набора входят накладки двух типов: арочные и сердцевидные. Орнаментальное поле и арочных, и сердцевидных накладок разделено на четыре сектора двумя углубленными линиями, пересекающимися по диагонали. В каждый сектор заключено стилизованное изображение растительных побегов (мотив крина). Рисунок зачернен, фон позолочен. Края накладок обоих типов оформлены рубчатым пояском, имитирующим зернь.

Накладки арочной формы имели широкое распространение в составе поясного гарнитура в Прикамье и Зауралье с XI в. [Савельева 1987. Рис. 37, 21]. Встречаются они и за пределами указанного региона. Пик их популярности приходится на XII в. В Волжской Булгарии встречаются накладки такой формы, однако представлены они в небольшом количестве. Как правило, рисунок на них иной: симметрично расположенные полупальметты, похожие на крылья бабочки. В данном же случае мы наблюдаем композицию из стилизованных растительных побегов. В какой-то мере они напоминают ряд сюжетов, встречающихся на болгарских черненых перстнях XII в. [Руденко 2015. С. 361. Кат. № 7].

Сердцевидные накладки украшены тем же орнаментом, что и арочные. Ряд близких аналогий отмечаем на бронзовых накладках начала XI в. из Волжской Булгарии [Руденко 2015. С. 264. Рис. 63, 1, 2]. Ряд совпадений можно обнаружить и на черненых древнерусских изделиях. Однако сочетание черни и позолоты не характерно

299

ни для болгарских, ни для древнерусских украшений такого рода, а встречается на изделиях XII–XIII вв. из Прикамья. Более ранние поясные накладки с чернью и позолотой из Саркела, датированные С. А. Плетневой 960-ми гг. [Макарова, Плетнева 1983. С. 67, 74. Рис. 3], отличаются как по технологии изготовления, так и формой и орнаментом.

Форма и орнамент шарнирной пряжки характерны для пермских поясных пряжек X в., например, из Варнинского могильника или Поломского I могильника IX–X в. [Иванова, Куликов 2000. С. 87, 91, 95. Кат. № 203, 207, 209].

Кроме пряжки в составе данного набора присутствует литая разомкнутая позолоченная обойма с грубым рисунком, в котором угадывается мотив крина. Принадлежность данной обоймы к поясному набору сомнительна.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что накладки поясного набора изготовлены в Прикамье и датируются по аналогиям XI – началом XII в., а пряжка – X–XI вв.

К. А. Руденко

300

Подвеска в виде лошади (конька)

Прикамье (?)

XII в.

Бронза; литье

Длина 6,1 см, высота 6,3 см

Пермская губ., Чердынский у., случайная находка, 1890 г.

ГЭ, инв. № 556/1

Публикации: Сергеев 1897. С. 19

300

Подвеска представляет собой полуфигурку в виде лошадки, орнаментированную рельефными полосками. На спине находится круглое отверстие для подвешивания украшения на кожаном шнурке. Изделие отлито традиционным для финно-угорского производства способом – по выплавляемой восковой модели [Минасян 2014. С. 112]. Фигурку моделировали на глиняной основе, слепленной приблизительно по форме предмета. Основу покрывали тонким слоем воска, вырезали ажурные прорезы, а поверхность модели декорировали узкими восковыми рифлеными полосками, имитирующими гриву лошади и уздечку. Уши и хвост сделаны из восковых колечек. На поверхности изделия в разных местах поверх орнамента имеются короткие палочки – остатки литников. На отливке большое количество корольков, декор в нижней части изделия нечеткий.

Коньковые подвески в различных вариациях широко представлены в финно-угорских средневековых древностях. Космогонические представления связывали образ коня с солнцем, жертвоприношения которому коми, удмурты, мордва, мари, корелы совершали до начала XX в. В фольклоре сохранились понятия о небесных и солнечных конях [Голубева 1979. С. 6]. Подобного вида подвески найдены на территории Верхнего Прикамья (коллекция Теплоуховых), но большинство происходит из памятни-

301

ков XII–XIII вв. на территории Западной Сибири [Кулябина 2013. С. 120–121, 230]. Рассматриваемое изделие является украшением-амулетом женского пояса.

Е. А. Шаблавина

301

Височное кольцо

Прикамье

XI – начало XIII в.

Серебро; ковка, тиснение, пайка, зернь, скань

Диаметр 2,8 см

Фонд Марджани, инв. ИМ/М-183/4

Публикуется впервые

На серебряную проволоку диаметром в сечении 0,3 см, согнутую в кольцо, надета серебряная бусина, собранная из двух полусфер. Половинки бусины спаяны, а соединительный шов замаскирован тремя скаными поясками, вдоль которых с обеих сторон припаяны шарики зерни. Поверхность зерни и скань заглажены. Бусина закреплена на кольце скаными проволочками, специально намотанными в два витка с обеих сторон от основания бусины. Концы проволочек вытянуты по дужке кольца, образуя «ребрышки», и закручены. Окончания кольца раскованы в две маленькие ромбовидные площадки, в которых пробиты сквозные отверстия.

302

Подобные височные кольца встречаются на прикамских памятниках с XI в. Раскованные окончания характерны для древнерусских ювелирных украшений, однако использование скани как конструктивного элемента на этих изделиях встречается нечасто. Для местного ювелирного дела типично использование «ребрышек», как части общей конструкции височного украшения и одновременно элемента дизайна. Булгарские изделия никогда не имеют раскованных окончаний с отверстиями и подобных конструктивных и декоративных элементов.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что данное височное кольцо изготовлено в Прикамье и датируется по аналогиям XI – началом XIII в.

К. А. Руденко

302

Пара височных колец с подвесками

Прикамье
XII – 1-я половина XIII в.
Серебро; золочение, волочение, пайка, зернь, скань
Общая длина 10,0 см, диаметр 4,7 и 4,9 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-183/1
Публикуется впервые

Височное украшение в виде разомкнутого кольца из круглой в сечении проволоки, с напускными полыми бусинами, украшенными зернью и сканью с позолоченным фоном. К центральной бусине на специальных колечках, на трех цепочках из трех звеньев, прикреплены позолоченные привески цилиндрической формы с полусферическими окончаниями. Напускные бусины состоят из двух полусферических позолоченных половинок, украшенных пятью треугольниками мелкой зерни, край обрамлен двумя витыми проволочками; место соединения половинок закрыто пояском крупной зерни. Тонкая витая проволочка навита на кольцо у отверстия каждой бусины с обеих сторон на месте перехода от основания серьги к дужке. Привески состоят из двух позолоченных половинок, каждая из которых украшена пятью треугольниками мелкой зерни.

Форма трехбусинных височных украшений достаточно типична для ювелирных изделий Предуралья и Волжской Булгарии XI–XIV вв. Причем три напускных бусины чаще всего встречаются в Волжской Булгарии и чуть реже в Прикамье. Дополнительные подвески на цепочках к височным кольцам также характерны для этих территорий, хотя чаще встречается у болгар. Известны золотые трехбусинные височные кольца, выполненные, однако, в иной манере, например изделия из Кожаевского клада [Руденко 2011. С. 188–189. Кат. № 2, 3].

Особенностью данных колец является дужка из цельного серебра. Основу болгарского височного кольца практически всегда составляла медная проволока, покрытая золотой или серебряной фольгой. Другим интересным элементом декора является наличие боковых сканых проволочек («ребрышек»), которые фиксируют положение напускных бусин, заменяя плотно навитую проволочку, использовавшуюся для этой цели на болгарских изделиях [Руденко 2011. С. 66]. Этот прием был широко распространен в производстве серебряных украшений в Предуралье и Зауралье XI–XIV вв., как и золочение украшений, что не прослеживается на болгарских украшениях.

Вероятными прототипами, скорее всего, являются прикамские трехбусинные височные колечки, например, из Кузьминского могильника XI–XIII в. в Удмуртии [Руденко 2015. С. 152. Ил. 234]. Однако наличие подвесок с желудевидными бусинами явно указывает на болгарское влияние. Вместе с тем, если мы сравним прикамские и болгарские элементы, которые прослежи-

ваются на этом изделии, то их будет примерно поровну. Например, если привески на цепочках – элемент болгарской традиции, то использование узкой полоски металла для скрепления половинок этих бусин-привесок характерно для прикамских ювелиров. Изредка в Прикамье встречаются и совсем оригинальные элементы, такие как использование витой проволочки для изготовления звеньев цепочки.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что данные височные кольца выполнены в Прикамье как подражание болгарским украшениям и датируются по аналогиям XIII в.

К. А. Руденко

303

Пара подвесок с цепочкой

Прикамье
XII–XIII вв.
Серебро; позолота, штамповка, пайка, зернь, скань
Подвески: длина 5,9 см, ширина 5,1 см;
цепочка: длина 70,0 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-150/2
Публикуется впервые

Пара подвесок булавовидной формы с овальной, близкой к трапеции, разомкнутой провололочной дужкой диаметром в сечении 0,3 см. Тулово подвески состоит из нескольких спаянных частей: нижнего шара, собранного из двух половинок, усеченного конуса, направленного узкой частью вверх, и малого усеченного конуса, над ним, завершающего всю конструкцию. На дужке имеются две напускные шаровидные бусины; дополнительная шаровидная бусина прикреплена с одной стороны одной из подвесок чуть выше. Цепочка проходила под подбородком, соединяя между собой подвески, которые носились у висков.

Каждая подвеска обильно украшена крупной зернью и сканью. Скаными поясками тулово подвески разделено на семь зон, две из которых приходятся на шаровидную нижнюю часть, две – на среднюю, а остальные – на верхнюю часть. Из них пять декорированы зерневыми треугольниками. Нижняя часть подвески украшена массивной зерневой пирамидкой. Зерневыми треугольниками украшены и шаровидные напускные бусины. Боковая бусина, расположенная на дужке, украшена зерневыми треугольниками в верхней половине. Нижняя часть дужки оформлена сканью. Для того чтобы бусина не съезжала вниз на дужку, припаяны две сканые проволочки

303

в виде «ребрышек», концы которых закреплены на краях подвески. Фон подвесок позолочен.

Ранние варианты таких украшений встречаются в Прикамье и на Средней Волге с VI по VII в. н. э., например, в ломоватовской культуре [Голдина 1985. С. 209. Табл. I]. Широкое распространение они получили в поморских и чепецких памятниках Прикамья в IX–XI вв. [Иванов 1997. С. 231. Рис. 47, 14–22]. У ранних болгар единичные булавовидные подвески, почти без зерни, известны только в Танкеевском могильнике IX–X вв. Височные подвески иной формы, но соединенные цепочками, найдены в Больше-Тиганском могильнике IX – начала X в. В Волжской Булгарии в XI – XII вв. подвески такого типа не изготавливались и не носились. Но в Прикамье эта традиция не исчезла, подобные украшения были в употреблении и производились весь домонгольский период. В Зауралье булавовидные подвески имели хождение и в золотоордынское время: в XIII и, вероятно, XIV вв. Отдельные элементы булавовидных височных подвесок встречаются и на других ювелирных украшениях X–XIII вв. в Волго-Камье [Руденко 2007. С. 189. Рис. 78]. Есть

304

мнение, что подвески рассматриваемого типа из Прикамья – изображение женщины с поднятыми вверх руками [Шутова 2001. С. 161. Рис. 42].

Скорее всего, данные подвески с цепочкой изготовлены в Прикамье и датируются по аналогии XII–XIII вв.

К. А. Руденко

304

Пара бусин

Прикамье или Древняя Русь
XII–XIII вв.

Золото; штамповка, пайка, зернь, скань

Диаметр 1,5–1,6 см

Фонд Марджани, инв. ИМ/М-367–368

Публикуется впервые

Бусины сферической формы изготовлены из двух спаянных бляшек. Соединительный шов закрывает узкая полоска металла. Отверстия в бусине сверху и снизу окантованы тонкой проволокой круглого сечения. Под проволокой имеется поясик из зерни. Обе половинки бусин украшены орнаментом из зерни в виде больших и малых треугольников.

В болгарских древностях известна только одна золотая бусина с ушком для подвешивания и крупным шариком зерни внизу, использовавшаяся в качестве подвески [Руденко 2011. С. 106, 227. Рис. 23. Кат. № 38]. Самостоятельно или в составе ожерелий золотые бусины болгарски-

ми ювелирами не использовались, а подвески, которые ими производились, имели вытянутую форму, напоминавшую желудь. В виде шара делались миниатюрные привески с зернью, использовавшиеся в височных украшениях с изображением птицы [Руденко 2011. С. 215, 220. Кат. № 25, 28]. Шаровидные напускные бусины чаще встречаются на древнерусских и прикамских височных кольцах, серьгах и подвесках [Руденко 2007. С. 190. Рис. 79; 2015. С. 150. Ил. 321]. Именно там обнаруживаются прямые аналогии рассматриваемым бусинам. С прикамскими ювелирными изделиями их связывает и полоска металла, закрывающая соединительный шов.

К. А. Руденко

305

Трапециевидная подвеска на цепочке

Прикамье
XII–XIII в.

Серебро; золочение, ковка, пайка, зернь, скань, стекло

Цепочка: длина 65,0 см; подвеска: длина 12,0 см,

ширина 3,5 см

Фонд Марджани, инв. ИМ/М-182

Публикуется впервые

Украшение представляет собой плоскую пластину в виде трапеции с полукруглой нижней частью. Край пластины в верхней части загнут, и в образовавшуюся втулку пропущен ремешок для крепления цепочки. Пластина украшена

многозонным орнаментом: в центральной части между поясками штампованной проволоки (катушечной филигрны) помещены три стеклянных квадратных каста со вставками из стекла (?). По контуру касты обрамлены отрезками штампованной проволоки, а по углам – зернью. Треугольники и цепочки зерни заполняют свободное пространство орнаментального поля. Верхний и нижний края украшения декорированы уложенными в двухрядную «косичку» отрезками штампованной проволоки и цепочкой зерни, которая дополнена композицией из зерневых треугольников. Верхняя и нижняя орнаментальные зоны также украшены небольшими ромбическими вставками, помещенными внутрь ромбиков из крупной зерни. Цепочка, составленная из нескольких жгутиков, заканчивается цилиндрическими колпачками, украшенными тремя поясками штампованной проволоки, состоящими из пары отрезков. Эти пояски делят орнаментальную плоскость на две зоны, декорированные треугольниками зерни. Фон колпачков позолочен.

Подобного рода украшения встречаются на р. Чепце и Выми и в Зауралье. Большинство находок в Пермском Предуралье являются случайными. Из раскопок происходят подвески из Солдырского могильника Чемшай в Удмуртии и погребения 74 Кичилькосьского могильника на Выми. Датируются они X – XIII вв. [Савельева 1987. С. 120. Рис. 33, 20; Руденко 2015. С. 179–180. Ил. 287]. Однако все эти подвески имеют только один каст. Известна только одна подвеска с тремя кастами, она происходит из клада у с. Мужы в Приобье и найдена вместе с древнерусским браслетом XII в. [Руденко 2015. С. 180]. Конструкция цепочки (ремешок и плетеная проволочная обмотка) имеет аналогии в новгородских древностях середины XIII в. [Седова 1981. С. 100. Рис. 35, 6].

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что данная подвеска изготовлена в Прикамье и датируется по аналогиям XIII в.

К. А. Руденко

305

306

306

Шумящая подвеска в виде птицы

Прикамье
XII–XIII вв.
Бронза; литье
Длина 5,5 см
Пермская губ., Чердынский у. Случайная находка
ГЭ, инв. № 571/218
Публикуется впервые

Полая объемная подвеска в виде фигурки птицы (петушка) с двумя привесками-колокольчиками на цепочках. Одна из них не сохранилась. На спине находится круглое отверстие для подвешивания на кожаном шнурке. Изделие вместе с подвижными неразъемными звеньями отлито из бронзы традиционным для финно-угорского производства способом – по выплавляемой восковой модели. Фигурку петушка вручную вылепили из воска на глиняной основе в форме туловища и шеи птицы. Основу покрыли слоем воска, смоделировали головку и клюв петушка. Затем из восковых шариков сделали глаза и гребешок. Тонкими жгутиками и полосками украсили шею, туловище и закрученный хвостик. К низу фигурки прилепили два колечка, на которые подвесили восьмеркообразные восковые звенья с привесками в форме колокольчиков, свернутых из отрезков орнаментированных

восковых полосок. Все восковые детали соединены в неразъемную конструкцию. Для каждой детали сделали персональные тонкие литники, и восковую модель целиком заформовали в глину таким образом, чтобы ни одно звено не соприкоснулось с другим. Остатки литников заметны на каждой детали. В XII–XIII вв. подобного вида подвески были характерны для Волго-Камья и северо-восточных областей расселения финно-угорских племен [Рябинин 1981. С. 13, 38; Кулябина 2013. С. 99–101, 217–219].

Е. А. Шаблавина

307

Диск с изображением всадника

Прикамье
XIII–XIV в.
Бронза; литье
Диаметр 6,2 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-399
Куплен у частного лица
Публикуется впервые

Бронзовая массивная пластина круглой диско-видной формы. На одной стороне пластины имеется рельефный рисунок, на обратной стороне изображение отсутствует, но здесь отпечатались следы от еще одного диска – скорее всего,

зеркала, каковым собственно, и был оригинал. На тыльной стороне имеется след от узкой пластины, возможно, служившей для крепления.

Сюжет рисунка на пластине достаточно распространен в древностях Прикамья и Западной Сибири и вошел в литературу как «изображение сокольничего». В центре диска, обведенного изнутри двумя окружностями (имитация катушечной филигранны и псевдозерни), изображен всадник на коне, скачущем галопом. Прорисована конская сбруя: нагрудный ремень и подхвостник; на ремнях можно различить декоративные привески круглой и ромбической формы. Вместе с тем отсутствуют уздечка, ремни оголовья и поводья. Седло также не изображено, зато виден чепрак с узкой окантовкой по краю. Всадник сидит выпрямившись, с поднятой головой. Рот его неразличим, нос и глаза показаны очень схематично – кривой полоской. Правая рука согнута в локте, кисть сжата в кулак, удерживая какой-то небольшой предмет (не поводья). На кисть левой руки, видимо, надета варежка, на которой сидит хищная птица с изогнутым клювом. Скорее всего, всадник одет в короткий кафтан. На голове надета шапка, заломленная назад. Слева от всадника изображен зверек с длинным хвостом, длинными ушами, массивной мордой. Зверек показан в прыжке, он касается конечностями локтя правой руки человека и хвоста лошади. Снизу фон заполнен растительным побегом.

Подобных изделий известно в настоящее время не менее двадцати. Большинство находок концентрируется в Прикамье и за Уралом [Руденко 2015. С. 94–95. Ил. 176, 180]. Чаще всего это серебряные, реже бронзовые пластины с изображением скачущего всадника, иногда с чернью, позолотой, сканью. Большинство таких изделий происходят из случайных находок либо из культовых мест, реже погребений (в Зауралье). Известны такие бляхи из погребения 198 Ыджыгдзельского могильника и погребения 50 Жигановского могильника на р. Выми, датированные XII–XIII вв. [Савельева 1987. С. 114. Рис. 32, 3, 7; 37, 91].

В Булгаре известна только одна бронзовая отливка с изображением всадника с птицей на фоне фантастических существ [Руденко 2015. С. 92. Ил. 172], что позволяет исключить болгарское происхождение диска. Сравнение с прикамскими и зауральскими изделиями этого типа не обнаруживает полных аналогий и совпадений, только сюжетные. Отметим, что на подобных изображениях совершенно не известен растительный орнамент. Сочетание таких элементов,

307

как имитация катушечной филигранны и крупной зерни, со всадническим сюжетом сближает данный диск с прикамскими изделиями XIII–XIV вв. Прототипом его могла быть серебряная подвеска или, что более вероятно, оправа зеркала, которые в XIII–XV вв. пользовались большой популярностью в новгородских землях, а также в Верхнем Прикамье и за Уралом. Учитывая вес и четкую проработку деталей рисунка, диск мог использоваться и в качестве матрицы.

К. А. Руденко

К. А. Руденко

**КУЛЬТУРА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
В ОТРАЖЕНИИ ПАМЯТНИКОВ
ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА**

Волжская Булгария – государство, существовавшее на Средней Волге и Нижней Каме в X – начале XIII в., – оставило яркий след в истории народов Поволжья и Прикамья. В середине VIII в. болгары появились на Средней Волге, являвшейся в то время северной окраиной Хазарского каганата – одной из могущественных держав той эпохи. Отдельные группы населения Хазарского каганата, проникавшие на Волгу ранее, выше Самарской луки не поднимались. К сожалению, письменных свидетельств о событиях этого времени не сохранилось. Судить о том, что происходило в Волго-Камье после прихода болгар, можно только по данным археологии.

Первые достоверные сведения о волжских булгарах относятся к началу X в. и принадлежат Ахмаду ибн Фадлану, секретарю посольства, прибывшего на Волгу в 922 г. из далекого Багдада. До 965 г. волжские болгары были вассалами Хазарского кагана и находились в политической зависимости от него (о чем, помимо Ибн Фадлана, свидетельствовал хазарский каган Иосиф в середине X в.) [История... 2006. С. 668].

В 965 г. князь Святослав разгромил Хазарию. Крушение хазарской империи привело к смене сюзерена, которым стал сначала Святослав, а затем его сын Владимир I. Лишь после изменения политической ситуации и заключения договора в 985 г. с Русью Волжская Булгария обрела полноценные права на международной арене. Данное событие стимулировало развитие социальных процессов в болгарском обществе, укрепило государственную власть и ее административные институты, прежде всего за счет окончательного утверждения ислама как государственной религии и роста городов на фоне широких торговых и экономических контактов как с Русью, так и мусульманскими странами.

Сложнее выстраивались отношения с южными кочевниками: гузами, печенегами и половцами. Если в начале X в., в период путешествия Ибн Фадлана, тесные родственные связи и общие традиции кочевого быта связывали болгарского эльтебера с кочевниками (прежде всего гузами), то к концу столетия, по мере освоения лесных и лесостепных территорий Центрального Закамья и Предкамья, приоритетными стали контакты с оседлыми финноязычными народами. Тюрко- и угорязычные кочевники, селившиеся к востоку и юго-востоку от болгарской территории, были дружественными соседями, что обуславливалось этнической близостью к ним части населения Булгарии в Центральном и Восточном Закамье. Степные пространства к юго-западу от Булгарии, занятые половцами, были менее спокойными. С 1117 г., после убийства булгарами половецких предводителей во главе с ханом Аепой, наступил длительный период конфронтации, завершившийся только перед монгольским вторжением в Булгарию в середине 1220-х гг.

В течение X – начала XI в. менялся социальный и экономический уклад болгарского государства, теперь он опирался не столько на структуру кочевого общества и экономические принципы его существования, сколько на систему владения землей, сырьевыми ресурсами и их эксплуатацией. Выстраивалась другая система мировоззренческих ценностей и социальных приоритетов, особенно в сфере власти и управления, маркерами которой становятся изделия из драгоценных металлов.

Крупные болгарские города – Булгар, Сувар и Великий город – Билляр, как и многочисленные малые города и укрепленные сельские усадьбы, возникшие в большинстве своем

Гривна (кат. 332). Деталь

в XI–XII вв., делались центрами ремесленного производства и торговли. Здесь работали гончары, кузнецы, ювелиры, резчики по кости и рогу, шорники, скорняки, ткачи и другие мастера. Их продукция пользовалась популярностью внутри страны и за ее пределами. Особенно славилась гончарная посуда: кувшины, горшки, кружки, крынки, корчаги, миски. Ее продавали на сельских ярмарках и городских рынках Булгарии, вывозили в ближнее и дальнее зарубежье. Городские кузнецы изготавливали многочисленные бытовые изделия: ножи, навесные замки и ключи, шилья, а также предметы вооружения: наконечники стрел, дротиков, копий и т. д. На болгарских поселениях во множестве встречаются изделия из кости и рога – продукция особого вида ремесленной деятельности и домашнего промысла.

Болгарские архитекторы проектировали сложные оборонительные сооружения, крепости и замки, прежде всего системы деревянных конструкций внутри земляных валов, деревянные оборонительные стены разных типов; рассчитывали угол наклона земляных валов, крутизну откосов и глубину рвов и т. п. В больших городах болгарские строители возводили кирпичные здания: бани, мечети, дворцы.

Особенно притягательными болгарские города были для золотых и серебряных дел мастеров. Правящие круги государства и зажиточная часть горожан, прежде всего торговцев, стали постоянными заказчиками и потребителями их продукции. Часть ювелиров работала при владетелях разного ранга: правителей отдельных областей (городище Муромский городок), небольших территориальных владений (Старокуйбышевский археологический комплекс) или отдельных городов (Булгар или Сувар).

В столицу и крупнейший город государства Биляр стекались не только ремесленники со всей Булгарии, но и приезжие мастера с Востока и Запада. Это было связано и со сбытом готовой продукции, и с импортом сырья. Волжская Булгария не обладала запасами полиметаллических руд, драгоценных металлов и веществами, необходимыми для ювелирного производства. Важным источником серебра были восточные, а позже западноевропейские монеты, лом металла (серебряные сосуды, украшения) и т. п. Золото было редкостью,

и цельных золотых украшений немного. Из самородного золота сделаны единичные предметы, например височное украшение XII в. из окрестностей Билярского городища. Вероятно, основным источником золота для болгарских ювелиров служил монетный металл.

От 2-й половины VIII – 1-й половины X в. изделий из драгоценных металлов в раннеболгарских могильниках осталось немного: в основном это привозные серебряные литые перстни со вставками из стекла или поделочных камней. Число серебряных украшений (золотые украшения единичны) увеличивается в IX – начале X в., что хорошо видно по материалам раннеболгарского Танкеевского могильника [Казаков 1992. С. 157–183]. Они либо представлены продукцией хазарских мастерских, либо изготовлены прикамскими мастерами. Бытующее мнение о массовом изготовлении болгарскими ювелирных изделий и их импорте в Прикамье в IX – начале X в. не подтверждается археологическими данными. Ювелиры Прикамья в VIII–IX вв. (поломско-ломоватовские памятники) обладали прекрасными навыками в работе с серебром, выработанными в течение длительного времени, хотя большая часть изделий со вставками, как и с использованием скани, зерни и плетения была привозной. Традиции прикамских ювелиров, судя по материалам Танкеевского могильника, воспринимались и болгарскими мастерами.

Еще одним вероятным источником поступления серебряных изделий к волжским болгарам был южно-уральский художественный центр, влияние которого отразилось на украшениях в погребальном инвентаре Больше-Тиганского могильника [Chalikova, Chalikov 1981].

До 2-й половины X в. потребителями импортируемых изделий из драгоценных металлов, а также тех украшений, которые были взяты в качестве пошрины или захвачены во время боевых действий, в Булгарии были представители правящего клана и аристократии.

Судя по археологическим материалам и данным письменных источников, волжские болгары вели активную торговлю с народами Волго-Камья и более отдаленных земель, откуда в Булгар приходили многочисленные караваны с рабами, мехами, медом, воском, ценными породами древесины, рыбьим кле-

ем, бобровой струей и моржовой костью. Масштабы эксплуатации природных ресурсов сопредельных территорий булгарами были настолько велики, что привели через несколько столетий к почти полному истреблению некоторых видов промысловых животных, например бобров, в ряде районов Прикамья.

Иран, Средняя Азия, с которыми Булгария контактировала с X в., были основными поставщиками художественного металла, редких и дорогих товаров: шелковых тканей, пряностей и т. п.

Тесные международные торговые связи привели к расцвету болгарского ремесла и культуры в XI–XII вв. Становление болгарского ювелирного дела происходит в промежутке последней трети X – 1-й четверти XI в. в результате эволюции местных традиций и заимствования опыта приезжих мастеров, прежде всего из Средней Азии и Ирана, а также Египта и Сирии [Руденко 2011. С. 165]. В это же время складывается и прикамский центр ювелирного дела, важным преимуществом которого, по сравнению с Булгарией, была близость к источникам сырья на Урале и наличие собственных традиций. Благодаря последним устойчивые типы прикамских украшений, например булавоподобные височные подвески с зернью и сканью, соединенные цепочками, продолжили свое развитие в Булгарии, в то время как близкие им по форме единичные украшения раннеболгарского производства полностью вышли из употребления ко 2-й четверти X в. В конце X в. Волжская Булгария отрезала Прикамье от потока восточного импорта, создав своего рода культурный рефугиум, сохранивший традиционные архаичные типы украшений. С этого времени прикамские изделия достаточно быстро приобрели собственные специфические черты. Примером является замена плотного витья при фиксации напускных бусин на височных кольцах и серьгах на частичное со своеобразными «ребрышками» или редкость трехбусинных височных украшений, по сравнению с однобусинными, двухбусинными, четырех- и даже пятибусинными композициями. В XI в. в Прикамье получает распространение использование узкой полоски металла в качестве конструктивного и одновременно декоративного элемента серебряных украшений [Руденко 2015. С. 153]. Сходство многих категорий ювелирных изделий, прежде

всего бронзовых и отчасти серебряных, Волжской Булгарии и Прикамья прослеживается примерно между 2-й и 3-й четвертями X в., что связано, скорее всего, с исходом части населения (в том числе ремесленников) в течение этого периода из Булгарии на Каму вследствие каких-то внутренних причин.

Этот рубеж маркируется еще одной категорией изделий – украшениями с чернью. Если у болгар они стали широко распространяться в XI в., то в Прикамье черневые изделия (частью изготовленные русскими мастерами) появились только в конце XII – XIII в. Подтверждается это и широким использованием золочения на прикамских украшениях, что редко практиковалось болгарскими ювелирами [Руденко 2015. С. 78–79].

Культурная трансплантация чужого ремесла в Волжскую Булгарию была обычным явлением в эпоху средневековья. Ибн Фадлан упоминал портного из Багдада, работавшего у болгарского эльтебера в 922 г. По торговому пути между Булгаром и русскими землями на Днестре и Оке поступали древнерусские серебряные украшения. Не исключено, что этим путем приезжали русские и болгарские ювелиры, о чем свидетельствуют находки литейных форм, перстней и даже железных ножиц с арабскими надписями, найденные в Киеве и Гнёздове.

Слабость развития болгарского ювелирного дела восполнялась привозными вещами,

Волга у Сюкеево
Фотография К. А. Руденко,
2007 г.

которые практически до конца X в. господствовали на рынке ювелирных изделий, чаще всего серебряными перстнями и проволочными бронзовыми (или из низкопробного серебра) браслетами со вставками из поделочных камней и реже лазурита. Аналогии им имеются в материалах Саркела, древнерусских кладах X – начала XI в. Со 2-й половины X в., вероятно, начинается освоение болгарскими ювелирами техники зерни и скани: известны перстни щитковые или с кастами, украшенные мелкой зернью, хотя более вероятно, что их изготавливали приезжие ювелиры. Уже с начала XI в. эти техники полностью усваиваются местными болгарскими ремесленниками.

В XI в. в Биляре и Булгаре возникает несколько мастерских по производству височных филигранных подвесок с тремя напускными бусинами, иногда с подвесками в виде «желудей», реже с фигурками птиц. Это украшение стало симбиозом местной формы художественной композиции и высокой технологии Востока. Конструкция подвески не имеет прототипов в серебряных болгарских украшениях X–XI вв., хотя серебряные трехбусинные кольца в это время изготавливались. Более того, в подражание филигранным «золотым» подвескам в XII – начале XIII в. стали изготавливаться их серебряные (электровые) реплики, о чем свидетельствуют материалы Именьковского клада и Аксубаевская находка [Руденко 2015. Кат. № 143, 144, 147, 148, 378], а в 1-й половине XIII в. появились прикамские копии из серебра. Отметим и еще одну особенность этих болгарских «золотых» изделий: их основа – медное кольцо, покрытое золотой фольгой. Это можно объяснить дефицитом золота, тем не менее серебряные реплики болгарские ювелиры делали так же, хотя особого недостатка в серебре у них не было. Подражания болгарским изделиям целиком выполнены из серебра.

Развитие крупных болгарских городов, прежде всего Биляра, Булгара, Муромского городка создало новую потребительскую среду, в которой оказались весьма востребованы ювелирные изделия. Это горожане среднего достатка: часть ремесленников, торговцы, а также городская элита. Если элита болгарского общества предпочитала золотые украшения, браслеты и перстни с драгоценными и полудрагоценными камнями,

то средний класс – серебряные изделия, более доступные по цене. Часть серебряных поделок украшалась чернью. Сформировался ассортимент болгарских ювелирных украшений, выпускавшихся как поштучно, так и небольшими сериями: перстни с чернью, плетеные браслеты и шейные гривны. Эти изделия, производившиеся в нескольких городских центрах Волжской Булгарии, распространялись преимущественно в городах и их округе, а также на богатых сельских усадьбах (Кожяевское селище). За пределы болгарской земли эти изделия (как и «золотые» поделки) в массовом порядке не выходили и никогда не изготавливались на импорт. Их сбыт был исключительно локален и не переходил границ Волжской Булгарии.

Иллюзию массовой торговли болгарскими ювелирными изделиями в Прикамье XI–XIII вв. создавали поделки, выполненные мастерами «болгарской выучки» или приехавшими сюда болгарскими ювелирами. При этом прикамские изделия, даже очень похожие на болгарские, всё же имеют свои особенности в деталях (например, пробитое ушко у височных колец и сережек). Ошибочно думать, что ювелиры Волжской Булгарии специально изготавливали для Прикамья и Западной Сибири украшения таких форм и по таким технологиям, которыми не пользовались на родине. А даже если так, невозможно объяснить отсутствие следов такого производства в Булгарии.

Специфическими изделиями болгарской ювелирной продукции были: ажурные плетеные браслеты и шейные гривны из нескольких скрученных проволочных жгутов, преимущественно без вставок из камней и стекла, и пластинчатые щитковые перстни с черневыми узорами в виде симметричных растительных побегов. Стандартизированность изделий и небольшой ассортимент украшений также характерны для ювелирного дела Волжской Булгарии домонгольского периода.

Отдельные центры болгарского ювелирного ремесла имели свои особенности. В Булгаре часть серебряных украшений изготавливалась под влиянием или при участии ювелиров Владимира или Суздаля, а в Биляре ощущаются следы деятельности мастеров Востока. При этом, болгарские ювелиры могли перебираться из города в город, о чем свидетельствуют

находки однотипных изделий с характерными рисунками (например, миниатюрных коробочек-подвесок) из Булгара и Биляра.

С течением времени менялся и общий культурный контекст деятельности болгарских ювелиров. Так, в Биляре к концу XII в. усилилось воздействие русских ювелирных традиций, появились прямые контакты с русскими центрами ювелирного производства, например Рязанью, где встречаются подражания болгарским плетеным браслетам со вставками. В свою очередь, заимствование художественных форм древнерусских ювелирных изделий проявилось у болгар, когда традиционные украшения – шейные гривны стали приобретать вид парадных древнерусских барм за счет привесок-лунниц, декорированных сканью и зернью, сделанных в манере древнерусских и византийских ювелиров.

Гривны и браслеты были не только украшениями, но и сокровищами, а также мерилем стоимости. Интересно, что у жителей негородских поселений и у бедных горожан преобладали металлические, большей частью бронзовые украшения, а популярные в Древней Руси стеклянные браслеты и перстни использовались в очень небольшом количестве; хотя бусы из стекла, янтаря и поделочных камней встречаются достаточно часто среди находок на болгарских памятниках.

В 1-й половине XIII в., когда начался западный монгольский поход, в ювелирном деле Волжской Булгарии произошли перемены. Спасаясь от тягот войны, болгарские ювелиры искали укрытия на Руси, а после того как завоеватели пришли и туда, мигрировали в Прикамье, дав кратковременный, но сильный импульс развитию нескольких оригинальных направлений ювелирного творчества [Руденко 2015. С. 197].

Таким образом, болгарское ювелирное дело, как своего рода маркер развития болгарского ремесла и материальной культуры в целом, прошло несколько этапов развития. Первый этап, середина VIII – начало X в., характеризуется преобладанием привозных изделий и влиянием декоративно-прикладного искусства Хазарии и Прикамья (до 2-й половины IX в.). Определенный отпечаток на формирование болгарской художественной традиции наложил урало-венгерский центр ювелирного дела, существовавший в тот же период времени.

Второй этап, 1-я треть X в. – 1-я четверть XI в., ознаменован формированием новой городской потребительской среды. В это время ювелирное производство развивалось под влиянием художественных традиций стран Востока, путем прямых заимствований, с участием приезжих ювелиров. Расширился ассортимент: помимо местных изделий, в него вошли украшения, изготовленные по восточным образцам, а также разнообразная ювелирная продукция южнорусских центров.

Третий этап, 2-я четверть XI – XII в., – это расцвет болгарского ювелирного дела, когда выделились самостоятельные городские центры ювелирного производства и сформировались отдельные ювелирные школы, специализировавшиеся на работе по золоту и серебру с использованием скани, зерни и черни. Сложился стандартизированный ассортимент болгарских ювелирных изделий – черневых перстней, плетеных браслетов и гривен. Усложнилась техника изготовления ряда украшений, например, на браслетах стали делать вставки из стекла или поделочных камней. Развивается определенная система декора болгарских украшений при устойчивой форме большинства изделий.

На четвертом этапе – в 1-й половине XIII в. – сложились локальные направления ювелирного производства в городах Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси, где прослеживается высокий уровень интеграции болгарских и древнерусских художественных традиций, приемов оформления изделий, сочетающих зернь и скань со штампованной проволокой, позолотой, вставками из стекла и поделочных камней. Появились пластинчатые браслеты с круглыми лопастями, декорированные сканью, зернью, вставками. Последние, были ориентированы на внешний рынок, прежде всего в Прикамье и Зауралье. При изготовлении ювелирных украшений использовались подвески с пышным декором (на шейных плетеных гривнах) или шумящие привески. В этот короткий период накануне и во время монгольского нашествия (1220-е – 1230-е гг.), а также во время прямого монгольского правления (1240-е – начало 1250-х гг.) болгарское ювелирное производство функционировало нестабильно и постепенно пришло в упадок в связи с сокращением потребительского рынка.

Казанская губ., Спасский клад, случайная находка 1869 г.

Клад с болгарскими древностями, получивший в научной литературе название «Спасский» (по месту нахождения у г. Спасска), был обнаружен 5 мая 1869 г. крестьянином с. Косяково Козьмой Трофимовым при вспашке земли [Спицын 1906. С. 264–265]. Вещи были приобретены ИАК за 320 руб. и 31 октября 1869 г. по предписанию министерства двора поступили в Императорский Эрмитаж. В публикации древностей, найденных в Казанской губ. в 1882 г., А. Ф. Лихачев неправильно указал год нахождения клада как 1868-й [Руденко 2001.

С. 322]. Эта ошибка фигурирует в инвентарных данных коллекции. Изучение предметов клада позволило установить, что данный комплекс формировался на протяжении длительного времени. На выставке представлены два неполных комплекта украшений: к одному относятся браслеты, перстни и фрагменты ожерелий, к другому – филиалтерий и височные подвески с фигуркой утки. Эти вещи были изготовлены в 1-й половине XII в. Типы входящих в клад изделий бытовали до середины XIII в. [Руденко 2001. С. 331].

308

308

**Филактерий
(коробочка для молитвенных текстов)**

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; пайка, гравировка, чернь
Высота 6,2 см, ширина 6,6 см; длина цепи 78,3 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/1
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 96; Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 322–323, 343

Филактерий в форме пенала (плоской прямоугольной коробочки) с двумя петлями и цепочкой для подвешивания. Корпус спаян из тонкой пластины, согнутой в пустотелый прямоугольник, о чем свидетельствует наличие продольного паячного шва (фуги) со стороны петель, появившегося от наложения внахлест одного края пластины на другой. К одному торцу припаяна узкая пластина, с другого вставлена крышка, сделанная из прямоугольной рамки с напаянной сверху узкой пластиной. В процессе использования фи-

лактерия крышку жестко прикрепили к корпусу двумя гвоздиками, просверлив отверстия для штифтов поверх орнамента. Основания петель свернуты из пластин в виде усеченных конусов, на которые сверху напаяны колечки из рифленых полосок. К ним подвешена цепочка, собранная из восьмерковидных звеньев.

Поверхность изделия с обеих сторон декорирована гравированной и заполненной чернью композицией. В центре в рамочке находится арабская надпись куфическим письмом из пяти букв: *мулк* «Царство», начало религиозной формулы «Царство у Аллаха». Надпись обрамлена широким поясом из растительного орнамента, образованного волнообразной линией со стилизованными изображениями крина (устар. лилия).

Находчики, пытаясь извлечь содержимое, вскрыли филиалтерий, повредив крышку и корпус коробочки.

В отечественной литературе такие коробочки для молитвенных текстов называют капторгами (татар.), но этим термином обозначается либо «застежка», металлическое украшение у пояса, либо кожаный мешочек – кошелек, который татары носили на поясе. Рассматриваемый же футляр является нагрудным украшением – филиалтерием, предназначенным для хранения священных текстов – сур из Корана. Различной формы амулетницы, широко распространенные у мусульманских народов, аналогичны христианским ладанкам и реликвариям, иудейским тфилин, буддийским гау.

Спасский филиалтерий – не единственная находка на территории Волжской Булгарии. Нагрудные филиалтерии прямоугольной формы в комплексе с женскими украшениями найдены также в Крещено-Елтанском и Щербеньском (1928 г.) кладах. Они входили в состав «серебряного набора» женского болгарского костюма XI–XIII вв. [Руденко 2001. С. 324–325, 342]. Их продолжали изготавливать и в золотоордынское время (случайная находка 1884 г. близ д. Верейко Пермской губ.) [Сокровища Золотой Орды 2000. С. 86, 236].

Е. А. Шаблавина

309

309

Перстень

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; ковка, пайка, гравировка, чернь
Диаметр 2,3 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/2
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97; Спицын 1906. С. 265

Перстень сделан из двух частей. Шестиугольный щиток откован из пластины. К его боковым сторонам припаяна кованая шинка. На щитке выгравирован обычный для болгарских древностей рисунок – крин, обрамленный в подкову с завитками. Бордюр щитка украшен S-видными насечками, а на торцах – стилизованным изображением лозы. Фон вокруг рисунка заполнен чернью. Для лучшего сцепления черни с металлом поверхность изделия гравировалась зигзагообразными линиями. Перстни такого типа были широко распространены в XI–XII вв. на территории Волжской Булгарии [Руденко 2010].

Е. А. Шаблавина

310

310**Перстень**

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; пайка, филигрань
Диаметр 2,3 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/3
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97; Спицын
1906. С. 265

Перстень с круглым щитком и припаянной к нему плоской шинкой. Поверхность щитка украшена напаянными треугольными городками зерни, а бордюр – отрезками крученой проволоки. Наряду с черненными перстнями такие кольца носили женщины Волжско-Камской Булгарии.

Е. А. Шаблавина

311**Перстень**

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; пайка, зернь
Диаметр 2,3 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/4
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97; Спицын
1906. С. 265

311

Перстень с круглым выпуклым щитком и рифленой шинкой. Щиток сделан из полусферической бляшки, припаянной к пластине и декорированной по краю шариками зерни. Поверхность щитка украшена напаянными городками мелкой зерни, а вершина – крупным шариком. Шинка согнута из рифленой бронзовой полоски, прокатанной в вальцах, и припаяна к оборотной стороне щитка с двух концов.

Е. А. Шаблавина

312**Пара височных колец**

XI–XII вв.
Золото, бронза; тиснение, пайка, скань
А – диаметр 3,2 см; В – диаметр 3,3 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/5–6
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97; Спицын
1906. С. 264

Верхние части височных колец с тремя напускными бусинами. Дужки, сделанные из круглого дрота, протянутого в фильере, согнуты в несомкнутое кольцо. Поверхность дужек между нанизанными бусинами обмотана крученой проволокой, фиксировавшей их на равном расстоянии друг от друга. Бусины спаяны из полусферических бляшек, выколотых в анке. Перед пайкой половинок с внутренней стороны были пробиты

312

отверстия для нанизывания бусин на дужку. Паячный шов в месте соединения бляшек декорирован крученой проволокой и зернью. К центральной бусине припаяны три петли, свернутые из узких прокатанных в вальцах полосок. Они предназначались для цепочек с подвешенными к ним бусинами, как на височных кольцах с уточкой (кат. 313).

Эти и подобные им золотые изделия Волжской Булгарии, как и серебряные трехбусинные височные кольца (кат. 314), входили в состав богатого женского головного убора XI–XII вв. Такие же кольца носили на территории Поволжья, Прикамья и Приуралья. Несмотря на широкое распространение трехбусинных височных колец в домонгольское время, считается, что болгарские экземпляры наиболее близки подунайским образцам [Рябцева 2005. С. 216–218, 226].

Е. А. Шаблавина

313**Височное кольцо с привесками**

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Золото, бронза; тиснение, пайка, филигрань
Диаметр 5,6 см, длина подвески 6,4 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/7
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97; Спицын
1906. С. 264

Височное кольцо состоит из проволочной дужки с нанизанными на нее тремя сложносоставными бусинами, между которыми находится фигурка уточки, и двух привесок на цепочках. Дужка изготовлена из протянутого и согнутого в кольцо круглого бронзового дрота, обложенного тонким золотым листом. О листовом золочении свидетельствует наличие шва, образовавшегося от нахлеста краев обкладки. Ажурные бусины зафиксированы на дужке на равном расстоянии друг от друга проволочной обмоткой. Все бусины сделаны одинаково. Каждая смонтирована из трех деталей: центрального зерненого ободка с конусовидными выступами, к вершинам которых с двух сторон припаяны полусферические бляшки, декорированные городками зерни. Внутри кольца к бусинам припаяна полая фигурка уточки, полностью декорированная рядами крученой проволоки и зернью. В клюве уточка держит золотой шарик и подвеску в виде бубенчика. К нижней части центральной бусины припаяны две петли, свернутые из прокатанных рифленых полосок. На них подвешены цепочки с желудеобразными бусинами, украшенными треугольниками и пирамидкой зерни. Восьмерковидные звенья на цепочках сделаны так же, как на серебряном филиakterии (кат. 308).

Данное изделие, так же как височное кольцо кат. 331, является самым роскошным видом этой категории ювелирных украшений, произведенных в мастерских Биляра на территории

313

Волжской Булгарии в XI–XII вв. [Руденко 2001. С. 329]. Пару таких височных колец носили вместе с золотыми ожерельями (кат. 315, 316), браслетами и перстнями в составе женского парадного костюма.

Декорирование изделий фигуркой утки с зернышком в клюве имеет символический смысл и связано с космогоническим представлением прикамского финно-пермского населения о сотворении земли. Согласно их мифологии, утка, плавающая в океане, достала с морского дна комочек земли, из которого образовалась суша. Появление такого вида украшений в среде волжских булгар исследователи объясняют влиянием прикамских соседей [Иванов, Белавин, Игнатьева 2010. С. 161]. Однако по манере оформления и исполнения эти изделия аналогичны

моравским бусинным подвескам с фигуркой животного, что может свидетельствовать об их общем прототипе [Рябцева 2005. С. 226].

Е. А. Шаблавина

314

Пара височных колец

Волжская Булгария
XI–XII вв.

Серебро; тиснение, пайка, скань
А – диаметр 4,8 см; В – диаметр 4,7 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/8–9
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97;
Спицын 1906. С. 264

Верхние части височных колец с тремя напускными бусинами сделаны таким же образом, как и золотые образцы (кат. 312). Дужки согнуты в несомкнутое кольцо из тянутого дрота, обмотанного крученой проволокой между бусинами. Бусы спаяны из полусферических бляшек, сформированных в анке, от применения которой остались складки на их краях. Перед пайкой бус с внутренней стороны бляшек было пробито отверстие для нанизывания их на дужку. Место соединения половинок, а также края входных отверстий декорированы такой же проволокой, что и обмотка на дужке. Внизу центральной бусины припаяна овальная петля, свернутая из узкой рифленой полоски и предназначенная, судя по аналогиям, для цепочки с подвешенной к ней бусиной.

На территории Волжской Булгарии XI–XII вв. пара таких височных колец входила в состав женского «серебряного набора», состоявшего из ажурных плетеных шейных гривен, браслетов и черных перстней.

Е. А. Шаблавина

315

Фрагмент золотой цепочки с подвесками

Волжская Булгария
XI–XII вв.

Золото; тиснение, пайка, филигрань
Общая длина 9,7 см; цепочка: длина 10,7 см;
бусина: длина 2,4 см, ширина 1,0 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/10–11
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97–98;
Спицын 1906. С. 264

Фрагмент ожерелья с желудевидными подвесками. Цепочка собрана из восьмерковидных звеньев, как на ожерелье с круглыми подвесками (кат. 316) и филигранью (кат. 308). Бусины-подвески сделаны одинаково: спаяны из полусферических бляшек, изготовленных в анке. Место соединения половинок декорировано двумя поясками крученой проволоки, рядом с которыми по всей окружности припаяны треугольники из зерни. К бусинам припаяны петельки для подвешивания на цепочку, свернутые из вальцованных рифленых полосок. Нижняя часть подвесок украшена пирамидкой из небольших золотых шариков.

На территории Волжской Булгарии домонгольского времени такие цепочки носили в комплекте с трехбусинными золотыми височными кольцами. Идентичное ожерелье, дополненное тремя круглыми бляхами-привесками, найдено в составе Четырлинского клада, датированного XIV в. [Руденко 2001. С. 323–324, 342]. В мастерской, где изготавливались такие цепочки, делали также роскошные золотые трехбусинные височные кольца с уточкой, поскольку в составе их конструкции есть точно такие же детали.

Е. А. Шаблавина

314

315

316

316
Золотая цепочка с круглыми подвесками
(фрагмент ожерелья)

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Золото; ковка, пайка, филигрань
Цепочка: длина 14,4 см; бляшка: диаметр 1,8 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/12
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97–98;
Спицын 1906. С. 264

Фрагмент ожерелья с шестью целыми круглыми подвесками и одним фрагментом. Цепочка собрана из одинаковых восьмерковидных звеньев. Круглые подвески сделаны одинаково и имеют идентичные размеры, форму и рисунок орнамента. Их делали следующим образом. Из тонкой золотой пластины вырезали одного диаметра диски. В центре каждого диска припаивали полусферическую бляшку, которую по периметру украшали крученой проволокой и городками, составленными из трех шариков. Таким же образом декорировали края дисков. Ушко для подвешивания сделано из отрезка рифленой поло-

ски, прокатанной в вальцах, согнутой петелькой и припаянной поверх филигранного рисунка.

Такого вида ожерелья входили в один комплект украшений вместе с трехбусинными височными кольцами, производимыми, как считается, в Волжской Булгарии в XII – 1-й трети XIII в. [Руденко 2001. С. 331, 343; Полякова 1972. С. 278].

Е. А. Шаблавина

317
Пара детских плетеных браслетов

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; волочение, ковка, пайка
А – диаметр 5,4 см; В – диаметр 5,3 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/13–14
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97; Спицын 1906. С. 265

Пара одинаковых браслетов сделана из волоченой проволоки диаметром 0,15 см. Для изготовления каждого изделия использовали две проволоки, которые волнообразно изогнули

и перекрутили между собой, формируя неплотные витки. Подготовленный таким образом дрот согнули на три равных части и всю конструкцию снова перекрутили, тем самым создав впечатление, будто объем предмета выполнен из трех пар проволок. Концы ажурного браслета расковали в пластину и стыки запаяли.

Подобного вида плетеные браслеты имели широкое распространение на территории Волжской Булгарии в домонгольское время. Их носили вместе с плетеными шейными гривнами, перстнями с чернью, височными трехбусинными кольцами, которые в комплекте составляли «серебряный набор» женских украшений [Руденко 2007. С. 55, 195, 208. Рис. 84, 97].

Е. А. Шаблавина

318
Монетные слитки

Волжская Булгария
XII в.
Серебро; литье
А – длина 5,3 см, ширина 3,3 см;
В – длина 4,1 см, ширина 2,5 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/15 а, б
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97;
Спицын 1906. С. 265

Один целый серебряный монетный слиток лепешковидной формы, свернутый трубочкой, и обрубленная часть подобного слитка. Серебро было отлито не в литейную форму, а непосредственно на ровную поверхность. После этого края отливки согнули навстречу друг другу.

Представленные платежные средства относятся к «лепешкам камского серебра» или слиткам болгарского типа конца X – 1-й половины XIII в. [Глазунова 2015. С. 70–72].

Е. А. Шаблавина

317

318

319

319 Три плетеных браслета

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро, сердолик; волочение, ковка, пайка
А – диаметр 8,6 см; В – диаметр 8,9 см;
С – диаметр 8,4 см
Спасский клад, 1869 г.
ГЭ, инв. № 501/16–18
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 97–98;
Спицын 1906. С. 265

Три ажурных браслета изготовлены тем же способом, что и пара детских браслетов (кат. 317). Каждый сделан из двух волоченых проволок диаметром 0,2 см, волнообразно изогнутых и перекрученных между собой. Затем проволоочную заготовку согнули на три равных части и снова вместе перекрутили. На раскованные концы припаяли круглые глухие касты, свернутые из полоски металла, которые по периметру декорировали витой проволокой и городками зерни. Закрепка граненых сердоликовых вставок выполнена обдавливанием края ободка оправы на камень. На заключительном этапе подготовленные ажурные заготовки согнули в полукруг по форме запястья. Данные предметы являются частью «серебряного набора» женских украшений Волжской Булгарии XI–XII вв.

Браслеты подобного типа украшались также квадратными кастами (кат. 335). В болгарских древностях такие изделия, украшенные каменными вставками, немногочисленны. Считается, что они являются продукцией местных мастеров, которую носили и на соседней территории Пермского Прикамья [Руденко 2007. С. 55, 208. Рис. 97].

Е. А. Шаблавина

Казанская губ., Спасский у., случайная находка 1888 г.

В 1888 г. крестьянином Беляевым на городище Великие Булгары случайно был найден клад, в состав которого входило девять круглых медальонов [Толстой, Кондаков 1897. С. 129]. Вещи поступили в Императорский Эрмитаж из ИАК в 1891 г.

Вся серия подвесок характеризуется одинаковой формой и конструкцией. Они представляют собой слегка выпуклые круглые серебряные позолоченные бляхи с ушком в виде поллой бусины. На восьми предметах в центральной части выгравирован процветший крест, а на одном – ромбовидная фигура с криновидными завитками. Края и орнаментальное поле медальонов обрамлены накладными тонкими ободками.

Предметы сделаны одинаково. Для каждого изделия из тонкой ковальной пластины вырезали диск с треугольным выступом, в центральной части которого зигзагообразной линией гравировали изображение. Фон вокруг контурного рисунка полностью выбирали резцом, отчего на поверхности пластин остались сплошные полосы с зигзагообразными следами. После этого пластине придавали слегка выпуклую форму.

Затем вырезанную в центре фигуру обрамляли напаянным ободком, согнутым из рифленой или гладкой проволоки. Подобный ободок большего диаметра припаявали также по краю изделия. Треугольный выступ на изделии предназначался для надежного крепления насаженного и припаянного к нему ушка в виде овальной бусины, собранной из двух полусферических бляшек. Место пайки декорировано рифленой проволокой, причем на некоторых предметах один конец проволоки заходит на обратную сторону предмета. Таким приемом усиливали конструкцию крепежа ушка перед пайкой. Бусину насаживали на вырезанную пластину треугольной формы, которую затем припаявали к обратной стороне изделия (кат. 320 Е). Если ушко ломалось в основании диска, то его припаявали на место внахлест (кат. 320 С).

На финальном этапе изготовления лицевую сторону медальонов полностью позолотили методом горячего золочения, а гравированное поле вокруг изображения покрыли чернью. Зигзагообразные резы обеспечивали лучшее сцепление черни с поверхностью. Почти на всех медальонах черненное покрытие не сохранилось.

Рисунок процветшего креста на восьми бляхах вырезали вручную, поэтому изображения раз-

личаются, несмотря на одинаковый способ изготовления и конструкцию предметов. Существует мнение, что представленный комплект медальонов, был изготовлен тремя разными мастерами. Есть аналогии среди древнерусских серебряных изделий: «суздальское оплечье» из клада 1851 г. у с. Исады, материалы Владимирского клада и др.

Мотив процветшего креста – символа Воскресения, победы жизни над смертью, был скопирован древнерусскими мастерами с византийских изделий, для которых характерны изображения крестов с расширяющимися концами [Макарова 1986. С. 107; Рябцева 2005. С. 255].

Медальоны рассматриваемого типа появились в Древней Руси в середине XII – 1-й трети XIII в. и в научной литературе известны как бармы. Их носили вместе с бусинами в составе парадных ожерелий [Макарова 1986. С. 100; Рябцева 2005. С. 248]. Бармами их стали называть по аналогии с богато украшенным драгоценными камнями, жемчугом и медальонами широким матерчатым оплечьем, согласно легенде о «Мономаховых регалиях», присланным из Византии. В письменных источниках домонгольского времени упоминаются «гривны» (мужское украшение). Например, в рукописи 1263 г. «Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского» отмечается убор князя: «гривну цатаву на выи носяща и обручи на руку». Словом «цата» обозначали дощечки, пластинки – вероятно, такие же медальоны. Считается, что термин «барма» германского происхождения (от швед. «Barm» 'грудь'). Первоначально этим словом, заимствованным в XI в., обозначали часть княжеской одежды, расшитой по плечам драгоценными камнями и бляшками, или княжеское ожерелье.

Для богатых древнерусских уборов бармы изготавливали из золота в технике перегородчатой эмали, их центральную часть украшали изображениями Христа, Богородицы или святых. На серебряных медальонах помещали изображения святых и процветшего креста, выполненные чернью. Изделия киевских мастерских позднее оказали влияние на изготовление медальонов в Рязани. Учитывая художественные традиции киевских ювелиров, рязанские мастера разработали новые приемы оформления медальонов. Еще один крупный центр по выпуску барм возник на северо-востоке Руси [Макарова 1986. С. 111].

Е. А. Шаблавина

320

320 Медальоны

Волжская Булгария
XII вв.
Серебро; ковка, тиснение, гравировка, пайка, скань, горячее золочение, чернь
Диаметр: А – 7,0 см; В – 7,7 см; С – 7,7 см; D – 7,2 см;
Е – 7,5 см; F – 8,0 см; G – 6,8 см; H – 8,0 см
Находка на городище Булгар, 1888 г.
ГЭ, инв. № 502/1–6, 8–9
Публикации: Толстой, Кондаков 1897. С. 129;
Макарова 1986. С. 107, 109–110, 151; Рябцева 2005. С. 255

А В
С D
Е F
G H

Казанская губ., Лаишевский у., Сабакайский клад, случайная находка 1870 г.

Этот болгарский клад был случайно обнаружен при распахивании поля в 1870 г. у д. Сабакайка Лаишевского у. Казанской губ. Предметы находились в глиняном сосуде [Спицын 1906. С. 265–266]. На следующей год после открытия вещи передали из ИАК в Императорский Эрмитаж. Исследование предметов выявило, что все они относятся к одному периоду и были изготовлены в мастерских Биляра во 2-й четверти XII в.

Е. А. Шаблавина

321

321 Гривна

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; волочение, ковка, пайка
Диаметр 26,5 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/3
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 327, 345

Ажурная витая гривна сделана из трех пар волнообразно согнутых и перекрученных между собой проволоки. Исходные прутковые заготовки (дроты) были протянуты через фильеру, доказательством чего является одинаковый диаметр (0,2 см) проволоки на всей их протяженности. Ровные плотные витки гривны, их равномерная толщина и диаметр внутренней полости свидетельствуют о том, что заранее подготовленные крученые проволоки навивались на основу круглого стержня. Пучки проволоки заправлены и зажаты в конусовидные окончания, свернутые из кованых полос листового металла, концы которых – замки – загнуты крючком для сцепления

друг с другом (ср. кат. 332). Один конец замка отломан.

Аналогичные плетеные гривны достаточно часто встречаются в археологических памятниках Волжско-Камской Булгарии домонгольского периода. Они являлись неотъемлемой частью «серебряного набора» болгарского женского костюма 2-й половины XI – середины XIII в. и производились местными мастерами, как и ажурные браслеты (ср. кат. 322). В некоторых случаях гривны дополнительно украшали подвесками (кат. 332; Именьковский, Рождественские клады, случайная находка у г. Чистополя) [Руденко 2001. С. 327; Руденко 2015. С. 256–257].

Е. А. Шаблавина

322

322**Плетеные браслеты**

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; волочение, ковка, пайка
Диаметр: А – 8,2 см; В – 8,3 см; С – 8,3 см;
D – 8,3 см; E – 7,4 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/4–8
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001.
С. 330, 345

A B C D E

Пять ажурных браслетов с раскованными концами сделаны одинаково из двух волнообразно согнутых и перекрученных между собой проволок, сложенных на три равных части и навитых на круглый стержень. Диаметр проволоки (0,2 см) одинаковый на всех браслетах и совпадает с диаметром проволоки шейной гривны из этого клада (кат. 321). Скорее всего, проволооч-

ные заготовки для указанных предметов протягивались в одной и той же фельере. Одинаковый способ изготовления с применением одного инструмента позволяет с большой долей уверенности отнести эти украшения к работе одного мастера.

Плетеные браслеты были типичными украшениями женского болгарского костюма домонгольского времени. До начала XIII в. их делали из серебра или золота в Булгаре и Биляре [Руденко 2001. С. 330–331]. Раскованные концы на некоторых браслетах дополнительно орнаментировали кастами с каменными вставками и зернью.

Е. А. Шаблавина

323

323**Перстень**

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; пайка, зернь
Диаметр 2,2 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/ 9
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001.
С. 330, 345

Перстень с круглым выпуклым щитком и рифленой шинкой. Щиток сделан из полусферической бляшки, припаянной к тонкой пластине и орнаментированной по периметру двойным рядом шариков крупной и мелкой зерни. Вершина бляшки украшена напаянным шариком в ободке из крученой проволоки, а выпуклая поверхность – треугольниками из зерни. Шинка из прокатанной рифленой полоски, согнутой кольцом, припаяна к основанию щитка. Из-за длительного ношения перстня продольные канавки на шинке почти стерлись.

Подобного типа перстни в XII–XIII вв. изготавливались в мастерских Волжской Булгарии и носились вместе с ажурными серебряными браслетами [Руденко 2001. С. 330].

Е. А. Шаблавина

324

Перстни с чернью

В домонгольский период перстни с чернью массово изготавливались на территории Волжской Булгарии. Их находят как в составе кладов на Булгарском и Билярском городищах, так и за пределами Волжской Булгарии, в Прикамье и Зауралье. Производство таких изделий началось в XI в. под влиянием украшений нижневолжских хазарских ювелиров, владевших секретами техники чернения и золочения [Макарова 1986. С. 26–29], а самобытный художественный стиль формировался в контексте византийских, древнерусских и восточных традиций прикладного искусства [Руденко 2010. С. 33]. Декорирование изделий чернью продолжалось и в золотоордынское время.

Е. А. Шаблавина

324**Перстень**

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Диаметр 2,0 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/10
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 345

325

Перстень с плоским щитком шестиугольной формы и тонкой гладкой шинкой сделан из развертки – шестиугольника с двумя полосками, вырезанного из раскованной пластины. Заготовку П-образно согнули, а концы свели навстречу друг другу и запаляли. На щитке насечками выгравировали схематичное изображение птицы в рамке, поле вокруг которой заполнили чернью. Таким же способом украсили боковые стороны шинки. Рисунок на кольце сильно стерт от длительного ношения, шинка сломана.

Подобные перстни с изображением птицы найдены на V Семеновском селище и в Кожаевском кладе [Руденко 2010. С. 15]. Их относят к болгарским древностям. Украшения с изображением птиц широко представлены в древностях домонгольского времени, но манерой исполнения болгарские вещи отличаются от древнерусских образцов.

Е. А. Шаблавина

325

Перстень

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Диаметр 2,0 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/11

326

Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 345; 2010. С. 15

Перстень с плоским щитком шестиугольной формы и тонкой гладкой шинкой, изготовленный из раскованной пластинчатой развертки, вырезанной в форме шестиугольника с длинными узкими полосками с двух сторон. Заготовку согнули в кольцо, концы шинки свели внахлест и запаляли. На щитке выгравировали схематичное изображение птицы в рамке, а на боковых сторонах – знак в виде летящей птички. Контурные линии вырезаны насечками для лучшего сцепления с чернью, смесью которой заполнен рисунок.

Е. А. Шаблавина

326

Перстень

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Диаметр 2,3 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/12
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 345

Перстень с плоским щитком шестиугольной формы и тонкой гладкой шинкой, сделанный из развертки, вырезанной из серебряной пластины и в сред-

327

ней части откованной. На площадке выгравировали два горизонтальных, симметрично расположенных ряда сдвоенного крина, разделенных посередине пояском с косыми насечками. По бокам от центральной композиции вырезали рисунок из двух полосатых треугольников и сетчатого ромба. Затем заготовку перстня согнули в кольцо с шестиугольным щитком, концы шинки спаяли внахлест. Гравированные изображения заполнили чернью.

Подобного типа перстни в XII–XIII вв. были популярны в крупных городах Волжской Булгарии, о чем свидетельствуют многочисленные находки на археологических памятниках. Возможно, их изготавливали, в мастерских Булгара и Биляра [Руденко 2010. С. 19–20, 28].

Е. А. Шаблавина

327

Перстень

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Диаметр 2,3 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/13
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 345

Перстень сделан и украшен тем же способом, что и предыдущий экземпляр (кат. 326).

Е. А. Шаблавина

328

328

Перстень

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Диаметр 2,0 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/14
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 345

Перстень с плоским щитком подквадратной формы и тонкой гладкой шинкой сделан из пластинчатой вырезанной развертки. Концы шинки сведены и спаяны внахлест. На щитке выгравирован орнамент в виде сдвоенного трилистника, поле вокруг которого проложено чернью, о чем свидетельствует сохранившийся фрагмент покрытия. На боковых сторонах вырезано изображение трехлучевой звезды.

Е. А. Шаблавина

329

Перстень

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Диаметр 2,2 см
Сабакайский клад, 1870 г.
ГЭ, инв. № 504/15
Публикации: Спицын 1906. С. 265; Руденко 2001. С. 345

329

Перстень с плоским квадратным щитком и тонкой гладкой шинкой, сделанный из серебряного ковального дрота, середина которого раскована в шестиугольную вытянутую пластину. Заготовку согнули в двух местах, образовав щиток квадратной формы с треугольными боковыми сторонами. Концы шинки свели внахлест, спаяли и проковали до плотного соединения. На квадратной площадке щитка и треугольных боковых сторонах выгравировали изображение крина в круге. Этот орнаментальный мотив широко распространен на изделиях Востока и Древней Руси [Макарова 1986: 18; Руденко 2010. С. 31, 33]. Поле вокруг контурных рисунков полностью выбрали резцом и заполнили чернью.

Е. А. Шаблавина

330

Перстень

Волжская Булгария
XI – начало XIII в.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Длина щитка 1,65 см, ширина 1,75 см;
диаметр шинки 2,1 см
Находка в Прикамье, Пермский край, Чердынский р-н
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-328
Публикуется впервые

Кованый перстень со щитком шестиугольной формы, треугольными боковыми сторонами

330

и тонкой пластинчатой шинкой со спаянными концами. Щиток изделия украшен крином, вписанным в круг, с отростками в виде небольших завитков, по три с каждой стороны круга. Фон перстня выбран и зачернен. По краю имеется декоративная полоска из наклонных отрезков. На боковых сторонах щитка нанесен стилизованный орнамент в виде треугольника, внутреннее пространство которого заполнено чернью.

Серебряные пластинчатые перстни с чернью встречаются достаточно широко: в Древней Руси, в Приочье, Прикамье, на Урале и в Волжской Булгарии. Однако черненые перстни с шестиугольным щитком и с изображением крина наиболее характерны для ювелирного дела Волжской Булгарии.

Мотив крина в XI–XII вв. часто встречается на болгарских ювелирных изделиях вообще и на перстнях с чернью в частности. Он известен в разных вариантах, от простых композиций до сложных стилизаций. Присутствует он, например, на капторге из Спасского клада [Руденко 2015. С. 66, 123. Рис. 10, 1–б; 8, 1 а. Ил. 115]. Перстни такого типа использовались в Волжской Булгарии во 2-й половине XI – XII в. Аналогиями данному изделию являются перстни с чернью из коллекции А. Ф. Лихачева (собрание Национального музея Татарстана), с Билярского и Булгарского городищ, отличающиеся только рисунком на боковых сторонах, а также из Кожяевского клада Спасского р-на Татарстана [Руденко 2015. С. 360, 364. Кат. № 1, 4, 20, 43].

К. А. Руденко

331

Височное кольцо

Волжская Булгария
XI–XII вв.
Золото, бронза; ковка, пайка, филигрань
Диаметр кольца 5,2 см, ширина бусины 2,0 см,
длина бусины-привески 2,9 см
ГЭ, инв. № 506/4
Публикации: Aspelin 1877. P. 167. Fig. 782

Височное кольцо с фигуркой утки и тремя привесками. Проволочная дужка сделана из протянутого бронзового дрота, обложеного золотой фольгой, и согнута в кольцо. На нее нанизаны на равном расстоянии друг от друга три сложносоставные ажурные бусины, зафиксированные на месте обмоткой дужки кусками крученой проволоки. Каждая бусина смонтирована из двух полусферических бляшек, орнаментированных городками зерни, припаянными к центральному филигранному ободку. В середине дужки к ободкам крайних бусин припаяна фигурка утки. Она собрана из нескольких полых деталей, декорированных рядами крученой проволоки, зерни и подвесками в форме овальных бусин. В клюве птицы находится миниатюрная подвеска в виде бубенчика и золотой шарик. К ободку центральной ажурной бусины припаяны петли, свернутые из узких прокатанных в вальцах рифленых полосок. К ним подвешены цепочки с крупными овальными бусинами на концах, также орнаментированных треугольниками и пирамидкой зерни.

Это височное кольцо, как и аналогичное изделие из Спасского клада (кат. 313), являлись частью болгарского парадного женского головного убора XII – начала XIII в. Считается, что такие украшения изготавливали в Биляре, возможно, в одной ювелирной мастерской [Руденко 2001. С. 330; Белавин 2000. С. 75]. Фигурка птицы на изделиях символизирует утку финно-пермского мифа, доставшую со дна океана комочек глины, из которой образовалась суша.

Е. А. Шаблавина

332

Гривна

Волжская Булгария
XI – начало XIII в.
Серебро; ковка, волочение, позолота, зернь, скань,
стекло, керамика

331

Гривна: диаметр 27,0 см, ширина плетения 2,2 см;
подвески-лунницы: средняя – диаметр – 9 см,
боковые – диаметр 7,0 см
Находка в Среднем Поволжье
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-148
Публикуется впервые

Плетеная гривна из трех проволочных жгутиков, разомкнутая, с крючковым замком на колпачках и с подвесками – тремя дисками-лунницами и двумя монетами Западной Европы и Византии (две монеты прикреплены непосредственно к гривне и одна в качестве привески на центральной луннице). Самая крупная, средняя лунница овальной формы (8,8 × 9,3 см) состоит из двух частей: большого диска с круглой прорезью и малой лунницы. Большой диск

332

украшен 5 кастами со вставками. В верхнем, прямоугольном касте вставка из граненого стекла (?) (или сердолика). Вокруг него расположены четыре цилиндрических каста, в одном из которых имеется кусочек кашинной керамики. Средние касты цилиндрической формы утрачены. Касты были оконтурены мелкой зернью. Нижний каст (из двух сохранился один, левый) каплевидный, с бирюзовой вставкой. Внешний край лунницы украшен двумя скаными проволочками, между которыми размещены шарики зерни, установленные на колечки из скани. Аналогичный декор имеется на крае отверстия внутри диска. Фон позолочен. Лунница орнаментирована ромбами и треугольниками зерни.

Второй диск с отверстием припаян к большому диску с обратной стороны узкими полосками серебра. На них напаяны сканные колечки, внутри которых крупные шарики зерни. Колечко скани оконтурено зернью. По внешнему и внутреннему краю малого диска идут сканные проволочки и зерневый поясик из маленьких треугольников. Фон позолочен. К верхней части малой лунницы припаян цилиндрический каст, у основания оконтуренный зернью.

У большой лунницы к нижнему краю было припаяно пять ушек, на которых имеются цепочки из четырех звеньев. К цепочкам прикреплены две маленьких замкнутых лунницы, украшенные зернью, одна монета и подцилиндрическая серебряная бусина, состоящая из двух половинок, соединенных узкой серебряной полоской. В нижней части имеется пирамидка из зерни.

Левая подвеска-лунница овальной формы состоит из большого и малого дисков, украшенных сканью и зернью. На большом диске расположено три каста: верхний – призматической формы со стеклянной (?) вставкой, боковые – цилиндрические со вставками из фрагментов кашинной керамики бирюзового цвета. Фон лунницы (без позолоты) украшен орнаментами из зерневых треугольников и ромбиков. Малая лунница, прикрепленная четырьмя полосками к большому диску, орнаментирована треугольниками зерни. К нижнему краю большой лунницы прикреплены три цепочки из трех звеньев, с привесками-лунницами, декорированные сканью и зернью.

Правая подвеска-лунница овальной формы, трехкастовая: верхний квадратный каст утрачен, в боковых цилиндрических вставки из фрагментов кашинной керамики бирюзового цвета. Оформление подвески и привески на цепочках аналогично левой луннице.

Монеты-привески на гривне (определение О. В. Тростянского): 1) подражание монетам аббатства Корвей середины – 3-й четверти XI в.; 2) Византия, милиарисий Василия II (976–1025 гг.); 3) монета императора Генриха II (1002–1024 гг.), Страсбург, чекан 1014–1024 г.

Единственным аналогом является плетеная гривна с подвесками-лунницами из собрания Национального музея Татарстана, случайно найденная у г. Чистополя [Руденко 2015. С. 449. Кат. № 253], болгарское изделие XII – 1-й половины XIII в. Гривна из серебряных проволочек «свободного плетения» – типичное украшение волжских болгар домонгольского времени [Руденко 2015. С. 444. Кат. № 244, 247, 248, 251], но гривны этого типа с подвесками встречаются редко. В двух случаях (Именьковский и Рождественскийклады) к ним на небольших цепочках прикреплены желудевидные привески-бубенчики [Руденко 2015. С. 445, 447. Кат. 246, 249]. Подвески-лунницы есть только [Руденко 2015. С. 256, 257. Рис. 55, 56]. Таким образом, можно утверждать, что публикуемая гривна – изделие болгарского производства.

Плетеные проволочные гривны появились в Волжской Булгарии в XI в. и бытовали до середины XIII в. Их производство прекратилось после монгольского нашествия. Уточнить датировку помогают подвески-лунницы, аналоги которым имеются в древнерусских материалах XII в. При этом лунницы на данной гривне очень близки чистопольским [Руденко 2015. С. 193, 250. Рис. 48]. Тип замкнутой лунницы более всего характерен для Предуралья, где он широко распространен [Руденко 2007. С. 199. Рис. 88].

Можно предположить, что данная гривна была изготовлена во 2-й половине XI в. и тогда же или позднее украшена серебряными монетами-подвесками. Лунницы были добавлены не ранее XII в. По крайней мере, ранние образцы плетеных болгарских гривн таких декоративных элементов не имеют. Рассматриваемые подвески-лунницы отличаются от подвесок чистопольской гривны наличием привесок мини-лунниц на цепочках, отсутствием полусферических накладных элементов, своеобразием орнаментальной зерневой композиции, иным оформлением кастов, использованием сердоликовой бусины в качестве вставки и рядом других деталей. Украшение лунниц дополнительными привесками-лунницами на цепочках на других болгарских изделиях не встречается.

Скорее всего, гривна ремонтировалась: керамические вставки вряд ли можно считать

333

первоначальными. Интересна серебряная привеска-бусина, характерная для ювелиров Прикамья в XI–XIII вв. Однако полной уверенности, что она относится к этому изделию, нет. Время бытования гривны можно определить XII–XIII вв., когда домонгольские украшения вытесняются новыми, иной формы и дизайна.

К. А. Руденко

333

Пара височных колец

Волжская Булгария, Биляр
XI – начало XIII в.
Золото; ковка, волочение, тиснение, пайка, зернь, скань
Диаметр 4,0 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-264
Публикуется впервые

Разомкнутые кольца с тремя филигранными напускными бусинами каждое.

В основе украшения – медное кольцо диаметром 4 см из проволоки диаметром 0,2 см, обтянутое золотой фольгой. На кольцо надеты три ажурные бусины (1,5 × 1,65 см). Каждая бусина состоит из двух полусфер, соединенных пятью биконическими элементами и зафиксированных сканым пояском из двух проволочек, между которыми находятся 24 шарика зерни. Биконические элементы украшены треугольниками

334

из 6 зерневых шариков. Полусферы декорированы зернью и сканью. Основу орнаментальной композиции составляют пять зерневых треугольников по 20–21 грануле каждый. Основания треугольников опираются на сканую проволочку, под которой припаяны треугольники из трех шариков зерни. Между бусинами навита сканая проволочка, между третьей и средней – 15–16 витков. Над третьей бусиной, у отверстия, скань навита в три оборота. Первая напускная бусина зафиксирована одним сканым колечком. К средней бусине прикреплены три петельки для подвесок. Подвески отсутствуют. Второе кольцо аналогично первому, только количество зерни в орнаментах использовано чуть больше.

Данное украшение отличается небольшими размерами и мелкой зернью, что характерно еще для нескольких золотых височных колец из собрания ГМИИ РТ и колец из электра, хранящихся в коллекции НКЦ «Казань» [Руденко 2015. С. 497, 401. Кат. № 387. Ил. 147, 148]. Распространялись такие украшения исключительно на территории Волжской Булгарии в XI – начале XIII в. и очень редко встречаются за ее пределами. На сегодняшний день известна только одна находка в Прикамье, сохранившаяся в искаженном виде [Руденко 2011. С. 211. Кат. № 22].

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что данные височные кольца изготовлены в Волжской Булгарии и датируются по аналогиям XII – началом XIII в. Наиболее близкими им являются золотые болгарские подвески школы В [Руденко 2011. С. 65; 2015. С. 230. Рис. 28].

К. А. Руденко

334

Коробочка-подвеска

Волжская Булгария, Булгар
XII – начало XIII в.
Серебро; ковка, гравировка, чернь
Длина 1,6 см, ширина 1,8 см, толщина 0,5 см
Находка в Прикамье, Чердынский р-н
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-329
Публикуется впервые

Прямоугольная коробочка с петелькой в верхней части. Изготовлена из узкой полоски серебра шириной 1,8 см, согнутой на шаблоне. Края спаяны, боковые стороны открыты. С обеих сторон имеются гравированные рисунки на зачерненном фоне. На одной стороне коробочки изображен растительный побег, на другой – фигурка птицы. Растительный побег вписан в квадрат, обрамленный точечным контуром; птица – в прямоугольник, оконтуренный сплошной линией и двойным точечным контуром. Композиция из растительного побега в виде Z-образной фигуры часто встречается как на древнерусских, так и на болгарских изделиях XII–XIII вв. Изображения с таким орнаментом на болгарских черненых перстнях более стилизованы, иногда схематичны. Часть орнаментального пояса с этим мотивом имеется на капторге из Спасского клада [Руденко 2015. С. 53, 66, 67, тип 2, 3. Кат. № 5, 414. Ил. 118]. На древнерусских изделиях этот мотив встречается с конца XII в.

Изображение птицы выполнено в манере, характерной для болгарских изделий, прежде всего черненых перстней [Руденко 2015. С. 123. Рис. 10, 10–15]. Птица изображена в профиль. Фон выбран и заполнен чернью. В отличие от изображений на перстнях, на этой коробочке птица изображена с приостренным хвостом, крыло показано почти отдельно от туловища, как бы в движении. Наибольшую близость в деталях обнаруживает изображение птицы на перстне из Кожаевского клада рубежа XI–XII вв. в Спасском р-не Татарстана [Руденко 2015. С. 370. Кат. № 40]. Интересно, что на рассматриваемом изделии тщательно проработаны мелкие детали: край второго крыла, глаз птицы.

Такие коробочки-подвески встречаются в Волго-Камье почти исключительно в болгарских древностях, что позволяет считать данное изделие болгарским и датировать его концом XII – началом XIII в.

К. А. Руденко

335

335

Пара браслетов

Волжская Булгария
Конец XII – 1-я половина XIII в.
Серебро; ковка, волочение, пайка, зернь, скань
А – длина 8,0 см, ширина 6,4 см;
В – длина 8,2 см, ширина 6,6 см
Фонд Марджани, инв. ИМ/М-133/8
Публикуется впервые

Браслеты разомкнутые серебряные плетеные, из трех жгутиков, с шатонами. Плетение плотное. Касты глухие квадратной формы (1,1 × 1,5 × 1,0 см), с завальцованными краями, припаяны к плоским площадкам, получившимся при расковке окончаний жгутиков. Вставки не сохранились, но остались следы бурой подложки под них. Основание каста украшено сканой проволокой и пирамидками мелкой (диаметром 0,15 см) зерни. С обратной стороны каста имеется пирамидка из четырех крупных шариков зерни диаметром 0,45 см.

Плетеные трехжгутовые браслеты из серебра были широко распространены в XI–XV вв. на территории средневековых государств Восточной Европы. Однако данное изделие ближе всего к болгарским браслетам ажурного плетения, производившимся в Булгаре и Биляре в XI – начале XIII вв. Вместе с тем плетеных серебряных

браслетов с кастами в болгарских древностях немного. Можно отметить три браслета, найденные на Булгарском городище, очень похожих на рассматриваемый. Исключение составляет браслет с кастом из Старо-Ургагарского клада, изготовленный из двух пар сплетенных проволочных жгутов [Руденко 2015. С. 441, 442. Кат. № 238–240]. Единичные экземпляры, близкие по плетению и наличию каста, встречаются в Пермском Прикамье и Приочье, но там они скорее всего привозные. Болгарские браслеты этого типа и данное изделие объединяет массивность (они сплетены из толстой проволоки) и наличие каста, украшенного сканью и зернью. Такие артефакты выделены нами в два типа: 1.1 и 2.1. Отметим, что болгары изготавливали и золотые браслеты указанных типов [Руденко 2015. С. 145, 177, 254. Рис. 53. Ил. 215, 280].

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что данные браслеты являются болгарскими изделиями и датируются по аналогиям XII – началом XIII в.

К. А. Руденко

Д. В. Васильев

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ДЕЛЬТЫ ВОЛГИ В ПРЕДМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Дельта Волги является своеобразным в природном отношении регионом. Это страна рек и лугов, окруженная обширными степными пространствами. До недавних пор считалось, что оседлая культура и города появились в дельте Волги только с приходом монголов. Однако начатые на рубеже XX и XXI вв. исследования в дельте позволили выдвинуть предположение о том, что оседлость и традиции городской культуры возникли здесь еще в хазарское время – примерно в VIII–IX вв., и существовали они непрерывно в течение всего периода средневековья. Именно сухие безводные степи и широкие реки стали тем естественным природным щитом, за которым на протяжении нескольких веков в дельте Волги существовала городская жизнь в симбиозе с полукочевой культурой населения дельтовых островов.

Основанием для подобного рода утверждений являются результаты исследований на Самосдельском городище, которые проводятся с 2000 г. совместной археологической экспедицией Астраханского государственного университета и Института этнологии и антропологии РАН.

Самосдельское городище – это остатки средневекового городского поселения в дельте Волги, в 43 км ниже Астрахани, на правом берегу р. Старая Волга, около села Самосделка Камызякского р-на Астраханской области. В культурных слоях Самосдельского городища содержатся остатки сразу трех городов, последовательно сменявших друг друга: хазарского (IX–X вв.), предмонгольского времени (XI–XII вв.) и золотоордынского (XIII–XIV вв.).

Городище стало известно как предположительное место расположения последней столицы Хазарского каганата – города Итиль

(Атиль, Атель). Средние слои, датирующиеся XI–XII вв., соотносятся с существовавшим в дельте Волги торговым городом Саксин (Саджсин), известным по описаниям арабского купца и путешественника Абу Хамида ал-Гарнати. Верхние слои, по одной из версий, соотносятся с городом Суммеркентом, упоминаемым Гиљомом де Рубруком, который проезжал через дельту Волги в 1254 г., по другой – с продолжавшим существовать в XIII–XIV вв. городом Саксином.

В слоях XII–XIV вв. обнаружено большое количество сооружений из обожженного кирпича вторичного использования. В XIII–XIV вв. дома были преимущественно однокомнатными, к XI–XII вв. относятся большие многокомнатные здания, выстроенные из сырца и обломков обожженного кирпича вторичного использования. Первоначальные кирпичные постройки пока не обнаружены. Предполагается, что строительным материалом для поздних построек служили кирпичи из какой-то крупной постройки хазарского времени (VIII–IX вв.) – дворца или крепости.

В нижних слоях памятника обнаружены остатки юртообразных жилищ. Юртообразные жилища на Самосдельском городище заглублены в землю, стены их выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Другой тип ранних жилищ – легкие каркасные постройки квадратной или прямоугольной формы. Каркас обычно сделан из деревянных столбов и жердей, вкопанных в землю, пространство между ними заполнено камышом, а сверху стены обмазаны глиной (так называемые турлучные постройки).

Анализ археологического материала и данные радиоуглеродного анализа

Нижние слои Самосдельского городища. Уровень IX–X вв. Раскопки Э. Д. Зиливинской. Фотография Э. Д. Зиливинской, 2009 г.

свидетельствуют о том, что Самосдельское городище возникло в хазарское время. В связи с этим встал вопрос о возможности соотнесения этого памятника с остатками столицы Хазарского каганата – города Итиля. Соотнесение нижних слоев Самосдельского городища с Итилем, по мнению авторов исследований, имеет ряд оснований.

Во-первых, расположение городища в дельте Волги на острове, окруженном со всех сторон протоками и разделенном ериками на несколько частей. Это соответствует описаниям Итиля, составленным арабскими историками и хазарским царем Иосифом. Во-вторых, вероятность наличия на городище крепости, построенной из обожженного кирпича, поднимает статус города: кирпичное строительство в каганате являлось царской монополией. В-третьих, в нижних слоях городища обнаружены юртообразные жилища, которые являются обязательным атрибутом всех известных укрепленных поселений хазарского времени. В-четвертых, керамический комплекс из нижних слоев Самосдельского городища датируется хазарским временем. В-пятых, нижние слои Самосдельского городища датируются VIII – IX вв. по результатам радиоуглеродного анализа.

Масса интересных находок на Самосдельском городище связана с огузами, которые составили основу населения дельты Волги после разгрома Хазарского каганата. Материальная и духовная культура огузов, которых русские летописи именуют «торками», была до сих пор известна в южнорусских степях только по захоронениям, и лишь на Самосдельском городище удалось впервые обнаружить культурные слои поселения, генетически связанного с археологическими культурами Центральной Азии – нижнего и среднего течения Сырдарьи и Семиречья.

Керамика из слоев XI–XII вв. связана своим происхождением со степными комплексами Центрального Казахстана и Приаралья (городища Асанас, Кескен-куюк-кала). Прослеживаются связи керамического комплекса городища с материалами низовий Амударьи (Ток-кала) и средневековыми курганными могильниками Устюрта.

Существует мнение, что именно огузы составляли гарнизон города-крепости Саркел,

защищавшей западные рубежи Хазарского каганата. Из письма хазарского царя Иосифа Хасдаю ибн Шапруту известно, что его, Иосифа, охраняла гвардия из хорезмийцев-мусульман. Возможно, что *ал-арсийа*, гвардейцы хазарского царя, были огузами – выходцами из Северного Хорезма. Это предположение объясняет пути проникновения огузов в дельту Волги в X в.

По материалам раскопок в составе населения городища выделяется значительный болгарский компонент, что позволяет говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Булгарией в XI–XII вв.

Город, разросшийся и ставший более благоустроенным к XI в., как это видно из результатов раскопок, предположительно соотносится с торговым городом Саксином, о котором упоминает средневековый путешественник, купец и писатель Абу Хамид ал-Гарнати, называя его городом гузов [ал-Гарнати 1971: Большая часть С. 27]. Он сообщает, что в городе Саксин (Саджсин) «существует сорок племен гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком». Тот же ал-Гарнати упоминает среди жителей города еще и болгар, сувар, хазар (вероятно, остатки населения времен Хазарского каганата). Причем каждое из этих племен имело свою соборную мечеть и свой квартал. Кроме того, путешественник упоминает о «тысячах» купцов из Магриба и из других стран, которых он видел в Саксине, что говорит о значительных торговых связях Саксина и об их интенсивности. По материалам раскопок на городище видно, что именно огузский и болгарский компоненты составляли основу населения Самосдельского городища XI–XIII вв., что делает еще более вероятной локализацию здесь Саксина. Городище являлось центром транзитной торговли, что демонстрирует широкая география находок из культурных слоев XI–XIII вв.

Находки с Самосдельского городища подтверждают мнение С. П. Толстова о комплексном земледельческо-скотоводческо-рыболовецком хозяйстве полуседлых огузов. Булгары Самосдельского городища, видимо, выполняли роль поставщиков ремесленных

товаров и организаторов торговли. Даже если город, как пишет ал-Гарнати, находился под политическим господством огузов, то значение болгарской материальной культуры было весьма велико.

Видимо, экономической основой для существования города являлась торговля. Расположение Саксина в дельте Волги определяло его роль в качестве юго-восточных торговых ворот Европы. Здесь был узловым пунктом на Волго-Каспийском торговом пути, связывавшем Северный Иран, Ширван, Закавказье, Хорезм и Волжскую Булгарию. Еще с хазарских времен прослеживается тесная связь дельты Волги с юго-западным и юго-восточным Прикаспием – это становится понятно по результатам анализа импортных изделий, в частности посуды, поступавшей из этих регионов.

К XII–XIII вв. относится период наивысшего развития области Саксин. Это уже не одинокий город в дельте, но целая сеть небольших стационарных поселений на дельтовых островах, замкнутых в единую хозяйственную систему с городом. По результатам сравнительного анализа с самосдельскими материалами остатки этих поселений идентифицируются в дельте и пойме Волги и Ахтубы. Огузы, которые вели полуседлое хозяйство, осваивали острова, переходя к земледелию и рыболовству. Помимо Саксина, нам известно название как минимум еще одного крупного населенного пункта, существовавшего в дельте Волги в домонгольскую эпоху. Гильом де Рубрук, побывавший в дельте Волги в 1254 г., писал о городе Суммеркенте, который со всех сторон окружен водой и который монголы долго не могли взять. Суммеркент служил перевалочным пунктом на пути через дельту, поэтому его остатки должны находиться где-то в северной, наиболее узкой части дельты. Возможно, они соотносятся с городищем Мошаик на восточной окраине современной Астрахани.

В слоях XIII–XIV вв. открыты остатки сооружений домонгольского периода, разрушенных в результате внезапного монгольского нашествия. Отчетливо прослеживается слой пожарища, в котором погибли крупные городские постройки и городская инфраструктура. Наблюдаются упадок традиционной уличной планировки, обживание руин воз-

вратившимся после катастрофы населением. С начала XIV в., видимо, начинается некоторый экономический подъем, с ним связаны разрушение и перепланировка руин крупных усадебных зданий домонгольского времени и строительство на их месте относительно простых жилищ, в которых сочетаются местные домостроительные традиции и мощное влияние золотоордынской культуры. Сходные процессы прослеживаются и в керамическом комплексе городища: местные традиции керамического производства в течение 2-й половины XIII – начала XIV в. постепенно вытесняются массовой керамикой крупных золотоордынских городских центров, что объясняется оттоком с территории городища населения – носителя домонгольских традиций. Небольшой подъем в 1-й половине XIV в. был непродолжительным, так как уже в 1330-х гг. город начал страдать от периодических затоплений и к середине XIV в. был заброшен.

В 1-й половине XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря. Район городища Самосделка оказался в прибрежной зоне дельты, особенно опасной в период катастрофических нагонов. Бедствия природного характера могли послужить причиной упадка и даже гибели поселения.

Низовья Волги в XIII в. становятся столичным регионом нового государства – Золотой Орды, здесь возводятся новые величественные и многолюдные города, с которыми старый торговый центр не мог уже конкурировать. Как писал автор начала XV в. ал-Бакуви после выдержки из текста Закарии Казвини, «Саксин в настоящее время затоплен; от него не осталось и следов, но вблизи существует теперь другой город – Сарай Берке – столица государя этой страны».

336, 337

336

КувшиныСеверный Кавказ
VIII–X вв.

Глина; лепка, лощение

А – высота 30,1 см, максимальный диаметр тулова 22,0 см,
В – высота 28,7 см, максимальный диаметр тулова 17,0 см
Самосдельское городище, сборы С. А. Котенькова,
1992 г.Астраханский музей-заповедник,
инв. №: А – НВ 13379/65; В – НВ 13379/54

Публикации: Попов 2011

Лепные сероглиняные тонкостенные кувшины со сливом практически лишены орнамента, за исключением двух неглубоких концентрических бороздок при переходе от шаровидного тулова к горлу. На обоих сосудах частично сохранилось лощение. Ручки округлые в сечении, петлевидные, соединены с туловом посредством шипа.

По форме и некоторым технологическим приемам кувшины не имеют отношения к салтово-маяцкой культуре. Аналогии находятся в Приморском Дагестане [Магомедов, 1983. Рис. 31, 2, 3], в погребении Соколовского типа из кургана 5 могильника Кривая Лука XXVII в низовьях Волги [Федоров-Давыдов 1984. С. 80–94. Рис. 8]. Можно

полагать, что кувшины такого типа производили на Северном Кавказе, об этом кроме формы сосудов напрямую свидетельствуют и технологические особенности их изготовления, в частности шиповое соединение ручки, цвет и характер лощения.

Д. В. Васильев

337

КувшинНижнее Поволжье
X в.

Глина; лепка, лощение

Высота 20,5 см, диаметр горла 7,7 см, максимальный диаметр тулова 15,0 см, диаметр дна 8,3 см
Самосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской, 2005 г.Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48034/6
Публикации: Зиливинская 2011. С. 26

Лепной красноглиняный кувшин с округлым, слегка сплюснутым туловом, широким и высоким горлом. Дно плоское. Горло конически сужается от плечиков к венчику. Венчик слегка отогнут наружу раструбом. Спереди на венчике имеется слив, который сделан вытягиванием

338

и боковым сминанием венчика. Ручка овальная в разрезе, крепится под венчиком и в верхней части плечиков. Поверхность сосуда покрыта сплошным вертикальным лощением.

Кувшин является подражанием северокавказским аналогам (см. кат. 336)

Д. В. Васильев

338

КружкаНижнее Поволжье
IX–X вв.

Глина; лепка

Высота 17,5 см, диаметр горла 10,2 см, максимальный диаметр 14,0 см
Самосдельское городище, сборы С. А. Котенькова,
1992 г.Астраханский музей-заповедник, инв. № НВ 13379/53
Публикуется впервые

Лепной красноглиняный сосуд (кружка) грушевидной формы, с расширяющимся книзу туловом и выпуклым донцем. Прямых аналогий среди материалов памятников Нижнего Поволжья данный тип посуды не имеет. Отдаленной аналогией могут быть круговые биконические

339

кружки Волжской Булгарии X–XI вв. [Хлебникова, 1984. С. 210. Рис. 119], в таком случае данный сосуд является либо лепным прототипом, либо подражанием круговым формам.

Д. В. Васильев

339

ГоршокНижнее Поволжье
X–XI вв.Глина; ручная лепка, костровой обжиг
Высота 21,7 см, диаметр венчика 15,5 см, максимальный диаметр 21,5 смСамосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской и Т. Ю. Гречкиной, 2003 г.
Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48163/2
Публикации: Зиливинская 2011. С. 28

Горшок с туловом подшаровидной формы и шейкой, плавно переходящей в короткое раструбовидное горло, интересен прежде всего орнаментом на плечиках и тулове: на них по сырой глине были прочерчены полукруглые арки, обозначенные двойными линиями, – по три арки с каждой стороны сосуда. Вдоль линий, обозначающих арки и арочки, с внешних сторон нанесены

340

палочкой короткие частые насечки. Петлевидные, овальные в сечении ручки также орнаментированы по боковым граням и по внешней плоскости украшены цепочками насечек палочкой. Насечками палочкой был украшен также венчик сосуда.

На памятниках Волжской Булгарии полных аналогий горшку нет. Т. А. Хлебникова при изучении керамики Среднего Поволжья выделила II этнокультурную группу, характеризующуюся ручной лепкой сосудов, а также тестом с большим количеством примесей: шамота, песка, растительности, каменной крошки [Хлебникова 1984. С. 53. Рис. 4, 4; 95. Рис. 28, 4; 217–219].

В рамках этой группы встречаются горшки, аналогичные рассматриваемому. Наиболее ранние образцы подобной формы встречаются в погребениях Больше-Тарханского могильника, датированных VIII–IX вв. С начала X в. сходные горшки, выполненные из шамотно-растительного теста, получили распространение на поселениях, открытых в южных районах Татарстана. Т. А. Хлебникова считала, что своим происхождением II этнокультурная группа связана с кочевнической керамикой Подонья. По ее мнению, на раннем этапе (VIII–IX вв.) керамика группы принадлежала кочевому болгарскому населению, а в более позднее время, начиная с X в., ее следует связывать с кочевыми огузо-печенежскими пле-

менами. На Самосдельском городище горшки этого типа могут указывать на болгарский компонент населения. В тоже время не исключается возможность использования подобной посуды огузо-печенегами, также проживавшими на городище. Подобные взаимовлияния являются результатом тесных этнокультурных контактов.

Д. В. Васильев

340

Зооморфная ручка

Нижнее Поволжье
X–XI вв.

Глина; лепка

Длина 9,4 см, высота 6,2 см, ширина 2,8 см; диаметр основания 2,3 см

Самосдельское городище, раскопки

Э. Д. Зиливинской и Т. Ю. Гречкиной, 2004 г.

Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48163/3

Публикации: Попов 2010. С. 98–112

Зооморфная вертикальная ручка красноглиняного лепного сосуда. Основание ручки имеет полукруглую форму, покрытую в верхней части пунсонным орнаментом – наколами камышинкой. Сохранилось одно из мест примазывания ручки к сосуду. В нижней части ручки заметен неровный косой скол.

На арочное основание наклепана зооморфная четырехногая фигурка с отколотыми нижней (опущенной) и верхней (приподнятой) частями. Туловище и ноги животного покрыты кружками, нанесенными кончиком камышинки. На спинке животного располагаются два полукруглых поперечных выступа, имитирующих переднюю и заднюю луки седла. Таким образом, фигурка на ручке представляла собой оседланную лошадь. Можно предположить, что приподнятая верхняя часть фигурки – это шея, на которой располагалась несохранившаяся голова, а к опущенной задней части (крупы) крепился отколотый ныне хвост. Поверхность изделия покрыта оранжевым ангобом и заглажена травой, на сколах проступает черный цвет.

Судя по тому, что все экземпляры ручек этого типа встречаются в лепной кочевнической керамике, их можно связывать с огузо-печенежскими племенами.

Д. В. Васильев

341

341

Набор литейных форм

Нижнее Поволжье
XII в.

Глина; лепка, оттиск, подрезка

А – створка а: длина 8,9 см, ширина 7,1 см, толщина 1,9 см; створка б: длина 8,7 см, ширина 7,0 см, толщина 1,9 см

В – створка а: длина 11,5 см, ширина 7,8 см, толщина 2,4 см; створка б: длина 11,5 см, ширина 7,8 см, толщина 2,4 см

С – створка а: длина 10,6 см, ширина 6,5 см, толщина 2,1 см; створка б: длина 10,5 см, ширина 6,6 см, толщина 2,2 см

Самосдельское городище, раскопки

Э. Д. Зиливинской и Т. Ю. Гречкиной, 2004 г.

Астраханский музей-заповедник,

инв. №: А – КП 48163/4–5; В – КП 48163/6–7;

С – КП 48163/8–9

Публикации: Зиливинская 2011. С. 33.; Зиливинская, Васильев 2006. С. 47

Настоящие формы были найдены вместе в яме № 83 Раскопа I, которая по материалу хорошо датируется в рамках XII в.

На внутренних сторонах обеих створок прямоугольной формы (А) была отпечатана фигурка птицы, смотрящей вправо на одной створке и влево – на другой. Оттиск производился с готового изделия или же, что наиболее вероятно, с восковой модели. Модель имела круглый в сечении штырь снизу, который после оттиска стал

литейным каналом и одновременно лапками фигурки птицы. На одной из створок литейный канал был слегка расширен подрезкой. Птица стоит со сложенными крыльями, голова поднята, клюв короткий, слегка загнутый вниз. Грудь птицы слегка выпячена, хвост заостренный. Внутренняя поверхность формы заглажена. Внешние поверхности формы доработаны подрезкой и подлощены. Створки крепились между собой посредством трех отверстий, в которые вставлялись штифты.

Вторая форма (В) также предназначалась для отливки фигурки птицы, в данном случае весьма реалистично изображенного фламинго. Как и в случае с формой, оттиск производился, видимо, с восковой модели. Птица стоит со сложенными за спиной крыльями. Крылья обозначены острым приподнятым выступом назад и вверх от тулова. Хвост острый, длинный, горизонтальный, имеет веерообразное расширение по горизонтали, обозначенное углублением в форме. Голова на длинной шее, которая чуть изогнута вперед, массивная, с хохолком и загнутым вниз длинным клювом. Грудь птицы слегка выпячена. Ноги птицы являются одновременно литейным каналом для заливки расплава внутрь формы. Внутренняя поверхность формы заглажена. Имеется три несквозных узких округлых отверстия: два спереди и сзади от птицы по углам формы, одно над птицей, у верхнего края формы, посередине. Отверстия проделаны от внутренней поверхности формы. Внешние поверхности формы обработаны обрезкой и подлощены.

Третья литейная форма (С) из этого комплекса предназначалась для отливки изделий в форме рыбок. Изготовлена она была так же, как и найденные вместе с ней формы для отливки фигурок птиц. Форма прямоугольная, на внутренней стороне оттиснуто глубокое изображение двух рыбок вытянутой формы с раскрытыми ртами и прямыми, обрезанными хвостовыми плавниками. Чешуя, жабры и глаза очень натуралистично проработаны на модели мелким рельефом. Отверстия-воронки для заливки расплава располагаются со стороны ртов рыбок. Внутренняя часть формы гладкая. Внешние обрезаны стеклом и заглажены. Справа от хвоста и головы правой рыбки и над хвостом левой рыбки имеются несквозные крепежные отверстия, проделанные в сырой глине с внутренней поверхности формы.

Полных аналогий этим формам в материалах памятников предмонгольской эпохи в Восточной Европе нет. Отдаленной аналогией могут служить двустворчатые керамические арочные

формы из материалов золотоордынских городищ (Селитренного, Красноярского, а также из Азака и Маджар) [Пигарев, Скисов 2001. С. 159–179]. Однако их предназначение на настоящий момент не определено. Таким же неясным остается назначение данных форм. Они изготовлены из керамики, которая плохо переносит высокотемпературное литье. Кроме того, на внутренней поверхности створок отсутствуют каналы для отвода газов и излишков металла, необходимые при литье металлических расплавов. Исходя из этого, логично предположить, что данные формы служили для литья низкотемпературных вязких растворов и, скорее всего, применялись в кулинарии при изготовлении сладостей. Густой сироп мог заливаться в воронкообразное отверстие снизу, после чего в это же отверстие удобно было вставить палочку для удерживания леденца, получавшегося при загустевании сиропа.

Д. В. Васильев

342

Чаша поливная

Мавераннахр, вероятнее всего, Бухара или Бухарский оазис X–XI вв.

Глина; гончарный круг, глазурь
Диаметр венчика 24,0 см, диаметр поддона 12,0 см, высота 15,0 см

Самосдельское городище, раскопки Э. Д. Зиливинской и Т. Ю. Гречкиной, 2004 г. Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48163/13
Публикации: Зиливинская, 2011. С. 32; Зиливинская, Васильев, 2006. С. 52

Чаша сохранилась чуть более чем наполовину. По форме напоминает кратер: нижняя часть полусферическая, верхняя слегка конусообразно расширяется. Венчик прямой, вертикальный, губа венчика уплощена и слегка скошена внутрь. Сохранились две вертикальные петлевидные ручки, состоящие из двух округлых в сечении жгутов. На верхней части одной из ручек сохранился высокий сосцевидный налп, на второй – основание сколотого налпа. Горло чаши разделено на два горизонтальных яруса бороздкой, прочерченной по сырой глине. Тулово делится на фронтальную и тыловую части по характеру орнаментации. На фронтальной стороне по горлу чаши размещены в два яруса два ряда круглых налпов со штампом в виде розетки. Поддон дисковидный, с вырезом. Тулово снаружи

342

покрыто зеленой глазурью по белому ангобу, с внутренней стороны – бесцветной прозрачной глазурью по красной глине.

Нет сомнений в том, что сосуд импортирован из Средней Азии. Сосуды такой формы изготавливали в Согде. Похожие чаши достоверно производились в Самарканде и Бухарском оазисе. Для самаркандских чаш характерно наличие ручек и носика, но у них нет налпов на горловине, и полива их как правило мраморовидная, а не зеленая [Шишкина, 1979, С. 17. Табл. X, 8, 10, 11; XXXIII, 11, 14]. Бухарский вариант этих чаш, известный прежде всего по большому количеству находок в Пайкенде, помимо наличия ручек, чаще всего двусоставных, характеризуется отсутствием носика и украшением горловины круглыми налпами, сделанными штампами [см.: Семенов и др. 2002. Рис. 34, 1, 2]. В Пайкенде были открыты и остатки производственного комплекса по изготовлению подобных чаш. Круглыми штампами, разделенными крестовиной на четыре сектора с точками в них, украшен едва ли не самый большой процент местной керамики Пайкенда. Так украшались помимо чаш кувшины разных типов. Но для керамики Пайкенда не характерно использование красной глины,

хотя местная красноглинная керамика встречается, чаще в слоях 2-й половины X в. Также все известные сейчас чаши с ручками не имеют поливы, хотя производство керамики с зеленой поливой было отличительной чертой именно Пайкенда (см. кат. 90, 91, 93). Очевидно, что чаши такого типа производили и в других населенных пунктах Бухарского оазиса, поэтому можно полагать, что настоящая чаша с Самосделки была произведена где-то в Бухарском оазисе в X в.

Д. В. Васильев, А. И. Торгоев

343

343

Котел

Нижнее Поволжье
X в.

Глина; лепка, ангоб

Высота 15,0 см, диаметр венчика 19,5 см, максимальный диаметр 27,5 см
Самосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской и Т. Ю. Гречкиной, 2003 г.
Астраханский музей-заповедник,
инв. № КП 47199/25
Публикации: Попов 2010. С. 163–166

Лепной котел имеет подшарообразный корпус, уплощенное дно, с внешней стороны покрыт жидким розовым ангобом. Тесто с примесью шамота, песка и органики, обжиг не равномерный. Венчик уплощенный, внутренний край оттянут внутрь и слегка заострен. Ручки горизонтальные, витые, дуговидной формы.

Полные аналогии котлам этого типа находятся в материалах средневековых городищ Чуйской долины [Кожемяко 1959. Табл. VI, 7, 8; Кызласов 2006. Рис. 93, 78]. Форма корпуса таких котлов характерна и для керамического комплекса средневековых городищ Таласской долины, но там витые ручки, так же как на городищах Центрального Тянь-Шаня и Ферганы, встречаются редко. Представляется вполне вероятным, что эта форма кухонной керамики появилась в керамическом комплексе Самосдельского го-

родища именно из далекого Семиречья. Источники упоминают гузов по соседству с карлуками и кимаками, отмечая их мирное сосуществование. К X в. кочевья огузских племен простирались от Семиречья до Нижней Волги. Основываясь на сведениях Марвази, С. Г. Кляшторный пишет: «Под напором с востока, в котором приняли участие семиреченские карлуки, огузы, ослабленные уходом в Хорасан основной массы огузо-сельджукских племен, двинулись со своих восточных земель в западные приволжские кочевья, а затем, разгромив печенегов, – в причерноморские степи» [Кляшторный, Савинов 1994. С. 53]. В этом движении с востока на запад, по-видимому, участвовали какие-то мастера из городов Юго-Западного Семиречья, которые и принесли на Нижнюю Волгу традицию изготовления котлов такого типа.

Интересно, что среди большого массива памятников гузов на средней Сырдарье такие котлы крайне редки [Смагулов 2011. Рис. 57, б], а на нижней Сырдарье – основном месте расселения гузских племен, где находилась их ставка, Янгикент – в IX–X вв. котлы такого типа неизвестны вообще. Приведенное обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что мастера-керамисты, работавшие на Самосдельском городище, с большой вероятностью могли происходить из среды горожан Чуйской долины.

Д. В. Васильев, А. И. Торгоев

344, 345

344

Фрагмент котла

Нижняя Волга
X в.

Глина; лепка, ангоб

Диаметр венчика 23,0 см, максимальный диаметр 33,0 см
Самосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской, 2009 г.
Астраханский музей-заповедник,
инв. № КП 47199/26
Публикуется впервые

Как и предыдущий сосуд (кат. 343), этот котел можно отнести к группе «огузской» керамики Самосдельского городища, имеющей прямые аналогии в керамике средневековых городов Семиречья. Весьма характерным моментом является наличие ручек, свитых из трех округлых в сечении жгутов глины, что явно указывает на традицию, неизвестную в Восточной Европе, зато хорошо представленную в Юго-Западном Семиречье.

Под венчиком расположен пояс пунсонного орнамента – круглых наколов. На плечике сосуда между ручками расположен конусовидный налеп-умбон. Ангоб светлый жидкий. Обжиг равномерный, на изломе цвет черепка серый. Тесто с примесью шамота, песка и органики, на внешней поверхности следы копоты. О том, что это посуда местного производства, говорит

орнамент в виде наколов, сделанный камышиной, нехарактерный для этой группы керамики в Семиречье.

Д. В. Васильев

345

Горшок

Нижнее Поволжье
IX в.

Глина; лепка

Высота 19,0 см, диаметр горла 12,0 см, максимальный диаметр 17,0 см, диаметр дна 10,7 см
Самосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской, 2009 г.
Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48034/49
Публикации: Зиливинская 2011. С. 21

Лепной красноглиняный горшок с яйцевидным туловом, плоским дном, широким цилиндрическим горлом и изначально двумя ручками, из которых сохранилась только одна.

Полных аналогий горшку нет, но он, как и горшок кат. 339, близок керамике II этнокультурной группы, выделенной Т. А. Хлебниковой в материалах преимущественно памятников волжских булгар в Среднем Поволжье [Хлебникова 1984. С. 53, 95, 215–217]. На Самосдельском городище горшки этого типа должны связываться с болгарским компонентом. Горшок датируется

346

в рамках IX в. В пользу такой датировки говорит отсутствие «пышной» орнаментации, характерной для более позднего периода.

Д. В. Васильев

346

Шахматная фигурка

Волжская Болгария (?)
XII–XIII вв.
Кость; резьба, полировка
Длина 2,9 см, ширина 1,6 см, толщина 1,2 см
Самосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской, 2008 г.
Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48099/42
Публикации: Абулгазиева, 2014. С. 163

Шахматная фигурка подовальной в сечении формы. Верхний конец увенчан завершием арочной формы с поперечным гребешком посередине. Слева и справа от основания арки располагаются ступенчатые плоские уступы, поскольку ширина арки меньше ширины изделия в целом. На нижнем конце проделано несквозное отверстие. На одной боковой стороне два слабо выраженных ребра, на второй – одно ребро. Вся поверхность хорошо зашлифована. В Биляре подобные фигурки датируются XII в., на Руси они найдены в слоях XIII в. [Рыбина 1991. С. 86–101]. Также аналогичные фигурки обнаружены в IV зо-

347

лотоордынском слое Булгара. И. А. Закирова считает, что все эти фигурки – пешки [Закирова 1988. С. 233–235].

Д. В. Васильев

347

Кувшинчик

Нижнее Поволжье
XII в.
Глина; гончарный круг
Высота 11,4 см, диаметр дна 4,6 см,
диаметр венчика 5,5 см
Самосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской и Т. Ю. Гречкиной, 2004 г.
Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48163/12
Публикации: Попов 2011. С. 64. Рис. 3

Гончарный красноглиняный кувшинчик на псевдоподдоне, с петлевидной ручкой с налепом сверху характерен для керамики смешанного населения Самосдельского городища. По горлу и плечикам нанесен пояс орнамента в виде зигзагообразных узких белесых полос псевдоощения. Снизу, по участку максимального расширения тулова, этот орнаментальный пояс ограничивается цепочкой вдавлений, нанесенных заостренной палочкой.

Данные сосуды могут быть подражаниями металлическим образцам. Очень близкие по форме

серебряные сосуды обнаруживаются в коллекции сасанидского серебра Государственного Эрмитажа [Орбели, Тревер 1935. Табл. 53]. Также на то, что самосдельские кувшинчики этого типа являются подражаниями металлическим образцам, указывает характер отделки в виде горизонтального, вертикального, сетчатого лощения.

Д. В. Васильев

348

Сфероконус

XII–XIII вв.
Глина; гончарный круг, лощение
Высота 19,0 см, диаметр отверстия горла 1,2 см,
диаметр венчика 4,7 см,
максимальный диаметр 15,0 см
Самосдельское городище, раскопки
Э. Д. Зиливинской и Т. Ю. Гречкиной, 2004 г.
Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 48163/1
Публикации: Васильев 2015. С. 208;
Васильев, Орленко, Шельдешова 2014. С. 189–267

Гончарный красноглиняный сфероконус с туловом реповидной формы, пояс максимального расширения располагается в верхней четверти сосуда. Перегиб к плечикам от тулова крутой, резкий. Тулово в центральной части сужается к низу плавно, в нижней части резко сходится в коническое донце. Горлышко имеет грибовидную форму; венчик широкий, выпуклый, почти полусферический, отверстие узкое, цилиндрическое. По тулову нанесено горизонтальное лощение. Донная часть визуально отделена от тулова неглубокой концентрической бороздкой. Такая же бороздка отделяет тулово от плечиков. На плечиках выбито граффити в виде кораблика с мачтой, высоким форштевнем и ахтерштевнем, вантами и большим якорем, выброшенным вперед. Рисунок нанесен по обожженному изделию. С одной стороны на тулове темный след от второго прокала, из-за которого оно треснуло: трещина располагается в верхней части тулова на стороне, противоположной рисунку.

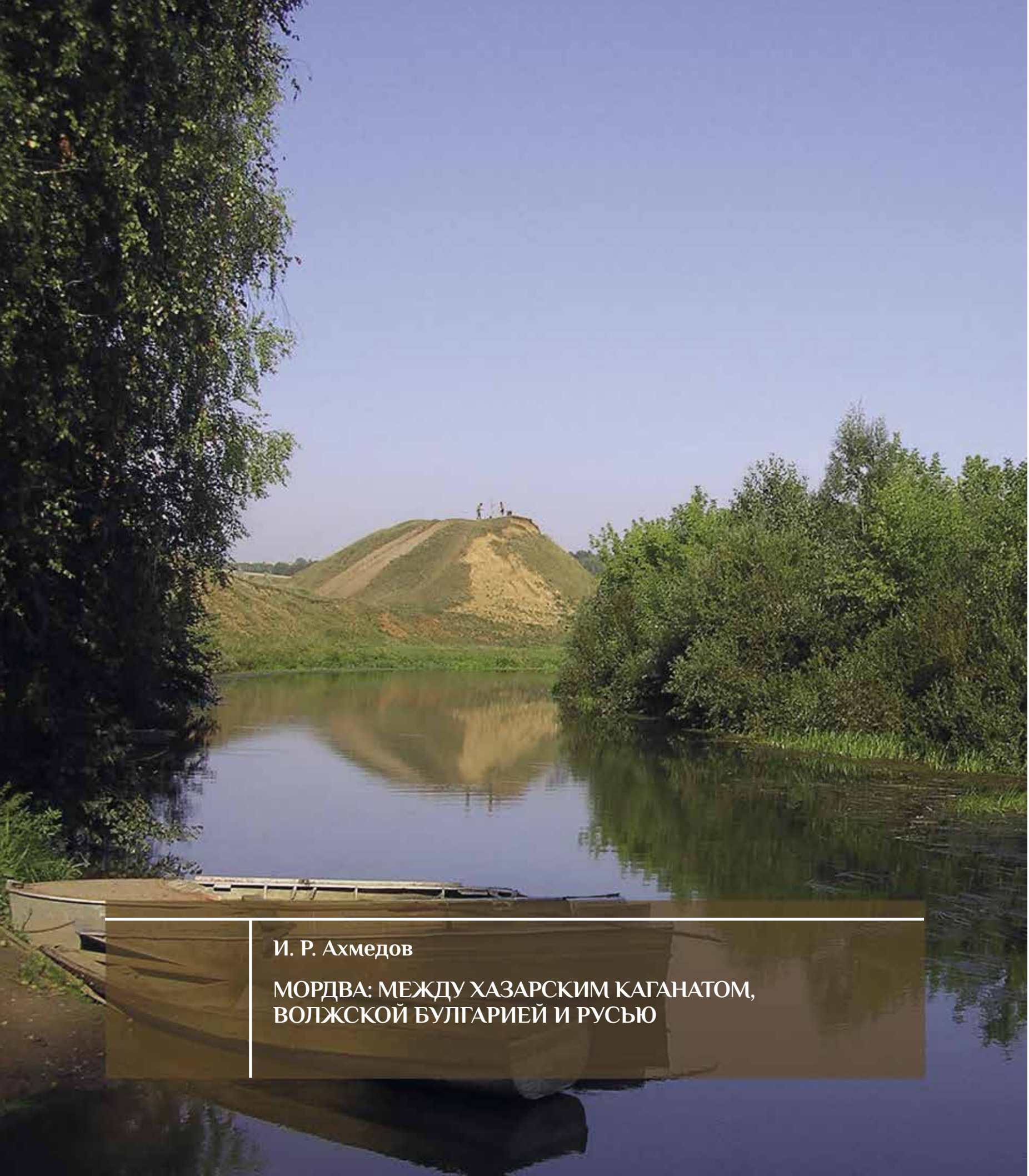
Сфероконусы такого типа имели широчайшее распространение на трассах трансконтинентального Евразийского пути, массово встречаются в культурных слоях поселений предмонгольского времени от Ирака до Волжской Булгарии [Халиков 1986. Рис. 1, 1–6; Галиева 2001. С. 52–61].

Д. В. Васильев

348

И. Р. Ахмедов

МОРДВА: МЕЖДУ ХАЗАРСКИМ КАГНАТОМ, ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ И РУСЬЮ

В книге Ибн Фадлана нет данных о мордве, однако сведения о ней сохранились в других источниках, в том числе у его современников. В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» содержатся сведения о расположении страны Мордии, которую отождествляют с ареалом расселения средневековой мордвы: «Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании – на шесть дней, от Мордии – на десять дней, от Росии – на один день, от Турции – на четыре дня, от Булгарии – на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе» [Константин Багрянородный 1989 Литаврин, Новосельцев. С. 37]. Здесь же содержится и косвенное упоминание контактов русов и мордвы: «В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию» [Там же. С. 42]. Выдвигались предположения и о том, что народы Арису и Ц-р-мис, упомянутые в пространной версии письма кагана Иосифа среди народов, служащих и платящих дань хазарам, следует отождествлять с эрзей и черемисами [Коковцов 1932. С. 84–103]. Мордва упомянута и в Повести временных лет: «А по Оце реце, где втечет в Волгу, мурома язык свой, черемиси свой язык, мордва свой язык... А се суть инии языци, иже дань дают Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва...» [ПВЛ 1950. Лихачев, Романов. С. 13].

В последние столетия I тыс. древняя мордва концентрируется в лесных пространствах по р. Цна, Мокша, Вад, Теша и становится достаточно важным компонентом этнополитической системы между Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и набирающей силу

Киевской Русью. В VIII–IX вв. наиболее южная группировка мордвы, жившая на среднем течении р. Цна, на севере современной Тамбовской области, видимо, вообще находилась в особых отношениях с северными территориями Хазарского каганата. Находки в погребениях указывают и на тесные контакты с древними венграми, часть из которых двигалась от Волги на запад, в поисках новой родины, которую они в результате обрели в Центральной Европе.

В начале X в. влияние Хазарского каганата практически исчезает, и мордва оказывается в зоне интересов Волжской Булгарии и Киевской Руси. По предположениям некоторых специалистов, к XI в. [Белорыбкин 1999] верховья р. Суры и Мокши входят в состав Волжской Булгарии. В это же время на землях, примыкающих к мордовской территории с северо-запада, складывается Муромско-Рязанское княжество, чуть позднее на границу с мордовской территорией выходит Ростово-Суздальское княжество. Естественно, что и древнерусские князья, и болгарские правители пытались использовать мордву в своих политических интересах. Особенно ярко это проявляется в XII – начале XIII в., когда сведения об участии мордовских воинов в русско-болгарском противоборстве неоднократно появляются в древнерусских источниках. Видимо, мордовские воины представляли собой достаточно серьезную силу. Так, под 1103 г. Повесть временных лет упоминает победу мордвы над войсками Ярослава Святославича Муромского [ПВЛ 1950. Лихачев, Романов. С. 185]. Вообще, еще с момента появления предков мордвы в западной части Среднего Поволжья и на всем протяжении I тыс. их культуру

Древнемарийское святилище на Сиухинском II городище в республике Марий Эл. I тыс. до н.э., XIII–XIX вв.
Фотография
Д. Ю. Ефремовой, 2010 г.

отличала высокая степень милитаризации. Воинские пояса, оружие, конский убор являлись неотъемлемыми элементами мужской субкультуры, что ярко отражено в составех погребальных комплексов. В условиях жесткой политической ситуации домонгольского времени в регионе степень милитаризации общества, видимо, была высока, что вызывало у посторонних наблюдателей некоторый шок, особенно если они судили исходя из христианских норм. Так, в описании путешествия католического монаха Рихарда в Великую Венгрию накануне монгольского вторжения содержатся следующие сведения: «Он в 15 дней прошел по реке царство мордванов; это – язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается; и когда кто-либо идет по дороге, то перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед кем несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих они делают чаши и особенно охотно пьют из них. Тому, кто не убил человека, не позволяют жениться» [Известия венгерских миссионеров 1940. С. 82]. Думается, что это известие все-таки содержит некоторые преувеличения и штампы, которыми пользовались христианские авторы при описании языческих обществ.

Однако совокупность сведений позволяет предполагать, что в условиях болгарско-русского противостояния у мордвы выделяются прослойки воинов-дружинников и складываются военно-политические союзы, ориентированные на разные стороны этого конфликта. История сохранила имена предводителей таких союзов уже в эпоху монгольского нашествия: Пуреша, союзника Юрия Всеволодовича, великого князя Владимирского, и его непримиримого противника Пургаса, союзника болгарского хана Алмыша. Первого некоторые исследователи считают верховным правителем (*каназором*) мордвы-мокши, а второго «князем» (*инязором*) мордвы-эрзи.

Но всё это будет после. Во время же путешествия Ибн-Фадлана мордвы еще только начинала испытывать давление со стороны складывающихся великих государств. Природные условия благоприятствовали развитию хозяйства. Археологические находки свидетельствуют о развитом пашенном земледелии,

скотоводстве, охотничьем и рыболовном промыслах, бортничестве, а также о достаточно высоком уровне специализированного кузнечного и бронзолитейного ремесла.

Поселения в это время представлены многочисленными селищами и городищами, часто составлявшими значительные скопления. Основным видом жилища, видимо, являлся срубный дом с углубленной центральной частью. На поселениях известны многочисленные находки инструментов для обработки сырья иковки изделий, остатки сыродутных домниц – горнов для выплавки железа, медеплавильных печей, ямы для выжигания угля. В погребениях известны наборы кузнечных инструментов, известно несколько десятков погребений женщин с бронзолитейными принадлежностями – льячками, формочками, кусочками или слитками олова, бронзы, серебра, испорченными медными монетами (кат. 375). Традиционно эти погребения, типичные для поволжских финнов, считаются захоронениями «женщин-литейщиц». Это даже дало основания исследователям выдвинуть предположение о «домашнем» характере ювелирного производства, в котором были заняты женщины. Однако есть основания предполагать, что эти предметы символизировали и другие функции их обладательниц, которые могли быть жрицами или знахарками [Голубева 1984; Никитина, Ефремова 2012].

Известны находки железных сошников от однозубых пахотных орудий 2-й половины I тыс., которые затем, в первые столетия II тыс., совершенствуются, о чем свидетельствуют находки плужных резаков и лемехов XII–XIV вв. Обычными находками являются мотыги, серпы, косы, бортные и лесорубные топоры. Значительную долю хозяйства составляло скотоводство. Сохранившиеся до настоящего времени циклы общественных (общинных) молений-озксов, сопровождавших каждое событие хозяйственного календаря, например первый выгон скота, начало сева, сенокоса и т. п., дают представление о хозяйственной жизни древней мордвы. Особое значение придавалось молениям о лошадях (*Алашань озкс*) и о приплоде крупного рогатого скота (*Скал озкс*). Все эти данные дополняют наши представления о хозяйстве средневековой мордвы.

Верховным божеством у эрзи был Нишке-паз (от ине (великий) и шкай (бог)), у мокши – Шкай-паз. Следующую ступень в иерархии занимали мать богов Анге Патяй (мокш., эрз.), бог грома Пурьгине-паз (эрз.) или Атям-паз (мокш.). Особое место в мордовской мифологии занимает образ Великой птицы Ине нармунь (лебедь, утка). Из трех яиц, снесенных Ине нармунь в гнезде на большой бере-зе, появились три сестры: богиня плодородия Норов-ава (мокш., эрз.), богиня ветра Варма-ава (мокш., эрз.), богиня леса Вирь-ава (мокш., эрз.). Примечательная черта мордовской мифологии: подавляющее большинство божеств – женского рода. С особым почитанием мордва относилась к покровительницам дома и семьи (мокш., эрз. Кудо-ава), хлева и скотного двора (мокш., эрз. Калдаз-ава), села (мокш., эрз. Веле-ава), к богиням поля (мокш., эрз. Пакся-ава), земли (мокш., эрз. Матор-ава), леса (мокш., эрз. Вирь-ава) и воды (мокш., эрз. Ведь-ава).

Период формирования протогосударственных образований у мокши и эрзи отражен, видимо, в предании о Тюштяне / Тюште ('верх, вершина, глава'). Это сын бога-громовника Пурьгине-паза и земной девушки Литовы, он наделен сверхъестественными способностями, выступает в роли верховного справедливого правителя (*кирди*) или князя (мокш. *оцязор*, эрз. *инязор*). Время его правления до сих пор предстает в мордовском фольклоре счастливой эпохой – *Тюштянь пиньге* ('век Тюшти').

Важное значение для процесса развития древнемордовского общества имели торговые и межкультурные контакты. Инокультурные элементы особенно широко представлены предметами воинского убора и снаряжения: серьгами салтовского типа, которые считаются признаком принадлежности к воинскому сословию, наборными поясами, клинковым и древковым оружием, сбруей. Известны многочисленные находки амулетов: различных подвесок в виде всадников или с зооморфными изображениями, подвесок-«самоварчиков», которые могли служить коробочками для хранения ароматических веществ, салтовских украшений. Они четко указывают на связь мордвы со степными на-

родами, в первую очередь с населением Хазарского каганата и Волжской Булгарии. Также найдено значительное количество вещей, ассоциируемых с древневенгерским населением степей Восточной Европы: отдельные поясные наборы, поясные сумки, некоторые формы оружия (кассетные ножи в богато украшенных ножнах) и предметов конского убора (отдельные формы стремян).

Здесь необходимо отметить погребение 505 Крюково-Кужновского могильника первой половины X в., в составе инвентаря которого находился богато украшенный поясной набор, облик которого характерен для венгерских древностей «эпохи обретения Родины». Металлические детали поясного убора изготовлены из сплава на основе серебра и затем позолочены. Другой яркий комплекс инвентаря находился в погребении 206 того же могильника. Здесь к поясу со множеством накладок и наконечников был подвешен кассетный нож в ножнах с серебряными обкладками, украшенными стилизованным растительным орнаментом. Такое оружие находит многочисленные аналогии в элитных древневенгерских захоронениях. Состав среднецнинских погребений также позволяет предполагать особый статус обладателей таких вещей [Зеленцова, Митоян, Сапрыкина 2012; Зеленцова, Сапрыкина 2013].

Кроме того, видимо, в результате взаимодействия с древнерусским населением к мордве попадают и предметы, характерные для древнерусской дружинной культуры. В Кельгининском могильнике найдены две подвески со знаками Владимира Святославовича и, предположительно, его старшего сына Вышеслава, правившего в Новгороде [Беговаткин 2004; Белецкий 2004. № 51–52; 2012. С. 443–444. Рис. 10, 5, 6]. Известны так же находки значительного количества оружия: серия каролингских мечей и ланцетовидный наконечник копья; для чуть более позднего времени известен и романский меч (Шокшинский, Кельгининский, II Журавкинский могильники, находки в Пурдошках и Лаврентьево). Показателен комплекс погребения 281 Шокшинского могильника, где в составе инвентаря мужского захоронения по обряду кремации вместе с обычными для мордовских

древностей вещами находились ритуально деформированный меч типа V по Я. Петерсену с клеймом ULFBERT, бронзовый прорезной наконечник ножен меча с изображением птицы, кассетный нож с серебряными обкладками ножен, наконечник дротика, боевой топор, поясной набор, калачевидное кресало, широко-срединный «усатый» перстень, а так же три саманидских дирхама [Шитов 1990. С. 21–24; Шитов 1994; Павлихин 2013. С. 400–403. Рис. 1, 5). В погребении 26 Елизавет-Михайловского могильника обнаружено навершие скандинавской булавы с зооморфным декором, которое было переделано в кольцевую застежку [Среднецнинская мордва 1969. Табл. 28. Рис. 3].

От славянского населения Верхнего Подонья могли поступить и такие украшения женского убора как лунницы, лучевые височные кольца. Известны и другие славянские и древнерусские находки – широкосрединные перстни, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, керамическая посуда с волнистым и линейным орнаментом [Петербургский 2011. С. 127–128].

О широких культурных контактах свидетельствуют и находки восточного серебра.

По р. Оке в X – начале XI в. через земли черемис, муромы, мордвы проходило одно из ответвлений Волжского торгового пути, о чем свидетельствуют многочисленные клады куфических монет – дирхамов. В конце IX – начале X в. дирхамы попадали в мордовские поселения по Донскому пути, который был северной линией ареала торгового обмена, протянувшейся из Халифата через Закавказье и Хазарский каганат. Наибольшее количество кладов этого времени сосредоточено в верхней и западной части среднего течения р. Оки. В начале X в. в результате изменения политической ситуации путь по Дону перестал функционировать, и в дальнейшем арабское серебро поступало в регион через Волжскую Булгарию. Показательно, что по количеству найденных дирхамов Окский регион входит в число трех самых богатых в Восточной Европе наряду с Волжской Булгарией и районом курского течения р. Сейм, занятый в то время роменскими племенами. Один из самых крупных в Восточной Европе и самый представительный на Оке клад найден в Муроме. В аре-

але расселения мордвы наибольшая выборка содержится в материалах Лядинского могильника, известен клад дирхамов в Крюково-Кужново, где раскопан один из крупнейших могильников среднецнинской мордвы. Характер кладов, найденных на территориях муромы, мордвы и носителей роменской культуры позволяет исследователям выдвигать предположения о том, что в середине X в. всё Поочье представляло собой единый ареал использования и обращения восточного серебра. На памятниках известны и находки складных весов и гирек. Этот «рынок» чутко реагировал на изменения политической обстановки. Так, отсутствие кладов 960-х гг. связывают с походом Святослава на Хазарский каганат, Волжскую Булгарию и обложение данью вятичей (964–966 гг.). Следующий перерыв наступает в 980-е гг., что может быть вызвано походами Владимира на вятичей [Гомзин 2013. С. 19–23]. Дирхамы использовались и как подвески или нашивки (встречаются также подвески, имитирующие восточные монеты), и в качестве источника серебра для изготовления сплавов цветных металлов в ювелирном производстве.

Известны и другие находки восточного происхождения. Так, в погребении 90 Лядинского могильника обнаружено бронзовое ведро с арабскими надписями. В. Г. Тизенгаузен переводит их следующим образом. В верхней части тулова: «Во имя Аллаха милосердного и милостивого (да будет) над обладателем его (сосуда) благодать божья, и счастье, и слава, и благополучие, и благоденствие»; на ручке: «Благодать, и счастье, и радость, и слава, и долгоденствие (да будет) над обладателем его» [Ястребов 1893 С. 14, 45–47. Рис. 17, 25 а, б] (кат. 1). В погребении 462 Крюково-Кужновского могильника найден перстень с сердоликовой вставкой, на которой выгравирована арабская надпись. Видимо, восточное происхождение имеют и шелковые ленты из погребения 472 Крюково-Кужновского и погребения 31 II Журавкинского могильников [Иванов 1952. С. 150; Петербургский и др. 2010. С. 20]. Известны и другие находки металлических котелков, возможно, привезенных из Волжской Булгарии (кат. 389).

По южной кромке мордовских земель, по верховьям р. Суры и Цны проходил рекон-

струируемый Б. А. Рыбаковым, А. П. Моцей, А. Х. Халиковым и рядом других исследователей сухопутный торговый путь из Булгара в Киев. В верховьях Суры известен Армиевский курганно-грунтовой могильник IX–X вв., на котором изучены многочисленные погребения с представительным инвентарем. Некоторые исследователи считают похороненных здесь буртасами, часто упоминаемыми в источниках, другие полагают, что это пришельцы из степи, ассимилировавшие остатки древнемордовского населения верхнего Посурья. Здесь кроме подкурганых погребений по обряду кремации с инвентарем кочевнического облика исследованы несколько мордовских захоронений, древневенгерское погребение, а также безинвентарные могилы, которые интерпретируются как мусульманские. Всё это свидетельствует о сложном, многокомпонентном составе населения, жившего в одной из точек торгового пути. Позднее здесь возникло большое количество поселений, порой достаточно значительных, например Юловское, Садовское II, Селиксенское, Золотаревское городища. Полученные в результате их исследований материалы свидетельствуют о том, что разноплеменные обитатели этих поселений были вовлечены в активную торговлю: здесь представлены не только торговый инвентарь в виде весов, гирек, но и сере-

бряные и свинцовые слитки, близкие по весу восточному мискалю, множество привозных вещей древнерусского, болгарского и даже южносибирского происхождения. На Золотаревском городище реконструируется достаточно крупный центр ювелирного производства [Белорыбкин 1986. С. 89–97; Сафронов, Ставицкий 2014. С. 23–32].

Видимо, именно через эти центры к мордве попадали импорты из Волжской Булгарии: украшения, высококачественные земледельческие орудия (плужные резак, серпы), некоторые виды металлической и гончарной посуды и пр. [Петербургский, Аксенов 2006. С. 93].

Все эти факторы обусловили своеобразие материальной культуры средневекового мордовского населения, в которой отразились как самобытные черты, так и многочисленные свидетельства вовлеченности в драматические события рождения нового облика Восточной Европы конца I – начала II тыс. н. э.

Это хорошо видно на примере древностей из самого южного района расселения мордвы, в среднем течении р. Цны, практически на середине сухопутного пути из Булгара в Киев.

Мордва жила здесь с середины – 2-й половины VII в. до XII в. С конца XIX в. было исследовано несколько погребальных памятников: Лядинский, Томниковский, Елизавет-Михайловский, Серповской, Крюково-Кужновский,

Городище у с. Терехова на правом берегу Оки. Конец II – I тыс. до н. э., V–VII, X–XI, XV–XVI вв. Фотография И. Р. Ахмедова, 2009 г.

Кельгининский могильник мордвы-мокши. X–XVIII вв. Фотография А. А. Беговаткина, 1998 г.

Пановский могильники, это более тысячи погребальных комплексов с богатым инвентарем [Ястребов 1893; Иванов 1952; Среднецнинская мордва 1969; Воронина 2007]. Некоторые из находок представлены на выставке.

Выбор этих материалов для экспонирования не случаен. Среднецнинская группа селилась в крайней юго-западной части мордовской территории, в непосредственной близости к северной границе лесостепи и водоразделу Дона и Оки. В культуре этой группы, особенно в предметах воинского обихода, отчетливо проглядывается мощное влияние носителей салтово-маяцкой культуры, обитавших до начала X в. на северных границах Хазарского каганата. Их многочисленные поселенческие и погребальные памятники хорошо известны в лесостепном Подонье, где они соседствуют со славянским населением боршевской культуры. Существует предположение, что аланский по происхождению этноним «буртасы», возможно, первоначально обозначавший алано-булгарское население лесостепного Подонья, был позже перенесен на среднецнинскую мордву. Согласно другой точке зрения, эту группу следует считать мордвой-мокшей [Воронина 2007, Ставицкий 2014].

Женский костюм является одной из наиболее значимых категорий материальной куль-

туры. У среднецнинской мордвы, как и у всех поволжских финнов, в его состав входит множество бронзовых украшений, часто с большим количеством привесок, которые принято называть шумящими. Считается, что своим звуком они должны были защищать их обладательницу от воздействия злых сил.

Одной из наиболее характерных принадлежностей древнемордовского костюма являются кольцевые застёжки-сюльгамы различных форм, проволочные или литые, в последние столетия I тыс. отличающиеся длинными трубочками или усиками на концах рамки, к ним иногда подвешивались и различные привески. Так, иногда в качестве нагрудных украшений использовались сюльгамы с крупными пластинчатыми трапециевидными подвесками, к которым привешивались трубчатые привески (кат. 361, 362, 364). Эта конструкция застёжек используется в народном костюме мордвы до сих пор. Их, как и подвески с грузиком (кат. 349), считают этническими признаками в костюме древней мордвы.

Ансамбль женского костюма включал в себя головной убор с налобным венчиком, височными подвесками, наконсниками и темными шнурами, с X в. используется характерный для мордвы «пулокер» – наконсник, футляр, состоявший из лубяной основы, обмотанной бронзовой лентой. Видимо, именно

состав головного убора был главным показателем статуса женщины – девушки, невесты, жены и матери, вдовы (кат. 363).

На шее носили массивные гривны и ожерелья из бус, бронзовых пронизей и других украшений. Массивные пластинчатые гривны с различными привесками восходят к характерным украшениям, появившимся еще в середине I тыс. Проволочные гривны с различными формами замков использовались с IX в. и были широко распространены в среде поволжских финнов, некоторые типы гривен попадали сюда с территорий формировавшегося Древнерусского государства (кат. 350, 351).

Особое место среди украшений поволжских финнов занимают бусы. Их можно использовать для определения направлений культурных связей и торговых маршрутов, для синхронизации древностей различных регионов, а так же при анализе структуры древнего общества. В материалах среднецнинской группы мордвы есть типичные для западной части Среднего Поволжья 2-й – 3-й четверти I тыс. бусы VII в. из красного глухого стекла, производимого в ближневосточных мастерских. В VIII–IX вв. состав бус кардинально изменился, стал чрезвычайно многообразным, появились различные типы полихромных бус, изготовленных методом сварки. Произведенные на Ближнем Востоке, они попадали на Среднюю Цну при посредстве населения территорий Хазарского каганата, носителей салтово-маяцкой культуры. В X – начале XI в. состав бус изменился снова, значительное количество бус изготавливалось в технике навивки, большее распространение получили монохромные бусы. Наряду с бусами ближневосточного производства появилась продукция древнерусских мастерских [Терехова 2014] (кат. 374). В ожерельях использовались и каменные бусы в первую очередь сердоликовые. В составе убора часто встречаются раковины каури, или ужомки (Сургаеа монета), которые привозили из стран побережья Индийского океана и Красного моря.

Большое значение имеют бронзовые зооморфные пластины и подвески в виде характерных стилизованных изображений коньков, подвески в виде лапок водоплавающих птиц, видимо, являвшихся в том числе и обе-

регами (кат. 368–372). Они могли составлять как часть ожерелья, так и самостоятельные ансамбли шейных украшений. Предположительно, это отголоски мифологического сюжета о сотворении мира Великой птицей (мокш. Ине Нармонь, эрз. Ине Нармунь), хотя более распространен сюжет о сотворении мира верховным божеством Шкаем/Нишке. Он обращается в утку-нырка и достает землю для творения со дна Мирового океана. В другой версии мифа он заставляет это сделать злого духа (мокш. Шайтан, эрз. Идемевсь). Иногда Великая птица выступает в роли медиатора между богами и людьми. В некоторых мордовских песнях-мифах образ водоплавающей птицы принимает зачарованная или проклятая девушка, снять это заклятие может замужество. В роли жениха выступает охотник, который либо избавляет девушку от ее тяжелой доли, либо становится ее убийцей. Видимо, в какой-то мере образ Великой птицы близок родовому тотему.

Подвески в виде «утиных» лапок украшают и разнообразные литые застёжки и нагрудные украшения, выполненные в технике, имитирующей плетение. Подобные вещи известны в костюме практически всех поволжских финнов. Зачастую орнитоморфные элементы дополняются изображениями стилизованных головок животных, в большинстве случаев ассоциируемых с лошастью. Возможно, здесь следует предполагать, что таким образом достигался некий синкретический образ солярного конька, дополненный чертами божественной утки – медиатора между мирами. На эту мысль наталкивают и многочисленные изображения «лошадок», конечности которых дополнены «утиными» лапками или другими шумящими подвесками (кат. 365, 369, 370).

Изображения «лошадиных» головок украшали гребешки или амулеты в виде гребешков, которые часто носили в качестве привесок. Их также считают магическими амулетами, защищавшими волосы женщины (кат. 366).

Встречаются в составе ожерелий и различные предметы инокультурного происхождения: крестовидные привески, бубенчики и проч. (кат. 367).

Важным украшением-оберегом были так называемые нагрудные пластинчатые бляхи,

традиционное украшение поволжских финнов, появившееся еще в конце IV в. Расположение блях на тазовых костях, в верхней части живота или нижней части груди, характер декора позволяют предполагать, что они должны были защищать женщину-мать, способствовать ее главной роли – продолжательницы рода. На одной из блях (погребение 39 Крюково-Кужновского могильника) известно уникальное гравированное изображение женской фигуры в позе роженицы, вписанное в ромб, которое связывают с культом земли и плодородия. По сторонам ромба выгравированы изображения священного дерева, птицы, собаки, змеи – перед нами предстает картина мира, в центре которого находится роженица. Ромбовидные изображения или композиции в центре блях хорошо известны уже в середине I тыс. Видимо, правы исследователи, которые считают эти бляхи оберегами женщины-матери [Воронина 1993. С. 86–89] (кат. 352).

Пояса местные женщины носили тех же форм, что и мужчины, в отличие от муромы, у которой существовали женские поясные украшения, специально изготовленные в технике, имитирующей плетение, с поясными кистями и набедренниками (кат. 355).

На руках носили крупные круглодротовые или спиральные браслеты, пальцы рук украшали литыми, спиральными, пластинчатыми и щитковыми перстнями, иногда со стеклянными вставками (кат. 360, 373). Спиральные перстни бытовали у поволжских финнов почти все I тыс. и вышли из употребления к X в.

Мягкая обувь в виде поршней обшивалась бронзовыми спиральными пронизями и подвесками, а голени оборачивались обмотками, закрепленными кожаными ремнями, часто украшенными бронзовыми пронизями.

Специфическим нагрудным украшением для ранней фазы древностей среднецнинских могильников, встречающимся и в мужских, и в женских погребениях, являются нагрудные бляхи в виде круглой пластинчатой застежки с длинными трубочками, в которые вставлены деревянные палочки, и иглой с расширением у основания. Эти изделия часто называют застежками с «крылатой иглой». Их изготавливали из бронзы или сплавов на основе серебра, судя по всему, для верхней одежды. Прототи-

пы таких застежек появляются еще в конце VI – 1-й половине VII в. Видимо, уже тогда они маркировали статус владельца (кат. 353).

Наиболее яркой чертой инвентаря мужских погребений являются вещи инокультурного происхождения. В первую очередь, это степные серьги с каплевидными грузиками из бронзы или серебра, которые часто называют серьгами «салтовского» типа. Это украшение характерно для тюркского мира Евразии 2-й половины I тыс., в первую очередь для мужского убора, где оно символизировало принадлежность к воинскому «сословию». Подобные серьги хорошо известны не только по многочисленным находкам, но и благодаря прекрасным изображениям в монументальной живописи, скульптуре и торевтике [Шашенков 1998] (кат. 359).

Вторая важная категория мужского инвентаря – поясные наборы. Роль пояса как воинского атрибута, демонстрирующего статус его обладателя, традиционно с большим вниманием рассматривается исследователями на материалах всего пространства Евразии от Китая до Византии. У среднецнинской мордвы наборные пояса широко представлены на протяжении всего периода их бытования, от образцов так называемого «геральдического» облика VII в., воспроизводящих средиземноморские и иранские образцы, до находок, связанных по происхождению с болгарскими и древнерусскими древностями, как в рядовых погребениях, так и в элитных. Чрезвычайно интересны и наборы IX – 1-й половины X в., связанные с салтово-маяцкими и венгерскими древностями (кат. 376–378): к пряжкам, наконечникам поясов, поясным бляшкам и накладкам, выполненным в различных стилях, добавляются различные подвески: объемные («самоварчики», кат. 357), коромыслообразные с изображениями головок животных (лошадок, верблюдов), своеобразные двурогие подвески (иногда используются и в женском уборе) (кат. 356). Следует упомянуть уникальную для мордвы печать-подвеску, аналоги ей известны в салтово-маяцких древностях (кат. 358).

Погребения с наиболее богатыми поясами и репрезентативным инвентарем, в который входят предметы вооружения – клинковое оружие, копья, боевые топоры, стрелы,

пешни, мотыжки, конская узда, ботала, стремяна, принадлежали лидерам коллективов среднецнинской мордвы (кат. 379, 380, 384–388). На Крюково-Кужновском могильнике такие погребения располагались в центре групп [Зеленцова, Сапрыкина 2013. С. 89]. Подобные находки четко диагностируют динамику взаимодействия местного населения с лидирующими сообществами Восточной Европы, в первую очередь ее южной части: Хазарским каганатом, Волжской Булгарией, различными группами кочевников (древними венграми, печенегами и др.). Значительное воздействие на военное дело мордвы оказала и воинская культура Киевской Руси.

Наряду с характерными для мордвы втульчатые топоры (кат. 381, 382), бытующими почти всё I тыс., использовались характерные, в частности, для салтово-маяцкой культуры боевые топоры-чеканы (кат. 383). Со всаднической культурой Хазарского каганата связаны по происхождению и уздечные наборы, ботала, стремяна (кат. 384–386). Кроме глиняных сосудов и деревянных чаш или ковшей, иногда украшенных металлическими оковками и подвесками, в погребениях встречаются бронзовые котелки. Некоторые из них предположительно относят к болгарскому производству, но исследователи не исключают и возможность местного изготовления такой посуды (кат. 389) [Петербургский, Аксенов 2006. С. 71].

Мордовские древности представлены на выставке материалами из Лядинского и Томниковского могильников. Лядинский могильник, расположенный у с. Новая Ляда Тамбовского р-на Тамбовской обл., – первый исследованный памятник среднецнинской мордвы, давший богатые материалы, которые пробудили интерес исследователей к мордовским древностям. Найденный в 1869 г. при строительстве железной дороги Тамбов–Саратов, этот памятник был изучен в 1888 г. В. Н. Ястребовым. Тогда же В. Н. Ястребов исследовал Ново-Томниковский могильник у с. Ново-Томниково в Моршанском р-не Тамбовской обл. Результаты работ были опубликованы в десятом выпуске фундаментальной серии «Материалы по археологии России» [Ястребов, 1893]. Уже в начале XX в., в 1909 г., новые исследования на Ново-Томниковском могильнике

провел Н. Е. Макаренко, они также дали представительные материалы. Несмотря на то, что наиболее интересные предметы долго входили в состав постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа, они практически не получили отражения в научной литературе.

Раскоп на Кельгининском могильнике мордвы – мокши. X–XVIII вв. Фотография А. А. Беговаткина, 1998 г.

349

349

Подвески височные

Западная часть Среднего Поволжья
Конец VIII – 1-я половина IX в.
Бронза; литье, ковка
Длина 7,5 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 38,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-941, 759-942
Публикуется впервые

Височные подвески в виде спиралей на одном конце обвитого проволокой стержня с бипирамидальным грузиком на конце являются одной из наиболее характерных категорий женского убора древней мордвы. Они появляются в первые века нашей эры и далее развиваются на протяжении почти тысячи лет, являясь ярким этнокультурным индикатором. Четко фиксируемые во времени изменения таких показателей, как длина, форма обмотки, форма грузика, делают эту категорию украшений и надежным хронологическим показателем. Считается, что подвески с грузиком характерны в первую очередь для убора древней мордвы-мокши [Алихова 1959. С. 15; Кручинкина 2006. С. 39].

И. Р. Ахмедов

350

350

Гривна шейная

Западная часть Среднего Поволжья
1-я половина IX в.
Бронза; ковка
Диаметр 21,0 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 38,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-945
Публикуется впервые

Массивная круглопроволочная гривна, концы обернуты по спирали проволокой треугольного сечения. Замок состоит из фигурной петли и крючка в виде пластинчатого ромба с орнаментом.

Гривны с фигурным замком в виде «лодочки» и фигурной петли широко распространены в женском уборе поволжских финнов в VIII–IX вв. Они представляют собой характерное женское украшение, обычное для репрезентативных комплексов женских захоронений, иногда в наборе с гривнами других типов [Зеленцова, 1992. Табл. III, 1].

И. Р. Ахмедов

351

Гривна шейная

Западная часть Среднего Поволжья
IX в.
Бронза; ковка
Диаметр 23,5 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 38,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-946
Публикуется впервые

Крученые гривны с замком в виде многогранника и петли, с перекрученными концами начали распространяться в IX в. и постепенно вытеснили из обихода гривны с фигурным замком в виде «лодочки» и фигурной петли, оставаясь одним из характерных украшений вплоть до начала XI в. Возможно, мордовские находки связаны по происхождению с прикамскими образцами, где известно большое количество подобных украшений, зачастую изготовленных из серебра, что, возможно, свидетельствует об их роли как статусного украшения [Гришаков, Зеленева 1990. С. 29; Зеленцова 1992. Табл. 1].

И. Р. Ахмедов

351

352

Бляха нагрудная

Западная часть Среднего Поволжья
IX в.
Бронза; ковка, штамповка, гравировка
Диаметр 12,8 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 38,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-971
Публикуется впервые

Круглая пластинчатая бляха с пластинчатой иглой круглой формы. Декорирована полушаровидными крупными и мелкими выпуклостями, гравированным орнаментом.

Такие бляхи в женском costume древней мордвы в середине – 2-й половине I тыс. служили традиционным украшением-оберегом и носились на нижней части груди или на животе. Считается, что они связаны с культом плодородия и должны были защищать женщину в ее главной функции – продолжательницы рода [Воронина 1993. С. 86–89].

И. Р. Ахмедов

352

353

353

Застежка пластинчатая

Западная часть Среднего Поволжья
1-я половина IX в.
Бронза, дерево; ковка, штамповка
Диаметр рамки 7,3 см, длина трубочек 6,7 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 38,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-972
Публикуется впервые

Кольцевая пластинчатая застежка с длинными трубочками на концах рамки, в которые вложены деревянные палочки. Игла с сегментовидным расширением у основания, отремонтирована в древности.

Представленная застежка является одной из поздних модификаций специфических нагрудных украшений, возникших в среде рязано-окских финнов еще в конце VI в. и ставших характерными для комплекса престижного убора раннесредневековой мордвы. Считается, что они указывали на высокий статус обладателя. Также обнаружены в древностях мери и муромы и, возможно, должны рассматриваться как индикаторы взаимодействия этого населения с мордвой [Акчурин 1998. С. 19–21; Ахмедов 2010. С. 12–13].

И. Р. Ахмедов

354

354

Амулет в виде фигуры всадника

Северный Кавказ
2-я половина VIII – начало IX в.
Бронза; литье
Длина 3,3 см, высота 3,1 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 38,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-959
Публикуется впервые

Экспонируемый амулет в виде фигуры всадника, относится к числу наиболее характерных для культуры северокавказских алан в VIII–IX вв. Среди большого количества таких изображений к находке из Лядинского могильника наиболее близки амулеты из могильника у совхоза им. Луначарского в Кисловодской котловине и Гоуст в горной Ингушетии. Амулеты в виде всадников встречаются и в мужских, и в женских погребениях. Тем не менее считается, что они могли служить «знаками отличия» воинов, а их распространение свидетельствует о развитии социальной дифференциации, выделении знати и появлении воинского дружинного культа [Афанасьев 1973. С. 38; Ковалевская 1978. С. 118; Албегова 2001. С. 89–92; Албегова, Ковалевская 2011. С. 279–280, 285. Рис. 1: 17,18]. Считается, что эти амулеты могут отражать формирование культа Уастырджи (иронский диалект осетинского языка), или Уаскерги (дигорский диалект), единственного солнечного конного бога в осе-

355

355

Фрагменты поясного набора

Западная часть Среднего Поволжья
1-я половина IX в.
Бронза, кожа; ковка, штамповка
Общая длина 0,72 м; ремень: ширина 2,1 см; прямоугольные накладки: высота 2,1 см, ширина 1,8 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 38,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-1172
Публикуется впервые

Фрагменты поясного набора, состоящие из пряжки с тонкой подпрямоугольной рамкой и прямоугольной пластинчатой обоймой, а также фрагмента двуслойного ремня, украшенного прямоугольными бляшками с зонами двойных рядов орнамента из мелких полушарных выпуклостей. Подобные пояса изготавливались местными мастерами в характерной технике штамповки, найдены и в воинских мужских и наиболее репрезентативных женских захоронениях. Это отличает мордовский женский убор от муромского, в котором украшения женских поясов в большинстве случаев изготовлены в технике литья по восковой модели.

И. Р. Ахмедов

тинском пантеоне, соединившего в себе черты Батраза, эпического воплощения бога оружия и войны в нартском эпосе, и бога-всадника, покровителя аланских конных дружин, позже, в эпоху распространения христианства, прослеживается сильнейшее воздействие культа святого Георгия – воина-всадника. Уастырджи в более позднее время становится святым покровителем «мужчин, воинов и путников», чрезвычайно популярным в Осетии и в настоящее время [Кузнецов 1992. С. 293–294]. Экспонируемый амулет найден в женском погребении, с многочисленным инвентарем, в составе которого находилась и пластинчатая нагрудная застежка с «крылатой иглой» – признак высокого социального положения его обладательницы. Примечательно, что в аланских древностях Подонья наибольшее количество амулетов найдено в богатых женских погребениях, которые могут быть сопоставлены с представительницами воинских кланов [Албегова 2001. С. 93]. Эту находку следует рассматривать в контексте проникновения в местную среду аланских идеологических представлений. Состояние амулета – потертости на местах обломов на шее всадника и задних ног лошади – свидетельствует о том, что он чрезвычайно ценился и использовался еще долгое время после того, как был поврежден.

И. Р. Ахмедов

356

356 Подвеска фигурная

Хазарский каганат
IX – начало X в.
Бронза, литье
Ширина 7,4 см
Лядинский могильник, погребение 183,
раскопки В. Н. Ястребова
ГЭ, инв. № 526-170
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 20.
Табл. III, 2

Фигурная подвеска с отверстием для подвешивания в центральном стержне, от нижней части которого отходят в разные стороны стилизованные изображения головок животных на длинных, слегка изогнутых шеях.

«Якоревидные» амулеты в виде направленных в разные стороны протом животных были широко распространены у населения степной зоны Восточной Европы, в первую очередь у носителей салтово-маяцкой культуры. Видимо, импортами салтово-маяцкого происхождения и следует считать такие находки в мордовских древностях [Плетнева 1989. С. 96. Рис. 48, 3].

И. Р. Ахмедов

357

357 Амулетницы

Хазарский каганат
IX – начало X в.
Бронза; литье
А – высота 6,0 см, максимальный диаметр 4,6 см;
Б – высота 4,2 см, максимальный диаметр 3,6 см
Лядинский могильник, погребение 188,
раскопки В. Н. Ястребова
ГЭ, инв. № 526-177, 178
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 20

Такие подвески в виде объемных литых корбочек в археологической литературе часто называют подвесками-«самоварчиками», что связано с их специфической формой. Они хорошо известны в находках из погребений салтово-маяцкой культуры (кат. 191), преимущественно женских, где находятся в районе пояса или груди погребенных.

Обычно такие предметы находят по одному. Единственный случай, когда было найдено три одинаковых самоварчика в одном погребении, зафиксирован в материалах разрушенного погребения с конем в округе г. Чистяково на Донбассе [Тахтай 1999. С. 162–163. Табл. 2].

358

В настоящий момент большинство специалистов считает эти подвески амулетницами [Флёрова 2001. С. 68–71. Рис. 15]. Наиболее близкие экземпляры с граненой поверхностью известны в уже упомянутом погребении у г. Чистяково, а также в Верхне-Салтовском могильнике [Михеев 1974. Рис. 1, 14; Плетнева 1989. С. 106. Рис. 55; Покровский 1905. Табл. XXI, 35; Тахтай 1999. С. 162–163. Табл. 2, 10]. Неоднократные находки таких амулетниц в погребениях среднецнинской мордвы свидетельствуют о том, что местное население могло не только получать вещи от ала-но-булгарского населения Подонья, но и перенимать их обычаи.

И. Р. Ахмедов

358 Подвеска-«печать»

Хазарский каганат
IX – начало X в.
Бронза; литье
Длина 3,6 см
Лядинский могильник, раскопки В. Н. Ястребова,
1888 г.
ГЭ, инв. № 526-221
Публикации: Ястребов 1893. С. 45. Табл. III, 8

Подвеска-печать с углубленным изображением знака в виде крупной точки с выходящими из нее тремя дуговидными линиями и ушком для подвешивания. Подобные находки достаточно

хорошо известны в древностях салтово-маяцкой культуры: Дмитриевском (катакомбы 125, 150, 152), Верхне-Салтовском (катакомба 99, погребение 2) и Серебрянском (погребение 4) могильниках, в погребении у г. Чистяково (совр. Торез) и в других памятниках [Аксенов 2010. Рис. 3, 5, 6; Красильников, Руженко 1981; Михеев 1986. Табл. XXII, 3; Плетнева 1981. Рис. 37, 127; Плетнева 1989. Рис. 56; Тахтай 1999. С. 162, Таб. 2, 1, 3; Шамрай, Духин 1997. Табл. LIX; Швецов, Санжаров, Прынь 2001. С. 338, 343. Табл. II, 9, 12].

Обычно подвески-печати находят в районе пояса погребенных, иногда в комплекте с другими предметами, которые часть исследователей считает наборами амулетов, помещенными в погребение как подношение умершему. Предполагается и возможность использования их как личных печатей, в пользу чего свидетельствует характер изображений на их нижних поверхностях. Эти изображения сравнивают с тамгообразными знаками, иногда достаточно сложными, в некоторых случаях напоминающими схематические изображения животных, которые использовались в системах построения личных знаков у степных народов Евразии в раннем средневековье. Известны такие печати и без изображений на основании. Находка подвески-печати в Лядинском могильнике является ярким свидетельством тесных контактов среднецнинской мордвы с носителями салтово-маяцкой культуры.

И. Р. Ахмедов

359

359**Серьги**

Хазарский каганат
2-я половина VIII – 1-я половина IX в.
Бронза, кожа; литье
А – длина 5,3 см, ширина кольца 1,2 см;
В – длина 4,0 см, ширина кольца 1,4 см
Ново-Томниковский могильник, А – погребение 15,
В – погребение 19, раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-225, 759-282
Публикуется впервые

Цельнолитые серьги, состоящие из овальной дужки с выступом сверху и штоком, имитирующим подвижную подвеску, в мордовских древностях являются импортами. Специалисты определяют их как серьги салтовского типа. У степняков они входили в набор предметов, которые служили признаком принадлежности к воинскому сословию. Это хорошо документировано не только находками в погребальных комплексах, но многочисленными изображениями на каменных изваяниях и в монументальной живописи. Видимо, именно поэтому серьги становятся неотъемлемой частью интернациональной воинской «моды» на пространствах евразийских степей [Сташенков 1998. С. 218–219]. В данном случае они иллюстрируют проникновение салтовской воинской «моды» и воинских обычаев в мордовскую среду.

И. Р. Ахмедов

360

360**Браслет**

Западная часть Среднего Поволжья
IX в.
Бронза, литье
Диаметр 7,8 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 27,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-497
Публикуется впервые

Браслет, концы которого оформлены в виде дисков. На обруче браслета в вид округло-гранчатого в разрезе прута нанесен точечный орнамент. Такие браслеты являются обычными находками в древностях мордвы и родственных им поволжских финнов. Они развивают формы проволочных браслетов с декором в виде поперечных линий и небольших валиков на концах, появившиеся еще в конце VII в. Со временем валики превратились в диски, отчего такие браслеты часто называют шляпконочными.

И. Р. Ахмедов

361**Застежка-сюльгама с составной привеской**

Западная часть Среднего Поволжья
IX в.
Бронза; ковка, штамповка, гравировка

Рамка: длина 2,0 см, ширина 1,7 см;
привеска: длина 14,9 см
Лядинский могильник, погребение 102 (103),
раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-58
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 11

Нагрудное украшение, состоит из 1) кольцевой застежки с длинными выступами-«усиками» на концах рамки и иглой, 2) закрепленной на рамке трапециевидной пластины с двумя округлыми выступами в верхней части и прямым нижним краем с семью круглыми отверстиями, куда вставлены конические привески, поверхность которых украшена штампованным и гравированным орнаментом.

Кольцевые застежки с крупной пластинчатой подвеской трапециевидной формы, к которой привешивались трубчатые или конические привески, использовались в составе женского костюма мордвы VIII–IX вв. в качестве нагрудных украшений. Они располагались в верхней части груди, чаще всего парами, по одной справа и слева. Направленные в разные стороны волютообразные фигуры в верхней части подвески, вероятно, следует рассматривать как рудиментарные изображения «лошадиных» головок – мотив, чрезвычайно характерный для древне-мордовской изобразительной системы. Видимо, у изделия кроме функциональной функции была и ритуально-магическая, например женского оберега [Финно-угры и балты... 1987. Табл. XLVI, 4–6, 21; Воронина 2007. С. 18. Рис. 11, 1, 2].

И. Р. Ахмедов

361

362**Застежка**

Западная часть Среднего Поволжья
IX в.
Бронза; литье
Общая длина 6,4 см, ширина 5,1 см
Лядинский могильник, погребение 155, раскопки
В. Н. Ястребова
ГЭ, инв. № 526-159
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 17.
Табл. VIII, 3

Настоящая застежка с овальной рамкой и пластинчатой иглой принадлежит к широко распространенным в мордовских древностях застежкам, главной особенностью которых являются длинные, вытянутые, пластинчатые в сечении «усы», меж которых вставлялась игла.

И. Р. Ахмедов

362

363

363

Украшение головного убора

Западная часть Среднего Поволжья IX–X вв.
Бронза, кожа; ковка, штамповка
Общая длина 34,2 см, ширина 1,7 см
Лядинский могильник, погребение 24, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-13
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 4

Сохранившаяся часть наборного головного венчика состоит из бронзовых пластинчатых обоймиц и уплощенных трубочек нанизанных в четыре ряда на кожаные ремешки. Налобные наборные венчики являются одной из самых характерных составляющих головного убора поволжских финнов на протяжении всего I тыс. н. э. Считается, что головные уборы с наборными венчиками могли являться принадлежностью свадебного убора и оберегом женских волос, обладавших по древним представлениям особой магической силой, связанной с культом плодородия. Широко использовались в costume вплоть до XI в., в дальнейшем уступили место подобным же украшениям из органических материалов, сохранившимся в мордовских женских головных уборах вплоть до начала XX в. [Финно-угры и балты... 1987. С. 104; Воронина 2007. С. 8–9. Рис. 4].

И. Р. Ахмедов

364

Застежка с подвесками

Западная часть Среднего Поволжья IX–X вв.
Бронза; ковка
Общая длина 13 см
Лядинский могильник, погребение 128, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-139
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 14. Табл. VIII, 7

Застежка с овальной пластинчатой рамкой и пластинчатой же иглой, на концах рамки длинные трубочки-«усы». На рамке закреплены четыре подвески, состоящие из длинных проволочных звеньев, обвитых проволокой, к которым подвешены пластинчатые привески.

И. Р. Ахмедов

365

Подвеска

Западная часть Среднего Поволжья IX–X вв.
Бронза; литье.
Высота 2,5 см, ширина 3,5 см
Лядинский могильник, погребение 128, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-138
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 14. Табл. III, 4

Плоская подвеска в виде двух стилизованных «лошадиных?» головок, обращенных в разные

364–367

стороны, поверхность выполнена в виде рельефных валиков. В центральной части продлено отверстие для крепления подвески.

Подвеска имитирует в привычной для поволжских финнов технике подвески-амулеты, характерные для носителей салтово-маяцкой культуры.

И. Р. Ахмедов

ный миниатюрный гребень-подвеска отнесен Л. А. Голубевой к типу 3 [Голубева 1979. С. 60–61. Рис. 22, 2].

И. Р. Ахмедов

366

Подвеска-гребень

Западная часть Среднего Поволжья IX–X вв.
Бронза; литье
Ширина 2,7 см
Лядинский могильник, погребение 168, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-166
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 18. Табл. III, 3

Миниатюрный гребень с небольшими треугольными зубьями и композицией из двух направленных в разные стороны головок животных, возможно, стилизованных изображений лошадок.

Подобные миниатюрные гребешки-подвески, изготовленные из металлов или органических материалов, в первую очередь рога и кости, использовались в составе ансамбля женских украшений как магические амулеты. Представлен

367

Подвески к ожерелью

Западная часть Среднего Поволжья IX – начало X в.
Бронза; литье
Ширина подвесок 2,4–2,5 см
Лядинский могильник, погребение 127, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-102–104, 107, 108, 111
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 14

Крестовидные подвески с округлым отверстием в центре широко использовались в составе ожерелий в женском уборе среднеэтнографической мордвы. Пик их распространения приходится на X–XI вв.. Происхождение этого типа подвесок еще не установлено, однако можно предполагать, что они являются местной версией характерных образцов древнерусского женского убора, среди которых известны подвески крестовидных и криновидных форм [Корзухина 1954; Финно-угры и балты... 1987. С. 104. Табл. XLVII, 10; Жилина 2012. С. 98. Рис. 7].

И. Р. Ахмедов

368

368

Ожерелье

Западная часть Среднего Поволжья
IX–X вв.
Бронза; литье
Длина цепочки 32,5 см
Лядинский могильник, погребение 168, раскопки
В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-165
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 18.
Табл. IV, 4

Ожерелье представляет собой цепочку из шестнадцати звеньев, каждое из которых состоит из трех колец с привесками в виде стилизованной «утиной» лапки. Видимо, привески в виде лапок водоплавающих птиц должны были символизировать связь женщины как продолжательницы рода с «мировой» уткой – медиатором между божественным и земным мирами и защищать от воздействия враждебных сил.

И. Р. Ахмедов

369

Нагрудная застежка

Западная часть Среднего Поволжья
X – начало XI в.
Бронза; литье
Рамка: длина 3,0 см, ширина 2,4 см,
общая высота 14,8 см
Лядинский могильник, погребение 103 (104),
раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-59
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 11

Нагрудная бляха-застежка с широкой ажурной рамкой из рельефных округлых и выпуклых в виде веревочки валиков, в верхней части – стилизованное изображение двух направленных в разные стороны головок животных, на его основании расположены одна обычная спираль и две двойных в виде «знака бесконечности». По нижнему краю отлиты семь колец, в которых закреплены на цепочках из двух звеньев привески в виде «утиных» лапок.

Подобные застежки различных модификаций хорошо известны в древностях поволжских финнов. Представленный экземпляр относится к варианту 4 типа 2 по классификации Л. А. Голубевой, характерному для X в. Они скрепляли женскую одежду в центральной части груди. Сочетание в декоре застежки направленных в разные стороны стилизованных «конских» головок

369

и подвесок в виде «утиных» лапок является самым распространенным в системе символов финно-угорского искусства, отражающих роль лошадей и водоплавающих птиц в их космогонических системах [Голубева 1979. С. 50. Табл. XXIII, 8; Воронина 2007. С. 18–19. Рис. 11, 3].

И. Р. Ахмедов

370

Застежка

Западная часть Среднего Поволжья
X в.
Бронза; литье
Длина рамки 4,4 см, ширина 3,6 см,
общая высота 10,3 см
Лядинский могильник, погребение 124,
раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-67
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 14.
Табл. I, 11

Застежка изготовлена в «плетеной» технике. Овальная рамка выполнена в виде рельефных валиков, внутри нее в петле закреплена игла, внизу начинаются длинные «усы», украшенные имитацией обвивки проволокой. У основания «усов» и на концах находятся кольца, в которых закреплены (у основания – на двух звеньях) четыре подвески в виде «утиных» лапок.

Застежка представляет собой модификацию характерных для мордвы проволоочных застежек-сюльгам. Подвески в виде «утиных» лапок на литых звеньях, по видимому, должны были придавать ей функции амулета-оберега.

И. Р. Ахмедов

371

Привеска зооморфная

Западная часть Среднего Поволжья
X в.
Бронза; литье
Длина 7,3 см, высота 6,3 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 11,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-169
Публикуется впервые

Привеска-«конек» отлита в ажурной технике, имитирующей плетение, снабжена бутылчатой привесками. На оборотной стороне петли для привешивания.

370

371

372

372

Ожерелье наборное

Западная часть среднего Поволжья
X в.
Бронза, шнур из нитей растительного
происхождения; литье
Коньковая пластина: 14,8 × 8,7 см;
пронизи: 1,5 × 1,6 см; 3,2 × 2,5 см; 2,5 × 2,4 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 26,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-407
Публикуется впервые

В ожерелье входит ажурная литая пластина со стилизованными головками «коньков», смотрящими в разные стороны, и подвешенных к ней на трехзвеньевых цепочках подвесок в виде стилизованной «утиной» лапки. По обе стороны от пластины на шнур надеты пронизи с трапециевидными подвесками, на концах которых имеются небольшие диски, и спиральные проволочные пронизи.

Центральное место в ожерелье составляет ажурная коньковая подвеска с прямоугольным щитком. В X–XI вв. такие подвески использовались в составе ожерелий и как самостоятельные нагрудные украшения в женском costume мордвы. Близкие украшения несколько других модификаций известны у древней веси, мери и марийцев. По мнению Л. А. Голубевой, в композиции украшения сочетаются образы коньков – символов солнца, волнистых линий – символов воды и лапок водоплавающих птиц, которым в космогонических системах финно-угров придавалось значение медиаторов между стихиями и мирами. Головки коньков, направленные в разные стороны, должны были не только уравновешивать композицию, но и усиливать защитное действие украшения-оберега. Литые пронизи с подвесками характерны для убора поволжских финнов эпохи раннего средневековья [Голубева 1979. С. 49–50. Табл. 21, 4, 6–8].

И. Р. Ахмедов

Подобные коньки широко распространены, в первую очередь в женском уборе мери и муромы, известны также у марийцев и мордвы в последние столетия I тыс. Мордовские женщины носили такие привески в составе наборных ожерелий. Представленный экземпляр относится к одному из ранних вариантов типа 2 по классификации Л. А. Голубевой, характерному для мордовского населения среднего течения р. Цны, Вада и правобережья Оки конца IX – начала XI в. Исследовательница указывает на связь образа коня с символами солнца, считая такие изображения оберегами – символами плодородия [Голубева 1979. С. 35, 38. Табл. 13].

И. Р. Ахмедов

373

Браслет

Западная часть Среднего Поволжья
X в.
Бронза; ковка
Диаметр 5,8 см
Лядинский могильник, погребение 152 (153),
раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.

373

ГЭ, инв. № 526-156
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 16

Браслет спиральный в восемь оборотов, из проволоки треугольного сечения. Подобные браслеты хорошо известны в древностях поволжских финнов на всем протяжении I тыс. Наиболее многочисленны они в женских захоронениях последней трети I тыс. у мордвы и муромы.

И. Р. Ахмедов

374

Ожерелье

X – начало XI в.
Бронза, стекло
Диаметр бус 0,5–0,9 см, бубенчики: минимальная
длина 1,0 см, максимальная длина 2,2 см,
ширина 1,0 см
ГЭ, инв. № 759-555
Ново-Томниковский могильник, погребение 30,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
Публикуется впервые

Набор бусин характерен для ожерелья среднецнинской мордвы в X – начале XI в., когда наряду с традиционно использовавшимися бусинами средиземноморского происхождения появились многочисленные древнерусские. Менялась цветовая гамма, преобладали монохромные бусины, в состав ожерелий часто включались инокультурные металлические изделия, в данном случае это двучастные прорезные бубенчики [Терехова 2014].

И. Р. Ахмедов

374

375

Слиток

Западная часть Среднего Поволжья
IX–X вв.
Бронза; литье
Длина 14,5 см, ширина 6,5 см
Лядинский могильник, погребение 187,
раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 526-174
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 20

Слиток в виде массивного стержня, согнутого в крюк. Такие слитки достаточно хорошо известны в древностях среднецнинской мордвы. Вероятно, это полуфабрикаты сырья, использовавшегося

375

в бронзолитейном производстве. Металл мог импортироваться, например, из Волжской Булгарии, по сухопутному пути из Булгар в Киев. Слиток найден в женском погребении.

Женские погребения с принадлежностями бронзолитейного производства – кусочков олова, льячек, тиглей, литейных форм – хорошо известны в древностях не только мордвы, но и всех поволжских финнов, и насчитывают более сотни. Так, в древнемордовском Елизавет-Михайловском могильнике примерно в пятой части женских погребений были найдены предметы, относящиеся к бронзолитейному производству. Л. А. Голубева выдвинула идею о том, что эти погребения принадлежали женщинам-литейщицам и являются свидетельством домашнего бронзолитейного производства. Однако в настоящий момент Т. Б. Никитина и Д. Ю. Ефремова предложили другую гипотезу, согласно которой такие принадлежности могли использоваться в магических ритуалах, а их владелицы – выполнять жреческие или знахарские функции [Материальная культура... 1969. С. 11; Голубева 1984; Никитина, Ефремова 2012].

И. Р. Ахмедов

376

Фрагмент поясного набора

Западная часть среднего Поволжья (?) IX–X вв.

Бронза, кожа; литье

Длина 10,5 см, ширина 1,7 см

Лядинский могильник, погребение 42, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.

ГЭ, инв. № 526-22

Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 5. Табл. VI, 4

376

Фрагмент мужского воинского пояса с прямоугольными-бляхами-накладками с прорезью внизу. Часть накладок украшена изображением трехлепесткового цветка, лепестки его даны рельефным контуром и вытянуты по вертикали, средний лепесток совсем незначительно возвышается над боковыми. Мода на пояса с такими накладками пришла от древних тюрков в начале VIII в. Их носили не только все племена и народы тюркского происхождения и подвластные им, но даже никогда не подпадавшие под их власть финно-угорские племена Предуралья. Однако стилизованное изображение цветка не находит аналогий в орнаменте степных народов. Это говорит о том, что их, вероятнее всего, изготовил мастер из местной мордовской среды по каким-то виденным им образцам. Поясные наконечники с крыловидным вырезом вверху зажимались овальными обоями, использование которых также нехарактерно для тюркской среды.

И. Р. Ахмедов, А. И. Торгоев

377

Фрагменты ременной гарнитур

Южный Урал или Среднее Поволжье IX–X вв.

Бронза, кожа; литье

Фрагменты: А – длина 15,5 см, длина бокового ремешка 8 см; В – длина 11,5 см, длина бокового ремешка 12,5 см; С – длина 13,4 см, длина бокового ремешка 12 см. Распределители: длина 3,2 см, ширина 3,0 см. Накладки: прямоугольные – 1,8 × 1,8 см; щитовидные – длина 1,8 см, высота 2,1 см; сердцевидные – длина 2,1 см, ширина 2,0 см
Лядинский могильник, погребение 43, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.

ГЭ, инв. № 526-24

Публикации: Ястребов 1893. С. 44. Рис. 24.

Приложение. С. 5. Табл. VI, 11

Три фрагмента кожаного ремня, отрезки которого соединены распределителями, могут быть остатками пояса с обрывками портупей. В натяжных распределителях с тремя отверстиями закреплены обрывки ремней, украшенных бляшками четырех типов: прямоугольными с прорезью, сердцевидными с округлым отверстием в центре, щитовидными с выделенным ступами узким концом, подпрямоугольными с округло срезанными узкими сторонами и волнистыми краями.

Место производства деталей пояса или портупей выяснить сложно, но очевидно, что в Лядинском могильнике эта вещь импортная. В ареале культуры цининской мордвы фрагменты аналогичного ремня найдены в погребении 68 Елизавет-Михайловского могильника [Циркин 1987. Рис. 70, 5]. Натяжные распределители с тремя отверстиями широко использовались в IX–X вв. в культурах тюркских народов, особенно у кимаков в алтайской степи и Прииртышье, а также на Тянь-Шане [Арсланова 2013. Рис. 4, 7; Могильников 2002. Рис. 47, 25; Торгоев 2011. С. 13. Рис. 125]. Обычно с их помощью натягивали ремни портупей, а не конского снаряжения, как считалось ранее [Chalikowa, Chalikow 1981. S. 33. Abb. 27]. О принадлежности фрагментов ремней именно к поясу и портупее указывают и прямоугольные накладки с прорезью. Они имеют небольшие размеры и довольно высокий бортик, характерные для поздних вариантов этих накладок, получивших распространение не ранее середины IX в. и уже к началу XI в. полностью вышедших из употребления во всем степном поясе и в Средней Азии. Эти хронологические рамки применимы и к сердцевидным накладкам.

И. Р. Ахмедов, А. И. Торгоев

377

378

Фрагмент поясного ремня

Хазарский каганат или западная часть Среднего Поволжья IX–X вв.

Бронза, кожа; литье

Длина фрагмента 13,4 см, ширина ремня 1,2 см,

длина накладок с кольцом 3,5 см

Лядинский могильник, погребение 65 (66), раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.

ГЭ, инв. № 526-31

378

379, 380

Публикации: Ястребов 1893. Приложение. С. 7. Табл. VI, 12

Пять поясных бляшек на фрагменте поясного ремня. Бляшки овальной формы, со стилизованным изображением двухлепесткового цветка в центре и бордюром из полушарных выпуклостей по краю; в нижней части петля, в которой закреплено кольцо.

И. Р. Ахмедов

379

Наконечник копья

Западная часть Среднего Поволжья
X – начало XI в.
Железо; ковка
Длина 27,0 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 22, раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-364
Публикуется впервые

Массивный наконечник копья с широким коротким пером листовидной формы.

Такие наконечники характерны для копий поволжских финнов и могли использоваться как для охоты, так и для боевых действий. Относятся к типу IIIA по А. Н. Кирпичникову, максимально распространены с IX по начало XI в. Основной ареал распространения – территории мордвы и муромы, известны так же в сопредельных районах междуречья Оки и Волги, в мерянских и древнерусских памятниках. Отдельные экземпляры происходят с территории Волжской Булгарии, в первую очередь из районов болгарского Посурья, в непосредственной близости к мордовским землям [Измайлов 1997. С. 71–72. Рис. 41; Кирпичников 1966. Рис. 1. С. 12; Святкин, Власенко 2012. С. 30–31].

И. Р. Ахмедов

380

Наконечники копий

Западная часть Среднего Поволжья
IX–X вв.
Железо; ковка
А – длина 24,5 см; В – длина 29,0 см
Лядинский могильник, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 601-26, 601-28
Публикуется впервые

Наконечники копий с небольшим пером листовидной и узким длинным пером ланцетовидной формы широко использовались как универсальное, боевое и охотничье оружие. Узкое копье восходит к прототипам 3-й четверти I тыс., копье с небольшим ромбическим пером относится к новациям последних столетий I тыс.

И. Р. Ахмедов

381

Топор

Западная часть Среднего Поволжья
IX в.
Железо; ковка
Длина 17,5 см, ширина 5,0 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 45, раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-1329
Публикуется впервые

Втульчатый топор с длинным, несколько расширенным книзу лезвием. Топоры этого типа – одна из самых своеобразных и многочисленных категорий орудий поволжских финнов в I – начале II тыс. н. э. Они часто встречаются в рязано-окских, мордовских, муромских и мерянских древностях. Видимо представляли собой традиционные универсальные производственные топоры. (Периодически наряду с ними использовались и проушные топоры, как правило, инокультурного происхождения.) Лезвие крепилось во втулке, свернутой из листа при помощи кузнечной сварки, и иногда украшалось рядами продольных насечек [Петербургский 2011. С. 108].

И. Р. Ахмедов

381

382

Топор проушной

Западная часть Среднего Поволжья
IX–X вв.
Железо; ковка
Длина 17,0 см, ширина 3,5 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 54, раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-1609
Публикуется впервые

Проушной круглообушный топор с острыми щековицами и клиновидным длинным скругленным лезвием относится к типу 3 по С. В. Святкину и Д. В. Власенко. Такие топоры широко распространились у мордвы в домонгольское время, заменив собой втульчатые. Видимо, имели универсальное назначение, могли использоваться и как боевые, и как рабочие топоры [Святкин, Власенко. С. 36–38].

И. Р. Ахмедов

382

383

383 Топор боевой

Западная часть Среднего Поволжья
X – начало XI вв.
Железо; ковка
Длина 18,5 см, ширина 4,3 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 46,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-1424
Публикуется впервые

Топор проушной боевой с подтреугольным лезвием и обухом -чеканом с сегментовидным расширением на конце. Подобные топоры появились в мордовских древностях, по мнению некоторых исследователей, в IX – начале X в. как местная версия степных боевых топориков-чеканов [Святкин, Власенко 2012. С. 35–37]. Они близки к боевым топорикам-«молоткам» типа I по А. Н. Кирпичникову, характерным для воинской культуры Руси X – начала XI в. Некоторые из топориков этого типа богато украшены инкрустациями золотом, серебром, чернью. Наиболее известна «владимирская» находка 1-й половины XI в. – долгое время считалось, что этот топор принадлежал Андрею Боголюбскому [Кирпичников 1966. С. 33–35]. Близкие формы известны у болгар в конце IX–X вв. [Измайлов, 1997. С. 80].

И. Р. Ахмедов

384

384 Удила

Западная часть Среднего Поволжья
или Хазарский каганат
Лядинский могильник, раскопки
В. Н. Ястребова, 1888 г.
IX – начало X в.
Железо; ковка
Длина удил 21,5 см; длина псалиев 17,0 см;
диаметр колец 3,8 см
ГЭ, инв. № 601-3
Публикации: Ястребов 1893. Табл. X, 6

Удила с двойными кольцами на концах и прямыми стержневидными псалиями с рифлением и шишечками на концах. Псалии типа I по А. Н. Кирпичникову, наиболее распространенного в степной и лесостепной зонах Восточной Европы во 2-й половине VIII – IX в. Отдельные экземпляры продолжали использоваться и в X в. Несомненно, широкое распространение степных форм узды у раннесредневековой мордвы следует рассматривать как результат воздействия традиций всаднического обихода степняков в рамках распространения интернациональной воинской «моды», источником которой в данном случае были носители салтово-маяцкой культуры [Кирпичников. С. 13–14. Рис. 4, I; Седышев 2010].

И. Р. Ахмедов

385

385 Ботало

Западная часть Среднего Поволжья
или Хазарский каганат
IX – начало XI в.
Железо; ковка, сварка кузнечная
Высота 7,5 см, диаметр 6,0 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 47,
раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-1443
Публикуется впервые

Ботало цилиндрической формы с петлей для подвешивания и подвижным биллом.

Помещение в погребение колокольцев-ботал хорошо известно в древностях салтово-маяцкой культуры. Ботала могут сопровождать погребения жертвенных лошадей и рогатого скота. Иногда их находят в составе узды и сбруи, а иногда – на поясе погребенных. По мнению С. А. Плетневой, в этих случаях боталам придавалось сакральное значение «не только благодаря значительному шуму, производимому ими, но и принадлежности их „посвященным“ животным, так называемым „изыхам“» [Плетнева 1989. С. 88, 99, 243. Рис. 43].

И. Р. Ахмедов

386 Стремена парные

Хазарский каганат
IX – начало X в.

386

Железо; ковка
А – высота 20 см, ширина 11 см;
В – высота 20,8 см, ширина 11,9 см
Лядинский могильник, раскопки
В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 601-9–10
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. Табл. X, 1

Оба стремена имеют арочную форму с выделенной трапециевидной петлей для ремня и прямую раскованную подножку с двумя сквозными отверстиями. Такие стремена чрезвычайно характерны для оседлого населения Хазарского каганата, носителей салтово-маяцкой археологической культуры, и выделены А. Н. Кирпичниковым в тип VI. В лесостепной и лесной зонах они встречаются в салтово-маяцких и славянских древностях Подонья, видимо, отсюда они попадали в значительном количестве к мордве и муроме в Нижнем Поочье, являясь одним из ярких индикаторов заимствования элементов обихода воина-всадника – интернациональной всаднической «моды» [Кирпичников 1973. Рис. 29, VI; Плетнева 1989. С. 89].

И. Р. Ахмедов

387 Стремена парные

Южный Урал (?)
IX – начало X в.
Железо; ковка
А – высота 17,5 см, ширина 12 см;
В – высота 15 см, ширина 14,5 см

387

Лядинский могильник, раскопки В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 601-1-2
Публикуются впервые

Стремена с пластинчатыми петлями для путалища, рамой ромбического сечения и широкой выгнутой подножкой. На петле и раме нанесен углубленный геометрический орнамент.

Подобные стремена хорошо известны в кочевнических древностях Южного Урала у носителей кара-якуповской культуры (второго этапа, IX – начала X в.). Их появление у мордовского населения среднего течения Цны может объясняться взаимодействием с древневенгерскими группировками, двигавшимися в то время на запад. Контакты мордвы и венгров фиксируются и по другим находкам в погребальных комплексах цнинской мордвы: наборным поясам, поясным сумкам, стилетам в богато украшенных ножах [Степи Евразии 1981. С. 81. Рис. 55, 68, 82].

И. Р. Ахмедов

388

Стремена парные

Древняя Русь
X – начало XI в.
Железо; ковка
А – длина 15,5 см, ширина 11,9 см;
В – длина 16 см, ширина 12,0 см
Лядинский могильник, раскопки
В. Н. Ястребова, 1888 г.
ГЭ, инв. № 601-6-7
Публикации: Ястребов 1893. Приложение. Табл. X, 2

Стремена с плоской подтреугольной петлей для ремней путалища, украшенной по бокам зубцами и выгнутой подножкой.

Подобные стремена А. Н. Кирпичников выделяет в тип II. Находки стремян этого типа в древнерусских памятниках исследователь датирует X в., аналогичные находки в Венгрии, Молдавии, Литве, по его мнению, относятся к X–XI вв., их происхождение он связывает со степным миром, возможно, с древними венграми. Украшенные орнаментом стремена, характерные для престижной дружинной культуры, известны и в других памятниках, например в Гнёздово (инкрустированные стремена типа I по А. Н. Кирпичникову). Их считают признаком высокого социального статуса всадника [Кирпичников 1973. С. 47–48. Рис. 29. Табл. XIV, 7; Новиков 2012. С. 163–164. Рис. 1].

И. Р. Ахмедов

388

389, 390

389

Котелок

Волжская Булгария (?)
X – начало XI в.
Бронза, железо, береста, нитки; выколотка, клепка, ковка
Высота 10,0 см; устье: длина 13,4 см, ширина 9,5 см
Ново-Томниковский могильник, погребение 2, раскопки Н. Е. Макаренко, 1909 г.
ГЭ, инв. № 759-365
Публикуется впервые

Невысокий бронзовый котелок, плоскодонный, цилиндрической формы, был сломан во время использования и подвергся ремонту. Металлические котелки, видимо, поступали к мордве из Волжской Булгарии, хотя некоторые исследователи предполагают, что некоторые из них могли быть изготовлены и местными мастерами. Подобных котелков известно достаточно много: например, находки из погребения 204 Старобадиковского могильника, погребения 187 Крюково-Кужновского могильника, а также из Лядинского могильника, среди последних есть и котелок с арабской надписью (см. кат. 1) [Материалы по истории среднецнинской мордвы 1952. С. 64–65. Табл. XX, 1; Ястребов 1893. Рис. 1. С. 14, 45–47. Рис. 17, 25 а, б; Петербургский, Аксенов 2006. С. 71; Петербургский 2011.

Рис. 170, 1]. Видимо, такая посуда очень ценилась, потому что экспонируемый котелок после ремонта использовался еще длительное время, а когда пришел в полную негодность, был залатан изнутри при помощи бересты и нитей.

И. Р. Ахмедов

390

Сосуд

Западная часть Среднего Поволжья
IX в.
Глина
Высота 10,0 см; диаметр тулова 9,5 см;
диаметр горла 7,0 см
ГЭ, инв. № 759-397
Ново-Томниковский могильник, погребение 25, раскопки Н. Е. Макаренко 1909 г.
Публикуется впервые

Сосуд лепной яйцеобразной формы с плоским дном и петлями для подвешивания. Такие сосуды достаточно редки в мордовских древностях и, возможно, относятся к местным версиям степных форм.

И. Р. Ахмедов

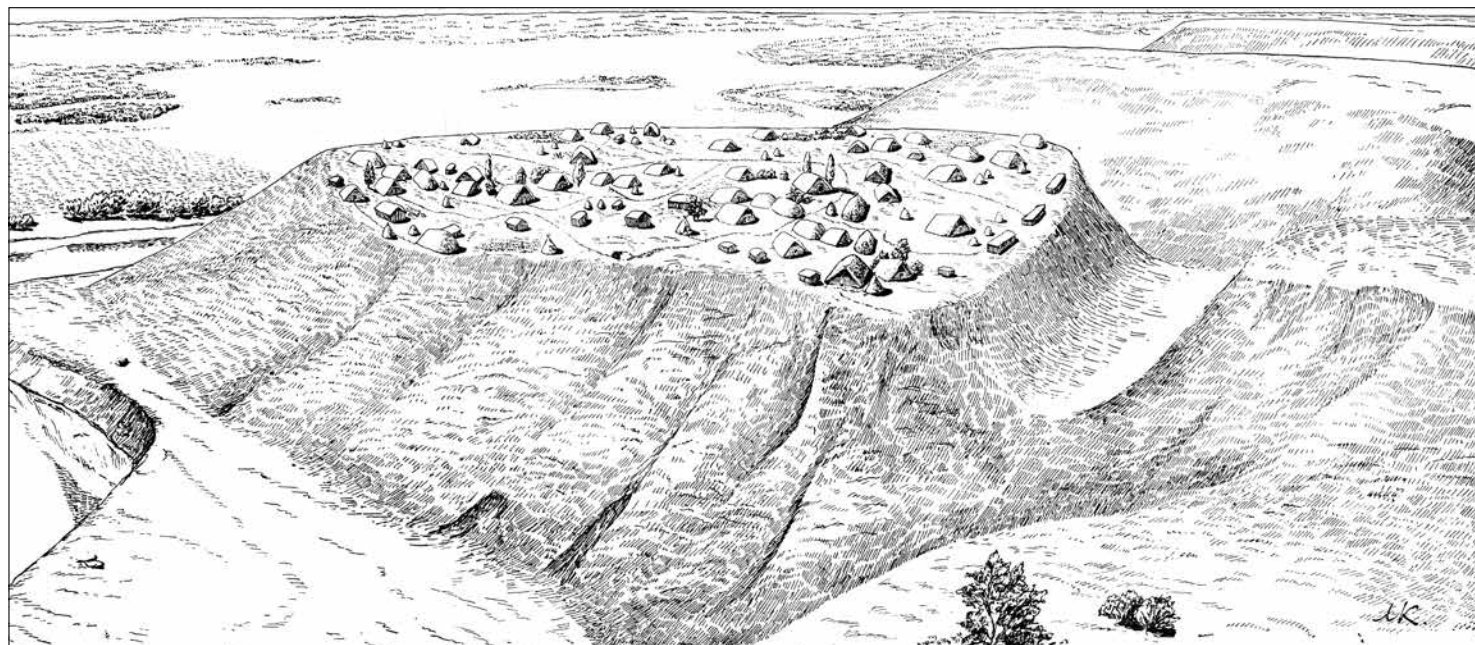
И. Р. Ахмедов, Л. С. Воротинская
СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА
В ПОСЛЕДНИЕ СТОЛЕТИЯ I ТЫС. Н. Э.

К западу от ареала расселения мордвы, на дальнем от Булгар отрезке сухопутного пути в Киев, в конце VIII – X в. жило славянское население – носители роменской и боршевской культур. Чрезвычайная близость их облика позволяет некоторым исследователям даже объединять их в общую, роменско-боршевскую культуру. Территория ее достаточно велика и включала в себя пространства левобережья Днепра от бассейна р. Десна на севере, верхнего и среднего течения р. Дон на юге, а на востоке – территории Верхнего и Рязанского Поочья. Носителей этой культуры объединяли тип хозяйства, основой которого было пашенное земледелие, облик поселений, представленных в первую очередь селищами, хотя известны и городища с фортификационными сооружениями, типы заглубленных в землю прямоугольных жилищ с печами, обряд погребения – подкурганная кремация на стороне, характерный керамический комплекс и состав земледельческого инструментария, включающего в себя железные наральники, серпы, мотыги. Хорошо известны и свидетельства развития кузнечного и ювелирного дела. Состав специфического набора женских украшений в VIII–IX вв. включал в себя формы, воспроизводящие дунайские и византийские прототипы, наиболее характерными из которых являются лучевые височные кольца, украшенные имитацией зерни. Для IX–X вв. характерны развитые формы лучевых колец (деснинского типа), шейные гривны с расплюснутыми концами, которые некоторые исследователи интерпретируют как венчики. В конце X – начале XI в. появляются уже прототипы характерных для вятических древностей лопастных височных колец.

Своеобразие культуры во многом определялось ее расположением на торговых путях. Выше уже отмечалось, что именно одно из трех самых крупных скоплений кладов серебряных дирхамов располагается на территории курского течения р. Сейм, в самом сердце роменской культуры. Значительное скопление кладов сконцентрировано и в правобережье Верхнего и Среднего Поочья, что позволяет исследователям реконструировать два пути поступления куфического серебра: 1) со Средней Волги на Среднюю и Верхнюю Оку, далее на Десну и Сейм (Северская земля); 2) по Дону с юга на север, далее на Десну и в сторону района впадения р. Москвы в р. Ока [Григорьев 2005. С. 146–147]. Тесные связи носителей роменско-боршевской культуры с оседлым населением северных территорий Хазарского каганата подтверждаются не только находками украшений и круговой посуды салтовского облика, но и близким соседством с салтово-маяцким населением Среднего Подонья и Подонцовья. Известны и отдельные мордовские вещи, выполненные в характерной «плетеной» технике, связанные с роменскими памятниками в Верхнем Поочье (ажурная застежка с привесками, а также другие мелкие вещи с городища Супруты, фрагмент ажурной коньковой подвески с селца у д. Торхово, литая застежка-сюльгама с кольцами для подвесок с городища Лужки в верховьях р. Оки в Орловской обл. [Никольская 1969. С. 22. Рис. 12, б; Григорьев 2005. С. 99. Рис. 41, 1–5, 8]). На городище Супруты, помимо прочего, выделяется значительный массив вещей скандинавского происхождения (24% от общего количества импортов, в том числе и салтовских, найденных на городище):

Клад лома ювелирных изделий

Общий вид поселения на Новотроицком городище
Реконструкция
И. И. Ляпушкина
По: Ляпушкин, 1958а.
Рис. 116

украшения, предметы снаряжения коня, предметы вооружения. Здесь же найдено значительное количество гирек для весов (24 шт.). Всё это свидетельствует о том, что уже в начале X в. Супруты были важным пунктом в системе торговых путей и направлений политического взаимодействия в регионе [Мурашева 2012. С. 103–105].

Благодаря такому выгодному ареалу расселения носителей роменско-борщевской культуры информацию о них можно найти во многих письменных источниках. Часть их, жившая на Днепровском левобережье, отождествляется с северянами, население Подонья и Поочья – с вятичами. Северяне (севера летописных источников) достаточно часто упоминается в источниках в связи с событиями сложения Древнерусского государства, в различных ситуациях противостояния с Киевом от Олега до Владимира Великого [Коваленко 2012. С. 97–98]. Вятичи ассоциируются с В-н-н-тит из письма кагана Иосифа [Кокковцов 1932. С. 98]; Гардизи упоминает о расположенной «на крайних пределах славянских» мадине Вантит [Заходер, 1967. С. 109]. При описании похода 964 г. Святослава на вятичей Повесть временных лет прямо указывает, что вятичи платили дань хазарам по «щелягу» с сохи. Содержание переговоров Святослава с вятичами передано следующим образом: «... и рече

(Святослав) вятичемъ: „Кому дань даете?“ Они же рѣша: „Козаромъ по щелягу от рала даемъ“» [ПВЛ 1950 Лихачев, Романов. С. 47]. Противостояние вятичей Древнерусскому государству продолжается вплоть до конца XI в., когда Владимир Мономах предпринимает серию военных походов для их подчинения Древнерусскому государству: «А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму» [Там же. С. 159]. Но и позднее они занимали особое место среди населения Древнерусского государства, сохраняя свои обычаи вплоть до XIV в. Повесть временных лет так описывает погребальные обычаи, общие для радимичей, северян и вятичей: «И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники...» [Там же. С. 211]. Исследователями отмечается достаточно позднее принятие вятичами христианства, есть сообщение об убийстве ими христианского миссионера Кукши Печерского в 1115 г.

На выставке культура вятичей представлена материалами из раскопок И. И. Ляпушкина на городище у с. Новотроицкого Лебединского

р-на Сумской обл. (Украина). Изученный большими площадями в 1952–1954 гг. памятник стал эталонным для древностей роменской археологической культуры и дал довольно четкое представление о структуре славянского укрепленного поселка IX в. Новотроицкое городище имело сравнительно небольшие размеры, существовало непродолжительное время и раскопано практически полностью. На поселении исследовано 50 жилищ полуземляночного типа с печами на останцах материковой глины и около сотни хозяйственных построек. Памятник входит в число поселений Днепровского левобережья, пограничной полосы лесостепи и степи, оставленных жителями в IX–X вв. В литературе неоднократно высказывалось предположение о том, что причиной исхода были набеги кочевников.

Жизнь на Новотроицком городище тоже прекратилась в результате вражеского нападения, причем в последний момент произошел сильный пожар, который никто не пытался тушить. Сгорели все хозяйственные постройки. В сгоревших жилищах остались тела людей. Под развалинами оказались погребены предметы повседневного быта и ценные вещи: железные орудия труда (нож, косы, лемехи, мотыги, топоры), украшения из бронзы и серебра. Остались нетронутыми спрятанные в печках или зарытые клады, за ними никто не вернулся. Всего на поселении найдено 10 кладов и комплексов кладового облика, в том числе клад арабских дирхамов и обломков серебряных изделий, зарытый в маленьком горшочке (кат. 391–401 [Ляпушкин 1958 а. С. 26–29. Рис. 13]). Он содержал 10 серебряных арабских монет и 14 различных серебряных предметов ювелирного убора и ременной гарнитуры. Целыми были лишь перстень и дирхамы, остальные вещи представляли собой лом, сырье для ювелирного производства. На то, что клад мог принадлежать литейщику, указывает и место находки – неподалеку от жилища, в котором кроме отопительной печи были найдены горн и литейные тигли.

Еще один клад представляет собой пять сцепленных друг с другом серебряных колец (кат. 402). Подобные кольца входили в состав еще восьми кладов, найденных на городище, где составляли наборы по 3, 5, 6, 7, 11 колец.

Вяч. С. Кулешов, изучивший эти кольца, выделил два эталона веса: «легкого» (5,10 г) и «тяжелого» (8,37 г) кольца. Сопоставив их с раннесредневековыми весовыми системами, он пришел к выводу, что кольца могли функционировать как средство обращения серебра (что не исключает их использования в качестве украшений), подобно «заушне» – единице веса в денежных системах Полоцко-Витебской земли в XIII–XIV вв. [Кулешов 2012. С. 65–71].

Надежными маркерами роменской культуры являются формы лепных глиняных сосудов кат. 403–404, 406. Волынцевские элементы прослеживаемые в роменско-борщевских древностях представлены в керамическом материале кат. 405.

Городище Супруты,
в Тульской области на
р. Упа на земле вятичей.
III – начало X в.
Фотография Р. М. Солопова

Клад лома ювелирных изделий

2-я половина IX в.

Новотроицкое городище, раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

Клад найден в культурном слое недалеко от жилища № 18, в котором был расчищен горн и найдены небольшие тигельки. В небольшом лепном горшочке лежали 10 целых серебряных арабских монет (в Государственный Эрмитаж поступило 8) и 14 различных серебряных предметов ювелирного убора и ременной гарнитуры. Все предметы, кроме перстня и монет, повреждены, то есть представляют собой, по сути дела, лом. Видимо, содержимое горшочка было метал-

лическим сырьем для мастера. Все без исключения дефектные вещи находят аналогии среди украшений носителей роменско-боршевской культуры и их соседей в последней трети I тыс. находки монет на поселении – большая редкость. Как правило, клады с дирхамами находят вне поселений. Наличие монет на Новотроицком городище, тем более в кладе, объясняется, очевидно, обстоятельствами гибели поселения в результате вражеского нападения.

391

391

Перстень

Днепро-Донское междуречье

IX в.

Серебро; ковка, штамповка

Диаметр 2,2 см, ширина широкой части 1,3 см

Новотроицкое городище, клад у жилища № 18, раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-30, ПБс-3011

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15.

Табл. ХСII, 9

Перстень с усиками в один оборот с каждого конца, изготовлен из пластины, по краям рубчатые валики. Широкая часть пластины покрыта кружковым орнаментом.

Перстни подобного типа известны на всей территории Восточной Европы. Наиболее близкие аналогии найдены среди материалов Гочевского

392

могильника, Гдовских курганов и ряда других памятников.

Л. С. Воротинская

392

Поясная бляшка (?)

Урало-Поволжье (?)

Серебро; литье

Длина 3,5 см, ширина 2,9 см, толщина 0,7 см

Новотроицкое городище, клад у жилища № 18, раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-31, ПБс-3012

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15.

Табл. ХСII, 12

Серебряная литая поясная бляшка (?) крестовидной формы, на перекрестье гнездо с четырьмя лапками для закрепления камня. Три конца

393

крестовины выполнены в виде хвойных шишек, четвертый, прямоугольный, служил приемником для продевания ремешка. С оборотной стороны бляшки имеются три штифта для крепления. Такие бляшки, а скорее всего, подвески пояса, в культурах славян как будто бы не известны. Они встречаются в памятниках кочевников, из ближайших аналогий можно привести накладку из погребения, открытого на 116 км г. Самары, по всей вероятности, древненевенгерского [Матвеева, Богачев 2000. Табл. 16, 25]. По форме и окончаниям лопастей этот тип накладок очень напоминает распределители ремней, бытовавшие в среде кочевников Южного Урала [Мажитов 1977. Табл. I, 176].

Л. С. Воротинская

393

Серебряные подвески от височных колец

Хазарский каганат (?)

IX в.

Серебро; литье

А – длина 5,3 см, диаметр нижнего шарика 0,5 см;

В – длина 3,6 см, диаметр нижнего шарика 0,4 см;

С – длина 3,6 см, диаметр нижнего шарика 0,5 см

Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,

раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-32, ПБс-3013

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 26–29. Рис. 15, 3.

Табл. ХСII, 6–8

394

Три серебряные литые подвески от серег в виде стержней, имитирующих многочастные бусы-пронизки. У двух стержней сверху сохранилась часть ушка. Все три заканчиваются шариком большей величины, чем остальные. Диаметр шариков 0,4–0,6 см. Удлиненные подвески характерны для серег салтовского типа поздних вариантов, IX–X вв.

Л. С. Воротинская

394

Фрагменты браслета

Днепро-Донское междуречье

IX в.

Серебро; литье, ковка

Длина 8,1 и 8,0 см, ширина 0,5 см

Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,

раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-33, ПБс-3014

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15, 3.

Табл. ХСII, 10, 15

Серебряный браслет из пластины сегментовидного сечения, с закругленными концами. Сломан на две части. Такие браслеты использовались длительный период времени и являются едва ли не самым простым и доступным украшением.

Л. С. Воротинская

395

395 Наконечник пояса

Днепро-Донское междуречье
IX в.
Серебро; литье, штамповка
Длина 3,0 см; ширина 1,6 см
Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,
раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.
ГЭ, инв. № 2902-34, ПБс-3015
Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15, 3. Табл. ХСII, 11

Серебряный пластинчатый наконечник пояса, украшенный штампованными перекрещивающимися линиями, из которых образуются симметричные вертикальные зигзаги. На оборотной стороне имеются два штифта для крепления.

Л. С. Воротинская

396

396 Поясные бляшки (?)

Днепро-Донское междуречье
IX в.
Серебро; ковка, штамповка
Длина 3,0 см, ширина 1,6 см, толщина 0,4 см,
диаметр каждой полусферы 1,0 см
Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,
раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.
ГЭ, инв. № 2902-35, ПБс-3016
Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28-29. Рис. 15, 3.
Табл. ХСII, 13, 14

Две серебряные штампованные трехлепестковые бляшки, состоящие из трех полых полусфер с отверстием в центре, могли использоваться для украшения поясов. В Восточной Европе накладки такого типа появились еще на поясах геральдического круга 2-й половины VI – начала VII в., но штампованные накладки характерны для поздних комплексов VIII–IX вв.

Л. С. Воротинская

397

397 Серьги фрагментированные

Хазарский каганат (?)
IX в.
Серебро; литье
А – длина 2,9 см, ширина 1,3 см;
В – длина 3,0 см, ширина 1,8 см
Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,
раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.
ГЭ, инв. № 2902-36, ПБс-3017; 2902-37, ПБс-3018
Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15, 3. Табл. ХСII, 1, 2

Пара серебряных овальных серег с шариком в верхней части и выделенной валиками осью для крепления подвески внизу. Как и длинные подвески, характерные для поздних вариантов серег салтовского типа, они широко распространены в культурах всего степного пояса и лесостепи Восточной Европы, находившихся под влиянием Хазарского каганата.

Л. С. Воротинская

398 Фрагменты серег

Хазарский каганат (?)
IX в.
Серебро; литье
А – длина 1,8 см, ширина 1,0 см;
В – длина 2,6 см, ширина 1,2 см
Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,
раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.
ГЭ, инв. № 2902-38, ПБс-3019
Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15, 3.
Табл. ХСII, 4, 5

Два обломка серебряных литых серег салтовского типа. Сохранились лишь нижние части колец с подвесками.

Л. С. Воротинская

398

399 Фрагмент серьги или височной подвески

Днепро-Донское междуречье
IX в.
Серебро; литье
Длина 2,0 см, ширина 1,6 см
Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,
раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.
ГЭ, инв. № 2902-39, ПБс-3020
Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 30. Рис. 15, 3.
Табл. ХСII, 3

Обломок серебряной пластинчатой серьги или височной подвески с шестью сохранившимися зубчиками по внешней стороне кольца и тремя – по внутренней. Такие серьги были широко распространены в женском уборе славянского населения в IX в. Как полагает Н. В. Жилина, звездчатые серьги или височные подвески являются переработкой византийских ювелирных украшений: звездообразных серег и гроздевидных наушниц [Жилина 2012. С. 94. Рис. 1, 5, 6, 8].

Л. С. Воротинская

399

400

401

400

Дирхамы

Серебро; чеканка

Новотроицкое городище, клад у жилища № 18, раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-40–47, ПАС-96–103

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15, 1, 2

Определения монет А. А. Быкова и Вяч. С. Кулешова

А – Аббасиды, ал-Саффах, ал-Куфа,

133 г. х. (750/751), диаметр 2,5 см, вес 2,82 г

В – Аббасиды, ал-Мансур, ал-Куфа,

143 г. х. (760/761), диаметр 2,5 см, вес 2,80 г

С – Аббасиды, Мадинат ас-Салам,

158 г. х. (774/775), диаметр 2,6 см, вес 2,89 г

D – Аббасидские наместники Северной

Африки, Наср ибн Хабиб, Ифрикия, 175 г. х.

(791/792), диаметр 2,5 см, вес 2,55 г

Е – Аббасиды, ар-Рашид, ал-Мухаммадийа,

190 г. х. (805/806), диаметр 2,4 см, вес 2,92 г

F – Аббасиды, ар-Рашид, Мадинат ас-Салам,

188 г. х. (803/804), диаметр 2,4 см, вес 2,91 г

G – Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат Самарканд,

198 г. х. (813/814), диаметр 2,4 см, вес 2,95 г

H – Аббасиды ал-Мамун, Мадинат ас-Салам,

203 г. х. (818/819), диаметр 2,5 см, вес 2,89 г

Л. С. Воротинская

402

401

Сосудик

Днепро-Донское междуречье

IX в.

Глина; лепка

Высота 6,0 см, диаметр венчика 6,0 см,

диаметр дна 3,7 см

Новотроицкое городище, клад у жилища № 18,

раскопки И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-48

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 28. Рис. 15, 3

Миниатюрный груболепной горшочек желтого цвета со слегка отогнутым венчиком. По тулову прокатана полоса зубчатым орнаментом. В тесте примесь шамота.

Л. С. Воротинская

402

Клад серебряных колец

Днепро-Донское междуречье

IX в.

Серебро

Длина цепи 16,3 см, диаметр колец 3,7–4,0 см

Новотроицкое городище, жилище 9, раскопки

И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-49, ПБс-3021

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 66. Рис. 44, 4, 5;

Кулешов 2012. С. 65–71

403

Пять серебряных колец с неспаянными концами, соединенные в цепочку. Найдены в жилище № 9 на полу, около столбовой ямы. Предполагается, что подобные кольца в докняжеский период служили денежно-весовым эквивалентом, сопоставимым с так называемыми зашнями. При исследованиях городища было обнаружено еще несколько подобных кладов.

Л. С. Воротинская

403

Сосуд

Днепро-Донское междуречье
IX в.

Глина; лепка

Высота 31,0 см, диаметр венчика 28,5 см
Новотроицкое городище, раскопки И. И. Ляпушкина,
1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-67

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 38. Рис. 18, 2

Лепной кухонный сосуд серо-желтого цвета, с широким горлом и узким дном, относится к типу II по И. И. Ляпушкину. По краю венчика украшен защипами. Такие сосуды встречаются среди материа-

404

лов Большого Боршевского, Опощнянского и других городищ роменско-боршевской культуры, для которой являются типичной формой.

Л. С. Воротинская

404

Сосуд

Днепро-Донское междуречье
IX в.

Глина; лепка

Высота 18,0 см, диаметр венчика 14,5 см
Новотроицкое городище, раскопки И. И. Ляпушкина,
1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-70

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 32. Рис. 18, 1

Лепной кухонный горшок со слегка отогнутым венчиком, украшенным защипами по краю, лежал на боку в культурном слое близ очага. На дне горшка находились кости курицы и цыпленка. Относится к типу I по И. И. Ляпушкину. Этот тип является наиболее распространенным среди всех керамических форм на памятниках роменско-боршевской культуры.

Л. С. Воротинская

405

405

Сосуд

Днепро-Донское междуречье
IX в.

Глина; лепка

Высота 19,3 см, диаметр венчика 18,5 см
Новотроицкое городище, полуземлянка 11, раскопки
И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

ГЭ, инв. № 2902-68

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 38. Рис. 18, 4; 69–73. Рис. 48, 8

Лепной кухонный горшок сероватого цвета с высоким вертикальным прямым венчиком (IV тип по И. И. Ляпушкину). Тулово и плечики покрыты перемежающимися волнистыми и горизонтальными многорядными врезными линиями. Такие горшки широко распространены на территории Восточной Европы и характерны для волынцевской культуры.

Л. С. Воротинская

406

406

Сосуд

Днепро-Донское междуречье
IX в.

Глина; лепка

Высота 10,0 см, диаметр венчика 9,0 см
Новотроицкое городище, полуземлянка 34, раскопки
И. И. Ляпушкина, 1952–1954 гг.

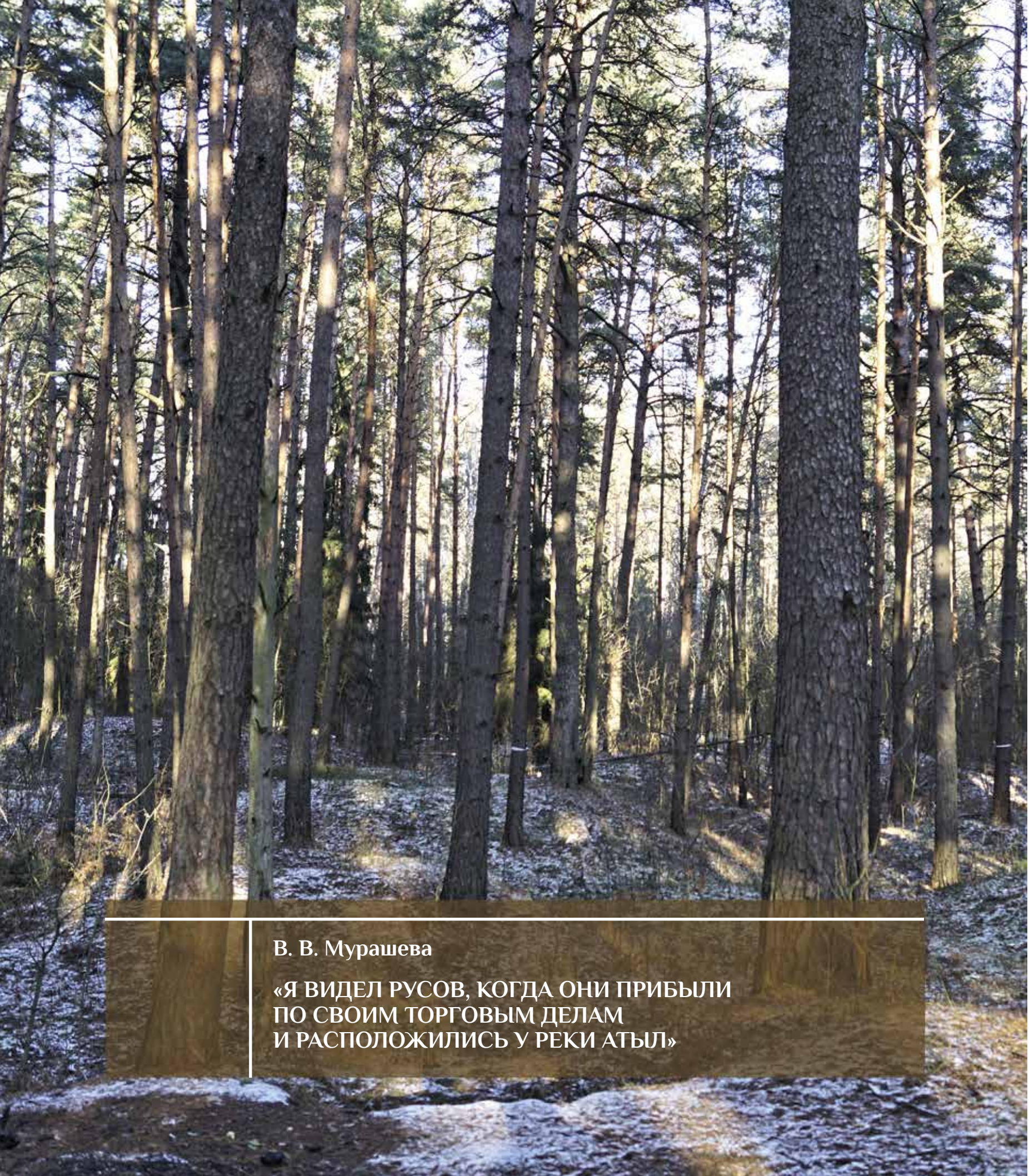
ГЭ, инв. № 2902-69

Публикации: Ляпушкин 1958а. С. 32. Рис. 18, 1; 108–110. Рис. 71, 3

Небольшой лепной горшок с невысоким, слегка отогнутым венчиком, близок горшкам I типа по И. И. Ляпушкину. Венчик орнаментирован по краю защипами. Сосуды такого типа являются одной из характерных форм керамики роменско-боршевской культуры.

Л. С. Воротинская

В. В. Мурашева

**«Я ВИДЕЛ РУСОВ, КОГДА ОНИ ПРИБЫЛИ
ПО СВОИМ ТОРГОВЫМ ДЕЛАМ
И РАСПОЛОЖИЛИСЬ У РЕКИ АТЫЛ»**

Первые известия арабских авторов о русах относятся ко 2-й половине IX в. Русы – один из народов, обитавших на краю ойкумены, на далекой периферии мира, центром которого для арабских географов был, разумеется, Халифат. Первые сведения скупы и неточны: так, Ибн Хордадбех пишет, что русы – вид славян, а более поздние авторы, как правило, эти два народа не отождествляют. Несмотря на отдаленность места обитания, русы попали в поле зрения арабских географов благодаря своей активной торговой и военной деятельности.

Вопрос о том, какой народ скрывается под этнонимом «русы» или «русь» русских летописей, в течение двух веков был одним из самых острых и болезненных в отечественной историографии, став частью дискуссии между «норманистами» и «антинорманистами». Одним из первых, кто предложил интерпретацию термина, был автор начальной русской летописи – Повести временных лет, который однозначно и неоднократно отождествляет русь с варягами: «Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англ, а еще иные готландцы, – вот так и эти». Из «руси» и первые князья зародившегося восточнославянского государства: призвание в 862 г. варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора, положивших начало правившей в России до конца XVI в. династии, – первое политическое событие, от которого ведется отсчет российской истории. «И пошли за море к варягам, к руси. <...> Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родами...».

Бертинские анналы зафиксировали случай самоидентификации в качестве «народа рос» выходцев из Скандинавии. В 839 г. из Константинополя в Ингельгейм к Людовику Благочестивому прибыло посольство, в состав которого входили люди, утверждавшие, что «они, то есть их народ, зовется рос» (Rhos), и что их правитель хакан послал их к византийскому императору Феофилу ради дружбы. Людовик выяснил, что на самом деле они принадлежали к «народу свеонов», то есть были выходцами из Швеции.

Можно констатировать, что в настоящее время, в начале XXI в., спор о том, кем были русы, почти утих. Во всяком случае, большинство исследователей, работающих в рамках академической науки, придерживаются точки зрения, что слово «русь», ставшее впоследствии названием восточнославянского государства, изначально обозначало сложившийся на северо-западе, в Поволховье, этносоциум и восходит к финскому наименованию выходцев из Скандинавии «ruotsi» (гребцы). Современные финны и эстонцы (летописная чудь) называют Швецию Ruotsi, Rootsi.

Гребцы, участники походов на гребных судах, – русы действительно сыграли существенную роль в освоении речных путей Восточной Европы. Часть маршрутов пролегла по территории междуречий Балтийского, Черноморского и Каспийского бассейнов, и продвигаться по небольшим речкам приходилось только на веслах, выгребая против течения. Поэтому неудивительно, что выходцы из Скандинавии, именовавшие себя викингами во время походов в Западную Европу, на территории Восточной называли себя гребцами. Вполне закономерно и то, что после успешного похода 907 г.

Лесная курганная группа
в Гнёздово. IX–X вв.
Фотография С. Ю. Каинова,
2015 г.

на Царьград-Константинополь князь Олег требовал с греков дань «на ключ», то есть на уключину каждого боевого корабля, в котором сидело по 40 мужей.

В географических сочинениях арабских авторов, начиная со 2-й половины IX в., содержатся многочисленные сведения о русах, часть из них кажутся фантастическими, а часть отражают истинные реалии. Этот народ, в соответствии с самыми ранними сообщениями, обитал на загадочном северном болотистом острове, который до того «нездоров и сыр, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как она трясется из-за обилия в ней влаги» (Ибн Русте). Вероятно, представления об острове возникли из-за того, что русы всегда появлялись на кораблях, в более поздней традиции сообщения об острове исчезают. Авторы географических сочинений с разной степенью подробности пишут о торговой активности русов: «...единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочей пушниной. <...> С рабами обращаются хорошо, заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]» (Ибн Русте). Однако деятельность русов заключалась отнюдь не только в торговле, исламский мир столкнулся и с их военной активностью. Есть упоминание о первых походах на южный берег Каспия еще в конце IX в. (Ибн Исфандийар), однако достоверными считаются сведения о походе 912–913 гг. Согласно ал-Масуди, флотилия из 500 кораблей пересекла земли Хазарского каганата по Дону и Волге и вышла в Каспийское море. Русы хозяйничали на Каспии в течение многих месяцев, нагоняя страх на жителей побережья: «И проливали русы кровь и давали себе полную свободу в отношении женщин и детей, захватывали имущество, совершали набеги и жгли. И вопили люди вокруг этого моря, что не знали в прежние времена врага, [который] вторгся бы к ним...». Впрочем, военный поход закончился для русов неудачно: на обратном пути через Хазарский каганат корабли русов подверглись нападению мусульманской гвардии кагана, стремившегося отомстить за мучения, причиненные братьям по вере. «Продолжалась битва между ними 3 дня, и с помощью Аллаха мусульмане одержали победу над ними, предали их мечу, и иные были убиты и утоплены» (ал-Масуди).

Не меньшей жестокостью отличался и поход русов на Бердаа (Барду – один из крупных городов Кавказской Албании, государства, расположенного в Восточном Закавказье) в середине 940-х гг. Город был осажден и захвачен, часть жителей перебита и захвачена в плен, захватчики требовали выкуп по 20 дирхамов с каждого, однако на деле отбирали всё имущество, не щадя никого. В конце концов русы оставили город, увезя награбленное добро.

Совершенно особое место среди свидетельств о русах занимает «Книга» (*Рисала*) Ибн Фадлана, наставника в вероучении и секретаря посольства из Багдада на Среднюю Волгу халифа ал-Муктадира. Посольство было отправлено в 921 г. в ответ на послание правителя волжских булгар Алмыша, просившего о помощи против хазар, об укреплении в вере тех булгар, которые уже стали мусульманами, и обращении в ислам еще неверующих. Ибн Фадлан видел русов воочию и оставил подробное описание торгового каравана, одежды, вооружения, быта и погребального обряда: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не видал людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом».

Археологические свидетельства присутствия выходцев из Скандинавии на территории Волжской Булгарии, к сожалению, намного более скудны по сравнению с сочным, красочным рассказом Ибн Фадлана. Наиболее очевидным памятником (не считая случайных находок, см. кат. 440, 441) является раскопанный в XIX в. курганный могильник близ с. Балымеры Казанской губ. Курганный комплекс состоял из 25 насыпей, однако кальцинированные кости и погребальный инвентарь зафиксированы лишь в одном комплексе – кургане № 13, где найден характерный для североευропейской традиции меч («мечи их плоские, бороздчатые, франкские» – Ибн Фадлан), а также набор ременных украшений. Накладки на ремень из данного комплекса характерны для территорий, находившихся в зоне влияния культуры Хазарского каганата. Эти предметы – оружие и воинские пояса, украшенные металлическими накладками, – являлись маркерами социального статуса во-

ина. Примечательно, что в наборе сочетаются вещи различного происхождения, скандинавского и степного, южного, что характерно для «дружинной» культуры, открытой внешним влияниям и вбиравшей в себя социально значимые элементы разного происхождения. «Старый свет» составлял единое пространство не только от Багдада до Булгара, но и от Итиля до Скандинавии. Основным средством коммуникации служили реки, которые были проводниками как мирной торговли и культурных импульсов, так и военной агрессии.

Речные торговые пути формировались постепенно, в их освоении принимали участие различные народы, населявшие Восточную Европу (славяне, балтские и финно-угорские племена, волжские булгары, хазары). О речных путях Восточной Европы как о системе трансевропейских коммуникаций можно говорить с конца VIII – начала IX в. В Северной Европе этот период считается началом «эпохи викингов». Викинги, безжалостные грабители и пираты, своими внезапными набегами, наводили ужас на всю Западную Европу. Они считались таким же масштабным бедствием, как голод и чума. Совершенно иную, конструктивную роль – катализатора социальных и политических процессов они сыграли на территории Восточной Европы. Отчаянные путешественники и смелые воины, умелые ко-

раблестроители, «гребцы», они активно участвовали в освоении речных путей, втягивая местную элиту в международную торговлю и военные походы, что способствовало концентрации в ее руках значительных богатств.

Центром притяжения для народов варварской периферии Европы наряду с Византийской империей был Арабский халифат, где за меха и рабов платили серебряными монетами – дирхамами, служившими международной валютой (кат. 419). Торговля с ним стала возможной после прекращения арабо-хазарских войн на Кавказе в последней трети VIII в. Хазария контролировала рынки мехов и хлынувшие на территорию Восточной и Северной Европы потоки серебра. В ее руках оказались основные речные магистрали, ведущие из Черного и Каспийского морей, – Волга, Дон и Днепр. Археологические источники свидетельствуют о том, что на раннем этапе основным путем на восток был Донской: безопасность плавания по Дону была гарантирована целой системой хазарских крепостей.

Волго-балтийский путь как единая магистраль начал функционировать не позднее конца VIII в. Он начинался от Финского залива, шел через Неву, Ладожское озеро, Волхов, озеро Ильмень. Северными воротами в Европу служила Старая Ладога, возникновение которой относится ко 2-й половине VIII в. Импорты

Большой курган в Гнёздово, раскопанный в 1885 году В. И. Сизовым. 2-я половина X в. Фотография С. Ю. Каинова, 2015 г.

Днепр в районе Центрального гнёздовского поселения IX–X вв. Фотография С. Ю. Каинова, 2015 г.

с территории Хазарского каганата, а также приток арабского серебра фиксируется в Ладоге с последней четверти VIII в., ее роль как речного порта подтверждается находками деревянных корабельных деталей и ладейных заклепок.

Особое место на водных путях Восточной Европы занимает исток Волхова, здесь расходились два крупнейших торговых пути, начинавшиеся на Балтике: Волго-Балтийский и Волхово-Днепровский. С севера торговые караваны стремились на Среднюю Волгу, в Волжскую Булгарию и далее в Хазарию, столица которой, Итиль, крупнейший в Восточной Европе торговый и таможенный город, располагалась в дельте Волги. Путешествие из района Балтики до Каспия было опасным и могло занимать не менее двух месяцев (расстояние составляло более 5000 км), однако при удачных торговых сделках прибыль могла составить до 1000 процентов. Например, светлую рабыню можно было купить на севере за 70 дирхамов, а продать ее на востоке за 2250 дирхамов и дороже. После пересечения Каспийского моря сухопутными караванными дорогами можно было достичь Багдада. В волжской торговле в пору ее расцвета, по словам арабских авторов, принимали непосредственное участие русы, болгары, хазары, арабы, евреи и финно-угорские племена.

Основными путешественниками IX–X вв. были купцы, которые, в зависимости от обстоятельств, легко превращались в воинов – участников дальних грабительских походов. Миниатюрные весы и наборы гирек (кат. 446) для взвешивания серебра часто находят вместе с предметами вооружения среди инвентаря языческих погребальных сооружений, курганов, расположенных около поселений на торговых путях. В состав временных отрядов купцов и воинов входили представители всех народов, населявших Восточную Европу, однако их ядро составляли выходцы из Скандинавии.

Ибн Фадлан подробно описывает один из таких военно-торговых караванов, прибывших на территорию Волжской Булгарии. В состав отряда входили как мужчины, так и женщины. Мужчины всегда носили оружие: мечи (кат. 440, 441), боевые топоры (кат. 436), ножи. Подробно описан набор украшений женщин, сопровождавших караван. Наиболее необычными для арабского путешественника были прикрепленные на груди «коробочки», изготовленные «или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами [денежных] средств их мужей». Очевидно, что «коробочки» – это овальные (скорлупообразные) фибулы (кат. 424) – один из самых ярких этно-

определяющих признаков скандинавского костюма. Основу женского наряда составляла длинная рубаха, поверх которой надевался сарафан, его бретели крепились к переднему полотнищу с помощью крупных застежек-фибул. Известны различные типы фибул, они менялись в соответствии с требованиями моды. Несмотря на то что овальные фибулы были продукцией массового производства (в коллекциях европейских музеев насчитывается более 3000 экз.), отдельные экземпляры можно считать настоящими произведениями ювелирного искусства. Бронзовые отливки покрывались позолотой, сверху монтировались накладные детали из серебра и легкоплавких сплавов. В случае, если украшение состояло из двух скорлупок, верхняя пластина отливалась ажурной и украшалась в скандинавском зверином стиле: всё поле покрывалось стилизованными переплетенными фигурками животных, кусающих и терзающих друг друга.

Ибн Фадлан описывает и другие украшения женщин русов – мониста из золота и серебра, богатство и состав которых зависят от благосостояния мужа: «...если человек владеет десятью тысячами дирхамов, то он справляет своей жене один [ряд], а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два [ряда] мониста». Подтверждением этому являются многочисленные клады IX–X вв., обнаруженные на территории Восточной и Северной Европы, в состав которых входят россыпи арабских монет-дирхамов с приклепанными к ним рифлеными ушками, характерными для скандинавской ремесленной традиции (кат. 418).

Наиболее значительное место в той части «Книги», которая посвящена русам, занимает описание похорон знатного воина. Ибн Фадлану, человеку, принадлежавшему к монотеистической исламской цивилизации, языческие обряды северных варваров представлялись чудовищными, и тем не менее они вызывали у него большое любопытство. Путешественник подробно описал все этапы погребального обряда: помещение тела умершего в специальную камеру, подготовку площадки для кремации, сооружение деревянного помоста и водружение на него ладьи с телом, жертвоприношение животных и женщины-наложницы.

Внимательный свидетель, Ибн Фадлан создал бесценный исторический источник. Практически все его этнологически точные наблюдения находят соответствия в корпусе археологических данных. Неудивительно, что все исследователи, занимающиеся эпохой образования Древнерусского государства и эпохой викингов, неизменно обращаются к информации, содержащейся в «Книге».

Знатный скандинавский воин русской дружины середины X в. Рисунок О. В. Федорова, консультант С. Ю. Каинов. По: Каинов, Федоров 1998. С. 3

Гнёздовский клад

Найден в 2001 г. в д. Гнёздово Смоленского р-на Смоленской обл.

Третья четверть X в.

Публикации: Меч и златник 2012. Кат. № 221–238; Авдусина 2014. С. 98–115

Клад является случайной находкой, обнаруженной на селище Гнездовского археологического комплекса в 2001 г. По-видимому, находился в горшке, обломки которого были обнаружены неподалеку, и состоял из серебряных украшений и деталей костюма, стеклянных бус

и арабских монет-дирхамов. Украшения, скорее всего, составляли личное богатство женщины, имеющей скандинавское происхождение. Всего в состав клада входит 104 предмета. Из них 48 монет – половина целых, другая половина представлена фрагментами. Четыре целые монеты переделаны в подвески. Младшая монета клада относится к 342 г. х. (953/954 г.). По монетному составу клад подобен Гнёздовскому 1993 г., время его сокрытия, может быть датировано 3-й четвертью X в.

407, 408

409

407**Лунница**

X в.

Серебро; литье, скань, зернь, пайка

Длина 4,5 см, ширина 2,9 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/1

Подвеска-лунница со скано-зерненым зигзагообразным орнаментом. Украшена пятью напаянными полушариями, три из которых располагаются в центре подвески, два – у краев. Каждое полушарие окружено каймой из шариков зерни.

С. А. Авдусина

Богато украшенные лунницы часто находят в составе драгоценных ожерелий древнерусских женщин. Такие лунницы весьма часто встречаются в составе древнерусских кладов X–XII в. Наиболее близкие экземпляры известны в Гнёздовском кладе 1870 г., кладе ювелирных украшений и монет, найденном у д. Горошково и Любоежа на Новгородчине, кладе у д. Юрковцы на Киевщине и в других комплексах [Корзухина 1954. Табл. VII, 14, 15; VIII, 32, 34; Меч и златник 2012. Кат. № 172].

С. А. Авдусина

408**Лунница**

X в.

Серебро; литье, скань, зернь, пайка

Длина 5,2 см, ширина 4,1 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/2

Подвеска-лунница со скано-зерненым линейным орнаментом. Украшена пятью напаянными полушариями, три из которых располагаются в центре подвески, два – у краев. Каждое полушарие окружено каймой из шариков зерни.

409**Браслеты**

X в.

Серебро; ковка

А – длина 7,8 см, ширина 6,2 см;

В – длина 7,4 см, ширина 6,0 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/3-4

Браслеты из серебряного дрота ромбического сечения с завязанными концами. Они относятся к частым находкам в Скандинавии и Ирландии, На территории Древней Руси близкие браслеты обнаружены в погребальных комплексах в Тимерево

410

и Владимирских курганах [Спицын 1905. С. 151, Рис. 307; Фехнер, Недошивина 1987. Рис. 7, 2].

С. А. Авдусина

410

Перстни

Скандинавия
X в.

Серебро; ковка

А – высота 1,5 см, диаметр шинки 1,4 см, максимальная ширина 1,0 см;

В – диаметр шинки 2,2 см, ширина 1,4 см
Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/5

Шинка перстней в середине раскована в пластину, концы завязаны. Подобные перстни хорошо известны в различных вариантах как на территории Древней Руси, так и в Скандинавии и Прибалтике. Перстни без орнамента с завязанными концами найдены на широкой территории: на Новгородчине, в Прибалтике, Приладожье, в памятниках древнерусского времени на Белом озере [Авдусина 2014. С. 98].

С. А. Авдусина

411

411

Подвеска

Скандинавия
X в.

Серебро; литье

Высота 2,3 см, ширина 2,7 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/7

Подвеска ажурная с изображением фантастического зверя, выполненная в скандинавском стиле Борре. Туловище зверя изогнуто в виде буквы S и помещено на поверхности подвески, голова повернута в фас и вынесена на ушко. По типологии А. С. Дементьевой, подвеска относится к варианту 3 типа А IV, широко распространенному на территории Древней Руси. Близкие аналоги известны и в Скандинавии, полный – только в Гнёздовском кладе 1867 г. [Авдусина 2014. С. 98–99].

С. А. Авдусина

412

Бусины

Древняя Русь или Скандинавия
X в.

Серебро; литье, скань, зернь, пайка

Длина 1,3 см, диаметр 1,3–1,4 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/8–10

Шаровидные бусины с зерненым орнаментом в виде треугольников, располагающихся по окружности полушарий. По центру окружности украшены двумя рядами зерни.

С. А. Авдусина

412–415

413

Бусина

Древняя Русь или Скандинавия
Третья четверть X в.

Серебро; литье, скань, зернь, пайка

Длина 1,3 см, диаметр 1,4 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/11

Шаровидная бусина с зерненым орнаментом в виде рядов из трех ромбов, составленных четырьмя шариками зерни. По центру окружности украшена двумя рядами зерни.

С. А. Авдусина

Бусины биконической формы, украшенные зерненым орнаментом в виде треугольников и ромбов.

С. А. Авдусина

415

Бусина

Древняя Русь или Скандинавия
X в.

Серебро; волочение, пайка

Длина 1,4 см, диаметр 1,3 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/14

Бусина эллипсоидной формы, изготовленная из уложенной рядами и свернутой рубчатой проволоки. Аналогии известны в погребениях Бирки и Хедебю [Авдусина 2014. С. 99].

С. А. Авдусина

414

Бусины

Древняя Русь или Скандинавия.
X в.

Серебро; литье, скань, зернь, пайка

А – длина 0,9 см, диаметр 1,3 см;

В – длина 1,0 см, диаметр 1,3 см

Гнёздовский клад, 2001 г.

ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/12–13

416

416 Бусины

Древняя Русь или Скандинавия.
X в.

Серебро; ковка, пайка
Длина 1,0–1,2 см, диаметр 1,0–1,1 см
Гнёздовский клад, 2001 г.
ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/23–45

Бусины биконической формы, спаянные из двух половинок, гладкие, без орнамента. Серебряные полые бусины являются наиболее многочисленной категорией украшений экспонируемого клада. Аналоги им найдены в Гнёздовских кладах, Белогостицком кладе, у д. Горошково и Любоежа на Новгородчине, отдельные аналоги известны в Скандинавии, в Бирке на оз. Меларен и на о. Готланд в Швеции [Авдусина 2014. С. 99].

С. А. Авдусина

417 Бусины

Стекло
X в.

Размеры бусин: 1,1 × 1,2 см, 1,1 × 0,9 см, 0,8 × 0,8 см (2 шт.), 0,8 × 0,5 см, 1,0 × 0,6 см, 0,5 × 0,9 см, 1,0 × 0,6 см, 1,0 × 0,7 см, 0,6 × 0,8 см, 0,5 × 0,8 см
Гнёздовский клад, 2001 г.
ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/46–56

Бусины: серебростеклянные (2 шт.), золото-стеклянная «лимонка», полосатая желто-красно-коричневая «лимонка», навитая черного непрозрачного стекла, зонная синяя с белыми глазками, зонная молочно-белого стекла с печеночными глазками, зонные глухого и прозрачно-зеленой гаммы (4 шт.).

Бусины-«лимонки», серебростеклянные и золотостеклянные, были широко распространены на территории Древней Руси. Бусины молочно-белого стекла и зонная двуслойная синего и белого стекла находят аналоги в древностях Древней Руси и Скандинавии. Наиболее широко датируются золотостеклянные бусины, известные вплоть до первой трети XII в., остальные – в рамках 2-й половины X – начала XI в. Таким образом, состав ожерелья из Гнёздовского клада, который датируется 3-й четвертью X в., демонстрирует сочетание бусин различного происхождения и динамику их поступления [Авдусина 2014. С. 99–100].

417

С. А. Авдусина

418, 419

418 Монеты-подвески

Серебро; чеканка, ковка, пайка
Диаметр А – 3,0 см, В – 2,7 см, С – 2,9 см, D – 2,9 см
Гнёздовский клад, 2001 г.
ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/57–60

Дирхамы с ушками для привешивания. У трех монет ушки изготовлены из рубчатой проволоки, одно ушко плоское.

А – русское подражание Саманидам, с именем Насра ибн Ахмада. Середина X в. Диаметр 3,1 см. Вес с ушком 3,67 г.

В – Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, Самарканд, 300 г. х. Диаметр 2,8 см. Вес с ушком 3,35 г.

С – Саманиды, Наср ибн Ахмад, Андараба, 304 г. х. Диаметр 2,8 см. Вес с ушком 3,78 г.

D – Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, Мадинат Балх, 300 г. х. (912/913). Диаметр 3,0 см. Вес с ушком 3,41 г.

Определения монет А. А. Гомзина (В, С, D) и Вяч. С. Кулешова (А, по Г. Рисплингу).

С. А. Авдусина

419 Монеты. Дирхамы

Серебро; чеканка
Гнёздовский клад, 2001 г.
ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/61–104

Е – Саманиды, Нух ибн Наср, Самарканд, 340-е гг. х. Диаметр 2,9 см. Вес 3,98 г.

Ф – Саманиды, Нух ибн Наср, аш-Шаш, 334 г. х. Диаметр 3,1 см. Вес 2,78 г.

В состав клада входило в общем 20 экземпляров целых монет разной степени сохранности, а также 24 экземпляра половинок и фрагментов саманидских дирхамов. Старшая монета 294 г. х.

420

(906/907), младшая 342 г. х. (953/954). Определения монет А. А. Гомзина.

С. А. Авдусина

420 Пуговицы

Древняя Русь (?), Скандинавия (?)
X в.
Серебро; ковка, пайка
А – высота 1,9 см, диаметр 1,5 см (2 шт.);
В – высота 1,8 см, диаметр 1,5 см (3 шт.);
С – высота 1,8 см, диаметр 1,4 см (2 шт.);
D – высота 1,8 см, диаметр 1,6 см (1 шт.)
Гнёздовский клад, 2001 г.
ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/15–22

Шаровидные полые пуговицы без орнамента, спаянные из двух половинок, являются весьма редкой находкой на территории Древней Руси. Удалось найти только две аналогии: в Белогостицком кладе XI в. (Ярославская обл.) и в одном из курганов Гнёздова. Подобная, но орнаментированная в верхней части пуговица известна в венгерских древностях эпохи обретения родины [Авдусина 2014. С. 99].

С. А. Авдусина

421

421 Горшок

Древняя Русь
X в.
Глина; гончарный круг
Высота 10,0 см, диаметр горла 12,3 см, диаметр дна 7,8 см
Гнёздовский клад, 2001 г.
ГИМ, инв. № 110384, оп. 2762/105

Горшок глиняный, изготовленный на гончарном круге, плечико украшено линейно-волнистым орнаментом. Форма горшка, его орнаментация несомненно связаны со славянскими культурами. Наиболее вероятно, что он был изготовлен мастерами, работавшими непосредственно на Гнёздовском поселении.

С. А. Авдусина

422 Платья женские (реконструкция)

Древняя Русь, Китай
X в.
А – лен; ручной пошив
Длина сзади 130,0 см
В – шелк с золотными нитями (парча), ручной пошив
Максимальная длина 120 см
Реконструкция по материалам кургана Ц-301, раскопки Д. А. Авдусина
ГИМ, инв. № НВ 7106/1, НВтк-670; 7106/2 НВ тн 671
Публикуется впервые

Длинное платье, отрезное по линии талии, комбинированное из тканей разной фактуры и цвета: лиф из льна грубого полотняного переплетения, рукава и юбка из более тонкой и плотной ткани; обшивка ворота и юбка темно-голубые, лиф с рукавами из небеленого льна. Ворот собран крупными складками под узкую обшивку. Разрез на груди с запахом на правую сторону. Юбка на боках, по линии талии в мелкую сборку. Рукава длинные.

422

Вместе с этим платьем было обнаружено распашное, приталенное платье с расширяющимся подолом и длинными рукавами.

Подол расширяется за счет складок, заложенных в боковых швах. Узор выткан золотными нитями. Основной рисунок располагается на груди и спине до линии талии, он имеет зеркальную симметрию относительно вертикальной оси изделия. Композиция строится вокруг диска (луны или солнца). На груди расположены головы драконов, летящих в облаках, на спине – хвосты и сидящие грифоны. Узорная полоса, проходящая по юбке, состоит из нескольких полос с растительным орнаментом, такие же полосы проходят по рукавам.

Первичная реставрация текстильных остатков осуществлена А. К. Елкиной. Исследование, полная реставрация и реконструкции выполнены в 2009–2010 гг. исследовательской реставрационной группой под руководством Н. П. Синицыной.

О. В. Орфинская

Набор женских украшений. X в.

Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье,
раскопки Н. Е. Бранденбурга, 1878–1886 гг.

423–430

423

Гривна

X в.
Медный сплав; литье
Длина фрагментов 12,2 см, 7,8 см; толщина 0,5 см;
Юго-Восточное Приладожье, д. Кириллина,
погребение 1 кургана LXXXIX, раскопки
Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № оп. «В» 137/36
Публикуется впервые

Разломанная на две части гривна из дрота, шестигранного в сечении на концах и округлого в середине, украшена пунсонным орнаментом. На концах многогранные головки.

В. В. Мурашева

424

Фibuлы овалыные

Скандинавия
X в.
Медный сплав, ткань; литье
А – длина 11,0 см, ширина 6,7 см; В – длина 11,0 см,
ширина 7,4 см
Юго-Восточное Приладожье, д. Кириллина,
погребение 2 кургана LXXXIX, раскопки
Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № оп. «В» 137/48–49
Публикуется впервые

Овалыные двускорлупные фibuлы (тип 51 по Я. Петерсену). Верхняя ажурная накладная пластина украшена стилизованным плетеным орнаментом с зооморфными элементами и пятью выступающими «репьями». На оборотной стороне сохранились фрагменты ткани (бретели?).

В. В. Мурашева

425

Фibuла круглая

Скандинавия
X в.
Медный сплав, ткань; литье, ковка, гравировка
Длина 6,8 см, ширина 6,8 см
Юго-Восточное Приладожье, д. Кириллина,
погребение 2 кургана LXXXIX, раскопки
Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. оп. «В» 137/47
Публикуется впервые

Круглая ажурная фibuла украшена плетеным орнаментом с четырьмя звериными головками по краям и шишечкой в центре (тип 116 по Я. Петерсену). На оборотной стороне – дублирующая пластина с двумя граффити в виде переплетенных узлов. На ней сохранились фрагменты ткани.

В. В. Мурашева

426

Подковообразная фibuла

X в.
Медный сплав; литье, ковка
Диаметр 3,5 см
Юго-Восточное Приладожье, д. Кириллина,
погребение 2 кургана LXXXIX, раскопки
Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № оп. «В» 137/46
Публикуется впервые

Подковообразная спиралеконечная фibuла. Сечение дуги треугольное.

В. В. Мурашева

427

Равноплечая фibuла

Скандинавия
Медный сплав; литье, ковка, волочение
Фibuла: длина 7,0 см, ширина 2,3 см;
цепочка: длина 25,3 см
Юго-Восточное Приладожье, д. Костино, погребение
2 кургана ХCV, раскопки Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № оп. «В» 137/526/2
Публикации: Бранденбург 1895. Табл. I, 2

Равноплечая фibuла (тип 58 по Я. Петерсену) в центральной части украшена выпуклой розеткой с обрамляющими ее шаровидными выступами; аналогичные выступы украшают и боковые части фibuлы. Край пробит отверстием, которое служит для подвешивания цепочки. Цепочка прикреплена с помощью колечек из проволоки различного диаметра. Одно из колечек сделано из рубчатой («бусинной») проволоки. Цепочка завершается колечком из тонкой проволоки с завязанными концами.

В. В. Мурашева

428

Ладьевидные браслеты

Скандинавия

X в.

Медный сплав; литье, чеканка

А – длина 7,2 см, ширина 5,8 см; В – длина 7,8 см, ширина 6 см

Юго-Восточное Приладожье, с. Вихмес, погребение 5 кургана LХIХ, раскопки Н. Е. Бранденбурга

ГИМ, инв. № оп. «В» 137/ 208–209

Публикации: Бранденбург 1895. Табл. IV, 18

Ладьевидные браслеты с сужающимися концами (тип 184 по Я. Петерсену). Центр лицевой стороны украшен углубленными зигзагообразными линиями, которые по краям и внутри дублируют пунсонным орнаментом.

В. В. Мурашева

429

Низка бус

X в.

Стекло, сердолик

Длина 33,0 см

Юго-Восточное Приладожье, могильник на

р. Кумбита, между с. Кашино и Семеновщина, погребение 3 кургана VIII, раскопки

Н. Е. Бранденбурга

ГИМ, инв. № оп. «В» 137/98

Публикуется впервые

Низка из 9 призматических сердоликовых бусин, 3 глазчатых (желтая, зеленая и белая с полихромными глазками), 3 желтых «лимонок», 3 «лимонок» прозрачного стекла и двух цилиндрических бусин (желтая и бесцветная).

В. В. Мурашева

430

Низка бус

X в.

Стекло, сердолик, горный хрусталь

Длина 37,0 см

Юго-Восточное Приладожье, д. Сязнига, погребение 1

кургана LI, раскопки Н. Е. Бранденбурга

ГИМ, инв. № оп. «В» 137/252

Публикуется впервые

Низка из 4 сердоликовых призматических бусин, 14-гранной сердоликовой, 3 стеклянных прозрачных ребристых «лимонок», 1 желтой «лимонки», 2 многогранных оранжевых мозаичных

бусин, бирюзового рубленого бисера и синих многочастных пронизок и «лимонок».

Комплекс украшений из состава погребального инвентаря курганов Юго-Восточного Приладожья типичен для скандинавской женщины эпохи викингов. В состав костюма могли входить парные овальные фибулы, которые служили для крепления бретелей к переднему полотнищу сарафана. Часто они дополнялись третьей фибулой (круглой или равноплечей), которая могла служить для скалывания шали на груди или на плече. С помощью цепочек к фибулам подвешивались мелкие бытовые предметы: ключи, игольники, пинцеты и др. («А что касается их женщин, то на [каждой] их груди прикреплена коробочка, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами [денежных] средств их мужей. И у каждой коробочки – кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди» [Ибн Фадлан 1956 Ковалевский. С. 141]).

В. В. Мурашева

431

Детали мужского костюма

Древняя Русь

X в.

А – наборный пояс

Медный сплав, литье, лужение

Бляшки: диаметр 2,3 см, высота 2,0 см;

ременной наконечник: длина 5,3 см, ширина 2,1 см

Владимирская губ., д. Вельково, раскопки

А. С. Уварова и П. С. Савельева

ГИМ, инв. №54746, оп. «В» 57 а/53–79

Публикации: Спицын 1905. С. 132. Рис. 48; Мурашева

2000. С. 40. Рис. 48; 63. Рис. 95

Поясной набор состоит из 26 ременных накладок и наконечника. Бляшки с четырьмя штифтами для крепления к ремню имеют пятиугольную форму с фигурным краем, на оборотной стороне читается негативный рельеф. Накладки украшены стилизованным растительным орнаментом. Основой композиции является трилистник, центральный лепесток – сердцевидный, боковые в виде полупальметт, фон разделан мелкими перлами. Под боковыми лепестками трилистника округлые «глазки», позволяющие трактовать изображение как зооморфную маску.

Прямоугольный наконечник с округлым концом украшен стилизованным растительным орнаментом, состоящим из сердцевидных и полуовальных фигур, фон разделан мелкими

431

перлами. На оборотной стороне пять штифтов для крепления к ремню.

В – фибула подковообразная

Медный сплав, литье, чеканка, гравировка.

Длина иглы 11,2 см, диаметр 10,0 см

Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье,

Вахрушево, курган 116, погребение 1. Раскопки

Н. Е. Бранденбурга, 1878-1884 г.

ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 1371/35

Публикации: Бранденбург, 1895.

Фибула подковообразная с многогранными головками, украшенными свастикой. Средняя часть дуги украшена двумя рядами миниатюрных треугольников, на концах дуги – геометрический орнамент в виде переплетенных лент.

В. В. Мурашева

432

Комплекс бытовых предметов

Древняя Русь

X – начало XI в.

Публикуется впервые

А – калачевидное кресало

Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье,

раскопки Н. Е. Бранденбурга

Железо; ковка

Длина 6,5 см, ширина 2,3 см

ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 137/3

432

В – пластинчатое кресало

Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье,

раскопки Н. Е. Бранденбурга

Железо; ковка

Длина 10,5 см, ширина 2,8 см

ГИМ инв. № 32778, оп. «В» 137/2

С – оселок

Петроградская губ., Тихвинский у., с. Вахрушево,

раскопки Н. Е. Бранденбурга

Камень, железо

Длина 11,5 см, ширина 2,0 см

ГИМ, инв. № оп. «В» 1371/36

D – нож

Петроградская губ., Тихвинский у., с. Вахрушево,

раскопки Н. Е. Бранденбурга

Железо; ковка

Длина 18,0 см

ГИМ, инв. № оп. «В» 1371/28

В наборы мужского инвентаря, который постоянно носился с собой, обязательно входили кресала, бытовой нож и часто каменный оселок для его заточки. В X–XI вв. были наиболее распространены калачевидные кресала, но использовались и пластинчатые, которые, как и оселки, подвешивались к поясу. Ножи, как правило, имели прямую спинку и уступ между лезвием и черенком.

С. А. Стефутин

433

433

Наконечники стрел

Скандинавия и Древняя Русь
X в.

Железо; ковка

Смоленская губ., с. Гнёздово, раскопки А. С. Уварова,
1883 г.

Публикуются впервые

А – двушипный наконечник стрелы

Длина 8,1 см

ГИМ, оп «В» 1043/76

Наконечник стрелы с двушипным пером и втулкой для насаживания на древко. Подобные наконечники считаются характерными для славянских племен.

В – броневой наконечник стрелы

Длина 8,4 см

ГИМ 55421, оп «В» 1043/74

Наконечник с узким подтреугольным пером, ромбического сечения. Наконечники такой формы предназначались для пробивания доспехов.

С–Н– ланцетовидные наконечники стрел

Длина 8,7 см; 9,2 см; 11,3 см; 11,7 см; 11,8 см

ГИМ, инв. № 55421, оп. «В» 1043/68–70, 73, 82

Наконечники стрел с узким, длинным пером ланцетовидной формы и коротким черешком

434, 435

для крепления в древке стрелы. Подобные наконечники были широко распространены в Скандинавии, откуда и попадали на территорию Древней Руси.

С. Ю. Каинов

434

Наконечник копья

Северная Европа или Древняя Русь

2-я половина X – 1-я половина XI в.

Железо; ковка

Общая длина 44,4 см, длина пера 33,5 см,

ширина пера 5,1 см

Петроградская губ., д. Маклаково, раскопки

Л. К. Ивановского, 1885 г.

ГИМ, инв. № 35322, оп. «В» 251/338

Публикуется впервые

Наконечник копья с широким пером удлиненно-подтреугольной формы, с четко выраженными плечиками и ромбическим сечением. Боковые стороны пера немного вогнутые, это может объясняться неоднократной заточкой. Наконечники копий с пером подтреугольной формы были широко распространены в средневековой Европе, что затрудняет определение региона их происхождения.

С. Ю. Каинов

436

435

Наконечники копий

Северная Европа или Древняя Русь

2-я половина X – 1-я половина XI в.

Железо; ковка

А – общая длина 27,2 см, длина пера 18,0 см,

ширина пера 2,1 см, внутренний диаметр втулки 1,9 см;

В – общая длина 27,2 см, длина пера 18,0 см, ширина

пера 2,1 см, внутренний диаметр втулки 2,4 см

А – Юго-Восточное Приладожье, могильник

на р. Кумбита, между с. Кашино и Семеновщина,

погребение 1 кургана VIII, раскопки

Н. Е. Бранденбурга;

В – Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье,

Тихвинский у., могильник у с. Вахрушева, погребение

1 кургана SXVI, раскопки Н. Е. Бранденбурга

ГИМ, инв. № 32778, А – оп. «В» 137/66;

В – оп. «В» 1371/24

Публикуется впервые

Наконечники копий с характерным пером ланцетовидной формы были широко распространены в Северной Европе, откуда проникали на территорию Древней Руси. Небольшие размеры

наконечников и незначительный диаметр втулки позволяет предполагать их использование в качестве наконечников метательных копий.

С. Ю. Каинов

436

Топоры

Северная Европа и Древняя Русь

2-я половина X – 1-я половина XI в.

Железо; ковка

А

Общая длина 17,0 см, ширина лезвия 11,4 см

Петроградская губ., раскопки Л. К. Ивановского

ГИМ, инв. № 35322, оп. «В» 1601/16

Публикуется впервые

Топор с широким лезвием и двумя парами боковых мысовидных выступов-щекавиц. На шейке топора с обеих сторон фрагментарно сохранились канавки под инкрустацию. Подобные широколезвийные топоры-секиры были

распространены на территории Северной Европы, откуда попадали на территорию Древней Руси.

В
Общая длина 13,7 см, ширина лезвия 9,7 см
Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье, курган 45, раскопки Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 137/744
Публикуется впервые

Топор с опущенным вниз лезвием и двумя парами невысоких боковых мысовидных щекавиц. В лезвии пробито отверстие круглой формы. Наиболее вероятно, что оно предназначалось для крепления защитного чехла.

С
Общая длина 11,5 см, ширина лезвия 4,7 см
Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье, с. Сязнига, погребение 1 кургана LVIII, раскопки Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 137/1
Публикуется впервые

Топор с прямой верхней гранью, опущенным вниз лезвием и одной парой боковых мысовидных щекавиц в нижней части обуха.

Д
Общая длина 10,5 см, ширина лезвия 3,3 см
Петроградская губ., Юго-Восточное Приладожье, с. Сязнига, курган LVIII, раскопки Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 137/224
Публикуется впервые

Топор-чекан с узким подтреугольным лезвием и молоточковидным выступом квадратного сечения на обушной части. Подобные топоры, учитывая их небольшие размеры и вес, использовались конными воинами.

Е
Общая длина 14,5 см, ширина лезвия 4,4 см
Петроградская губ., Тихвинский у. с. Вахрушево, погребение 1 кургана CXVI, раскопки Н. Е. Бранденбурга
ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 1371/25
Публикации: Бранденбург 1895. Табл. XII, 11

Топор-чекан с узким подтреугольным лезвием и расположенным на обушной части длинным стержневидным выступом округлого сечения с грибовидной шляпкой. Шейка топора украшена тремя вертикальными валиками.

С. Ю. Каинов

437 Удила

Древняя Русь
X в.
Железо; ковка
Юго-Восточное Приладожье, с. Исаево, курган LVIII, раскопки Н. Е. Бранденбурга.
Общая длина 15,0 см, высота псаляев 13,0 см
ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 137/189
Публикуется впервые

Такие удила со стержневидными псалями с П-образными скобами были широко распространены в конце I – начале II тыс. у народов Сибири, Восточной и Центральной Европы.

С. Ю. Каинов

438 Плеть

Северная Европа
X в.
Железо; ковка
Петроградская губ., Тихвинский у. с. Вахрушево, погребение 8 кургана CXVI, раскопки Н. Е. Бранденбурга
Общая длина 37,0 см
ГИМ, инв. № 32778, оп. «В» 1371/2
Публикации: Бранденбург 1895. Табл. IX, 5

Плеть состоит из стержневидной рукояти круглого и квадратного сечения, с одной стороны оканчивается уплощением с пробитым отверстием, в которое вставлено кольцо. На кольцо надеты две шумящие привески и зажим для кожного бича. Считается, что подобная конструкция плетей была изобретена на севере Европы.

С. Ю. Каинов

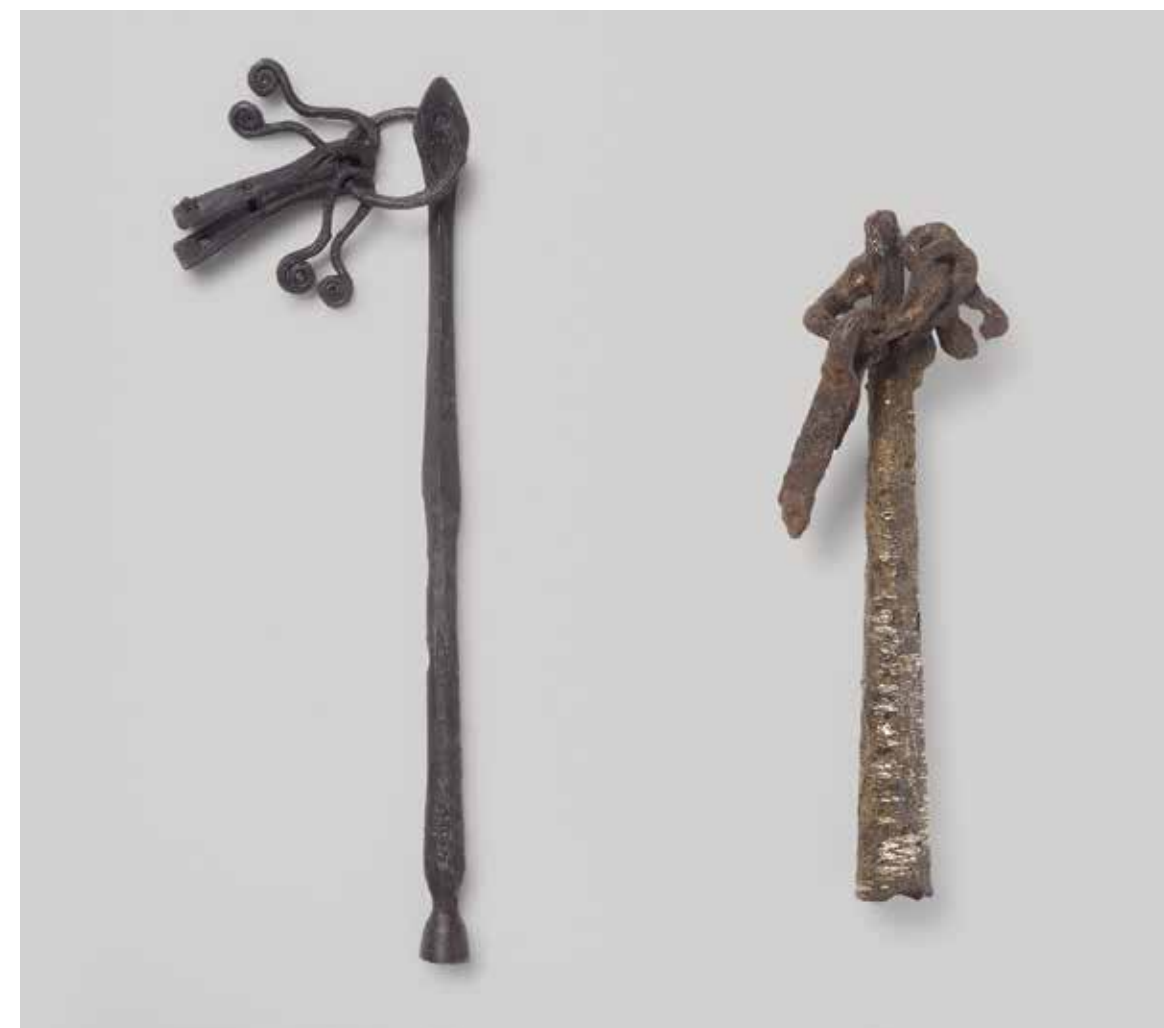
439 Рукоять плети

Скандинавия, переделка в плеть в Древней Руси
X в.
Железо, цветной металл; ковка, инкрустация
Длина 26,0 см, ширина 4,0 см
Ярославская обл., Ярославский р-н, д. Большое Тимерево, погребение 100, раскопки М. В. Фехнер, 1974 г.
ГИМ, инв. № 103390, оп. «В» 2129/147
Публикации: Зозуля 2014. С. 217–224

Рукоять плети с кольцом, к которому прикреплены привески и обойма для подвешивания

437

438, 439

440, 441

кожаного бича, была обнаружена в одном из самых богатых по инвентарю камерных погребений Тимеревского могильника, датирующемся последней четвертью X в.

На рукояти плети выявлена сплошная инкрустация желтым и белым металлом, рисунок группируется в ромбы, за счет использования проволоки разного цвета создавался полихромный эффект. На территории средневековой Европы подобная инкрустация неоднократно встречается на «элитных» предметах вооружения.

Особенности инкрустации и ряд сквозных отверстий на втулке изделия позволяют констатировать, что в плеть был переделан сломавшийся наконечник копья типа I (по Я. Петерсену), крайне редко встречающегося на территории Древней Руси. Единственным наконечником этого типа, кроме тимеревского, является находка из знаменитого кургана Черная могила.

С. С. Зозуля

440

Меч

Западная Европа
X в.

Железо, цветной металл; ковка, инкрустация
Длина 91,5 см
Казанская губ., Спасский у., городище Булгар.
Покупка на торгу
ГИМ, инв. № 44037, оп. «В»36/1
Публикации: Каинов 2008. С. 146, 148

Обоюдоострый меч «каролингского» типа (тип H по Я. Петерсену). Лезвие снабжено долом. На клинке выявлено клеймо «Ulfberht», что свидетельствует о происхождении меча из Западной Европы, скорее всего – из германских земель на Рейне.

Утрачена головка навершия, на основании навершия и перекрестии заметна инкрустация цветным металлом, выполненная довольно грубо для своего времени. Очевидно, набор рукояти первоначально был изготовлен для другого клинка, больших размеров. Этим можно объяснить слишком большой зазор между черенком, лезвием и отверстиями в основании навершия и перекрестии. Причиной утраты головки навершия могла быть не археологизация предмета, а отсутствие технологической возможности переноса на другой клинок всего набора. Следы ремонта заметны и на черенке клинка меча. Он был сломан, затем починен путем кузнечной сварки.

С. С. Зозуля

442

441

Меч

Западная Европа
X в.

Железо, цветной металл; ковка, инкрустация
Длина 95,0 см
Казанская губ., Чистопольский у.,
Старо- или Ново-Альметьево. Дар В. И. Сизова
ГИМ, инв. № 34707, оп. «В» 920/131
Публикации: Каинов 2008. С. 146–148;
Измайлов 1997. С. 34

Обоюдоострый меч «каролингского» типа (тип I по Я. Петерсену). Лезвие снабжено долом. На клинке выявлено клеймо «Ulfberht», что свидетельствует о происхождении меча из Западной Европы, скорее всего – из германских земель на Рейне.

Набор рукояти снабжен инкрустацией, выполненной желтой и белой проволокой, создающей геометрический полихромный узор. Подобный орнамент, основу которого создают разноцветные треугольные и ромбические композиции, хорошо известен на «элитных» предметах вооружения, датирующихся эпохой сложения Древнерусского государства.

Грубая сборка деталей набора рукояти (в одном случае использован даже гвоздь) свидетельствует о перемонтаже с другого клинка, вероятно, сломавшегося.

Разные исследователи предполагают различное происхождение меча. Так, в учетной документации он значится как «найденный при раскопке». Однако более убедительно выглядит гипотеза И. Л. Измайлова, считающего что находка происходит с территории городища Биляр, уже в XIX в. нередко подвергавшегося разграблению.

С. С. Зозуля

442

Весла

Северная Европа или Древняя Русь
X в.

Дерево (сосна); резьба
А – длина 36,2 см, максимальная ширина 10,4 см;
В – длина 34,8 см, максимальная ширина 7,2 см
Смоленская обл., Гнёздовский археологический комплекс, поселение, пойменная часть, раскопки
В. В. Мурашевой, 2000 г.

443

ГИМ, инв. № 112128. А: Оп. «В» 2748/126, В: Оп. «В» 2748/128.
Публикации: Мурашева, Авдусина, 2007. С. 11. Рис. 3. «Меч и златник», 2012. Кат. № 217, 218.

Весла с овальными или трапециевидными лопастями.

В. В. Мурашева

443

Уключина

Северная Европа или Древняя Русь
Начало X в.
Дерево; резьба.
Длина 28,0 см, ширина 13,7 см.
Смоленская обл., Гнёздовский археологический комплекс, поселение, пойменная часть, раскопки В. В. Мурашевой, 2005 г.
ГИМ, инв. № 112127, оп. «В» 2802/62
Публикации: Мурашева, 2007. С. 108. Рис. 1 д; Меч и златник 2012. Кат. № 219

Уключина корабельная (бортовой упор для гребных весел). На верхний край уключины с лицевой и оборотной сторон нанесен резной узор в виде стилизованной, «лестничной» плетенки, рог украшен углубленным треугольником и расходящейся

444

косой насечкой. В нижней части имеется прямоугольное отверстие для крепления к борту судна.

В. В. Мурашева

444

Кувшин

Волжская Булгария
X–XI вв.
Глина; гончарный круг
Высота 22,0 см, диаметр дна 9,5 см
ГИМ, инв. № 98313, оп. «В» 1955/49
Ярославская обл., Ярославский р-н, д. Петровское, раскопки М. В. Фехнер, 1963 г.
Публикации: Фехнер 1963. С. 20–23; Недошивина, Зозуля 2012. С. 179–193

Красноглиняный кувшин с овальным туловом, цилиндрической шейкой и плоской ручкой. На поверхности заметны следы продольного лощения. Найден в погребении, относящемся к рубежу X–XI вв. или 1-й половины XI в.

Обнаружение целого сосуда, произведенного в Волжской Булгарии, в Ярославском Поволжье демонстрирует широкие торговые и культурные связи населения Древней Руси.

С. С. Зозуля

445

Ножницы

Ближний Восток
X в.
Железо, медный сплав; ковка, гравировка, лужение
Длина 11,5 см, максимальная ширина 4,5 см
Смоленская обл., Гнёздовский археологический комплекс, поселение, пойменная часть, раскопки В. В. Мурашевой, 2003 г.
ГИМ, инв. № 54746, оп. «В» 2778/434
Публикации: Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007. С. 45. Рис. 22, 1

Две части ножниц соединены гвоздиком, под который подложена пластиночка из медного сплава. На одной из ручек почерком *куфи*, характерным для IX–X вв., выполнена арабская надпись «Аллах». На оборотной стороне ручек выгравирован геометрический орнамент из дуговидных фигур.

Шарнирные ножницы известны в Индии с I в. н. э., примерно в то же время они появляются и в греко-римском мире. В Иране подобный тип ножниц получил широкое распространение в III–IV вв., в Средней Азии они известны с V–VII вв. В памятниках «дружинного круга» преобладают пружинные ножницы, шарнирные являются довольно редкой находкой.

Еще В. И. Сизов в начале XX в. предполагал, что «пропаганда этого рода ножниц была делом арабов» [Сизов 1902. С. 56]. Находка ножниц с арабской надписью – прекрасное подтверждение предположения В. И. Сизова об арабском происхождении этого вида изделий на территории Восточной Европы.

В. В. Мурашева

446

Набор гирек и весы

Древняя Русь или Скандинавия
X – начало XI в.
Гирьки: диаметр 2,1–1,2 см; коромысло: длина 6,5 см, ширина 2 см; чашки: диаметр 6,3 см
Владимирская губ., д. Городище, раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева
ГИМ, инв. № 54746. Гирьки: оп. «В» 57a/353–357; коромысло: оп. «В» 57a/352; чашки: оп. «В» 57a/350–351.
Публикуется впервые

Весы, состоящие из коромысла и двух чашечек, происходят из кургана № 2661. Бочонковидные гирьки могли быть найдены в этом же кургане, но, возможно, происходят из кургана № 2590.

445

446

Концы коромысла складных рычажных весов отлиты из медного сплава, имеют округлые завершения и несколько рельефных перехватов, серединка и язычок сделаны из железа. К концам весов крепились чашки, изнутри и снаружи украшенные циркульным орнаментом.

Находки весов и гирек служат надежным археологическим свидетельством наличия торговых отношений на конкретной территории или памятнике. Они использовались в торговых сделках для малых взвешиваний, в первую очередь для монетного серебра. Торговые экспедиции всегда были сопряжены с разного рода опасностями, поэтому предметы торгового инвентаря зачастую находят рядом с воинскими атрибутами.

С. А. Стефутин

447

Гривна

Скандинавия
X в.

Железо; ковка

Длина 19,0 см, ширина 19,0 см

Смоленская обл., Гнёздовский археологический комплекс, курган 35 (17), раскопки В. И. Сизова, 1886–87 гг.

ГИМ, инв. № 40950, оп. «В» 241/231

Публикации: Новикова 1991. С. 179. Рис. 2, 4; Ширинский 1999. С. 133. Рис. 19; Меч и златник 2012. Кат. № 325

Гривна из квадратного в сечении дрота, один конец закручен в плоскую спираль, второй обломан. На обруч надеты две подвески в виде миниатюрных молотов и спираль (знак молнии?) – символы скандинавского бога-громовержца Тора. Их присутствие в погребальных комплексах, в первую очередь в подкурганых кремациях, некоторые исследователи считают признаком захоронений скандинавов.

В. В. Мурашева

448

Набор амулетов

Скандинавия
X в.

Железо; ковка

Диаметр кольца 3,3 см, длина подвесок 4,1–4,3 см

Смоленская обл., Смоленский р-н, Гнёздовский археологический комплекс, вал Центрального городища, раскопки С. И. Сергеева, 1900–1901 гг.

447

ГИМ, инв. № 42536, оп. «В» 1537/1262

Публикации: Новикова 1991. С. 194. Рис. 5, 7; Меч и златник 2012. Кат. № 327

Набор амулетов – кольцо с завязанными концами, на которое нанизаны три пластины в виде миниатюрных моделей косы (символ скандинавского бога плодородия Фрейра).

В. В. Мурашева

449

Набор амулетов

Скандинавия
X в.

Железо; ковка

Диаметр кольца 2,4 см.

Владимирская губ., д. Городище, курган № 2408, раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева

ГИМ, инв. № 54746, оп. «В» 57а/339

Публикации: Спицын 1905. С. 131. Рис. 33

Амулет в виде проволочного кольца с завязанными концами и с надетыми на него четырьмя подвесками – молоточками Тора.

Подобные связки амулетов известны в древностях германцев и скандинавов на протяжении всего I тыс. В германских древностях римского времени и эпохи Великого переселения народов на кольцах носили изображения мечей, копий,

топоров, щитов. На знаменитой цепи из клада V в., найденного в Шимлеул Сильваней в Трансильвании, подвешена целая «энциклопедия» амулетов – атрибутов различных культов восточных германцев. В конце I тыс. эта традиция продолжала жить в обиходе и обычаях скандинавов. Такие амулеты должны были оберегать владельцев в различных ситуациях, обеспечивать им покровительство тех богов, атрибуты которых они носили на себе.

В. В. Мурашева

450

Глиняные лапы

Древняя Русь
X в.

Глина; лепка

А – длина 8,8 см, ширина 4,5 см; В – длина 11,3 см, ширина 5,2 см

Владимирская губ., Суздальский у., с. Васильки, курганы № 227 и 213, раскопки А. С. Уварова, 1851 г. ГИМ, инв. № 54746. А – оп. «В» 2187/86; В – оп. «В» 2187/85

Публикации: Уваров 18726. Табл. 33. Рис. 3; Спицын 1905. Рис. 108

Глиняные лапы – один из характерных атрибутов погребального обряда Ярославского Поволжья. Их связывают с культом медведя или бобра, широко распространенным в древности. В погребениях лапы иногда находят вместе с глиняными кольцами, которые также связывают с древними языческими культурами. Подобные находки известны на Аландских островах, где были найдены самые ранние погребения с лапами. Это свидетельствует о проникновении обряда положения глиняных лап в погребения Верхнего Поволжья с территории Фенноскандии. Отдельные находки известны и на других древнерусских территориях, например в Шестовицах и Старице [Седых 2014. С. 163–166].

С. А. Стефутин

448, 449

450

451

451

Филактерий

Ближний или Средний Восток, кольцо – Древняя Русь X в.

Серебро; ковка, волочение, пайка, филигрань
Длина 6,1 см, ширина 5,6 см, ширина кольца 7,5 см
Смоленская губ., д. Гнездово, клад 1868 г.
ГЭ, инв. № 994/7

Публикации: Гуцин 1936. С. 53–57. Табл. III, 22;
Корзухина 1954. С. 88

Подвеска-филактерий сделана из пластины, верхний и нижний края которой свернуты в цилиндры. Сквозь верхний цилиндр – ушко для подвешивания, – вероятно, при вторичном использовании было продето кольцо из рифленной проволоки, на концах загнутой крючками. У нижнего цилиндра торцы запаяны. Между цилиндрами припаяно три вертикальных валика с бычьими головами наверху. Между валиками просверлено по шесть отверстий, обрамленных проволочными колечками и зернью. Вся лицевая поверхность филактерия украшена городками

и ромбиками зерни. По нижнему краю припаяны петли, к которым подвешены на десяти цепочках ромбовидные привески, орнаментированные четырьмя проволочными колечками.

Филактерий входит в состав одного из наиболее представительных древнерусских кладов X в. не только в Гнездове, но и вообще на Руси и в Скандинавии. Он даже получил в среде специалистов название Большой Гнездовский клад. Эта находка, сделанная в 1868 г. при строительстве железной дороги, привлекла внимание специалистов к Гнездовскому комплексу, исследования на котором продолжают до сих пор. Клад содержит множество вещей различного происхождения: серебряные шейные гривны, литые скандинавские подвески, украшенные филигранью подвески, сасанидские и арабские монеты, индийскую, византийскую и англосаксонскую монеты. Особое место занимает филактерий, который не имеет аналогов среди скандинавских и восточноевропейских древностей. Такие предметы-мощевики мусульмане носили на груди, видимо, на шнурке, продетом сквозь втулку-ушко. На гнездовском филактерии сквозь ушко продета большая проволочная петля, препятствующая его использованию в качестве нагрудного украшения. Владелец клада – судя по всему, очень состоятельный человек, представитель элиты полиэтничного населения территории будущего Гнездова, не будучи мусульманином, использовал этот предмет личного благочестия с иной целью.

Р. С. Минасян

Борщевский клад

На территории Древней Руси найдено много кладов IX–XII вв., зарытых в землю при разных обстоятельствах. В отличие от скандинавов, в обычае которых было приносить в жертву свое добро, жители Восточной Европы часто закапывали ценные вещи в период опасности. Судя по составу восточноевропейских кладов, они представляют собой предметы, предназначенные для продажи, личные сокровища, или весовые клады, в которых были собраны украшения, слитки и другие предметы.

В 1883 г. в д. Борщевка Дубенского у. Волынской губ. при неизвестных обстоятельствах был найден клад серебряных вещей, ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже (кат. 452–468). В составе клада есть 3 целых шейных гривны, свитых из нескольких пар дротов с разными наконечниками и замками, 3 фрагмента гривен, 40 слитков серебра разной величины и веса, 2 филигранные лунницы и 8 деформированных височных колец, в литературе и инвентаре именуемых серьгами (из них 3 парных). Клад датируется рубежом X–XI вв. Украшения Борщевского клада и подобные им, найденные в Восточной Европе, относят к парадному древнерусскому убору. Появление на территории Древней Руси техники декорирования украшений филигранью связывают с заимствованиями с Востока или из Среднего Подунавья [Архив ИИМК, фонд № 1 (АК), 1884 г. № 3. Рис. фотогр.; Гуцин 1936. С. 64–66; Корзухина 1954. С. 85 (со списком лит.); Дучко 1987. С. 77–86; Рябцева 2005. С. 77–79, 93; Жилина 2010; Рябцева 2010. С. 273–274].

Борщевский клад укомплектован вещами, происходящими из нескольких источников. В кладе найдены сделанные разными способами: целые, поломанные или специально разрубленные гривны; поломанные некомплектные и комплектные височные кольца; поломанные лунницы. А кроме того, слитки серебра разной формы и веса. На основании этих показателей можно заключить, что этот клад высокопробного серебра, материалом для которого были, в том числе, и переплавленные восточные монеты, принадлежал торговцу.

Особое место занимают поломанные украшения. Гривны имеют разные наконечники и замки – их изготовили в разных мастерских. Часть из них в хорошем состоянии, часть поломаны или специально разрублены. Некоторые имеют

незначительные повреждения и могли быть отремонтированы без особых сложностей, но их продолжали рубить на части. В данном случае их ценность заключалась только в весе серебра.

Борщевские лунницы отличаются от подобных им украшений, найденных в Гнездовских кладах. Они больше, основа у них менее прочная и легко деформируется, фигуры, выложенные зернью, аморфные. У мастера были фильеры для волочения проволоки, даже очень тонкой, анки для тиснения бляшек и ножницы для кроя листового металла. Он умел украшать свои изделия филигранью, но паял плохо, поэтому после деформации лунниц декор отвалился от основы.

Височные кольца с крупными бусинами-привесками, припаянными на дужке в центре, называемые также серьгами «волынского типа», изготовлены в крупной специализированной мастерской. В качестве серег их не носили: дужки сделаны из отрезанных ножницами кусков проволоки, края которых оставили острыми, а их следовало бы запилить, чтобы не травмировать мочки ушей. Что касается мастерства исполнения, то работа может быть аттестована в превосходной степени. Височные кольца из борщевского клада изготовлены высококвалифицированным ювелиром с применением качественных инструментов. Мастер пользовался вальцами, анками, фильерами, ювелирными ножницами, владел секретом виртуозной древней пайки. Эти украшения были незначительно изношены, затем сильно повреждены и попали в состав клада уже в качестве металлолома.

Височные кольца (кат. 461, 462) с надетыми на дужку и неподвижно закрепленными на ней бусами-привесками, имеют иную конструкцию, иной калибр зерни, иначе изготовлена привеска. Их делал другой мастер. Судя по степени износа, этими украшениями пользовались дольше, и попали они в состав клада уже сломанными.

Все слитки серебра из борщевского клада отлиты в разных открытых формах из серебра 960 пробы. Среди них есть разрубленные половинки слитков весом до 100 г, но основную часть составляют разновесные продолговатые слитки с округлыми краями.

Украшения из Борщевского клада представляют собой высококачественные ювелирные изделия. Такую работу могли выполнить только профессионалы, работавшие в специализированных

452

452 Гривна

X–XI вв.
Серебро; волочение, ковка, пайка
Диаметр 14,0 см, вес 110,97 г
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/1
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Гривна сплетена из протянутой в вальцах, прокованной проволоки, с припаянными наконечниками, сделанными из прокованных дров, заканчивающихся замками – петлей и S-видным крючком.

Р. С. Минасян

ювелирных мастерских. Филигранные украшения в эпоху раннего средневековья делали в Византии, Западной Европе, Скандинавии, очевидно, и в других центрах. Различия в приемах изготовления украшений Борщевского клада позволяют с уверенностью говорить о том, что они происходят из немногих центров за пределами Древнерусского государства, которые могли принадлежать разным культурам. Что касается Восточной Европы и ювелирного производства у населявших ее славянских, балтских и финно-угорских народов, то по археологическим данным можно заключить следующее. До X в., а местами и позднее, в памятниках племен этих народов нет не только филигранных изделий, тем более выполненных в микротехнике, но и вообще ювелирных украшений собственного изготовления, которые представляли бы высокую художественную ценность. Нет также и следов присутствия инструментов, позволяющих выполнять такого рода работу.

Способы изготовления украшений, подобных борщевским, еще досконально не рассматрива-

453 Обломок гривны

X–XI вв.
Серебро; волочение, ковка
Длина 23,5 см, вес. 39,1 г
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/2
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Часть детской гривны, сплетенной из шести толстых прокованных проволок. Один конец обрублен, другой конец, на котором была припаяна часть замка, отломан на месте пайки.

Р. С. Минасян

453–455

454 Обломок гривны

X–XI вв.
Серебро; ковка, пайка, чеканка
Длина 20,0 см, вес 55,0 г
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/3
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Витая гривна из шести прокованных дров, с припаянным наконечником, откованным в форме ромбовидного щитка, украшенного прочеканенным орнаментом. Конец щитка раздвоен и свернут петлей для соединения с другим (обрубленным) концом гривны.

Р. С. Минасян

455 Гривна

X–XI вв.
Серебро; ковка, волочение, пайка
Длина 21,0 см, вес 24, 8 г
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/4
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Фрагмент детской шейной гривны, четырехгранной в сечении, сплетенной из четырех тонких проволок. На одном конце припаян наконечник. Место соединения наконечника с плетенкой обернуто рифленой обоймой. Другой конец замка отломан на месте пайки.

Р. С. Минасян

456–458

456

Гривна

X–XI вв.
Серебро; ковка, волочение, пайка, чеканка
Диаметр 14,5 см, вес 119,24 г
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/5
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Гривна сплетена из четырех пар дротов, перевитых косичками из скрученных вдвое тонких провололок. К плетенке припаяны кованые ромбовидные наконечники, украшенные чеканкой. На конце петля, другой конец замка отрезан ножницами.

Р. С. Минасян

457

Гривна

X–XI вв.
Серебро; волочение, ковка, пайка
Диаметр 22,0 см, вес 203,97 г
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/6
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Гривна сплетена из протянутой в вальцах прокованной проволоки, с припаянными наконечниками, сделанными из прокованных дротов. На концах замок: петля и S-видно загнутый крючок. Механических повреждений нет.

Р. С. Минасян

458

Гривна

X–XI вв.
Серебро; ковка, волочение (?), пайка
Диаметр 26,0 см, вес 273,5 г
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/7
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Витая гривна из четырех пар дротов с припаянными коваными перекрученными наконечниками. Гривна незначительно деформирована, наконечники расплетены.

Р. С. Минасян

459, 460

459

Височное кольцо

X–XI вв.
Серебро; тиснение, пайка, волочение, филигрань, прокатка
Длина 7,8 см, ширина 4,6 см, вес 12,55 г.
Борщевский клад, 1883 г.
ГЭ, инв. № 1017/8а
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85;
Рябцева 2005. С. 93. Рис. 19, 1; Жилина 2010. С. 181

Украшение сделано в форме кольца, согнутого из толстой проволоки, один конец которой прокатан в вальцах и увенчан припаянной бусиной-привеской. К вершине привески и к краям дужки припаяна дважды S-видно согнутая прокатанная проволока, образующая конструкцию в форме ажурной трехрогой лунницы. Рога лунницы увенчаны маленькими бусинами. К нижнему краю лунницы припаяна бахрома из петлеобразно согнутой прокатанной проволоки. Бусины спаяны из двух тисненых бляшек каждая. Привеска спаяна из овальных бляшек и в нескольких местах перетянута. Височное кольцо украшено поясками из скрученной вдвойне проволоки, городками и рядами мелкой зерни на колечках.

461, 462

Один из маленьких шариков продавлен. Центральная бусина-привеска помята и деформирована. Городки зерни, расположенные на сферической поверхности, слегка потерты при использовании.

В кладе есть парное височное кольцо в двух обломках, раздавленное и с большими утратами. Нижняя часть лунницы на этом колце отрезана ножницами (инв. № 1017/8 б).

Р. С. Минасян

460**Височное кольцо**

X–XI вв.

Серебро; тиснение, пайка, волочение, прокатка, филигрань

Длина 7,6, ширина 5,3 см, толщина дужки 0,2 см, вес 10,1 г

ГЭ, инв. № 1017/9

Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85; Рябцева 2005. С. 93. Рис. 19, 3; Жилина 2010. С. 181

Украшение в форме круглого кольца с насаженной и припаянной бусиной-привеской, в четырех местах перетянутой. Нижняя часть кольца оформлена в виде ажурной трехрогой лунницы с маленькими ажурными бусинами на рогах, спа-

янных из кусков согнутой проволоки. Лунница и привеска орнаментированы рядами и городками мелкой зерни. Конструкция и способ изготовления аналогичны кат. 459.

Бусина-привеска в средней части сплющена, в двух местах разорвана, частично утрачена зернь.

Р. С. Минасян

461**Височное кольцо**

X–XI вв.

Серебро; тиснение, пайка, волочение, филигрань, прокатка

Длина 7,2, ширина 4,4 см, толщина дужки 0,24 см, вес 15,5 г

ГЭ, инв. № 1017/10а

Публикации: Корзухина. С. 63–64, 85; Рябцева 2005. С. 93. Рис. 19, 2.

Украшение в форме кольца, согнутого из толстой проволоки, с одного конца прокатанной. На кольцо надета фигурная бусина-привеска с петелькой, спаянная из нескольких деталей, украшенных зернью, проволочными колечками и шариками. Подвеска закреплена на дужке с помощью штырька, просунутого в щель между петелькой и дужкой. Нижняя часть кольца

463, 464

с припаянными деталями из прокатанной проволоки, дважды С-видно и петлеобразно согнутыми, оформлена в форме ажурной трехрогой лунницы. Рога увенчаны маленькими бусинами. Лунница украшена крупной зернью с колечками в основании. Зернь на бусине-привеске, особенно на оборотной стороне, сильно источена в процессе использования. Одна крайняя бусина утрачена.

Р. С. Минасян

462**Височное кольцо**

X–XI вв.

Серебро; тиснение, пайка, волочение, филигрань

Длина 7,6 см, ширина 4,5 см, толщина дужки 0,24 см, вес 12,14 г

ГЭ, инв. № 1017/10б

Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85; Рябцева 2005. С. 90

Височное кольцо, парное кат. 461. Все бусины деформированы. На оборотной стороне нижняя часть подвески частично утрачена, зернь местами осыпалась.

Р. С. Минасян

463**Височное кольцо**

X–XI вв.

Серебро; тиснение, пайка, волочение, филигрань

Дина 8,4, ширина 5,3 см, толщина дужки 0,216 см, вес 13,2 г

ГЭ, инв. № 1017/11а

Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85; Рябцева 2005. С. 90.

Украшение в форме овального кольца, согнутого из толстой проволоки, прокатанной внизу, с насаженной и припаянной бусиной-подвеской с тремя перехватами. К вершине привески и к краям дужки припаяна дважды С-видно согнутая прокатанная проволока, образующая конструкцию в форме ажурной трехрогой лунницы. Рога увенчаны круглыми бусинами. К нижнему краю лунницы припаяна бахрома из петлеобразно согнутой прокатанной проволоки с припаянной зернью на колечках. Подвеска и бусины спаяны из пар полусферических бляшек. Все части височного кольца орнаментированы рядами и городками зерни.

Утрачена кайма на одной половине лунницы. Бусина-подвеска деформирована.

Р. С. Минасян

465, 466

464

Височное кольцо

X–XI вв.
Серебро; тиснение, пайка, волочение, филигрань
Длина 7,6, ширина 4,5 см, толщина дужки 0,216,
вес 12,1 г.
ГЭ, инв. № 1017/116
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85

Височное кольцо, парное кат. № 463. Все бусины деформированы. Часть лунницы утрачена, зернь местами осыпалась.

Р. С. Минасян

465

Слиток серебра

X–XI вв.
Серебро; литье
11,1 × 0,9 × 0,9 см, вес 60,3 г
ГЭ, инв. № 1017/13
Публикации: Корзухина 1954. С. 85; Сотникова,
Спаский 1979

Литой стержень, округлый в сечении.

Р. С. Минасян

466

Слиток серебра

X–XI вв.
Серебро; литье
8,2 × 1,4 × 1,0 см, вес 82,3 г
ГЭ, инв. № 1017/14
Публикации: Корзухина 1954. С. 85; Сотникова,
Спаский 1979

Один конец слитка отрублен, другой конец раскован.

Р. С. Минасян

467

Лунница

X–XI вв.
Серебро; ковка, тиснение, волочение, филигрань, пайка
Ширина 10,8, высота 7,4 см, вес 17,7 г
ГЭ, инв. № 1017/15
Публикации: Корзухина 1954. С. 63–64, 85; Рябцева 2005. С. 77, 78. Рис. 8, 7

Широкорогая лунница. Основа вырезана ножницами из пластины, верхний край согнут в трубочку-ушко для подвески украшения. Чтобы сделать вещь более прочной, на оборотной стороне припаяли каркас из кусков тонкой проволоки, концами которой прижат проволочный бордюр, окаймляющий лунницу на лицевой стороне. Перед пайкой каркас прикрутили к основе тоненькой серебряной проволокой, продетой сквозь просверленные отверстия. В двух местах узелки на лицевой стороне перекрыты бляшками, что свидетельствует о монтаже проволочного каркаса перед пайкой. Лицевая сторона украшена выпукло-вогнутыми бляшками, волоченной проволокой и мелкой зернью. После поломки с лицевой стороны лунницы проббили три дырочки, рваные края на оборотной стороне не запилили, следов износа на них нет, следовательно, лунницу стали использовать не по назначению.

Утрачено ушко, 15 мелких бляшек и четыре крупные. Остальные бляшки раздавлены, часть зерни осыпалась.

Р. С. Минасян

468

Лунница

X–XI вв.
Серебро; ковка, пайка, филигрань
Ширина 6,8, высота 9,4 см, вес 17,1 г
ГЭ, инв. № 1017/16
Публикации: Корзухина. С. 63–64, 85; Рябцева 2005. С. 77, 78. Рис. 8, 4; Жилина 2010. С. 180

Широкорогая лунница. Основа вырезана из пластины, верхний край согнут в трубочку-ушко для подвески украшения. На оборотной стороне припаян каркас из тонкой проволоки, концами которой прижата каемка из двух скрученных вдвое проволочек и круглой проволоки между ними, окаймляющих лунницу на лицевой стороне. Лицевая сторона украшена выпукло-вогнутыми бляшками, волоченной проволокой и мелкой зернью. Несмотря на отсутствие признаков монтажа каркаса на оборотной стороне и разные формы основы лунниц кат. № 467 и кат. № 468, можно заключить, что они сделаны одним человеком. Об этом говорит диаметр маленьких бляшек и толщина проволоки. После того как декор на луннице раздавили, у нее отвалилась большая часть бляшек, остальные разорвались и сплющились, зернь вокруг них осыпалась. Украшение стало непригодным для использования, тогда в рогах проббили по дырочке, рваные края на оборотной стороне не запилили и стали использовать его не по назначению.

Большинство мелких бляшек и пять крупных утрачены, остальные раздавлены и разорваны. Часть зерни, обрамляющей бляшки, осыпалась. Есть трещины. Круглая проволока, окаймляющая лунницы, частично утрачена.

Р. С. Минасян

467

468

Вяч. С. Кулешов

ЭПОХА ИБН ФАДЛАНА
В ПАМЯТНИКАХ НУМИЗМАТИКИ

Путешествие Ибн Фадлана в составе багдадского посольства относится к эпохе расцвета государственности, культуры и экономики в странах Халифата. Обширной сетью сухопутных и морских торговых связей городские центры Ирака IX–X вв. были связаны со всей ойкуменой от Южного Китая и Индии на востоке до Северо-Западной Африки (ал-Магриба) и Испании (ал-Андалус) на западе, от Эфиопии (страна ал-Хабаша) и Восточной Африки (страна аз-Зиндж) на юге до Восточной Европы (страны ал-Хазар, ар-Рус и ас-Сакалиба) и Южной Сибири (страна ат-Турк) на севере. «С Запада на Восток и с Востока на Запад» (Ибн Хордадбех, «Пути и государства», *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*) двигались купцы-одиночки, по магистральным трактам (таким как *Хорасанская дорога*) отправлялись караваны в тысячи верблюдов и сотни сопровождающих, доставлявшие в отдаленные города стран Ислама различные грузы и почту, а в города Ирака – элитные товары со всего мира, рабов, денежные подати и, конечно, информацию о культурах, народах и государствах обитаемых мест, воспоминания и рассказы о путешествиях и диковинках мира. Уже в 1-й половине IX в. система торгово-экономических связей воспринималась как полностью сложившаяся и хорошо функционирующая (ал-Джахиз, «Речь о торговле», *Китаб ат-табассур би-т-тиджара*).

Наблюдения над политической историей стран ислама и типологией монетных выпусков позволяют говорить о четырех базовых периодах в монетном деле стран исламской цивилизации VIII–X вв.: омейядском (697–750), раннеаббасидском (750–833), среднеаббасидском (833–892), позднеаббасидском (892–

945) и бувайхидском (буидском) (945 – рубеж X–XI вв.). Для каждого из них характерен свой эпиграфический канон и особенности монетной стилистики, равно как и географическое распределение выпусков монет из денежных металлов – золота и серебра. Из первого чеканились динары нормативного веса 4,25 г, из второго – дирхамы в 2,97 г. Стопа и высокая проба обеих категорий монет оставались, с рядом мелких оговорок и за исключением частных случаев, практически неизменными на протяжении омейядской и аббасидской эпох. Последнее сыграло ключевую роль в стабилизации финансовой системы Халифата к началу и в первые десятилетия X в. Одно из следствий – беспрепятственный допуск локальных монетных эмиссий независимых и полунезависимых правителей в общегосударственное денежное обращение. В любом уголке Халифата и за его пределами в обращении были представлены монеты всех действующих на тот момент монетных дворов и местных правящих династий.

Халифат Аббасидов был крупнейшим государством своего времени. Процессы его распада, обозначившиеся одновременно с его созданием в середине VIII в. и отмеченные рядом политико-административных эпизодов (отложение Северной Африки при Аглабидах, временное отложение Египта при Тулунидах, ал-Джибала при Дулафидах, Фарса при Саффаридах и Мавераннахра при Саманидах, религиозные движения шиитских проповедников в Прикаспии), на рубеже и в 1-й трети X в. еще не привели к падению власти багдадских халифов. Государство находилось в зените своего могущества, авторитета и экономической силы. Система монетной чеканки и денежного

Дирхам (кат. 518)

Донативный динар
(кат. 483). Деталь

обращения в полной мере отразила эту ситуацию.

Помимо стандартных типов монет, выпускались наградные и памятные монеты – так называемые *донативы* (кат. 469, 476, 483). От регулярных выпусков они отличались монетной легендой, размерами заготовки и особо декоративным стилем исполнения штемпелей (эпиграфика, ободки, мелкие элементы дизайна, изобразительные мотивы).

Ирак и Иран

Монетная чеканка позднеаббасидского периода в центральных областях халифата Аббасидов осуществлялась на почти полусотне монетных дворов от Фарса и ал-Джибала до Сирии и Египта и от Нижней Месопотамии до Закавказья. Важнейшими монетными дворами, работавшими без малейших годовых перерывов, были столичные центры Города мира (*Мадинат ас-Салам*, Багдад) и Самарры (*Сурра ман раа*), а также ал-Басра, ал-Куфа и Васит. Зафиксировано чуть более тысячи типов серебряных монет и несколько сотен типов динаров.

В 892 г. при ал-Мутаид би-ллахе была проведена реформа эпиграфического стиля золотых и серебряных монет. Поскольку про-

изводство монетных штемпелей было централизовано и сосредоточено в одной мастерской, инновация быстро распространилась на широких пространствах Халифата и сформировала характерный облик позднеаббасидских монет (кат. 470–480).

К концу IX в. в монетном обращении примерно в равных пропорциях были представлены первые два периода аббасидской чеканки: высококачественные, типологически разнообразные и информационно насыщенные дирхамы 750–820-х гг. (среди них доминировали выпуски времени ар-Рашида и его сыновей ал-Амина и ал-Мамуна) и сравнительно плохо чеканенные и удивительно однообразные дирхамы 830–880-х гг. (среди них доминировали выпуски ал-Мутаваккила, ал-Мутаazza и ал-Мустаина). В последние годы IX в. и в начале X в. ситуация быстро изменилась: с одной стороны, более ранние, в первую очередь – самые некачественные монеты IX в. стали изыматься из обращения и использоваться как сырье для чеканки новых пореформенных позднеаббасидских монет, а с другой стороны – в Мавераннахре и Тохаристане широко развернулась собственная серебряная монетная чеканка среднеазиатской династии Саманидов. В итоге к эпохе Ибн Фадлана в обращении господствовало серебро Саманидов, аббасидских халифов позднего этапа и остаточные партии монет из обращения IX в.

В 930-х гг. в городах Фарса и ал-Джибала устанавливается и расширяется власть дайламской шиитской династии Бувайхидов (Буидов). Их экспансия в Ирак и подлинно имперские амбиции (правитель Адуд ад-даула требовал от аббасидского халифа ал-Мустакфи провозглашения себя *царем царей*) привели к завоеванию центральных областей Халифата до границ Сирии и Верхней Месопотамии и концу аббасидской государственности в 945 г. С этого времени власть Бувайхидов (Буидов) замещает власть Аббасидов, как бы «принимая» в себя аббасидское наследство. Это касается и монетной продукции: работа всех старых монетных дворов не прекращается, но вместо позднеаббасидских дирхамов денежный рынок начинает быстро насыщаться дирхамами с именами многочисленных бувайхидских правителей, чья серебряная

и золотая чеканка продолжают до первых десятилетий XI в., времени наступления так называемого «серебряного кризиса».

Хорасан и Средняя Азия

В 870-х гг. в Хорасане усилился Йакуб ибн ал-Лайс ас-Саффар, основатель новой династии Саффаридов. Первые его серебряные монеты чеканены в Панджхире, области, богатой серебряными рудниками. Его преемники – Амр ибн ал-Лайс, Мухаммад ибн Амр и Тахир ибн Мухаммад – укрепились в городах богатого Фарса, более четверти века соперничая с аббасидскими халифами и военачальниками, а в 890-х и 900-х гг. – с Саманидами Мавераннахра. Большинство их монетных типов чеканены в Ширазе, Джаннабе, Арраджане и обращались в восточных областях Халифата.

«Саффаридский прецедент» оказал существенное влияние на становление наиболее массовой монетной чеканки за всю историю раннесредневекового исламского мира, в начале X в. полностью изменившей структуру его денежного обращения. Речь идет о монетной продукции государства Саманидов. Являвшиеся при аббасидских губернаторах IX в. наследственными владениями дома Самана, Самарканд, Бухара и Ахсикет к 892 г. объединились под властью Исмаила ибн Ахмада Саманида, добившегося инвеституры от нового аббасидского халифа ал-Мутаид би-ллаха и в течение непродолжительного переходного периода 892–894 гг. развернувшего в Самарканде и аш-Шаше собственную серебряную чеканку. Объемы этой чеканки на протяжении тридцати лет (примерно до начала 2-й четверти X в.) непрерывно возрастали в масштабах, не виданных ранее, особенно после установления в 900-х гг. сюзеренитета над богатыми серебром областями Тохаристана – Балхом, Андарабой и Мадиной (букв. «рудник»), управлявшимися правителями местной династии Баниджуридов и их наместниками.

Наиболее обычные саманидские дирхамы эпохи Ибн Фадлана чеканены от имени Исмаила ибн Ахмада (кат. 484–488), Ахмада ибн Исмаила и Насра ибн Ахмада (кат. 489–496). С последним правителем Ибн Фадлан лично

виделся в Бухаре, когда получал от него разрешение на проезд посольства в Хорезм и далее в страну тюрок-гузов. Продолжалась саманидская чеканка и позднее, при Нухе ибн Насре (том самом, которому анонимный составитель бухарского сборника «Страноведение», содержащего «Книгу» Ибн Фадлана, посвятил свой труд), Абд ал-Малике ибн Нухе, Мансуре ибн Нухе и Нухе ибн Мансуре. При последних правителях саманидское государство начало деградировать, пока не распалось вовсе под натиском центральноазиатских тюрок Караханидов и тюрок Газнавидов; свою роль в этом сыграло и предательство хорасанских тюркских военачальников Симджуридов, до начала 980-х гг. сохранявших верность Саманидам. Все эти процессы нашли яркое отражение в памятниках нумизматики.

Помимо регулярной чеканки Саффаридов, Баниджуридов, Саманидов и поздних Аббасидов в восточных городах и провинциях исламского мира, к обладанию монетной регалией стремились всевозможные военачальники и повстанцы. Известны серебряные монеты Рафи ибн Харсамы из Нисабура, противника Саффаридов Субкари из Шираза, противника Баниджуридов Саида ибн Шуайба из Андарабы, Али ибн Мухаммада Сулука в ал-Мухаммадии, Лайлы ибн Нумана в Нисабуре; последних правителей-временщиков упоминает и Ибн Фадлан в своей книге.

Хазария, государство русов и Волжская Булгария

С началом саманидской серебряной чеканки резко возрастает роль торгового маршрута из Согда и Хорезма на Нижнюю Волгу и оттуда, во-первых, в Среднее и далее в Верхнее Поволжье, во-вторых – на Верхнюю Каму. Этот караванный путь, функционировавший, по-видимому, уже во 2-й половине VI – VII в., в VIII–IX вв. имел определяющее значение для формирования экономических основ восточноевропейских тюркских государств – Хазарского каганата и Волжской Булгарии, а с рубежа X в. – и для обретения Волжской Булгарией экономической и, позднее, политической независимости от Хазарии. В X в.

это средневожское государство стало подлинными «вратами» восточноевропейской торговли исламского мира. Как свидетельствует Ибн Фадлан, каждую весну сюда вниз по Волге (тюрк. *Атил*) приезжали на своих кораблях (*ас-суфун*) группы купцов-русов, которых встречали караваны из Хорезма, – с одним из таких караванов в мае 922 г. и прибыло посольство халифа ал-Муктадира. Русы привозили с собою меха, невольниц, бобровую струю и высококачественные европейские (рейнские) мечи, известные в арабском мире как «франкские» или «русские» (*ас-суйуф ал-фаранджийа* или *ар-русийа*), из Хорезма же на обмен привозили серебро и золото в монетах и драгоценные виды тканей (парчу, шелк и др.).

Самостоятельная монетная чеканка Хазарии IX в. и Волжской Булгарии X в. к настоящему времени неплохо изучена. Первые монеты, связываемые с Хазарией, относятся к началу и 1-й половине IX в.: это подражания табаристанским драхмам и раннеаббасидским эпиграфическим дирхамам. Последние разнообразны по типам, но легко выделяются по специфическим признакам: ошибкам в монетных легендах, тонким признакам эпиграфии, несоответствию среднеаббасидского характера монетных заготовок раннеаббасидскому канону надписей [Быков 1971; 1974; 1980]. Большинство типов объединяется штемпельными связями в несколько цепочек, что позволяет говорить об ограниченном числе центров производства штемпелей (один или два). Самые известные типы этой группы («девицкой серии») несут в надписи выпускные данные «Ард ал-хазар, 223 г. х.» («Земля хазар, 838 г.») (кат. 515). Обозначение Хазарии как «земли» (араб. *ард*) имеет аналогии в ряде памятников арабской историко-географической традиции IX в.

Привлекает большое внимание группа типов (три типа, пять штемпелей) редчайших хазарских монет середины IX в., известных в специальной литературе как «рунические дирхамы» [Кулешов 2009; 2013] (кат. 516). На их штемпелях вырезаны не только подражания арабским легендам, но и оригинальные надписи особым дуктом тюркского рунического алфавита, получившего название «кубанско-

го письма» (И. Л. Кызласов). Эта письменность до сих пор фонетически не идентифицирована, а легенды на монетах не прочитаны.

В последние десятилетия IX в. центр чеканки подражаний хазарского облика, по-видимому, перемещается в восточную часть северокавказского региона, что устанавливается фактом особой близости этой группы подражаний (по монетным заготовкам и характеру эпиграфики штемпелей) монетной продукции провинции Арминийа с центром в городе Барда в Восточном Закавказье. Подражания этой поздней группы («брилевской серии») сохраняют в целом ту же подражательную стратегию, что и более ранняя группа.

Выделение хазарских монет X в. по ряду причин проблематично: несколько очень разных по стилистике и технологии изготовления групп среди восточноевропейских подражаний 1-й половины этого века, не связанных штемпельными связями с достоверно волжско-булгарскими типами и не поддерживающих типичные для хазарских монет IX в. подражательные стратегии, не получили пока однозначной трактовки. Среди них, скорее всего, окажутся и периферийно-хазарские, и периферийно-булгарские и древнейшие русские серии.

Говоря о древнейших типах русских подражаний, которые пока еще только начинают выделяться и изучаться, следует остановиться на представленных на экспозиции монетах с изображением меча (кат. 517) и геральдической фигуры с навершием в виде увенчанной крестом головки сокола (кат. 519). На первой из них, подражающей саманидским дирхамам Насра ибн Ахмада конца 910-х – 920-х гг. и датирующейся в пределах 2-й четверти X в., изображен меч северноевропейского облика, с прямым двуострым клинком, прямым или узким овальным перекрестьем и подтреугольным навершием, разделенным на три сегмента. Этот тип близок типу Petersen B (IX – 1-я половина X в.). Особенности передачи легенды имеют признаки, сближающие это подражание с более поздним «христианским» (по Г. Рисплингу) подражанием типа Rispling FM/BC II, которое датируется 950-ми гг. и относится ко времени миссии княгини Ольги [Кулешов 2015].

«Русские подражания» куфическим дирхамам, хронологически предшествующие древнейшим русским монетам византийского стиля (злату и серебру Владимира Святославича и серебру Святополка-Петра Ярополчиича), выделяются пока что по единичным признакам – особенностям изобразительности и геральдического ряда. Изучение их на базе штемпельного анализа и стилистического – дело будущего.

Обратимся, наконец, к монетам Волжской Булгарии. Они выделены уже давно (в 1820-х гг. Х. Д. Френом), но только в XX в. и в наши дни, после работ Р. Р. Фасмера [Фасмер 1926], С. А. Яниной и особенно Г. Рисплинга [Rispling 1990], их типология и эмиссионная история обрела наконец вид, близкий к завершённому.

Монетные серии правителей Волжской Булгарии делятся на две большие группы: именные монеты и подражания с именами саманидских правителей. Их штемпеля изготавливались одними и теми же мастерами, а чеканка велась по крайней мере в двух центрах, указанных на монетах, то есть в Булгаре и Суваре. Известны надежно атрибутированные именные монеты следующих семи правителей: Алмыша (на монетах: *ал-амир йалтавар*, т. е. тот же самый титул, каким его, по словам Ибн Фадлана, величали в хутбе в год принятия ислама), Микаила ибн Джафара, Абдаллаха ибн Микаила (все чеканены в Булгаре), Талиба ибн Ахмада, Мумина ибн Ахмада (обе группы – в Суваре), Му'мина ибн ал-Хасана и Абд ар-Рахмана ибн Мумина (обе группы – в Булгаре). По некоторым монетным типам известны тамги Абдаллаха ибн Микаила, Мумина ибн Ахмада и его отца (не представленного именными монетами Ахмада), Мумина ибн ал-Хасана и, возможно, Абд ар-Рахмана ибн Мумина (уникальная монета, на которой имеется тамгообразный знак плохой сохранности). Таким образом, только по именам эмитентов устанавливается существование в Волжской Булгарии двух-трех правящих династий, представленных несколькими поколениями: булгарской династии Алмыша-Джафара (ал-амир йалтавар Джафар – Микаил – Абдаллах) 920–950-х гг., суварской династии Ахмада (братья Талиб и Мумин) 950–970-х гг. и булгарской династии ал-Хасана (Мумин – Абд ар-Рахман)

970–990-х гг. Булгарский правитель ал-Хасан мог относиться к линии Алмыша, но мог и не принадлежать к ней: никаких данных на сей счет нет. Что касается суварской династии, то, скорее всего, она была независима от обеих булгарских (или единственной булгарской). На последнее может указывать и совпадение собственных имен двух Муминов – суварского и булгарского (по монетам они полностью синхронны).

На выставке представлены монеты Алмыша (кат. 499, 500, 501), Микаила (кат. 502–506), Абдаллаха (кат. 507–509), Талиба (кат. 510, 511) и Мумина ибн ал-Хасана (кат. 513, 514) из собрания Эрмитажа.

Дирхам (кат. 514) Деталь

469

470

471

472

473

Халифат (Ирак и Иран)

469

Донативный дирхам

Аббасиды, без указания места чеканки, 275 г. х. (888)
Серебро; чеканка
Диаметр 1,9 см, вес 2,68 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-4868
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись, по кругу надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». За линейным ободком широкое внешнее поле, окруженное линейным ободком, маркирующим край штемпеля.

О. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «ан-Насир ли-дини-ллах» (лакаб сопровителя халифа ал-Мутамид ала-ллаха ал-Муваффака би-ллаха), по кругу надпись: «Во имя Аллаха чеканена [эта монета] года двести семьдесят пятого». За линейным ободком широкое внешнее поле, окруженное линейным ободком, маркирующим край штемпеля.

Донативные монеты выпускались по случаю награждений, памятных событий и придворных церемоний и являются редкими, хотя в небольших количествах находятся в монетных кладах. Несмотря на то, что происхождение этого экземпляра в точности неизвестно, наличие широкого отверстия для ушка или колечка говорит о вторичном использовании этого донатива как подвески или кулона.

Вяч. С. Кулешов

470

Динар

Аббасиды, ал-Муктафи би-ллах, ал-Басра, 289 г. х. (901/902)
Золото; чеканка
Диаметр 2,5 см, вес 4,39 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-483
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в ал-Басре года двести семьдесят девятого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха,

ал-Муктафи би-ллах». За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». В центре поля точка в полукружке.

Динар представляет чекан одного из городов Ирака – Басры.

Вяч. С. Кулешов

471

Динар

Аббасиды, ал-Муктафи би-ллах, с именем Вали ад-Даула, Хамадан, 291 г. х. (903/904)
Золото; чеканка
Диаметр 2,2 см, вес 4,38 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-495
Публикуется впервые

Л. с.: в поле четырехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Вали ад-Даула». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Хамадане года двести девяносто первого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктафи би-ллах». За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». В центре поля точка.

Динар представляет чекан одного из городов провинции Джибал (на территории исторического Ирана) – Хамадана.

Вяч. С. Кулешов

472

Динар

Аббасиды, ал-Муктафи би-ллах, Васит, 292 г. х. (904/905)
Золото; чеканка
Диаметр 2,3 см, вес 3,89 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-496
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Васите года двести

девяносто второго». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктафи би-ллах». За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». В центре поля точка в полукружке.

Динар представляет чекан одного из городов Ирака – Васита.

Вяч. С. Кулешов

473

Динар

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах, с именем Абу-л-Аббас сын повелителя верующих, Мадина ас-Салам, 297 г. х. (909/910)
Золото; чеканка
Диаметр 2,4 см, вес 4,19 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-518
Публикуется впервые

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Городе мира года двести девяносто седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах». За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». В центре поля точка, под нижней строчкой жирная точка.

Динар представляет чекан столицы Халифата и главного города Ирака – Багдада («Города мира»).

Вяч. С. Кулешов

474

475

476

477

478

474

Динар

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах,
с именем Абу-л-Аббас сын повелителя верующих,
Мадинат ас-Салам, 307 г. х. (919/920)

Золото; чеканка

Диаметр 2,2 см, вес 4,12 г

ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-519

Публикуется впервые

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Городе мира года триста седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах». За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». В центре поля точка, под нижней строчкой буква *pa* (или *za*).

Вяч. С. Кулешов

475

Дирхам

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах,
Мадинат ас-Салам, 306 г. х. (918/919)

Серебро; чеканка

Диаметр 2,6 см, вес 2,79 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-2565

Публикуется впервые

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Мадинат ас-Саламе года триста шестого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах». За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством

и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

476

Донативный дирхам

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах,
Мадинат ас-Салам, 306 г. х. (918/919)

Серебро; чеканка

Диаметр 2,7 см, вес 2,75 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-2566

Публикуется впервые

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Мадинат ас-Саламе года триста шестого». Внешняя круговая надпись, окруженная линейным ободком и широким полем: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах», под ней минтмарка в виде буквы *джим* (?), повернутой на четверть оборота по часовой стрелке. За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная линейным ободком и широким полем: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Донативный характер этого монетного типа следует из оформления штампея и заготовки: широкое внешнее поле типично именно для донативов.

Вяч. С. Кулешов

477

Дирхам

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах,
Мадинат ас-Салам, 307 г. х. (919/920)

Серебро; чеканка

Диаметр 2,7 см, вес 2,32 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-2567

Публикуется впервые.

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих».

Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Мадинат ас-Саламе года триста седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах», под ней минтмарка в виде буквы *ха* в изолированном начертании. В центре поля точка. За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

478

Дирхам

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах,
Мадинат ас-Салам, 307 г. х. (919/920)

Серебро; чеканка

Диаметр 2,4 см, вес 3,76 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-2568

Публикуется впервые

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих». В верхней части поля минтмарка в виде полумесяца, в нижней части поля минтмарка в виде точки. Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Мадинат ас-Саламе года триста седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах», под ней минтмарка в виде буквы *pa*. В центре поля точка. За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». Следы глубоких трещин на поверхности штампея.

Вяч. С. Кулешов

479

480

481

482

483

479

Дирхам

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах,
Мадинат ас-Салам, 308 г. х. (920/921)

Серебро; чеканка
Диаметр 2,6 см, вес 3,93 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-2571
Публикуется впервые

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Мадинат ас-Саламе года триста восьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах», под ней минтмарка в виде точки. В центре поля точка. За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

480

Дирхам

Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах,
Мадинат ас-Салам, 308 г. х. (920/921)

Серебро; чеканка
Диаметр 2,7 см, вес 3,65 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-2572
Публикуется впервые

Л. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища. Абу-л-Аббас, сын повелителя верующих». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Мадинат ас-Саламе года триста восьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах», под ней минтмарка в виде буквы ха в изолированном начертании. В центре поля точка. За двойным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

Средняя Азия, Саманиды

481

Динар

Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Самарканд,
288 г. х. (900/901)

Золото; чеканка
Диаметр 2,4 см, вес 4,09 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-735
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Самарканде года двести восемьдесят восьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Мутаид би-ллах, Исмаил ибн Ахмад». За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

482

Динар

Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд,
301 г. х. (913/914)

Золото; чеканка
Диаметр 2,2 см, вес 4,21 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-736
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Самарканде года триста первого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За двойным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

483

Донативный динар

Саманиды, Наср ибн Ахмад, Нисабур,
304 г. х. (916/917)

Золото; чеканка
Диаметр 2,6 см, вес 4,57 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Аз-753
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища», ниже надписи буква син. За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Нисабуре года триста четвертого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха». За линейным ободком широкое внешнее поле, окруженное линейным ободком, маркирующим край штемпеля.

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». Имя правителя выполнено почерком насх. За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». За линейным ободком широкое внешнее поле, окруженное линейным ободком, маркирующим край штемпеля.

Вяч. С. Кулешов

484

485

486

487

488

484

Дирхам

Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Самарканд, 280 г. х. (893/894)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 3,60 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-3218
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Самарканде года двести восьмидесятого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Мутаид би-ллах, Исмаил ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Независимая массовая серебряная чеканка правителей династии Саманидов началась в 279–281 гг. х. (892–895) при Исмаиле ибн Ахмаде на монетных дворах аш-Шаша и Самарканда и проходила в два этапа: монеты более ранней группы, переходной (279–280 гг. х. в Самарканде и 279–281 гг. х. в аш-Шаше), еще не несут на себе имени Исмаила и чеканены, по-видимому, штемпелями, изготовленными в столице; на монетах более поздней группы (280–281 гг. х. в Самарканде и 281 г. х. в аш-Шаше) его имя уже ставится, фиксируется использование штемпелей местного изготовления. Окончание переходного периода и начало полностью независимой серебряной чеканки с использованием местных штемпелей приходится на 282 г. х. (895).

Вяч. С. Кулешов

485

Дирхам

Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 282 г. х. (895)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,7 см, вес 2,43 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-3333
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сото-

варища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в аш-Шаше года двести восемьдесят второго». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле шестистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Мутаид би-ллах, Исмаил». За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

486

Дирхам

Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Мерв, 287 г. х. (900)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,9 см, вес 2,83 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-3690
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Мерве года двести восемьдесят седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Мутаид би-ллах, Исмаил ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная двойным линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Чеканка дирхамов в Саманидском Мерве велась весьма нерегулярно. Тип монет 287 г. х. – самый ранний.

Вяч. С. Кулешов

487

Дирхам

Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Бухара, 294 г. х. (906/907 г.)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,95 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-3169
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Бухаре года двести девяносто четвертого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Мутаид би-ллах, Исмаил ибн Ахмад». За линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Дирхамы Бухары конца IX – 1-й половины X в. выпускались лишь несколько раз и очень редки. К тому моменту, когда в Бухару прибыло посольство Ибн Фадлана (зима 922 г.), в серебряном обращении можно было в виде исключения встретить один единственный тип дирхамов Бухары 294 г. х.

Вяч. С. Кулешов

488

Дирхам

Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Бухара, 294 г. х. (906/907 г.)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,82 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-3170
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Бухаре года двести девяносто четвертого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктафи би-ллах, Исмаил ибн Ахмад». За двойным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

До 332 г. х. (944) массовая чеканка дирхамов в Бухаре не велась, известны лишь монеты

489

490

491

492

разовых выпусков, которые могут правдоподобно интерпретироваться как донативные или памятные. При этом тип монет Бухары 294 г. х. по формальным признакам полностью стандартен, хотя и редок.

Вяч. С. Кулешов

489

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд,
307 г. х. (919/920)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,93 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-4683
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему со-товарища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Самарканде года триста седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

490

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд,
307 г. х. (919/920)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,71 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-4684
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему со-товарища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Самарканде года триста седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная одинарным линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

491

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд,
308 г. х. (920/921)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,47 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-4699
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему со-товарища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Самарканде года триста восьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная одинарным линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

492

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд,
308 г. х. (920/921)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,95 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-4700
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему со-товарища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Самарканде года триста восьмого».

Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная одинарным линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

493

494

495

496

493

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш,
307 г. х. (919/920)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 3,19 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-5136
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в аш-Шаше года триста седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная одинарным линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

494

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш,
307 г. х. (919/920)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,6 см, вес 2,68 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-5137
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в аш-Шаше года триста седьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная одинарным линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

495

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 308 г. х. (920/921)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,7 см, вес 3,26 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-5140
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в аш-Шаше года триста восьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная одинарным линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

496

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 308 г. х. (920/921)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,81 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-5141
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в аш-Шаше года триста восьмого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За двойным линейным ободком, в который попеременно вписаны одиночные и строенные колечки, круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

497

498

Монеты гузов

В тексте «Книги» Ибн Фадлана содержится несколько упоминаний о наличии у гузов денег в виде дирхамов и динаров, но из этих замечаний невозможно понять статус монет: были ли они средством обращения, платежа, или выступали в виде формы хранения драгоценных металлов? Гузские купцы, приехавшие в Джурджанийу (Хорезм), несомненно, пользовались денежными знаками на рынке, но о торговле за деньги в кочевых стойбищах нам ничего не известно. Эта неопределенность происходит не только из-за отсутствия ясных указаний в письменных источниках, но и из-за исключительной редкости находок монет IX–X вв. в местах расселения гузских племен.

Сказанное выше относится только к части гузов, кочевавшей в степи между Каспийским морем (с юга) и р. Волгой (с запада) и Урал-Джайх (с севера). Но были и гузы, жившие в городах, ведшие оседлое хозяйство и пользовавшиеся деньгами. Прежде всего к этой категории относится население городов, располагавшихся в бассейне нижнего течения р. Сырдарья. Именно на их городищах были найдены монеты гузов.

Самостоятельный чекан гузов Сырдарьи стал известен совсем недавно. К настоящему времени выделены две группы таких монет, включающие несколько разновидностей. На выставке представлено две монеты двух группы (кат. 497, 498). Поскольку их типы копируют хорезмские серебряные монеты, традиционно называемые «драхмами», то и на гузское серебро исследователи распространили это же наименование. Итак, монеты этой категории получили название «арабо-гузские драхмы», хотя всё же правильнее называть их дирхамами.

Несмотря на отсутствие дат эмиссий, время выпуска таких драхм (дирхамов) устанавливается довольно точно. Абдаллах, эмир из династии Тахиридов, правил в Нишапуре в 828–845 гг. Посланный им военный отряд совершил поход на север, в земли гузов, после чего у последних и началась чеканка драхм с традиционным оформлением хорезмских монет, но с новыми легендами, включавшими имя Абдаллаха ибн Тахира и местного гузского царя Джабуи.

Про царей гузов IX в. в рукописных источниках нет достоверной информации. Но нумизматические источники представляют нам трех *йабгу*: на одном из типов к имени *Джабуи* подписано «Арслан» – вероятно имя его отца; на другом типе перед ним написано «Бал» или «Йал», кото-

рый был его сыном. Время правления последнего пришлось на уменьшение влияния Тахиридов на государство гузов и становление в Средней Азии династии Саманидов. Титул «клиент повелителя верующих» на драхмах Джабуи свидетельствует о принятии им ислама. Но отсутствие имени аббасидского халифа, вероятно, является следствием политики Тахиридов, находившихся в конфронтации с багдадским двором. Название города, где чеканились гузские драхмы, известно по еще одному монетному типу, где указан он как «чекан X. р.ва». Отсутствие гласных и огласовок в названии не позволяет точно установить, как он назывался, но из других источников известен город Хувара или Джувара, находившийся в том же регионе, откуда происходят изучаемые монеты.

К рубежу IX–X вв. Хувара утратила свое значение и административный центр гузов был перенесен в «Новый город» – Янгикент, хорошо известный по письменным источникам. Во время археологических исследований городища Джанкент были найдены монеты не только хорезмских типов, но и фельсы Саманидов их наместников в Хорезме. О чеканке гузов в эпоху путешествия Ибн Фадлана у нас нет никаких данных: по-видимому, в денежном обращении находились дирхамы и фельсы Бухары, Самарканда, Хорезма и других саманидских городов.

Е. Ю. Гончаров

497

Дирхам (Драхма)

Гузы Сырдарьи, с именами Абдаллаха ибн Тахира и Джабуи. Подражание хорезмийским драхмам типа Г.VI (по Б. И. Вайнберг).

2-я четверть IX в.

Серебро; чеканка

Диаметр 2,4 см, вес 1,6 г

Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-426

Публикация: Настич, Гончаров 2013. С. 83–84. Тип I.3

Л. с. Профильный портрет царя вправо, в короне типа К. VII со спускающимся назатыльником, сверху орнамент в виде стилизованных волн, нижний край убора украшен двумя рядами крупных бусин; в лобной части помещен полумесяц; корона подвязана лентой под подбородком, ленты другой перевязи развешиваются за затылком. Ниже профиля виден верхний край одежды, отороченный рядами нашитых крупных бусин и квадратной застежкой. Перед лицом, справа однострочная арабская надпись шрифтом *куфи*: «Абдаллах ибн Тахир».

О. с. Конный портрет царя право, в такой же короне, как и на лицевой стороне. Царь одет он в длинный тюркский кафтан с двумя лацканами, на руках манжеты или браслеты. На боку всадника украшенный колчан со стрелами, в левой руке он держит жезл (?), украшенный лентами, правой рукой он натягивает повод. Лошадь изображена идущей, переднее левое копыто поднято, грива короткая, подстриженная. Края попоны украшены кружками, такими же, как подхвостный и нагрудный ремни коня (вероятно, эти кружки передают решмы и бубенцы). Вся композиция передана невысоким мягким рельефом. По кругу монетного поля крупными буквами надпись хорезмийским алфавитом: MR'Y MLK'. Над крупом коня арабская надпись, в которой уверенно читается только второе слово: «[...] *Джабуи*».

Е. Ю. Гончаров

498

Дирхам (Драхма)

Гузы Сырдарьи, с именами Джабуи и Абдаллаха ибн Тахира. Подражание хорезмийским драхмам типа Г.VI (по Б. И. Вайнберг)

2-я четверть IX в.

Серебро; чеканка

Диаметр 2,4 см, вес 1,1 г

Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-427

Публикация: Настич, Гончаров 2013. С. 84–85. Тип II.4

Л. с. Оформление подобно л. с. предыдущей монеты (кат. 497), мелкие отличия в деталях. Перед лицом, справа двустрочная арабская надпись шрифтом *куфи*: «Джабуи, царь гузов, клин повелителя верующих».

О. с. Оформление подобно о. с. предыдущей монеты (кат. 498), мелкие отличия в деталях, изображение более схематичное, плоское. Над крупом коня двустрочная арабская надпись: «Абдаллах ибн Тахир».

Е. Ю. Гончаров

Волжская Булгария

499

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, ал-амир йалтавар (Алмыш-Джафар), без указания места чеканки и года
Серебро; чеканка
Диаметр 2,6 см, вес 2,26 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-3656
Публикуется впервые

Л. с.: в поле подражание трехстрочной арабской надписи «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись грубо подражает таковой стандартного саманидского дирхама: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в... в году...», но выпускные данные не читаются. Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле подражание пятистрочной арабской надписи: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, ал-Амир йалтавар». За двойным линейным ободком с четырьмя колечками круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Монеты амира йалтавара (Алмыша-Джафара) относятся к штемпельной цепочке Rispling K101 и являются древнейшими именными монетами правителей Волжской Булгарии. Этот тип датируется 920-ми гг. и совпадает по времени с посольством Ибн Фадлана, зафиксировавшего титул Алмыша, читавшийся в пятничной молитве в той же форме «ал-амир йалтавар» (правитель эльтебер), что и на монетах этого типа.

Вяч. С. Кулешов

500

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, ал-амир йалтавар (Алмыш-Джафар), без указания места чеканки и года
Серебро; чеканка
Диаметр 2,9 см, вес 3,08 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-31937
Публикуется впервые

Л. с.: в поле подражание трехстрочной арабской надписи «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему

сотоварища». За линейным ободком круговая надпись, подражающая таковой стандартного саманидского дирхама: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в аш-Шаше в году [триста] восьмом». Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, ал-Амир йалтавар». За одинарным линейным ободком круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

501

Дирхам

Волжская Булгария, время Алмыша-Джафара и Микаила ибн Джафара, Булгар, 301 г. х. (913/914)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,65 см, вес 2,43 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-2956
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Булгаре года триста первого». Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле подражание пятистрочной арабской надписи стандартного саманидского дирхама Насра ибн Ахмада: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад». За линейным ободком круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Этот широко распространенный тип волжско-булгарских подражаний саманидским дирхамам относится к цепочке штемпелей Rispling K101, в которую входят именные монеты амира йалтавара (Алмыша-Джафара) и Микаила ибн Джафара. Дата этого монетного типа – 920–930-е гг.

Вяч. С. Кулешов

502

Дирхам

Правители Волжской Булгарии. Микаил ибн Джафар, «аш-Шаш», конец 930-х и 940-е гг.
Серебро; чеканка
Диаметр 3,2 см, вес 3,50 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-2951
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись подражает надписи стандартных саманидских дирхамов: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в аш-Шаше года триста восьмого». Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Микаил». За двойным линейным ободком круговая надпись подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Монеты Микаила, сына эльтебера Булгарии Алмыша, принявшего, согласно тексту «Книги» Ибн Фадлана, мусульманское имя Джафар, известны вкладах Скандинавии и Восточной Европы, сокрытых начиная с конца 930-х и 940-х гг., на чем и основана их датировка. Большинство именных типов монет Микаила являются подражаниями саманидских дирхамам и несут на себе названия саманидских монетных дворов – Самарканда, аш-Шаша и Нисабурра – и замороженную дату «308 г. х.».

Вяч. С. Кулешов

503

504

505

506

507

503

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Микаил ибн Джафар, конец 930-х – 940-е гг.

Серебро; чеканка

Диаметр 3,2 см, вес 3,44 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-31954

Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись, подражающая таковой стандартного саманидского дирхама: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в [...]». Участок надписи с названием монетного двора сочетает в себе элементы чтений «Самарканд» и «Булгар». Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Микаил». За двойным линейным ободком круговая надпись, окруженная толстым линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

504

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Микаил ибн Джафар, конец 930-х – 940-е гг.

Серебро; чеканка

Диаметр 3,1 см, вес 3,40 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-31962

Публикуется впервые

Обе стороны выполнены как оборотные.

О. с. 1: в поле трехстрочная надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха», ниже подражание минтмарке в виде буквы *ха* в конечном начертании. За одинарным линейным ободком круговая надпись, окруженная таким же линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам» (?).

О. с. 2: в поле пятистрочная надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Микаил ибн Джафар». За одинарным линейным ободком круговая надпись, окру-

женная таким же линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

505

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Микаил ибн Джафар, конец 930-х – 940-е гг.

Серебро; чеканка, остатки спиленного рифленого ушка с заклепкой

Диаметр 2,9 см, вес 3,34 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-31943

Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись, подражающая таковой стандартного саманидского дирхама: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Самарканде года триста шестого». Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Мика[и]л ибн Джафар». За одинарным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

506

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Микаил ибн Джафар, конец 930-х – 940-е гг.

Серебро; чеканка

Диаметр 2,9 см, вес 3,32 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-31946

Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись, подражающая таковой стандартного саманидского дирхама: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Самарканде года [триста] восьмого». Внешняя круговая надпись, подражающая над-

писи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Микаил». За двойным линейным ободком круговая надпись, окруженная толстым линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

507

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Абдаллах ибн Микаил, Булгар (?), 940-е гг.

Серебро; чеканка, два сквозных отверстия у края

Диаметр 2,7 см, вес 2,43 г

ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-6163

Публикуется впервые

Л. с.: в поле грубо исполненная трехстрочная арабская надпись «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Грубо исполненная внутренняя круговая надпись с плохо читаемым местом чеканки и искаженным годом: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в [Булгаре (?)] года [...]». Сильно потертая грубо исполненная внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадуются верующие помощи Аллаха» (?).

О. с.: в поле грубо исполненная четырехстрочная арабская надпись: « [Хвала] Аллаху. Мухаммад, Абдаллах ибн [Микаил]». За одинарным линейным ободком сильно потертая грубо исполненная внешняя круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам» (?).

Имя «Микаил» в легенде выполнено настолько грубо, что в специальной литературе получило распространение чтение «Тегин», а сам тип приписывается «Абдаллаху ибн Тегину». Этому, однако, противоречит наличие второго зубца (в норме имя «Тегин» должно записываться четырьмя буквами и начинаться не двумя зубцами, а одним) и общая грубость исполнения надписей, склоняющих к чтению «Микаил» как более предпочтительному.

Вяч. С. Кулешов

508

509

510

511

508

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Абдаллах ибн Микаил, Булгар (?), 940-е гг.

Серебро; чеканка, сквозное отверстие у края
Диаметр 2,9 см, вес 2,87 г

ГЭ, инв. № ОН-В-Азмуз-6166

Публикуется впервые

Л. с.: в поле грубо исполненная трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Грубо исполненная внутренняя круговая надпись с плохо читаемым местом чеканки и искаженным годом: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в [Суваре (?)] года [...]». Сильно потертая грубо исполненная внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха» (?).

О. с.: в поле грубо исполненная четырехстрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад Абдаллах ибн [Микаил]». За одинарным линейным ободком сильно потертая грубо исполненная внешняя круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам» (?).

Та же пара штемпелей, что и кат. 507.

Вяч. С. Кулешов

509

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Абдаллах ибн Микаил, 940-е гг.

Серебро; чеканка, два сквозных отверстия у края
Диаметр 2,9 см, вес 3,28 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-13331

Публикуется впервые

Л. с.: в поле грубо исполненная трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Грубо исполненная внутренняя круговая надпись с подражательным местом чеканки и искаженным годом: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в аш-Шаше года [...]». Сильно потертая грубо исполненная внешняя круговая надпись уверенно не читается.

О. с.: в поле грубо исполненная четырехстрочная арабская надпись (первая и четвертая строки вырезаны в зеркальном отражении): «[Хвала] Аллаху. Мухаммад, Абд-ибн-аллах Микаил» (элемент «ибн» вставлен внутрь имени «Абдаллах»). Ниже тамга в виде крестовидного трезубца.

За одинарным линейным ободком грубо исполненная внешняя круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой».

Это единственный известный тип именных монет Абдаллаха ибн Микаила с его личной тамгой (?).

Вяч. С. Кулешов

511

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Талиб ибн Ахмад, Сувар, 335 г. х. (946/947)

Серебро; чеканка, приклепано рифленое ушко
Длина с ушком 3,8 см, диаметр 3,1 см, вес 3,91 г

ГЭ, инв. № ОН-В-М-31968

Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». За линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Суваре года триста тридцать пятого». Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Мустакфи би-ллах, Талиб ибн Ахмад». За линейным ободком круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

510

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Талиб ибн Ахмад, Сувар, 335 г. х. (946/947)

Серебро; чеканка, приклепанное ушко
Диаметр (с ушком) 3,9 см, вес 4,26 г

ГЭ, инв. № ОН-В-Азмуз-2952

Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Суваре года триста тридцать восьмого». Внешняя круговая надпись, подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктафи би-ллах, Талиб ибн Ахмад». За линейным ободком круговая надпись подражающая надписи стандартных саманидских дирхамов: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Правитель Суvara Талиб ибн Ахмад известен только по монетам. Его родственные отношения с представителями булгарской правящей династии не могут быть установлены. Не исключено, что он принадлежал к аристократической верхушке суварского племени. Монета побывала во вторичном использовании на территории Восточной Европы (среди русов или народов Прибалтики): наличие ушка говорит о том, что она была подвеской в составе ожерелья.

Вяч. С. Кулешов

512

513

514

515

512

**Нижний штемпель (матрица)
для чеканки брактеатов (односторонних
монет) – подражаний саманидским дир-
хамам Мансура ибн Нуха (956–976)**

Волжская Булгария, 2-я половина X в.
Латунь; литье, чеканка, гравировка
Диаметр 3,6 см
ГЭ, инв. № ОН-В-КК-8646
Публикуется впервые

Л. с.: негативно вырезаны арабские надписи, грубо подражающие строкам, наносимым в поле и по кругу на о. с. стандартных саманидских дирхамов с именем Мансура ибн Нуха.

О. с.: технологическая поверхность со следами сработанности.

Находки штемпелей куфических монет эпохи раннего средневековья исключительно редки и привлекают большой интерес как источник для изучения технологии производства монет исламского мира.

Вяч. С. Кулешов

513

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Мумин ибн ал-Хасан, Булгар, конец 970-х – 980-е гг.
Серебро; чеканка
Диаметр 3,2 см, вес 3,42 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-8128
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища», над ней – тамга в виде трезубца с ромбическим средним зубцом. Внутренняя круговая надпись с искаженным годом: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Булгаре года [...]». Сильно потертая внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ат-Таи ли-ллах, Мумин ибн ал-Хасан». За двойным линейным ободком внешняя круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Образец одного из типов именных монет Мумина ибн ал-Хасана. Все они чеканены в Булгаре и несут на себе его личную тамгу.

Вяч. С. Кулешов

514

Дирхам

Правители Волжской Булгарии, Мумин ибн ал-Хасан, Булгар, конец 970-х – 980-е гг.
Серебро; чеканка
Диаметр 3,2 см, вес 3,42 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-31974
Публикуется впервые

Л. с.: в поле трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища», над ней тамга в виде трезубца с ромбическим средним зубцом. За еле намеченным линейным ободком внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам [в] Булгаре года [триста шестьдесят] шестого (?)». Сильно внешняя круговая надпись, окруженная линейным ободком: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха».

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ат-Таи ли-ллах, Мумин ибн ал-Хасан». За одинарным линейным ободком внешняя круговая надпись, окруженная линейным ободком: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Вяч. С. Кулешов

Хазария

515

Дирхам

Подражание Аббасидам, Хазарский каганат, Ард ал-хазар («Земля хазар»), 223 г. х. (838)
Серебро; чеканка
Диаметр 2,6 см, вес 3,39 г
ГЭ, инв. № ОН-В-М-2082
Публикуется впервые

Л. с.: трехстрочная надпись в поле: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». По кругу надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот дирхам в Земле хазар года двести двадцать третьего». За надписью двойной линейный ободок, в котором помещены три пары сдвоенных колечек и три одинарных колечка.

О. с.: пятистрочная арабская надпись, подражающая таковой на стандартных дирхамах Закавказья (провинция Арминия) времени халифа ар-Рашида с именем наместника: «Хузайма... / Мухаммад посланник / Аллаха. Из того, что повелел [отчеканить] халиф / Харун, повелитель верующих /... ибн Хазим». По кругу за точечным ободком надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Дирхамы Ард ал-хазар (несколько типов, отличающихся парами штемпелей) известны уже давно, но лишь в 1930-е гг. Р. Р. Фасмер установил чтение монетного двора, ставшее с тех пор общепринятым: «Земля хазар». Эти монеты редки, но неплохо представлены в восточноевропейском денежном обращении IX в. Дата их выпуска лежит в пределах 840–850-х гг.

Вяч. С. Кулешов

516

517

518

519

516

Дирхам

Подражание Аббасидам, Хазарский каганат, IX в.
Серебро; чеканка

Диаметр 2,6 см, вес 2,07 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-3763

Публикации: Кулешов 2009; Кулешов 2013

Л. с.: в поле в линейном ободке трехстрочная надпись, первая строка которой выполнена кубанскими тюркскими рунами, а вторая и третья арабским письмом (подражание части символа веры: «[Аллах] един, нет Ему сотоварища». По кругу надпись кубанскими рунами, начинающаяся тамгой в виде сердцевидного трезубца.

О. с.: в поле в точечном ободке четырехстрочная надпись кубанскими рунами. По кругу надпись кубанскими рунами.

Так называемые «рунические дирхамы» Хазарии исключительно редки (в мире известно немногим более десятка экземпляров) и представляют что-то наподобие памятного (или статусного) выпуска.

Дата определяется по прототипу подражания (раннеаббасидские дирхамы) и территориальным аналогиям в чеканке Закавказья (Абхазского царства) около середины или 2-й половины IX в.

Вяч. С. Кулешов

Русь Рюриковичей

517

Дирхам

Подражание Саманидам, Исмаилу ибн Ахмаду (892–908), Русь Рюриковичей, 1-я четверть X в. (?)

Серебро; чеканка
Диаметр 2,8 см, вес 2,58 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-15317

Публикуется впервые

Л. с.: в поле зеркально выполненное подражание трехстрочной арабской надписи «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища», над ним изображение меча с прямым клинком, прямым перекрестьем и грибовидным навершием, близким к североевропейской форме типа Petersen H (IX–X вв.). По кругу две подражательные арабографические легенды.

О. с.: в поле зеркально выполненное подражание четырехстрочной арабской надписи «Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Исмаил ибн Ахмад».

Монета относится к группе так называемых «восточноевропейских подражаний» саманидским дирхамам. По стилистическим признакам штемпелей и наличию изображения русского меча она относится к кругу русских подражаний. Меч следует трактовать как геральдический символ. К сожалению, происхождение этого уникального экземпляра неизвестно: ясно только, что он извлечен из какого-то восточноевропейского клада X в.

Вяч. С. Кулешов

518

Дирхам

Саманиды, Наср ибн Ахмад, Андараба, 301 г. х. (913/914)

Серебро; чеканка, граффити
Диаметр 2,9 см, вес 2,83 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-2193

Публикации: Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991.
Рис. 23, 32. Кат. № 149

Л. с.: в поле четырехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища, ал-Муктадир би-ллах», ниже надписи буква *джим*. Внутренняя круговая надпись: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в Андарабе года триста первого». Внешняя круговая надпись: «Аллаху принадлежит власть и до и после, и настанет день, когда возрадутся верующие помощи Аллаха». Граффито в виде протомы мирового змея, выше которого нанесено граффито в виде наконечника копья.

О. с.: в поле пятистрочная арабская надпись: «[Хвала] Аллаху. Мухаммад посланник Аллаха, ал-Муктадир би-ллах, Наср ибн Ахмад», ниже буква *син*. За двойным линейным ободком круговая надпись: «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам». Граффито в виде двузубца Рюриковичей (Игоря и Святослава).

Монета представляет исключительный интерес как памятник восточноевропейского денежного обращения и древнейшей русской геральдики. Помещение геральдических символов на две стороны металлического предмета станет принципом, в соответствии с которым с конца X в. изготавливались так называемые геральдические подвески Рюриковичей. Датировка разновременных граффити на сторонах этой монеты предположительно укладывается во 2-ю и 3-ю четверти X в.

Вяч. С. Кулешов

519

Дирхам (ногата)

Подражание Саманидам, Русь Рюриковичей, середина X в.

Серебро; чеканка
Диаметр 3,1 см, вес 3,51 г
ГЭ, инв. № ОН-В-Азмус-5175

Публикации: Кулешов 2015

Л. с.: в поле подражание трехстрочной арабской надписи «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет Ему сотоварища». По кругу две подражательные арабографические легенды, во внутренней из которых читается прототип выпускных данных «в Самарканде года двести девяностого».

О. с.: в поле геральдический знак в виде фигуры с соколиной головкой, увенчанной равноконечным крестом. За двойным линейным ободком подражание арабской надписи стандартного саманидского дирхама «Мухаммад посланник Аллаха, которого тот послал с руководством и истинной верой, как бы ни было это ненавистно многобожникам».

Монета относится к группе так называемых «христианских подражаний» куфическим дирхамам, к той ее подгруппе, которая получила название «монет с птицами». Новейшие наблюдения над датировкой и культурной принадлежностью геральдической фигуры, имеющей аналогии в изобразительном фонде древнерусских геральдических подвесок, позволяет связать выпуск дирхамов с соколиными головками с деятельностью княгини Ольги и датировать их концом 940-х и 950-ми гг.

Монета вторично использовалась как пуговица.

Вяч. С. Кулешов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРТ	Археологические работы в Таджикистане.
АС	Археологический съезд.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ДВДС	Древности Волго-Донских степей.
ЗВОРАО	Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.
ИИАЭ АН Каз. ССР	Институт истории и археологии Академии наук Казахской ССР.
ИАК	Императорская Археологическая Комиссия.
ИМКУз	История материальной культуры Узбекистана.
КАЭЭ	Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАДИСО	Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
МАР	Материалы по археологии России.
МБАЭ	Материалы Бухарской археологической экспедиции ГЭ.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МНИИЯЛИЭ	Мордовский национальный институт истории, языка, литературы и этнографии.
НАВ	Нижеволжский археологический вестник.
ОАК	Отчет Археологической Комиссии.
РА	Российская археология.
СА	Советская археология.
САИ	Свод археологических источников.
САЗ ГМИНВ	Среднеазиатская археологическая экспедиция Государственного Музея искусства народов Востока.
СГЭ	Сборник Государственного Эрмитажа.
СЭ	Советская этнография.
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа.
ТОВЭ	Труды Отдела Востока Эрмитажа.
ХАЭЭ	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХДУ	Харківський державний університет.
ЮТАКЭ	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
ЭВ	Эпиграфика Востока.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова 1997 – Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. М., 1997.

Абдулахатов 2004 – Абдулахатов Н. У. Риштондан топилган бронза куза // ИМКУз. Самарканд, 2004. Вып. 34. С. 131–136. (На узб. яз.)

Абулгазиева 2014 – Абулгазиева А. Г. Шахматные фигурки XII века из материалов Самосдельского городища // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: сб. науч. статей. Кострома, 2015. С. 161–164.

Авдусина 2014 – Авдусина С. А. Гнездовский клад 2001 года // Славяне и иные языцы: К юбилею Н. Г. Недошивиной. М., 2014. С. 98–115. (Труды ГИМ. Вып. 198.)

Агаджанов 1969 – Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

Айбабин 1985 – Айбабин А. И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.

Айбабин 2003 – Айбабин А. И. Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003. С. 68–14.

Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972 – Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

Аксенов 2010 – Аксенов В. С. Новые материалы к распространению христианства среди аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонечья // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 112–122.

Акчурун 1998 – Акчурун Р. Н. Эволюция застежек с крылатой иглой из раннесредневековых могильников Окско-Сурского междуречья // Краеведение. Пенза, 1998. №1–2. С.19–21.

Албегова 2001 – Албегова З. Х.-М. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (По материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. 2001. №2. С. 83–96.

Албегова 2007 – Албегова З. Х.-М. Расселение алан на территории Северной Осетии в I–XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // Археология и геоинформатика. М., 2007. Вып. 4. CD.

Албегова, Ковалевская 2011 – Албегова (Царикаева) З. Х., Ковалевская В. Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М., 2011. С. 277–295.

Алексеев 1989 – Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

Алексеева 1982 – Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. (САИ. Вып. Г1-12. Т. III.)

Алемань 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Алихова 1959 – Алихова А. Е. Из истории мордвы конца 1-го — начала 2-го тыс. н. э. // Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 13–54. (Археологический сборник. Т. II.)

Альбаум 1975 – Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Амброз 1973 – Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.

Анфимов 1980 – Анфимов Н. В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 92–113.

Аржанцева, Рузанова 2010 – Аржанцева И. А., Рузанова С. А. Городище Джанкент и проблема «болотных городищ» // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Г. В. Шишкиной). М., 2010. С. 11–13.

Армарчук 1987 – Армарчук Е. А. Орнаментированные костяные предметы IX–XI вв. с городища Садвар (Хорезм) // Культура и искусство народов Востока: тезисы конференции. М., 1987. С. 3–4.

Армарчук 1992 – Армарчук Е. А. Садвар – средневековый город на юго-востоке Хорезма (к изучению хорезмийской городской культуры IX–XI вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Армарчук 2006 – Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. М., 2006.

Армарчук, Дмитриев 2003 – Армарчук Е. А., Дмитриев В. А. Курганные могильники. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология. М., 2003. С. 216–223.

Арсланова 2013 – Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013.

Артамонов 1954 – Артамонов М. И. Надписи на баклажах Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // СА. М., 1954. Вып. XIX. С. 263–268.

Артамонов 1958 – Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. Т. I. С. 7–84. (МИА. № 62.)

Артамонов 1962 – Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Артамонова 1963 – Артамонова О. А. Могильник Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1963. Т. III. С. 9–215. (МИА. № 109.)

Археологическое наследие 2013 – Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград, 2013.

Афанасьев 1973 – Афанасьев Г. Е. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // СГЭ. 1973. Т. XXXVI. С. 36–39.

Афанасьев 1993 – Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребениях донских алан // РА. 1993. №4. С. 131–144.

Афанасьев 2001 – Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // РА. 2001. № 2. С. 43–55.

Ахмедов 2010 – Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (К современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М., 2010. С. 7–34. (РСМ. Вып. 13.)

Ахмедов, Новикова 2007 – Ахмедов И. Р., Новикова Е. Ю. Древности Южной России в эпоху сложения Хазарского каганата // Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.: каталог выставки. М., 2007. С. 93–100.

Ахраров, Ремпель 1971 – Ахраров И. А., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971.

Ахраров, Мирзаахмедов 1983 – Ахраров И., Мирзаахмедов Д. Керамика и стекло Ахсикета // Художественная культура Средней Азии IX–XIII веков. Ташкент, 1983. С. 161–168.

Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998 – Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.

Багаутдинов, Зубов 1998 – Багаутдинов Р. С., Зубов С. Э. Воинский комплекс шилловских костяных пластин // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 253–256.

Бадер, Смирнов 1954 – Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебро Закамское» первых веков н. э. Бартымское местонахождение // Тр. ГИМ. М., 1954. Вып. XIII. Памятники культуры.

Байпаков, Настич 1981 – Байпаков К. М., Настич В. Н. Клад серебряных вещей XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 20–62.

Байпаков, Алдабергенов 2005 – Байпаков К. М., Алдабергенов Н. О. Отрарский оазис. Алматы, 2005.

Байпаков, Савельева, Чанг 2005 – Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы, 2005.

Байпаков, Терновая, Горячева 2007 – Байпаков К. М., Терновая Г. А., Горячева В. Д. Художественные металлические изделия с городища Красная речка. Алматы, 2007.

Байпаков, Доцанова 2011 – Байпаков К., Доцанова Т. Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Самарканд; Ташкент, 2011. Т. II. С. 12–64.

Балинт 1972 – Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 176–178.

Бартольд 1963 – Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1. С. 810–858.

Бартольд 1965а – Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 97–233.

Бартольд 1965б – Бартольд В. В. Хорезм. Статья из «Энциклопедии ислама» // Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 544–545.

Бахрах 1993 – Бахрах Б. С. Аланы на Западе. М., 1993.

Беговаткин 2003–2004 – Беговаткин А. А. Погребения с геральдическими подвесками из Кельгининского могильника в Мордовии // Stratum Plus. 2003–2004. № 6. С. 447–450.

Белавин 2000 – Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.

Беленицкий 1981 – Беленицкий А. М. Хорезмийский всадник – царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 213–218.

Беленицкий, Маршак 1976 – Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 75–89, 179–186 (илл.).

Белецкий, Виноградов 2011 – Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. М., 2011.

Белецкий 2004 – Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 243–321.

Белецкий 2012 – Белецкий С. В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. СПб., 2012. С. 431–506.

Белорыбкин 1986 – Белорыбкин Г. Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 89–97.

Белорыбкин 2004 – Белорыбкин Г. Н. Исследования Армиевского археологического района в конце XX в. // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: Традиции и инновации. Саранск, 2004. С. 3–5.

Березин, Савенко 2004 – Березин Я. Б., Савенко С. Н. Бронзовые антропоморфные фигурки с территории Ставропольского края // РА. 2004. № 1. С. 149–153.

Биджиев 1983 – Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

Бисембаев 2003 – Бисембаев А. А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск, 2003.

Большаков 1958 – Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // ЭВ. М.; Л., 1958. Вып. XII. С. 23–33.

Большаков 1963 – Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. (II) // ЭВ. М.; Л., 1963. Вып. XV. С. 73–87.

Большаков 1969а – Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. (V) // ЭВ. М.; Л., 1969. Вып. XIX. С. 42–50.

Большаков 1969б – Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство // ТГЭ. Л., 1969. Т. V. С. 142–156.

Большаков 2000 – Большаков О. Г. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г.: Памяти А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 54–63.

Бординских 1994 – Бординских Г. А. Тайны истории Перми Великой. Соликамск, 1994.

Босворт 1971 – Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971.

Бранденбург 1895 – Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895. (МАР. № 18.)

Брусенко 1986 – Брусенко Л. Г. Глазуванная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент, 1986.

Брыкина 1974 – Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.

Буряков 1980 – Буряков Ю. Ф. К датировке и атрибуции некоторых шахматных наборов (в свете находок 1977 г. на Афрасиабе) // СА. 1980. № 3. С. 162–172.

Быков 1971 – Быков А. А. О хазарском чекане VIII–IX вв.: Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика, 4. Л., 1971. С. 26–36.

Быков 1974 – Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. [Вып.] III. М., 1974. С. 26–71, табл. I–II.

Быков 1980 – Быков А. А. Загадочные монеты Девицкого клада. (Из записок старого нумизмата) // Известия Академии наук СССР. Т. 29. Общественные науки. 1980. № 1. Tallinn, 1980. С. 79–88.

Бяшимова 1985 – Бяшимова Н. С. Художественная глазуванная керамика Южного Туркменистана IX–XIV веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1985.

Бяшимова, Атаева 2012 – Бяшимова Н., Атаева А. Туркменистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Самарканд; Ташкент, 2012. Т. III. Торевтика. С. 167–215.

Вактурская 1959 – Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма // Тр. ХАЭЭ. М., 1959. Т. IV. С. 261–342.

Валиулина 2005 – Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (По материалам Билярского городища). Казань, 2005.

Валиулина 2008 – Валиулина С. И. Стекло бусы Семеновского I и Измерского I селищ // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 288–298.

Васильев 2015 – Васильев Д. В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015, № 2. С. 189–267.

Васильев, Зиливинская 2011 – Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 185–166.

Васильев, Орленко, Шельдешова 2014. – Васильев Д. В., Орленко Н. А., Шельдешова Ю. В. Сферонокус с изображением корабля из материалов Самосдельского городища // Вопросы подводной археологии. М., 2014. С. 16–26.

Веймарн 2002 – Веймарн Б. В. Классическое искусство стран Ислама. М., 2002.

Вишневская 2001 – Вишневская Н. Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.

Вишневская 2005 – Вишневская Н. Ю. Сельское поселение X – начала XI веков на территории городища Дурмен // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4. С. 101–133.

Вишневская 2007 – Вишневская Н. Ю. Мудрость в красоте. Глазуванная керамика Средней Азии IX–XVI веков из собрания Государственного музея Востока // Туркестан в старых фотографиях и керамике: материалы выставки. М., 2007. С. 27–42.

Вишневская 2009 – Вишневская Н. Ю. Глазуванное блюдо X в. из Самарканда с изображением рыб // Archeologia Abrahamica. М., 2009. С. 333–342.

Вишневская, Рапопорт 1979 – Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом Хорезмском городе // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 105–112.

Во дворцах и в шатрах 2008 – Во дворцах и в шатрах. Исламский мир от Китая до Европы: каталог выставки / отв. ред. А. Д. Притула. СПб., 2008.

Воронина 1993 – Воронина Р. Ф. Об одном обереге из Крюково-Кужновского могильника // КСИА. 1993. Вып. 208. С. 86–89.

Воронина 2007 – Воронина Р. Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. М., 2007.

Габуев 2005 – Габуев Т. А. Аланский всадник. Сокровища аланских князей I–XII вв.: каталог выставки. Государственный музей искусства народов Востока. М., 2005.

Габуев, Малашев 2009 – Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан Центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.

Гадло 1965 – Гадло А. В. Глиняная статуэтка в собрании Новочеркасского музея // КСИА. М., 1965. Вып. 104. С. 41–44.

Гаврилина 1985 – Гаврилина Л. М. Кочевнические украшения X в. // СА. 1985. № 3. С. 214–226.

Гаврилина 1987 – Гаврилина Л. М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 54–68.

Гаврилина 1991 – Гаврилина Л. М. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X в. Нижнего Поволжья // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 147–155.

Гаврилина 1993 – Гаврилина Л. М. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 77–85.

Гаврилова 1965 – Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Гавритухин 2000 – Гавритухин И. О. К дискуссии о хронологии раннесредневековых древностей Поволжья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (Из истории костюма). Самара, 2000. С. 25–32.

Гавритухин 2001 – Гавритухин И. О. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 45–162.

Гавритухин 2005 – Гавритухин И. О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремесенной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне = Khazars. Jews and Slavs. Иерусалим; М., 2005. Т. 16. С. 378–426.

Галибин 2001. – Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.

Гарустович, Ракушин, Яминов 1998 – Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.

Гарустович, Иванов 2001 – Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа, 2001.

Генинг 1962 – Генинг В. Ф. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 3. С. 7–111.

Герасимова 1994 – Герасимова М. М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 51–62.

Гладков и др. 1955 – Гладков И. И., Гладкова В. И., Мнушкин Л. Б. О новых археологических находках в Западном Казахстане // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1955. Вып. 4 (121). С. 88–94.

Глебов, Иванов 2007 – Глебов В. П., Иванов В. А. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Материалы и исследования по археологии Дона. М.; Иерусалим, 2007. Т. 2. С. 154–176.

Голдина 1985 – Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Голдина 2010 – Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец VI – IX вв.). Ижевск, 2010.

Голдина, Королева 1983 – Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40–71.

Голдина, Пастушенко, Черных 2011 – Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье.

- Ижевск; Пермь, 2011 (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13.)
- Голдина, Ютина 2012 – Голдина Р. Д., Ютина Т. К. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. Ижевск, 2012. С. 447–472.
- Голубева 1979 – Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. (САИ. Вып. Е1–59.)
- Голубева 1984 – Голубева Л. А. Женщины-литейщицы (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. №4. С. 75–89.
- Гомзин 2013 – Гомзин А. А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в среднем и нижнем Поочье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
- Григорьев 2005 – Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Григорьев 2012 – Григорьев А. В. О «второй волне» славянской колонизации междуречья Днепра и Дона (к постановке проблемы) // Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства: материалы Международной конференции, посвященной 110-летию И. И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 99–100.
- Гришаков, Зеленеев 1990 – Гришаков В. В., Зеленеев Ю. А. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола, 1990.
- Грудочко, Боталов 2013 – Грудочко И. В., Боталов С. Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI веках (В свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II Международный мадыарский симпозиум. Челябинск, 2013. С. 110–138.
- Грязнов 1961 – Грязнов М. П. Древнейшие памятник и героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 3. Л., 1961. С. 7–31.
- Губаев, Логинов 1998 – Губаев А. Г., Логинов С. Д. Итоги изучения сасанидского поселения Ақдепе // Bibliotheca Turkménica. Культурные ценности. СПб., 1998. С. 36–60.
- Гущин 1936 – Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.
- Даркевич 1975 – Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975.
- Даркевич 2010 – Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. 2-е изд. М., 2010.
- Даутова, Мамаев 1974. – Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Аланская катакомба XIV в. у с. Ушкалой // СА. 1974. №3. С. 266–269.
- Джанполадян 1968 – Джанполадян Р. М. Резное стекло из Двина // СА. 1968. № 1. С. 268–274.
- Джанполадян, Калантарян 1988 – Джанполадян Р. М., Калантарян А. А. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (По данным стеклоделия). Ереван, 1988.
- Дзатиаты 2014 – Дзатиаты Р. Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ, 2014.

ДТ 1973 – Древний Ташкент. Ташкент, 1973.

Демидчик 2004 – Демидчик В. П. Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв. Закария ал-Казвини и жанр мирабиллий. М., 2004.

Дитлер 1961 – Дитлер П. А. Могильники в районе пос. Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 127–187.

Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991 – Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

Древности Таджикистана 1985 – Древности Таджикистана: каталог выставки / отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе, 1985.

Дучко 1987 – Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 1а. С. 77–88.

Дьёни 2007 – Дьёни Г. Протовенгры на Урале в I тыс. н. э. в российской и венгерской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007.

Дьяконов 1940 – Дьяконов М. М. Гиря с именем Исмаила Самани // ТОВЭ. Л., 1940. Вып. II. С. 165–176.

Дьяконов 1954 – Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 83–158.

Евглевский, Потемкина 2000 – Евглевский А. В., Потемкина Тат. М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1. С. 117–180.

Жилина 2010 – Жилина Н. В. История древнерусского металлического убора XI–XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. СПб., 2010. С. 175–198.

Жилина 2012 – Жилина Н. В. Стили в древнерусском ювелирном искусстве IX–XIII в. // Знание. Понимание. Умение. М., 2012. №1. С. 92–105.

Жиров 1940 – Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. VIII. С. 81–88.

Закирова 1988 – Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 233–235.

Залесская, Львова, Маршак и др. 1997 – Залесская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Зарецкий 1941 – Зарецкий И. А. Пос. Благодословенка и Ак-Булак // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 152–153.

Заходер 1967 – Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II.

Зеленцова 1992 – Зеленцова О. В. Шейные гривны среднецинской мордвы // Археологические исследования

в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 45–52. (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 107.)

Зеленцова, Митоян, Сапрыкина 2012 – Зеленцова О. В., Митоян Р. А., Сапрыкина И. А. Поясной набор с позолотой из Крюково-Кужновского могильника средневековой мордвы // РА. 2012. №2. С. 52–61.

Зеленцова, Сапрыкина 2013 – Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. По материалам мордовских могильников // КСИА. 2013. Вып. 229. С. 84–90.

Зиливинская 2011 – Зиливинская Э. Д. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: Вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 13–35.

Зиливинская, Васильев, 2006 – Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. Городище в дельте Волги // Восточная коллекция. 2006. № 2. С. 42–54.

Зозуля 2014 – Зозуля С. С. Плеть из Тимерева // АВ. СПб., 2014. Вып. 20. С. 217–224.

Зуев 1993 – Зуев В. Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad roium. Памяти Л. П. Хлобыстина. СПб., 1993. С. 95–102.

Иванов 1970 – Иванов А. А. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 101–104.

Иванов 2014 – Иванов А. А. Бронзовое блюдо XI века из Мавераннахра // СГЭ. СПб., 2014. Вып. LXXII. С. 27–46.

Иванов 1997 – Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII вв. Ижевск, 1998.

Иванов 1990 – Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990.

Иванов 1994 – Иванов В. А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб., 1994.

Иванов 2011 – Иванов В. А. Очерки по истории исмаилизма. СПб., 2011.

Иванов, Белавин, Игнатъева 2010 – Иванов В. А., Белавин А. М., Игнатъева О. В. История культуры Прикамья и Приуралья в древности и средневековье. Пермь, 2010.

Иванов 1952 – Иванов П. П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск, 1952.

Иванова, Куликов 2000 – Иванова М. Г., Куликов К. И. Древнее искусство Удмуртии. Ижевск, 2000.

Иерусалимская 2012 – Иерусалимская А. А. Мощевая балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012.

Измайлов 1997 – Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан, 1997.

Ильюков, Кляшторный 1993 – Ильюков Л. С., Кляшторный С. Г. Руническое граффито из раннесредневекового

кочевнического погребения в долине р. Сал // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993. С. 151–163.

Ильясов 1993 – Ильясов Дж. Я. Средневековые ступки с городища Будрач // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1. С. 135–155.

Ильясов 2008 – Ильясов Дж. Я. Среднеазиатская керамика в собраниях мира // Saп'at. Журнал Академии художеств Узбекистана. Ташкент, 2008. № 3–4 (40–41). С. 7–9.

Ильясов 2013 – Ильясов Дж. Я. Глазурованная керамика Тохаристана // Деяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. М., 2013. С. 76–83.

Ильясов, Ильясова 2011 – Ильясов Дж. Я., Ильясова З. Дж. Глазурованная керамика Чаганиана X–XI веков // Saп'at. Журнал Академии художеств Узбекистана. Ташкент, 2011. № 3. С. 4–7.

Ильясов, Ильясова 2001 – Ильясов Дж. Я., Ильясова С. Р. Арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра IX–X вв. // Эпиграфика Востока. М., 2001. Вып. 26. С. 19–30.

Ильясов, Ильясова 2013а – Ильясов Дж. Я., Ильясова С. Р. Чаша. Мастер Абу-л-Фадл, кат. № 3 // Деяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. М., 2013. С. 44–45.

Ильясов, Ильясова 2013б – Ильясов Дж. Я., Ильясова С. Р. Чаша, кат. № 9 // Деяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. М., 2013. С. 58–59.

Ильясов, Имамбердыев 2002 – Ильясов Дж. Я., Имамбердыев Р. Новые арабские надписи на глазурованной керамике Бинкета // ЗВОРАО. СПб., 2002. Т. I (XXVI). С. 124–133.

Ильясов, Хакимов 2012 – Ильясов Дж. Я., Хакимов А. Узбекистан // Художественная культура Средней Азии и Азербайджана IX–XII веков. Самарканд; Ташкент, 2012. Т. 3. Торевтика. С. 216–265.

Ильясова 2000 – Ильясова С. Р. Мотив букета на глазурованной керамике IX–XII вв. // Средняя Азия. Археология. История. Культура: материалы международной конференции. М., 2000. С. 62–66.

Ильясова 2013 – Ильясова С. Р. Художественная глазуванная керамика Ташкента IX–XII вв. // Деяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. М., 2013. С. 60–69.

Ильясова, Ильясов 2007 – Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я. Арабская эпиграфика Ташкента IX–X вв. // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Ташкент; Самарканд, 2007. С. 245–248.

История татар с древнейших времен 2006 – История татар с древнейших времен. Казань, 2006. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов.

Кадиева 2011 – Кадиева А. А. Погребальный обряд могильника Кари Цагат (Дигорское ущелье, Северная Осетия) // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва, 2011. Вып. 10. С. 80–98.

Каинов 2008 – Каинов С. Ю. Каталог мечей из собрания Государственного исторического музея, составленный В. В. Арендтом // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. М., 2008. С. 145–155.

Каинов, Федоров 1998 – Каинов С. Ю. Скандинавские наемники на Руси. Реконструкция и рисунок О. В. Федорова // Военная иллюстрация. Вып. 1. М. 1998. С. 2–7.

Казаков 1972 – Казаков Е. П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 161–167.

Казаков 1992 – Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии (Этапы этнокультурной истории). М., 1992.

Казаков 2007 – Казаков Е. П. Волжские булгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

Калинина 2014 – Калинина Т. М. Хазария по данным восточных источников // Калинина Т. М., Флеров В. М., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 8–100.

Калинина 2015 – Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.

Камышев 2012 – Камышев А. М. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Самарканд; Ташкент, 2012. Т. III. Торевтика. С. 97–122.

Кантемиров, Дзаттиаты 1995 – Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. // Аланы, история и культура. Владикавказ, 1995. С. 259–314.

Карев 2009 – Карев Ю. В. Открытие карахандидской настенной живописи в Самарканде // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 25–42.

Кастанье 1911 – Кастанье И. А. Отчет о раскопках кургана в Актюбинском уезде (Тургайской обл.) летом 1909 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1911. Вып. 23. С. 72–76.

Кипарисова 1948 – Кипарисова Н. П. Игрушки-водолеи из Пайкенда // СА. 1948. Вып. X. С. 310–316.

Кирпичников 1965 – Кирпичников А. Н. Так называемая сабля Карла Великого // СА. 1965. № 2. С. 268–275.

Кирпичников 1966 – Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М.; Л., 1966. (САИ. Вып. Е1-36.)

Кирпичников 1973 – Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. (САИ. Вып. Е1-36.)

Киселев 1949 – Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. (МИА. № 9.)

Клейн 1971 – Клейн Л. С. Полевой отчет Новочеркасской археологической экспедиции Ленинградского университета за 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4620, а–г.

Клейн и др. 1972 – Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону // АО – 1971 г. М., 1972. С. 132–134.

Кляшторный 2003 – Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный, Савинов 1994 – Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кляшторный, Савинов 2005 – Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Ковалевская 1972 – Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 95–117.

Ковалевская 1978 – Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 118–120.

Ковалевская 1981 – Ковалевская В. Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 83–97. (Археология СССР. Т. 18.)

Ковалевская 2000 – Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.

Ковалевская 2005 – Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005.

Ковалевская, Кузнецов 2007 – Ковалевская В. Б., Кузнецов В. А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV–XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ, 2007. С. 109–248.

Ковалевский 1954 – Ковалевский А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954. (Научно-исследовательский ин-т языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР. Уч. зап. Вып. IX.)

Коваленко 2012 – Коваленко В. П. Северо-восточная граница Руси в конце IX – X вв. // Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства: материалы Международной конференции, посвященной 110-летию И. И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 97–98.

Кожемяко 1959 – Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

Кожемяко 1967 – Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967. С. 53–90.

Коковцов 1932 – Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Комар 1999 – Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Київ, 1999. Т. 2. С. 111–136.

Комар 2001 – Комар А. В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 11–44.

Комар 2006 – Комар А. В. Перецепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. Хазарское время. С. 7–244.

Комар 2008 – Комар А. В. К вопросу о развитии восточно-европейского седла в VII – 1-й пол. VIII в. // Древности юга России. Памяти А. Г. Атавина. М., 2008. С. 239–252.

Комар 2011 – Комар А. В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Археология і давня історія України. Київ, 2011. Вып. 7. С. 21–78.

Комар, Сухобоков 2000 – Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 2 (3). http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.

Комар, Стрельник 2011 – Комар А. В., Стрельник М. В. «Репрессированный» клад // Stratum Plus. 2011. № 5. С. 143–164.

Кондратьева 1961 – Кондратьева Ф. А. Керамика с зеленой поливой из Пайкенда // ТГЭ. Л., 1961. Т. V. С. 216–227.

Контлер 2002 – Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.

Корзухина 1954 – Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954.

Коробов 2014 – Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2014.

Король 2008 – Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Кемерово, 2008.

Котов 1999 – Котов В. Г. Об одной археологической иллюстрации к башкирскому эпосу «Алдар и Зухра» // Stratum Plus. 1999. № 5. С. 431–445.

Кочевник 2014 – Кочевник. Между небом и землей. Шедевры древних культур степей Евразии из собрания Исторического музея и произведения скульптора Даши Намдакова. К 100-летию отдела археологических памятников Исторического музея. М., 2014.

Кочевники 2012 – Кочевники Евразии на пути к империи: каталог выставки. СПб., 2012.

Кочкаров, Тоторкулов 2012 – Кочкаров У. Ю., Тоторкулов Н. Х. Новые исследования на городище в верховьях Кубани // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 2012. С. 344–345.

Красильников 1978 – Красильников К. И. Раннепеченежское погребение в с. Горшковке // СА. 1978. № 4. С. 261–264.

Красильников 2009 – Красильников К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. Хазарское время. С. 99–152.

Красильников, Руженко 1981 – Красильников К. И., Руженко А. А. Погребения хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое // СА. 1981. № 2. С. 282–289.

Кривцова-Гракова 1928 – Кривцова-Гракова О. А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. // Труды секции археологии РНИИОН. М., 1928. Т. 4. С. 288–299.

Кригер 1985 – Кригер В. А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

Кригер 1986 – Кригер В. А. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 114–131.

Кригер 1993 – Кригер В. А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 137–144.

Круглов 1989 – Круглов Е. В. Некоторые замечания о погребальном обряде средневековых кочевников VII–XI вв. // VI научная конференция профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград, 1989. С. 35–36.

Круглов 1990 – Круглов Е. В. Печенеги в эпоху средневековья // Тезисы докладов VII научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград, 1990. С. 74–75.

Круглов 1992а – Круглов Е. В. Печенежский кенотаф из Журова кургана // Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1992а. С. 135–139.

Круглов 1992б – Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. 1992. № 4. С. 176–183

Круглов 1994 – Круглов Е. В. К вопросу о печенегах // Проблемы всеобщей истории. Волгоград, 1994. С. 35–41.

Круглов 2001а – Круглов Е. В. О некоторых особенностях погребального обряда огузов // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 59–62.

Круглов 2001б – Круглов Е. В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 395–446.

Круглов 2005а – Круглов Е. В. К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом // Проблеми дослідження пам'яток археології і Східної України. Луганск, 2005. С. 164–166.

Круглов 2005б – Круглов Е. В. Погребение X в. у п. Степано-Разинское (по материалам работ Сталинградской археологической экспедиции 1957 г.) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актюбинск, 2005. С. 130–133.

Круглов 2005в – Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. Хазарское время. С. 73–142.

Круглов 2005г – Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // II Городовские чтения: материалы научной конференции,

посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. М., 2005. С. 307–320.

Круглов 2008 – Круглов Е. В. Погребение 12 из кургана № 32 Бахтияровского могильника // Древности Юга России. Памяти А. Г. Атавина. М., 2008. С. 464–471.

Круглов 2009 – Круглов Е. В. Котельниково // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 119.

Круглов 2011 – Круглов Е. В. Подкурганное ямное погребение салтово-маяцкой культуры из могильника Ольховка I // Салтово-маяцка археологічна культура: 100 років від початку вивчення. Харків, 2011. С. 38–42, 119.

Круглов, Лукашов, Мамонтов 2003 – Круглов Е. В., Лукашов А. В., Мамонтов В. И. Погребения кочевников IX – начала XI века на территории Палласовского района Волгоградской области // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 192–215.

Круглов, Сергацков, Балабанова 2005 – Круглов Е. В., Сергацков И. В., Балабанова М. А. Новые погребения огузов, исследованные у с. Колобовка // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 242–256.

Кручинкина 2006 – Кручинкина Е. В. Хронология височных подвесок древнейшей мордвы (III – сер. VIII вв.) // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты: межвузовский сборник научных трудов. Саранск, 2006. С. 309–312.

Крыласова 2002 – Крыласова Н. Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002. С. 203–215.

Крыласова 2007 – Крыласова Н. Б. Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2006.

Кубарев 2005 – Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Кузнецов 1961 – Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Археологические работы в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе, 1961. С. 62–135. (МАДИСО. № 1.)

Кузнецов 1962 – Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. (МИА. № 106.)

Кузнецов 1973 – Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. 1973. №2. С. 60–82.

Кузнецов 1992 – Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кузнецов 1993 – Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XIII вв. Ставрополь, 1993.

Кузнецов 2002 – Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.

Кузнецов, Рунич 1974 – Кузнецов В. А., Рунич А. П. Погребение аланского дружинника IX в. // СА. 1974. № 3. С. 196–203.

Кулешов 2009 – Кулешов Вяч. С. «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? (Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина». Май, 2009.) СПб., 2009.

Кулешов 2012 – Кулешов В. С. Денежное обращение Новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства: материалы Международной конференции, посвященной 110-летию И. И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 65–71.

Кулешов 2013 – Кулешов Вяч. С. О типологическом и хронологическом соотношении хазарских рунических дирхамов и монет Абхазского царства IX в. // Нумизматические чтения 2013 года (Москва, 19–20 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 40–42.

Кулешов 2015 – Кулешов Вяч. С. Дирхам с изображением увенчанного крестом сокола (Rispling FM/BC II) в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв.: Нумизматический сборник к 60-летию П. Г. Гайдукова. М., 2015. С. 26–31.

Культура средневековых кочевников 2001 – Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды: каталог. Волгоград, 2001.

Кулябина 2013 – Кулябина Н. В. Наследие камской чуди. Пермский звериный стиль. Екатеринбург; Пермь, 2013.

Кушаев 1993 – Кушаев Г. А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993.

Кушкумбаев 2011 – Кушкумбаев А. К. Древние мадьяры в Западном Казахстане // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: материалы II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы; Актобе, 2011. С. 81–85.

Кызласов 1994 – Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кызласов 2006 – Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. М., 2006.

Лайпанов 1957. – Лайпанов Х. К истории карачаевцев и балкарцев. Карачаевск, 1957.

Левина 1971 – Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971. (Тр. ХАЭЭ. Т. VII.)

Левина 1996 – Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.

Литвинский 1973 – Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. (Могильники Западной Ферганы. Т. III.)

Литвинский 1979 – Литвинский Б. А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Душанбе, 1979. Вып. XIV. С. 156–187.

Лунина 1962 – Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Ташкент, 1962. Т. XI. С. 217–418.

Лунина 1974 – Лунина С. Б. Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Ташкент, 1974. Т. XV. С. 182–230.

Лэн-Пуль 1899 – Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / перев. с англ., примеч. и доп. В. Бартольда. СПб., 1899.

Львова 1968 – Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 64–94.

Львова 1973 – Львова З. А. Бусы I Поломского могильника. Ч. I // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 83–104.

Львова 1983 – Львова З. А. Типологизация по технологическому основанию стекланных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 90–107.

Ляпушкин 1958а – Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л., 1958. (МИА. № 74.)

Ляпушкин 1958б – Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. Т. I. С. 85– 50. (МИА. № 62.)

Мажитов 1977 – Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.

Мажитов 1981 – Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VII–XII вв. М., 1981.

Мажитов 2013 – Мажитов Н. А. Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала // II Международный Мадьярский симпозиум / отв. ред. С. Г. Боталов. Челябинск, 2013. С. 84–88.

Макарова 1986 – Макарова Т. И. Черноевое дело древней Руси. М., 1986.

Макарова, Плетнева 1983 – Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 62–77.

Максимов 1969 – Максимов Е. К. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 130–138. (МИА. № 169.)

Малашев 1994 – Малашев В. Ю. К проблеме протогородской культуры населения Северного Кавказа I половины I тысячелетия нашей эры // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4. С. 48–52.

Малашев 2007 – Малашев В. Ю. Культурная ситуация в Центральном районе Северного Кавказа во II–IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007. С. 487–501.

Малтаев 2004 – Малтаев К. Клад серебряных браслетов с окраины г. Ош // Sosial bilimler dergisi. Bishkek, 2004. Gilt 5. Sayı 10. С. 211–225.

Мамадаков, Горбунов 1997 – Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 115–129.

Мамаев, Савенко 1988 – Мамаев Х. М., Савенко С. Н. Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 5–37.

Мамонтов 1991 – Мамонтов В. И. Этапы освоения Сарпинской низменности // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 87–98.

Мамонтов, Ситников 1993 – Мамонтов В. И., Ситников А. В. Средневековые погребения Царевского курганного могильника // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3. С. 151–172.

Маршак 1961 – Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII веков // ТГЭ. Л., 1961. Т. V. Культура и искусство народов Востока. Вып. 6. С. 177–201.

Маршак 1971а – Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971.

Маршак 1971б – Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран. Л., 1971. С. 61–90.

Матвеева 1997 – Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Матвеева, Богачев 2000 – Матвеева Г. И., Богачев А. В. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 155–188.

МБАЭ. Вып. II – Семенов Г. Л., Мирзаахмедов Д. К. и др. Раскопки в Пайкенде в 2000 г. СПб., 2001. (МБАЭ. Вып. II.)

МБАЭ. Вып. VII – Семенов Г. Л., Мирзаахмедов Д. К. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2006 г. СПб., 2007. (МБАЭ. Вып. VII.)

МБАЭ. Вып. IX. – Торгоев А. И., Мирзаахмедов Д. К. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2008 г. СПб., 2009. (МБАЭ. Вып. IX.)

Мелентьев 1967 – Мелентьев А. Н. Отчет Заволжского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР о разведке в Северном Прикаспии в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3585.

Мерперт 1955 – Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. № 23. С. 131–168.

Мерперт 1967 – Мерперт Н. Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. М. 1967. С. 82–99.

Меч и златник 2012 – Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: каталог выставки. М., 2012.

Мирзаахмедов 2011 – Мирзаахмедов Д. К. Ремесло стеклодувов крупнейших городских центров средневекового Узбекистана (по материалам Бухары, Пайкенда, Самарканда, Ташкента, Ахсикета и Кувы) // Археология Узбекистана. 2011. № 2(3). С. 53–93.

Михеев 1974 – Михеев В. К. Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця // Вісник ХДУ. Харків, 1974. №104. Сер. Історична. Вип. 8. С. 97–99.

Мордвинцева, Хабарова 2006 – Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Парадная упряжь, оружие и поясной набор, найденные у г. Ленинск (пос. Маяк Октября) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2006. С. 206–212.

Мурашева 2000 – Мурашева В. В. Древнерусские ремесленные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

- Мурашева 2007 – Мурашева В. В. В поисках Гнездовского порта // РА. 2007. № 1. С. 106–114.
- Мурашева 2008 – Мурашева В. В. Супрутский клад. М., 2008.
- Мурашева 2012 – Мурашева В. В. Скандинавские находки из раскопок Супрутского городища // Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства: материалы Международной конференции, посвященной 110-летию И. И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 103–105.
- Мурашева, Авдусина 2007 – Мурашева В. В., Авдусина С. А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 8–30.
- Мурашева, Енисова, Фетисов 2007 – Мурашева В. В., Енисова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 31–77.
- Мыськов 1993 – Мыськов Е. П. Погребение кочевников IX–XI вв. на Ахтубе // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3. С. 69–83.
- Наследие византийского Херсона 2011 – Наследие византийского Херсона / отв. ред. Т. Яшаева. Одесса, 2011.
- Настич, Гончаров 2013 – Настич В. Н., Гончаров Е. Ю. Монеты сырдарьинских огузов // Тюркологический сборник 2011–2012. М., 2013. С. 80–91.
- Недошивина, Зозуля 2012 – Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья. Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. Москва; Вологда, 2012. С. 179–193.
- Немцева 2000 – Немцева Н. Б. Степная резиденция Караханидов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000. С. 233–238.
- Неразик 1959 – Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода // Тр. ХАЭЭ. М., 1959. Т. IV. С. 221–260.
- Неразик 1966 – Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Нефедов 1899 – Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // Материалы по археологии восточных губерний. М., 1899. Т. 3.
- Никитина 2012 – Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья: Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань, 2012.
- Никитина 2013 – Никитина Т. Б. Поясные кошельки / сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 151–161.
- Никитина, Ефремова 2012 – Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 146–165.
- Никольская 1969 – Никольская Т. Н. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки (к вопросу о балто-иранском контакте) // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 14–23.
- Новиков 2012 – Новиков В. В. Орнаментированное стрелы из Гнездова // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. М., 2012. С. 162–166. (Труды ГИМ. Вып. 189.)
- Новикова 1991 – Новикова Г. Л. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 175–179.
- Образ мечети 2015 – Образ мечети / альбом. / сост. Г. Ласикова. М., 2015.
- Овчинникова 1990 – Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая. Свердловск, 1990.
- Ольховский 1993 – Ольховский В. С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–93.
- Орбели, Тревер 1935 – Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Л., 1935.
- Орбели, Тревер 1936 – Орбели И. А., Тревер К. В. Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936.
- Островский 2001 – Островский С. Л. К систематике причин выпадения кладов серебра в средневековом Предуралье // Тр. КАЭЭ ПГПУ. Пермь, 2001. Вып. 1–2. С. 39–41.
- ОАК 1907. – Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. СПб., 1907.
- ОАК 1913 – Отчет Императорской археологической комиссии за 1909–1910 г. СПб., 1913.
- Павлихин 2013 – Павлихин А. В. Романский меч из Кельгинского могильника в Республике Мордовия // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2013. Вып. 3. С. 400–406.
- Парусимов 1998 – Парусимов И. Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск, 1998. Вып. 3. С. 4–43.
- Петербургский 2011 – Петербургский И. М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск, 2011.
- Петербургский, Аксенов 2006 – Петербургский И. М., Аксенов В. Н. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск, 2006.
- Петербургский, Вихляев, Святкин 2010 – Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В. Второй Журавкинский могильник. Саранск, 2010.
- Пещерева 1969 – Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1969.
- Пигарёв, Скисов 2001 – Пигарёв Е. М., Скисов С. Ю. Группа форм для изготовления обрядовых предметов с городских поселений Золотой Орды (из фондов Астраханского музея) // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань, 2001. С. 159–179.
- Плетнева 1958 – Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М., 1958. С. 151–226. (МИА. № 62.)

- Плетнева 1959 – Плетнева С. А. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 212–272. (МИА. № 75.)
- Плетнева 1963 – Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1963. Т. III. С. 216–259. (МИА. № 109.)
- Плетнева 1967 – Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
- Плетнева 1981 – Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 75–80, 213–222. (Археология СССР. Т. 18.)
- Плетнева 1982 – Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева 1989 – Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Плетнева 1990а – Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). М., 1990.
- Плетнева 1990б – Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2. С. 77–91.
- Плетнева 1994 – Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 1994. Т. IV. С. 271–396.
- Плетнева 1999 – Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
- Плетнева 2003 – Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.
- Плетнева, Федоров 2006 – Плетнева С. А. Аланы. Комплекс вооружения воинов Хазарского каганата. Реконструкции и рисунки О. В. Федорова // Цейхгауз. 2006. № 22.
- Плоских 2013 – Плоских В. В. Затонувшие памятники Иссык-Куля (Исследования «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шелковом пути). Бишкек, 2013.
- Подосенова 2010 – Подосенова Ю. А. Височные кольца с грушевидной привеской в могильниках и кладах Пермского Предуралья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 256–258.
- Покровский 1905 – Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 465–491.
- Полякова 1972 – Полякова Г. Ф. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1972. С. 244–249.
- Полякова 1996 – Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 269–292.
- Попов 2010а – Попов П. В. Зооморфный декор в керамике Самосдельского городища // РА. 2010. № 2. С. 98–112.

- Попов 2010б – Попов П. В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2010. Т. 7. Хазарское время. С. 163–166.
- Попов 2011 – Попов П. В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: Вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 60–88.
- Притула 2013 – Притула А. Д. Блюдо, кат. № 21 // Девяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира XI–XIX веков. М., 2013. С. 106–109.
- Пругер 1975 – Пругер Е. Б. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // Советская археология. 1975. № 2. С. 223–231.
- Пугаченкова, Ремпель 1982 – Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
- Пьянков, Цокур 2011 – Пьянков А. В., Цокур И. В. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгея) // Военная археология. М., 2011. Вып. 2. С. 153–167.
- Рапопорт, Неразик, Левина 2000 – Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.
- Распопова 1980 – Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Распопова 2010. – Распопова В. И. Стеклообразные изделия из Пенджикента. СПб., 2010.
- Розен 1903 – Розен В. Р., барон. Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана. I–X // Записки Вост. отд. Имп. Русского археологического общества. Т. XV. СПб., 1903. С. 39–73.
- Ростовцев 1927 – Ростовцев М. И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // Seminarium Kondakovianum. № I. Prague, 1927. С. 141–146.
- Руденко 2001 – Руденко К. А. Булгарские клады (к вопросу о булгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 322–348.
- Руденко 2007 – Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: Поселения и материальная культура. - Казань, 2007.
- Руденко 2010 – Руденко К. А. Булгарское черное искусство: Перстни. Казань, 2010.
- Руденко 2011 – Руденко К. А. Булгарское золото: Филигранные височные подвески. Казань, 2011. (Древности Биляра. Том I.).
- Руденко 2013 – Руденко К. А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 58–74.
- Руденко 2015 – Руденко К. А. Булгарское серебро. Казань, 2015. (Древности Биляра. Т. II.).
- Рыбаков 2015 – Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. 2-е изд. М., 2015.

Рыбина 1991 – Рыбина Е. А. Из истории шахматных фигур // СА. 1991. № 4. С. 86–101.

Рябинин 1981 – Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981. (САИ. Вып. Е1–60.)

Рябцева 2005 – Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный узор. СПб., 2005.

Рябцева 2010 – Рябцева С. С. О «гроздевидных» украшениях // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб., 2010. С. 273–285.

Савенко 1986 – Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. из могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 75–92.

Савенко 2008 – Савенко С. Н. Проблемы хронологии позднеаланской культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения: тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 328–330.

Савельева 1987 – Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.

Савченкова 1996 – Савченкова Л. Л. Черный металл Болгара, типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Салангина 2004. – Салангина С. В. Копушки как исторический источник: дис. канд. ист. наук [Рукопись]. Ижевск, 2004.

Сафронов, Ставицкий 2014 – Сафронов П. И., Ставицкий В. В. Курганы № 2–3 Армиевского кургано-грунтового могильника (по материалам раскопок М. Р. Полесских в 1969 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2014. №3 (31). С. 23–32.

Сверчков 2004 – Сверчков Л. М. Три находки из уструшанского замка Мык // San'at. № 1. Ташкент, 2004. URL: http://www.bulgariistoria2010.com/booksRu/L_Svvrchkov_Zamok_Mug.pdf.

Святкин, Власенко 2012 – Святкин С. В., Власенко Д. В. Очерки военного дела мордовских племен в I – первой половине II тыс. н. э. Саранск, 2012.

Седова 1981 – Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). - М., 1981.

Седых 2014 – Седых В. Н. О проявлениях культа медведя в Ярославском Поволжье в эпоху раннего средневековья // Славяне и иные языки. К юбилею Н. Г. Недошивиной. М., 2014. С. 159–170. (Труды ГИМ. Вып. 198.)

Седышев 2010 – Седышев О. В. снаряжение коня VIII–X вв. (по материалам мордовских могильников) // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2010. Вып. 3.

Семенов 1980 – Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.

Семенов 1995 – Семенов Г. Л. Нарды в Иране и Средней Азии // Луконинские чтения 1986–1994 годов. СПб., 1995. С. 44–49.

Семенов 1999 – Семенов Г. Л. Кубера из Ак-Бешим // Луконинские чтения 1995–1999 годов. СПб., 2000. С. 56–60.

Семенов 2008 – Семенов Г. Л. Искусство Средней Азии до монгольского завоевания // Во дворцах и в шатрах. Исламский мир от Китая до Европы: каталог выставки / отв. ред. А. Д. Притула. СПб., 2008. С. 52–53.

Семенов 2006 – Семенов Н. В. Деревянные резные панели из церкви Св. Варвары в Каире // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006. С. 143–155.

Сергацков, Скрипкин, Коробкова и др. 2006 – Сергацков И. В., Скрипкин А. С., Коробкова Е. А. и др. Курганный могильник Ольховка I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Сизов 1902 – Сизов В. И. Курганные могильники Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб., 1902. (МАР. № 28.)

Синицын 1952 – Синицын И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 62–73.

Синицын 1956 – Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 87–139.

Смирнов 1909 – Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.

Сокровища Приобья 1996 – Сокровища Приобья: каталог выставки / ред. Б. И. Маршак, М. Г. Крамаровский. СПб., 1996.

Сокровища 2000 – Сокровища Золотой Орды: каталог выставки / ред. М. Г. Крамаровский. СПб., 2000.

Соловьев 1996 – Соловьев В. С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.

Сорокин 1959 – Сорокин С. С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1959. Т. II. С. 135–199. (МИА. № 75.)

Сотникова 1979 – Сотникова М. П., Спасский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX вв. Материалы и исследования. Л., 1979. С. 48–94.

Спицын 1905 – Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. СПб, 1905. Вып. 15. С. 84–172.

Спицын 1906 – Спицын А. А. Из коллекции Императорского Эрмитажа // Записки отделения славянской и русской археологии Русского археологического общества. СПб., 1906. Вып. VIII, ч. 1. С. 249–274.

Среднецининская мордва 1969 – Среднецининская мордва VIII–XI вв. // Археологический сборник. Саранск, 1969. Т. III.

Ставицкий 1960 – Ставицкий Б. Я. Самаркандские чернильные приборы IX–X вв. в собрании Эрмитажа // СА. 1960. № 1. С. 278–281.

Ставицкий 2014 – Ставицкий В. В. Историография буртаской проблемы второй половины XX – начала XXI в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 84–91.

Сташенков 1998 – Сташенков Д. А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы хронологии): материалы II Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара, 1998. С. 213–231.

Сташенков 2010 – Сташенков Д. А. Еще раз об образе дракона в искусстве средневекового населения Поволжья // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2010. С. 82–84.

Тахтай 1999 – Тахтай А. К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г. Чистяково Сталинской области // Vita Antiqua. Київ, 1999. № 2. С. 160–169.

Ташходжаев 1967 – Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX – начала XIII века. Ташкент, 1967.

Терехова 2014 – Терехова Н. В. Бусы среднецининской мордвы как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.

Толстов 1947 – Толстов С. П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Торгоев 2011 – Торгоев А. И. Ременные украшения Семи-речья V – начала XIII вв. (Вопросы хронологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Торгоев 2013 – Торгоев А. И. Ременные украшения каранидов (к постановке проблемы) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники // ТГЭ. СПб., 2013. № 62. С. 376–401.

Тревер, Луконин 1987 – Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.

Тюрк 2013 – Тюрк А. От Урала до Карпат. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров // II Международный Мадьярский симпозиум / отв. ред. С. Г. Боталов. Челябинск, 2013. С. 231–237.

Уваров 1872 – Уваров А. С. Атлас к исследованию о мерянах и их быте. М., 1872.

Уваров 1908 – Уваров А. С. Христианская символика. Ч. I. М., 1908.

Уварова 1900 – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. М., 1900. (Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII.)

Уолтон 2013 – Уолтон М. Чаша, кат. № 5 // Девяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. М., 2013. С. 48–49.

Фасмер 1926 – Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Болгар X века // Изв. Общества любителей археологии, истории

и этнографии при Казанском университете. Казань, 1926. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 29–60.

Фёдоров-Давыдов 1966 – Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Фёдоров-Давыдов 1984 – Фёдоров-Давыдов Г. А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984. С. 80–94.

Федорова 2003 – Федорова Н. В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. КАЭЭ ПГПУ. Пермь, 2003. Вып. 3. С. 138–153.

Федорова 2013 – Федорова Н. В. Чаша, кат. № 31 // Девяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира XI–XIX веков. М., 2013. С. 152–155.

Федорова-Давыдова 1969 – Федорова-Давыдова Э. А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 263–266.

Федоров, Мокеев 1995 – Федоров М. Н., Мокеев А. М. Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана // РА. 1995. № 1. С. 165–174.

Фехнер 1963 – Фехнер М. В. Петровский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.

Фехнер, Недошивина 1987 – Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.

Филипченко 1959 – Филипченко В. А. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас // СА. 1959. № 2. С. 239–242.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987 – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. (Археология СССР. Т. 17.)

Флёров – Флёров В. С. Донские крепости Хазарии: прошлое и настоящее // Восточная коллекция. 2006. № 2. С. 61–71.

Флёрова 2001а – Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.; Иерусалим, 2001.

Флёрова 2001б – Флёрова В. Е. Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII веков: О происхождении накладок седла из Шиловского кургана // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2001. Вып. 15. Средневековые древности Евразийских степей. С. 82–85.

Фодор 2015 – Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь, 2015.

Фонякова 2010 – Фонякова (Чувилло) Н. А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII–IX вв. по материалам художественной металлообработки. Казань, 2010.

Фонякова 2013 – Фонякова (Чувилло) Н. А. Загадки шилловских пластин // Филология и культура = Philology and culture. 2013. №1 (31). С. 203–208.

Френкель 2007 – Френкель Я. В. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа

коллекции стеклянных и каменных бус // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 78–117.

Хабарова 1998 – Хабарова Н. В. Два поясных набора из Заволжья // ДВДС. Волгоград, 1998. Вып. 6. С. 186–191.

Хайнрих 1995 – Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы. История и культура. Владикавказ. 1995. С. 184–258.

Халиков 2011 – Халиков А. Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 2011.

Халикова 1976 – Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.

Херрман 1988 – Херрман И. Ruzzi. Forderen liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 162–169.

Хлебникова 1984 – Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Хохлов, Хохлова, Гольева 2009. – Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в республике Северная Осетия-Алания // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан Центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.

Худяков, Табалдиев 2009 – Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009.

Циркин 1987 – Циркин А. В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987.

Чичуров 1980 – Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / тексты, перев., коммент. М., 1980.

Шамрай, Духін 1997 – Шамрай А. В., Духін О. Й. Ювелірні центри на Сіверському Дінці // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених: наукові матеріали. Київ, 1997. С. 135–138.

Швецов, Санжаров, Прынь 2001 – Швецов М. Л., Санжаров С. Н., Прынь А. В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Том 2. Хазарское время. С. 333–346.

Шедевры исламского искусства... 1990 – Шедевры исламского искусства в Эрмитаже (СССР): каталог выставки. Кувейт, 1990.

Шилов 1959 – Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Древняя история Нижнего Поволжья. М., 1959. Т. 1. С. 323–523. (МИА. № 60.)

Ширинский 1999 – Ширинский С. С. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Часть I. Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999. С. 87–146.

Шитов 1990 – Шитов В. Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники

Оско-Сурского междуречья. Саранск, 1990. С. 21–31. (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99.)

Шитов 1994 – Шитов В. Н. Мечи X–XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 44–49.

Шишкина 1975 – Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–78.

Шишкина 1979 – Шишкина Г. В. Глазуванная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.

Шишкина 1986 – Шишкина Г. В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.

Шнайдштейн 1989 – Шнайдштейн Е. В. Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области // СА. 1989. № 4. С. 69–72.

Щапова 2008 – Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 2008.

Щербак 1954 – Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА. 1954. № 19. С. 269–282.

Шутова 2001 – Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.

Эрдели 1972 – Эрдели И. Ф. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров / отв. ред. А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, И. Ф. Эрдели. М., 1972. С. 128–144.

Яворская 1997 – Яворская Л. В. Средневековые погребения у пос. Верхний Балыклей // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 148–160.

Якобсон 1979 – Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Яковлева 2006 – Яковлева Е. А. Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. Псков, 2006. С. 66–78.

Якубов 2011 – Якубов Ю. Таджикистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Том II. Стекло. Самарканд; Ташкент, 2011. С. 65–80.

Якубов 2012 – Якубов Ю. Таджикистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Том III. Торевтика. Самарканд; Ташкент, 2012. С. 123–161.

Ястребов 1893 – Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники. СПб., 1893. (МАР. №10.)

Afganistán... 2001 – Afganistan, una història millenària. Barcelona, 2001.

Afganistan und sein kunst 1968. – Afganistan und sein kunst / Text von Jeanine Auboger, fotografien von Dominique Partois. Prague, 1968.

Allan 1977 – Allan J. W. Silver: the Key to Bronze in Early Islamic Iran // Kunst des Orients. 1977. XI. P. 5–21.

Arbman 1940 – Arbman H. BIRKA I. Die Graber. Stockholm, 1940.

Art Bulletin 2006 – The Metropolitan Museum of Art Bulletin. New York, 2006. Vol. 64. N. 2.

Arts from the land of Timur 2012 – Arts from the land of Timur. London, 2012.

Aspelin 1877 – Aspelin J. R. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877.

Bahrami 1953 – Bahrami M. A gold medal in the Freer Gallery of Art // Archaeologica Orientalia. In memoriam Ernst Herzfeld. New York, 1953. P. 5–20.

Baer 1998 – Baer E. Islamic Ornament. Edinburgh, 1998.

Beyond the Palace Walls: Islamic Art from the State Hermitage Museum. An Exhibition Catalogue / ed. M. B. Piotrovsky and A. D. Pritula. Edinburgh, 2006.

Blair 2014 – Blair Sheila. Text and Image in Medieval Persian Art. Edinburgh, 2014.

Bonhams 2008 – Bonhams Islamic and Indian Art. London, 2008.

Brown, Kidd, Little 2000 – Brown K., Kidd D., Little Ch. T. From Atilla to Charlemagne: Arts of the Early Medieval Period in the Metropolitan Museum of Art. New York, 2000.

Bulliet 1972 – Bulliet R. The Patricians of Nishapur. Cambridge, MA, 1972.

Bulliet 1992 – Bulliet R. Pottery Styles and Social Status in Medieval Khurasan // Archaeology, Annales and Ethnohistory. Cambridge, 1992.

Caiger-Smith 1985 – Caiger-Smith A. Lustre Pottery. Technique, tradition and innovation in Islam and the Western World. London; Boston, 1985.

Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4º. Nr 11. Lund; Bonn, 1977.

Carboni 1997 – Carboni S. Following the stars: images of the zodiac in Islamic art. Exhibition catalog. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1997.

Carboni, Whitehouse 2002 – Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. Exhibition catalog. The Metropolitan Museum of Art. New York, 2002.

Christie's. 1994 – Islamic Sale, London, 26 April 1994.

Christie's. 2007 – Christie's Arts d'Orient. Paris, 2007.

Chalikova, Chalikov 1981 – Chalikova E. A., Chalikov A. H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.

Contadini 1995 – Contadini, Anna. Islamic Ivory Chess Pieces, Draughtsmen and Dice // Islamic Art in the Ashmolean Museum. Pt. 1. Oxford, 1995. (Oxford Studies in Islamic Art. Vol. X.)

Erdélyi 2008 – Erdélyi I. Scythia Hungarica – A honfoglalás előtti magyars ágrégészeti emlékei – Régészeti tanulmányok. Budapest, 2008.

Ettinghausen 1969 – Ettinghausen R. A Case of Traditionalism in Iranian Art // Forschungen zur Kunst Asiens. In Memoriam Kurt Erdmann. Istanbul, 1969. P. 88–110.

Ettinghausen, Grabar, Jenkins-Madina 2001 – Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M. Islamic Art and Architecture 650–1250. London; New Haven, 2001.

Fehervari 1976 – Fehervari G. Islamic Metalwork of the Eighth to the Fifteenth Century in the Keir Collection. London, 1976.

Fukai 1977 – Fukai S. Persian glass. New York, 1977.

Garam 1987 – Garam E. Pferdegräber des awarenzeitlichen Gräberfeldes in Tiszafüred // Alba Regia XXIII. Ol. 65–125.

Gardin 1957 – Gardin J.-Cl. Céramique de Bactres. Paris, 1957. (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. T. XV).

Ghouchani 1371 – Ghouchani A. Some unique vessels of the Islamic Period // Miras-i Farhang. Tehran, 1371 [1992]. Vol. 3. No. 5. P. 32–36 (На перс. яз.).

Ghouchani 1986 – Ghouchani A. Inscription on Nishapur Pottery. Tehran, 1986.

Giuzalian 1968 – Giuzalian L. T. The bronze qalamdan (pencase) 542/1148 from the Hermitage collection (1936–1965) // Ars orientalis. Ann Arbor, 1968. Vol. VII. P. 95–119.

Grube 1994 – Grube E. Cobalt and Lustre: The first centuries of Islamic Pottery // The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. IX. Oxford, 1994.

Hill, Grabar 1964 – Hill D., Grabar O. Islamic Architecture and its Decoration. London, 1964.

Ilyasov 2014 – Ilyasov J. Exotic Images: On a New Group of Glazed Pottery of the 10th and 11th Century // Journal of the David Collection. Copenhagen, 2014. Vol. 4. P. 50–87.

Ilyasova, Imamberdiyev 2005 – Ilyasova S., Imamberdiyev R. Eine Sammlung glasierter Keramik aus Taschkent // Tribus. Jahrbuch des Linden-Museums. Stuttgart, 2005. Nr. 54. S. 91–101.

Ivanov 1998 – Ivanov A. A. Central Asian Metalwork in the pre-Mongol Period // The art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires. London; New York, 1998. P. 168–174.

James 1977 – James D. Arab Painting. Bombay, 1977.

James 1980 – James D. An Early Mosul Metalworker: Some New Information // Oriental Art. Oxford, 1980. Vol. XXVI. No. 3. P. 318–321.

Jørgensen 1990 – Jørgensen L. Bækkegård and Glasergård. København. Two cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm. København, 1990. (Arkæologiske Studier. 1990. Vol. VIII.)

Karev 2005 – Karev Y. Qarakhanid Wall Paintings in the Citadel of Samarqand: First Report and Preliminary Observations // Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Leiden, 2005. Vol. 22. P. 45–84.

Keblow Bernsted 2003 – Keblow Bernsted A.-M. Early Islamic Pottery. Materials & Techniques. London, 2003.

Kings and pawns 2014 – Kings and pawns: Board Games from India to Spain. Doha, 2014.

Kröger 1995 – Kröger J. Nishapur, Glass of the Early Islamic Period. The Metropolitan Museum of Art catalogue. New York, 1995.

Kröger 1999 – Kröger J. Fustat or Nishapur. Questions about Fatimid Cut Glass // L'Égypte Fatimide, son art et son histoire. Paris, 1999. P. 220–232.

Kuhnel 1971 – Kuhnel E. Die Islamischen Elfenbeinskulpturen. Berlin, 1971.

Lamm 1928 – Lamm C. J. Das Glas von Samarra. Berlin, 1928.

Lamm 1929–1930 – Lamm C. J. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittdarbeiten aus Nahen Osten. B. I. Berlin, 1929; B. II, Abbildungen. Berlin, 1930.

Le Coq 1913 – Le Coq A. Chotcho. Kniglich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkestan. Berlin, 1913.

Maryksin, Kruglov 2013 – Maryksin D., Kruglov E. Oghusische Bestattungen in der Nähe der Siedlungen Karasu und am See Sor-Ajdyn in West-Kasachstan // Unbekanntes Kasachstan archaologie im Herzen Asiens. Band II. Bohum, 2013. S. 913–921.

Marschak 1986 – Marschak B. Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3–13 Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986.

Melikian-Chirvani 1982 – Melikian-Chirvani A. S. Islamic Metalwork from the Iranian World, the 8th – 18th centuries. Victoria and Albert Museum Catalogue. London, 1982.

Michaelson 1999 – Michaelson K. Golden dragon. Buried Treasures from China's Golden Ages. London, 1999.

Mouliercac 1999 – Mouliercac J. Céramiques du Monde Musulman. Institut du Monde Arabe. Paris, 1999.

Nicholson 1922 – Nicholson R. Translations of Eastern Poetry and Prose. Cambridge University Press, 1922.

Pancaroglu 2007 – Pancaroglu O. Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago, 2007.

Pancaroglu 2013 – Pancaroglu O. Feasts of Nishapur: Cultural Resonances of Tenth-Century Ceramic Production in Khurasan // In Harmony: The Norma Jean Calderwood Collection of Islamic Art. Cambridge, MA, 2013. P. 25–35.

Philon 1980 – Philon H. Early Islamic Ceramics: Ninth to Twelfth Centuries, Benaki Museum, Athens. Sotheby Parke Bernet, 1980.

Rice 1953 – Rice D. S. Studies in Islamic Metalwork II // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1953. Vol. XV. Pt. 2.

Rice 1958 – Rice D. S. Studies in Islamic Metalwork VI // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1958. Vol. XXI. Pt. 2.

Révész 1996 – Révész L. A Karosi honfoglalás kori temetők. Miskolc, 1996.

Rosen-Ayalon 1974 – Rosen-Ayalon M. La poterie islamique. Paris, 1974. (Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. Mission de Susiane. Ville Royale de Suse IV. T. 1.)

Schätze der Liao 2007 – Schätze der Liao. Chinas vergessene Nomadendynastie. Zürich, 2007.

Sotheby's. 2007 – Sotheby's Art of the Islamic World, London, 18 April 2007.

Sotheby's. 2008 – Sotheby's Arts of the Islamic World, London, 9 April 2008.

A Survey of Persian Art 1939 – A Survey of Persian Art / by A. U. Pope. Ph. Ackerman, T. Bestermann. London; New York, 1939.

Terres secrètes de Samarcande 1993 – Terres secrètes de Samarcande. Céramique du VIII au XIII siècle. Paris, 1993.

The Ancient Hungarians 1996 – The Ancient Hungarians: Exhibition Catalogue: Hungarian National Museum / ed. by I. Fodor. Budapest, 1996.

Venice 2007 – Venice and the Islamic World, 828–1797. New York; London, 2007.

Watson 1999 – Watson O. Fritware: Fatimid Egypt or Saljuq Iran? // L'Égypte Fatimide. Son art et son histoire. Paris, 1999. P. 299–310.

Watson 2004 – Watson O. Ceramics from Islamic Lands. London, 2004.

Whitehouse 2010 – Whitehouse D. Islamic Glass in the Corning Museum of Glass. Corning, 2010. Vol. 1.

Wien 1998 – Schätze der Kalifen. Islamische Kunst zur Fatimidenzeit. Wien, 1998.

Wilber 1955 – Wilber D. The Architecture of Islamic Iran. The Il-Khanid Period. New York, 1955.

Wilkinson 1969 – Wilkinson Ch. K. Christian Remains from Nishapur // Forschungen zur Kunst Asiens. In Memoriam Kurt Erdmann. Istanbul, 1969. P. 79–87.

Wilkinson 1973 – Wilkinson Ch. K. Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. New York, 1973.

Wilkinson 1986 – Wilkinson Ch. K. Nishapur: Some Early Islamic Buildings and Their Decoration. New York, 1986.

Wolfram 1985 – Wolfram H. Treasures on the Danube. Barbarian invaders and their roman inheritance. Wien; Köln; Graz, 1985.

Ци Дунфан 1999 – 齐东方. 唐代金银器研究 (Ци Дунфан. Исследование золотых и серебряных изделий танской эпохи. Пекин, 1999.)

ИСТОЧНИКИ:

Абу Дулаф 1939 Rohr-Sauer – Des Abû Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien / Neu übersetzt und untersucht von Alfred von Rohr-Sauer. Stuttgart, 1939. (Bonner orientalistische Studien. Heft 26.)

Абу Дулаф 1960 Булгаков, Халидов – Вторая записка Абу Дулафа / изд. текста, перев., введ. и коммент. П. Г. Булгакова, А. Б. Халидова; отв. редактор В. И. Беляев. М., 1960. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. Т. V.)

Ибн ал-Факих 1977 Цкитишвили – Ас-Савад и Табаристан по машхадской рукописи труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани / изд. араб. текста, перев. и примеч. О. В. Цкитишвили. Тбилиси, 1977.

Ибн ал-Факйх 1979 Жамкочян – Ибн ал-Факих. Ахбар ал-булдан (Известия о странах) / введ., перев. с араб., изд. текста и коммент. А. С. Жамкочяна; отв. ред. А. Н. Тер-Гевондян, М. О. Дарбинян. Ереван, 1979.

Ибн ал-Факйх 1996 Йусуф ал-Хади – Китаб ал-булдан / Та'лиф Аби 'Абдаллах Ахмад б. Мухаммад б. Исхак ал-Хамазани ма'руф би-Ибн ал-Факйх. Тахкик Йусуф ал-Хадй. Бейрут, 1416 х./1996 м.

Ибн Фадлән 1823 Frähn – С. М. Frähn. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit: Text und Übersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen; nebst drei Beilagen über sogenannte Russen-Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer, und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern. St. Petersburg: herausgegeben von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften; aus der Buchdruckerei der Akademie, 1823.

Ибн Фадлән 1832 Frähn – Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte / Der Text kritisch berichtigt, mit treuer Uebersetzung begleitet und den nöthigen Erläuterungen versehen von Ch. M. Frähn // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VIème série (sciences politique, histoire et philologie). T. I. St.-Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Imperiale des Sciences, 1832. S. 527–577.

Ибн Фадлән 1936 Гаркави, Кочин – Из «Записки» Ибн-Фадлана, Ахмеда [Эксерпты из: Мусульманские писатели о славянах и русах 1870 Гаркави. С. 85–86, 92–97, 101] // Памятники истории Киевского государства IX–XII вв.: сборник документов / подгот. к печати Г. Е. Кочиным; предисл. Б. Д. Грекова. Л., 1936. С. 37–40 (текст А. Я. Гаркави), 179–180 (коммент. Г. Е. Кочина).

Ибн Фадлән 1939 Ковалевский – Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / перев. [с араб.] и коммент. [А. П. Ковалевского] под ред. [и с предисл.] И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.

Ибн Фадлән 1939 Zeki Validi Togan – A. Zeki Validi Togan. Ibn Fadlän's Reisebericht. Leipzig, 1939. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXIV, 3.)

Ибн Фадлән 1956 Ковалевский – Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: ст., перев. и коммент. Харьков, 1956.

Ибн Фадлан 1959 ад-Даххан – Рисалат Ибн Фадлан / Хаккака-ха ва-'аллама 'алай-ха ва-каддама ли-ха Сами ад-Даххан. Димашк, 1379 х. / 1959 м.

Ибн Фадлән 1960 Ковалевский, Рогов – О Руссах на Волге (по Ибн-Фадлану) / [Материал подготовлен А. И. Роговым по изд. А. П. Ковалевского 1956 г.] // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века: уч. пос. для ун-тов / сост. Л. В. Милов, А. И. Рогов, акад. М. Н. Тихомиров; под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1960. С. 130–136.

Ибн Фадлан 1985 Lewicki – Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. III. Ibn Fadlän. Kitáb. Na podstawie Rękopisu meszchedzkiego / Opracowali A. Kmietowicz, Fr. Kmietowicz, T. Lewicki. Wrocław e. a., 1985.

Ибн Фадлан 2000 Montgomery – Montgomery J. E. Ibn Fadlan and the Rüsyyah // Journal of Arabic and Islamic Studies. Vol. 3 (2000). P. 1–25.

Ибн Фадлан 2003 Луайби – Рихлат Ибн Фадлан ила билад ат-турк ва-р-рус ва-с-сакалиба (921) / Харрара-ха ва-каддама ли-ха Шакир Лу'айби. Абу Даби, 2003.

Ибн Фадлән 2006 Гараева – Гараева Н. Ибн Фадлан // История татар с древнейших времен. Казань, 2006. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов. С. 714–745.

Ибн Фадлан 2012 Lunde, Stone — Ibn Fadlän and the Land of Darkness. Arab Travellers in the Far North / Translated with an Introduction by P. Lunde and C. Stone. London, 2012. (Penguin Classics.)

Известия венгерских миссионеров 1940 – Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / перев. С. А. Аннинского // Исторический архив. М.; Л. 1940. Т. III.

Йакут 1866–1873 Wüstenfeld – Jacut's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd. I–VI. Leipzig, 1866–1873.

Константин Багрянородный 1989 Литаврин, Новосельцев – Константин Багрянородный. Об управлении империей / перев. и примеч. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989.

Маджму фи-л-джуграфия 1987 – Collection of Geographical Works by Ibn al-Faqih, Ibn Fadlan, Abu Dulaf Al-Khazraji. Маджму фи-л-джуграфия туби'а би-т-таввир 'ан махтут ал-Мактаба ар-Ризавийа фи Машхад 5229, мимма аллафа-ху Ибн ал-Факих ва-Ибн Фадлан ва-Абу Дулаф ал-Хазраджи / Ed. by F. Sezgin et al. Frankfurt am Main; ал-Кахира, 1987.

МИТТ 1939 – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Я. Якубовского. М.; Л., 1939. (Труды Института востоковедения. Т. XXIX. Источники по истории народов СССР.)

Мусульманские писатели 1870 Гаркави – Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. X.) / собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. СПб., 1870.

Повесть временных лет 1950 Лихачев, Романов – Повесть временных лет. Часть I. Текст и перевод / подгот. текста Д. С. Лихачева, перев. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. М.; Л., 1950.

Худуд ал Алам 1930 Бартольд – Худуд ал Алам / рукопись Туманского, с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.

П90 **Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара =**
Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar : кат. выставки /
Гос. Эрмитаж. – М. : Изд. дом Марджани, 2016. – Парал. тит. л. англ. –
560 с. : ил.

ISBN 978-5-90371-593-0

Каталог подготовлен к выставке «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара», посвященной культурам народов, по землям которых в 921–922 гг. прошла миссия багдадского халифа ко двору царя Волжской Булгарии. Секретарь этой миссии Ахмад ибн Фадлан оставил бесценный источник по этнографии и истории современных ему народов от Средней Азии и до Средней Волги, а шире – всей лесной зоны Восточной Европы. «Книга» Ахмада ибн Фадлана, известная специалистам с XIX в., является хрестоматийным сочинением, откуда мы черпаем уникальные сведения для реконструкции истории части народов, населявших Восточную Европу в эпоху формирования Древнерусского государства. Настоящее издание открывается новым переводом этого выдающегося источника.

Выставка, включающая в себя более пятисот экспонатов, как отдельных предметов, так и целых комплексов, показывает мир эпохи Ибн Фадлана, причем не только тех народов, по территориям которых пролегал маршрут миссии, но и тех, которые входили в состав или находились под их влиянием. Выставка демонстрирует разные сферы жизни средневековых обществ, с которыми сталкивался Ибн Фадлан во время своего путешествия.

Среди экспонатов выставки большое количество памятников декоративно-прикладного и ювелирного искусства народов Восточной Европы, замечательные произведения керамистов и стеклодувов Ближнего и Среднего Востока эпохи. Большинство предметов экспонируется впервые.

Издание адресуется как специалистам, так и всем интересующимся историей и культурой средневековья.

УДК 94(470.4).02(083.824)»9»
ББК 63.3(2)412-991лб1я26

Научное издание

**ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА:
ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ ОТ БАГДАДА ДО БУЛГАРА**

Каталог выставки

Редактор Е. П. Чебучева
Обработка изображений: И. В. Бондарь

Формат 60 × 100 ¹/₈
Усл. печ. л. 77,7. Тираж 1000 экз.

Издательский дом Марджани
117997, г. Москва, ул. Вавилова, д. 69

Отпечатано в типографии ООО «Типография „НП-Принт“»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15